

Лауреат премии
Александра Солженицына
2008

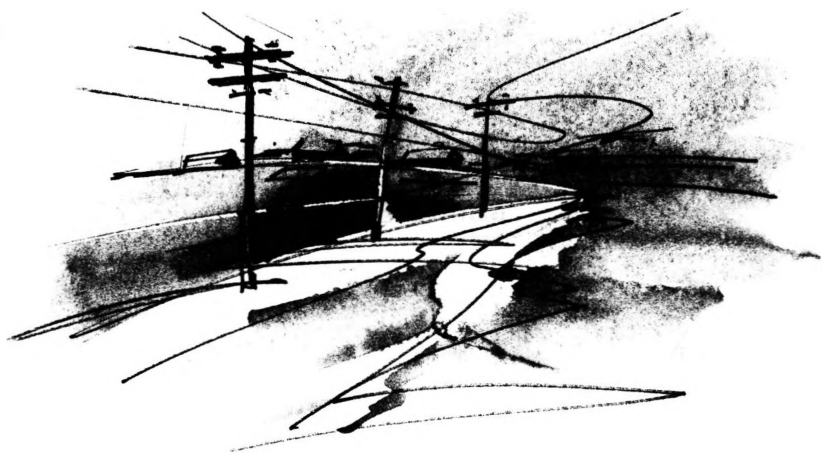

БОРИС ЕКИМОВ

**ПРОЩАНИЕ
С КОЛХОЗОМ**

БОРИС ЕКИМОВ

БОРИС ЕКИМОВ

**ПРОЩАНИЕ
С КОЛХОЗОМ**

ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

**МОСКВА
2010**

УДК 821.161.1-3

ББК 84Р7-5

Е45

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Оформление и макет

Валерий Калныньш

Екимов Б. П.

Е45 Прощание с колхозом: Очерки разных лет. — М.: Время,
2010. — 512 с.

ISBN 978-5-9691-0420-4 (общий)

ISBN 978-5-9691-0501-0 (т. 2)

ISBN 978-5-9691-0501-0

9 785969 105010

© Борис Екимов, 2010

© Валерий Калныньш, оформление, 2010

ISBN 978-5-9691-0501-0

© «Время», 2010

**ПРОЩАНИЕ
С КОЛХОЗОМ**

ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ДЕЛА «КОЛОСКОВЫЕ»

В нынешнее время, когда в России много президентов, парламентов, премьеров да вице-премьеров, но мало порядка, людям хочется определенности, чтобы твердо знать: что будет завтра и что послезавтра, какие налоги платить, кого слушать, а чьи слова мимо ушей пропускать. Говорят-то много... А для жизни нужен порядок. Нужна власть, в семье ли, на хуторе да в селе, в городе, в государстве. Шолоховский герой Григорий Мелехов говорил: «Свободы нам много не надо, иначе на улице друг друга резать начнем». Нужна власть, нужен твердый хозяин. И в тоске по какой-то определенности, по порядку вырывается порой у людей: «Сталина бы вернуть... Он бы — враз...»

Сталина... А может, Жириновского, который вроде бы строг на словах и, может, навел бы порядок?

Порядки бывают всякие. Об одном из таких попробую я рассказать, приглашая в годы прошлые.

Думаю, что многие из людей немолодых слышали о «колосковом» указе и его воплощении в жизнь. Кое-что в печати появлялось. Больше рассказывали старики. Архивы тех лет начинают раскрываться лишь теперь. Но много ли охочих копаться в тех горьких страницах! Да и архивы наши областные, волгоградские, не больно пока приспособлены для работы.

Начиная работу, прежде всего нашел я текст Постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 7 августа 1932 года, подписанный М. Калининым, В. Молотовым и А. Енукидзе.

Во вступительной части постановления сказано: «За последнее время участились жалобы рабочих и колхозников на хищение (воровство) грузов на железных дорогах и водном транспорте и хищение (воровство) кооперативного и колхозного имущества со стороны хулиганствующих и вообще противообщественных элементов...»

ЦИК и СНК Союза считают, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа...»

И потом:

«2. Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества.

3. Не применять амнистии к преступникам, осужденным по делам о хищении колхозного и кооперативного имущества».

Как всегда, в ту давнюю (да и в теперешнюю) пору на всякий «чих» сверху во всех газетах начали поддерживать и одобрять новое постановление.

В сельской газете Нижне-Волжского края «Советская деревня» тотчас появилось поддерживающее:

«Колхозники-буденновцы требуют от пролетарского суда применения к ворам общественной собственности — расстрела!» И десятки подписей.

В том же номере — разъяснение председателя Верховного суда Винокурова: «Закон 7 августа... имеет колоссальное значение в деле социалистического строительства... По закону 7 августа пострадают лишь воры, тунеядцы...»

Говоря о неготовности местных архивов к работе в них, имел я в виду еще и то, что человеку стороннему очень трудно понять и сориентироваться: где искать? Семь ли, шесть этажей огромного здания битком бумагами набиты. Да и только ли здесь...

Бывший партийный архив. Архивы бывшего КГБ, МВД, прокуратуры. А начинаешь шарить — словно впотьмах: пухлый справочник, перечисление описей, фондов, но что в них?

Сначала я стал выписывать дела из фондов колхозных, потом искал в бумагах районных сельхозуправлений, в районных и областных прокуратурах. Приносили мне за папкою папку, перебирал и читал я выцветшие ветхие листы бумаги, но нужных мне судебных людских, по которым ударил «колосковый указ», не находил. Одни лишь упоминания и отголоски.

Щедрее оказались фонды районных судов, хотя в архиве, где я работал, от них остались больше воспоминания.

По описям они значатся: годы 1933, 1934-й. А дел — немного. Страница за страницей повторяется: «Выбыло»... «Выбыло»... «Выбыло»... Но кое-что все же осталось. Об этом и рассказ, документальный, с короткими комментариями и кое-какими добавками людских воспоминаний, которые записывал я прежде и ныне.

«...ВРАГИ НАРОДА»

Из уголовных дел лиц, осужденных по указу от 7 августа 1932 года.

Страхова Евдокия Леонтьевна, 26 лет, семейная, двое детей.

Зябнева Прасковья Сергеевна, неграмотная, колхозница, трое детей.

«В Березовский РУМ. Муравлевский с/совет при сем прилагает 2 акта на пойманную кулачку Страхову и колхозницу Зябневу с резанными колосьями одновременно прилагает нарезанные колосья и личность кулачки Страховой».

С Зябневой разговор был короткий: «Рвала колосья. Говорила захотела зерна. Нарвала 2 кг». Приговор 2 года лишения свободы.

Со Страховой несколько длиннее.

«Докладная. Довожу до сведения мы сегодня отобрали у кулачки Страховой Евдокии колос житы... Член сельсовета. 6. VII. 33».

Акт: «Страхова Евдокия нарезала колоса 1—2 кг».

Постановление: «...нарезала оржаных колхозных колосков, принадлежащих колхозу “Путь к социализму”...»

Показания свидетеля: «Кулачка Страхова несла колос в запоне».

Постановление: «6 июня 1933 года кулачка Страхова занялась полным вредительством социалистической колхозной собственности. Нарезала 1 кг колосков ржаных...»

Показания Страховой: «...в предъявленном мне обвинении виновной себя признаю. Живу на точке № 2... Шла из Малодельской станицы и рвала над дорогой колос. Сорвала 20—30 колосков, которые отобрал объездчик».

Приговор: 10 лет лишения свободы.

Храпов Иван Иванович, хутор Секачи, 18 лет, в семье 3 души, из колхоза исключен.

Из акта:

«...при обыске обнаружено спрятанной пшеницы в сундуке килограмм 4—5 и в печке в чугуна ржаная кутья, пшеница в чугуна в борще...»

В пятницу по подтверждению С...ва пшеницу все дни варили кутьей и жарили на сковороде...»

Из показаний свидетелей:

«...в чашке жареной пшеницы было с килограмм и борщ был с пшеницей...»

«...Хорошо знаю Храпова... у которого отца забрала ОГПУ в 1930 году.

Мать его осудили на 7 лет за незасыпку семян, брат его осужден на пять лет за незасыпку семян... отец Храпова до 29 года имел 2-х верблюдов, 2-х волов, 2 коровы...»

Приговор: 10 лет лишения свободы.

Уголовное дело Петрухина В. М., Моргуновой А. К., Бударинной И. И. (Дубовский район).

«...По делу хищения колосков с колхоза “Красная бердня”... задержал на поле с колосьями Петрухина, Моргунову, Бударину».

Показания свидетеля: «По делу кражи колосьев в колхозе «Красная Бердня» поясняю... была в понятых при обыске у Петрухина. При обыске у него в доме нашли срезанных колосьев около 2-х кг молотой ржи и 2 кг еще в 2-х чугунах. А всего обнаружено ржи 5 кил.

У гражданки Бударинной И. П. обнаружено колосьев полон решето и ржи сваренной на кашу. Всего 2 кил.

У гражданки Моргуновой обнаружено решето колосков. Тоже 2 кил».

Из протокола допроса Моргуновой, беднячки, двое детей: 2 года, 5 лет.

«Виновной не признаю в краже ржи, потому что я же не знала, что нельзя. Но нам никто не говорил, что нельзя брать колосья».

Из протокола допроса Бударинной:

42 года, детей 5 человек, от 8 лет:

«Виновной в краже колосьев с поля... признаю себя. Не знаю сколько. Не более трех килограмм. На кражу нас сманул Петрухин».

(Не думаю, чтобы Бударина самостоятельно придумала: «сманул Петрухин». Видимо, «подсказали»: пожалей, мол, детей, тебе будет снисхождение. — Б. Е.)

Из протокола допроса Петрухина В. М., 50 лет, семья 5 человек.

«Виновным себя признаю в том, что я произвел хищение колосьев... Кражу эту я совершил из недостатка пищи...»

Из обвинительного заключения:

«...по сговору между собой производили кражи колосьев с колхозного поля. Главным зачинщиком к подстрекательству при краже является Петрухин. Последний даже открыто производил призыв на кражу граждан Бударину и Моргунову».

Приговор: Петрухину — 10 лет, Будариной и Моргуновой по 2 года, но их, «т. к. беднячки, малограмотные, социально не опасные, приговор не приводить в исполнение».

Моргуновой и Будариной повезло, власти с их помощью нашли зачинщика, который «открыто производил призыв». За 5 кг ржаных колосьев отец четверых детей получил 10 лет. «Из недостатка пищи», — оправдывался он. Таких оправданий не принимали.

Большинство из ныне живущих не очень хорошо представляют себе, какими были в России годы 1932-й да 1933-й, о которых речь. Кое-кто слышал о голоде. Цифры умерших от голода приводятся разные, но одинаково страшные — от одного до пяти миллионов.

1932 год, 1933-й — время будто неблизкое. Но в ту весеннюю пору, когда работал я в Волгоградском архиве, приезжал в Калач, разговаривал с людьми, убедился, что о нем помнят.

Далеко ходить не пришлось. Напротив нашего дома Гордеевна живет, с хутора Фомин Колодец, в соседях — Георгий Яковлевич с Верхней Бузиновки, Глазуновы с Ерика Клетского, чуть подальше — Силичевы с Евсеевского. То давнее время для них и теперь незажившая боль.

Вспоминает Анна Гордеевна Зеленкина:

«У нас в “Красном скотоводе” в те годы хлеба давали по карточкам 500 граммов на работника, 150 — на иждивенца. Жили лишь огородами. А по весне спасались козелком, щавелем. Набирали мешками и пышки пекли, а хлебного хочется. Осенью да зимой, под снегом, потаясь, собирали на полях колос. Толкли зерно в ступе. Делали кулагу: запаривали сухие груши, яблоки, добавляли толченого зерна. Но за колоски сажали, давали по десять лет.

Помню, весной работала в бригаде помощницей повара. Варили лишь щи с пшеном. А в этом супчике — одна вода. Как говорится, пшенина за пшениной гоняется с дубиной. Но и этому рады.

Помню тетку Дуню. У нее мужа забрали, остались две малые дочки. Они в бригаде с ней жили, спали на нарах в вагончике. А суп положен лишь тетке Дуне. Конечно, наливали побольше. Сядут. Дочки хлебают, а мать глядит на них, приговаривает: «Ешьте, мои деточки, ешьте... — Потом заплачет: — Уж померли бы вы скорей...» Они пухли от голода. Многие тогда пухли».

Вспоминает Иосиф Ефремович Силичев, с хутора Евсеев:

«Отца посадили... За дом. У нас дом был большой. Остались мы с матерью шестеро: мне — 6 лет, Куле — 5 лет, Никите — 9, Сергею — 14, а Степа с Иваном — уже маленькие. Голод... Особенно весной, к лету, когда все подьем: картошку да тыкву. Лист карагача пойдет пареный, лебеда, желуди... Спасибо коровке. Мама в кармане зернца принесет, в печи запарит. А потом ее захватили и повезли в суд, в Калач, а мы ревели и за нею до самого Калача бежали (более 30 километров. — Б. Е.). Возле суда жил Аникей Борисович Травянов, он не помню, кем был, но при власти. Он увидал, как мы все ревом: Куля да я, Никита с Сережей, Степа. Он к судье пошел и заступился: “Чего, мол, она такого наделала. Две горсти ржи... Вы уже ее простите”.

Его послушали, присудили нам штраф. Потом мы его платили».

Вернемся к делам архивным.

Дело Байгушевой Степаниды Петровны и Долгачевой Надежды Васильевны, хутор Перелазовский, Березовский нарсуд.

«...У Байгушевой обнаружено: пшеница смешанная с рожью 38 кг, было спрятано в матрац. У Долгачевой — пшеницы 9 кг 500 г, крупа 4 кг, пшеница с примесью 57 кг. Трудодней имела 104, на них получила 9 кг озимки».

На 104 трудодня выдали лишь 9 кг пшеницы!

Из протоколов:

«Комиссия считает, что хлеб краденый».

«Я заглянул на полку, где лежали пышки из дранки». «Хлеб из колхоза не получали, ясно хлеб краденый». «Колхозникам пшеницы не давали, значит, краденая».

И вывод: «фактом изъятия у них хлеба вполне изобличаются».

Напрасны оправдания и просьбы:

«Хлеб у меня купленный, на это есть свидетели... У меня малолетние дети — четверо — старшему 10 лет. Прошу, пустите меня... Я купила во Фролове, за 2 пуда заплатила 60 рублей. С поля хлеб я не крала...»

«Моя вина... это боязнь голодовки, глупость моя женская. Прошу уменьшить наказание, я признаюсь и раскаиваюсь, кражей не занималась... Прошу дать возможность быть не в разлуке с единственным сыном... пришлось так много пережить горя и слез...»

Приговор: 10 лет с конфискацией.

«Кража была произведена, — признается Федор Егорович Абалмасов из села Ягодное Ольховского района. — Но я был вынужден это сделать — с целью пропитания моей семьи — 7 человек. Я думал, что придется мне голодать, хлеба не хватит. Имея 212 трудодней, мне колхоз хлеба на эти трудодни не выдавал. Всего за 1932 год я получил 85 кило». (На 7 едоков, напомним я.)

Жена Абалмасова просит: «Остаюсь с пятью детишками, из которых старшему 15 лет».

Приговор: 10 лет с конфискацией имущества.

Нелишне прочесть опись имущества колхозника Абалмасова:

«Дом — 1. Одеялок детских — 3 шт. Кровать — 1. Полотенце — 1.

Перина — 1. Рубаха мужс. — 1.

Дерюшка — 1. Ватола шерст. — 1.

Подушек — 3.

Тыквы — 20 шт.»

Невеликий, скажем, нажиток. Не больно разбогатело государство от конфискации одной рубахи мужской и двадцати тыкв. Эти тыквы да свекла, картофель, капуста — были основной пищей в наших краях. Но такой еды не хватало. Спасались кто чем мог.

Из рецептов голодных лет нашего края: дубовые желуди чистятся и заливаются водой, которую меняют время от времени в течение трех-четырех суток, пока не уйдет горечь и желуди не посветлеют. Потом желуди сушатся в печи, толкутся в ступе. Просеивают, и желудевая мука готова. Из нее пекли лепешки, по-донскому «джуреки». На вид — черные. Сухие. Глотать их было трудно. Особенно с непривычки.

Вспоминает Федора Федоровна Бирюкова, хутор Евсеев:

«Плохо жили... Папа принес зернеца. Я как сейчас помню, плащ у него был брезентовый, он в кармане приносил зерно. Его на мельничке крутили... А я у окна стояла, чтобы кто не увидел. Потом папу все же посадили, кто-то доказал. Дали десять лет. Судили на хуторе, в клубе. И мы втроем глядели, как нашего папу судили: мне — 6 лет, я — старшая, Ивану — 4 года, Фетису — 2 года. Дали 10 лет, увезли. Там их в тюрьме вши поели, и они перемерли. А мы остались... Летом мама в бригаде, в июле их и домой не пускали. А мы в “площадке”. В бригаде хлебный паек давали, а мама его нам приносила. Она на заре прибежит, стучится, а я ее жду, я знала: мама придет, хлебушка принесет. Она постучит, ей открою, она кусочек разделит меж нами: Фетису, Ивану и мне. Я его долго сосу...»

«ДЛЯ СПАСЕНИЯ МАЛЫХ ДЕТЕЙ»...

Был такой лозунг, широко известный: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Не только товарищу Сталину. Но и всем другим: кто помогал, кто судил, кто доносил и прочее...

Акт:

«24/VII-33 в 2 часа дня во время обхода полей “Путь агронома” на озимой пшенице были задержаны дети в количестве трех человек. Двое из них принадлежат гражданке Шестопаловой... Установлено, что эти дети настригли колосков озимой пшеницы в количестве 5 кг в двух сумках.

Управляющий — ...

Свидетель — шофер».

«В политотдел и уполномоченному РОМ при сем препровождается гр-ка Шестопалова Пелагея Семеновна... для привлечения к ответственности, а также направляется две сумки с колосьями.

Управляющий»

Из протоколов допроса.

«Свидетель К. , 28 лет, грамотный, женат, семьи 2 души, батрак, по профессии шофер:

По делу показываю... проезжая массив пшеницы, были обнаружены и задержаны дети в количестве трех человек от 6 до 9 лет, у коих было обнаружено в сумке чистые колосья пшеницы весом 5 кг... пшеница, очевидно, была нарвана руками. Родители задержанных свободно могли знать о том, куда их дети собирались идти. Боле добавить не могу, в чем и расписуюсь».

Свидетель Н., 26 лет, грамотный, женат, семьи 3 души, кандидат ВКП(б) билет №: ...

«...дети возраста от 6 до 9 лет были задержаны с колосьями зерна... которые безусловно были настроены своими родителями. Самостоятельно дети такого возраста как 6 лет за 6 км не могли уйти. Очевидно были информированы. Кто они по соцположению, то я таковых не знаю. В чем и расписуюсь».

Обвиняемая Шестопалова П. С., 32 лет, вдовая, на иждивении 3 ребенка от 5 до 9 лет, по соцположению раскулаченная в 1930, имущества нет — изъято:

«Не признаю себя виновной в посылке своих детей с целью стрижки колосьев. Они пошли купаться, а потом пошли рвать колоски. Я не знала. Они ушли самовольно».

Из обвинительного заключения:

«...Организовала своих родных детей возрастом от 6 до 9 лет... с целью хищения колосьев в количестве 5 кг... чем самым совершила преступление, кое предусмотрено постановлением Правительства ЦИК СНК от 7/VI—33 года».

Приговор именов Российской Социалистической Республики:

«Обвиняемая послала своих детей на совхозное поле производить обмолот и дети выполнили приказание и намолотили по 5 кг, каковые были задержаны на месте преступления» (а в показаниях было: 5 кг — на всех. Теперь же “по 5”).

Приговорить Шестопалову П. С. к лишению свободы сроком на 10 лет.

Определение суда:

«Обвиняемая Шестопалова осуждена на 10 лет и после ее осталось трое детей малолетних, ввиду того что они остались беспризорные... послать в комиссию несовершеннолетних для определения таковых.

Нарсудья.

Нарзаседатели».

Из кассационной жалобы:

«...Я своих детей на поля не посылала а ходили в сад за яблоками. Но какими путями они попали, это прямо они по своей глупости, дети совершенно малолетние. От детей своих не отказываюсь... Суд указывает, что дети набрали по 5 кг каждый. Я в корне то опровергаю что дети одному 4 года, второму 6 лет и 3-му 9 лет этого никогда не наберут...

Если уж судили бы меня за то, что я жена кулака... Мужа осудили на три года, где и погиб... Я с малыми детьми осталась. Меня выселили на кулацкую точку, где я перезимовала и от голоду я с точки ушла, договорилась с комендантом... для спасения малых детей ушла на свой хутор, где занималась огородом. Я несудима. К Советской власти я была лояльна... прошу крайсуда снизить меру наказания дать воспитать мне детей, которые остались без призрения».

Определение Кассационной Коллегии в составе председательствующего... и членов... :

«Приговор нарсуда остается в силе (десять лет. — Б. Е.). Кассационную жалобу оставить без последствий.

Председатель УКК.

Члены:...»

Из рецептов голодных лет нашего края: колючка, «пере-кати-поле». Ее заготавливают, когда она высохнет, отломившись от корня. Ломают, а потом толкут в ступе. Просеивают через сито. В муку из колючки нужно добавлять немного хлебной муки. Чаще это был ячмень, который жарили, толкли в ступе. Если хлебной муки нет, то «муку» из колючки лучше запаривать в печи.

Козелок. Длинный белый корень с узким листом. Корень выкапывают, промывают, сушат. Можно готовить сразу, запаривая в чугунае, в печи. Можно толочь в ступе, просеивать и печь лепешки, «тошнотики».

Еще одно «детское» дело. И если у Шестопаловой трое детей, то у Бреховой — семеро.

Начинается «дело», как всегда, с доноса: «1932 года сентября 22-го дня в Кувшиновский с/совет пришла гражданка Г-ва и заявила о том, что не помню какого числа в августе месяце... я шла в поле и видела, что 2 девочки Бреховой Марии Лукиничны пошли от колхозного гумна и понесли в сумке с ведром какого-то зерна...»

Обратите внимание, «видела» в августе, а заявила 22 сентября, месяц ли, более спустя. Поругались, наверное, вот и «вспомнила».

Но «заявление» есть, и дело пошло.

Выписки из документов:

«Дети Бреховой занимаются растаскиванием колхозного хлеба с колхозных гумен».

«Я... увидел у колхозного гумна 2-х девочек Бреховой, у которых была ватола и ведро... произвели обыск у Бреховой и обнаружили 7 кг ячменя, пшеничной муки 4 кг».

А семья у Бреховой — 10 человек, добавлю я. Мужа уже нет. Запасов обнаруженных — 11 кг.

Из показаний Бреховой:

«Признаю себя виновной, что я разрешила своим детям молотить колхозный хлеб... Они немного собрали всего ведра 2 ячменя...»

Из обвинительного заключения:

«Гр-ка Брехова заставляла своих малых детей молотить хлеб на колхозном массиве...»

Приговор: 5 лет трудового лагеря с конфискацией всего имущества.

Брехова пишет кассационную жалобу:

«Не имея никаких возможностей к существованию дети вынуждены были собирать на свезенных уже полях колхоза колосья...

Принимая во внимание кучу несовершеннолетних детей ни в чем не виновных... прошу крайсуд ... освободить меня из-под стражи...»

Святая наивность: куча детей... освободить прошу.

Крайсуд разобрался и постановил: «избранная судом мера социальной защиты по своей мягкости не соответствует содеянному... За мягкостью — отменить».

Новый суд приговорил Брехову к 10 годам лишения свободы.

Больше кассаций Брехова не подавала. Сведений о ее семи несовершеннолетних детях, оставшихся без отца и матери, нет.

Снова о детях. 11 мая 1933 года.

Пахомова Ольга Степановна, 26 лет, беднячка, неграмотная, трое детей: двух лет, трех и четырех лет.

«Обвиняется в краже 18 кг разных продуктов, пшеница 5 кг».

Из обвинительного заключения:

«Вследствием установлен, что период уборочное компании вколькозе красном протизане шла упорная горячие уборка урожая 1932 год... занималась хищением... разных культур».

Приговор: лишение свободы на 10 лет, и тут же «добрые» судьи добавляют: «принимая во внимание, что Пахомова беднячка и 3-ое малолетних детей просит крайсуд смягчить меру до 2-х лет».

Просить-то попросили, но «дело» не отправили. Пахомову же увезли в лагерь, ст. Урульга, Забайкальской ж. д. , п/я 1.

И лишь в октябре 1934 года крайсуд запрашивает: «Где осужденная? Ходатайство о смягчении до 2-х лет утверждено». А где она? И где ее трое детей: двух, трех и четырех лет? В деле об этом — молчок.

О судьбах несчастных детей, чьи родители раскулачены, сосланы, словом, погублены, много ли известно?

«На призидиум райисполкома от Пантелеевой Клавдии Степановны, проживающей трудовой поселок х. Венчаковский Добринский р-н

Заявление.

Настоящим прошу призидиум РИК разобрать мое заявление. Я Пантелеева К. С., девочка еще юных лет, мне 12 лет, и еще две сестры 10 и 8 лет остались мы кругом сироты. Отец наш, житель х. Петровского, сослан на трудовой поселок, умер в июне месяце 1935 года.

Мать у нас умерла в начале 1935 года. У нас в х. Петровском есть дом изъят с/советом. Мы в данное время совсем погибаем, продуктов не имеем, дают нам в день 400 г на одну душу на троих 1 литра сипарированого молока... Мы совсем раздеты-разуты, в школу не стала ходить, не в чем... Просьба отправить в детдом или возвернуть изъятое у нас имущество, мы малолетние, просим учесть наш возраст. Мы лишены человеческой жизни, о которой партия и правительство имеет много заботы... Нас съедает вошь, и мы бродим по своим знакомым, где кой-как питаемся.

Мы хотим жить, учиться питаться, чтоб быть такими же строителями социализма. Мы не виноваты, что наши родители замешаны в прошлом.

Подпись: Понтелеева.

6 ноября 1936 год».

Из рецептов голодных лет.

Корни «чакана» — рогоза. Их выкапывают, промывают, сушат. Расщепляют и трут руками. Из них сыплется «мука», которую просеивают. Пекут лепешки.

Куколь. Семена сорной травы «чернухи». Они обмолачиваются вместе с пшеницей ли, ячменем. Потом отсортировываются. «Хлеб сдавали государству, — вспоминают старые люди. — Куколь выдавали на трудодни». Куколь толкли в ступе, пекли из него лепешки.

А ЕСЛИ ЭТО ЛЮБОВЬ?

Так назывался фильм, теперь уже давнишний. «А если это любовь? — думалось мне, когда закрыл я дело Донской. — Если любовь неразделенная и потому — мечь...»

Чем еще объяснить, когда 18-летний парень пишет донос на свою сверстницу, с которой вместе вырос в хуторе Полунине Дубовского района?

«От секретаря комсомольской ячейки ВЛКСМ К... ва П. Н. Заявление.

...Прошу произвести обыск у Донсковой Грифине Вас, так как я за ней замечал, что она каждый вечер таскает кукурузу с колхозного поля...»

Акт.

«Согласно заявлению произведен обыск похищенного хлеба из колхозного массива у гражданки Донсковой Агрифены Васильевны... Кукуруза была в качанах.

...Набрато 5 мешков».

Показания Донсковой: «Виновной себя не признаю... обнаруженная у меня кукуруза своего посева с огорода... то правда, я как ходила на работу... брала с поля 2—4 кочанов... О том, что у меня кукурузы своей посев, знает соседка».

«Показания соседки: Т.: Во время лета видела, что у ней на задах двора были стебли кукурузы...»

Из характеристики, выданной сельским советом:

«...При ней двое детей 6 и 10 лет. Мать умерла...»

Приговор суда: пять лет лишения свободы.

Из кассационной жалобы Донсковой А. В. в Нижне-Волжский крайсуд:

«...Виновной себя не признаю... есть лишь показания К...ва... у меня во дворе росла своя кукуруза... двое малолетних, брат и сестра, 6 и 10 лет, остались безнадзорными. Прошу...»

«Краевой суд в составе... от 5 ноября 1937 года постановил: ...Приговор подлежит отмене... является крайне мягким несоответствует содеянному».

12 декабря проводится новый выездной суд в хуторе Полунино.

«...Растаскивала социалистическую собственность... приговорить к лишению свободы сроком на 10 лет с конфискацией имущества».

Где он проходил, этот выездной суд? Видимо, в хуторском клубе или конторе. Были там малолетние брат и сестра несчастной Аграфены и ее 18-летний погубитель? Наверное.

ПОТОМУ ЧТО НЕЧЕГО БЫЛО КУШАТЬ?

Это дело трагическое еще и потому, что матушку свою защитила 18-летняя дочь. «Жертвуя собой», — как говорилось позднее в боевых сводках.

Годы — те же. Хутор Солоновский.

Пономарева Матрена Федоровна — 52 лет. Пономарева Пелагея Федоровна, дочь ее. 18 лет.

Как всегда, по чьему-то заявлению у Пономаревых делают обыск и находят 9 кг пшеницы.

Из протоколов:

Пономарева-мать: «Найденную пшеницу принесла моя дочь. Откуда она взяла, я не знаю».

Пономарева-дочь: «Я работала в колхозе в качестве перевозчицы семян. 11 мая я получила зерно и повезла в поле и когда я ехала, то в то время скрала с возу пшеницу в количестве 9 кг, которую у нас обнаружили. Хищение хлеба я сделала лишь потому, что не было чего кушать. Я получала каждый день 600 грамм».

Приговор: лишить свободы на 5 лет.

Папка уголовного дела закрыта. Остается лишь домысливать горькое: видимо, когда нашли пшеницу и стало понятно, что суда не избежать, решили в семье, что вину на себя возьмет младшая. Во-первых, на матери весь дом, остальная семья, а во-вторых, должен суд сделать снисхождение к 18-летней девчонке. Это они рассуждали, по-человечески. По-иному думал «добрый дедушка Калинин», Михаил Иванович, и те, кто выше него, и те, кто ниже, но с властью в руках: «Учитывая важность совершенных действий как социально опасные... совершала кражу колосьев аржаных урожая 1933 года в количестве 2 кил... Тем самым совершала уголовное преступление...»

А что до Пономаревых, матери и дочери, то неизвестно, кому было тяжелее. Судьба 18-летней девушки в солженицынских строках из «Архипелага ГУЛАГ». Доля матери: горевать и плакать, горевать и плакать и винить себя.

Лето... Осень 1932 года. Уборочная страда. «Отсталая часть колхозниц таскает зерно в приспособленных для этого карманах... краденное зерно размалывается на

специальных жерновах...» (из газеты «Советская деревня»).

«Случаи хищения колхозного хлеба приняли массовый характер. Идет срезывание колосьев, обминание снопов» («Советская деревня»).

Причина одна: голод. Тот, что нынче. И самый страшный, который впереди — зимой, весной.

Люди видели, что их обрекают на смерть. Арифметика простая.

Ф. Е. Абалмасов. 217 трудодней. «Хлеба колхоз не выдал. Семьи — 7 человек».

Вдова колхозница Маслова (к-з «Вторая пятилетка») работала весь год, не пропуская ни одного дня. Ей пришлось получить 10 кг зерна.

Лозунг один: «Весь хлеб — государству». «На призыв вождя... в августе вместо 27 тысяч центнеров сдать 35 тысяч!» (колхоз «Искра» Урюпинского района).

«Опportunисты... поднимают вой о мнимой угрозе остаться без семян и без колхозных фондов. Это паникерство...»

«Мероприятия по авансированию колхозников, сочиненные Урюпинским райкомом, следует задержать» (это все из «Советской деревни»).

«В Нижнем Чире забыли интересы государства... Много хлеба ушло на местное снабжение, созданы социальные фонды, запасы... Надо ударить со всей большевистской силой!» («Советская деревня»).

«В Новоаннинском районе дошло до того, что некоторые коммунисты говорят о том, что краевой план выполнить нельзя, что он приведет к катастрофе... Пришлось ударить со всей беспощадностью! Сейчас по всему району идет учет излишне осевшего хлеба. Этот хлеб будет немедленно сдан государству» («Советская деревня»).

Катастрофа уже началась, а вернее — продолжалась: государство выгробало из колхозов все зерно подчистую, люди спасались, как могли.

«По Новоаннинскому району зарегистрировано 39 случаев кражи хлеба с колхозных полей. В Ярыженском сельсовете... Лыгина, Махонин, Алешин, Шамиева, Ростокин... устроили ток для молотбы в одном из оврагов...»

«Сплошь и рядом стоят кулацкие тенденции противопоставить интересы колхоза интересам государства, нажать хлеб, обеспечить сперва себя... Другой формой разбазаривания, хлеба является общественное питание... Необходимо решительно провести борьбу...» («Поволжская правда»).

«Продолжается разбазаривание хлеба на общественное питание, выдачу хлеба за работу... имеются случаи скопления хлеба в амбарах колхозов под видом создания различных фондов...»

С теми руководителями районов, колхозов, МТС, которые пытались хоть как-то спасти людей, выдать им хлеб, оставить на семена, разговор был коротким: исключить из партии, снять с работы, дело передать в органы.

В местных газетах лета и осени 1932 года целые списки таких руководителей. В Клетском районе, например, были сняты все районные руководители.

Сила солому ломит. Появились «победные» рапорты:

«Зерносовхозы выполнили план! 7 млн 500 тысяч пудов!» «Скотоводтрест выполнил план!»

А люди спасались, как могли. «В ночь на 13 августа задержаны воры, расхищавшие хлеб из скирд коммуны им. Сталина... Все четверо приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Ввиду происхождения из трудящейся среды суд нашел возможность заменить на сроки — 10 лет».

«Нарсудом рассмотрено дело... Петровой А. М., расхищавшей пшеницу (срезала колосья). Петрова приговорена к расстрелу. Приняв во внимание ее несудимость, расстрел заменен лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией».

«Кулак Кох приговорен к расстрелу». (Из местных газет 1932 года).

Я СВАРИЛА КУТЬЮ...

В голодные годы особенно тяжело становится весной, когда кончается припасенное: картофель, тыква, свекла — все, чем кормились долгой зимой. А новая зелень: лебеда, крапива, лист карагача и прочая еда — еще не появилась.

Апрель месяц. Весенний сев. Как удержаться голодному человеку, когда рядом зерно. Старые механизаторы расска-

зывают, что у каждого был небольшой мешочек, в который насыпали пшеницу и опускали в горловину радиатора трактора, где горячая вода. Там пшеница запаривалась. Можно есть. На всех тракторах, при ремонте, система охлаждения была забита зерном.

Конечно, ловили. Сажали. Но голод делал свое.

7 апреля 1933 года. Уголовное дело Попова Н. Ф., 23 лет, и его жены Поповой Т. М., 19 лет, из колхоза «Американский рабочий».

Выписки из протокола № 25: «О расхищении семенной пшеницы при переброске из Себряковой Поповым Никитой совместно со своей женой...»

Из протокола обыска: «Произвел обыск на предмет краденого хлеба, где было обнаружено пшеница, столченная в пиче, приблизительно 2 кг, и еще сварена в чугуна».

Из показаний свидетеля: «Обнаружено зерно 2 кг, толченное в ступе и сушилось в пече и кроме было в чугуна вареная, которое мы не взяли».

Из показаний Поповой: «Мой муж взял в своем возу пшеницы, примерно фунт из которой я, Попова Татьяна, сварила кутью».

Из показаний Попова: «Когда мы заехали ночевать на хутор Московский то мы немного сварили пшеницы, так как у нас не было кушать».

Приговор: по 10 лет каждому — мужу и жене.

Остается добавить, что у молодых был ребенок. Возраст его не указан, видимо, год.

Тот же апрель 1933 года. Другой район области. Карасев Иван Феоктистович, колхозник, 23 лет.

Выписки из документов.

Показания свидетелей: «Он взял из дома чугунок... Застрял в балке, ночевал и варил пшеницу». Обвинительное заключение: «На обратном пути взял у жены чугунок имея целью варить семенной материал и, не доезжая до стана бригады, остановился в балочке заставил гр. Зуеву варить пшеницу...»

7. IV на стану утром был обнаружен у кашеварки чугунок Карасева с наваренной пшеницей с килограмм...»

Приговор: лишить свободы на 10 лет с конфискацией имущества.

Я УВИДЕЛА ХЛЕБ И ЗАЯВИЛА...

Не жалели малых, не щадили и стариков.

Матукина Евдокия Никитовна, 60 лет, неграмотная, хутор Орлов.

Из протокола: «Числа 3-го или 5-го марта поймал гражданку Матукину, которая в кошелки наклала сена для своей коровы».

Из характеристики: «Колхозному строительству относится скверно. Во время собрания выражает против советской власти».

Опись имущества: дом — 1, чугуна — 2, горшка — 3, кофта на вате — 1, валенки — 1, корова — 1.

Приговор: «Лишить свободы на десять лет с конфискацией коровы».

Кувшинова Евдокия Петровна, 60 лет.

Из показаний свидетелей: «Я увидела у ней хлеб и заявила секретарю партячейки... но я ее не спросила, где она взяла этот хлеб».

«Я сам ее не видел, чтобы она собирала или срезала колоса, но... однажды гражданка П. шла с бахчи и видела...»

Из показаний обвиняемой: «Собирала я колос в глубокую осень. Когда хлеб был убран... Найденный у меня хлеб был неспрятанный, находился в жилом помещении. Собирали по снятию урожая, где также производили сборку другие колхозники...»

Приговор: лишить свободы на десять (10) лет с конфискацией имущества.

Любимова Любовь Васильевна, 65 лет, х. Нижне-Гниловский.

«По делу кражи колхозных подсолнухов»:

«Ходили мы лишь раз и собрали по ведру подсолнухов».

Приговор: 10 лет с конфискацией имущества.

Опись имущества:

Кухня — 1. Сундук старый — 1. Подушка — 1. Одеяло — 1. Стул простой — 1.

Куры — 2. Кофта старая — 1.

В ответ на кассационную жалобу краевой суд постановил: «Поводов к отмене приговора нет. Оставить в силе».

ГОРЬКОЕ ЧТЕНИЕ

День за днем продолжалось мое горькое чтение... Фонд 778, фонд 866... 2262... 5385... Опись 1, опись 2... опись 28... Единица хранения 1... 4586... 46... 140... 794... Уголовное дело Блохиной... Вашковой... Дорошкина... Гончарова...

Папка за папкой... Старые бумаги... Неразборчивые корявые буквы... Чернильные строки... Карандашные... За каждой страницей — судьбы. В каждой строке — горечь и боль, страдание матерей, отцов, детские слезы.

«...По статье и постановлению от 7 августа приговорен к заключению к 10 годам, и жена по той же статье к 10 годам, дети остались 4 души от 3 до 11 лет. Беспризорные... Я не виновен в краже хлеба...»

Как такое можно читать спокойно... Ком в горле. Закрываешь глаза. Но не уйти от видений той жизни, что прошла и оставила горький след свой навек.

«Заивления. Настоячим даважу... Я видел Сам он таскал Ей Хлеп...»

Десять лет с конфискацией.

«Я его нигде не захватывал и не видел... но все есть притположения что он ходит ворует хлеб колхозный...»

Десять лет без применения амнистии.

«Учитывая важность свершенных действий социально опасных... совершала кражу колосьев аржаных в количестве 2 кил...»

Лишение свободы на срок 10 лет.

Накладная № 16. 10. IV. 33 от милиции отобраный краденый хлеб на склад колхоза:

Ржи 0/32 кг.

Пшеницы 0/67 кг.

Просо 0/66 кг.

Всего 1/66 кг.

Лишение свободы на срок 10 лет.

Березенева... Авдеева... Барсуков... 19 лет... 23 года... 60 лет...

Сиротинский нарсуд... Даниловский нарсуд... Березовский нарсуд... Нижне-Волжская Уголовная Кассационная Коллегия.

Денисова... Белоножкины... Ситкин... Семья семь душ...
Семья четыре души... Семья девять душ...

Крестьянские семьи... Дон, Поволжье — словом, Россия.
Годы 1932—1933. Дела «колосковые».

ЗА ДРОВАМИ

1

Мы еще спали, дозревая после вчерашней тяжелой дороги, когда мать пришла нас будить.

— Ребята, а ребята... — несмело сказала она. — Пора вставать. Люди уже на наряд пошли.

— Который час?

— Девятый.

И в самом деле, пора было подниматься. Управляющий мог уехать, и тогда день пропал.

Завтракать не стали. Побрились, умылись и пошли.

День вставал серый, ненастный. Время подступало к девяти, а только-только развиднелось, и утренние синие сумерки таились еще по забазьям.

Управляющий был на месте, сидел за столом, накручивал телефон: «Але, але...» Круг него, ближе и дальше, зоотехник, механик, словом, помощный люд. Управляющий накручивал телефон, а заодно втолковывал стоящему подле него парню:

— У вас вторая тележка есть. Почему не используете?

— Там колесо надо менять.

— Ну и меняй.

— Надо помощника. Выделяйте.

— Едрит твою... — даже не рассердился, а восхитился управляющий. — Вас там пять лбов — и вам еще помощника!

— Другие дела есть. Скотину кормим.

— Там Тарасов за всех кормит.

— А мы поим, чистим.

— Один раз в день поите.

— А чего их десять раз поить?! — разозлился парень. — Вы вот с зоотехником придете к нам, мы вам... А то засели тут! — и пошел прочь.

— Работники... — проводил его взглядом управляющий. И уже к нам: — Отдыхать приехали?

— Матери дров привезти.

— Нужное дело, — одобрил управляющий.

— Да заодно кое-что подглядеть, — засмеялся Петро Шляпужников, механик. — Тут Василь Петрович в суд собирается подавать. Говорит, не имеют права в книжку вставлять. Подаю в суд.

Наши литературные занятия для хутора не были секретом. Товарищ мой здесь родился и вырос. С некоторых пор знали и меня.

Посмеялись над Василием Петровичем и приступили к делу. Добро, что лесничий сидел тут же.

— Как с дровами-то? Да и привезти на чем? Тракторишко бы какой. На лошадях не проедешь.

— Найдем, — сказал управляющий. — Идите набирайте дрова, подготовьте. А завтра приходите, и будет трактор.

С благой вестью и поспешили мы домой, к матери. Сели за стол. Завтракали и обедали заодно, теперь уж до вечера. А потом, не мешкая, собрались, подпоясались, взяли топоры и под вечное материнское: «Глядите там... Осторожнее...» — пошли со двора.

Путь был неблизким: лесничий указал на Земляничные поляны, которые лежали в Летнике, считай на Бузулуке, под самой Дурновкой. А недавний глубокий снег и непрочный лед на речке прямые пути отрезал, оставив долгую, верст в десять, дорогу через плотину и выгон, через пески и далее.

Зимний день понемногу разгорался. Поредевшие гусиные табуны гагакали, направляясь к амбарам и фермам, хозяева на базах отсуетились. И хутор дремал в белом плену так долгожданного первоснежья.

Славная у моего товарища родина, пригожий хутор. Последние годы я бываю здесь часто, и всегда он хорош: зеленой весной, в цвету, и желтым летом, среди хлебов, и в зимней покойной дреме, как сейчас.

Стоит он над речкою, любо глядеть. Дома — круглые пятистенки под цинковыми да крашеными железными крышами — не чета голытьбе. Добротные летние кухни,

теплые скотные базы — все под шифером да железом, хоть селись в них. Да и как по-иному, коли стоит хутор на золотом черноземе.

Привыкший к своим пескам на среднем Дону, к бедной земле, я в первые времена замороженно глядел на жуковые, с масляным блеском пласты здешней земельки. Смотрел, завидовал и радовался. Истинно, не земля — клад. Огороды — загляденье. Считай, не поливают их, а так и прет из земли метровый лук, неохватные кочаны капусты, страшные, в колесо, тыквы, горох, помидоры, огурцы. Свекла — что сказочная репка, какую всей семьей лишь тянуть. Лопухи — и те в человеческий рост, листом хату крыть. От хутора, прямо за речкой, немереный луг для пастьбы. В другую сторону — займищный лес с осиной, тополем, дубками, липняком. Повыше — березовые и дубовые колки. За ними — Бузулукский лес, по-здешнему — Летник. Куда иправились мы теперь за дровами.

Дорога была долгой, но не скучной: заснеженная степная беля, а потом зимний лес радовали душу. Разговорились о детстве, об играх его. Сколько там было игр, теперь уже позабытых: «отмеряла», «разбивала», чехарда, чиж, клек, городки, бабки, лапта, штандар, «вышибала», жестка, «отзыв», казаки-разбойники и прочее, из которых теперь лишь классики да кулюкалки остались. А товарищ мой вспомнил игру «Жилин и Костылин», любимую в дни детства. Играли в нее вот здесь, вдали от хутора, на песчаных буграх-кучугурах. Откуда занесли игру, непонятно. Наверное, кто-то из старших ребят прочитал Толстого, и начались целые спектакли. Глубокие ямы, в которых держали пленников; побег и связанный Костылин, его нужно было на себе нести; татары с погоней и русские с выручкой — все было там. Игра прекрасная, любили ее, играя из года в год. Теперь ушло.

В лесу, когда уже подходили к Земляничным полянам, стало закрадываться в душу сомнение: не впустую ли наша затея? Еще утром в конторе смеялись мужики: «Лопату берите, дрова откапывать». И была в их словах правда: снег в лесу лег глубокий, и сухие сучья и ветви — наша добыча — скрылись из глаз.

Правда, на месте, которое указал нам лесничий, уже теперь, после снега, побывали тракторы, вытягивая поваленные дубки. И в том буреломе, который остается в лесу после бензопил да тракторов, нашлась и для нас пожива.

Посильное рубили и тащили мы, складывая на опушке. И хоть не враз, но росла наша кучка, и дрова собирались хорошие — все сухой дубок.

Еще недавно, уже на моей памяти, зелеными стояли дубы в колках и Летнике, в займище. Могучие дубы и подрост — остатки легендарных Бузулукских лесов. И помню я, как вначале не враз мы с товарищем находили сухостой на дрова. Ездили на лошадях, искали. Потом стало полегче. В любом колке сухие дубки найдутся. Подъедешь и увезешь.

Теперь же высохли все дубы. И лесничество стало валить их подряд. Правда, пилить еще много. Как-никак, от веку росли здесь дубы — сразу не смахнешь. Но лет за десять должны управиться. А может, и раньше.

Приходилось нам разговаривать с людьми о гибели дубов, пытаясь узнать, в чем дело. Но кто ответит... Говорят, вода уходит, живые ключи. Может, и так.

Правду надо было спросить у матери-природы, которую огорчаем мы бездумно, ежечасно и себе на погибель.

Управились мы с дровами не скоро. А когда управились и оглядели напоследок груды натасканного дубья, то вспомнили о дороге. Она была впереди и длинной. Короткий же зимний день уже догорал. В лесу было тихо и сумеречно. Неподалеку, за речкою, лаяли собаки. А до нашего хутора было еще шагать да шагать.

И пошли мы сначала Летником, а потом степью — долгой дорогой. Мглистое небо темнело, края земли белесо туманились, обступая нас ближе и ближе. Пронизывал ветер, шуршал по дороге поземкою. Отступающий лес и находящая чащоба займища по-вечернему темнели, кралась оттуда ночь — серая волчица.

Но в доме у матери было тепло, и шей она наварила с гусятиной, нажарила мяса. И, поужинав, долго чаевничали мы, балуясь калиновым вареньем, да грызли тыквенные семечки, кабашные, как здесь говорят. Их у матери было много.

Мать моего товарища живет одна. Мужа похоронила десять лет назад, дети разъехались. С прошлого года получает она пенсии сорок рублей за сорок с лишним лет колхозной работы. Живет одна, но, как и в прежние времена, хозяйство ведет полной чашею: корова, пуховые козы, гуси и куры — всё у нее.

На мой взгляд, с годами мать не меняется: невысокая, седая, сутуленькая от работы, вроде невидная, но могучая. Рука у нее в запястье — не обхватишь. Рабочая рученька. В косьбе за ней не утонишься. Машет и машет. Мы с товарищем устанем, отдохнем, перекурим, а она как заведенная косит и косит, над нами посмеиваясь: «Какие вы паша-ничные...»

Раньше был муж, свекровь, трое детей. Теперь одна. Большой дом не натопишь. Две комнаты совсем закрыла, оставив лишь кухню да горенку. В кухне — ее жизнь. Здесь печка, стол, кровать, самопряха возле окна, на вешалке вечная серая телогрейка. На стене — карточки, портреты дорогих...

— Руки одне... — жалуется мать. — Туды-сюды кинуся... Топка зарезает. Угля за зиму сколь сожгешь, все копеечка, да какая! По сто двадцать рублей за машину платим. Мыслимое дело... Дров не настатишься. Спасибо, вы помогаете.

Сидела мать за самопряхою, пух пряла среди кухни, под светлую лампочкой.

— Спасибо, платки. Свяжешь, продашь платок — вот и денежка.

— А колхоз вам топкой не помогает? — спрашиваю я.

— Помогальщики... — махнула мать рукой. — Угля сроду в колхозе нет. Дров вроде положено по два куба привезть пенсионерам. Да кто привезет?.. Один раз, помню, даве уж, попался лесничий какой-то дурак. Собрал со всех пенсионеров по двенадцать рублей, бабушка у нас жила. Собрал и привезли каждому, прямо ко двору, по два дубка. Вроде и немолодой лесничий, а какой-то чудной. Его сразу прогнали, и года не проработал. Чудак какой-то.

— Почему чудак? — удивился. — О стариках позаботился.

— Конечно, глупой, — сказала мать. — Кто ныне об старых горится! Их всяк норовит прищемить. Мне вот соломка

потребовалась осенью. Хорошая ныне солома: что ячменная... а уж просьяная... Люди поогрузились. Пойду, думаю, и я. Пришла в контору к управляющему: как бы соломы добыть. А он мне: бери, пожалуйста, по-над дорогой вон валяется лучшая солома. Забирай под гребло, всю отдаю. А на чем везть? «А это уж не мое дело», — отвечает. С тем повернулся и пошел. Вот и весь сказ. Я завсегда наказываю: сынок, вези из города дрожжей. Матери без самогонки никак невозможно, шагу не ступнешь. Такое время настало. Топор наточить в кузне — бутылку давай. Косу отбить — бутылку. Куды ни кинешься — одна цена. Завтра вам в лес ехать — надо леснику налить. Трактористу тоже постановь. Такая жизнь пошла. Тем боле, магазина нет. Не токмо что самогон, браге не дают достояться, с гущей поедают.

— Опять, что ли, магазин закрытый?

— Другой месяц уже.

Хуторской магазин в последние годы торгует редко. Несколько продавщиц сменилось, молоденьких девок. Удержаться никто не мог.

— Из Мартыновки, хорошая девушка, — рассказывала мать. — Ей и семнадцати годков нету. Месяц поторговала, тыща — недостача.

— Тысяча? — удивились мы.

— Тысяча рублей, — подтвердила мать. — Тама такие ащаулы на складах, в райпо сидят, глаза замажут и враз обманут. Молодая девушка... Такая беда... Правда, ей люди помогли. Пошла по хутору, к кому побогаче. Гаврила Яковлевич дал сто пятьдесят. Кривошеины, управляющий. Тарасов двести, — засмеялась мать. — А потом, она уж пошла, а он вспомнил: за зеркалом еще пятьдесят рублей. Схватил да вдогон. Заплатила... А в магазин никто не идет... Я тебя, сынок, просила, тапочки мне из городу привезти. Не в чем дома ходить. Чайник новый нужон. Ниток нет. Платков нет, распокрымшись хожу. Халатов... Чулок. Куфайка новая, кричи, нужна. Не в чем на двор выйти.

Она считала и считала, что требуется ей во вдовьем хозяйстве. И с малого, от спичек да соли, понемногу перешла к газовой плите, какие у людей стоят; к бензопиле, без которой жить невозможно, к паяльной лампе, к шиферу,

цементу, кирпичу... Она считала и считала, пока сын ее не остановил:

— Тебя, мать, не переслухаешь.

2

На другой день, ко времени наряда, были мы в конторе. Начальство сидело на месте, неторопливо переругивалось.

— Легко вопрос ставишь, — укорял управляющий механика Шляпужка. — Нету — и всё. Надо решать вопрос, делать.

Петро Шляпужок, худой и прокуренный, не в пример могучему здоровяку управляющему, видно, в десятый раз отвечал:

— Ну, понимаешь, она поломатая. И негде взять. Негде.

— Это не ответ. Это легче всего... Надо думать, решать.

— Сколь ни думай, а ее не родишь, — развел руками Шляпужок и пошел курить в большую комнату.

— Вот видишь, как мы отвечаем, — вздохнул управ. — А сейчас снова будут звонить.

И, подтверждая его слова, забренчал телефон, и управляющий, морщась, стал слушать его, слушать и коротко отвечать:

— Неисправная. Не может выехать. Не едет тракторист, отказывается. Да не понимаю я в технике! — наконец надоело ему. — Вот механик, с ним говорите. Иди, Петро!

Петро к телефону подошел, недолго послушал.

— Ты русский язык понимаешь? Нету редуктора. Нету. Я два раза ездил, мне шиш показали. Она полгода стояла у вас, надоела, свет застит, вы ее нам спихнули. Подальше. Теперь у нас будет гнить. Чермет. Всё. И забудьте про эту тележку. Нету ее. Цыганам отдал, — бросил Петро телефонную трубку и ушел докуривать.

Вошли и мы.

— Ну чего? — спросил управляющий. — Набрали дров?

— Набрали. Теперь надо везти. Трактор какой-нибудь дадите?

— Трактор... — задумался управляющий. — Сейчас найдем. Але, але... — начал звонить он в Дубовку и договари-

ваться и после долгих переговоров сказал: — Будет трактор «Беларусь». Он выйдет из Дубовки на Вихляевку, сопровождать горючевоз. А потом придет на нашу ферму. А потом к вам. К одиннадцати приходите и ждите.

Отправились мы домой, позавтракали, семечек нагребли полные карманы и заявили в контору, ждать.

Теперь здесь было пусто. Лишь на крыльце Семеныч дымил, гунгливый старик; да подле конюшни управляющий наставлял Михаила, конюха:

— Отвезешь и возьмешь бумажку, что сдал. Прямо клади и вези, не тяни резину.

— Да кони полохливые, — отнекивался Михаил.

— Ничего, вожжи есть.

— Полохливые... — усмехнулся Семеныч. — Едва себя несут. Четверо ворот сгрызли.

— Каких ворот? — заинтересовались мы.

— Да каких... деревянных, на базу. Он не кормит коней. Запьет — не кормит. Вот они ворота грызут. Четверо сгрызли. Теперь железные сварили, вечные.

На открытом базу конюшни и вправду стояли железные ворота.

Подошел и сел рядом с Семенычем дед Инякин, старый бобыль, личность в округе известная.

— Как живешь, дядя Холюша? — спросил мой товарищ. — Говорят, гусятами занялся вместо инкубатора?

Это мать рассказала, в новостях, что весной Холюша вывел и людям продал три сотни гусят. Своим — по три рубля, на сторону — до пяти. Брали — в драку.

Но Холюшу прошлые дела теперь мало занимали. Горело его нынешнее.

— Без магазина пропадем вонзят, — жаловался он. — Воротца на базу надо сбить, кинулся — гвоздей нет. Пришел к плотникам, слезьми прошу, хоть чуток уделите. А они — спирту неси. Въелись в кабаргу: спирту и спирту. Какой спирт? Кто им набрехал? Сроду мне Гришка спирту не привозил.

— А ты бы им самогонки.

— Где ее взять? Ее тоже, парень, из така не сделаешь. А магазина нет.

— Управляющему пожалесь. Он даст гвоздей.

— Дождешься, — шмыгнул носом Холюша. — Так он и растопорился.

Подъехала машина, и Холюша кинулся к шоферу.

— Юрий, ты на центральную не поедешь? Гвоздей мне хоть чуток привези. Воротца нечем сбить, скотина разбежится. Я в долгу не останусь.

Легкие одноконные сани подкатили к конторе. Тяжелая рослая баба, укулеманная в платки да шали, вылезла из саней и запричитала:

— Слава тебе, Господи, добралась. Уж не чаяла. Думала, на станции помру. Страсть господний, неделю не могла добратся. Слезьми кричала... Сроду боле не поеду. Помру — не поеду.

— В больнице была?

— В ней... Пропади она...

— На автобусе ехали? Пошел автобус? — спросил мой товарищ.

Мы сами добирались от станции тяжко. Шли пешком да, не зная дороги, перлись по неезженному грейдеру, по пояс в снегу, а потом нашли дорогу, и подобрал нас грузовик с углем. На нем мы и куковали в кузове, замерзли и вымазались. И теперь интерес наш был понятен.

— Прошел автобус, — обрадовала нас женщина. — Прошел и сказал: боле не поеду, плохая дорога.

Уехал грузовик, санки укатили, и Холюша, договорившись с шофером, побрел домой. Был он маленький, от старости щуплый. Год от года сох. Восемьдесят с лишним лет, что ни говори...

Остались мы в конторе вдвоем. На крылечке посидели, в тепле поскучали и пошли в кузню.

Она размещалась не в тепле, но в затишке — под одной крышей с плотницкой. Кирпичный сей домик ставили давно, лет двадцать назад, еще при Лыгине, знаменитом бригадире. Рядом с кузней под небом трактора ремонтировали. Три из них сейчас стояли, оранжевые, как апельсины на белом снегу.

Бородатый Шаляпин, завидя нас, оставил трактор и поспешил куревом у гостей разжиться.

— Бедствуем с папиросами, — оправдался он. — А тут зуб болит, мочи нет. Куревом лишь спасаюсь. Ходил вчера

к фельдшерице в Вихляевку, не стала дергать, говорит, не положено, в район иди. Ленился. Летось так хорошо мне два зуба выдернула.

Поговорили мы с Шаляпиным, в кузню к Виктору Харитонову зашли, Солонич тут же на воле сани ладил.

Странное дело, мать и хуторские бабы, мужиков не жалуя, крестят их подряд горькими пьяницами: что Шаляпина, что Харитонова, Солонича тож. Конечно, не без греха мужики. Но что интересно... Того же Шаляпина взять: пьет он давно, но работник — каких поискать. С трактора не слезает. Работает безотказно и зарабатывает хорошо. Вот опять нам мать сообщила, что нынче осенью на силосе Шаляпин четыреста с лишним рублей получил, за месяц. Деньги большие, но честно заработанные.

Виктор Харитонов тоже в пропащих ходит. А на лицо и телом — крепкий здоровяк. Он из породы тех грамотных сельских умельцев, которые редки сейчас на селе. Сварщик он, и кузнец, механик, и на все руки мастер.

О Солониче что и говорить. Стоит посреди хутора его усадьба — любо глядеть. Просторный дом и кухню сладил он, словно игрушечки, своими руками. Мать хоть иногда и поругивает его за пьянство, но добавляет: «Солонич голову не теряет. Выпьет, и в нем живости прибавляется. Он тогда еще дюжей работает, говорит, моторней делаюсь. Сена ныне накопил три привалка...»

Поговорили мы с мужиками о новостях хуторских да городских, пожаловались на трактор, который долго не идет. К одиннадцати обещал управляющий, а теперь уж за полдень.

— У нас — колхоз, — посмеивались над нами. — Обещанного три года ждут. — А потом добавили серьезно: — Идите вы лучше на ферму. Туда он так или иначе придет. А тут не дождетесь.

Решили мы доброго совета послушать и пошли к ферме, которая лежит на отшибе, за хутором. И вечно тянет оттуда острым бередящим запахом силоса.

Приземистые кирпичные строения теперь, в снежную пору, казались еще ниже. Пустые — чернели выбитыми окошками, скотины нынче держали немного, голов пятьсот. На открытых базах было пусто.

Через отпертый тамбур вошли мы на ферму. Вошли, встали на проходе и долго стояли, вздыхая и охая.

У скотины бываю я вроде нередко. Всякого навидался. И уж вроде знаю, как долгой нашей осенью, по два-три месяца, по брюхо в грязи плавает и мучается скотина. Вроде нагяделся, но привыкнуть не смог. Вот и теперь стоял и глядел.

На воле уже лежала зима, пусть и теплая, но с твердой дорогой, глубоким снегом. А здесь, под крышею, гиблая для скотины осень еще не прошла. И стоял молодняк по колено в навозной жиже.

Прошли мы одну ферму, другую и вышли на волю. После сумеречной полутьмы таким светлым и ясным показался нам серый денек! Белый снег лежал вокруг. Скирды зеленой люцерны и желтой соломы теплили взгляд. Пьянил голову силосный крепкий дух.

Пошли мы искать людей. Они были в бойлерной, там, где грелась вода и шипел пар. Четверо молодых парней во главе с долгачевским зятем да Василий Тарасов, лучший тракторист, приземистый, просторный дядя.

Поздоровались мы, спросили о дубовском тракторе. Он еще не приходил. Разговор зашел обычный, о новостях, о городе: как там и что.

— А чего у вас скотина стоит по колено в грязи? — спросил мой товарищ по праву земляка.

Отвечали ему хором.

— Это еще чего... Она по брюхо плавала.

— Какая плавала, а какая ныряла.

— Придешь, у него ноги растопорены, а голова висит. Махан.

— Тракторов нет. Три месяца не выгребали.

— Да сейчас и ворота не откроешь. За сколько лет-годов навоз под дверьми. Курганы выше Бычка.

— Под Вихляевскую гору подпирает.

— А начальства сюда не дозовешься. Оно лишь знает, когда привес, чтоб за него получить.

Молодежь горячилась, а Василий Тарасов сидел на лавке, морщась, «козью ножку» тянул. Потом, когда гвалт поутих, он спросил нас:

— Вот вы, ребята, ездите, везде глядите. Хуже нашей фермы есть где или нет?

— Есть, — не задумываясь, ответил я. — У вас и солома, и люцерна, и силос. Вам ли жаловаться? Вон, вашего же колхоза Головский комплекс, бывало, и соломки нет, прелой кормили.

— Там вовсе беда, — вздохнул Тарасов. — Удумали такую страсть.

Новомодный Головский молочный комплекс ставили, считай, в пустом хуторе. Ни о людях не подумали, ни о кормах. Кое-как налепили каменных коробок, согнали тысячу коров — теперь мучаются. Гибнет скотина, телят вовсе некуда девать. Удои по полтора литра. Три с лишним миллиона рублей козе под хвост. А сколько их, этих комплексов, этой беды, понастроили без ума! Овцеводческие — вовсе никому не нужные. Овца на привязи — смех и грех. Только смех невеселый, а грех... На чью шею?

Председатель — инженер,
Заместитель — милиционер,
Бухгалтер — шофер
Подвели колхоз под цыганский шатер, —

пропели нам новую частушку про свое начальство. Мы уже слышали ее.

— Да... Чего-то происходит, — сказал Тарасов. — По стране гремели. Десять человек Героев. А ныне? Вот погляди, Степаныч, — уважительно обратился он к товарищу моему. — Почему раньше, при Лыгине, бедные были, а сколько понастроили? Клуб, магазин, кузню, гараж, фермы. Двадцать лет прошло, как Лыгин ушел. Богатеем. А после него лишь армяны навесы делали. Двадцать лет... Магазин, и тот развалился. А ведь хутор наш в плане.

Он помолчал и вспомнил иное:

— Бывало, твой отец на ферме работал. К нему зайдешь, чисточко везде. Пятак уронишь... да чего пятак, иголку найдешь. А ныне...

Печальный был разговор. Никого он не грел. И Тарасов поднялся:

— Пошли, ребята. Поить погоним.

Скотники ушли. А мы остались в бойлерной с хозяином ее, с кочегаром. Я стал проглядывать повешенные на стенку листки, где нормы кормления были указаны, привесы. Стал читать: «...ноябрь — 17 граммов». Летние привесы были обычные — 500—600 граммов. И вдруг в августе они упали вдвое.

— Почему это? — спросил я у кочегара.

— Да два гурта через день паслись. Лишь Макеев нормально пас.

— Как это — через день? — не понял я.

— Пасти некому. По одному пастуху на гурт. Он день отпасет, другой отдыхает. А скотина стоит на базу.

— А ее хоть кормили?

— Да когда как... — рассмеялся кочегар.

Вопрос мой был наивным. Если в августе, среди доброго лета, упали привесы вполовину — это, конечно, не от сытости.

Вышли мы во двор и снова стали глядеть на дорогу. На Вихляевскую и на Дубовскую. Но нигде не было видно синего нашего трактора, голубой мечты.

Той порою в железные корыта наливали скотники горячее пойло — скотина пила жадно. «А чего ее десять раз поить!» — вспомнил я вчерашний разговор в конторе.

Тарасов возле силосных буртов грузил тележку. Кормежка начиналась. А мы стояли без дела среди тощей, захламленной — глаза б не глядели — скотины, стояли, вздыхали и наконец пошли прочь.

Чего было ждать? Время подступало к трем часам. Если и приедет трактор, то Земляничные поляны — не ближний свет, вряд ли успеем съездить.

Недолго покрутились мы еще возле пустой конторы, возле кузни, послушали сочувственное: «Не пришел? У нас так... Неделю будете ходить». И пошли домой.

Мать нас встретила, сожалея и сочувствуя. Поохала, повздыхала, начала кормить, выпрашивая, где были да кого видели.

— Всех видели. Работают. Трезвые — как скло...

— Тверезые? — удивилась мать. — Ну, нехай, хоть денек отдохнут. А то совсем запились. Управ их, как щенков

каких, растягает. У него ручища-то... да и сам — рогаль. Пряма за шкуру берет и выкидывает. Шумит на них: «Бесовестные! Негодяи!» А им чего. Позапились.

— Какую жизнь дали... — помолчав, вздохнула она. — Лишь цвель на белом свете. Зарплаты какие. Скотину держи, не ленись. А все в водке подушились.

Сидели мы в этот вечер допоздна. Рассказали матери о ферме, о скотине. Она за прялкой вздыхала, хотя, конечно, знала все лучше нас.

— Не вложу в ум, ребята, к чему идем. Раньше бывало... — И шли рассказы из прежней жизни: — Меня сюда привезли. На третий день после свадьбы на ферму послали. Идешь впотьмах. Мать потихоньку сунет вот этакую желудкóвую лепешку да два вот такусеньких ломтика сала. А я от чистого хлеба пришла, отец — комбайнер, был у нас хлебушек. Не могу я эту лепешку проглотить. А работать до обеда. Да как работать! Мотыгой чисточко все проскребаешь, соломой простилаешь. А как же, скотина будет лежать, — уважительно сказала мать. — По тысячу двести трудодней вырабатывала. И отец. Как мы, бывало, на комбайне работали, старались. Росы нет — с белой зарей подымаешься работать. Ночью кончаешь. Да потом все прочистишь, прошприцуешь — спать некогда. А ныне... Ныне на работу идешь в девять, а комбайны еще у кузни. Ворочаешься в пять, а они уже стоят — наработались. Как жалели мы технику! Бывало, будку нашу, где жили, надо перетянуть. Быков запрягаешь и тянешь. Комбайны с центральной на быках к станам тянули. А уж чтобы домой поехать на технике, сроду не водилось. А ныне все улицы измесиши. За водкой в Дурновку на К-700... Покатил. Напился тама, назад ехал, перевернулся. Изломал трактор. И горя мало. Его еще просят: «Поезжай, съезди на Алтай, поубирайся. И мы тебе простим». Поехал, по пьянствовал от жениных глаз подальше. А трактор — в чермет. Во мы какие богатенькие. Ничем никого не удивишь. Все на деньги смытые. Николая зять сел на трактор, за месяц двести семьдесят получил. И бросил. Не желаю, говорит, пыльно. И цельный год, придурился, сидит, делу себе не выберет. В тракторе — пыльно; на стройке — дует; в автобусе — опасно, за людей

отвечать; на коне — скотину пасть — трясет; машину дали — плохая, разоренная. А лежать баглай баглаем — это хорошо. Ко мне надясь пришел. Я ему вычитала: у тебя, мол, жена, дите. А он мне: твое какое дело, я один, что ль, такой? И верно, не один... По хутору ежели посчитать... этих зятьков...

Приходили в этот вечер и гости. Сначала Алексей Скуридин, сосед, кубоватый, гладкий мужчина. Вошел он, поздоровался и объявил:

— Я тут матери бензину давал, кабана палить. Она попросила, я ей влил ведрушку. И в сельсовет справку отвозил. Всё чин чинарем.

Я не сразу понял смысл речей его. Но тут вошла с база мать и согласно закивала головой:

— Влил, влил бензину, взаправди. И справку отвез, спаси Христос, выручил. — Она кинулась в горницу и вынесла бутылку самогона. — Вот она твоя, сохраняется. Я сразу налила и сказала: как схочешь, зайдешь. Заберешь или тут выпьешь?

— Тута, с ребятами.

Поставили ему закуску. Товарищ мой сел за стол. А потом, когда ушел гость, выпив и поговорив, я, хоть и понял все, спросил у матери:

— Это он за магарычом приходил?

— Конечно. Он бензину мне наливал и справку отвозил в сельсовет.

Я покачал головой, и мать меня поняла.

— А как же, сынок, — сказала она. — Без этого никуда. Без пол-литры — никак. Я и говорю, дрожжей матери, дрожжей везите. Такая жизнь пошла, без поллитров одинокой женщине жить невозможно.

А потом еще гости нагрянули. Мы уж из кухни ушли, телевизор глядели, когда загремели воротца и на крыльце застучали. Мать пошла отворять. А мы с места не тронулись. Слышали голоса: женский вроде, плачущий, и низкий, мужской, и материн. Слышали, но не особо прислушивались, мало ли дела какие. Но потом мать вошла и позвала нас:

— Выйдите, ребята. К вам пришли, по делу. Вы их знаете.

Пошли мы на кухню. Ночных гостей я не знал. Может, и видел раньше, но забыл.

Мужик был старый, не по-деревенски лысый и в очках, изрядно выпивший.

Мать пыталась его к столу усадить, на табуретку, к свету, а он возле печки устраивался, на полу и твердил свое:

— Я в грязном... с работы... здесь, здесь....

— Говорю ему, не ночью надо, а по свету, по-людски, — оправдывалась жена. — А он, как спасовская нуда, пошли и пошли. Выпил, чего с ним!

— Не беда, — успокаивала ее мать. — Мы не ложились.

— Вот... — вытащил мужчина пачку бумаг. — Вся канцелярия. Помогите, ребята. А что не ко времени, простите. Я сроду до ночи работаю. Летом на плантациях, зимой на ферме. Помогите, сынок. Я тут принес... — из кармана пиджака он вынул поллитровку и протянул мне.

Я засмеялся, а мать кинулась к гостю.

— Ну зачем? К чему? Убери. Они не пьют.

— Выпьют, — убежденно ответил мужик. — В дело оно...

— Ты и без дела мимо рта не проносишь, — укорила его жена. — Пришел бы вот трезвый, по-хорошему...

— Да я, може, оттого и выпил. Меня горе нудит. Жизнь прожил, а паспорта не заслужил. Чего ж я — никудовый или полоумственный? Я войну прошел... И всю жизнь работал, — бросив возле печки бумаги свои и бутылку, мужик достал табак, свернул «козью ножку» и засмолил.

— Конечно, обидно, — поддержала мать. — Всем паспорта дают, а ему никак. Туды-сюды кинется, а нашего брата не дюже привечают.

Я взял бумаги и к столу их понес, к свету.

— Военный билет у него есть... и тама годы указаны, — объяснила жена. — Сельсовет требует паспорт, а его не дают. Метриков не хватает. В город, говорят, пишите. Мы писали, а оттуда говорят, на месте разберитесь. А в загсе одно талдычут... И людей собирали, свидетелей — всё одно...

Дело было вроде понятное. В военном билете год рождения стоял. И чего еще надо?

— Значит, не дают паспорт?

— Не дают, — шмыгнул носом мужик. — Всем подавали, кому и не следовало. А мне ни в какую.

— Ну и Господь с ними, — весело сказал я. — Не дают, и не надо. Зачем он вам?

— Ты чего? — попеняла мне мать. — Нынче всем выдали, все при документе.

— Все получили, — подтвердил мужик, и вдруг лицо его сморщилось, и он заплакал. — У всех паспорта... А я всю войну... Всю жизнь на ферме... А они — сучки крашенные... — Он плакал и сморкался, и такое горе было на лице его, что я понял неуместность своей шутки. Нужен был человеку паспорт.

— В партком надо сходить или в военкомат. Пусть займутся.

— Кто нас, сынок, слушать будет? Да и когда ходить? Я — на ферме. Спроси у жены, с утра до ночи. Ты уж бумагу какую напиши. Прямо в Москву. Нехай знают, — вытирал мужик слезы.

Я недолго подумал и бумагу написал.

Мать была очень довольна. Поздние гости ушли, а она все говорила о них, хвалила.

Забегая вперед скажу, что паспорт нашему ночному гостю выдали. Нужен был всего лишь один, вовсе не властный телефонный звонок. И пригласили, хоть и не извинились, но паспорт выдали.

А тогда, вечером, мать просила:

— Помогите, ребята... Нас, деревенских, всяк нижеет. А вы все же в авторитете. Обещалась еще Валя Силяева прийти. Спрашивалась ныне у меня. А може, заботится. Пенсию ей не дают. Третий год не может ничего сделать. Поедет... Чегой-то не так... Вроде все сделает, а ее опять возвращают. А она воевала. И хорошо работает, сына одна воспитала. И не может добиться. Выпьет с горя, я уж ее не осуждаю, выпьет и слезьми кричит: когда же моим рученькам роздых будет...

Мать говорила и сама чуть не плакала, о Валином ли, о своем...

Сидели мы допоздна. Сначала втроем. А потом, когда мать улеглась, вдвоем с товарищем. Говорили, говорили...

Сколько их, этих разговоров... В колхозе, в районе, в столице, в газетах, в журналах. Сколько мыслей! А проку?

Как и все грешные, пытаюсь я понять, в чем дело. И все чудится мне, что ответ простой и где-то рядом, да мне он не дается, человеку в селе стороннему. А потому часто задаю я сельским людям один и тот же глуповатый вопрос: в чем дело? почему? что случилось? Ответы самые разные.

— Хозяина нет — товар плачет.

— Начальству оклады твердые положили, они и не горят-ся.

— Позапились все, работать не хотят.

— Техники мало.

— Техники много, некому с ней совладать.

— Никто об деле не хочет думать.

— Крестьянская жизнь, сынок, тяжельше нет.

Последнее изречение принадлежит Елене Федотьевне, матери моего товарища. Она всю жизнь на хуторе, в колхозе.

Теперь вот, который уже год, говорят о Нечерноземье. О проблемах его, о новых путях, о подъеме. А я каждый раз, когда говорят или пишут о землях вологодских, вятских, новгородских, которые надо от леса очищать да мелиорировать, раскислять, удобрять и прочее, сразу вспоминаю вот этот хутор, на котором сейчас этот колхоз. Чистый, метровый чернозем. Чего, кажется, еще надо? Золотая земля. Здесь ведь, считай, никогда не видели голода. Поселились тут люди издавна, веками жили и кормились и кормили других, и только от земли.

Богатейшие станицы: Урюпинская, Михайловская, Староаннинская... Их земли — золотое дно. И сейчас они те же, черпай и черпай. Поглядишь, как сияет отваленный пласт земли вороньим крылом, — душа радуется.

Но что-то тронулось и шатнулось. Взять наш колхоз, в котором я теперь. Еще в недавние времена колхоз-миллионер. Две с лишним тысячи работников.

Теперь в долгах. Раньше, в шестидесятых годах, коров было меньше на треть. Но получали молока от них больше чуть не вдвое. Теперь же упали удои до 1400 кг от головы против 2500 в семидесятом.

И только ли наш колхоз? Нет. Весь район в течение последних пяти лет не выполнял планы по продуктивности скота и птицы. Видимого роста урожайности практически нет, так и застыл он где-то на 15—17 центнерах.

Но вернемся к нашему колхозу. Теперь долги у него миллионные. Говорят, всему виной молочный комплекс, который обошелся в три с лишним миллиона. Плачут с ним два года. Конца слезам не видно.

Без раздумий ткнул кто-то пальцем в безлюдный хутор. Вырос комплекс. Согнали тысячу голов. Чем их кормить? Кто будет ухаживать? Прошлой весной эти несчастные коровки ели прелую солому. Телятам на комплексе вообще места не нашлось. Падеж. Удои по полтора литра на круг. Комиссии. Оргвыводы. Выездные суды.

А что проку? Никаким судом в пустой хутор людей не загонишь. И переселенцами не спасешься. Ушли коренные, с родины. Значит, была причина. Пришлые скорей уйдут. И кормовую базу для тысячи голов в одночас не создашь. Об этом нужно было думать раньше.

Но думала ли та властная рука, которая указывала, где комплексы ставить? Вряд ли. Она лишь крестики чертила. Вот и стоят теперь посреди степи овцеводческие комплексы, построенные неизвестно зачем. Стоят комплексы для бычков, для телочек, молочные и всякие другие. Отдачи нет. И вовсе не потому, что комплекс — дело худое. Нет. Семь раз отмерь, один раз отрежь — хозяйское правило, нынче забытое.

Хозяйское... Хозяин. Подумайте, мыслимое ли дело: посреди вашего двора, на ваши кровные деньги что-то строят, вас не спрося, а вы молчите. Возможно ли это? Выходит, возможно. Но почему молчали доярка Карахтинцева и чабан Акимов? Ведь это им строили, на их земле, за их деньги? Почему они смолчали перед тем дядей, чей указующий перст...

Ответ один: это не их земля и не их деньги. Они не хозяева. Не теперь это началось, а давно. Теперь лишь пришла пора собирать посеянное. И как ни горько, но признавать: на земле теперь работает не хозяин, а работник. Хозяина мы вывели. Путь этот был долгий и с кровью: скороспелые

коммуны, раскулачивание под одну гребенку, долгие годы принудиловки с пустым трудоднем, и упорное вдалбливание: «не твое, не твое...», и понукание мужика, и безголовое учительство над ним, когда приказывают, как пахать и когда сеять, как корову за титьки тянуть, и когда хлеб убирать, и как им распорядиться. И все по общему звонку, от края до края, наперегонки. И каждый год новая мода... Укрупнение, разукрупнение, специализация, кооперация... Хлопок, кролики, кукуруза, гнездовая и прочая, химизация... МТС, долой МТС... Сельхозтехника... Долой ее... нет, давай... И так долой да давай до нынешней поры. Теперь комплексы.

Десятилетиями убивался в крестьянине хозяин. Даже над клочком земли возле дома, над своим огородом он не был властен. Шли волна за волной приказы, после которых сводили со двора скотину и птицу, рубили сады, под зава-linkу обрезали огородишко. Теперь вот поворачиваем.

Но человек — не трактор, и даже не лошадь в упряжи, его так просто не повернуть.

Теперь же, не закрывая глаз, надо признать: крестьянин-хозяин на земле кончился, остался крестьянин-работник. И это уже другая ипостась.

Вот почему, когда слышу и читаю я о полях северных, над которыми бьются сейчас, пытаюсь вернуть их к жизни, то всегда думаю невеселое. Ну сделают все как положено, вложат деньги. Вот она: не земля — конфетка. Так земля ведь сама не родит. Пусть не хозяин, но добрый работник ей нужен. Иначе — всё прах.

Вот земля черноземная... Вот хлеб... Ходишь, глядишь, и с каждым годом все более желтых от сурепки полей, прямо золотых под солнцем, и пегих, седых от осота. Вот на этом просторном поле, за речкой, в былые годы пшеница росла, кукуруза, горох — теперь уж какой год земля гуляет. С другой стороны, от хутора до самого озера тянулись плантации, табак сажали, бахчи держали — теперь бурьян и бурьян. А урожаи... Немцы, чехи на песках и суглинках по 50 центнеров получают. А у нас чернозем дает на круг 15—16.

Падеж скота стал явлением обычным. Отчего? Конечно, не от большого досмотра. Говорят, не хватает людей. Неко-

му работать. Не будем ссылаться на опыт зарубежный, хотя и он нам указ.

В нашем колхозе, о котором ведем мы речь, еще 15 лет назад было 14 хуторов и 2212 работников, нынче хуторов — 8, колхозников — 850. Пытаются — и не только у нас — переселенцев заманить. На мой взгляд, эта мера пожарная, ненадежная. Подымаются и уходят с земли коренные люди. Приходят, может, это и грубовато, — но трава-бескоренка. Всегда ли от них прок? Взять залетных чабанов с Кавказа. Они переселяются в пустые хутора. Приезжают они не для того, чтобы нам с вами хорошую жизнь строить, наши проблемы решить. «Пять лет проживу — и себя, и детей до конца жизни обеспечу» — вот их лозунг. Общественные гурты и отары со своими они путают очень часто. О кормах уж не говорю. Кто разберет... На хлебах пасут скотину — и не тронь их. Нанимают пастухов, чтобы развязать себе руки. Для каких дел? А если и начинают прижимать — уходят, бросая работу. Не свое! А иногда, по древним образцам, и отары угоняют в направлении неизвестном.

Поветрие «гектарников» на арбузах и луке меня не радует, потому что это люди временные. Сорвали куш — и ушли. С этой землей им не жить, она для них чужая.

Поглядите на хутор, где местные и переселенцы пополам. Чужой гусь среди свойских виден. Расхлебенный двор, в котором ни деревца, ни кустика, ни цветка, лишь трава-лебеда — это двор переселенческий. Они приехали сюда и порой неплохо работают, но щитовой или кирпичный дом, что им дали, и земля — все чужое, временное. Они здесь лишь присели. А раздастся глас об иных сладких краях — улетят. И улетают.

А что же свои, коренные?.. Ведь это их родина. Их деды и отцы жили здесь от веку. Здесь, на месте и по окрестным хуторам, сплошная родня. Свадьбы играют по двести человек. Рядом кладбище с дорогими покойниками. Своя речка, свой лес, тропинка, поле — все знают тебя с детства и порою примолвят теплее человека. Работа тоже с детства привычная. Весь жизненный уклад свой. И все же уходят. Иные с кровью, с болью рвут, но уезжают. Почему?

Мы должны ясно понять и признать причины, иначе, уже потеряв на земле хозяина-крестьянина, можем утратить и доброго работника. А такое не за горами.

Мать моего товарища Елена Федотьевна говорит:

— Крестьянская жизнь, мой сынок, тяжелая до невозможности. Тяжелее нет.

Давайте посмотрим. Может, и права она. Чем отличается ее жизнь от жизни хотя бы в райцентре, не говоря о городе.

Написал: «чем отличается» — и не знаю, за что хвататься, настолько неприменимо все.

Начнем со школы, с детей. «Для детей стараюсь... Сами не жили, дети нехай...» — вечные людские присловья не красного словца ради. На том живем.

Во всех городах и поселках дети учатся рядом с домом. И если школьнику две остановки до школы ехать — это уже трагедия. Иное — на селе. Начальные школы в свое время повально закрыли. И потащилась малышня за пять-шесть, а то и за пятнадцать-двадцать верст от родного дома.

Пешком и на велосипедах, на попутках, в кузовах машин, в тележках и будках, влекомах «Беларусями» и «Кировцами» по гиблым сельским дорогам. Все долгие десять лет.

А если и интернат, то разве лучше? От материнского подола да в чужой дом. Да еще в какой? Не дворцы, ох не дворцы эти сельские интернаты. В бытность мою учительскую десятки комиссий проверяли наш поповский, дореволюционный дом, где ребячьи кровати стояли впритык. Проверяли, указывали. Секретарь райкома всенародно назвал тот интернат позором для района. Прошло десять лет. Интернат все тот же. Все те же штаты у них, на которых доброго воспитателя не раздобудешь. И один ли он такой? Вот из нашего же района письмо, в феврале писанное, школьниками: «живем тесно... стула негде поставить... грязь везде... холодно...»

В прошлом году один из наших совхозных директоров ушел на повышение. Новый директор, владения свои обходя, попал в школьный интернат. Поглядел, говорят, схватился за голову и убежал. Но, к чести его, переселил ребят в новое помещение.

В общем, как говорится, веселого мало.

Поглядите газеты в сентябре да октябре. «Детей не возят... Не возят... Не возят...» Стон летит по стране.

Разве не будет болеть и болеть родительское сердце?

Теперь уже совершенно ясно: нет в селении хотя бы начальной школы — людям здесь не жить. Уйдут, потому что детей учить надо. Сначала останутся одни старики, потом — конец. А ведь земля вокруг: уголья, фермы — все обжитое.

Начальные школы надо всемерно сохранять и держать их хотя бы для одного-единственного ученика.

Сельская школа — это один из китов, на которых стоит деревня. А теперь она в положении нерадостном. В школе не хватает учителей. Директор мыкается между сельсоветом, колхозным начальством и районо, не зная, какая из этих няnek поможет ему заткнуть очередную дыру с ремонтом, топкой и многими другими делами.

А сельский учитель? Тысячу раз говорено... Но где квартиры его? Чем ему кормиться?

Вы видели, чтобы рядом и вместе с сельской школой строили учительские квартиры? Я — нет. По-прежнему, как и много лет назад, мыкается молодой сельский учитель по углам.

В бытность мою сельским учителем «крепкий» директор совхоза Петро Трохимович держал в совхозном доме пустые квартиры, но учителям их не давал. «Мне доярки нужны. Нехай на ферму идут, дам ключи». Его верный помощник, секретарь парткома, завидев учителя в совхозной конторе, громогласно произносил: «Идут нахлебники... Опять чего-нибудь просят».

Дорогие мои, ну как же вам втолковать, что без хорошей школы не будет ни доярок, ни трактористов, ни вас, хорошие мои. Директор совхоза, главный агроном, главный инженер, любой специалист, снимающий угол. Бывает такое? Улыбаетесь. Горькая эта улыбка. Что же мы с учителем делаем...

Учитель в жилье не должен зависеть от «мудрого» Петра Трохимовича. Учительский городок при сельской школе — не утопия, а необходимость. А их даже не проектируют. А ведь когда-то было такое. При школе — квартира учителя, при больнице — врача.

А чем кормиться учителю? Сельские магазины пусты. В них и хлебом не всегда раздобудешься. На собственной шкуре все это испытал, кормясь печеньем да пряниками. Но это один, молодой, крепкий. На всего лишь год. Вытерпел. А всю жизнь? А с семьей, с детьми? Кто подаст? Петро Трохимович?

«В школьный интернат молока не давать. Государству сдаем», — вот его сказ. И не давал. Будто колхозные коровы существуют лишь для городских детей.

Про какого уж тут учителя речь! У сельского учителя выход один: строить или покупать свою хату, обзаводиться живностью. И разрываться между поросенком, коровой, огородом и учительством.

Несовместимо это. Не будет учителя.

Как-то по центральному телевидению показывали учителя, который кроме своего основного дела триста гусей для колхоза вырастил. И обещал вырастить пятьсот. Тележурналисты славил его с серьезным видом. Но Боже! Какой из него учитель?! Это же птицевод.

Собственный хлеб учительский — нелегко. Оставаться в деревне всезнающим и мудрым человеком, светом деревенским — непросто. Уж до гусей ли?..

Да и какой, скажите, уважающий себя человек согласится жить по воле и милостям Петра Трохимовича? Он — уйдет. И никакие «педагогические десанты» не помогут. Улетят на тех же крыльях, что и прилетели. И веди потом речь, куда деваются учителя. И почему в педагогический не идут те, кого хотелось бы там видеть.

Учителю нужно дать квартиру, благоустроенную, возле школы, с теплом и светом. И обеспечить его достойным хлебом-солью, дабы у него времени осталось для единственного своего труда.

И ведь это не розовые мечты. Учитель в городе — гражданин, со всеми равный. За что же сельскому такая печаль?

И только ли учителю?

А как чувствуют себя врачи, фельдшера? От хорошей ли деревенской жизни бегут они? У них тоже семь нянек, да доброго призора нет. Те же заботы: жилье, питание, помещение для работы.

Ведь сельская медицина тоже всецело зависит от «доброего» или «недоброего» председателя колхоза. Квартиры из его рук, строительство и ремонт, мебель, питание — чего ни коснись. А каково ему, врачу, ходить да выпрашивать себе кусок мяса да литр молока, себе и детям. Или обзаводиться скотиной. Тут уж вовсе во мне все восстает. Я вспоминаю записки известного хирурга, как он настраивал себя на операцию, на трудный день, как руки тренировал. И вижу хирурга сельского, который чистит у скотины, корм задает свинье, спешит, а рядом жена его — тоже врач — доит и прочее. Не дело это. И потому бегут врачи из села — ничем не удержать.

И Елена Федотьевна, хозяйка наша, порою криком кричит, а зубы не может полечить; глаза плохо видят, очки надо, наверное. А кто поможет? До райцентра обыденкой не обернешься. Собрался на час, рассчитывай на неделю.

Известны ли сии заботы жителям городским? (Вовсе не в укор им говорю). Глядишь, как зимою и в осенние хляби ожидают попутку, а потом трясутся в кузовах да на тракторе болящие селяне, добираясь в район, сердце кровит. А им каково?

И чего ни коснись, все достается нашей Елене Федотьевне нелегко. Взять топку. Давно уже топят в селе печи углем, и все печи деланы под уголь. Но если в райцентре (во всяком случае, нашем) заплатил 25 рублей и привезли тебе угля, то Елена Федотьевна с весны выглядывает: не едут ли «левые» торговцы. Уголь у них обычно плохой и дорогой. Но куда деваться? Сто двадцать рубликов отдай. Потому что колхоз тебе угля не привезет. Во всяком случае, не было еще такого.

Руки у Елены Федотьевны, как говорит она, «одне и некудовые». Устала она огромный дом свой мазать и белить. Пошелевать бы его. Да где взять шиферу, лесу или железа? Мучается она долгое лето с керосинками. А ведь газовые плиты с баллонами в райцентре на складах лежат. Но кто бы привез?

Во всем нужда у Елены Федотьевны. Одеться, обуться. И ведь не финские сапоги или дубленку она просит. Ей бы серый ватник, в каком она всю жизнь отходила. Нету их.

Говорят, в райцентре шьют, в быткомбинате. Но доберись до него.

Домашние тапочки, халат, белишко, платок на голову, очень удобные, глубокие калоши, валенки — где взять? Когда и работал магазин, их там сроду не бывало. А уж теперь...

А по хозяйству... Гвозди и краску, топорщице, бруски для косы, напильники пилу точить, выключатели, патроны, чайник — это я вспоминаю, чего Елене Федотьевне, как говорит она, «кричи нужно».

А ведь тем, кто помоложе, нужно и придется. Спасибо цыганам да армянам. Они — не коопторг. По бездорожью, зимой и летом везут они на хутор хорошие свитера и кофты, платья и рубашки, красивые скатерти и покрывала, яркие ситцы, сапожки, туфли — все модное, прямо из московских магазинов. Но цены берут известные. Спасибо им и за то, потому что Елене Федотьевне и землякам ее ничто даром не дается. Любой пустяк — для них проблема.

Сломанный приемник с проигрывателем молчит пятнадцать лет и теперь до веку. Телевизор «Рекорд» еще дышит. А вот дочка ее, Наталья, цветной телевизор так и не успела поглядеть. Семь лет он уже молчит. Свозили в райцентр за сорок пять верст, вроде там показывал, а дома — ни в какую. Так и плюнули. В такую даль да по ухабам — он вовсе разорится. Ведь тонкий организм, не для сельских дорог.

Дороги сельские... Вот одна из главных причин, одна из главных бед сельского хозяйства.

Опять пример собственный. Почти четыреста верст от города до райцентра по новой московской трассе пролетает «Икарус» за четыре часа. Почитаешь газетку, полюбуешься на пейзажи — приехали. До хутора осталось тридцать верст. И вот тут беда горькая. Теоретически на хутор можно доехать дважды в день на автобусе. Но я лишь, по-моему, единожды за добрый десяток лет так легко к хутору добрался. Сел на автостанции и через полчаса возле кузни вылез: «Здравствуйте». Великое счастье, если по грейдеру автобус ходит — это спасение. Семь километров — не расстояние. Но практически автобус ходит лишь летом, да и то в добрую погоду, не в дождь. Остальное время висит на автовокзале

беленький листок: «Ввиду бездорожья отменяются рейсы...» И, почитай, весь район от белого света отрезан.

А будь добрая дорога! Какая беда с плеч! Тысячи статей написаны, экономистами досконально подсчитано, сколь разорительны сельские дороги и как быстро окупятся новые. Да и нам ли считать ее цену. Дороги — кровеносные артерии недужного ныне сельского организма. Без них селу чахнуть, и никакие припарки тут не помогут.

Российские проселки — обидный, нелепый атавизм прошлого века — справлялись с тележным и санным ходом. Тяжелая машина сломала им хребет. И по разбитым колеям далеко не уедешь.

Тут другого выхода нет. Надо строить дороги. Немедленно, невзирая ни на какие затраты. Всякие новые вложения в сельское хозяйство должны начинаться с дорог, иначе они бессмысленны. По старым артериям нельзя гнать свежую кровь.

Ко всем прочим заботам нельзя забывать, что сельский человек, работает ли он в колхозе или совхозе, находится в положении, мягко говоря, специфическом. Он работает с двойной тягой.

Фабричный, заводской, а в общем городской, человек ходит на работу для того, чтобы обеспечить себе и семье на жизнь: хлеб-соль и приварок, одежду, обувь. Отработал семь-восемь часов — отдыхай. Есть, конечно, магазинные заботы, домашние — они везде. Но малой металлургии на дому он не заводит, домашней фабрики по производству... у него нет. Отработал свое — отдыхай. В государственном доме, с водой и теплом.

А у крестьянина? У него так не получается. Он в полную силу отрабатывает свой урок на общественной земле, но продуктов с этого стола — за исключением хлеба — не получает. Ни мяса, ни молока, ни овощей. «Интернатским детям молока нету. Государству надо сдавать», — говорил незабвенный Петро Трохимович. Не он такое придумал.

Крестьянин издавна и посеячас, отработав урок общественный, вынужден силою обстоятельств в тот же день отработать еще один урок, теперь уже обеспечивая лично себя и свою семью продуктами питания. Сюда входит:

корова, овцы или козы, свинья, всякая птица, а также огород с картофельником, сад, сенокос, помещения для скота, собственное жилье, орудия и инструмент для всего этого.

Это обстоятельство — «двойная рабочая тяга» — и есть, на наш взгляд, основная причина ухода работника из села.

Говорят, что такое положение создано не сейчас, было оно и ранее и это, дескать, специфика сельского хозяйства.

Да, так было ранее. И крестьянин на селе держался. Но как? Принудительно. Старого, слава богу, не вернуть, и жалеют о нем лишь «волевые» руководители типа Петра Трохимовича.

А новые песни о крестьянской душе, которая, мол, без собственной грядки и буренки затоскует, — эти песенки с двойной фальшью. Во-первых, нет своего, а все общее. А во-вторых, селянин и теперь живет на земле и землях. И не скука, не порывы души заставляют доярку и тракториста, вернувшись с работы усталыми, от земли и скотины общественной, вновь идти в огород и к скотине, теперь уже личной. Не порывы души, но обстоятельства. Повторю: крестьянин вынужден кроме труда общественного ежедневно работать еще и на себя, добывая продукты питания. Вынужден.

«Землю попашет, попишет стихи», — предвещал поэт.

Нет, пока что не получается. «Землю попашет», а потом снова «землю попашет». А уж потом до «стихов» ли...

В этом мне видится основная причина ухода людей с мест насиженных. Люди хотят жить лучше. Они видят тому пример в городском житье с определенным рабочим днем, с двумя выходными и отпуском (последних сельчане практически лишены работой на себя). И потому уходят. И если старики не сумеют уйти, то детей вытаскивают, не жалея сил и средств. Город берет. Город до людей тоже жаден. Работу он дает не в пример легче.

А если добавить все то, что говорили мы выше: нелады сельской школы, сельской медицины, сельской службы, то станет ясно, что уход людей из села — явление естественное. Спросите любого ушедшего из села. Ответят вам следующее: «детей надо подымать», «здоровье некудвое», «пожить хоть по-людски». Ответы одинаковые.

Сейчас на селе зарабатывают порою неплохо. Придите в бухгалтерию колхоза, и вам с удовольствием покажут ведомости, где скотник получает по 200—300 рублей. Немногим поменьше доярка, телятница. Но высокой зарплатой отток из деревни не остановить. Как говорится, не в деньгах счастье. Не только в них. Тем более что деревенский рубль менее весом, чем городской.

И к тому же, попробуйте посчитать, за сколько часов эти рубли и сотни заработаны. Ведь рабочий день механизатора, скотника, доярки — немереный. Мы это знаем прекрасно. Не семь часов работает тракторист, а световой день. Не семь часов доярка. А с пяти-шести утра, от первой дойки, до восьми-девяти вечера. Пусть и с перерывами. Вот и считайте тут деньги. 200 рублей, 300 рублей... Много это или, наоборот, мало?

Да к тому же счастье не в деньгах, а в жизни. И от жизни деревенской, не больно сладкой, уходят и уходят люди. И уходят те, в ком прежде всего нуждается село. Уходит молодежь — крепкие руки, уходят хорошие работники, специалисты. Бездельник да пьяница с места тронется ли? Где его ждут? Умные, работающие руки везде нужны. И потому так катастрофически не хватает сейчас на селе образованных специалистов: механиков, электриков, кузнецов, слесарей, плотников — из породы тех, кто «блоху подкует».

Взять такой наглядный пример. Стоят на селе, почитай, возле каждой фермы, сенажные башни. А иной раз по две. Стоят мертвые. Спросил я у журналистов сельхозотдела областной газеты: видели ли они постоянно действующую сенажную башню. Ответили: единожды. Вот так. И это огромная сельскохозяйственная область. Руководители хозяйств отвечают одинаково: «Не идет у нас».

Во всем мире идет, а у нас — нет. Не в российской глупости тут дело. Стрелка барометра показывает: с техническими специалистами на селе беда, коли уж с сенажной башней нельзя совладать.

Сенажную башню — вон какая дура! — отовсюду видать. А сколько «башен» поменьше, не видных, которые не идут у нас? Ведь много. Кормоцехи, кормозаводы, механизация ферм, огромные лежбища годной, но ржавеющей сельскохозяй-

зайственной техники. Все, все просит умных рук. А где они? Как их привлечь, чем?

Мне кажется, что увлечение городским раем кончается. Приток людей в город обусловлен лишь несравненно лучшими условиями тамошней жизни. Но многие уже понимают, что жить лучше не в городской кутерьме, а у леса, поля, чистой речки и прочего. И если создать нормальные условия, то потянутся из города и учителя, и врачи, и рабочие умелые люди. Многих призовет туда сердечная память.

А сельский житель перестанет испуганно озираться и прикидывать, когда и куда ему убежать.

3

Мать плохо спала, поднялась чуть свет, и тревожили ее не вселенские заботы, а дрова.

— Хоть бы ныне вам Господь помог, — говорила она, провожая нас в контору.

— Привезем... — успокаивали мы. — Сегодня-то дадут трактор.

— Это бы хорошо... А вот соседи уж месяц не могут привезть. Все выписанное у них, а трактора не дают. И бабка Амочаева жалилась. Можя, вам, ребята, лошадей попросить? Съездили бы два раза.

— Не проедешь на лошадях. На плотине застрянем.

В конторе нас встретили весело.

— Ну как? Привезли дрова и еще захотели?

Лишь управляющий, увидев нас, завздохал, начал сокрушенно головой качать:

— Во какой... Не приехал? А я ж ему наказал: обязательно. — И начал он звонить в Дубовку, разыскивая неведомого нам Николая: — Николай! Ты чего делаешь? Понятно. Цепляй тележку и приезжай сюда. Силос? — недолго подумал управляющий. — Ладно, нехай пока сеном кормят. А к после обеда ты приедешь. В общем, давай. В одиннадцать будь здесь.

К одиннадцати мы в контору не пришли. Товарищ мой воспротивился. Напрасно я понукал его и принуждал, он стоял на своем:

— Не придет к одиннадцати. Раньше часу не будет.

С великим трудом вытянул я его к двенадцати часам.

Конечно же, никакого трактора не было. Ни подле кузни, ни у конторы, и дубовская дорога была пуста.

А в конторе сидел народ. Нынче поехали за хлебом, и теперь уже собиралась очередь, бабы да старики пенсионеры. Ефремыч, однорукий Гаврила Яковлевич, бывший пчеловод, он вроде бы и не старел, и Фомич, старый ветфельдшер, совсем плохой, с одышкой. Бабы вязали платки, хлебные мешки под себя подложив. Неторопливо переговаривались.

— Ныне на чем поехали?

— На лошадях.

— Нескоро теперь...

— Нескоро. Баба... Трюшком... Да и упряжь ныне какая. Там порвется да там.

— На тридцать лошадей одну упряжь дали, и ту Максимов забрал.

— Гляди, еще перевернется. Колея-то ныне вся под технику. На санях плохо.

Товарищ мой прав был: трактор приехал в час. И покатили мы за своими дровами. Кое-как притулились за невысоким бортом тележки и подались.

Дорога была нелегкой. В первый раз застряли мы еще пустые тут же, на выезде из хутора, на плотине. Добро, что гусеничный трактор оказался рядом. (С Елены Федотьевны — магарыч.)

Потом обратный путь, долгий, с тяжелым возом. Рыхлый снег, а под ним — незастывшие хляби. Становились то там, то здесь. Легонький наш «Беларусь» крутил стертой резиною, с трудом схватывая дорогу.

На подъеме, на выезде из Летника, застряли намертво. Мучались, мучались, пока не разгрузили тележку. И уже пустой вытянули ее на ровное и тягали к ней дубовые дрова снизу. Устали, взмокли. Озябнув, нахохленно сидели на возу, пугаясь каждого бугорка и падьки. И трактору помогая сердцем: «Давай, родной...»

И снова застревали, прыгали на землю, под колеса подкладывали и подкапывали, переходили на длинный трос, дергали, «серьгу» поломали.

Но добрались и с вечерней синевой разгрузились. И тут уж вздохнули спокойно.

На другой день пилили и кололи, а скоро подошел отъезд. Провожала нас мать со слезами.

— Спаси Христос... И управу спасибо, и трактористу спасибо, и вам... Теперь мне зима не страшна. Теперь я...

И не пустые то были слова. Я вспомнил, как позапрошлой зимою, в январе, на Крещение, одна из соседок матери, тетка Таиса, каждый божий день тащила и тащила на себе вязанку дров из займища. Каждый день. В займище снегу по пояс, мороз. А куда деваться!

Тетка Таиса всю жизнь проработала дояркой. Положили ей пенсию, присвоили звание заслуженной колхозницы. Конечно, почет...

Но вот не нашлось «дурака» лесничего, который взял бы да привез положенные два куба дров к дому.

1984

В ДОРОГЕ

Люди старшего поколения несомненно помнят новомирские очерки Валентина Овечкина 50—60-х годов. По нынешним временам эти очерки не произвели бы никакого впечатления: подумаешь, спорят два секретаря райкома КПСС, один чуть передовой, другой чуть отсталый, оба партийные ортодоксы, — смешно! («Районные будни»). По тем временам было не смешно, а настолько серьезно, что очерки эти открыли новую страницу русской словесности, страницу «деревенской прозы» — под таким названием вошли в мировую литературу (нисколько не преувеличиваю) произведения многих и многих писателей.

Нынче не так, нынче и реализм подается через фантастику, нынче жизнь наша действительно настолько усложнена, что писатель не справляется с нею и находит выход в том, чтобы выдать за сложность и непостижимость жизни собственную сложность и непостижимость: и я не лыком шит, попробуйте-ка меня понять — по зубам или не по зубам? Все это говорится без иронии, литературу создает

время, это его требование, но вот в чем дело: пройдут годы, люди захотят понять, чем же все-таки была «перестройка», и вот тут-то они и потребуют реализма как такового, типа овечкинского, новомирского времен Твардовского, и, наверное, я не ошибусь, если скажу — типа екимовского. Вот мы и договорились с Борисом Екимовым, что он будет присылать нам свои очерки (зарисовки, дневниковые записи) из Калачевского района Волгоградской области. Полагаю, что это дело необходимое, что литература попросту не имеет права мимо такого материала пройти, миновать его.

Сергей Залыгин

В детстве ли, в юности куда-то отчаянно хочется ехать. Помню, давным-давно завидовал я не пассажирам скорых поездов, их мягким вагонам, а стрелку-охраннику на продужной тормозной площадке товарного вагона: перед ним не окошко, а весь мир. Хотелось скорее вырасти, взобраться туда и катить, открывая огромную страну километр за километром.

И нынче, в годах почтенных, и многое повидав, все же тянет меня порою в дорогу, в места, где бывал не раз. В Задонье, к станицам и хуторам далеким и близким: в Голубинскую, Евлампиевский, Большой Набатов... Или в сторону Бузулука, где: Клейменовский, Вихляевский, Мартыновский хутора, станица Алексеевская... А может, и дальше, в Затовскую, недавно еще умиравшую. Нынче, говорят, там иное. Хочется поглядеть. Повидать знакомых людей. Тем более что пришли на донскую землю новые времена. Может, и они зовут нас в дорогу...

Поздним июньским утром на хуторе Клейменовский по приказу хозяйки моей Елены Федотьевны приводил я в порядок уже скошенный прибрежный лужок, разрывая высокие муравьиные кучи, которые мешали косьбе. Появились они не вдруг, постепенно, но год за годом все больше портили покос. И вот наступила расплата. Я лопатой раскапывал кучи, вскрывая муравьиную потаенную жизнь: кладовые с припасами, галереи, ходы, камеры с муравьиными яйцами — будущим расплодом. Белая россыпь выворачива-

лась наружу. На нее с ходу слетались бедовые воробьи. А в муравьином мире поднялась, конечно же, предсмертная суматоха: нежданно-негаданно среди бела дня свалился на них разбой, гибель нажитого, построенного, налаженного — словом, всей жизни.

Два часа назад, как и вчерашнее утро, провел я на утреннем бригадном наряде. В хуторской конторе стоял единственный телефон. Пытался я дозвониться до райцентра. А вокруг текла обычная утренняя жизнь. За столом сидел управляющий отделением Виталий Иванович, рядом его помощники Максимов, Кривошеев, другой народ. Решали утренние дела. Ругались, спорили. Так было всегда.

Но нынче на хуторе шла и другая работа. Нынче время реорганизации. Сначала разукрупнялись, выходя из колхоза «Деминский» и создавая свой, поменьше. Заставляли людей писать два заявления: на выход и на вступление. Кое-как написали. Теперь снова надо писать две бумажки: на выход из нового колхоза для выделения земельного и прочего пая и тут же на вступление, теперь уже с паем. Месяцем раньше, отделяясь в свой малый колхоз, люди еще что-то понимали: «Отделимся и расхорошо заживем. Без нахлебников».

Из всех свобод, дарованных новым временем, две сразу приняли мы и с радостью стали применять в жизни. Первая — «гнать в шею!». Вторая — «отделиться!».

«Гнать в шею» начали с Горбачева. Гнал каждый своих. Россия ли, Украина... Вольный Кавказ и счет своим вчерашним лидерам потерял. Сегодня несут портреты, а завтра — «по шеям!». Волгоградская область прогнала Калашникова, Хватова, Анипкина и других.

Селяне моего родного Калачевского района гнали директоров совхозов. Начали с прославленного В. И. Штепо, за ним пошли совхозы пожиже: «Донской», «Калачевский», «Советский», «Крепь». В последнем до двух раз прогоняли, а потом снова призвали «володеть». Веселое время.

Вторая свобода — «отделимся!». Так просто все кажется порой... Клейменовским колхозникам как дважды два ясно было, что уйдут они из большого колхоза в свой маленький и «расхорошо» заживут. Ведь все сливки снимает централь-

ная усадьба Деминка, там лишь метро нет. Новые дома — целыми улицами. Средняя школа, Дом культуры, служба быта (подстричься ли, платье сшить), по дорогам — асфальт, три магазина, автобус к ним ходит из райцентра. А работать разве не легче? Все под рукой: мастерские, электросварка, пилорама, склад запчастей, гараж. Да и работают ли там, в этой Деминке? Вряд ли... Лишь «цобекают», клейменовских дураков подгоняют. Построили двухэтажную контору («все там блестит, как малированное»), поселили и командуют.

А Клейменовка за все долгие годы что получила? Ровным счетом ничего. «Сталинская» куня, со всех сторон подпертая. Ее при Сталине делали. А после нее, лет пять назад, слепили начальную школу, которая на следующий год развалилась. И два дома для отчета. Жить в них нельзя. Многодетный Капустин кинулся было в один из них, но прожил лишь до первых холодов и вернулся в старую хату. Вот он — весь нажиток клейменовской бригады. За пятьдесят послевоенных лет.

Украину, Армению, Грузию угнетал Советский Союз. Москва да Россия «снимали сливки». «Отделимся и проживем расхорошо». Живут...

«Отделимся и проживем расхорошо», — повторяют вослед им в Татарии, Чечне и в Клейменовке тож.

Отделились, написав две бумажки: одну на выход из «Деминского», другую на вступление в новый колхоз «Возрождение».

Только-только просохли чернила — новая докука. Снова бумажки пиши. Управляющий сердился, требовал: «Пишите заявление. Образец на стенке висит».

«Пишите!» — легко сказать. Когда уходили из «Деминского», там все было ясно: отделимся и проживем. А нынче другое. Толкуют про годо-рубль, условный гектар и паи земельные да имущественные, про акции, дивиденды. Раньше: колхоз или совхоз — и весь выбор. Нынче можно стать акционерным обществом открытого да закрытого типа, коллективным сельхозпредприятием, сельским производственным кооперативом, коллективно-долевым хозяйством, народным предприятием, ассоциацией крестьян-

ских и фермерских хозяйств... (Читатель мой, я ничего не придумываю, лишь перечисляю те «формы собственности», которые появились в наших краях.) А ведь образование клейменовских жителей не экономическое, в лучшем случае — «восемь классов да коридор с братом Митькой напололам». И потому новые формы, пока теоретические, маломальски осознавались лишь в головах немногих руководителей. Рядовой же колхозник, перевидавший на своем веку много перемен, поеживался да с тоскою глядел вперед: что там будет? А те, кто «поумней», делали вывод четкий: воровать надо как можно больше, теперь и ночи нельзя ждать, средь бела дня тyani, иначе опоздаешь. А бригадир свое требовал: «Пишите. Образец на стенке». Кто-то покорно сдавался, писал. Другие бунтовали: «Не буду! Подпись дашь — и обдурят! Всю жизнь дурили и дурят нашего брата». Третьи молчком уходили, надеясь переждать: там будет видно. Лишь известная личность по прозвищу Шаляпин с ходу нацарапал два заявления и объяснил всенародно: «Надо получить и пропить этот пай. А то помру — и пропадет!»

Для Шаляпина все было ясно, а для других — сомнения и боль невтерпеж. И мне, человеку со стороны, жаловались и жаловались наперебой:

— Хоть бы нам кто приехал да объяснил.

— Кто тебе объяснит? Сами никто не знают.

— Какая мне земля положена, где?

— На кладбище, две сажени...

— Одной хватит за глаза.

— А технику как делить? По колесу?

— Поделим. А Шаляпин свое колесо пропьет. Будем на трех ездить.

— Двужиловым, фермерам, пятьсот га выделили. А мне — девятнадцать. Почему? Я жизнь свою поклял...

— У меня сын в армии. Пока вернется, все поделят. Останется с таким.

«Пишите. Образец на стенке», — твердил свое управляющий. Но не больно слушали его. Судили, рядили... В самой конторе, на крыльце, возле кузницы, у амбаров, посреди хуторской улицы. Народ гудел.

Елена Федотьевна три дня назад, еще до приезда моего, поставила «подпис» на двух бумажках, которые за нее написали. Теперь ей «чегой-то будут давать... не знаю чего...».

Елена Федотьевна, мать Лелька, как зовут ее в семье, — добрая хозяйка моя, колхозный пенсионер, героиня моих рассказов и страдальца за них. Хуторской народ порой узнавал себя ли, родных в моих писаниях. Одни посмеивались, другие, вроде Холюши, внимания не обращали, но нашлись и обиженные. Они-то и подняли бучу, свалив на мать Лельку мои грехи. Тяжко ей пришлось. Даже в магазин боялась ходить. Теперь, слава богу, утихло. Да и мать Лелька в последние годы на хуторе родном летняя гостья. Зимой живет она у дочери, скучая там и торопя холодные месяцы, и уже с февраля начинает надоевшую зятю песнь: «Пора бы меня на хутор везть. Тепло уж... Рассаду пора готовить... Водички своей хоть напиться. Ваша-то горькая, полыном отдает».

По теплу ее увозят, и старая женщина долгое лето живет в родном доме, сладимую хуторскую воду пьет и обихаживает немереный огород: картофельник, капустник, помидоры, лук-чеснок и прочее — всему там место есть. С утра до ночи гнется с мотыгой да лопаткой. Порой гостей встречает, как меня теперь. Лицо ее дочерна загорело, нос лупится. Седая, от работы сутулая. Лишь живые глаза под выгоревшими бровями синеют по-прежнему. Нынче в них недоумение и боль.

— Мой сынок... Такая жизнь настала... Велят писать, я послухалась, подпис дала. Все всгалчилися... Тришкина свадьба... Аж страшно. Пенсию сулят большую, сотня... Да никто им не рад. Получала шестьдесят рубликов, трудилась, и все у меня было. Сам знаешь, любила я, чтоб чисточко. Халатик новый куплю, платок, чирики. В своем ли магазине, на станцию перекажешь. К празднику, ко Святой, например, любила я обновку в дом принесть: занавески, клеенку новую. Ситчик-то был полтора рубля. Гости приедут, бабка Лелька их встретит как положено: внукам конфетки да печеники, сынку да зятьям — бутылочку. А ныне — всё, отконфетилась и отбутылилась бабка Лелька. Где такую денежку взять? Пенсию другой месяц лишь обещают. Халат в магазине — четыреста рублей, печеники — сто рублей. Господня страсть...

Подошедший сосед, Иван Бочков, встрял в разговор:

— Чего об вас, старых, гутарить. Вас — под яр. Тут вроде еще в силах, работаешь, а получишь получку — и не знаешь, куда ее прислонить. Раньше я семьдесят рублей зарабатывал. Конечно, мало. Но я мог пойти в наш магазин и на эти деньги одеться с ног до головы. Костюм за сорок рублей, болгарский, праздничный, мне купили за шестьдесят, так он до смерти. Рубашка — пятерка. Полуботинки десять-двенадцать рублей. Еще и на кепку хватит. Ныне я триста рублей отхватил. Костюм магазинный — тысяча девятьсот. Об нем и думать нечего. А ныне я и вовсе без работы, бензину нет, стоим.

— На черный день да на смерть всю жизнь копейку сбивали. Другие таятся, а я гордилась: три тыщи на книжке, — приосанилась мать Лелька. — Где теперь моя денежка? Родная дочь корит, говорит: ты, мать, глупая, чем копить, купила бы нам по ковру, а ныне подотришь своими тыщами. Так-то вот...

Одна ли ты, мать Лелька, руками разводишь? Мой земляк, лучший чабан в округе, Бувашов, Герой Труда, всю жизнь провел в голой степи на чабанской точке. Отработал свое, скопив 25 тысяч «на книжке». «Купим домик возле людей, будем с бабкой жить». Пока собирался — грянуло. Теперь удивленно разводит руками: «Где мои 25 тысяч?» Спасибо совхоз ему «домик» строит за былые заслуги. Иначе бы без угла остался старый чабан, как остались на Дальнем Севере мои читатели, от которых получил я письмо. Тридцать лет отработали. Накопили 50 тысяч на машину и дом в России. А тут новые времена. 53 тысячи стоит заказ одного контейнера для вещей. А куда их везти? «Так и останемся, словно мамонты, в вечной мерзлоте». Матушка моя и сестра ее, тетя Нюра, скопили себе на похороны по тысяче, отрывая от пенсий, весьма небогатых. Тетя Нюра успела помереть. Ее схоронили на эти деньги и помянули на сорок дней и на годовщину. Материнской тысячи теперь не хватит и на дешевый бумажный венок.

Народ, для народа... — языки истрепали наши высокие радетели. Грязные свары их, нескончаемый дележ, взаимные упреки. Не моей ли бедной матери да матери Лельки за

трудную жизнь заработанную копейку никак не поделите вы?

Стоял я на берегу речки, глядел на развороченные муравьиные гнезда, думал о нынешнем и вчерашнем, о чужом и своем, о людях и о муравьях тоже. Муравьи не ведали, что по приказу хозяйки провожу я улучшение прибрежного луга. Для них это было — разор и беда. Не ведали и люди, земляки мои, что проводится реорганизация сельскохозяйственного производства, да и жизни прежней. Им казалось — света конец. И слепо пытались они куда-то брести, бежать, тащить, спасаясь и спасая, словно вот эти муравьи у меня под ногами.

Мир сельский, мир гудящий, человеческий, растревоженный улей, что с тобой?

Моя нынешняя поездка, разговоры с людьми — стремление не столько понять и осмыслить, сколько лишь услышать и донести до читателя мало-мальски достоверную правду. Все-то правды нам век не узнать. Она, говорят, лишь у Бога.

Колхозные ли, совхозные боги не в красном углу — они не иконы. На хуторе главный бог — управляющий отделением, бригадир ли. В его руках техника, хлеб, корма, дрова и прочее, чем жив человек на селе.

А ныне Виталий Иванович, клейменовский управляющий, сам ничего не поймет. Он уверен лишь в одном: колхозы решили уничтожить.

— Да, уничтожить, — говорит он. — Всеми средствами. Налог колхозы платят дурачий, а фермеры — освобождены. Процент по кредитам: колхозу — восемьдесят три процента, фермерам — четыре. Людям вовсе перестали платить. У меня пятьсот рублей оклад, шоферу — триста, главному специалисту колхоза — девятьсот. А жена в магазин пошла, на двести рублей принесла товару — в одном кармане халата все уместилось. Платить перестали, значит, указывают: не работайте в колхозе, глядите на сторону. Бегите туда. Вон на Долговском хуторе фермеры набрали кредитов и горя не знают: женам закупили бархатных платьев, а сами на бугре водочку пьют. Да что Долговка, в нашем колхозе, в Мартыновке, фермеру — пятьсот га земли,

а наши паи — по девятнадцать. Им «Волги» по госцене продали, они их по миллиону на бирже загнали. Чем не жизнь? Другой фермер, тоже на нашей земле, новой техники закупил и поставил ее, бережет на случай. А землю ему колхозные трактористы на колхозных тракторах обрабатывают за магарыч. Тут и слепому ясно: уничтожить хотят колхозы!

Виталий Иванович всю жизнь бригадирствует. Меняются в колхозе председатели, течет время, а он — на месте. Роста высокого, с крупными чертами лица, большерукий, сильный. Хозяйка моя, Елена Федотьевна, долгие годы работала под началом Виталия Ивановича и всегда говорит о нем с уважением:

— Делучий... Что трудяга, то трудяга. Уважительный. Лошадь ли надо, трактор — всегда поможет. Лишь пьяницы его огорчают. Он, бедняга, иной раз аж криком кричит... За шкуру их, как котят, и кидает. Он же вон какой сильный.

Виталий Иванович немногословен, обстоятелен. Дом построил большой, хороший сад посадил, сенокос соорудил возле сараев — словом, готовился на хуторе доживать, когда придет время уйти на пенсию. Но теперь он растерян. Да и только ли он...

Началось все в конце 1991 года. Два правительственных документа: указ Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» от 27 декабря и постановление правительства «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». Там было много всего:

«Колхозы и совхозы обязаны провести реорганизацию...

Местной администрации организовать продажу земель фонда по конкурсу...

Земли передаются или продаются... на аукционах гражданам и юридическим лицам...

Предоставить крестьянским хозяйствам право залога земли в банках.

Разрешить с 1 января 1992 года гражданам, владеющим земельными участками на правах собственности, их продажу...

Невыкупленные участки земли продаются на аукционе...

Колхозы и совхозы, не обладающие финансовыми ресурсами для погашения задолженности по оплате труда и кредитам, объявляются несостоятельными (банкротами) до 1 февраля и подлежат ликвидации и реорганизации в течение первого квартала 1992 года».

Указ и постановление были опубликованы в газетах в начале января. За ними последовали разъяснения. Министр сельского хозяйства В. Н. Хлыстун: «Мы будем настойчиво рекомендовать изменить форму хозяйствования... Принятие указа Президента РФ и постановлений правительства следует воспринимать... как создание механизма для быстрого реформирования сельского хозяйства». Правительство: «Мы твердо поддерживаем фермерское движение, рассматриваем его как нашу опору и будущее сельского хозяйства».

Согласимся, что было от чего кругом пойти голове не только у клейменовского бригадира Виталия Ивановича, тем более что колхоз давным-давно был в долгу как в шелку.

Короткие заметки с февральского совещания в райцентре. Народу немного: председатели колхозов, директора совхозов, руководители района, агропрома. Вопрос один: что делать? Сначала, чтобы дать направление разговору, руководящее:

— Как сказал один из руководителей облагропрома, сев будем вести в другой формации. Давайте задумаемся над тем, что даже испытанные и проверенные командармы колхозно-совхозного производства Штепо и Попов (дважды Герой и Герой Социалистического Труда. — Б. Е.) не голосуют сегодня двумя руками за старое... Пошел необратимый процесс.

И разговор пошел:

— Колхоз — все там условно. Это образование эффективно не работало и работать не будет.

— Если валить, то шустрее. Дров много. Давайте до сева поделимся, чтобы потом с саженью по хлебам не бегать.

— Работа по разделу не страшит, — бодро доложил главный землеустроитель района. — Участвовал в укрупнении колхозов. Теперь пришла пора делить, будем делить. Штат расширен, справимся.

— С разделом будут трудности. Уже находятся чудачки, которые достают из сундуков или из-за икон документы о сдаче их отцами в колхоз молотилки, сеялки с веялкой. Теперь пойдй найди, где та молотилка, та веялка.

— Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда, — философски произнес председатель райпо. — Хорошо бы не пороть горячку. Федоров нас уже накормил.

Знаменитого Федорова здесь знали все. Кто и не видал, так был наслышан. Федоров — первый фермер района, хозяин 112 гектаров земли.

Объявился он в Калаче летом 1990 года. Ростом невеликий, метр с кепкой, по профессии механик бытовых машин, волгоградский житель. Просил землю: «Хочу работать на земле. Согласно новому времени...» — и так далее. За словом в карман не лез. Поглядели на него, посмеялись, сказали: «Будь здоров. Езжай, холодильники ремонтируй». Через неделю звонок из области: «Почему препятствуете? Человек хочет работать. У вас в районе ни одного фермера». Пытались объяснить: «Этот человек сроду земли не видал. Ездить умеет лишь на троллейбусе с водителем».

Уж чего-чего, а показуху устраивать мы научились. Отрапортовать, доложить, прибавить пару-другую ноликов. Головокружительная карьера Махарадзе, чуть не за год взлетевшего с должности директора стеклотарного заводика в райцентре до российского вице-премьера, тому подтверждение. Ко всему прочему, Махарадзе, став председателем облсовета, вовремя доложил, что фермеризация Волгоградской области идет успешно, сообщил цифру с ноликами.

Одним из этих «ноликов» и стал первый калачевский фермер Федоров. Когда привезли его на поле, он упал на землю, картинно обнимая ее, кричал: «Моя родная земля-кормилица!» «Кормилица» потом зарастала бурьянами год и другой, пока ее не забрали.

К февралю 1992 года в Калачевском районе было зарегистрировано 54 крестьянских хозяйства с 2806 гектарами пашни. Лето 1991 года было уже позади. Федоров на своей земле вырастил бурьян. Семья Найденовых, тоже волгоградская, имея 4, 5 сотни гектаров, на 100 гектарах посеяла просо, но получила тоже бурьян. Сам Найденов — пен-

сионер, бывший юрист, сыновья, на погляд крепкие, деловые, жили в городе, работали на производстве. Во-первых, за двумя зайцами, во-вторых, крыловская басня про пирожника и сапожника — словом, и у них не вышло.

Из 54 крестьянских хозяйств района всерьез можно было говорить лишь о двух: Чичеров и Ляпин — на 103 гектарах земли, Хлиманенко — на 127. Причем говорить всерьез не о какой-то отдаче, а лишь о том, что землю свою обрабатывали, урожай собрали, подчеркну — с доброй помощью тех совхозов, откуда вышли. К этим людям мы еще вернемся не раз, любопытствуя, как живет им, как работается.

А теперь снова к тому совещанию в райцентре, где собрались директора совхозов, «сельские бароны», как принято их называть в «демократической» прессе, люди пожившие и повидавшие много чего.

— С семнадцатого года сельхозорганы претерпели уже двадцать девять реорганизаций, — сообщил один из «баронов». Сам ли он подсчитал, в газете ли вычитал, не знаю. Есть такие сборники, они выходили за томом том: «Решения партии и правительства по сельскому хозяйству». Ежегодно таких решений принимался не один десяток: «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства» или «О природных сенокосах» и прочее, прочее.

Совхозные руководители хорошо знали еще и иные цифры: в районе около 150 тысяч гектаров земли, 40 тысяч голов крупного рогатого скота, почти 100 тысяч овец. Это реальная продукция. А для селян — работа, а значит, плохое ли, хорошее, но реальное житье. А для страны (про страну «бароны» не забывали) это реальные хлеб, мясо, молоко на каждый день. Раньше получали поболее. Сейчас началось снижение. Причина — падение дисциплины снизу доверху: от тракториста и скотника до директора совхоза. Прежде утром директора совхозов и управляющие долго не спали. Уже в пять, в шесть утра может на ферму с внезапной проверкой приехать «хозяин» из райкома, проверить кормление, дойку. Так что не позорюешь. Нынче — свобода.

Но около 150 тысяч тонн хлеба и 33 тысяч тонн молока, 6,5 тысячи тонн мяса район ежегодно дает. И поэтому лучше всего погодить. Новая метла, горячие молодые голо-

вы — все это понятно. Головы поостынут, метла изотрется... Надо годить. Чтобы тот спад, который идет в совхозах, не превратился в обвал. Потому что убыточный совхоз «Голубинский» все же дает мясо, шерсть, хлеб. А посади на его земли сотню федоровых и найденновых — получится бурьян.

Высокому начальству перечить нельзя. Велит президент проводить реорганизацию колхозов и совхозов — будем проводить, составим график. Но в постановлении написано: «...по 1 января 1993 года». Сколько воды за год утечет, сколько будет перемен. Не надо спешить. Поставим срок выполнения... 26 декабря, например, или 25. А кто очень спешит, пусть к 23 декабря реформируется. А главное, нужно готовиться к севу (техника, горючее, семена) и зимовку скота завершить. Но в то же время, выполняя указ президента, создать районные и внутрихозяйственные комиссии, которые будут проводить реорганизацию хозяйств по графику, по плану. Какую реорганизацию? А такую, какую захочет народ.

Уже в начале марта калачевская районная газета под рубрикой «Пути приватизации» на первой полосе объявила: «Землю — крестьянам». Заголовок был набран крупными буквами, а внизу, помельче, сообщалось, что во всех хозяйствах района, «как и предполагалось, абсолютным большинством голосов участники собраний высказались за владение землей на коллективно-долевой основе, то есть по-прежнему, как и раньше, лишь вывеску изменив на современную. В совхозе “Калачевский”, например, знатный механизатор, ветеран труда Н. Ф. Ткаченко прямо сказал о том, что люди на селе не готовы работать на земле индивидуально. Для этого в стране просто нет условий: селяне привыкли трудиться сообща».

Значит, по-старому всё. Не скажите...

Московское начальство день за днем повторяет: «Колхозы отжили. Страну спасут фермеры». Большинство газет, телевидение, радио о том же шумят. Из редакции журнала, где я работаю, пришел наказ: дать зримо шаги фермерства, первые результаты.

Областное начальство внушает: «...земельная реформа затрагивает интересы колхозов и совхозов, а те настроены

так, что не подходи и не трогай, у них-де все решено. Ничего там не решено. Хорошие фермеры уже в минувшем сезоне получили со своих земельных участков в полтора-два раза больше продукции».

Вчерашний директор совхоза, дважды Герой, заявляет: «Колхозы-совхозы гибнут на глазах... Жрать что будем?» И вот уже другой председатель, но работающий, тоже Герой Труда, вздыхает: «До осени бы дожить... и поделиться».

Колхозные да совхозные специалисты, те, что помоложе, начинают прикидывать вслух: «Можно взять хотя бы свиноферму. Кредит получить, выкупить. Разогнать лодырей, оставить людей работающих и работать».

В фермеры пошли серьезные люди: бывший секретарь обкома партии, секретари райкомов, директора совхозов. Пока немного их, но имена известные, сами за себя говорят.

Владимир Федорович Гришин — в прошлом секретарь обкома партии, ведавший сельским хозяйством, позднее председатель областного комитета народного контроля. В шестьдесят лет уйдя на пенсию, он взял землю, стал работать на ней. Сейчас у него 800 гектаров пашни под озимой пшеницей, подсолнухом, кукурузой и гречихой. Работают с ним сыновья. Старший — инженер-механик по сельхозмашинам, младший — бывший военный, связист. Гришин хозяйствует два года. До встречи с ним, стороной от людей разных, слышал я о нем и хорошее, и худое. Утверждали, что сам он лишь командует, нанимая совхозных трактористов для работ.

И вот я приехал. Новоаннинский район, совхоз «АМО». Земли богатые, чернозем. На окраине села — два вагончика, кое-какая техника, внуки да жена одного из сыновей.

— В поле, — ответили на мой вопрос о мужчинах.

Поехали в поле, на стан. Здесь, рядом с землей, должны были встать два дома. Но пока лишь груда кирпича. Младший сын возится с комбайном, готовя его к жатве. Поле озимки уже бронзовеет.

— Культивирует, — ответил сын на мой вопрос об отце.

На счастье не только мое, а и всех земледельцев, собрался и закапал дождь, первый почти за два месяца. Тут

и подъехал Владимир Федорович. Спрятались мы под крышей недостроенного склада, беседовали.

Когда заходит разговор о таких хозяйствах, как у В. Ф. Гришина ли, В. И. Штепо, бывшего директора совхоза «Волго-Дон», дважды Героя Труда, слышишь порой раздраженное: «Конечно, они нахватали по благу техники. Теперь живут...» Что же, Гришин действительно купил достаточное количество техники по ценам сносным. Но разве в одной технике дело? Ведь наша страна по производству тракторов да комбайнов давно всех перегнала. А проку? У Гришина техника работает. В первый год он произвел по 40 тонн зерна на работающего, во второй — 150 тонн. Землю получил засоренную. Бодяк — выше человеческого роста. Двенадцать-четырнадцать культиваций провели за сезон. Работали по четырнадцать-восемнадцать часов. «Подремлешь часок-другой в кабине — и поехали», — вспоминает Владимир Федорович.

Неделю спустя встретил я Виктора Ивановича Штепо, от него услышал те же слова:

— Пятнадцать-восемнадцать культиваций. Страшно засорена земля. Бодяк, осот, горчак... Ну ничем не возьмешь...

А ведь у Гришина земля опорно-показательного хозяйства сельхозинститута. Показательные земли — хозяина нет. Новоаннинский район, Михайловский, Урюпинский — черноземы. А средняя урожайность за двадцать лет — 15—17 центнеров с гектара. Считаю, такая же, как в южных районах, на песках. Хозяина нет — товар плачет.

Нынешний хозяин Гришин ночует в кабине «КамАЗа» на своем полевом стане. Сторожит технику да кирпич, который уже воровали. Приходится продукты из города возить. Словом, нет райской жизни, есть лишь тяжелая работа. А ради чего? Вчера — секретарь обкома, нынче — за рычагами трактора по десять-двенадцать часов. В шестьдесят с лишним лет. Показатели советского благополучия (квартира, дача, машина) у него были и есть — так зачем такая ломка в жизни? В двух строках и с налета ответить не могу. Лишь обещаю вернуться к таким людям, как В. Ф. Гришин. Сейчас же прошу ответить хозяина, хорошо ли ему живется при новом деле.

— Плохо, — ответил он. — И если бы я заранее знал, что так все обернется, то в это дело не полез бы. Ельцин обра-

нул нас. На словах он за фермерство. Но что проку от его слов, если отбирают у нас шестьдесят-семьдесят процентов нами заработанного: десять процентов — за хранение, двадцать восемь процентов — всем известный коэффициент, тридцать процентов — госзаказ. И все кажется мало. Весной районный совет постановил шестьдесят процентов сдирать с нас. И еле-еле отбрыкались. Да еще не до конца. А где гарантия, что завтра сельский совет не потребует девяноста процентов? Что мы имеем от этой жизни кочевой? И от работы? В прошлом году на каждого для прожития взяли по двадцать пять тысяч. Значит, по две тысячи в месяц. А главное — не видим определенности, перспективы. Что завтра правительству в голову придет — как угадать? Я сыновьям говорю: «Давайте быстрее рассчитывать с кредитами. Иначе завтра грянет их индексация — и мы пойдем по миру». Сидим без электричества. Линию электропередачи поставили за сутки. А подключают: три провода накинуть — второй месяц. В Волгоград, в Урюпинск, в Филоново уже раз двадцать ездили. Бумаг — кипа, света нет. И так во всяких мелочах. Не работа страшит, а такая вот дурь. Вот почему говорю: знал бы, не полез в это дело.

Опять к В. И. Штепо вернемся, у него те же слова:

— Не пробьешь... Тонешь в пустой волоките... Коло-тишься как об стену...

И кто это говорит! Гришин — прошедший путь от агронома, председателя колхоза до секретаря обкома. Штепо — дважды Герой Труда, директор одного из лучших в стране совхозов. Это не просто люди. Это — «бульдозеры», «тяжелые танки», «генералы» с могучей энергией, хваткой, способностями, связями, высокими знакомствами. С именем, наконец: Штепо! Гришин! Такое имя любые двери откроет. Они жалуются. Говорят: невозможно работать. А что же делать простому Ване, Пете, вчерашнему трактористу, ныне полноправному хозяину двадцати ли, пятидесяти гектаров?

Ранним утром на Алексеевском грейдере подвез я попутчика, механизатора. Спросил о фермерстве.

— Было желание, — ответил он. — Пошел к председателю, он говорит: техники нету. Поехал в район: тоже нету. В область поехал: там нас и вовсе не знают. Прижал хвост.

Самому Гришину в свое время помогал встать на ноги глава областного агропрома. Так-то вот...

Дождь кончился, не оправдав наших надежд. Гришин, наскоро перекусив, сел на трактор и повел его в борозду. Поехали и мы. Мимо двух взгорков, на которых белели кирпичные невеликие кучи. А должны были стоять два дома, ведь начал Гришин свое дело в 1990 году. Позади остался наполовину собранный склад-ангар. Другую половину разворовали в дороге, пока везли из областного центра.

Когда проезжали хуторской улицей мимо жилья устроенного, налаженного быта, думал я о том, что ни один человек из совхозных работников земли не взял, в новое дело не пошел. А ведь Гришин у них на виду, на пригорке. Поля его отсюда хорошо видать: зеленый подсолнушек, кукуруза, бронзовеющее поле озимой пшеницы.

Может, именно поэтому, что — на виду?

На той же волгоградской земле почти у самого Дона — поля совхоза «Мариновский». Земля здесь много хуже — песок да суглинок. Другая земля, а вот жизнь та же самая — лето, год 1992, смутное время. Июль месяц. Уборка.

Судьба совхоза «Мариновский». Организован пять лет назад на месте глухого села (150 работников да фермы-развалюхи). За эти годы много построено: шестьдесят квартир, крытые тока, картофелехранилища, дороги. Механизировали фермы, удои намного выросли, люди пришли, теперь их 350 человек. В школе было сорок три ученика, сейчас 120. Думали кирпичный завод поставить, заняться шубным делом. И ведь долгов у них не было до последнего времени. А потом, как по всей стране, обвал, переход на картотеку — и теперь уже вроде и не совхоз, а что-то принадлежащее Волго-Донскому судоходному каналу. Советское хозяйство рухнуло. Что впереди? А впереди то же самое — наша жизнь.

Амплеев Виктор Николаевич, механизатор, звеньевой арендного звена, один жизненный «обвал» оставил уже позади. Родился и вырос он в далеком казахстанском совхозе. Пришлось уехать.

— Русским там жизни не будет, — говорил он. — Сейчас еще Назарбаев их держит, но худшее впереди. У нас сорок семей сразу уехало. Самые крепкие специалисты.

Два года Амплеев живет в «Мариновском», получив квартиру, устроившись. Теперь вот новое испытание. О нем разговор.

— В прошлом, девяносто первом году тоже работал в арендном звене, заработали вроде неплохо, — вспоминает Виктор Николаевич. — Но деньгами, бумажными. А зерна получили лишь три тонны. А надо больше. У меня трое детей, держу двух коров, телят, свиней, птицу. С сеном совхоз плохо помогает. И вообще в звено идут люди неохотно. Тут работа от темна до темна. На свое хозяйство времени не хватает. Выгодней работать где-нибудь с восьми до пяти. Чем получать бумажные рубли, лучше вырастить лишних свиней, бычков. Это ведь и семье прокорм, и настоящие деньги.

Амплеев за весь 1991 год заработал 22 тысячи рублей. Ежедневным трудом механизатора «от темна до темна».

Мясо, говядину и свинину, в январе 1992 года на рынке в райцентре оптом скупала кооперация по 70 рублей за килограмм. Значит, один хороший откормленный бычок, проданный на рынке, дал бы Амплееву денег больше, чем его годовой заработок. Простая и горькая арифметика. Сразу понятно, кто умный, а кто дурак.

— О фермерстве я думал, — говорит Виктор Николаевич, — но не решился. Трех детей надо поднимать. В совхозе есть гарантия, что без заработка не оставят. А фермер... он ведь с протянутой рукой. У меня под боком сосед — взял земельный пай, завел немного скотины. Мучение, а не жизнь. Надо сено косить, а нечем. Ходил в совхозе выпрашивал. Пока выпрашивал, сено перестояло. Одни будылки. Надо бы с осени озимку посеять. Землицы-то немного, а трактора нет. Опять проси. Казнь Господня... Глядеть на него, и то мука.

Амплеев в свободные хозяева уйти не рискнул. Тем более была еще причина: он лишь недавно приехал сюда, совхоз его встретил хорошо, квартиру дал, помог обустроиться.

— Неудобно бросать совхоз... Перед директором неловко. Тоже резон понятный, человеческий.

Амплеев остался в общем хозяйстве. Но уже сегодня, отработав полгода, не знает он, что выйдет из трудов его. Какие цены на зерно, на горючее? В колхозе «Возрождение», о котором уже шла речь, заработал опытный механизатор Клейменов за месяц посевной... 500 рублей. Вот тебе и весенний день год кормит. Прокормит ли он семью колхозного тракториста Андрея Клейменова? Конечно, нет. Кормить будут хряк да телушка с личного подворья.

Рядом с «Мариновским», в колхозе «Россия», от Тамары Андреевны Перфиловой услышал я те же речи, когда о фермерстве завел разговор:

— Какое фермерство... Одна легковая машинешка во дворе, ей ума не дашь, не знаешь, как раз в неделю на базар съездить. То горючего нет, то еще чего. Муж в колхозе месяцами на ремонте стоит — нет запчастей. А если самим начать хозяйствовать, тогда сразу — конец.

Замечу, что не труда боится семья Перфиловых. У них три коровы, телята, козы, овцы, свиньи и птица, большой огород. К труду им не привыкать, как и другим. Но из 993 колхозников в «России» забрал земельный пай лишь один человек. Плохой он, хороший — это другой разговор. Но лишь один, а других не видно.

В «Мариновском» из 350 работников — три фермерских хозяйства. Одно из них — самое крепкое крестьянское хозяйство Юрия Геннадьевича Чичерова и Анатолия Григорьевича Ляпина. Первый — бывший главный экономист совхоза, второй — опытный механизатор. Размах тут не гришинский, земли — 103 гектара, из которых 60 пашни, причем 22 гектара с орошением. 47 гектаров пашни не свои, арендованные у совхоза.

Объединенное на две семьи хозяйство официально называется «Луч». Шутливая расшифровка: Ляпин у Чичерова. А если всерьез, то объединила их необходимость друг в друге. Чичеров с высшим экономическим образованием, работал в хозяйствах, в райкоме партии. У него и теперь осталась в лице, фигуре, повадке некая вальяжность «главного специалиста», хоть и подсушила его работа «на технике», и загар теперь не конторский. Ляпин — типичный механизатор: жилистый, дочерна загорелый, взрывной.

— Один я землю взять не мог, — признается он. — Работать — пожалуйста, день и ночь. А вот банк, кредиты, проценты — не мое. И к тому же, характер шумоватый. Поэтому объединились с Чичеровым.

— Я человек сельский, — говорит Чичеров. — Работал на земле с детства. И потому переход из конторского кабинета в кабину трактора трудным не был. Работая в райкоме, в совхозе, я видел, куда мы идем. В прежней системе работать уже невозможно. Раньше колхозную систему держал кнут. Его убрали. Рано ли, поздно все развалится. Поэтому, как только появилась возможность взять землю, я взял ее. С Ляпиным потому, что он хлебороб, специалист, без него было бы трудно.

Ляпин и Чичеров взяли землю в 1991 году и осенью сдали совхозу согласно договору 88 тонн зерна по 24 копейки за килограмм, практически ничего на этом не заработав. Себе оставили 15 тонн. Весной 1992 года продали его уже по нормальной цене, почти по 10 рублей за килограмм.

Легок ли путь их? Может быть, легче, чем у других, потому что Чичеров работал главным экономистом и с директором совхоза М. Н. Титовым жил и живет в ладу. Директор выходу из совхоза не противился, помог техникой, дал землю в аренду, не отказывает в помощи и теперь. Чем может выручает: сеялку ли, культиватор пусть хоть на ночь, но в срок давал в горячее посевное время. Горючее, бензовоз, ремонтная база — все совхозное, но отказа ни в чем нет.

Но и при таких довольно добрых с хозяйством отношениях проблем у Чичерова и Ляпина выше головы. Первая забота — земля. Добивались ее непросто, и теперь о ней голова болит, потому что 100 гектаров на двух хозяев — это очень мало. Да еще взрослые сыновья Ляпина — отслуживший в армии Юрий и будущий агроном Валерий. Земли нет и пока не предвидится. А она нужна, еще бы четыре-пять сотен гектаров, а может, и больше. Ведь четверо мужиков, да с техникой! Толковые головы, умелые руки. Но «добрый директор» Титов земли не даст. И земельный комитет района тоже не даст. Фонд перераспределения исчерпан. А совхозу тоже без земли не жизнь. У него 350 работников.

У него животноводство. Раздай землю, а сам иди с протянутой рукой?

Экономист Чичеров говорит:

— Продавать землю нельзя и бесплатно раздавать ее нельзя. Пусть государство дает в аренду тем, кто лучше работает, больше заплатит. Я — плачу, совхоз — пусть платит. Посмотрим, кто победит.

Но это лишь мечты. И хотя в 1992 году у Чичерова с Ляпиным все шло нормально — подходят озимая пшеница, горох, гречиха, будут помидоры, — положение их не назовешь прочным. Предположим, что завтра директор совхоза Титов уйдет или просто передумает и заберет 47 гектаров арендованной земли. Это ведь в его власти. Сейчас Чичеров с Ляпиным работают вполсилы, а тогда и вовсе им делать нечего.

Пока они довольны своим началом, считают, что в сельском хозяйстве другого пути нет. Хотя и признают:

— Большинство людей, живущих в селе, к фермерству не готовы. Они привыкли жить не рискуя, не пытая судьбу. Люди боятся. Ведь ясно, что кто-то разорится, у кого-то хорошо пойдет. Это жизнь. Один разорился, другой думать будет. Легко идут на фермерство городские люди. Они думают, что калачи сразу растут, и у них есть куда отступить — снова в городскую квартиру. А наши сельские семь раз примерят. В совхозе — гарантированная плата. Здесь — риск. Но кто хочет ехать быстрее, все же покупает машину, хотя есть риск разбиться.

Из признаний (или полупризнаний) директора совхоза:

— Дал им все по-дружески... Вроде по благу. Конечно, другим того не дам, потому что сам с пустыми руками оставаться не хочу. Ведь их двое. А у меня целый совхоз.

— Мы рискуем, потому что быстрее ехать хотим, — сказал Ляпин.

Три года назад приехал я к знакомому председателю колхоза. Человек он умный и грамотный, работает давно.

— Я знаю, — огорошил он меня, — разогнать вы хотите колхозы...

Сроду никого и никогда не хотел «разгонять». Но человеческая боль председателя была мне понятна: жили мы, жили, сначала похуже, потом получше, — и вдруг... Вчера я

председатель колхоза, исполкома ли, главный специалист, а завтра — кто? Гришин, Чичеров потому и известны нам, что редки. В пятьдесят лет очутиться у разбитого корыта несладко.

Никого не хотел я «разгонять», но сказал председателю:

— Знаю все ваши нехватки — техника, стройматериалы и прочее. Но предположим, что завтра все это будет у вас. Насколько поднимете вы удои, привесы, урожай? Ведь с тринадцатью центнерами да с двумя тысячами литров мы никогда людей не накормим. Нужно шестьдесят центнеров и семь тысяч литров.

Председатель честно ответил:

— Сможем за год поднять на семь-восемь процентов.

Я молча развел руками.

И прежде, и сейчас говорю: способы и методы хозяйствования должны определять работающие на земле специалисты. Но «разгонять» и «загонять» — дело опасное. Об этом сказал и Ляпин, нынешний фермер, пожизненный механизатор: «Если в новое дело загонять кнутом, получится хуже коллективизации». Не кнут, а пример Чичерова, Ляпина, Гришина должен убедить. Но пока он не убеждает.

У Гришина хоть куча кирпича лежит на облюбованном месте. У Чичерова с Ляпиным и того нет. Вагончики, керосиновый фонарь и мечты, которые исполнятся ли. Мечтали об электричестве. Его нет и вряд ли будет. Мечтали о домах. Но пока не осилили даже проекта их. Просят еще земли, им не дают.

Отыскать «врага» и указать на него пальцем — старый прием. Искали и находили раньше. Находим и теперь. Раньше — «враги народа», сегодня — «партократы». Вот и в «Мариновском» не дают землю Чичерову. Кто виноват? «Партократ» директор Титов Михаил Николаевич, работавший прежде и в райкоме, и в исполкоме. (Как, впрочем, и Чичеров, а Гришин из обкома ими руководил.) Но ведь у Титова, кроме трех фермерских хозяйств, еще 350 работников со своими семьями, со своей жизнью, где школа, детский сад, поселковый водопровод, земля, техника и худые финансы. Проще всего представить его врагом. Но он не враг. Он дал Чичерову и Ляпину все, что мог — землю, тех-

нику. И он ведь прав, когда говорит: «Если все раздам, то с чем хозяйствовать, что другим людям останется?»

Чичеров и Ляпин говорят твердо: «Большинство людей к фермерству не готовы. Они привыкли жить по-иному».

Как по-иному? Давайте разберемся. Тот же колхоз «Россия», хутор ли Камыши, Ильевка. Если на подворье колхозника стоит до пяти коров, до пятидесяти коз, свиней до двадцати голов, их ведь нужно кормить. А кормят эту скотину не только руки хозяина, но и колхозная техника, колхозная земля. Платит он за это весьма условно или вообще не платит. Оторви это личное подворье от колхоза — выживет ли оно? Нет!

«Привыкли жить по-иному». По-колхозному, уточняю я. Колхозный автобус возит школьников. Спортивная школа в колхозе бесплатная. Путевки в санатории, на курорты даже при нынешних ценах полностью оплачиваются колхозом, и даже оплату проезда, нынче не дешевого, берет на себя колхозный профсоюз. Причем отказа в путевках никому нет, приходится их даже навязывать. Бесплатный подвоз топлива, газовые баллоны по 40 рублей (остальное за счет колхоза), значительную часть затрат на газификацию берет на себя колхоз. В колхозном детсаде на каждого ребенка расходуется в месяц 1000 рублей, родители платят в десять раз дешевле. Похороны, наконец. О них сейчас много говорят и пишут: непосильны они. Колхоз и эти расходы берет на себя. Все это и многое другое, всего не упомнишь, потому что складывалось годами, десятилетиями, вошло в обычай и часто не замечается. Потому что сжились. Плохо это или хорошо, но приросли к колхозу. Оборви — кровь пойдет. Таких людей большинство.

И куда же теперь, я спрашиваю, девать это большинство? Не героев, не первопроходцев, а русских мужиков, которые за век свой — короткий ли, длинный — навидались и наслыхались всяких перемен, на своих боках чужую каждую. Ведь «паны дерутся — у холопов чубы трещат». И жить-то люди стали давно ли не впроголодь. Оделись, обулись, поселились в новые дома. У них вчера коровенку последнюю отбирали, шарили на базу, считая коз да свиней: не завел бы лишнего. Нынче лозунг иной.

Но проклятая память сильна. Шолоховскому герою Титку Бородину тоже родное государство приказывало: «Расширяй хозяйство до невозможности». Он поверил. Грыжу от работы нажил. И через короткий срок раскулачили его и увезли далеко-далеко, откуда не возвращаются.

Людская память сильна. Тем более в газетах да по телевизору властители то и дело пугают: опасность нового путча! опасность переворота! «Правого» да «левого», а мужику все равно, красные ли, белые его будут грабить.

Людскую горькую память победят не лозунги, а обычная жизнь. Может быть, такая, как у братьев Анатолия и Николая Епифановых, о которых следующий рассказ.

Задонье. Невеликая речка Чир, мелеющая год от году. Займищные перелески с вербой да тополем. Озера в камышах. Луга. Выжженная солнцем холмистая степь. На песках — полынь да чабер. Время летнее. Лебеди на воде. Посвист утиных крыл по утрам, вечерами. Днем жаркий степной ветер.

Это земля Епифановых — Анатолия Степановича, Николая Степановича, их детей и внуков. Братья — близнецы. Но Анатолий появился на свет божий первым. Может быть, поэтому и из совхоза ушел раньше Николая, весной 1990 года. Взял в банке кредит, выкупил у совхоза 100 лошадей, при которых работал конюхом, получил 280 гектаров пашни и 50 гектаров пастбищ.

Анатолий Епифанов — коннозаводчик. Сейчас у него 200 лошадей буденновской, англо-буденновской и английской пород, среди них чемпионы области, призеры России. Он строит закрытый конный манеж размером двадцать один метр на шестьдесят. Здесь можно будет проводить конные соревнования любого масштаба, вплоть до международных. Рядом с манежем — конюшни, хлебный склад, неподалеку просторный дом.

Николай Епифанов весной 1991 года вышел из совхоза «Суровикинский», где проработал скотником двадцать лет. Земли ему дали 50 гектаров да сыну Михаилу — 17,5 гектара. Скотником Николай в совхозе был, коровами и стал заниматься. Просил в хозяйстве на имущественный пай коров ли, телок, но ему отказали. Начал искать сам. В своем

районе, в соседних. Для счета поголовье ему не было нужно. Он искал породистых, племенных, молокастых. 10 голов удалось купить на опытной станции сельхозинститута.

Летом 1992 года у Николая Степановича было 50 дойных коров. На молочный завод ежедневно он отвозит полтонны молока. Каждый месяц вносит по 20 тысяч рублей в банк для погашения кредита. Брал он 500 тысяч на покупку скота, техники, на строительство.

Семья Николая Степановича — жена Людмила, сын Михаил — живет на своей земле, в двух вагончиках, но для коров уже построена ферма, рядом склад фуража. Свой дом, в котором раньше жили, оставили на хуторе. Послушаем Николая Степановича:

— Мой отец, мой дед, как выпьют да разгутарятся про старые времена, всегда говорят: «Кто не ленивый, тот жил». А у нас, Епифановых, ленивых не было. Своевольные — да. Но работающие. А я в колхозе с малых лет. Всегда у скотины. Передовик, а зарплата то семьдесят рублей, то сто. Приду в контору и спрашиваю у бухгалтера: почему у меня снег, и дождь, и навоз по колено, и руки в музлях, как копыто, а зарплаты нет, она у вас, у конторских? Мне в ответ: учиться надо. А вот чему учиться, не говорят. Решил я уйти из совхоза. Отпускали трудно. Был бы пьяница, лодырь, легко бы отпустили. Но мы, Епифановы, всегда трудяги. Но ушел, землю дали, хотя и маловато... В совхозе я отработал двадцать лет. Каждый год в День животновода везут людей на праздник. Там — самодеятельность, автолавки, подарки. Кого везут: бухгалтеров, зоотехников, профсоюз и начальника химзащиты, а если из нашего брата, то тех, кто начальству улыбается да быстрее других руку на собрании поднимает. Меня за двадцать лет ни разу не взяли. А теперь — проработал я хозяином лишь год — меня пригласила на праздник районная администрация, и за мой труд (я до шестнадцати тонн в месяц молока сдаю) наградили бесплатно холодильником... Двадцать лет отработал как спутанный. Оглянешься — самого себя жалко: ни выходных, ни отпусков, работал день и ночь — и был вором. Сено воровски коси в какой-нибудь балочке и трясись, чтобы тебя не поймали. Вези и опять трясись. С зерном та же песня.

Семью ведь кормить надо, на сто рублей не проживешь. А начальству это выгодно — вор да пьяница слова поперек не скажут. Работай, воруй и гляди на колхозный бардак. Начальников — туча черная, и все с машинами и с шоферами. Учетчик на грузовом «ЗИЛе» ездит, на персональном. Вот он куда вылетает, мой труд.

А нынче я — вольный, никого не боюсь. Коровки — мои, земля — моя. Правда, ее маловато. Лошадки есть. Две машины за год купил. На этом бугре будет мой дом стоять. А на том бугре — дом сына. Этот пруд мы вычистим, углубим и заведем карпа. А вон там племянник с семьей построится. Везде наша земля, Епифановых... Перед тем как из совхоза выйти, мы с сыном ночью сидели, обсчитывали, что и как. Жена с дочкой сомневались. Но мы доказали: должно получиться. Правда, наши расчеты полетели к чертям при новых ценах. Они нас били влет, подранили, но не навовсе подшибли. Они нас обозлили. Все равно можно работать. Молочко идет. Корма заготовили. Патока есть. Есть уже телочки свои, племенные. Работать мне сейчас много тяжелее, чем в совхозе. Там наука одна: не твое! не суй нос! не командуй! отпас — и сопи! А теперь я — хозяин, работник, строитель, прораб, агроном, зоотехник, бухгалтер, да еще своей жене муж, внуку дед. Но это настоящая жизнь, дорогая работа, которой еще и еще хочется. Радуюсь, что на волю вышел, и жалею тех, кто в совхозе, они — спутанные. Меня на десять-пятнадцать лет еще хватит. Вылезем из долгов, построимся. А когда помру... Я уже детям сказал: помру, никуда меня не везите, схороните здесь, на моей земле, на земле Епифановых.

Когда говорил я о хозяйствах Чичерова и Ляпина, Гришина, то огорчался, не видя вокруг них молодой доброй поросли, которая и поможет при случае, и поучится у первопроходцев. У Епифановых по-иному. Рядом с Николаем Степановичем взял землю и начал заниматься молочным хозяйством его племянник, тоже Николай. И еще один племянник, Анатолий, по специальности зоотехник, тоже вышел из совхоза, поставил вагончик для жилья, базы, ищет коров, чтобы заняться тоже молочным производством. Из того же совхоза «Суровикинский» вышел Владимир Конова-

лов, его земля рядом, коровы пасутся рядом. Образуется новый «колхоз», «еписфановский», в котором каждый при своем деле, при своем интересе, но связаны родством и всегда придут друг другу на помощь.

Рассказывая о Еписфановых, я предвижу упреки в пристрастии. Слышу голоса: «Экономический анализ покажет... Завтрашний день прояснит...» Многие будут правы.

Я приехал к братьям Еписфановым раз и другой. Приеду еще, потому что это новая жизнь, от которой не отмахнуться. О ней много судят да рьят, а здесь — вот она! Здесь та жизнь, о которой я лишь слышал от старых людей да читал. Вспомним еще раз шолоховского Титка Бородина, который после войны и крови вцепился в работу и землю, «как голодный кобель в падлу». Не в гульбу, а в работу. Перечитайте роман, это было.

Тетя Нюра Крысова, сестра моей бабушки, имела в хозяйстве двенадцать коров. Спала три-четыре часа в сутки. Грудного ребенка кормила так: падала на пол, вынимала грудь, пока он сосал, спала. Там же в Забайкалье, в Самаринском Затоне, Кочмариха, хозяйка земли и лошадей, пешком шла пять километров вечерами домой, а по утрам на себе несла работникам харчи в кожаных торбах через плечо. «Лошади должны отдыхать, — говорила она. — Им работать». Она приходила на поле, становилась рядом с наемными жницами и работала день-деньской. А вечером снова пешком. «Лошади должны отдохнуть, чтоб потом хорошо работать».

Титок с книжных страниц и живые тетя Нюра Крысова, Кочмариха с семейством, миллионы других ушли одной и той же горькой дорогой — на высылку. Они ушли, и все рухнуло. И когда теперь возродится? И возродится ли? До этого далеко-далеко. Но добрый костер, который согреет наши тела и души, начнется с малого огонька. Не он ли перед нами? Мы все его так ждем. И потому простите меня, легковверного, за то, что радуюсь. И говорю единственное: Господи, помоги им, Еписфановым — Анатолию, Николаю, Любе, Людмиле, и другому Николаю, Олегу, Степану, Михаилу, и совсем малому Степану, и Аленке, и всем, кто рядом с ними. Помоги им, Господи, и ты, Россия.

Свободное крестьянство ли, фермерство — дело новое. Идут туда с расчетом или просто с надеждой — всякий народ. «Они думают, калачи сами растут», — сказал опытный механизатор, бывший звеньевой полеводства Ляпин. «Они хотят жить в Париже, а земля у них будет рожать», — усмехнулся агроном, бывший председатель колхоза Гришин, намекая на одного из соседей своих, нового хлебороба.

Всякие есть. Из наших калачевских свободных земледельцев «первого призыва», получивших наделы в 1990—1991 годах, кроме Чичерова и Ляпина, слежу я за Федоровым (тот, метр с кепкой, волгоградский механик по холодильникам, который на землю кидался: «Родная моя...»), Найденовыми, Шахановым.

Эпопея Федорова закончилась нынешним летом. Два года простояла его земля в бурьяне, непаханая. Ее изъяли. Федоров на банковский кредит «под землю» успел купить большегрузную машину, бульдозер. Техника работала в городе. Здесь все ясно.

Когда Найденовы, отец с сыновьями, предстали перед комиссией, вопросов было немного. Сыновья на вид крепкие, рукастые, желание есть — дело пойдет. На земле Найденовых я бывал, она в Задонье, у Фомин-колодца, место известное. Два раза приезжал, хозяев не было. Вагончик стоит, возле него — кое-какая техника, сторожевая собака и работник из местных, Голубинской станицы. Показывал он землю, посевы. Глядеть особо не на что было: земля не больно хороша и обработана, засеяна кое-как. Это не Гришина, не Штепо, не Чичерова — не хозяйские посевы. Здесь работник трудился. Там же, возле вагончика, — металлическая сетка в рулонах, корморезка. Я прежде слышал, и работник подтвердил, что собирался Найденов заняться откормом скота. Но как? Когда? Все это пока вопросы. Не суди в три дня, говорят у нас, суди в три года. Подождем и вернемся к Найденовым через год...

Еще один новый землепашец — А. К. Шаханов. О нем, наверное, стоит рассказать подробнее.

В районном центре Калаче-на-Дону Александр Константинович Шаханов человек известный. Прежде он работал экономистом на заводе, преподавал в техникуме, в шум-

ную пору «волгоградских митингов» избирался депутатом районного Совета, где был очень активен. Сторонник здорового образа жизни — бега трусцой, лыж, русской парной. Шаханов всегда жизнерадостен, улыбчив. Руки у вчерашнего преподавателя стали крестьянскими — мозолистые, потресканные, и намертво въелась в них земля. Встретил его недавно бывший сослуживец и охнул: «Ты чего, Константинович, так похудел? — И сам же догадался: — Земля тебя сосет...»

Дело в том, что молодой пенсионер, шестидесятитрехлетний бывший экономист А. К. Шаханов с 27 апреля 1991 года является владельцем 3,3 гектара земли на месте уже забытого ныне хутора Бугакова рядом с Бугаковским озером. Три гектара на первый взгляд мелочь по сравнению с крестьянскими хозяйствами в 50, 100, 800 гектаров. Но недаром сказал Шаханову председатель колхоза «Россия» В. Ф. Попов: «Если справишься с этой землей, памятник тебе поставим». Он знал, что говорил: ведь не зерновые культуры собирался сеять Шаханов на своем клочке земли, а овощи. В коллективных хозяйствах нагрузка на одного овощевода — один-два гектара. Но работает на него колхозная техника, а помогают городские помощники. И все равно тяжкий труд. Шаханов же остался со своими гектарами один на один, без радетелей и подмоги. Давайте посмотрим, что получилось из этого, на мой взгляд, невольного, но очень показательного эксперимента. Стоит ли сооружать Шаханову памятник? Злые языки говорят, что надо сооружать не памятник, а завод репейного масла, потому что новый земледелец репьями зарос. Как очевидец, живой свидетель, вдоль и поперек обошедший землю Шаханова, утверждаю, что репьев там нет. Сорняк, конечно, имеется, о нем разговор ниже. Но репейник пышно растет на соседних участках.

Дело в том, что «подвиг» свой Шаханов начинал не один, а в компании сотоварищей. В одиночку он бы не решился. «Лишь земли добейся, Константинович! — уверяли его сотоварищи. — У нас все в руках: электричество, тракторы, машины, вода». Он добился. Землю весной 1991 года дали всем шестерым друг возле друга: Шаханову, Борисову, Полянскому, Горшенину, Марченко, Криштопе. Но «колхоз»

не получился. Вместе кое-как землю вспахали, кое-как засеяли бахчевыми, пошли сорняки. Шаханов с семьей начал прополку. Сотоварищи медлили, но говорили, что «урожай будем делить поровну». Все поняв, Шаханов оставил напрасный труд. «Прополку» вела лишь чужая скотина. И делить оказалось нечего. Тогда и понял Шаханов, что коллективное хозяйство вшестером нежизнеспособно. Он ушел в одиночники, имея 3,3 гектара земли, собственные руки и желание работать.

Новоявленный фермер не был восторженным юнцом, он понимал трудности, которые ждут его. Обманувшись в «колхозе», он надеялся на государство, которое обещало помощь деньгами, техникой, организацией. Шаханову положена была ссуда в 30 тысяч рублей. В райцентре обещали организовать предприятие по обработке земли мелким крестьянским хозяйствам. Идея отличная. Подает заявку — и вспашут. Надо прокультивировать — сделают. Лишь плати. Ведь и в самом деле, иметь при трех гектарах машинный парк незачем. А еще было много постановлений московских, президентских указов о помощи фермерам. Им поверил Шаханов.

Поверил, но, не дожидаясь манны небесной, взялся за лопату. Осенью 1991 года он начал ставить ограду вокруг своих трех гектаров: вкапывал столбы, натягивал проволоку. Вручную вырыл шестиметровый колодец. Вручную углублял полузасохший пруд на краю участка. Он понимал, что без воды — погибель. Той же осенью и тоже вручную посадил 600 саженцев: яблони, груша, вишня, слива, грецкий орех, абрикосы, смородина, виноград. Завез навоза. Готовился к новой весне.

От государственной власти новый хозяин помощи не дождался. Ссуду получил поздно. Единственную технику, мотоблок МБ-1, купил в конце сезона. А значит, все лето работал на трех гектарах лопатой, мотыгой, воду носил ведрами на коромысле. На свой участок ушел он жить постоянно в конце апреля. Дневал здесь и ночевал, соорудив плетневый шалаш, плетневые же туалет и будку для собаки.

Пройдем вместе с хозяином по участку. Позади долгое знойное наше лето, сухое, почти без дождей. Посажено

было 20 соток картошки. Она не уродилась. Нужен полив. Ведрами воды не натаскаешь. Тем более на Дону не было тогда половодья. Уровень воды упал. Колодец и прудок обмелели. 15 соток капусты тоже не порадовали. Ручной полив — двести метров до пруда. Словом, с капустой не получилось. 8 соток огурцов — вовсе никакие. Помидоры достались трудно. Первая рассада померзла, вторую сгубили прорвавшиеся на участок коровы. Но все же поднялись кусты, а плоды мелкие. И тут воды не хватило. Подсолнух сгубил жаркий суходей. Сахарная свекла вовсе не взошла из сухой земли. Тыква, и та не уродилась.

Словом, выручил Шаханов за свою продукцию — арбузы да помидоры — около двух тысяч рублей. А еще обеспечил свою семью на зиму. Это в доход. А расход — все немалые затраты: огорожа, саженцы, семена, навоз да еще немалый тяжкий труд все долгое лето с утра до ночи. Лопата, мотыга, ведра на коромысле. Вся пенсия уходит сюда. Последние деньги со сберкнижки сняты. «Умру — не на что похоронить», — признается Шаханов. А на что он надеялся? Ведь не мальчик же. Да вдобавок экономист. Считать умеет. Надеялся, что в пруду и колодце будет вода. Надеялся, что лето будет не такое знойное. Надеялся, что купит небольшой трактор «Т-40» или «Т-25». Но все надежды оказались пустыми. Даже мотоблок удалось купить слишком поздно. И ожидаемого дохода с земли новый крестьянин не получил. Ко всем бедам добавился анализ почвы, который лишь теперь сделан волгоградской лабораторией по заявке земельного комитета. Вывод специалистов достаточно суров: «0,5 процента гумуса... пригодна для пастбища и орошаемого сенокоса». А ведь Шаханов занимается овощами и садом. Он и сейчас мечтает:

— Здесь будут ореховые деревья стоять, защита от ветра. Здесь — виноградник. Вдоль ограды — черная смородина.

Но молодые деревца приживаются плохо, многие засохли. Воды не хватает. А он не сдастся:

— Трагедии нет. Тружусь с утра до вечера. Стыдно перед семьей, перед внуками, перед знакомыми. Но не отчаиваюсь. Попробую еще один год. А там...

Честно сказать, он не похож на крестьянина XX века, тем более на заморского фермера, скорее на Робинзона Крузо или Генри Торо. Был такой в прошлом веке в Америке чудака философ, который поселился и жил на земле, доказывая, что любой человек способен себя прокормить от земли. Вот и хозяйство Шаханова не из нынешнего века: лопата, мотыга, ведра на коромысло, вручную выкопанный колодец. Посмеяться над ним? Позлословить про репейное масло? Не могу. Тяжкий и долгий труд на плечах этого человека. Труд честного земледельца. Он не сам туда пришел, на сгинувший хутор Бугаков. Его позвали новые времена. Он им поверил. А теперь не может даже положенного бензина для мотоблока получить на нефтебазе. Дело понятное... В далеком Калаче-на-Дону свои президенты, тем более на нефтебазе. Им никто не указ.

На землю нашу пришли новые времена. Как ни крути, а треснутый горшок не склеишь. А и склеишь — недолгая ему жизнь. А коли это признать, то в новой системе сельского хозяйства должно быть всему место: и выжившим колхозам, и тысячегектарным хозяйствам Гришина, Шестеренко, Штепо, и саду-огороду Шаханова на трех гектарах. Шаханову не нужно памятника, ему бы раздобыть тракторишко. Вдвоем они потянут. И может быть, на месте ушедшего хутора Бугаков на бугре, где стояла казачья усадьба Ушаковых, раскулаченных и сосланных, возродится жизнь. А уйдет Шаханов, тогда — снова репейник. И горький пример для других.

Хутор Клейменовский. Пора отъезда. Как всегда, иду к речке через старый одичавший сад. Вот она — бережень, на которой зорил я муравьиные кучи. Но неистребима жизнь, муравьиная тоже. На тропинке передо мною черно от муравьев. Это вылет у них. Самая пора. Летнее утро: солнечно, тепло. Весь муравейник словно вывернулся наружу. Суета, беготня. Десятки, сотни крылатых самцов и самок, будущих маток, суетятся, лезут по травинкам выше и выше, взлетают, сверкая слюдяными крыльями. Даже рабочие муравьи, бескрылые, тоже стремятся вверх и падают. А крылатым дорога — небо. Вот они исчезают в утренней

синеве. От земли в сияющем блеске летят другие. Время вылета, время любви. Большинство этих счастливицев погибнет. Но кто-то останется. И нынче ли, завтра в том и другом углу этого просторного зеленого мира молодые самки, сияя ярким хитиновым покровом, опустятся на землю уже матками. Праздник кончился. Обломав теперь ненужные слюдяные крылья, матка начнет работать, пробивая ход в землю. Основательнице нового рода на первых порах будет очень трудно. Жвала и ножки ее будут стираться, выкрашиваться, потускнеет сияющий чернью хитин на груди и брюшке. Тяжкий труд никого не красит. Самка пробивает ходы, строит камеры — всё в одиночку. Не каждой это удастся. Снова из сотен выживут единицы. Самые сильные, самые стойкие. Не вдруг, а через долгие месяцы появится подмога, потомство, работники. Потом новое гнездо — молодая семья начинает свой путь...

1992—1993

ПОЖАР В КУЗНЕЦАХ

В конторе вчерашнего совхоза, ныне акционерного общества «Кузнецовское», во время моего пребывания случился небольшой пожар. Конторский народ расходился на обед, и в это время закричали женщины: Дым! Горим!.. Бросил кто-то окурок в одном из кабинетов, стала тлеть бумага. Быстро вскрыли дверь. Ведро воды — и робкому еще огню конец. Дым скоро выветрился.

А вот в самом «Кузнецовском» горит и дымит давно. Считай, целый год. «Пожар» этот виден даже в областном центре, за семьдесят километров. Не раз слышал я: мол, в «Кузнецовском» Иловлинского района делятся — никак не разделятся. Клочки земли понарезали, теперь драка за землю, за технику, милицию приходится вызывать.

Приехал я в Кузнецы. Январь, 1993 год. «Пожар» сам собою утих. Потушили его не люди, а время. Как тушат пожар низовой, глубинный, долгие осенние дожди, снег; но дремлет огонь невидимый, угли его тлеют до времени, до поры.

Разговоры были спокойные. Никто никого особо не клеймил, сознавая очевидное: бывший совхоз «Кузнецовский» распался и на землях его возникли три объединения: акционерное общество «Кузнецовское», то есть бывший совхоз, ассоциация фермерских хозяйств (тоже «Кузнецовское») и товарищество на хуторе Широковский. Между ними и шла война.

— Идет война народа с администрацией, — определил распрю один из ее участников, понимая под «народом» ассоциацию новых фермеров ли, крестьян, руководимых М. А. Хабаровым, под «администрацией» — бывший совхоз со всеми его структурами.

— Прислали милицию, меня с хлебного поля гонят, а я на этом поле четверть века пахал и сеял, — говорит рядовой механизатор.

Кто его гонит с помощью милиции? Бывший совхоз, его нынешнее руководство.

Итак, вроде бы все яснее ясного: борьба старого с новым, партократов с народом. Только в «народе» оказались: бывший директор совхоза, главный агроном, замдиректора, заведующий МТМ.

— Мы, совхоз, хозяйева. Кто хочет уходить, пусть берет землю и технику, какую дадим. Но командовать, своевольно брать не позволим. Нам работать, — говорят руководители нынешнего совхоза.

— Мы хотим, чтобы у наших людей остались те машины, на которых они работали, — требуют «выходцы» из него.

Бывший механизатор П. Н. Шлепин (теперь на пенсии, но работает фуражиром) заявляет решительно:

— Новые фермеры — это не народ, а помещики. Хотели помещиками стать. Главный агроном, завмастерской, директор с ними, замдиректора. Все в их руках было, они всю технику забрали себе. А мы с пустыми руками остались. Сенокос подошел, а траву косить нечем. Хлеб убирать нечем. Землю пахать — хоть лопатку бери. У пенсионеров они повыманили паи, наобещали им коров, соломы, сена — золотых гор. А ничего не дали. Механизаторов тоже заманили брехней. Сейчас все назад бегут.

— В фермерство, а вернее в их ассоциацию, сначала ушло много механизаторов, — вспоминает нынешний главный агроном. — Почему? Им наобещали скорых больших заработков. Ведь если ты фермер, тебе и налог не надо платить, и кредиты государство дает под малый процент, и зерно продавай кому хочешь, а не государству по твердой цене. Но быстрого богатства не получилось. Наши механизаторы, те, что остались в совхозе, заработали хорошо. Глядя на них, стали возвращаться ушедшие.

— Да, — соглашается руководитель фермеров Хабаров, — нас осталось всего двадцать шесть человек. Но это твердый костяк. Те, кто выстоял. Ведь мы работали, а почти ничего не получали. Нас давили со всех сторон и чем могли. Но мы не надеемся, а твердо знаем, что выстоим и будем работать. Мы озимых посеяли почти в два раза больше, чем совхоз. Будем работать по-новому, как задумали.

Чего же они хотели?

Как и по всей стране, осенью 1991 года начались в совхозе «Кузнецовский» разговоры о реорганизации. Декабрьский приказ из Москвы был строгим: с колхозно-совхозной системой покончить за год. А перейти к чему? Думается, как и везде, будущее виделось в тумане. А тут, как на грех, в совхозе оказалась «лишняя» земля, которая уходила к районным властям, в фонд перераспределения, для создания фермерских хозяйств. И немалый кус — 8 тысяч гектаров.

Решили создавать ассоциацию фермерских, крестьянских хозяйств и производственных кооперативов, работающих совместно, на тех же землях. Вроде тот же совхоз, но уже из свободных фермеров, вышедших из хозяйства, а значит, можно оставить у себя «лишние» 8 тысяч гектаров земли и получить все преимущества, которые фермерам положены: отмена налога на пять лет, льготные кредиты и прочее.

Придумали все это, конечно, не механизаторы, не скотники, а руководители. Объясняли преимущества, новизну: вместо звеньев товарищества (полеводческое, животноводческое), отношения между ними договорные, у каждого свой счет. Руководство выборное.

Говоря о туманном будущем такого проекта, я вспоминаю недавнее прошлое, когда были в колхозных подразделениях

свои чековые книжки, взаиморасчеты и прочее. Все минуло, не оставив следа. Это факт. Но категорично ставить крест на задуманном в Кузнецях не могу, потому что работающим на земле людям и специалистам виднее. Им работать и жить. Тем более что перемены в хозяйстве были нужны. Ведь рентабельность производства в нем — 6 процентов, удои на корову — 1,5 тысячи литров, среднесуточный привес крупного рогатого скота — 300 граммов, а привес свиней и вовсе цифра, которой трудно поверить: 14 граммов.

М. А. Хабаров, нынешний председатель мятежной ассоциации, а в пору начала преобразований — главный агроном совхоза, и сейчас уверен, что дело было задумано стоящее. И не только задумано, но и воплощалось в жизнь: проводили агитацию, разъясняли людям. Начали подавать заявления в районный земельный комитет, получали землю в собственность, но работали по-прежнему вместе: пахали, сеяли. Создавали вместо привычных звеньев товарищества, выбирали в них руководителей, утверждали взаимные договоры, но работа, повторю, шла, как и прежде, вместе. За зиму провели два собрания. Теперь никто не докажет, с кворумом они прошли или без кворума. Но пока — в согласье.

Но вот уходит прежний директор совхоза. (Другие скажут: директора убрали районные власти, потому что он не хотел их слушаться.) С уходом директора появилась оппозиция новому курсу в лице руководящего состава. Может быть, потому, что подошло время выборов руководства всего хозяйства.

И мне было сказано жестко, впрямую:

— Выборность руководства была не всем руководителям по нутру. Ведь могли и не выбрать. Могли спросить, например, чем кормит главный специалист двадцать голов крупного рогатого скота на своем подворье. Откуда берет корма? У одного двадцать голов одной лишь крупной скотины, не считая овец, коз и прочего, а у другого — одна корова. Значит, счастье и нажиток не тому, кто лучше работает, а тому, кто, пользуясь властью, может свободно взять или, пользуясь всегдашними порядками, украсть совхозное или выпросить у начальника.

Это дело (нажиток, скотина) очень серьезное, называется оно — «наша сельская жизнь», где на зарплату не проживешь, а спасение — «второй фронт»: личное подворье.

— Мы хотим честно работать, честно зарабатывать, не воровать или кланчить, — заявляли сторонники Хабарова.

— Хотят стать помещиками, — говорили другие.

Летом 1992 года состоялось третье совхозное собрание. Там грянул бой. Загорелось в открытую.

Если раньше разговоры шли тихомолком (о «помещиках», которые хотят все заграбастать, о том, что совхозы «в Москве запретили», не уйдешь в фермеры — и все пропадет, с пустыми руками останешься) — теперь пошел бой открытый. Ставка была серьезнее некуда — жизнь, которая не кончается. По-прежнему надо будет есть и пить, детей растить. И все это при нынешних сумасшедших ценах. Да и земле этой отдано столько лет и трудов — своя, родная. Другой нет. Тем более если на душу полагается по 14,4 гектара пашни, по 2 гектара «золотой» орошаемой земли, 1,4 гектара сенокоса, большой кусок пастбища. Да еще имущественный пай. Это не бумажный ваучер. Это весомое, очевидное, не одним поколением нажитое. Есть за что драться. В результате третьего собрания народ разделился почти пополам: 47 процентов — за фермерскую ассоциацию, остальные — за прежнее единение с новым названием «акционерное общество».

Тут пошла стенка на стенку, кто кого одолеет.

В хабаровскую ассоциацию фермеров ушли большинство механизаторов, захватив с собою собственной волею тракторы, комбайны, другую технику. Она ведь всегда при дворах стоит. Попробуй отними. Повод простой и весомый: «Я на нее жизнь поклял. Работал и буду работать. Никому не отдам».

Но земли, посевы на них, склад горючего, мастерские, банковские счета — все в руках бывшего совхоза. Спели хлеба.

— Мы пахали это поле, культивировали, сеяли, значит, оно наше, — говорили механизаторы-«выходцы». — Мы и будем убирать.

— Нет, не будете, — отвечали им. — По закону сеяли не вы, а совхоз. Совхоз и уберет. А уж потом выделим вам землю.

Понимали, что друг без друга не смогут провести уборку: у одних в руках техника, другие сторожат свои хлебные поля.

Поэтому заключили договор о совместной работе, который продержался лишь день-другой. Страсти взяли верх. Уличили друг друга в самоуправстве, воровстве. Расторгли договор. Вызвали милицию, чтобы прогнать «вражеские» комбайны с «моего» поля. Пусть пшеница стоит, пусть осыпается, но «чужое не тронь».

С горем пополам убрали — и губили хлеба, нанимали варягов из задонских чужих хозяйств. Уборка не закончилась и в январе. Кукуруза стоит, ушло под снег сорго, не вспахали под зябь.

И прежде «Кузнецовский» достижениями не блистал, а нынешний «пожар» и вовсе доконал хозяйство. Возвращать надо срочные кредиты, платить проценты. Но из чего? Скотина осталась без кормов. Под нож ее.

Трудно всем: бывшему совхозу, тем, кто ушел оттуда и кто снова вернулся. После летних баталий и осенних итогов ассоциация Хабарова потеряла много людей. Если летом разделились почти пополам, то теперь у Хабарова не осталось и четверти. Возвратились в бывший совхоз пенсионеры, не получив желанного пая. Ушли и работники, поняв, что ассоциация и доходы ее — это еще журавль в небе, а жить надо сейчас.

Время, зимние холода остудили прежние страсти. Прежний совхоз и ассоциация делят землю, делят технику. Конечно, нелегко. Но верно сказал Хабаров:

— Те, кто занимается производством, всегда между собой договорятся, потому что ими правит экономика. А когда просто эмоции, — добавил он, — тогда худо.

Дележ еще не закончен. Пожар погас, но угли горячи. И пламя может снова проснуться. Потому что решается дело великое: *земля, собственность, а значит, и жизнь*. Тех, кто работал, кто ныне работает и кому завтра жить на этой земле, в хуторе Кузнецы.

Вот, кажется, и вся невеселая история про «пожар» в хуторе Кузнецы. Остается последнее: зачем я туда ездил — чтобы просто вынести сор из хуторского дома? Нет. Чтобы найти виноватого? Да.

Времена нынче иные. Не разборов и оргвыводов я хочу. Но великий передел на нашей земле лишь начина-

ется. И каждый опыт, пусть даже горький, для нас — урок.

Последний разговор в Кузнецах (уже при отъезде, на заснеженной улице) был с пенсионером, бывшим механизатором Николаем Лаврентьевичем Рогожниковым. Он не старец, выживший из ума, а крепкий еще мужик, общительный, энергичный.

— Ваша-то где земля? Ваш пай? — спросил я его. — В бывшем совхозе или в ассоциации?

— Какая земля?.. — не сразу понял он. — Бумажка эта, на какой написано? Отдавал я ее... этому... как его... — стал он вспоминать.

— Кому?

— Ну, этот... Петро вроде...

Подошел тут П. Н. Шлепин, призвали его на помощь:

— Кому я землю отдал?

— Может, Тибирькову?

— Нет.

— Хабарову?

— Нет.

— Сашке Хомякову?

— Ему, ему! — обрадовался Николай Лаврентьевич. — Сказали, совхоз распускают, все пропадет.

— В помещики полез? За белыми буханками? — поддел товарища Шлепин. — Как же: корову дадут. Дали?

— Ничего не дали. Бумажку Сашка возвернул, говорит: не нужна ему.

— А теперь в совхоз вернетесь? — спросил я.

— Они вроде не берут.

— И не возьмем, — решительно подтвердил Шлепин. — Нацелился в помещики — туда и шуруй.

— Не берут. Приехал этот, как его... Попов. Говорит: дай. Я отдал. А потом приезжал начальник комплекса, тоже говорит: дай. Я говорю: где ты раньше был?

— А за что отдали? Продали или заключили договор? — добивался я, ведь разговор шел о земельном пае, что заработал этот человек за всю свою нелегкую жизнь.

— Не знаю, — ответил владелец земли и махнул рукой. — Ничего нам не надо. Подышать скоро...

— А подохнем, — вздохнул Шлепин, — опять совхозу хоронить, кому же еще...

— Конечно, — согласился «помещик». — Мы туда жизнь поклади. — И, распрощавшись, зашагал к магазину за хлебом.

Плакать ли тут, смеяться... Над кем? Над «помещиком» Николаем Лаврентьевичем с корявыми от труда руками?

Да все мы такие: и я и вы, мой читатель. Работали, жили... Было вроде бы все — мое. А в руках оказалось — пусто. Потом нас «пожалели». И выстояв, как послушные овцы, очередь, получили мы на руки блеклую бумажку с печатью — всего века нажиток. Теперь вот глядим на нее в городах и весях. Ломаем головы: что делать с этой бедой? Стать то ли фабрикантом, то ли помещиком? А может, сменить на бутылку водки да кус вареной колбасы?

Так что не будем смеяться над Николаем Лаврентьевичем и земляками его. Новая жизнь пришла, их не спросила. Как понять ее?

А ведь «понятливых» много. Целый год пылал «пожар» в Кузнецях. В том огне горел хлеб, скотина. Огонь и дым видны были в районном центре и областном, где высятся этажи руководства: Советы, комитеты, постоянные комиссии, администраторы, представители президента, специалисты по экономике, праву, земельной реформе. В Москве их и вовсе пруд пруди. И один другого умнее. По телевизору днем и ночью соловьями поют. Помочь Николаю Лаврентьевичу — прямой их долг. За это их хлебом кормят, и не коркой сухой, а с маслом да икоркой.

Не помогли. Лишь при случае приводили как негативный пример кузнецовские страсти. Может быть, это проводилась в жизнь мысль одного из руководителей Агропрома, всерьез ли, в шутку высказанная на одном из совещаний: «Надо в каждом районе распустить по одному хозяйству и глядеть, что получится. Для примера».

Пример, конечно, нужен. Но вчерашний колхоз ли, совхоз — это живые люди. Глядеть, как они корчатся от боли?

А еще, это живая земля. Ее муки. Вот она — прикрытая снегом, тянется и тянется вдоль дороги. С неубранной кукурузой, сорго, с непашью в Кузнецях. С оставленными подсолнухом, ячменем, картошкой в других колхозах, райо-

нах. С погнившим сеном. С неубранной соломой. С запаханнами в земле арбузами, капустой, помидорами.

«Акт от 18 ноября 1992 года... Комиссия в составе Государственного инспектора района... главного специалиста райкомзема составили настоящий акт на обследование и использование земли в колхозе им. Калинина... На день обследования в колхозе не убрано: просо — 200 га, кукуруза — 140 га, суданка — 182 га, подсолнечник — 751 га. Итого 1283 га. Вспашка зяби и черных паров составила 49 процентов от плана... Колхоз своими силами не справляется в течение нескольких последних лет».

В течение последних лет не справляется, но когда четыре человека вышли из колхоза, получили землю, купили технику, семена, горючее и вышли в поле весной 1992 года, то «боевой отряд» во главе с председателем и главным агрономом, председателем сельского Совета выгнал законных хозяев с их земли. Вот здесь они «справились», отбив все атаки властей областных и прочих. Пусть все прахом идет, но 847 гектаров богатейшего чернозема никто не получит.

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она, —

когда-то печалился поэт. Тут не полоска, тут — поля и поля.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Конторский пожар, о котором говорил я, потушен был вмиг. Потому что люди, почуявшие дым, не стояли и не рассуждали: загорится? а может, потухнет? Они не тратили времени зря, а взяли ведро воды — и огню конец.

Когда начинался «пожар» в Кузнецях, потушить его, наверное, можно было в самом начале. Объяснить людям, что жизнь не кончается, что пришли великие перемены и встретить их нужно по-крестьянски спокойно и мудро, всем миром. Объяснить и квалифицированно помочь в разделе земли, имущества.

Передо мной «Манифест 19 февраля 1861 года». Великая крестьянская реформа. Освобождение. Прочитаем последние строки: «Исполнители приготовительных действий к новому устройству крестьянского быта и самого введения в сие устройство употребят бдительное попечение, чтобы сие совершалось правильным спокойным движением, с соблюдением удобства времени, дабы внимание земледельцев не было отвлечено от их необходимых земледельческих занятий. Пусть они тщательно возделывают землю и собирают плоды ее, чтобы потом из хорошо наполненной житницы взять семена для посева на земле постоянного пользования или на земле, приобретенной в собственность».

Сто лет назад русским царем подписано. Нам не указ. Но может быть, хоть в науку тем, кто сегодня должен вводить «новое устройство селян», иметь о них «бдительное попечение», чтобы внимание нынешних земледельцев «не было отвлечено от их необходимых земледельческих занятий». Чтобы завтра могли они сеять «на земле, приобретенной в собственность». Каждому нужно делать свое. Это понимали царь Александр II и его окружение. Понимают ли наши «цари», от кремлевских до районных?

От хутора Кузнецы мой путь лежал на север по асфальту московской трассы. Зимняя дорога скучна: сизое озябшее небо, короткий, в один взгляд, оком. Летом вздымаешься с холма на холм, и раз за разом открывается просторная, на полмира, зелень хлебов и трав, пенятся пахучие поля цветущей гречихи, золотится подсолнух, желтеет и бронзовеет пшеница, серебрится ячмень — будто все друг на друга похожее, сто раз виданное, но всякий раз от холма к холму сладко обмирает душа от земной красоты.

Нынче иное. Километры и мысли текут скучные, особенно после Кузнецов. Ведь он не один, такой хутор, такая беда. Приходят на память камышинский «Великий Октябрь», «Логовский» в Суровикине, 2-я Березовка под Филоновом... Сколько их... Знамых, а больше незнамых. Вот они, тонущие в безвестье, в снегах хутора, которые остаются рядом с дорогой, а более там — в конце занесенного снегом проселка, куда зовут указатели: Авилов, Вилтов да Лог, Нижний да Верхний Герасимов.

Мой путь нынче — к Филонову, потом на Алексеевский тракт, в Хоперскую да Бузулуцкую округи.

Когда возвращаешься в родные края после долгой разлуки или приезжаешь в те места, где давно не бывал, первое дело — новости: что да как?

В Алексеевском районе я не был давно, целый год, наверное. Разве не приятно узнать, что станица Зотовская оживает: асфальт к ней пришел, народ появился, и даже храм начали восстанавливать всей округой. А ведь еще вчера лежала станица в забвении, в седых преданиях о былом величии, многолюдстве, о докторе своем — профессоре Протопопове, который лечил станичников всю жизнь и остался здесь на вечном покое.

Как не порадоваться, узнав, что не сдается хутор Миткинский, живет и работает трудами одной семьи, Петра Васильевича Елисеева. А на Гореловском хуторе, где из живых оставался лишь одинокий инвалид, теперь взяли землю и работают Анфимовы, у которых пятеро детей, восемь внуков, из последних старший — Сергей — уже работник.

И еще одна новость, весьма интересная: четыре колхозных председателя недавно оставили свои кресла и ушли в вольные землепашцы. В. П. Касаткин из «Борьбы» имеет теперь 144 гектара земли, В. С. Аникеев с сыном из колхоза имени Карла Маркса — около 250 гектаров, Ю. Н. Столетов из «Ударника» — 146 гектаров, П. В. Зарецков из «Победы» — 86 гектаров. И все люди серьезные, с долгим опытом руководства в сельском хозяйстве. А некоторые из них еще вчера — ярые противники фермерства.

Проще всего прокукарекать восторженно: новое побеждает! И для такого кукареканья основание есть: ведь не мальчишки ушли, не городские неумехи, а поседевшие в колхозных делах спецы. И не один, не два, а сразу четверо. Подумать есть над чем. Давайте подумаем. А кукареканья у нас всегда хватало.

Первая поездка на землю алексеевскую — в колхоз, а теперь акционерное общество «Дружба» с центральной усадьбой на хуторе Самолшинский. Здешний председатель Евгений Васильевич Легчило молод, красив, легок на ногу,

полушубок его — нараспашку. Шесть лет руководит он колхозом. На день моего приезда ни один человек из числа работников не пожелал выделиться из колхоза. (Теперь и далее буду называть все хозяйства колхозами, потому что они *коллективно-хозяйствуют*, не в одиночку; а всевозможные акционерные общества закрытого да и открытого типа пусть останутся для бумаг строго официальных.)

Колхоз «Дружба» энергично строится. Напогляд видны новые школа, детский сад, жилые дома, телятник, свинарники, мастерская, магазин, крытые тока, маслобойка, новые дороги, линии электропередачи. Отопление почти везде электрическое. О дровах да угле у людей голова не болит. Скоро откроется новая столовая. Она уже под крышей. Там же будет кондитерский цех и пекарня.

Я пообедал в старой колхозной столовой за цену нынче смешную — 5 рублей. Эту пятерку в городе не везде возьмут при расчете. Скажут: «Капусту не принимаем». А я поел сытно. (Тут же обедали механизаторы — и вовсе за талоны.) Председателя рядом не было. Разговор я повел о колхозе, фермерстве, хуторской жизни.

— Будем вместе, — ответили мне. — Мы вроде теперь хозяева.

— В такое трудное время разбежаться нельзя.

— Ну, положим, возьмешь свой земельный пай — что с ним делать? Техники нет...

— Над колхозом и то всю жизнь измываются. Я двадцать лет на заправке проработала. Как весна, так и начинается мука: то денег нет, то фондов нет... Это колхозу! А на человека и глядеть не станут.

— Сто тонн первоклассного люцернового сена мы отдали нынче людям бесплатно, — скажет потом председатель. — В этом году ведь не было разлива, для личного скота косить было негде. Теперь решили все луга отдать людям. Колхозу хватит орошаемых участков. Продали людям достаточное количество зерна по низкой цене. Мясо безотказно выписываем по шестьдесят четыре рубля, на рынке вдвое дороже. Газ наши люди получают по льготной цене, электричество тоже. За детский сад совсем малая плата.

Вот, на мой взгляд, то главное, чем сильно коллективное хозяйство в нынешнюю пору: оно позволяет любому человеку *выжить*. Ведь зарплата в «Дружбе», как и везде на селе, была в 1992 году низкая, около двух тысяч рублей в месяц. Деньги ли это, если костюм полушерстяной мужской пятидесятого размера в октябре стоил по магазинной цене 2364 рубля, колготки — 150, черно-белый телевизор «Фотон» — 13 500! Колхоз больше платить не мог. Две с лишним тысячи свиней принесли ему миллион убытка. Крупный рогатый скот, молочный и мясной, прибыли не дал. Выжили за счет полеводства. Но и теперь убыточных свиней и коров под нож пускать не думают. Напротив, купили телочек черно-пестрой породы, более удоистых, улучшая стадо. Доводы председателя очень простые.

— Хаос в экономике страны не может продолжаться вечно. Не сегодня, так завтра животноводство будет приносить доход. Я в этом уверен, — говорит Евгений Васильевич. — А во-вторых, мы должны думать о своих людях: вырезать скотину — значит, лишит людей работы. А здесь не город, другой работы не сыщешь. И в-третьих, мясо для нас — валюта. В нынешние времена без него давно бы вся техника на приколе стояла без запасных частей. А мы ведь продолжаем строить и жить получше хотим. Объездили всю страну. Наладили хорошие связи с Нижегородской областью. Получаем от них строительный лес, для людей мебель — гарнитуры да стенки.

Осматривая хозяйство, приехали мы к новым крытым токам и встретили фермера. Он не самолшинский, из соседнего колхоза и хутора. История простая. Убирать подсолнух было нечем, он пропадал. Спасибо, Евгений Васильевич дал фермеру комбайн (конечно, за плату), разрешил ссыпать семечко под крышу (тоже не за так). Но семечко было влажное, сушить негде. Оно и прело и плесневело. Такое и свинья есть не будет. Теперь вот очищали от него ток.

Глядя на эту горькую работу, мой провожатый, молодой колхозный шофер, сказал:

— Себя мучает и землю.

— А на тысячу в месяц, как в нашем колхозе, можно с семьей прожить? — разогнувшись, спросил его одноклассник-фермер.

Поистине: чужую беду рукой разведу, свою — ума не приложу.

Председатель в разговоре сказал четко:

— Кто захочет из колхоза уйти, пусть берет свой пай и уходит.

Желающих пока нет. «Дружба» живет дружно. При средней заработной плате в 1992 году около двух тысяч рублей в месяц. (Средний заработок промышленного рабочего в нашей области был тогда более пяти тысяч рублей.) А значит, колхозник в «Дружке», на других хуторах и в селах едет на козе. При чем тут коза? Объясню.

Когда едешь на север нашей области по московской трассе, то Михайловку не проглядишь. Там на высоком холме стоит фанерная ли, жестяная доярка с молочным бидоном. Что-то вроде монумента. Я давно думаю, что там или на другой какой горе, у Калача ли, Серафимовича надо поставить памятник донской пуховой козе. Да-да! Именно ей — рогатой, настырной, с вылупленными глазами. Это она спасла и ныне спасает наши донские хутора, брошенные всеми властями — прошлыми, нынешними, земными и небесными. Ведь не надо быть больно грамотным, чтобы понять: колхозная зарплата прошлая и нынешняя — это филькина грамота. Никто на эти деньги не жил и не проживет. А вот бабьими руками связанный пуховый платок — это деньги, прожиток. И тогда, когда он стоил 50—70 рублей, и теперь, когда за него можно несколько десятков тысяч взять.

Когда зимними вечерами хуторяне приводят козу в хату, валят ее на пол и всей семьей щиплют пух, рогатая от боли ревет. А ей внушают: «Терпи, Катька, такая наша жизнь». Подчеркну — *наша*. Одинаковая у козы и у крестьянина. С тех и других живьем пух ли, шкуру снимают.

И прежде и теперь песня одна: «Свяжем платок, продадим и угля купим... Продадим и сына-дочку обуем-одедем». И сам голый ходить не будешь. Цыгане ли, армяне (а теперь и наши) ездят по хуторам, меняют на платки, на

пух красивые свитера, женские сапожки, цветастые шторы — всё, чем обделяла и обделяет хуторян магазинная торговля.

В нынешний мой приезд на одном из хуторов муж упрекал жену:

— Тягаешься на эту ферму, с утра до ночи там, а больше двух тысяч не получаешь. Сидела бы да вязала платки. И дом с хозяйкой.

На другом хуторе жена-учительница мужа-тракториста корила:

— Две тысячи принес, это позор. Мне повысили, целых двадцать получила. Лучше бы дома сидел да за скотиной глядел. Да вязал бы... — И объяснила мне: — Он умеет. На машинке хорошо вяжет.

А те, кого корили малой получкой, доярка да тракторист, лишь вздыхали. И все, я в том числе, знали, что заплати им завтра еще меньше — все равно на работу пойдут. Здесь не только «привычка к труду благородная», но ясное понимание: уйдешь с колхозной работы — сразу лишишься сена, соломы, зерна, а значит, не сможешь держать ту самую козу Катьку, без которой семье погибель.

Красивая легенда о том, что 3 процента земли личных приусадебных хозяйств дают 30 процентов производимого в стране мяса, молока и прочего, — не более чем легенда. Основой любого личного подворья, его твердым фундаментом, стержнем, являются колхозные уголья и колхозные машины с запчастями, горючим; все убираемое, убранное и брошенное, все, что плохо лежит и завтра все равно пропадет: кукуруза, силос, подсолнух, сенцо, дробленка, комбикорм, сенаж — все сгодится и впору на своем подворье. И чем богаче подворье, хозяйственной мужичок, тем более зависим он от колхоза. Без него не прокормишь три-четыре, а то и пять коров (если рядом город, поселок, то базар заберет молоко, сметану, каймак, творог), без колхоза не выкормишь десяток-другой свиней, табун гуляка. Такие подворья есть, и они не редкость.

На областном 1991 года совещании фермеров выступил чеченец, даргинец ли, словом, человек кавказский, и с гордостью сообщил, что он уже двадцать лет на этой земле фер-

мерствует подпольно, занимаясь козами, которых у него не десятки, а сотни.

А эти две сотни, три, даже пять сотен коз (я видел такие стада) — где и чем они кормились и кормятся? Один человек в силах ли накосить на 500 голов? Вопросы детские. На колхозных угодьях, на его полях все паслось, с колхозных гумен везлось днем и ночью.

На хуторе Большой Набатов долгие годы проживал всем известный Ибрагим. Скотины держал несчетно. В совхозе не работал. Косы в руки не брал. Таких Ибрагимов на нашей земле — легион.

Выписка из районной газеты: «Поезжайте на хутор Логовский и посмотрите, какие стога стоят у дворов коренных жителей и что запасено чеченцами. А потом сравните количество скота у одних и других. У чеченцев скота в два-три раза больше, чем у коренных жителей, а кормов или нет вовсе, или в два-три раза меньше. Как же думают они зимовать? Да так же, как и раньше. За счет совхозного гумна». Поехали, посмотрели, верно-неверно, но посчитали. «В хуторе Логовский двенадцать чеченских семей, у них — 129 голов крупного рогатого скота и 1479 голов овец и коз. У девяноста двух семей местных — 103 головы крупного скота, 519 овец и коз... Когда некоторым чеченцам был задан вопрос: «Где берете корма?» — никто из них не мог дать вразумительного ответа».

Когда в Задонье, на хуторах Большая Голубая, Евлампиевский, Осиновский и других, руководство совхозов убирало овечьи отары, гурты крупного рогатого скота, а значит, и совхозные гумна, корма, чеченские семьи со всем своим добром сразу же уходили с этих хуторов.

Большинство наших людей помногу скотины не держат. Но корова Манька, бычок, козы, пара-тройка хряков и птица — единственно надежная экономическая основа сельской семьи. Продашь удачно пуховый платок ли, свиную тушу — вот тебе и доход.

Колхозные же заработки в большинстве своем пока что смешные. Их практически нет. Селянин по-прежнему зарабатывает на жизнь, ишача вторую, после колхозной, смену на своем подворье с лопатой, вилами, мотыгой — с тем

нехитрым снарядом, какой находят археологи на раскопках древнего Рима, Египта... Он, этот снаряд, и нынче на подворье хутора ли Павловского, Кузнецов или Малой Бузиновки. Но сельское подворье за долгие годы «социалистической аграрной политики» надежно присосалось к колхозному организму. И порой уже не поймешь, где здесь чье: чей трактор у двора? чьи телята пасутся и в чьем зеленом ячмене? чьи это гуси на все лето прописались у колхозного амбара, потом на току? чье это сено в кипах? чье молоко несут с фермы доярки? чью дробленку развозят среди бела дня скотники по дворам? Вопросов не счесть. Ясно одно: все наше общественное сельское производство, разваленное и еще живое, держится на практически бесплатном, а значит, *непроизводительном* труде многими способами *закабаленных* людей, которым сегодня и вовсе некуда податься. Города их уже не ждут.

Распрощавшись с колхозом «Дружба» и его председателем Е. В. Легчило, раскулаченных дедов которого увозили в эшелонах на север и на восток (он из тех редких счастливых, чьи матери все же вернулись на родину через годы, разжижив свой казачий замес, отсюда и фамилия — для Дона чужая, но та же кровь), — распрощавшись, отправимся на Бузулук, в бывший колхоз имени Карла Маркса, а нынче «Восход», конечно же, акционерное общество.

Строки из письма: «Наш “Восход” превращается в “Закат”». Ушел председатель колхоза в фермеры, за ним — наш заведующий свинофермой. О колхозе они не думали. Летом ремонт помещений на ферме не проводился. Ведра доброго нет, гвоздя не сыщешь. Нечем старые дыры на ферме латать. Ни сена, ни соломы не заготовили. Все под дождем пропало, превратилось в ледяные глыбы. Начался падеж крупного рогатого скота, и свиньи по-другому захрюкали. Решили избавляться от животноводства. Сдаем на мясо, продаем. А значит, готовимся к безработице. Грошовая зарплата, и ту не дождешься. А что будет завтра? Частная собственность, фермерство? Только об этом и слышишь... Да разве можно продавать землю?! Никогда она не попадет в руки крестья-

нину. За какие шиши я ее куплю? За ваучер? Так я его давно отвез на базар, выменял на аккумулятор. Вовремя успел. На другой выходной уже три ваучера за аккумулятор просили. Землю не мы купим. А значит, готовиться в батраки. Колхозы, один черт, обречены».

Может быть, адресат мой, колхозный свинар, сгущает краски, не видя общей картины? Послушаем, что говорят люди, сидящие выше, из разных краев нашей области:

— Сегодня животноводство переживает трудности, которые сравнить можно только с разгромом, — говорит главный зоотехник сельхозкомитета Суровикинского района. — Сокращение поголовья из месяца в месяц набирает темп. За год на девять процентов сократилось дойное стадо. От семнадцати до тридцати шести процентов сократились гурты в колхозе имени Суворова, совхозах «Солонцовский», «Бурацкий», «Красная звезда». На двадцать пять процентов снижено свинопоголовье. На восемнадцать процентов сокращено поголовье овец. Причин тому много. Руководители хозяйств больше упирают на неразбериху в современной экономической политике. Но на мой взгляд, основная причина: нежелание руководителей всерьез браться. Полученная самостоятельность позволяет сворачивать животноводство. Падеж скота, бесконтрольность, халатность... Район потерял целое хозяйство.

— Четкой перспективы не вижу, спад производства нарастает, — заявляет руководитель районного сельхозкомитета из Котельникова. — Колхозы и совхозы на грани развала. Поголовье дойных коров за год уменьшилось на девятьсот голов, удой снизился на шестьсот литров. Мясное поголовье крупного рогатого скота значительно снизилось. Свиноводство как отрасль идет под нож. На корма нельзя жаловаться, обеспечение выше, чем в другие годы.

Председатель комитета по сельскому хозяйству Ленинского района вторит своим коллегам:

— Колоссальный ущерб несут хозяйства от падежа. Это явление достигло катастрофических размеров. В АО «Степное» из 29 356 овец за пять месяцев пало 4 870. В совхозе «Колобовский» из 14 915 пало 4 166. Всего по району падеж — 19 703 овцы и тысяча с лишним голов крупного рогатого

скота. Причина: недостаток заготовленных кормов. Бывают перебои с водопоем. Не обходится и без халатности. Объективных причин пруд пруди, поэтому установить виновных невозможно.

Так что у рядового ли, колхозного свинаря и у руководителя района песня одна.

Теперь личные впечатления.

Хутор Павловский стоит на берегу Бузулука. Просторные подворья, добротные дома. А вот и свиноводческая ферма, от которой остались рожки да ножки. Запущенные строения, на выгульных базах по брюхо в грязи бродят тощие свиньи. Глаза бы на них не глядели.

Но жизнь продолжается. По утрам на работу сходятся люди. Оставшихся свиноматок, поросят надо ведь кормить. Конечно же, все вручную: ведра, лопаты, вилы. Но это дело привычное. Другого не знают. Горше иное: вчера была определенность, а нынче с недоумением и страхом глядят в завтрашний день. Вот-вот последних свиней увезут на бойню — что тогда? Не столько потеря грошовой зарплаты страшит, сколько потеря места работы: плохо ли, хорошо, оно помогает держать хозяйство домашнее, без которого — гибель.

Перед работой сходятся и не первый уже день и месяц гадают: как быть? Ферму забрать на коллектив? С радостью отдадут. Но что от этого проку? От свиней в колхозе одни убытки. Взять бы трактора, землю, на ней корма выращивать, может, тогда бы...

Если бы да кабы... Неподалеку, в соседнем районе, по весне поделили колхоз. Свинарник назвали кооперативом «Озерный», коровник — вроде «Надеждой», полеводческую и кормовые бригады тоже как-то красиво. Но по осени оказалось, что кормов вовсе нет. Скот пришлось отправлять на мясокомбинат. Остались пустые стойла и безработные люди.

Может быть, поэтому и здесь, в Павловском, дальше туманных рассуждений «если бы да кабы...» боятся идти. С тоскою ждут, что даст Бог ли, правление или другие власти. И не надо их особо винить. Они прожили жизнь в колхозе. Не хозяева — лишь работники.

Не лучше идут дела и на ферме крупного рогатого скота. И есть ли там выход? Что будет завтра с хутором Павловским и его людьми? Сомнений моих не мог рассеять и молодой председатель «Восхода», по образованию экономист. Да и в помощь ли образование, когда в стране один «экономический» закон: хватай за горло и требуй, тогда получишь. Селяне в таких вещах не больно сильны. Это не шахтеры, не авиадиспетчеры. Они терпеливы, судьбе покорны, легко поддаются на уговоры да обещания.

Может, и впрямь им дорога в батраки, а если помягче и без политической окраски, то — в наемные работники. Какими, к слову, и были они всегда. Лишь хозяин поменяется. Значит, должен прийти хозяин на хутор Павловский. Где он?

С одним из новых хозяев, В. С. Соловьевым, сидим мы и рассуждаем о жизни на селе. В прошлом работал Валентин Степанович экономистом, был председателем колхоза, парторгом. Весной 1991 года взял землю и стал хозяйничать на ней вместе с двумя родственниками. Работой и результатами он доволен. В 1992 году 75 тонн пшеницы сдали государству, урожай озимки 32 центнера с гектара. Для здешних песков очень хорошо. Для трех работников 120 гектаров — это мало. Но кто еще землю даст? Вся она поделена на пай.

На дверях павловской почты видел я объявление: «Принимаю земельные пай у пенсионеров. Оплата по договору. Обращаться к В. С. Соловьеву». Тут же на почте, под теплой крышей поговорил я с двумя пенсионерами.

— Отдадите свой пай? — спросил я их.

— Не отдадим. Колхоз за газ доплачивает, зерно дает, солому, сено, выписывает мясо, молоко. А отдашь — и останешься с таким.

Все же шесть человек согласились отдать свои земельные пай. Соловьев заключил с ними договор, определив, сколько зерна, сена, соломы даст им осенью.

Сегодня отдали пай. Но ведь завтра могут забрать, как это сделали пенсионеры в Кузнецках. Верит ли Соловьев, что ему долго на этой земле работать? Конечно, нет. Будет ли он эту землю улучшать, удобрять, как положено рачитель-

ному хозяину? А ведь Гришин да Штепо по 12—16 культураций проводили на своей земле, затратили немалые средства на дорогие химикаты, чтобы избавиться от сорняка, которого и на этой земле хватает. Вложишь деньги и силы, а завтра все это уже не твое. Соловьев это прекрасно понимает. Да и только ли Соловьев?

«Но что в самой России Америка может конкурировать с нами мукой, это уж совсем плохо. Оскудела она... по вине либеральных теорий людей шестидесятых годов, которые ввели безначалие в крестьянской среде под названием самоуправления и систематически разоряли людей общинным владением с присущими ему частыми переделами душевых наделов. Можно ли безнаказанно в течение 1/4 столетия вкривь и вкось вспахивать землю, выжимая из нее все соки и ничего ей не возвращая, а это делается на всей надельной русской земле. Это будет продолжаться, пока не введется подворный земельный надел... не подлежащий отчуждению... земля увидит наконец хозяина, благосостояние которого связано с ее обогащением, а не проходящую душу, которая ее царапает кое-как, зная, что она достанется другому», — писал граф И. И. Воронцов-Дашков Александру III.

С тех пор прошел целый век. Нынче новая земельная реформа. А где земля? У хозяина или у «души проходящей», которая поцарапает ее кое-как, засеет ячменишком и... что Бог даст.

Земли у Соловьева до обидного мало. Хотел он весной взять у колхоза на откорм по договору 130 голов крупного рогатого скота. В колхозе скот беспризорный, некому пасти. Соловьев с напарниками откормил бы его. Не вышло. Колхоз согласен, хуторяне против. Говорят, что выпасов самим мало. Пришлось отказаться. Откармливает полсотни свиней. Так что работают Соловьев с товарищами пока в четверть силы. А будут ли в полную силу работать? Этого не знает никто. Нет земли. Хотя вот она, во все стороны лежит. Но — чужая.

В правлении колхоза вместе с председателем начинаем прикидывать, гадая наперед, у кого из павловских или ольховских может дело пойти на своей земле.

— Братья Березнёвы, — в один голос говорят Соловьев и председатель.

— У Иванова должно получиться...

— В Ольховке есть толковый механизатор...

И смолкли.

Два просторных и людных хутора. Работники есть. Хозяев не можем найти. Наступила пора горестной жатвы. Долгие годы под корень выводили с нашей земли доброго хозяина. Вспомните, как рабочие продотряды под метлу очищали хозяйские закрома. Продразверстка. Начало пути. Потом началось вовсе страшное.

Волгоградский областной архив. «Приоткрытые» фонды. Очевидцы. Спросим их: что творилось на этой земле?

«Коллективизировать все население во что бы то ни стало. Все это выполнить к 15 февраля без минуты отсрочки» (из постановления районной партийной конференции).

Телеграмма из Сталинграда: «Нарследователю. Нарсуд. Срочно поставьте ряд процессов за распродажу кулаками всякого имущества...»

«Сов. секретно... Окончательная цифра по раскулачиванию, утвержденная окружной комиссией по Калачевскому району 6 февраля 1930 года: 1-я группа — 32, 2-я группа — 82, 3-я группа — 40, 4-я группа — 301».

«В 3-дневный срок произвести раскулачивание, оставив минимальное имущество: верхнее и нижнее платье, обувь и продукты питания из расчета по 30 фунтов на едока на 2 месяца» (то есть по 60—200 граммов продуктов на день).

За что же их «в 3-дневный срок»?

«Вихлянцев Иван Степанович как кулацкое хозяйство применено кратное обложение участник белой армии и упорно сокрыватель излишков хлеба и во время голода исплотировал батраков и розлагател колхозно строительства...»

«Топилин Илья Иванович как бывший атаман и участник белой армии и как активист по розложению колхозно строительства...»

«Свинцов Степан Кондратьевич как кулацкое хозяйство применено кратное самообложение участник белой армии и бывший жандарм и розлагател колхозно строительства...»

«Щепетнов Митрофан Семенович как активно белобандит и розлагател колхозно строительства...»

В той же папке заявление Щепетнова М. С. о том, что он служил не в белой, а в Красной Армии. На нем резолюция: «В просьбе отказать, потому что Щепетнов пошел в ряды Красной Армии для спасения нажитого чужим трудом».

«Бубнов Леонтий Киреевич как хозяйство середняцкое участник зеленой армии...»

Как видим, в какой бы армии ни служил (белой ли, зеленой и даже в Красной), судьба одна, потому что — хозяин. Главный грех — что-то иметь: «...имел с/х машины, косилки, занимался скупкой и перепродажей скота». Последнее обвинение следует объяснить. В наших краях издавна занимались мясным скотоводством: скупали молодняк, брали в аренду землю, попасы, откармливали на ней скот и осенью продавали на Никольской ярмарке в Калаче и станице Голубинской, куда съезжались купцы со всей России. Купца Чертихина из Москвы помнят и сейчас.

Продолжим список «грехов»:

«...имел с/х машины, которые давал беднякам в отработку, давал деньги взаймы»;

«...расширяет и укрепляет свое хозяйство».

Это, конечно, грех. Но рядом противоположный:

«...систематически сокращал посеы, до революции имел с отцом арендованной земли до 300 десятин, в настоящее время имеет посеы 15 десятин» (продразверстка и продотряды заставили);

«...имел сапожную мастерскую, умышленно не имел посева»;

«...имеет молотилку с конным приводом, аренду земли, сенокоса»;

«...имел гурты по 80 голов, привлекался к суду за хищническое разбазаривание своего скота» (своего, подчеркну, личного; продать значит «разбазарить»);

«...арендовал участки земли, занимался бахчеводством, арбузами, вагонами отправлял их в Москву» (замечу, что про батраков ли, работников в этом деле ни слова нет, значит, трудился лишь своей семьей. Но Москву кормить арбузами, конечно, смертный грех);

«...накапливаемый капитал убивал на постройки и часть держал в кубышке» (и то и другое — грех);

«...разбазарил из 28 голов своего скота 11»;

«...арендовал государственные земли до 150 га. Занимался скотом. Занимался Эксплоатацией сельхозмашин и тягловой силы». (Эксплоатация недаром выделена заглавной буквой, потому что это грех вовсе немыслимый: использовать косилку, да молотилку, да лошадей с волами в работе.);

«...самораскулачился и пролез в колхоз с целью скрыть свою шкуру».

Расплата была одна:

«...очистить из колхоза»;

«...ликвидировать как класс»;

«...с конфискацией тягла, продуктивного скота, фуража, семфонда, с/х инвентаря, озимых посевов, сбруй, лишением усадебных земель и выселением из пределов края»;

«...семейство в полном составе немедленно выслать на спекуляцкий участок»;

«Ввиду наступления холодов... кулацкие хозяйства выселять. Семейства батраков и бедноты переселить в кулацкие дома»;

«Высланы эшелонем № 15, вагон 10 6 июля 1931 года в Казахстан»;

«Краснов С. В., Краснова А. С., Краснов... высланы в Северный край».

У одних было что кулачить:

«После революции хозяйство имело посева 30 десятин: на надельной — 20 десятин, на арендованной — 10 десятин. Снимал лугов на Дубовском острове до 25 десятин, у Троицкого земобщества до 25 десятин. Имел скота: 2 лошади, 2 пары волов, 2 коровы, молодняка — 5 голов, овец 15. Занимался торговлей арбузами. С 1928 года хозяйство значительно сократилось. Состав семьи: Безруков П. Н. — 52 года, Безрукова А. А. — 46 лет, сын Андрей — 18 лет, сын Федор — 14 лет, сын Иван — 7 лет, сын Василий — 5 лет, сын Алексей — 2 года, дочь Александра — 9 лет... Ликвидировать как класс»;

«Опись имущества Рыбакова: дом деревянный, крытый железом, амбар, крытый железом, 2 сарая, крытых соломой, 1 котун деревянный рубленый, крытый железом,

2 плуга, 2 бороны железные, 1 сеялка рядовая, 1 веялка, одна косилка-лобогрейка, конные грабли... Рыбаков государству сдал разных культур до 100 пудов. Упорно не сдает излишки, предположительно до 400 пудов. Контрольную цифру в размере 200 пудов выполнить отказался. Хозяйство Рыбакова раскулачено решением комиссии по ликвидации кулачества».

Здесь хоть было что забирать. Но рядом:

«Турченков М. К. , хутор Черкасов, Калачевский район: дом — 1, корова — 1, кадушки — 3, котел — 1, кур — 5».

Устинов, хутор Липо-Логовский:

«...лошадь — 1, коза — 1, кур — 5. Семейство в полном составе выселить на спецкулацкий участок».

А вот еще кое-что из имущества, конфискованного у разных людей, что уж больно бросилось в глаза:

«...кальсоны — 1, дулей — 1/2 пуда, плотницкий инструмент... детское пальто — 1, одеяло детское — 1, нитки — 7 катушек... бусы — 3 нитки, шпилек — 6, партмане — 1, зубной порошок — 1».

И последнее. Из имущества, отобранного на хуторе Кумовка у Каргина Алексея: «...крестов медных — 2».

«Признать кулацким. Подлежит ликвидации как класс. Хутор Скворин. Манжин Иван Сергеевич, арендовал до 300 га. 4 лошади, 4 вола, 2 коровы, 6 гуляка, 15 овец, 2 свиньи, доход 544 рубля... сын — Георгий, сын — Михаил, сын — Федор, сын — Иван, дочь — Ксения, сноха — Аграфена, внук — Михаил, внучка...»

И так страница за страницей. За семьей — семья: Переходновы... Калмыковы... Никулины... Камышановы... Дедуренко... Исаев... Каждая страница — горькая судьба.

Кулачество разгромили, искоренив хозяев. Колхозы создали. Запели новые песни, из тех, что поем и сейчас.

Выписки из протоколов колхозных собраний 1931 и последующих годов:

«Слушали: о соцбое. Постановили: включиться в соцбой за зябь и силос»;

«Слушали об агропоходе. Постановили: всем записаться на курсы животноводов, полеводов, огородников»;

«Бицся за переходящий красный флаг»;

«Идти всей бригадой в соцбой»;

«В ответ на вредительство меньшевиков-интервентов объявить себя ударниками на севере»;

«Завтра же, 12 октября, всем бригадам взять себя в руки и также взять все руководство над бригадой и повести работу. Строго соблюдать дисциплину. Строго смотреть за зерном на току. Обратит серьезное внимание на рабочий скот, который часто объедается зерном»;

«Утвердить порядок кормления и ухода за лошадьми и волами: конюх обязан выполнить следующее:

В 6 часов утра — водопой из колодцев.

В 6 1/2 часов — первая дача.

В 8 часов утра — вторая дача...»

Будто люди сроду скота на базу не держали. И лишь порою сквозь пустую трескотню пробивается живой голос:

«Тов. Соков сказал: “Мы от уборки не отказываемся, но работать чтобы отдельно, установить цену каждого гектара...”»;

«Тов. Захаров сказал: “Мы работали весной, а ничего не заработали. То же может получиться в уборку”...»;

«Тов. Атарщиков сказал: “Весной заработали мало. Так же в уборочную. На чего же будем существовать?”»

Вопрос был, что называется, в лоб. Только теперь, спустя время, можно на него ответить.

За пять лет коллективизации поголовье скота в стране сократилось наполовину. Сбор зерна в 1932 году упал по сравнению с 1926 годом почти на 10 миллионов тонн. Шел массовый вывоз зерна за границу для оплаты закупок оборудования.

Осенью 1932 года в стране начался голод. Число умерших подсчитать теперь вряд ли возможно. Называются цифры от одного до пяти миллионов человек.

На село пришла долгая пора советского крепостного права, когда колхозник не мог даже в Юрьев день поменять хозяина или уйти из деревни. Государство заставило его работать впроголодь и бесплатно. Командовали кому не лень, в грош не ставя крестьянский ум, трудолюбие, опыт. 32 председателя сменились на хуторе Затон-Подпесочном. Нынешний — тридцать третий. Угоди на всех. Не менее

двух тысяч постановлений по сельскому хозяйству придумали наши правители. Успевай лишь слушать да исполнять.

Поэтому при первой возможности бежали и бежали с земли умные головы, крепкие руки, молодежь. Село вырождалось десятилетиями, в третьем, в четвертом уже поколении отдавая высокую кровь. *Теперь пришла немочь в расплату.* И еще одним постановлением не поможешь. Ни хутору Павловскому, ни Вихляевскому, ни иным далеким и близким российским весям.

Колхоз ли надо *спасть*, совхоз, акционерное общество? По-моему — просто людей.

Колхозно-совхозное, ныне опереточно-акционированное, производство от перемены вывески не стало работать лучше. Кнута нет, да и некому подгонять. И который уже год снижаются привесы, удои, сокращается поголовье. Под нож идет даже маточное стадо, а значит, завтра и вовсе некого будет растить и доить. Все верно: распад Союза, рост цен, разрыв экономических связей.

Но, как и прежде, на личном подворье — сытые коровы, тяжелые хряки, бокастые козы. Крыши у домов не текут, стены не валятся, узорчатый штакетник или глухой забор надежно хранят хозяйское добро.

А что до колхозного, акционерного...

Колхоз имени Ленина. Февраль 1992 года. Молочно-товарная ферма первого участка. В помещении, где содержится скотина, холод, сквозит из многих дыр. Уже более недели на ферме нет воды. Корма — одна озимая солома. Простуженная, с гриппом, доярка Наташа Журавлева рассказывает:

— Вот уже одиннадцатый час, а солому и воду для коров еще не подвозили. Без слез на них и смотреть нельзя. Людей у нас не хватает. Подмены нет. Долгое время без выходных работали.

Буренки действительно вызывают жалость. Кажется, еще чуть-чуть — и потребуются привязные ремни, чтобы удерживать их на ногах.

Зоотехник участка Р. Ж. Эшмуханов говорит:

— Кормов нет, рабочих рук не хватает. Начался падеж. В январе пало семь телок. Зарплата маленькая, редко кто из доярок триста рублей зарабатывает. Каковы надои, такова и плата.

За прошедшие сутки в этом коровнике от девяности коров надоено 29 литров молока. В соседних гуртах и того хуже.

— Виноваты все мы, — продолжает Эшмуханов. — Но прежде всего — руководство и главные специалисты хозяйства. Например, можно было организовать летом заготовку сенажа. Рожь у нас неплохая уродилась. Но...

Валили все на отсутствие техники.

— Промашка вышла, — объяснил полное отсутствие кормов главный агроном колхоза, — на орошение понадеялся, а оно не сработало.

А далее разговоры о другом, в том числе и о том, «с какой легкостью вздохнули колхозники, когда в сельском хозяйстве кончился диктат непрофессионалов». Журавлева да Эшмуханов вздыхали о другом, коровы — тоже.

А ведь этот колхоз на неурожайный год пожаловаться не может: осенью почти в два раза он перевыполнил госзаказ по хлебу — больше всех в районе. По встречной продаже получил красавец-автобус, грузовые машины, холодильники, телевизоры. Лишь буренкам ничего не досталось. Председатель с главным агрономом радуются, что «диктат» кончился, уверенно заявляют: «Общий настрой людей — на коллективное хозяйствование. От коллективных методов работы нам не уйти».

Когда про «коллективные методы» говорят в совхозе «Волго-Дон», у них на руках весомые козыри: 40 центнеров с гектара средняя урожайность зерновых, 500 центнеров — овощных, 5 тысяч литров — надои. А здесь скотина от голода и холода дохнет, привычная доярка и та в слезах, а у руководителей — никаких сомнений. А ведь это хозяйство по «продуктивности» молочного животноводства от среднерайонного недалеко отстало. Осенью 1992 года, в ноябре, районная газета напечатала сводку по коровьим надоям, иронично озаглавив ее «Козьи надои». В колхозе имени Ленина они составили 1,1 литра на фуражную корову. По

району — 1,9 литра на корову. Это даже не козий надой, потому что коза у хорошего хозяина 3—4 литра дает, а это надой «колхозный».

Еще одна картина — из района, отстоящего почти на четыре сотни верст: «... скот прикован цепями к кормушкам, куда вместе с силосом загружаются глыбы льда... Сырой бетон, в проходах сыро, в помещении даже днем полумрак. Скот не выгуливается на площадках, так как они не огорожены. Содержание коровы обходится в сутки в 160 рублей, а отдача — 1 литр молока. Неявки на работу, самовольный уход с фермы, пьянки стали обычным явлением».

Сейчас идут жаркие споры: кто накормит страну — колхоз или фермер? Сторонники колхозов доказательно объясняют, что нужны денежные вложения, государственная поддержка — и все будет хорошо. Скажите: вот этой ферме, где коровы в цепях, впроголодь, в карцерной тьме, под надзором пьяниц, — ей что нужно? Какие «вливания»? Да ее хоть золотом осыпь — пропьют, прогуляют.

А какая «государственная поддержка» поможет хозяйствам, где у руководителей за «промашкой» «промашка»: коровы от холода и голода дохнут, а они радуются — кончился диктат. Да и как им не радоваться: ведь во времена «диктата» с них могли и спросить за провал подготовки к зиме, а теперь — свобода. И диктатура пустоголового руководителя.

В прежние годы и теперь не раз я писал о том, что у нашего государства село — нелюбимая падчерица. Пробовал доказывать это документально. Но знаем мы и другое: миллиарды и миллиарды рублей (не нынешних, а прежних, весомых) как в песок ушли, вложенные в село.

Тридцать три председателя сменилось на хуторе Затон-Подпесочном. Каждый со своим норовом, со своими «задумками». А в Москве их сколько сменилось, радетелей о селе? Учителя, журналисты, летчики... Пусть порой люди и хорошие. Но беда, «коль скоро сапоги начнет тачать пирожник...»

Животноводческие комплексы, железобетонные крепости, — по всей великой Руси, в каждом районе их две-три и по 2 — 5 прежних миллионов стоимостью каждая. Улетели денежки. Заводы и цехи по производству АВМ? Где от них след?

Помню, как плакала немолодая телятница, глядя на спешно возводимый по очередному приказу сверху Дом животновода на отлете от хутора, возле фермы:

— Шифера бы три листа... Крыша худая... Телятки болеют...

Что она понимала, глупая, в высокой «политике развития села»?

Они и сейчас стоят, «дома животновода», «комплексы-фабрики мяса», «заводы», — заросшие бурьяном, разбитые памятники. Брошенные на ветер деньги. И кто поручится, что новые, уже триллионы, не обернутся каким-нибудь колесом обозрения вроде того, что торчит в степи в одном из колхозов Серафимовичского района? Огромное, выше, чем в Москве в парке Горького. Деньги-то все равно чужие. Дают и будут давать. Придет время — спишут. Будут сопротивляться — нажмем. Шахтеры нас научили.

В колхозах теперь: то — не выгодно, другое — не рентабельно. Свинофермы — в убыток, коровы — без прибыли. Вывод один — ликвидировать. В одном из районов нашей области сумели за восемь месяцев 1992 года произвести 2 тысячи тонн мяса, а продать 50 тысяч тонн. Еще один такой год — и в районе на колхозных фермах установится мертвая тишина: ни мыку, ни хрюканья.

Но на том же хуторе Павловском просил Соловьев 130 голов гуляка на откорм. Он что, хотел разориться, по миру пойти? Нет. Ему бы скотина принесла прибыль. И 60 свиной он все же взял и выкормил. И опять себе не в убыток. В Суровикинском районе четверо фермеров держат коров, получают молоко, продают на молокозавод и особо не жалуются.

Про полеводство я уж не говорю. Завидны успехи Ишкина, Мельникова, Гришина.

Значит, в фермерстве наше спасенье? И разгони мы нынче колхозы, завтра хорошо заживем? Вряд ли...

Новых хозяев мы в области знаем наперечет и повторяем, словно таблицу умножения, одни и те же имена: Гришин, Епифановы, Шестеренко, Шалдонов, Штепо... А новых почти нет. Одна причина — не каждый решится круто изменить свой жизненный путь; другая — далеко не каждый решившийся способен хозяйствовать самостоятельно.

Третья, одна из самых веских, — отсутствие земли. Те, что пошли первыми, успели взять землю из фондов перераспределения. А теперь земли свободной нет. Заводить же серьезное хозяйство с 10—12 гектарными паями нельзя. По просьбе областной администрации институты «Южгипрозем» и «Волгоградагропромпроект» подсчитали, что в наших условиях оптимальные размеры хозяйств от 90 до 350 гектаров на одного хозяина. Да и без подсчетов ясно, что 15 гектаров — это для двух лошадей много, а для одного трактора мало. Два дня пахать, день сеять, убрать за день-другой. На неделю работы.

Советуют набирать пенсионерские паи. Этот путь ненадежен. Сегодня дадут, завтра — отберут.

Разделив колхозную землю по-коммунистически справедливо: пенсионерам, учителям, продавцам, — мы отняли ее у работника. А без умелого, сильного пахаря земля не кормилица, а пустыня. К безземелью добавим широкоизвестное: цены на технику, горючее, отсутствие кредитов. Вот и попробуй замани серьезных людей в вольные хлебопашцы. На мой взгляд, надеяться, что уже завтра накормит страну новый хозяин, нельзя. Но сидеть сложа руки, ожидая его пришествия, просто преступно. Где же выход?

Я не экономист, не специалист сельского хозяйства, но уже долгие годы слушаю людей, на земле живущих, гляжу и мотаю на ус... Не я первый сказал о «золотой середине», о правде, которая лежит «по гипотенузе, а не по краям угла».

Горшок треснул. А склеенному — отмеренный век.

В конце концов, есть же чужой опыт: те страны, которые сумели давным-давно решить продовольственную проблему. Не надо изобретать особый русский велосипед то с треугольными, а то и с квадратными колесами. Не надо придумывать новые и новые подпорки к системе, которая за полвека так и не смогла эффективно работать, несмотря на тысячи постановлений ЦК КПСС и Совета Министров. И не помогут тут отговорки от лукавого: мол, все на Западе кооперируются, а мы наоборот. Коллективно работают только кибуцники в Израиле. Но их объединила идея. Все же остальные кооперируются в необходимом: переработка, реализация — и не больше. Еще «довод»: весь Запад дотирует сельское хозяй-

ство. Если и *дотирует*, то полученный продукт. Никакое самое безумное правительство не будет дотировать буренку с удоем в литр, свинью с привесом в 12 граммов за сутки, а к ним в довесок — полки и полки руководства от хуторского до московского с «Волгами», «мерседесами», персональными шоферами, секретарями и секретаршами и прочим, чему нет предела.

К слову, суровикинские фермеры-молочники уже объединились: держат общего бухгалтера и на одной машине возят сдавать молоко.

Горшок треснул. Но выбросить его, не обретя нового, — значит, в пригоршне будешь щи варить. Нельзя взрывать необходимые структуры, замены которым нет, — это ремонтные службы, подработка зерна, его хранение, склады ГСМ. Они нужны и колхозу, и фермеру.

Но о том, что колхозный горшок треснул, помнить все-таки надо. В нашей области 7 тысяч самостоятельных крестьянских хозяйств. Из них около тысячи имеют не клочок земли, не пай, а от 150 до 1000 гектаров. Это уже всерьез, что бы ни заявлял на очередном совещании очередной над селом начальник, будь он даже вице-президентом. Потому что братьев Елифановых, семью Фроловых из Верхней Бузиновки и других просто так с земли уже не смахнешь — укоренились. И в колхоз они уже не вернуться, «хоть кнутом запори», как сказал Фролов Николай Яковлевич. Их можно лишь вырвать силой, как в 30-х годах. И когда после выступления Руцкого в зале Волгоградского облсовета аплодируют и кричат: «Колхозы победили!» — это, извините меня, не от великого ума. Потому что земля у нас общая и поражение будет — одно на всех. А зловещая тень его уже висит над нами: если производство зерна (в зависимости от погодных условий) остается более или менее стабильным, то производство мяса и молока в течение последних четырех лет у нас в области сокращается ежегодно на 10 процентов. 1992 год: сельское хозяйство области произвело молока и мяса уже на 30 процентов меньше, чем в 1989 году. Падение продолжается такими же темпами. Причем наша область считается относительно благополучной. Общероссийские показатели хуже. И никакой стабилизацией не

пахнет, что бы ни заявляли очередные руководители сельского хозяйства страны. Ведь падение производства обусловлено не плохим или хорошим московским начальником, а социально-экономической обстановкой на селе. Сменой вывесок изменить ее не удалось. Идет всеобщее ожидание с поглядом на Москву.

Но светлые, даже колхозные головы уже давно понимают, что старая система на селе отжила. Нельзя, чтобы крестьянин метался, как заяц, между колхозным полем и своим подворьем. Нельзя, чтобы честный работник и вор жили одинаково. И даже вор — лучше. Многие это поняли. И что-то пытались сделать. Вспоминается давнее: опыт колхоза «Панфиловский» Новоаннинского района, звена Гавры из Клетского района и других. Кажется, это называлось бригадным подрядом. Люди там хорошо и ответственно работали: не сразу, но становились почти хозяевами своей земли.

Вспоминается и опыт сравнительно недавний. Арендные звенья. О них протрубили недолго и смолкли. Но были оглушительные скандалы, судебные разбирательства, когда администрация колхозов-совхозов заключала договор с такими звеньями и они, поверив, работали честно. Приходило время получать заработанное, и тогда у бухгалтера ли, директора на лоб лезли глаза. Ведь привыкли копейки платить. А здесь... «Больше директора хотите получить? Не выйдет!» В очередной раз обманутые люди искали правды у прокурора, в судах. Но где она, правда?

Арендное звено в идеале — это уже не огромный колхоз, где все вокруг не твое, а пяток-десяток людей, работающих друг у друга на глазах и знающих, кто чего стоит. Такие звенья (повторяю: в идеале) и создавались добровольно: кто с кем захочет работать. Трудяга к трудяге. Берешь у колхоза по договору технику, семена, горючее или скотину, корма — за все платишь, но и колхозу же продашь произведенное. А потом подсчитывай, с барышом или без последних штанов остался, если плохо пахал и сеял, зря жег горючее (за водкой на «Кировце» ездил), морил голодом скотину, получая по 60 граммов привеса в разгар зеленого лета.

Общий переход к землеробу-хозяину от нынешней системы (без пожара революций), на мой взгляд, лежит

в русле аренды. Глубокая аренда, когда каждое колхозное подразделение — полный хозяин на своем участке. А меж собой полеводы ли, животноводы, гараж, зерноток связаны договорными отношениями. Пообвыкнутся, поймут вкус такой работы — тогда с богом на выкуп.

Путь, конечно, не гладкий, как на этом листе бумаги. И кто-то из экономистов, сельских спецов посмеется над наивностью литератора. Но если есть иные способы не единичного, а массового перехода от всеобщего и чужого к своему, личному, то где они? Ведь теперь мы вовсе никуда не идем. Топчемся на месте, катимся вниз. Как в старые времена, пытаемся залатать то одну, то другую прорехи. Но главное — чего-то ждем. То ли «наших», то ли манны небесной. Все. Начиная от высокого правительства, которое делает шаг вперед, а потом, убоявшись, попятится. Указ президента и постановление правительства от декабря 1991 года оказались во многом лишь пустой угрозой. По-прежнему здравствуют хозяйства, где у коров козьи удои, у свиной да гуляка комариные привесы, а у руководителей, испуганных поначалу, давно отлегло от души: давали деньги и будут давать. Одинаково люди живут в хозяйстве передовом и отстающем, на одинаковых «Волгах» катаются их руководители. А фермерам, даже очевидно перспективным, отвечают: «Земли нет и не будет».

Ожидание второго и третьего шагов в земельной реформе затянулось. И если растерянность простима доярке, скотнику или замученному председателю колхоза, то люди, принявшие на свои плечи груз руководства районом, областью, а главное — страной, должны видеть, куда ведут они сельский мир. А если не видят, не знают или изуверились, то честнее уйти, как это сделали четыре председателя в Алексеевском районе. (Пока писались эти строки, кажется, и пятый ушел.) Спасибо за честность. Потому что слепые поводыри слепых у нас уже были не раз. Оглянитесь: куда они нас привели?

Когда рушатся великие государства, люди остаются и приходят в себя не вдруг. И правят ими тогда не новые

законы, а обыденная экономика жизни, указами ее не сразу возьмешь. Обыденная жизнь вековечно мудра и поэтому, будто бы подчиняясь новым законам, приспособливается к ним, при нужде находя в законах «прорехи» и «дыры», продолжая существование. Житейскую экономику не сломать, не изменить в одночасье.

Колонне танков ли, тракторов можно отдать приказ: в 16.00 всем повернуть на 90 градусов. И послушная колонна повернет. В 19.00 — на 180 градусов! И снова получится. Конечно, будут отдельные недостатки. Но в общем, можно с высоты наблюдательного пункта даже полюбоваться картиной впечатляющей.

Но если вместо тракторов взять отару послушных овец, про коров, а тем более коз не говоря... Кто их пас, тот знает. Даже приученную животину не повернешь вот так разом по команде: в 16. 00 — на 90 градусов! Какое там... Будет крик и ор, беготня и скачки, хлопанье кнута, лай собак. Передних криком, дубиной, но вразумишь. А сзади все прут и прут прежней дорогой.

Многоликая, многомиллионная крестьянская Россия, силой согнанная и сбитая в колхозную колонну, год за годом полвека тащилась разбитым сельским проселком под гиканье лозунгов и призывов, под надзором железных законов, с охраной по сторонам, со сторожевыми псами. Путь ее долог. Полвека — позади.

И вот наступило время, когда сначала понемногу, а потом словно разом исчезли сторожевые собаки и люди с винтовками. Уже иное кричат вожди и пастыри. Но слышат ли их?

Кое-кто слышит. Вначале осторожно те, кто посмелей, передовые в колонне да крайние, начали понимать, что «шаг влево, шаг вправо» — уже не побег. Не будет зубов овчарки и выстрела. Можно уйти из колонны, свернуть на обочину, передохнуть, оглядеться или вовсе покинуть Великую Орду, которая все бредет и бредет, не замечая перемен, не поняв, что другие впереди вожатые, к другому они зовут.

Но даже передовые да крайние смелеют не вдруг и провозжают отчаянно смелых горькой укоризною. В их памяти долгий опыт пути, когда было всякое: мягчела охрана, на собак надевали намордники, а то и вовсе они отходили

вдаль. И тоже такие вот смелые кричали: «Земля! Свобода!» Но через сотню метров, невидимый из-за бугра, строчил пулемет; не успев докричать, падали в придорожную траву самые смелые:

«...на колхозных собраниях всегда против проводимых мероприятий...»;

«...на все мероприятия относился скептически...»;

«...имеет огород свыше 1 га. Отобрать»;

«...имеет личного скота выше установленной нормы...»;

«...совершал незаконный покос на землях, принадлежащих...»;

«...похищала колхозную свеклу в количестве...»;

«О невыработке минимума трудодней: Карпова Евдокия — отдать под суд»;

«...передать в суд»;

«...приговорить... 10 лет исправительно-трудовых...»;

«...8 лет с исправлением...»;

«...15 лет...»

Строчил и строчил пулемет. С довольной ухмылкой смыкались конвоиры, и лаяли захлеб другие, но сторожевые псы:

«...площадь теплицы превышает...»;

«...количество личного скота не соответствует...»

Год 1939... 1956... 1990...

Поэтому и нынешних смелых провожают настороженно и завистливо. И вглядываются, вслушиваются: откуда застрочит пулемет?

Вслушиваются и бредут вперед.

Долог наш путь...

1993

ГЛУХОМАНЬ

Мой знакомый, Федор Иванович Акимов, долгие годы проживший на хуторе Большая Голубая, как-то вспомнил:

— В молодости, бывало, доберешься от своего хутора до Клетского грейдера, глядишь — машины идут. Думаешь: счастливые люди тут живут, куда хотят, туда и едут. В Голу-

бинку ли, в Калач, в Клетскую... И даже в Волгоград можно попасть. А у нас... В нашей глухомани помри все — и никто не узнает.

Несколько лет назад снежной зимой на Калиновом Колодце обвалилась кошара. Поставленная кое-как, она не выдержала тяжелых снегов и рухнула, хороня под собой овечью отару. Сколько-то овец осталось, их угнали на центральную усадьбу дозимовывать. Туда же ушли и чабаны.

А на Калиновом Колодце до весны пировали лисы и волки, обжираясь падалью. Порою туда приезжали охотники, устраивали засады. Добыча всегда была.

Весною приехали на Калинов совхозные рабочие, чтобы разобрать завал. И обнаружилось, что зимою не всех уцелевших овец забрали. Какие-то остались, отрезанные, под обломками. Они и выбраться не смогли, и волки их не достали. И что самое удивительное: несколько голов дожили до весны. Они грызли камыш, которым утеплена была крыша. А потом — шерсть...

Когда еду глухою осенью ли, зимой и от асфальта, от грейдера ли уходит разбитая, снегом занесенная дорога, вспоминаю Калинов. Думаю: может, и здесь где-то, в конце пути, от мира отрезанный, кто-то ждет спасенья. Дождется ли, весна далеко...

Но к делу. Лето 1993 года. Алексеевский район.

«Бесхозяйственность, растащивка и прямое воровство глубоко укоренились. Пока не поймут, что воровать у самого себя нельзя, рассчитывать на улучшение оснований нет», — прочитал я два дня назад и выписал в блокнот строки из выступления в районной газете главного агронома комитета по сельскому хозяйству района. О колхозах он писал и колхозниках.

А нынче ранним утром собирался я уезжать с хутора после короткого гостеванья, ждали меня в станице Дурновской.

Поднялся я вместе с хозяевами, до зари. Они управлялись по хозяйству, коров доили, потом выгоняли скотину к стаду, а я собирался в дорогу.

Сели завтракать: дымились горячие щи, шкворчала в жаровне картошка с мясом, блинцы, яички, молоко — завтрак был основательный, крестьянский. Хозяевам моим до обеда еще работать и работать, летний день долог, а меня неизвестно куда Бог припутит. Так что ели не церемонясь. Тем более что на этом хуторе, в этом доме знают меня не первый год.

Хозяин оставлять меня одного не хотел: редко виделись, поговорить охота, — но жена и мать его торопили: «Поезжай. Съезди быстрее да вернешься». Я сначала не понял, а потом спохватился: «Поезжай. Я не уеду, дождусь». Он поднялся, через минуту за стеной рыкнул, отъезжая, мотоцикл. Хозяин мой торопился не на работу, туда было рано, да и припозднись он, напарники поняли бы его, о городском госте они знали. Спешил он поутру на свою ферму по делу, которое отлагательств не терпело.

Через короткое время он вернулся, сел к столу, и потекли прежние разговоры. А жена с матерью оставили нас. Я знал, что пошли они кормить свиней. Хозяин мой привез в люльке мотоцикла несколько ведер каши, какую готовят на свиноферме для колхозных свиней. Он не воровал, он просто брал эту кашу, как все другие, кто работал на свиноферме. Делали они это ежедневно, всегда. Так уж положено.

Теперь лето, месяц — июль. А нынешней же зимою в этом доме я гостевал и заметил, что приезжает хозяин с работы, со свинофермы, после утренней кормежки и уборки, вечерней, — корова встречает его нетерпеливым мычанием. Из теплого стойла через крепкие стены услышит рокот подъехавшего мотоцикла и давай мычать. Объяснялось все просто: понравился корове силос, беремья которого каждый раз привозил хозяин.

Напомню слова, с которых начал: «...растациловка и прямое воровство глубоко укоренились». Очень глубоко. Когда одна из свинок этой же фермы ушла на пенсию, то как ни в чем не бывало следующим же утром явилась с двумя объемистыми ведрами за кашей. Ее пыталась остановить заведующая фермой: «Ты чего пришла? Ты же теперь не работаешь!» — «Я на эту ферму жизнь поклала, — ответила молодая пенсионерка. — Имею право». И свое «право» она

утвердила: после нескольких скандалов махнули на нее рукой: бери и отвязись, не от себя отрываем.

Несколько лет назад, когда еще главной властью в районе был райком партии и сверху приказывали бороться с несунами и растащиловкой, с этого хутора поступил сигнал: у Степаныча, который живет от свинофермы неподалеку и трудится на ней, на личном подворье много свиней, чем он их кормит — понятно. Разбираться с сигналом приехал сам первый секретарь райкома. Подъехал он ко двору, Степаныча вызвал, спрашивает:

— Свиньи есть?

— Конечно.

— Веди. Показывай.

Степаныч повел, показал закут, где сытно похрюкивали несколько боровов. Секретарь открыл было рот, чтобы начать воспитательные речи, но хозяин остановил его и похвалился:

— У меня еще есть. Пойдем, покажу. — И повел к другому закуту, где тоже хрюкали.

— Для чего ты мне этих-то показал? — недоуменно спросил секретарь. — Тебя и за тех надо наказывать. Ты же их с колхозной фермы кормишь.

— Конечно, — ответил простодушный Степаныч, — имею право. Я на колхоз жизнь поклял. С двенадцати лет начал работать, скотину пасть. Да не так, как теперь, — пешком пасли, не на лошади. День-деньской бегаешь, все пятки отобьешь. С двенадцати лет, голодный, раздетый. Джуреков желудевых мать в сумку покладет... До морозов — босой. По утрам иней, бело. Глядишь, где корова навалит, бежишь, становишься в тепленькое, ноги греешь... Пастухом, скотником, свиномарем. А в войну... А после войны...

Степаныч пел и пел. Первый секретарь послушал его недолго, повернулся молчком и уехал. Во-первых, он был характера мягкого, из учителей, во-вторых, сельский: он знал — «положено».

За четыреста верст от этого хутора пришлось мне присутствовать нынешним же летом при нешуточном разговоре, когда колхозные доярки требовали прибавки к зарпла-

те. В колхозах нынче с деньгами туго, и начальство пыталось доярок урезонить.

— Пусть зарплата невеликая, — соглашались с доярками. — Но вы прибавьте то, что тянете: два раза в день, после утренней дойки и после вечерней, по три литра молока несете и по сумке дробленки, а в той сумке не меньше ведра. Прибавляйте это к зарплате — и получится...

Негодующий всеобщий крик был ответом, в нем лишь одно можно было разобрать: «Это положено! Это нельзя считать!»

Так повелось. Так положено. «Хороший бригадир ли, председатель отвернется, когда увидит, что тащат, — объясняла мне старая колхозница в давние еще времена. — Он же знает, это для жизни».

Хороший председатель знает, что свинарка до трети опороса себе заберет, но сначала их вырастит там же на свиноферме, ведь от матки поросят на второй день не отнимешь. Как говорил один добрый человек: «Пусть лучше у людей растет, чем в колхозе сдохнет».

Нынче из статьи в статью кочуют слова Карамзина, короткие, но выразительные: «Воруют!». Сказано о России, о народе ее. Вот и мои речи словно о том же. Но не совсем о том. Напомню слова старой колхозницы: «Это для жизни». Давайте поговорим о жизни.

На хутор приехал я в полдень и поспел к работе: сено привезли ко двору, скирдовали, взялся я за вилы. Хозяину, моему старому знакомцу, перевалило за сорок. Две дочери у него. Одна помощница сено подгребает, другая — еще забава и баловница. Старики, отец с матерью, — хворые, болеют. Но отец тоже не утерпел, сено протрясает. Жена на скирду — раскладывает, топчет. День солнечный, веселый. И работа веселая. Как не радоваться: нынче сено будет в скирду. Конечно, две тележки тракторные — это маловато для двух коров да телят, для коз. Но еще, даст бог, подкосится, да соломой колхоз поможет, просяной да гречишной, пусть и ячменной, — все пойдет зимой. Главное есть — вот он, скирд, растет на глазах. Таскаем за навильником навильник,

подаем. Сено всякое: пыреистое, с луговым разнотравьем; займищное, с лесных полян; зеленое, по-доброму высушенное на солнце, пахучее, и темное, полежавшее под дождем.

— Лило? — спрашиваю я.

— Сам видишь, — отвечает хозяин.

Нынче сено давалось тяжко. Лето дождливое. Косили с мукой. Положишь траву, она чуть подсохнет — дождь пошел. Перевернул, протряс, вроде обвнулось — снова полил. Подсохло, в копны сложили, а тут ливень. Снова раскидывай и суши. И так день за днем. В колхозах весь первый укос, считай, пропал: люцерна, эспарцет. Свалили, намокло, стали ворочать раз и другой, осыпались листы, остались лишь черные будылки. Словом, погноили. Это еще аукнется нынешней зимой. Осенью будет дешевое мясо, а потом... Но это в колхозах, там вечно не слава богу, а потом кто-то поможет: государство, район, область. А своей корове надежда лишь на хозяина. Оттого он мучается, порой криком кричит, но косит и косит, косит и сушит, не больно надежное, как нынче, сено солью щедро пересыпает. Надеяться не на что и не на кого.

Последнюю зарплату получили в колхозе в прошлом месяце, в июне, но она была за март. Хозяин мой получил 8 тысяч. За апрель начислили 10 тысяч, за май — 8 тысяч, сейчас середина июля. Когда деньги дадут, неизвестно. Жена, хуторской почтальон, получает 10 тысяч. Хлеб нынче стоит 25 за буханку, рис — 320 рублей за килограмм, сахар — 550, пряники — 1000, конфеты «Золотой ключик» — 1500. Дочки просят, куда денешься. Молоко свое, сало, яйца, картошка и прочее. Но и это с неба не падает. А деньги все равно нужны, девчонок одеть-обуть, самим одеться. Старшей купили спортивный костюм за 7,5 тысяч. Почти за столько же, за 8 тысяч, сдали зимой быка, кормили его, считай, два года, а потом мучались, не знали, куда его деть: кооперация не принимает, приезжие «купцы» из Москвы берут лишь свинину. А бык сено жрет. Насилу сдали в откормсовхоз почти за бесплатно, за спортивный костюм. 210 килограммов по 41 рублю! Куда как доходно...

Правда, свинью в апреле сдали уже за 60 тысяч. На это и живут. Старшая дочь просит магнитофон, самый простень-

кий стоит 60 тысяч, младшей подай велосипед, в райцентре они есть, по 25—30 тысяч. Не по карману такие покупки.

Сено сложили, покумекали, как лучше его сберечь: приклячить ли жердями, придавить гнетом? Поглядели на небо: солнце, высокие облака. Пусть осядет. И отправились в летнюю кухню обедать.

Дело свершилось великое, бутылка — на стол. Разговоры пошли, как косилось да как сушилось. Хозяин мой ростом невелик, телом худ, по-летнему, по-крестьянски, черен, словно галка. Болеет он желудком, язвенник.

— Нынче думал — и не откошусь, — признается он. — Время подходит, а у меня так прихватило: махнешь косой — боль, махнешь — боль. Я и ремнем солдатским и платком подвязывал. Нет мочи. Спасибо объявилась бабка на соседнем хуторе. Прогнали их, из Киргизии. Люди хвалят. Я к ней кинулся. Она как поглядела, враз определила: ты, говорит, один в семье работник, без очереди тебя полечу. До двух раз к ней ездил, хорошо лечит: за руки меня возьмет крепко, аж у самой руки синеют. И глядит в глаза. А потом такие катышки дает, чтобы глотать. И мне полегчало, слава богу, почти откошился. Может, съездишь к ней?

Он знает, что у меня зимой объявилась та же болезнь.

— Съезди, хорошая бабка. Экстрасенс. Глядит и руками водит.

— Поглядим... — уклончиво говорю я.

К экстрасенсам отношусь я весьма скептически. Но хозяина моего переубедить не буду. У меня неплохая больница, лекарства заграничные помогли добыть. А что у него? Жена рожала, он ее за триста с лишним верст в город возил, ближе негде. Мать лежала тоже в больнице областной. Отец нынешней зимой в районную попал. Спал там в шапке-ушанке. Еле выбрался. Это сельская медицина. Спасибо Алану Владимировичу да Кашпировскому, они проторили дорогу. И теперь в какой райцентр ли, а теперь уж и хутор ни приедешь, везде афиши висят: «От всех болезней!» Экстрасенс, белый колдун, черный колдун. Пантелеймон — шаман Чукотки. Этим летом из Дурновки я сам по телефону по просьбе хуторских баб до райцентра дозванивался: будет ли завтра на стадионе Пантелеймон с Чукотки? Сообщили,

что будет. Спасибо ему. И той бабке Пантелеймоне, какая моего хозяина выручила, по виду поняв, что он «один в семье работник». Теперь он откосился, доволен. Тем более по рюмке выпили, разговор пошел. Сейчас он везде одинаковый: цены, всеобщий развал, когда этому конец будет...

Хозяйка, нас покормив, сбегала на почту и принесла сумку с газетами да письмами. Прежде эта сумка была неподъемной, нынешний год полегчала. Мало стали выписывать газет да журналов, дорого. Но все же выписывают. «Советская Россия» — самая читаемая. Говорят, в ней — правда.

Хозяйские девчата понесли по хутору письма да газетную «правду»: старшая — на велосипеде, младшая — вприпрыжку; хозяйка подалась на огород: полоть да гонять жука колорадского; мы же по хутору пошли вольными казаками.

Встретили Соловьева, фермера, я о нем прежде рассказывал. Валентин Степанович, бывший колхозный руководитель, вместе с двумя родственниками самостоятельно хозяйствует уже третий год. Нынче к своей земле, 120 гектарам, набрал он еще 100 из пенсионных паев. Но все равно на троих земли мало. И надо бы заняться мясным скотом, чтобы не сидеть сложа руки, когда нет работы в поле. Но дело опять в земле, в попасах. А еще в кредитах, которых нет. А что до сил и желания, так этого хватает. На этом и расстались. Подъехал трактор с возом сена. Соловьев рассчитывался с пенсионерами, которые ему землю отдали, по договору: сейчас сено, дрова, позднее зерно, подсолнечное масло, гречку.

А что до земли, то ее просят все новые хозяева. Кого ни встретишь, сначала валят беды: дорогая техника, дорогое горючее, нет кредитов, палки в колеса ставят. Спросишь: «Земли надо?» Сразу глаза загораются: «Где?» В моем Калачевском районе нынче, в 1993 году, около 250 хозяев работают самостоятельно. Спросил я у руководителя земельного комитета: «Сколько человек из них просят еще земли?» — «Все», — ответил он коротко.

Направлялись мы в конец хутора, но мимо Филипповича не прошли. Ему шестьдесят семь лет, он словно сухой дрючок, говорлив, когда есть с кем. Огород — дурачий. Одной картошки полгектара. Пусть земля трактором пахалась, но сжалось, пололось, подгробалось — все руками: лопатой и мотыгой.

Теперь одолевает колорадский жук. Полгектара стоит зеленой картошки. Каждый куст надо нагнувшись осмотреть, полосатую тварь найти, раздавить, красных личинок тоже, да еще и желтые яички, завтрашний расплод на нижней стороне листы. Каждый куст, один за другим. Полгектара.

— Жука много? — спрашиваю.

— Кипит... Милия. А яду нет. Лишь в городе. Тыща стоит. Какой-то ядучий. Гутарят, ложку на ведро — и все кругомдохнет на сорок дней. Либо брешут. Мне бы такого. А то третий день ползаю на коленках.

— Почему на коленках?

— Спина не гнется, на коленках ловчее.

Поговорили и разошлись, каждый по своим делам. Мы — на своих двоих к свиноферме; Филиппович — на коленках от куста к кусту, «так ловчее».

А на свиноферме, где нынче с утра, заменив моего хозяина, работал его напарник, дела уже кончились. «По правилам арифметики» — эту формулу я слышал прежде. Она проста: два ведра в руки, а в ведра наваливай из котла каши побольше и таскай, корми свиней. Семь раз по два ведра — это четырнадцать, три раза по два ведра дробленки — это двадцать, два ряда клеток, в которых свиньи, почистить. Пятнадцать умножить на два получается тридцать. Вытри лоб, а чтобы охладиться, запрягай лошадь и грузи силос ли, зеленку, что есть.

Нынче арифметика стала пожиже, потому что от прошлогодних 1500 свиней осталось 150 голов. Часть продали, чтобы зарплату зимнюю заплатить, много за зиму разокрали. Сторож прятался, чтобы не тронули его. Сам председатель по ночам приезжал. Но разве укараулишь.

От фермы, от невеселой ее «арифметики», отправились восвояси. День стоял солнечный, с высокими белыми облаками. Хутор был пуст. Люди «убивались» на сене. Третий день не было дождя. А снова его обещали. Хозяин мой остался на гумне сено очесать да сверху прикрыть, чтобы при дожде не затекло. Я же отправился на речку дорожную пыль да сенную труху смыть.

Речка возле хутора неширокая, быстрая, имя носит славное — Бузулук. Сегодня она пустынна, даже ребятишек нет,

все в делах. Искупался я, поплавав в чистой воде. Уходить не хотелось.

Солнце уже клонилось к вечеру, к маковкам старых верб. Донный песок был светел, а вода темнела. Синие стрекозы бесшумно реяли над водой, временами садясь на листья кувшинок, лилий. Розовато-белые и желтые цветы уже закрывались, смыкая лепестки. Скоро они опустятся в воду до завтрашнего утра. На краю хутора два огромных вековых тополя шумели листвой. Ласточки-береговушки сновали рядом. Веяло духом пресной воды, зелени, свежего сена. Мир и покой. Но думалось не о вечном — о бренном, о жизни, которая рядом текла, об ее «арифметике».

Полторы сотни свиней осталось на ферме. Не сегодня, так завтра и им конец. И если это случится, то чем будет жить мой знакомец? Сейчас хоть своих свиней держит, кормит их от колхозного. Он на это «имеет право» хотя бы потому, что работает на колхозной ферме практически бесплатно: 8 да 10 тысяч рублей апрельских да майских, до сих пор не полученных, — что они нынче, в июле ли, в августе (если дадут), при инфляции в 20 да 30 процентов в месяц. Чем его укоришь, когда он всем нам живой укор. Худой не по-доброму. Широким солдатским ремнем подтянулся, чтобы язва не так болела, и день за днем косит — ранним утром, потом в жару, потом ночью, в комарье, считай, не спит. Спасибо мудрая бабка его не столько вылечила, сколько напомнила: ты один в семье работник. Ревя — но коси. Без коровы не обойдешься: дочки да старики, да сам еще живой. Так что коси. И ты, Филиппович, ползи на коленках, чтобы спина не болела, день за днем по своей картошке, пока живой, пока не ткнешься головой в борозду.

В мире тишь и покой. Ласточек посвист. Легкий ропот вербы. По бревенчатому мосту через Бузулук везут из займища сено. В займище нынче зелено, цветут луга. Озера лежат — вода не шелохнется в вечерней тиши. По малиновой от заката глади плывет, словно зеленый корабль, просторный остров с белыми березовыми парусами. Это озеро называется Большое Бабинское. Там не один плавучий остров, а несколько. Твердая земля на них, зеленая трава, кусты, высокие деревья. По-местному эти острова называ-

ются коблы. Они могут подолгу стоять возле берега, и не всякий поймет, что это остров. Причалят и стоят, будто приросли. А потом вдруг, при ветре, поплыли. Озеро большое, плывут и плывут, словно зеленые корабли.

А возле Строкального озера в прошлом году осадили меня лисята. Ехал я не спеша по дороге на хутор Исаков. Слева — озеро, тополя да вербы по берегу, справа песчаные бугры, густо заросшие талами. Оттуда, с бугра, на дорогу выбежали два лисенка. Завидев машину, они не прочь побежали, а кинулись к ней. Я остановился, выключил мотор и вышел. Лисята чуть не под ноги мне совались. И с одной и с другой стороны забегают и глядят. Мамаша их с сиплым тьявканьем носилась по бугру, призывая. А им на мамкины приказы наплевать. Разглядывают и меня, и машину, кружат возле колес. Еще не поръжавшие, в темном меху, веселые лисенята.

Нынешний год выбирался я с хутора другой дорогой: не займищем, боясь там увязнуть, а верхом, мимо хуторов Ольховский да Кочкаринский. В первый даже хотел захватить, но потом передумал. На тамошней ферме два свиарника. В одном работает семья Донсковых, в другом — Ахромеевы. На «новых формах хозяйствования» они обжигались не раз. Еще в 1990 году Донсков заключал с колхозом договор на «аренду». Все было просто на бумаге: колхоз дает две тысячи поросят, обеспечивает кормами, ветеринарным обслуживанием; Донсковы работают, получая небольшой аванс, а в конце года — полный расчет за полученную свинину. Гладко было на бумаге, а в жизни все пошло наперекосяк. Поросят завезли, а корма для них приходилось выбивать в правлении с криком. Чуть не каждый день ездил Донсков к председателю, к другим «спецам». А те от него двумя руками отмахивались: «Ты на аренде, думай сам». Хотя в договоре ясно было записано: «Колхоз обеспечивает кормами». У свиней начались болезни, падеж, а ветеринары не кажут носу, ответ тот же: «Арендатор, думай сам». Так и бились Донсковы весь год. Не работа, а мука. Свиней все же вырастили и деньги по тем време-

нам получили неплохие. Но на следующий год договор заключать отказались.

В ту пору, когда Донсков мучался на «аренде», была на нее мода, очередной «подъем сельского хозяйства». Новый редактор нашей областной газеты, как говорится, лично поехал, чтобы «передовой опыт» Донскова в газете отобразить. Съездил, поглядел. Случилось мне в эти дни зайти к нему. Он сидит невеселый, спрашивает меня:

— Разве это жизнь? Разве можно так? Себя гробит, детей. Света белого не видят. С утра до ночи свинарник, свинарник... Корма добывает, мыкается. Ночами у свиней. Разве жизнь это?

Что я мог ответить ему? Лишь пожать плечами: мол, всюду жизнь.

Такая вот она разная, наша жизнь. словно живем хоть и на одной планете, но в разных веках. И континент один, и страна, и разделяют порой всего лишь сотня ли, тысяча километров. Но века разные. В одном — лишь прищурься и погляди, как мудрая машина, подчиняясь воле твоей, даже не на Земле, а на Луне и вовсе в космической дали делает, что прикажешь ей: направо пойдет и налево, словно в волшебной сказке. Но тут же рядом, в том же времени, но в веке другом: накладывай в ведра кашу — и бегом! Тридцать умножить на два получится шестьдесят. Вытри лоб и пятнадцать клеток, в два ряда, чисти мотыгой да лопатой. А у Донскова их не пятнадцать, а много более: две тысячи голов, аренда. Корыто, навозом полное, бечевку через плечо — потянул на волю. Упрись, опрокинь, тяни назад и отдыхай, пока корыто пустое. А неподъемные молочные фляги у доярок и тоже корыто с навозом, мотыги, с дробленкой мешки на загорбке. Разбитые коровники, свинарники, зимние ледяные сквозняки. Да разве перечтешь все, им привычное, а для нового глаза — страшное. И можно понять и простить машинистку, которая, перепечатав рассказ «Тарасов» ли, «Сено-солома», спрашивает с горечью: «Неужели это правда?» Или когда почтенная московская писательница, тоже прочтав, пожимает плечами: «Вроде крепостного права...» Милые городские женщины, от машинисток редакционных до докторов физико-математи-

ческих наук, — вам простимо. Но вот когда Михаил Сергеевич, будучи президентом страны, попал, если помнится, в Красноярском крае на колхозную ферму к дояркам, а потом всенародно охал: «Отсталость... Ручной труд... Позор...» Или наш областной руководитель тоже всенародно, на пленуме, чуть не навзрыд: «На ферме я был... Коротышками навоз... Вручную...» Они ведь не городские барышни, не физики, не математики, спрятанные от жизни за «проходной». Они зубы проели на руководстве селом. А теперь, к седым волосам, Бог на ферму занес. А может, просто жили прижмурившись. Это хуже. «Слепые поводыри слепых».

А что до работяги Донскова, то, отмучившись, а потом отдышавшись, он ведь снова в аренду полез в 1992 году. И слезно просил лишь об одном: «Дайте нам возможность работать! Мы хотим именно заработать, а не урвать куш! Дайте поработать!» Крестьянской наивности, вере, долготерпенью не устаешь удивляться. Нет! К Донскову я нынче не поеду. Чего без толку себе и ему душу травить. Поеду я лучше в Дурновский, к Мазиным. К Галине Федоровне, к Владимиру Яковлевичу. Там всегда мне рады.

Владимира Яковлевича Мазина я застал уже за двором, в седле мотоцикла.

— Ключ на всегдашнем месте, — на ходу сказал он мне. — Харчи в холодильнике. Галина в городе, будет к вечеру. Я к обеду надбегу.

Ключ от дома у Мазиных уже не первый год «на всегдашнем месте», чтобы и жданные, и неожиданные гости у порога не торчали. А знакомых у них немало. Владимир Яковлевич — хороший, опытный агроном, с недавних пор районный депутат, хуторской атаман. Бороду он носил несколько лет, нынче побрился. Галина Федоровна директорствует в известной на всю область дурновской восьмилетней школе.

Вошел я в дом, помыслил и решил, не упуская доброй погоды, ехать в Вихляевку да Клейменовку транспортом, сердцу милым, — велосипедным. Нашел в доме двухколесного конька, подкачал ему шины, примкнул дом и подался.

Станица Дурновская (это по-старинному, нынче уж — хутор) тянется вдоль Бузулука по берегу высокому. За речкой, за быстрой ее водой, на многие километры раскинулся

край зеленый, займищный. Там просторные луга — Ярьженский, Дурновский, Вихляевский, Мартыновский; там озера, из них самое большое — Ильмень, а малых не счесть; там реки текут Паника и Лесная Паника; там Мартыновский лес и Летник — дубы да березы; там Большие да Малые Городбища, Татарские валы, Проран; там милые сердцу хутора, хлебные поля, полевые дороги, по которым хожено-перехожено в золотую летнюю пору, зимой, в весенние разливы, когда Бузулук играет, ярится, а потом заливает свои луга: ни пройти, ни проехать.

Нынче июль, позднее, холодное лето. Но третий день стоит словно у доброго Бога вымоленный: солнечный, с высокими белыми облаками, с теплым ветром — для сена лучше не надо. Дорога моя — по займищу, перелесками и лугами, где трава нынче, словно в сказке, многоцветным пахучим ковром: белая кашка качается, словно малые облачка под ветром плывут, желтый донник, пахучая медуница, золотистый звездчатый зверобой, стройный аржанец, легкая овсяница, мышинный горошек в розовом да белом цвету — море трав колышется незнамых и знамых. Сладкий цветочный дух плывет над землей и томится под солнцем. Чуешь мед его на губах, и невольно тянет шагнуть от дороги и пойти ли, поплыть, купаясь в душистом мареве, словно иная тварь: золотая пчела ли, тяжелый шмель, что с гудом переходит с цветка на цветок, голубая хрупкая стрекоза, невесомая бабочка, радужное — разноцветье пестрит в глазах, неумолчный звон стоит над лугами.

В тенистой дубраве отдышишься — и снова в луга. Легкая волна ветра донесет горячий хмельной дух подсыхающих трав, скошенные, они томятся под солнцем, источая последнюю цветковую сладость и горький сок.

Но мало скошенного. Облака, томится жара, видно, дождь недалеко.

Снова прохлада, живительный дух сосняка. Песчаная дорога течет к Вихляевке, тихому селенью, забытому людьми и Богом. На окраине ее — полуразваленные колхозные фермы, давно уж без скотьего мыка. Над хутором сомкнулись тишина и зелень. Ни людей, ни детского крика. Тонут крыши старых домов в одичавших садах. На базах, во дво-

рах конопля да крапива тянет к небу острые пики, словно орда татарская на долгом постое. Не селенье — зеленое кладбище. По улице, по разбитым колеям с зеленой водой, с трудом пробираюсь. И вот он наконец, асфальт, — вековая мечта вихляевская, черный, новенький, еще не обкатанный и пахучий. Сколько лет о нем говорено-переговорено, писано-переписано... Вот и пришел наконец, опоздав на десять ли, на двадцать лет. Теперь эта дорога на кладбище, к старым людям, да еще к райцентровским дачникам, которые, здешние дома за бесценок скупив, хорошо если посадят картошку, а то и просто наезжают в месяц раз к целительной хуторской тишине.

Старая женщина, бабушка, сидит у двора.

— С новой дорогой вас, — поздравляю я. — С асфальтом.

— Пропади он пропадом, — ругается она. — Машины всю ночь гудят, голову поразбили. Едут всякие ащаулы, замков не наставишься. Тянут всё...

Еще в прошлом году, когда дорога лишь подбиралась к хутору, жаловался старый учитель Павел Михайлович Соснин: «Тянут. Два насоса один за другим из колодца вытащили. Чем теперь огород поливать?»

Старая женщина, старый учитель... Старая память.

Вроде недавно все было: средняя школа, Дом культуры, медпункт, почта, три магазина, людная улица, детвора. Потом все помаленьку отмирало. Восьмилетней стала школа, потом начальной, а потом вовсе закрылась: некого учить. Навсегда запирались магазины. Дом культуры затих. А потом, за последний год-другой, все разломали: школу разбили вдрызг, выломав рамы; теперь появились ученики, но ютятся в бывшем медпункте; Дом культуры тоже не пощадили — во все стороны щепки летят; на почте сумели украсть единственный на весь хутор телефон. И кому в радость асфальтовая дорога? Только лишь мне. Прежде по колдобинам пробирался, на вездеходе «Нива» посреди хутора застрял, нынче на велосипеде качу, как говорят, легкой ногой, через хутор, мимо Ильмень-озера, где плывут степенно гордые лебеди — два белых красавца и семеро черных еще птенцов, мимо пустой земли, где стоял хутор Туба, а за ним раньше были табачные да овощные планта-

ции на низинах. И наконец, Клейменовский — хутор, считай, родной, в котором прежде жилал подолгу, а ныне — лишь на косьбу да на провед.

Елена Федотьевна, мать Лелька, как всегда, на леваде, не в дому. Нынче она колготится, как и все добрые люди, у сенного скирда.

— Дожди одолели. Боюсь, затечет — и попреет. На выго-не кошу, вожу, докладываю. Не в силах, мой сынок...

Передо мной не выгон, а левада. Скошенная доляна люцер-ны в зеленых валах лежит.

— А это кто свалил? — спрашиваю я.

— Я косила, кто же еще. Такая погода. Никто не едет. Начну, думаю...

— Да... — только и смог сказать я, зная о нездоровье матери Лельки.

А тут заурчала у двора машина: прибыл зять Федотьев-ны, Василий Макаркин. Еще не здороваясь, издали углядел он скошенное и спросил у меня:

— Ты, что ли, повалил?

— Она, — показал я на мать Лельку.

Василий аж закричал в досаде, стал головой крутить.

— Сказал же тебе: приеду и скошу.

— Мой сынок, — оправдывалась мать, — такое ведро сто-ит, думаю, может... Чую, в силах... Попробую, может... Так, помаленьку...

Поговорили с Василием. Он в отпуске, «отдыхает»: неде-лю сено косил («Не косьба — казня, льет и льет»), три дня картошку пробивал («Трава — стеной, дожди, она прет и прет»), два дня «жука колорадского морил», эту неделю в квартире ремонт. В понедельник на работу, к колхозной скотине. Макаркин — ветврач.

— Тогда я поехал, — скоро распрощался он. — Нынче обои клеим. Подсохнет, ты перевернешь, послезавтра прие-ду и сложим.

А я прошелся по хутору, в бригадную контору завернул.

Клейменовский хутор живой, не чета иным. Но тоже... Клуб — разоренный. Старая кузня коптит, словно и нет ей сроку. А вот старые люди понемногу выживают. Ушел дед Архип. На пенсии да в болезнях Тарасов, Холюша, кум Нико-

лай, Солонич теперь в райцентре — все работяги, на них хутор стоял, теперь дрогнул. Недаром, когда хвалил я хлеба и говорил: «Дала бы погода убраться», мать Лелька добавила:

— Да механизаторы не запили бы. Отец да сын Кузнецовы — это работяги, Андрей Клейменов придерживается, а другие... — махнула она рукой, — не Шляпужки, не Тарасовы, таких уж нет работяг.

На уборке хлеба «не запили бы»... В другом краю области, в другом колхозе, собирались давать зарплату. Председатель противился: «Запьют». — «Взрослые люди... Уборка... — уговаривали его бригадиры. — Бабы ждут денег». Председатель сдался, «взрослые люди» запили. Что им уборка, этим «взрослым» людям...

В бригадной конторе народу было негусто: ветврач, продавщица. Терзали они телефон. Шумели в трубку: «Але!.. Але!.. » Из трубки явственно гремела музыка. Как и в прошлом году, когда три дня подряд пытался я дозвониться до райцентра, а из трубки лишь музыка да музыка, да чисто так. Зато радио говорило «по-немецки», как мать Лелька объясняла: «Наше радио все боле по-немецки бельмекает: не пойми, не разбери, часов не проверишь». Вот и нынче оно то урчало, то пицало. Ветврач его выключил в сердцах.

— Раньше было кому пожалиться, — вздохнул он. — В райком: мол, наведите порядок. А нынче встретишь начальника связи, он и рта не даст раскрыть, еще издали шумит: «Людей нет! Провода нет!» — «А вы ведь опять цену повысили». — «И еще повысим, — подтверждает он. — А людей нет, провода нет. Да еще и столбы пилят».

Не верится, но чистая правда: валят столбы и увозят, целыми линиями. Электрические еще побаиваются, а линии связи сносят. Что чеховский злоумышленник, он лишь гаечки отворачивал. Нынешние работают посерьезней: снимут десяток столбов, увезут, а ты алекай через пустое поле...

В Дурновскую станицу, к Мазиным, вернулся я вечером, хозяева были дома; но Владимир Яковлевич снова спешил, торопясь еще раз объехать свои поля. В его арендном звене ли, бригаде 25 механизаторов, 3 200 гектаров земли, а нынешняя головная боль, как и у всех, — сено. Колхозное сено, корма, а значит, зимовка. Прежде в колхозе было 5 тысяч голов скота,

и кормов вечно не хватало. Пришло время свободы: райком не командует. Хочешь — значит, уменьшай поголовье. Уменьшили в пять раз. Не вдвое, а впятеро! Земли осталось столько же, и люди те же. И все равно кормов не хватает. Почему?

Едем полями. Вот скошенный, в валах, эспарцет. Уже просохший. Но ни людей, ни машин не видно. А вот уже в копнах доброе сено. Вокруг безлюдье. Седьмой час летнего погожего дня, того самого, который год кормит. Но кончился рабочий день, и с кнутом рядом — никого. Вот и разъехались по домам колхозные работники. Свое сено к подворью будут ночь напролет возить и в скирды класть, а потом еще и укроют от дождя. Возили и возят, ночи не спят, потому что погожих дней нынче раз-два и обчелся. А колхозное — жди дождя, который уже недалеко: мглой обступает со всех сторон.

Приехали на гумно. И там ни души. Недовершенный скирд, свезенное сено и сваленное. Уже черное, прихваченное дождями. Снова мокнуть ему. «Нынче пуд сена что пуд меда», — говорили старые люди. И я это видел и чуял сегодня, когда ехал цветущими лугами. Но пропал, считай, по всей области первый укос люцерны. И это все пропадет. Черными будылками будут скотину кормить. А то и соломой. Трудная будет зимовка.

На гумне останавливаемся, гул мотоцикла смолкает.

— Не мое, — горько роняет Мазин.

И это не просто слова, рисовка ли передо мной, это правда, им выстраданная. Владимиру Яковлевичу за сорок. Работал он агрономом, главным агрономом, управляющим, не раз звали его председательствовать. Одним из первых в области ушел он в аренду, и не в угоду моде. Человеку неглупому, грамотному агроному, разве сладко всю жизнь с кнутом стоять? В аренде он увидел выход для колхоза, для земли, для себя.

3 200 гектаров земли взяли двадцать пять человек. С колхозом заключили договор: платят за технику, горючее, удобрения, сдают готовую продукцию, производят расчет. В звене ни одного лишнего человека, Владимир Яковлевич сам в кабину трактора полез. Тогдашний первый секретарь обкома партии Калашников, приехав как-то на

поле, заподозрил маскарад, когда из трактора вылез пропыленный агроном-звеньевой. Но потом понял, что это не игра для начальства. Проговорили они тогда на поле два часа. Калашников пригласил членов арендного звена приехать в обком договорить. Ездили пять человек. Три часа шел разговор. Об аренде, ее сегодняшних достоинствах, недостатках, о завтрашнем дне.

За два года людей в арендном звене уменьшилось вдвое: избавлялись от нерадивых. Количество земли осталось то же, а отдача от нее повышалась. Росли заработки. Все будто хорошо. Но недаром говорят, что дорогу осилит идущий. Сказав «а», нужно говорить «б». А именно: закреплять чувство хозяина. Нужно было дать право на выкуп техники, чтобы она стала личной, своей. Нужно было заводить звену собственный банковский счет, как и положено настоящему хозяину: плати за горючее, удобрения, за услуги мастерской, зернотока так, как платишь в своем личном хозяйстве. И нужно было от лишних людей избавляться по-прежнему, уже не от явных лодырей, которых убрали, а от скрытых, которые понимали, что в большом стаде всегда можно отлежаться и даже в арендном звене работать не в полную силу. Мазин это чувствовал, видел, но в пору ту сверху все же главенствовал «социалистический выбор» и разговоры о выкупе техники встречали, мягко говоря, прохладно. А снизу шумела молва о «бешеных» арендаторских заработках; колхозное руководство и районное скептически спрашивало: «А остальных людей куда девать? Какие в мазинскую аренду не подойдут?» И в самом деле, куда этих лодырей, полулодырей, придурков-«краснодеревщиков»? Даже сейчас ответ неясен. Тогда тем более. А тут еще банковский счет собственный, считай, личный. А своим денежкам мы хозяева всегда недурные. И что достанется с этого счета колхозной конторе, районному комитету сельского хозяйства, областным начальникам, министерству? Ведь не Божьим промыслом они живут. Вот так все вместе, снизу и доверху, Мазина остановили. И сегодня он там же, где и начал, у того же разбитого корыта: двадцать пять человек вместо тринадцати. И сидит вот, вздыхает: «Не свое... Свое сено будут ночь напролет возить. А колхозное...»

Колхозное мы поглядели и возвратились домой. Там ждали нас домашние дела и заботы. Хозяйство у Мазиных, как и у всех жителей сельских, очень немалое: свиньи, птица, пчелы и, конечно, огород, в котором нынче пришла пора помидоры подвязывать да пасынковать. Вместе с родителями работали взрослые уже сыновья. Старший — студент пединститута, младший — без пяти минут студент сельхоза. Огород у Мазиных образцовый. Галина Федоровна не только директор школы, но и биолог. На пришкольном участке в теплицах растут лучшие в области сорта помидоров, перца, капусты, полученные от областной сортоиспытательной станции для проверки. Рассадой школьники снабжают не только своих станичников, но и целые колхозы. Огород Мазиных именно такой, каким и должен быть у семьи биолога, агронома и будущего агронома...

К сумеркам помидорные ряды стояли словно на параде — шпалерами, аккуратно подвязанные. К тому времени поспела и банька, за ней поздний ужин, а потом долгие, за полночь, разговоры о делах сельских.

Семья Мазиных, на мой взгляд, редкий теперь в России островок сельской интеллигенции, которая, в отличие от городской, не только мудра, но и практична в делах житейских. У Мазиных прекрасная библиотека, допоздна горит свет в их доме. Но сильны они не только книжной премудростью. Дурновская школа, где много лет директором Галина Федоровна, — одна из лучших в области. Сюда, несмотря на дальность, едут за опытом и на практику ученые пединститута, преподаватели и студенты из областного же педагогического лица.

Звено Владимира Яковлевича тоже на виду, в своем деле он специалист авторитетный.

В делах обыденных: дом и подворье, у Мазиных есть чему поучиться. Скотина и птица — в добротных стенах, а не в каких-нибудь покосившихся катухах. Дом, а рядом, под одной крышей, баня, летняя кухня, кладовые, мастерская — все сделано удобно, как говорится, с умом, своими руками. О сыновьях тоже худого никто не скажет. У Мазиных не только и не столько слова, но и дела, что для села ли, хутора очень важно. Потому что и дед Щукарь порою неглупые

вещи говорил. Но это — пустая говура, какой много нынче. А вот речи Яковлевича, как зовут его в округе, послушать не грех.

Нынче он говорит с горечью, много курит.

— Аренда не пошла еще и потому, что характеры разные: у председателя, агронома, работника — у каждого свое «я». Помирить их должен закон о земле, чтобы производственные отношения определялись законом, а не моим ли, твоим характером. Ты говоришь про павловскую ферму, я ее знаю. Две тысячи было свиней — пятнадцать человек обслуги. Сто пятьдесят осталось — те же пятнадцать человек. Свинина дорогая, невыгодно, нерентабельно. Но может один человек и тысячу, и полтысячи голов откормить. Это жизнью доказано.

На здешней свиноферме в ту пору, когда работал Мазин главным агрономом, такое было. Уговорил Мазин хорошего работягу, прежде крепко пившего, но завязавшего, взяться за свиней на аренде. Правда, уговаривать больше пришлось жену, и даже расписку написал, что если не заработают арендаторы, как агроном обещает, то из своего кармана заплатит. Два года работал человек на аренде. Все было: отличные привесы, заработок. Восстал народ на колхозном правлении: «Ворует! Догляду нет, он ворует!» Напрасно взывал Мазин: «Если ворует, поймайте! Накажите, вычтите, заставьте честно работать!» — «Ворует! — был ответ. — Не может быть, чтобы не воровал! Прикрыть лавочку!» Аренду прикрыли. Свинина опять стала убыточной.

— А нынче вовсе свобода, — говорит Мазин. — Агроном человек лишний, он может советовать: «Надо бы удобрения, надо бы обработать гербицидами...» «Не надо!..» — кричат. «Надо бы...» «Не надо! Дорого!..» — «А выйдет дороже: амброзия уже пожаром пошла. Земля работает на истощение. Это все равно что не кормить человека, а требовать с него работы. Он ведь все равно упадет».

Мы говорили и слушали. И вот за темным стеклом окна зашуршало. Вышли на веранду. По крыше сеется дождь, неторопливый, как видно, долгий. Послушали, вздохнули разом. Мне сразу привиделся просторный луг в займище, который вчера косили; люцерна на огороде у матери Лель-

ки, зеленые валы ее; а еще — завтрашняя дорога, раскисшая и разбитая. У Мазина вздыхать было больше причин.

Пошли мы спать. Конечно, не спалось мне. Не мог разом окончиться разговор, который веду я давно с тем же Мaziным, бывая здесь то зимой, то летом. Какие-то фразы Мазина вертелись в голове, обрастая иным, подходящим:

«Как зайцы мечемся: абы как на работе, абы как дома»... Трактористы, которые бросили нынче работу по-светлому, оставив сено мокнуть под дождем, они ведь не отдыхать подались, не телевизор глядеть. Им надо свое сено возить, для своей скотины, которая семью кормит. И тут им ни ночь, ни даже дождь не помеха;

«Работают, чтобы красть»... То сено, подсохшее, добрый, едовый эспарцет, над каким мы с Мaziным вздыхали, оно скорее всего не намокло, успев до дождя перекочевать в какой-нибудь сенник, под крышу. Дело вполне естественное. Об этом говорено-переговорено;

«Нужно, чтобы хороший работник получал в десять раз больше лодыря и жил в десять раз лучше. А теперь они одинаково воруют»;

и самое главное: «Не мое! Не мое — и всё тут!»... Вроде бы у самого Мазина звено арендное, работают неплохо. Но вот недавно поставили на трактор одному из механизаторов новый двигатель, цена ему, считай, миллион. Проехал трактор пятьсот метров и стал. Заклинило новый движок. Пробку картера «хозяин» не затянул, она от вибрации выпала, масло ушло. Двигателю конец. И в звене никаких особых страстей: ладно, мол, с кем не бывает... А было бы «мое»?

Не спалось мне. Мазин тоже поднялся, пошел на кухню курить. Трогать его я не стал. Для меня все эти разговоры, раздумья, конечно, несладки. Но уеду — развеется. А для Мазина это жизнь. Нелепая, горькая в своей ежедневности, но его жизнь, которую уже не переиначишь.

Два года назад Мазин сделал попытку вырваться из нее. Он хотел взять землю. Все обдумал, столкнулся с одним из хороших механизаторов, и решили они взять 600 гектаров земли. Не вышло. На хуторском собрании народ им в земле отказал. (А против воли хуторян он не пошел: «Мне с ними

жить». Хотя мог бы.) Устроили на правлении колхоза, где окончательно этот вопрос решался, невеселую игру. Никто не знал, с чем он пришел на правление. Главные специалисты держали ушки на макушке, понимая, что уход такого человека, как Мазин, — сигнал тревоги нешуточный.

Кто проморгает, может остаться на бобах. Недаром отказали ему хуторяне: «Помещиком хочет стать. Землю заберет, технику — всем завладеет, а мы останемся...» И когда во время заседания правления стал писать Мазин бумагу, которую тут же углядели: «Прошу выделить...» — один за другим стали исчезать из председательского кабинета главный агроном, главный инженер, главный зоотехник. Они возвращались через короткое время с наспех написанными заявлениями. И если бы уперся в ту пору Мазин и вышел — следом ушли бы многие, колхозу, видимо, пришел бы конец... Но Мазин, свою бумагу дописав, подал ее председателю. У того в усмешке дрогнули губы, и он прочитал вслух:

— «Прошу выделить воз ржаной соломы для мочки яблок...»

Остался Мазин в колхозе, в звене.

В наших беседах он, конечно, всего не договаривал. Я рассказывал о Гришине, Штепо, Шестеренко, других удачливых фермерах. Он знал больше меня. Он понимал все. А мое дело — лишь догадываться, что там, в душе человеческой...

Впрямую мне Мазин не сказал и не скажет, не тот человек. Но брошенное вскользь: «А звено?.. А школа?.. Животноводство рухнет...» В хозяйствах других говорили мне откровеннее: «Уйду я, все брошу — а что с ними будет?» И указывали на людей, колхозников рядовых, не способных уже самостоятельно, без кнута иль указки работать. И полуспившихся, и отроду таких. «Вот доведу до ума всю социалку и уйду», — обещал в другом месте другой руководитель. «Жалко бросать, — вторил им третий. — Такое хозяйство развалится». А хозяйство действительно могучее, одно из лучших в стране.

Мазину трудно из души вынуть и выбросить ответственность за все хозяйство, за всех людей. За школу, к примеру,

в которую он вложил много забот и труда. И не только потому, что там директорствует его жена, а потому что там его сыновья и дети его товарищей. А значит, это его заботы. Идея образцового сельскохозяйственного двора школы, не хуже западных, тех, что на телеэкране. Разве можно эту мечту отбросить? Пусть сейчас ей не время. Но именно нынче школа была бы нищей, если бы не звено Мазина, а точнее, не энергия и самоотверженность самого Владимира Яковлевича. Полторы сотни гектаров школьной земли: ячмень, горох, горчица, техника, кредиты, люди, выгодный сбыт — все бы разом рухнуло, уйди Мазин в самостоятельные хозяйства, потому что на первых порах у него хватило бы времени только на свое: свои кредиты, своя техника, своя земля.

Для колхоза, для хутора, конечно, выгодно, что Мазин остался. А для него? Недаром он говорит: «Нужно, чтобы хороший работник жил в десять раз лучше, чем лодырь». Конечно, Мазин не бедствует, живя, как и все, подворьем. Но даже легковой автомобиль, показатель сельского благополучия, теперь ему не под силу. И он латает свой старенький. Несколько лет назад, еще при старых порядках, дал им обком на арендное звено два автомобиля. Владимир Яковлевич, организатор звена и его руководитель, конечно, себе не взял, сказав: «Давайте по-честному: кинем жребий». Кинули. Повезло не ему...

Дождь сеялся ночь напролет. Утром не разведрилось. Хуторская округа тонула в мороси, хуторская дорога — в просторных лужах да бездонных колеях. Мазин во дворе прогрел тяжелый свой мотоцикл, точнее, колхозный, положенный ему как транспортное средство. Дали его нынешней весной, не пешком же бригадиру по полям мотаться. На хуторе «догадались»: Мазин на школьный урожай себе мотоцикл купил, а еще «сигареты дорогие курит» — словом, нажился.

Пророки в своем отечестве не в чести. Это истина древняя. Радетелям та же цена. Хотя труды их и порой немалые жертвы далеко не напрасны. Кто оценит их? Одна надежда — на Бога...

Уезжал я из хутора в дождь. Выбрался на асфальт. До Филонова рукой подать. Но что мне райцентр... Разговоры про беспредел, про московские козни. Хотелось поехать

к Гришину — до него не доберешься. Можно бы во 2-ю Березовку, новый «экспериментальный центр». Колхоз там реорганизовали, разделив на «кооперативы с полной самостоятельностью». И теперь друг на друга с вилами идут.

Но нынче, в пору дождливую, скучную, что-то не хотелось мне съезжать с асфальта и соваться в грязь дорожную и житейскую. Поехали-ка домой, ведь уже больше недели в дороге. Асфальтом, московскою доброй трассой, за сотней верст сотня, пусть по дождику, не спеша, но доедем. И всюду почти на полтысячи верст мокла под дождем кошенина. В рядах, валках, кучах, сгребенное. А то и на гумнах, возле ферм, свезенное, но в скирды не сложенное. Сено мокло, чернело. Люцерна, эспарцет. Луговое да сеяное разнотравье. Тяжелая будет для скотины зимовка.

В придорожных хуторах в хозяйских дворах стояли сенные скирды, прикрытые полиэтиленовой пленкой, толем, а то и брезентом. Что им дождь...

Хутор Большой Набатов лежит в просторной долине вдоль речки с красивым названием — Голубая. Охраняют хутор справа и слева Городская гора да Львовичева, Белобочка да Лысенский курган, Прощальный да Кораблев. Впереди, немного отступив от крайних домов, синее батюшка тихий Дон. За ним в займищных густых уремах среди вербовой, тополевой, дубовой гущины прячутся тихие озера: Бурунистое, Песчаненькое, Большие да Малые Клешни, Синие Талы.

От центра областного, города Волгограда, до Большого Набатова полторы сотни километров, до районного, Калача-на-Дону, — шестьдесят, до центральной усадьбы совхоза, станицы Голубинской, — менее тридцати, но уже без асфальта, колдобина на колдобине. Слава богу, что сухо. Недолго я поплутал, взяв левее от Дона, но скоро выбрался к долине речки Голубой. Справа вдали Большой Набатов, рядом, под горою, — Евлампиевский, он же Горюшкины. Там лучшие из всей округи груши. Они и сейчас стоят, вековые, могучие дулины. По весне цветут, в свою пору светят желтыми душистыми плодами, потом устилают ими землю. Некому собирать их и есть. На хуторе никого из наших

людей не осталось, лишь пришлые, чеченцы, две-три семьи сменяют друг друга. Чуть далее — хутор Осиновский в вишневой да терновой гущине. Там нынче лишь одна старая, больная женщина. Уходить не хочет. Еще дальше — хутор Большая Голубая, где когда-то стояло пять мельниц-водянок. Ныне и он на последнем вздохе. Сорок три километра от центральной усадьбы, без асфальта. От хутора Тепленький остались лишь дикие сады, да развалины, да красивое имя. Эти имена греют горькую память: Березов, Каменно-Бродский, Липо-Лебедёвский, Липов Лог, Зоричев, Ерус-лань... Сколько их...

Дорога моя — в Большой Набатов, но уж коли случилось так, проедем через Евлампиевский, спустившись с горы. Тем более слышал я и в местных газетах читал, что поселились на хуторе новые люди: Лысенко, Караваев. Первый зерном занимается, второй — коневодством.

Нынче осень. Ударили первые утренники, и как-то разом, пожухнув, опала листва. Груши стоят голые, по хутору далеко все видать. На въезде рядом с дорогой — павшая лошадь, терзают ее три собаки. Слева — убогий домишко, на веревке сохнет белье. Разоренный двор, забора и признака нет, про другое не говорю. Это временные, чеченцы ли, даргинцы, азербайджанцы — словом, пришлый народ и, повторю, временный, взяли свое и ушли. Вот другой дом, на вид попримудней, с забором; у двора — хозяева, говорят: «Уезжаем домой, в Грозный. А сюда приедут другие, тоже из Грозного». И тоже на время, добавлю я. Чуть далее живут Магомадовы. Вот и всё.

Посреди хутора у дома заброшенного грудится техника: тракторы, сеялки. Там же кучи старых досок и бревен. Это хозяйство Караваева, коневода. Земли у него больше трехсот гектаров. Несколько лошадей бродят под горою. Хозяев нет. Бывает вроде какой-то работник. Но редко. Самого Караваева я часто в райцентре встречаю.

Неподалеку тоже признаки жизни: техника, тележка с просом. За речкою гудит комбайн, видно, хлеб убирает. А ведь конец октября. Добрые люди в июле уборку закончили. Давно посеяли, озимь кустится. Здесь — уборка. Это фермер. Кажется, Лысенко.

Никого не хочу укорять. Как говорится, чужую беду рукой разведу. Но не сказать не могу. Ведь и земля есть, и техника, и кредиты получены немалые. А результат:дохлая лошадь у дороги. Переверну присловье: строить — не ломать.

Лет десять, наверное, назад приехал я на этот хутор впервые. Тогда здесь закрыли школу. Она стояла под горою, у хутора на виду. Потом ее сожгли. Закрыли школу, а хутор был живой. Вон там, у колодца, который потом завалили, говорили мне хуторские бабы: «Никого нас не будет здесь через год-другой». Не верилось. Больно уж хутор был хорош. Большие казачьи дома-курени — с низами, «галдерями». Просторные огороды, левады, в плетневой огороже. Возле речки луг, за речкою — хлебные поля. Даже не верится, что все это было.

Для тех, кто не верит, не знает, как погибают хутора ли, села, пример, как говорится, наглядный — хутор Большой Набатов, он рядом, в пяти верстах. Дорога — лугом, над речкою.

Большой Набатов еще живет. Он умирает трудно, как все могучее. Но умирает. Из людей, которые здесь родились и крестились, остались лишь пенсионеры: Вьючнов Василий Андреевич, 1910 года рождения; Жармелов Фома Тимофеевич, 1918 года рождения; жена его Евдокия Ивановна; другие под стать им — Арькова Акулина Яковлевна, Одинонцева Ольга Игнатьевна, Евсеев Иван Григорьевич, Пристанскова...

Когда-то большенабатовский колхоз имени Буденного известен был на всю область. Хутор людный: триста семей. «Тут улица, там улица... Как в городе...» — вспоминают старые люди. Пять полеводческих бригад. Из них одна молодежная. Птицеферма с гусями, утками да курами, молочно-товарная... Овечьи гурты... На конеферме одних маток было до пятисот. Все это в прошлом: тяжкий труд, палочки-трудодни, то копеечные, то вовсе пустые, когда вместо хлеба давали 200 ли, 300 граммов куколи. Куколь — черные семена сорняка вьюнка, какой при молотье в хлеб попадал. Потом на току его отделяли. Зерно сдавали государству, куколь оставляли колхозному трудовому народу.

Его запаривали и ели. Он был едовее желудей, вязового листа, лебеды, речных ракушек-перловиц и прочего, чем кормился колхозный народ. Ведь хлеба-то начали досыта есть лишь году в 1954-м ли, 1955-м.

Но работали — на фермах, в полеводческих бригадах, плохо ли, хорошо, но кормили страну, сами кормились, детей растили. И наконец, отработав свой немереный стаж, ушли на пенсию. Началась новая жизнь. Длится она и поныне.

В последние годы с экрана телевизора, газетных страниц, с трибун, доказывая нужность свою, народ разный, от президентов до милиционеров и шахтеров, кивает на Запад, где платят президентам и полицейским поболее, и предлагает на тех равняться. Доводы звучат убедительно. Появляются все новые «Форосы», роскошные и надежно охраняемые особняки, «мерседесы» и прочее. Догнать и перегнать Америку хотят все. Но могут лишь сильные мира сего.

А набатовские старики... Да только ли набатовские. Там и здесь, глядя на их немудреное житье, вспоминаю я старость иную. Стоит в глазах венгерская деревенька, дом и двор тамошнего бригадира, куда вошли мы передохнуть после долгой дороги. Не дом я вспоминаю, не убранство его, не цветник, а обыкновенные качели во дворе. Когда отворил я калитку и вошел во двор, на тех качелях качалась теща колхозного бригадира, милая пожилая женщина в светлом платье, в седых кудельках, в туфельках. «Пирошка! — позвала она дочь. — К нам гости!»

Скажи, мой читатель, мой невидимый собеседник, где ты видел такое селенье у нас в стране? Я уж не буду кивать на Америку, где под Филадельфией, на окраине Джорджтауна, и день, и другой приходил я в уютный городок пенсионеров. Там зелень и тишина, милые домики, хорошая обслуга, цветы. И не миллионеры там живут, а, как говорят, простые американские люди. Мой коллега там же, в США, неделю прожил во Флориде, гостя в пансионате у бывшей медицинской сестры. Мы встретились в Нью-Йорке перед отлетом, и он захлеб рассказывал о плавательном бассейне, теннисном корте. Но бог с ним, этим кортом, — читатель мой, мне качели покоя не дают, обыкновенные качели во дворе венгерского сельского дома. Туда-сюда... Качи-

качи... Старушка на них. В седых кудельках, в светлом платье...

Арькова Акулина Яковлевна, набатовская колхозница с немереным стажем, с тяжелыми, разбитыми руками, сидит возле меня, горбится, рассказывает с усмешкой:

— Прележала я две недели в больнице на центральной усадьбе. Врач домой выписывает, говорит: «Свинину не ешь». «Откель у меня свинина?» «Колбасу тебе тоже нельзя». «Колбасы нам, слава богу, два ли, три года не возили». «И яиц тебе нельзя». «Кур перевела давно. Чем кормить? Добывать уж не в силах». Врач поглядел, говорит: «А вот сливочное масло можно». А я уж забыла, какое оно и напогляд.

Малая хатка Акулины Яковлевны стоит рядом с хуторским магазином. Но что в том холодном, нетопленном магазине? Лишь длинные пустые полки по стенам. Пустой, он кажется огромным и оттого еще более холодным. А на дворе лишь октябрь. Что тут будет зимой? Знаю точно, что тепла не будет, потому что нужен новый водяной котел, а сельпо — нищее, у совхоза больше 100 миллионов рублей долгу. До магазина ли ему? Так что спасибо за хлеб, который еще возят. Он, батюшка, главная еда Акулины Яковлевны. Какое-никакое хозяйство держать она не в силах. «Изработалась», — признается честно. Я вижу: все верно, она изработалась за долгие-долгие годы. Теперь вот сидит в малой хатке своей. Что здесь? Постель, да икона, да сундук со смертной одежей — вот и весь нажиток за семьдесят лет труда. В своих заметках я не раз еще буду подчеркивать: нажиток... За тридцать лет колхозного труда, за пятьдесят, за сто.

— Своего не будешь иметь, собирайся — и на попов баз, на кладбище, — указывает Фома Тимофеевич Жармелов перстом на хуторской погост.

— Работаем, трудимся, вот и живем, — вторит ему Василий Андреевич Вьючнов, ему нынче восемьдесят четыре года. — Ноги не идут, а надо. Реву, но иду работать.

Просторные левады, подворья, где хрюкают свиньи, гребутся куры да плещутся в луже утки. Овечки да козы — в степи, на попасе. И все это — труды и труды. Копать

и полоть, поливать, чистить, сено косить, возить дрова. А ведь годы немалые: семьдесят, восемьдесят...

Где-то дети — далеко ли, близко. Приезжают налетом. У них свои заботы. А хозяйство, которому отдана жизнь (раньше колхоз имени Буденного, теперь — «Голубинский»), — какая от него помощь своим ветеранам? Тут ответ один: никакой. Вспахать ли огород, сено привезти, дрова. На себе не потянешь. Не поможет тебе управляющий, а директор и вовсе. Кланяйся трактористу, готовь бутылку ли, две. А водку нынче на хутор редко привозят. И стоит она — две тысячи рубликов. Вот и приходится расплачиваться овечкой ли, козой. А по-другому никак. Бутылка, бутылка, бутылка... Горсть зерна, что выдают пенсионерам, — что от нее проку? Двух курят прокормить? Надо? Привезут. Но готовь за бутылкой бутылку. Принимай да побаивайся. Ведь ворованное. Поймают — будешь отвечать.

Восьмидесятилетняя Евлаша не стала было свинью держать, мочи нет. За год в хуторской магазин не привезли ни жиринки. Снова пришлось свинью заводить в восемьдесят лет. Какая уж тут Америка, какая Европа, какие качелики. Как сказал Василий Андреевич: «Ноги не идут, а надо. Реву, но иду работать». Это по-нашему.

Когда Акулина Яковлевна рассказывала о больнице, о советах доктора, то нет-нет да и прикладывала руку к иссохшей груди.

— Болит? — спросил я.

Она кивнула. Хотя о чем было спрашивать, погляди — и увидишь.

— Лекарства надо пить, — посоветовал я.

Собеседница лишь вздохнула в ответ.

Фельдшерский пункт на хуторе третий год уже на замке. Дай мне бог ошибиться, но, кажется, этой зимой он рухнет, а к лету его растащат. А ведь дом еще хороший, старинный, как на Дону говорят, круглый, казачий дом. Прежде ему каждый год делали небольшой ремонт: подмазывали фундамент, красили, доску-другую прибавляли. И он стоял, приглядный, уютный. Старый Вьючнов последнюю фельдшерницу вспоминает добром. Она делала ему уколы, после которых он чувал себя здоровым: «Буравлем ходил». Нынче,

когда «прихватит что-то внутри», он лечится... Рука не поднимается, да и читателя жаль, так что умолчу я, чем лечится восьмидесятичетырехлетний Василий Андреевич, когда у него прихватит «что-то внутри».

— Хочешь — болей, хочешь — нет, — говорит Фома Жармелов. — В ту весну я без сознания больше суток лежал. Приезжали, сказали — вроде инфаркт. Трогать нельзя. Больше не трогают.

— Те годы таблетки возили, — вспоминает его жена. — Много было таблеток: от головы, от кашля. А последний раз, тот еще год, привезли лишь зеленку. Хочешь — лечись ей, хочешь — курей мажь для отметки.

Не станичным, с центральной усадьбы, докторам мой укор. Что они могут сделать, имея единственную машинешку для всех забот? А дороги от станицы Голубинской к пяти ее хуторам далекие и нелегкие, там и метра асфальта нет. И что хутора... Уже станица чувствует новые времена: собираются закрывать как нерентабельную аптеку.

А в Большом Набатове у фельдшерского дома осыпается обмазка фундамента и, что самое главное, исчез столб, который поддерживал кровлю веранды. Теперь эта кровля висит. Ляжет снег, она рухнет и потянет за собой всю крышу дома. А тогда дом растянут в два счета. К лету останется лишь обглоданный остов. Вот он, рядом, живой пример: хуторской клуб. За год-другой от него лишь кирпичные стены остались: ни потолка, ни сцены, ни окон, ни дверей. А здание хуторской почты? В прошлом году приезжал — стояло. Не успели закрыть — остался лишь фундамент. В Евлампиевском магазин еще недавно работал, теперь — разбили. А школу там сожгли давно. Хорошая была школа. Любил я там летом на ступенях посидеть. Сидишь, весь хутор видеть и всю округу. Закрыли ее — и хутору конец.

Большой Набатов умирает от такой же беды. Ни почты теперь, ни медицины. А началось все со школы.

Николай Николаевич Семерников, управляющий совхозным отделением в Большом Набатове, еще молод, но работает на этом хуторе десять лет. Сначала агрономом, теперь — в нынешней своей должности. А школа будто бы к полеводству да животноводству отношения не имеет. Но

это будто бы. Семерников же знает и чувствует не первый год на собственной шкуре, что имеет отношение. Нет в хуторе работников для фермы и для поля, и новых, даже беженцев, сюда не заманишь, потому что с семи лет детишки должны на целую неделю отправляться из родительского гнезда на центральную усадьбу, в тамошний интернат, в котором доброго мало. Нынче осенью там не топят, и спят ребяташки под тремя одеялами.

— Уж как мы просили, — говорит Николай Николаевич, — сделайте нам начальную школу. Старая стоит. Давайте отремонтируем. Нет, говорят в районо, санэпидстанция не примет. И ведь деньги тогда были, не то что сейчас. Ну давайте, говорю, в клубе (он еще целый был), там тепло. Немного переделаем, и получится школа и квартира для учительницы. А мне районо толкует: окна низкие, света будет мало, ребенок будет нагибаться к парте и искривит себе позвоночник. Заботники... А то, что наши ребята в распутицу да в снега по месяцу то из школы не могут домой попасть, то в школу не доберутся... Мелюзга — и без матери. Какие родители это будут терпеть? А теперь и вовсе конец, никому не надо.

Это уж точно. Какая там школа, когда столб у фельдшерского пункта некому поставить. Совхоз в долгах. Сельсовет нищий. Его председатель, узнав, что я еду по хуторам, просил меня прихватить его на свои владения посмотреть. У него даже лошади нет. Главврач района, выслушав мой рассказ, мне же и пожаловался: «Те больницы и фельдшерские пункты, что работают, пора закрывать. Денег — одни долги. За лекарства, за питание, за освещение и прочее платить нечем».

Осень. Россия. Хутор Большой Набатов. Не нынче, так завтра пойдут дожди, развезет дороги. Ни проехать тогда, ни пройти. До станичной больницы, до школы лежат нелегкие версты. Автобусы сюда не забирались отродясь. Прежде добирались до станицы и райцентра водой, по Дону, рейсовым катером. Отменили его два года назад по причине нынче обычной — нерентабельность. По той же причине отменили прежде делавшую два рейса в неделю, по вторникам и пятницам, совхозную машину со скамейками. На ней успевали к автобусам — районному и городскому. Теперь

же при нужде даже на центральную усадьбу совхоза можно добраться лишь с оказией, случайно. А потом в станице снова искать такую же. Ночевать там, коли не сыщешь. И снова искать. Да и всякая ли попутка сгодится малышу-первокласснику или старому человеку: железный кузов самосвала, тракторная тележка?

Про хуторскую медицину, торговлю, почту, школу, точнее про их отсутствие, я сказал. Осталось добавить немного: два телевизора и холодильник в доме Жармеловых который год не работают, та же песня у Вьючных, про Евлашу да Кулю и говорить нечего. В годы прежние была слабая надежда на колесивший по району фургон «Бытовые услуги». Нынче «услуги» кончились. Районной «бытовки» не существует. А значит, и надежда ушла.

С газетами на хуторе, считай, все распрощались. Во-первых, не по карману, во-вторых, почта закрылась и привозить газеты будут раз в месяц скопом, половину растеряв. Радио понемногу смолкает, но старый Вьючнов умеет его «ремонттировать»: кулаком стучать по репродуктору или дрючком провода шевелить. Тогда оно «чисточко загутарит».

Когда приезжаешь на хутор, то каждого для беседы неволью отрываешь от дел: один в огороде, другой на печурке кашу варит свиньям — все в заботах. А потому в конце разговора обычно просишь прощения за то, что от дел оторвал, и слышишь в ответ: «Тебе спасибо за то, что приехал, поговорил, послушал нас. Мы от людей отвыкли». И правда ведь, в магазине не постоишь, там холод, клуб разорили, редкие праздники: Первомай да 7 ноября, День Победы, когда собирали всех, поздравляли, — все это кончилось. В опустевшем хуторе там и здесь едва теплится жизнь. Каждая в своем углу. В основном стариковская.

Сельские старики, на мой взгляд, нынче единственная опора деревенского мира. Не будь их — половина нашей земли стояла бы в бурьяне по пояс. Во-первых, потому что работают они до последнего вздоха. Тетя Нюра моя плакала в последний год жизни: «Работать не могу... Возьму лопатку, а руки не держат... Хочу работать, а не могу». Покойный дед Архип из Клейменовки за день до смерти все

же выполз из хаты, с тоскою смотрел на огород, спрашивал: «Как там, картошку заволочили? В два следа? Иль поленились?»

Приедешь на хутор, вроде и неживой он, одни старики копошатся. Но картошка стоит стеной в делянах немереных, лук топырится, цветут помидоры, арбузные плети устилают землю. Живы старики, и к ним, выбирая время, глядишь, надъедут из райцентра да города молодые — кто помочь, а кто и забрать выращенное. Ведь цены на базарах растут. А здесь — картошка, капуста и прочая зелень бесплатная, да еще и сальцо деревенское и мясо. Детишек можно отправить к старикам из душного городского лета. Особенно теперь, когда закрылись бесплатные пионерские лагеря. Да и самим приехать, вольным воздухом подышать и подкормиться. Профсоюз теперь не подмога. Пока сельские старики живут на своей земле, все это возможно. И как тяжко они расстаются с ней, пусть даже ненадолго, на зимовку, в городские квартиры, к детям, где, по их словам, люди «бьются один об одного», где «вода горчей полына, я ее проглотить не могу», где «в клетке сидишь на этом этаже и плачешь».

Одним некуда уйти, другие никуда не пойдут, потому что здесь их родная земля, родные могилы. Они живут. И горькое их житье не только просто укор нашему государству, а еще — наглядный пример молодым, полным сил, которые ищут и пока не могут найти себе пристанища. У одних нет работы в городе, у других — жилья, третьих стронуло с места тревожное время. Таких нынче много. Приезжайте в Большой Набатов! — зову я их. Работы хватает по горло, на долгую жизнь. Но жить будете без медицины и почты, без школы, дорог, без надежного транспорта, телефона, телевизора и прочей «сложной» для хутора техники. Забудете, какие напогляд бывают конфеты ли, колбаса. Единственное, что пока обещаю, — магазинный хлеб. Но может быть, завтра не будет и его, как в Евлампиевке, где пекут уже свой. Но будет — работа, работа и работа: с лопатой, вилами, мотыгой, на своем ли, на колхозном базу. Без выходных и отпусков (ведь скотину и на день не оставишь), с пяти утра до полуночи.

Такая вот наглядная и доходчивая агитация свое дело сделала. Погас огонь в хуторах Большая да Малая Осиновка, Липов Лог, Тепленький... Считать их можно долго: Малый Набатов, Лучка, Картули, Екимовский... Это лишь те, что рядом, рукой подать. Евлампиевский, Большой Набатов... Сомкнется над округой кладбищенская тишина.

— Озимых мы нынче не посеяли, — говорит управляющий. — А от них — хлеб. Кормов мало. Гурты мясного скота надо с хутора убирать. Нет ни кормов, ни людей. Работать не с кем. Остались лишь пьяницы да чечены. Над пьяницами надо с кнутом стоять, и то они через пень-колоду делают, на уме одно: чего бы пропить. А у чечен свои гурты больше совхозных, на них все корма идут, какие мы заготовим. Людей нет, и никто сюда не приедет из добрых работников. Одни лишь дачники, горе мое. Раньше в магазин вино привезут, два-три дня пьянка — и шабаш, кончилось, до следующего привоза я спокоен. А нынче в любой день, хоть среди ночи, иди к дачникам. У них — хоть залейся. Наши пьяницы им в первую очередь отвезут совхозное сено, силос, дробленку, зерно — все, что те им прикажут.

Те, кого управляющий называет дачниками, люди разные: местные и пришлые, молодые и крепкие пенсионеры. Никто из них в совхозе не работает. Но держат скотину, хозяйствуя на себя.

— Помощи от них никакой, — жалуется управляющий. — В горячую пору скирдовать никто не пошел. А чуть что, ко мне идут: воды нет, принимай меры, управляющий. И тянут, тянут... Нынче опять семь голов третий день ищем. А рядом, у соседей, трактор украли на этой неделе. Быка за голову зацепили прямо с база и волоком тянули до двора. С емкостей замки сбили, солярку слили в бочки. И хорониться не думали, следы-то явственные. Сколько скотины своей находил в чеченских гуртах. Наша порода — абердины, наши метки. Участкового привозил, в райцентр ездили, к начальнику милиции. Бесполезно. «Погодите, погодите...» — один ответ.

Управляющий — мужик молодой, с агрономическим образованием и опытом. Не дорабатывать ему, как иным совхозным спецам, до пенсии, а жить и жить, и потому я спрашиваю:

— Вы что, не видите, что совхоз в долгах по уши? Он же с ними никогда не расплатится! Чего вы ждете? Какой манны небесной?

— Все я вижу, — отвечает он, — а вот что делать, не знаю. Наверное, надо было уйти в фермеры. Но землю сейчас дают самую плохую. А если бы всем расходиться, досталась бы хорошая. Сверху бы, из Москвы, сказали твердо. А то крутят то в одну сторону, то в другую. Уйти бы, на себя работать, а не с пьяницами кохаться. Не будет совхоза — они погибнут, и всё. А по-нынешнему все равно проку не будет.

— А по какому же будет? — спросил я. — Вот у вас тут фермеры появились, на ваших землях...

— Это горе горькое, — ответил молодой управляющий. — Они сроду земли не видали и не знали ее. Поезжайте и поглядите.

Ездил не раз. Глядел. И в прошлом году, и в нынешнем. Особенно памятна поездка в конце лета. Тогда, теплым августовским днем, в пору уборочную, ехали мы из Калача на хутор Большая Голубая не асфальтом и грейдером, а сделав добрый крюк, дорогами полевыми. У кургана Хорошего свернули влево и покатали вниз через Липологовскую балку, где когда-то хутор стоял, а оттуда через бугор на Осиновку, краем ее, а потом вовсе дорогой неезженной к просторной долине Голубой речки.

Эти полевые дороги и земли — на гранях соседних районов: справа Калачевский, слева Суровикинский. Справа — совхоз «Голубинский», слева — «Логовский». Вернее, когда-то совхозные земли, а нынче не разберешь... В «Логовском» от 11 тысяч гектаров к лету осталось лишь 3,5 тысячи. Совхоз «Голубинский» недавно был целым государством в 70 тысяч гектаров, сейчас наберет ли половину. В «Логовском» землю фермеры разобрали. «Голубинский» отдавал свое направо и налево. В 1992 году, следуя необходимости ли, моде, здесь хозяйствовало чуть не два десятка организаций: корабелы и нефтяники, железнодорожники и строители, агроснаб и райпо, больница и дом отдыха — всех не перечтешь. Не от хорошей жизни отдавал «Голубинский» свои земли: сроду он с ними не справлялся. До «белых мух» убрали, пахали, гноили, потом скотину морили голодом. При-

чин было много, и все объективные: край далекий, отрезанный рекой, нет хорошей дороги, нет жилья. Потом появился мост, асфальт, жилье, земли вдвое меньше стало, а значит, нагрузки в работе. Но все осталось по-прежнему.

Вот и сейчас едем дорогой полевой: справа поля и слева поля, справа осот и слева осот, белые, седые его головки. Порой из машины выходим, пытаемся разобраться: что же тут сеяли? Ячмень ли, просо, а может, все это — падалица? Единственное хорошее поле — перед Липологовской балкой. Здесь, у фермера Горячева, озимки получили почти по 30 центнеров с гектара. Хотя особо удивляться нечему. Год выдался благодатный. Хорошие хозяева по 50 центнеров получили. Но для этих краев 30 центнеров — небывалый рекорд. Для них привычной жиденский ячменишко, какой и встречал нас порою то слева, то справа.

Вчера — совхоз «Голубинский» ли, «Логовский», нынче — земли Горячева, Найденова, Бударина, Боброва, Старовойтова, Кузнецова, Пономарева... Их уж точно не перечесать. На одной земле голубинской полсотни числится, не считая хозяев крупных — Гидростроя да Водстроя. Но глядеть на эти поля радости мало. У кого-то лучше, у кого-то хуже, а в общем, тот же совхоз «Голубинский» далеко не добрых его времен. То, что было построено в пору совхозную, совсем недавно (кошары, добротные полевые станы, стригальные пункты в Осиновке да на Большой Голубой), растаскивается, ломается, а иного и вовсе нет, словно провалилось сквозь землю. А ведь строили трудно. Совхоз не богатый, хутора далекие. Строили трудно — погублено в одночасье, словно перед концом света. Но ведь жизни еще не конец. И хозяин не навсего ушел с этой земли. Кто-то ведь да придет? Но кто?

На мой взгляд, те люди, что нынче заполонили голубинские земли, — народ временный, за очень редким исключением. Коренных голубян-земледельцев среди них мало, больше городских, из райцентра. Кто-то решил легкую деньгу зашибить, кому-то банковский кредит нужен; или завтра указ выйдет, и можно будет эту сотню гектаров продать. Один кое-как царапает землю, другой — ждет указа. Какая уж тут агротехника... Взбодренный нынешними дождями, сорняк стоит, словно гвардия на параде.

Картина нерадостная, какая и прежде была, если не хуже. В недавние еще годы один из секретарей райкома в сердцах обещал продать собственную легковую машину, купить на вырученные деньги атомную бомбу и кинуть ее на совхоз «Голубинский». После этого Калачевский район сразу выйдет в передовые.

Времена новые. Много новых порядков и хозяев. Но на голубинских землях и нынче до ноября будут хлеб убирать. По 2—3 центнера в конце уборки наскребать будут с гектара. У добрых людей, напомним, по 30, по 50. И дело не только в нерадивости хозяев новых и старых. Ведь эти земли приличных урожаев никогда не давали. Поговорите со стариками, и они скажут, что хлеб здесь сеяли лишь для себя. А настоящий доход получали на откорме крупного рогатого скота. Земли много — паси и паси. А осенью продавай. Ежегодная Никольская осенняя ярмарка в станице Голубинской проходила на Солонцах, там, где нынче заброшенные плантации. Рассказывали мне об этой ярмарке В. А. Рукосуев, старинный голубянин, и В. А. Вьючнов из Большого Набатова. Тот и другой помнят «красного купца» Чертихина. Из Царицына, Ростова, Москвы приезжали сюда за скотом.

В областном архиве, просматривая дела раскулаченных этой округи, читал и читал я: «арендовал участки земли, занимался торговлей скотом», «снял участки для отгула скота», «арендовал до 150 га, занимался отгулом»... После коллективизации на этих землях располагался огромный совхоз «Красный скотовод» с центром на Фомин-колодце. В 1937—1938 годах руководство совхоза арестовали, совхоз расформировали. Все больше и больше запахивалось земель. А уж целинная горячка и вовсе попасы на нет свела. Перепахивали все подряд, выворачивая наружу мел. Получили за «целину» ордена и стали гонять комбайны по тощим полям, собирая урожай скудный, но выполняя «наказ Родины»: «Хлеб — любой ценой!» А хороший хлеб на этих бедных землях бывает один раз в сто лет.

Пришли новые времена. Но что принесли они этой земле? Пока лишь горячку фермеризации. Умеешь ты, не умеешь пахать, коренной хлебороб или горожанин, кото-

рый трактор лишь в кино видел, но глотка хорошая, настойчивость есть — не мытьем, так катаньем получишь землю.

История с первым в районе фермером Федоровым весьма показательна. Человек городской, в сельских делах абсолютно неумелый — это было видно с первого взгляда, — 300 гектаров земли он все же получил. Речи в его защиту звучали с трибун сессии облсовета, райсовета. Тех, кто не хотел ему землю давать, величали врагами аграрной политики. Землю Федоров получил, взял под нее банковский кредит, на этом завершив хлеборобскую деятельность. 300 гектаров земли зарастали бурьяном, пока их не отобрали.

Но отсутствие четкой перспективы в аграрной политике и боязнь руководителей районов прослыть саботажниками аграрной реформы делали свое дело. Свободная земля в задонской стороне раздавалась налево и направо. У хозяев вовсе нерадивых изымалась и порой передавалась таким же.

Мы и ехали-то в Большую Голубую, чтобы показать новому хозяину его земли. А этот «новый хозяин» был не лучше старого. Всю дорогу шли разговоры лишь о кредите, который банком обещан.

Посмотрели мы поле, сплошь заросшее осотом. Думаю, при новом хозяине этой земле не станет легче.

Так за что же я ратую, укоряя земельный комитет, хуля новых, еще неопытных хозяев? За возврат к совхозу «Голубинский» с 70 тысячами «нищих» гектаров? Нет. Твержу я о том же, о чем и ранее: в стране отсутствует четкая, грамотная аграрная политика. Она заменена лозунгами и сиюминутными нуждами. Не новым толпам «желающих» нужно отдавать землю, а тем людям, которые успели за прошедшие два-три года доказать делами (состоянием земли, урожаем), что они на земле хозяева рачительные.

В начале сентября в Калаче прошло очередное заседание земельной комиссии. На свободные 300 гектаров земли претендовали несколько человек. Досталась она работникам совхоза. «Пусть попробуют, — сказали мне. — У них преимущественное право». А я думаю, что преимущественное право было не у них, вполне возможно, хороших людей и работников, а у Штепо, Олейникова, которые по 40—50 центнеров со своей земли получили. И тогда уже в следую-

щем году эти 300 гектаров начали бы работать. А в ближайшие годы для государства с этой земли пошла бы весомая налоговая отдача. А теперь «пусть попробуют».

Когда я говорил об этом в Калаче, мне возразили, что существуют законы, их надо исполнять, поступи комиссия иначе — прокуратура и суд восстановили бы справедливость. Какая уж тут справедливость, если к земле не пускают хозяина, а поют прежние песни о всеобщем равенстве, когда справа — осот, слева — тоже осот. Но социальная справедливость торжествует.

В Задонье, на землях совхоза «Голубинский», вчерашних и нынешних, за лето побывал я не раз. В конце октября, в последнюю неделю перед ненастьем, дважды там был. Люблю я этот просторный, пустеющий край: степь и степь, крутые холмы, пологие балки, синяя донская вода под обрывом. Но нынче вела меня и другая забота.

В середине октября районные власти решили подвести итог колхозному труду. Собрались руководители администрации, Совета, комитета по сельскому хозяйству, банка. Вопрос один: финансовое состояние коллективных хозяйств. Какие доходы имеем, закончив уборку и сдачу продукции? Какие результаты ожидаются к 1 января 1994 года? Что будем делать в 1994 году? Ответ давали руководители колхозов вместе с экономистами.

Отчет оказался очень неутешительным: все хозяйства района придут к 1 января с пустым карманом. (Лишь «Волго-Дон» получит доход, но теоретический, так как денег ему не заплатят его должники.) С 1 января 1994 года все хозяйства начнут жить в долг. А район наш, Калачевский, один из лучших в области по всем показателям. Такие вот результаты. Причин много, они всем известны. Но легче от этого кому?

Самое тяжелое положение у «Голубинского»: на 1 октября долгов примерно 80 миллионов, на 1 января их будет 250. Доходов не предвидится до следующей уборки урожая, когда долги вырастут, по самым скромным подсчетам, уже до 1,5 миллиарда.

Послушали руководителя хозяйства, пожурили его, посетовали на тяжелые времена, решили просить «область»

предоставить «Голубинскому» отсрочку по кредитам на 121 миллион. Хозяйствуйте, мол, дальше. Неделю спустя приехали районные руководители в совхоз ли, колхоз — поди пойми теперь, как их называть. И разговор пошел не только и не столько с директором, сколько с главными специалистами: агрономами, зоотехниками, механиками, экономистами.

Сначала говорил Ю. Ю. Барабанов, директор. Рассуждал он реально:

— Долгов много. А впереди просвета не видно. Зайдем еще и еще, до следующей уборки урожая. Долги будут расти. А чем отдавать? В животноводство надо вложить двести миллионов. Ожидаемая прибыль — сто миллионов. На каждую овцу расходует пять тысяч рублей, доход получаем — тысячу. Просвета нет. Если сейчас начать ликвидацию хозяйства, то, продав все животноводство, остатки зерна, можно будет что-то выделить каждому работнику на имущественный пай — за прежние годы нажиток. Если дележ будет следующим летом, то уже и делить будет нечего. Все имущество уйдет на покрытие долгов. Руки друг другу пожмем и разойдемся.

Приезд районного начальства для разговора серьезного был известен заранее. Просили главных спецов подготовиться, прикинуть в цифрах и доложить. Поэтому главный агроном начал читать по писаному:

— «Должны повысить урожайность... Ввести новые сорта... Расширить... Паровать... Ожидаемый доход... Должны получить миллиард сто миллионов рублей...»

Сказки всё это были, такие привычные сказки для взрослых людей, опытных, сединой убеленных. Признаюсь, что слушать такие речи мне было страшновато. Всё словно десять, двадцать лет назад. Но времена новые всё же подпирают, и потому спросили:

— А что же вам в этом году помешало «повышать», «расширять», «паровать»? Ведь год был, каких сто лет не будет. Люди по сорок-пятьдесят центнеров получили, а вы, как всегда, десять. А ведь вам отказа ни в чем не было. И опять нынче вы озимку не посеяли, значит, никакого зерна не будет. А вы нам басни тачаете...

Страсти накалялись, началась обычная колхозная планерка.

— Доруководились... От ста коров — тридцать телят выхода. Они у вас что, через два года на третий лишь телятся?

— Они на наших кормах не то что телиться — давно подохнуть должны. Ни люцерны, ни соломы нет.

— Нет, они все же телятся. Даже в райцентре ваши телята, абердины, приметные, их ни у кого больше нет. Разворачивают!

— Конечно. Мы платим скотнику за теленка тысячу шестьсот рублей, бутылка водки — две тысячи. Ему поллитру поставь — он этого теленка не в райцентр, а еще дальше утянет.

— Надо контролировать, вас вон сколько. Каждому по ферме, контроль и контроль. Раздачу кормов, отел. Работать разучились. Вам люди доверили. А у вас выход ягнят какой? А настриг шерсти?

— По полгода не кормим скотину. А требуем отдачи. Это не медведи.

— Кормите, организуйте. Возьмите по ферме и живите там... Сейте сорго. Займитесь подсолнухом... Пришлем специалистов. Будем жать и жать. Заставим работать!

Сидел я, слушал старые-престарые речи. Ведь тех же районных руководителей их же собственным вопросом можно было донять: а кто вам в начале этого, того ли года мешал «жать и жать», «прислать», «заставить»? Никто не мешал. И сколько помню, все жмут и жмут, а в «Голубинском» все те же 7—10 центнеров с гектара, все тот же падеж овцы, все те же комариные привесы.

Словно остановилось время. Но это лишь кажется, оно течет. И горе обманутым или себя обманувшим. Кто их спасет?..

На следующий день после разговора в совхозной дирекции ранним утром приехал я на хутор Малолюбинский. Лежит он в тесном распадке меж холмами, крайними домами спускаясь к берегу Дона. На взгорье — новая контора, новый магазин. В конторе — народ, как всегда, после утреннего наряда: бригадир животноводов, зоотехник, механизаторы. Вопросы я задавал прямые:

— Знаете ли вы финансовое положение своего хозяйства? Как думаете дальше жить? Колхозом? Самостоятельно?

— Знаем, что в долгах... Переживаем... А что будет? — стали отвечать все разом, невпопад и впопад.

— Вы разогнать нас хотите! Ну разгоните, возьмем по пятнадцать гектаров да по тракторному колесу — и что? Нас ведь кто-нибудь купит, и пойдём к нему в работники.

— Мы выросли в колхозе. Как без него, не знаем.

— И сейчас не жизнь. Получаем по восемь-десять тысяч, скотники по пятнадцать-двадцать. И тех по два-три месяца не дождешься. Разве можно так жить? Спасибо все свое: мясо, картошка, овощи. Но это все — труд.

— Начальство хочет всю скотину порезать, все убыточное. А случись завтра засуха, она ведь и по три года подряд бывала. Выживали на мясе и шерсти. А если все порежем — чем жить?

— Но ведь оно и вправду убыточное. По пятьдесят ягнят на сто овцематок получаете. А ведь получают по сто тридцать — сто пятьдесят, — сказал я.

Поднялся галдеж:

— Кошары разбитые... Холод, сквозняк... Они померзли там! Сроду кормов нет!

Ругали начальство, новые времена, московских правителей. Кто-то о выборах спрашивал, о новой конституции.

Оставив вместо себя для допросов молодого моего спутника, я вышел из конторки. Спорить не хотелось. У каждого своя правда. В кошарах холод и сквозняк? Утеплите их, побитые окна заделайте. В домашних стойлах не дует? В тепле стоит скотина? А ведь руки одни и те же, но дома — «мое», а в колхозе — «не мое». И что говорить о кошарах, ягнятах, когда колхозная контора, совсем новая, разбита вдрызг. Большая комната уже без полов и кое-где стекол нет. Сбились в одну, тесную, но холодную, и это по осени. Придут холода, что будет?.. И о каких толковать выборах, конституции? Все это пустое. Государственная дума не придет твою кошару утеплять, чтобы ягнята не померзли. Или твой дом, чтоб у тебя под носом, не дай бог, не примерзло.

Скучно на все это смотреть, скажу я вам...

Во времена прежние, давние и не очень, когда поездишь по хуторам в зимнюю пору, по осени, насмотришься на голодную скотину по брюхо в грязи — тошно становилось. Но было у меня одно лекарство: доехать до поселка Волгодонской, свернуть влево, к скотным базам, выйти из машины. И сразу на сердце теплело. Вот она, на выгонах и под крышей, сытая, ухоженная скотина. Черно-пестрая порода, без примеси, одна в одну. Бычки лобастые, с живыми глазами, из розовых ноздрей — струйки горячего пара. Чистая, блестящая шерсть, какая бывает у кормленной, доброй скотины, у доброго же хозяина. Это — совхоз «Волго-Дон» Калачевского района. Директор — Виктор Иванович Штепо, дважды Герой.

Нынче время иное. Год 1993-й, время перемен. Почти на треть везде снизилось поголовье скота, надои, привесы. Животноводство в развале.

Совхоз «Волго-Дон», сменив, как и все иные хозяйства, вывеску, остался тем же высокопроизводительным сельскохозяйственным предприятием. Как и в прежние годы, он имеет 8 тысяч голов крупного рогатого скота, большое молочное стадо с удоем в 5 тысяч литров. Урожайность — 40 центнеров пшеницы с гектара, 500 центнеров — овощи. Показатели — лучшие в области, одни из лучших в стране. Это хозяйство по мощности, интенсивности, производительности сродни тем европейским и американским образцам, которым мы завидуем.

Сколько было примеров, когда вчерашний лидер, передовик, потеряв руководителя ли, высокого покровителя, тут же гаснет. В «Волго-Доне» теперь директором не дважды Герой Штепо, и времена нынче суровые, но хозяйство не рухнуло и не пошло под уклон. «Волго-Дон» был и остается трудягой и добрым хозяином, хотя нынешние бури не обошли его.

Разговор весьма показательный.

— Поздравь, я телочку купил! — обрадовал одного из руководителей совхоза, Н. Н. Самарского, совхозный же пенсионер.

Самарский поскучнел и спросил нового хозяина:

— А косу ты купил?

— Нет.

— Надо бы сначала косу, сена заготовить, а потом о телочке думать.

Этих хозяйских телочек да бычков, свиней появилось в «Волго-Доне» за последний год очень немало, почти треть от общесовхозного. Трещат хозяйские скотные дворы. И не крестьянская жадность тому виной. Вчера большинство работников «Волго-Дона», отработав нелегкую смену, стремились к отдыху. Ведь нагрузки в хозяйстве большие: по 300 голов на скотника, по 100 коров на доярку. После такого трудового дня спина и руки отдыха просят. Но если вчера мужики, отработав, на рыбалку спешили, то нынче — к своей скотине.

Из разговора в совхозной поликлинике:

— Не могу сейчас дочку на консультацию в город отвезти. Денег нет. Может, вот получим, вроде обещали...

В 1992 году средний заработок работника «Волго-Дона» 8—10 тысяч рублей, овощевода ли, доярки. Да еще задержка с выдачей на два-три месяца. Детские босоножки в местном магазине 6 тысяч, рядом у торговца детский же летний костюмчик 15—20 тысяч. Вот и приходится вместо отдыха браться за лопату да вилы. Удачно продашь бычка — 100—200 тысяч, годовой заработок.

«Волго-Дон» каждый месяц производит 800 тонн молока, 100 тонн мяса, овощами весь областной центр может прокормить. И кормит. Но деньги за свою продукцию получить вовремя и сполна не может. Еще за прошлый год с ним за овощи не рассчитались. Что осталось от тех бумажных миллионов при нашей инфляции? По прикидкам, год 1993-й совхоз закончит с прибылью в три четверти миллиарда. Но эти деньги опять будут липовыми, их попросту не отдадут. А липовыми деньгами не выдашь зарплату, на них не купишь технику. Уже три года в «Волго-Доне» не покупали автомобили, скоро будет не на чем молоко возить. Зарплату людям не платишь — значит, сквозь пальцы смотри, как они растаскивают совхозные корма по своим подворьям. И если так дело пойдет, то уже через год-другой скотина хозяйская съест скотину совхозную, как в «Голубинском» и во многих других. И совхоз рухнет.

Украсть у человека 50 рублей — это воровство. Уголовный кодекс карает. Годами не отдавать «Волго-Дону» сотни миллионов за произведенное мясо, молоко, овощи — это «неплатеж». При таких порядках «Волго-Дон», конечно же, развалится.

Выписка из газеты: «В этом году Литва будет иметь в три раза меньше мяса, чем четыре года назад, — сообщил литовский премьер-министр. — Причина: провал экономической реформы на селе... Опустение животноводческих комплексов, почти половина которых находится в заброшенном состоянии».

В один из летних дней, возвращаясь из «Волго-Дона», заехал я к Н. Н. Хлиманенко, бывшему скотнику совхоза «Маяк», а нынче, третий уже год, самостоятельному хозяину, у которого на семью в семь человек — 127 гектаров земли. Мечта Николая Николаевича — иметь пятьдесят коров, механизированную молочную ферму, молодняк. Сам он человек работающий и опытный, в подмогу — пятеро детей, которые рядом. Два сына и две дочери уже взрослые. Но мечта пока остается лишь мечтой, в лучшем случае в этом году будет проект да колышки. А те полтора десятка голов, которые держал Хлиманенко, понемногу со двора уходят. Потому что вручную, на пупке, долго не продержишься, надорвешься. Хлиманенко — единственный в Калачевском районе из двухсот пятидесяти новых хозяев хотел бы заняться животноводством. Хотел бы... В светлом, как говорили, будущем. Дай бог его мечтам исполниться. Но «пока поспеют каныши, не останется бабкиной и души». В нынешнем дне кормит нас «Волго-Дон», об этом надо помнить. А таких совхозов в стране — единицы. Одной руки хватит, чтобы их посчитать. И может быть, это одна из новых форм хозяйствования на земле. Недаром я ездил сюда в годы прошлые, чтобы душу согреть. Езжу и сейчас. Хотя нет уже в совхозе Виктора Ивановича Штепо, бывшего директора, его прогнали, как это у нас в нынешнюю пору умеют делать: митингами, криком, взашей. У Виктора Ивановича сейчас своя земля. Он хозяин отменный. Лучший в районе. Это мнение не только мое, но агрономов сельхозуправления. О Викторе Ивановиче Штепо стоит поговорить отдельно. Рядом с ним —

бывшие волгодонцы Олейников, Колесниченко, тот и другой агрономы. Хозяева настоящие. Но их пока единицы.

Чуть подальше, на землях колхоза «Мариновский», — Ляпин и Чичеров, о которых я писал в прежних заметках. Бывший главный экономист колхоза, бывший звеньевой механизаторов. Земли у них было немного, и они справились с ней, получив хороший урожай пшеницы. В зерноводстве у хороших хозяев особых проблем нет, лишь работы. А с овощами сложнее. У колхозных овощеводов по всей стране проблемы одни и те же, и о них вся страна знает, от Москвы и до окраин. Еще вчера ведь было такое: начинается прополка овощей, а с нею — совещания в обкомах, райкомах; готовятся постановления, разнарядки — и красные «икарусы» друг за другом мчатся по сельским дорогам, развозя городских помощников, а потом собирая их; а в августе — вовсе пожар, теперь уж «до белых мух»; студенты и школьники про учебу забывают, заводы, городские учреждения впору закрывать; с утра до ночи колонны автобусов мчатся из города; бензина, денег, людей — затрат никто не считает. «Заказывай больше народа!»

Такая уборка овощей и картофеля для нас настолько в плоть и кровь вошла, что был я поражен, попав в осеннюю пору в сельские районы Италии, Германии. Идет уборка картофеля, а в полях — тишина и покой: не видать верениц автобусов, людских толп, взмыленных начальников. Потихоньку ползет комбайн или трактор с копалкой, волочит за собой тележку, в которую клубни ссыпаются. Наполнилась тележка — он другую прицепил. Признаюсь, что ни Эйфелева башня, ни статуя Свободы не поразили меня так, как уборка картофеля в западном мире. А мы ведь и нынче убираем так или почти так, как в прошлом. Лишь без обкомов, с другим начальством.

Чичеров и Ляпин прожили прежний свой век при колхозных порядках и потому овощей побаивались, но все же посадили 9 гектаров помидоров, 2 гектара моркови, немного лука. И оказалось: с овощами работать можно. Обработку вели машинами, на прополку наняли школьников из своего села, хорошо им платили. А с уборкой и вовсе легко получилось. В райцентре договорились с одним из небольших заводиков, арендовали у него автобус и сообщили, что

желающие каждое утро могут ехать к ним на плантацию. Оплата по желанию овощами по цене втрое дешевле, чем в магазинной продаже. И тот небольшой автобус, что каждое утро уходил из райцентра, был полон. Случалось, заказывали двадцать работников, приезжало втрое больше. «Лезут, не могу выгнать», — оправдывался водитель. По выходным работало до ста пятидесяти человек. Приезжали на своих машинах даже из областного центра. Так что с уборкой проблем не было. Можно было вдвое и втрое больше сажать.

Но площадь под овощами в нынешнем году сократили в пять раз. Проблема — реализация. Продали 120 тонн помидоров; 70 тонн, уже собранных, готовых к отправке, так и погребло: отправлять было некому. Торговля помидоры не брала. А если и брала, то торговала плохо. Отвезли в магазин две с половиной тонны, там продавали неделю, говорили: «Не берут». Привезли на своей машине те же две с половиной тонны, встали рядом с магазином и продали по той же цене за два часа. Люди спрашивали: «Когда еще привезете?» Но возить и самим продавать было некогда. Пришлось площадь под помидорами уменьшать.

В год нынешний у Чичерова с Ляпиным стало больше земли на 150 гектаров. Взяли ее в аренду. Купили еще один трактор, комбайн. Купили и просторный крытый ангар, куда будут ссыпать зерно, ставить технику. Рядом с вагончиком, первым приютом, на пустоши возле Ванюковой балки поднимается первый дом. По задуманному их будет здесь три, чтобы жить на своей земле, а не дежурить по очереди всю зиму в вагончике да не мотать утром и вечером долгие километры к селу.

Все складывается у Чичерова с Ляпиным по-доброму. Ушли с конторских насиженных мест их жены, чтобы не разрываться, а стать хозяйками дому и в работе помощницами. Их уход с прежней работы — показатель уверенности. Помню, весной жаловался мне один из фермеров: «Говорю жене: уходи из конторы. Она свое: подожди, пусть пройдет референдум, подожди, поглядим...» Взрослые сыновья Ляпина работают вместе с отцом. Юрий окончил зимой фермерские курсы при сельхозинституте. Вале-

рий — студент, будущий агроном. Его знания в хозяйстве будут нужны. В планах семенное производство. Думают заняться картофелем на поливных землях.

— Будем прикидывать, пробовать, — говорит Ляпин. — Чтобы все уметь и тогда заниматься тем, что выгодно, что приносит доход.

Зачастую новых хозяев обвиняет молва в стремлении «сорвать вершки», быстро обогатиться. Вспоминаю упрек бригадира из Клейменовки: «Накупили себе машин, женам — бархатных платьев». У Ляпина с Чичеровым не увидел я ни того, ни другого. И, как сказали они, на личное потребление много не берут. Не бедствуют, в необходимом себе не отказывают, но основные доходы идут на производство. И мечтают не о заморских курортах, про которые телевизор трубит, а о нормальном отпуске, чтобы «хоть месяц дома посидеть и отдохнуть». Потому что много работы. И ответственность.

— Раньше как было, — вспоминает Ляпин совхозную жизнь. — Пришел утром, тебе сказали, что делать. Сделал, не сделал, к вечеру — домой. И голова не болит, в долгах совхоз или в шелках. В долгах — значит, спишут или еще дадут. (Прямо в «Голубинский» совхоз попал, хоть и далеко от него.) А нынче нам надеяться не на кого. Лишь на себя — на свою голову да на свои руки.

На стан к Ляпину и Чичерову я приехал из колхозной конторы, где шла обычная утренняя планерка. И как в любом хуторе ли, селе шел там разговор «по-крупному», с укорами и упреками: «Кто за вас думать будет? Не хотите головой работать — давайте руками! В субботу-воскресенье чтоб не вылезали! Кровь из носа, а дайте воду!» Не зря потом директор сказал, провожая меня к Чичерову с Ляпиным: «Я им завидую».

В истоке Ванюковой балки, у новых хозяев, ясный день поднимается нешумно. Слышится птичий пересвист. Ветер шуршит по непаши в высоких травах. Анатолий Григорьевич Ляпин улыбчив, приветен. Прошлогоднюю бородку он сбрил и помолодел, глядится чуть не впору взрослым своим сыновьям. Мира им, здоровья и доброй работы.

А наш путь к Виктору Николаевичу Амплееву, звеньевому арендного звена колхоза «Мариновский». Поля его соседствуют с землей Чичерова и Ляпина. Но нынче звеньевой в селе, возле своего дома, где стоят рядом комбайны и тракторы — техника амплеевского звена. 1000 гектаров земли, из них половина орошаемой, на семерых механизаторов, в подмогу им двенадцать тракторов, пять комбайнов, двенадцать дождевалок и грузовик. В подмогу, но и в нагрузку, потому что весь технический уход и ремонт делается своими руками.

С Амплеевым встречались мы в прошлом году. О нем я рассказывал: недавний казахстанский житель; новые времена, межнациональные розни привели его с братом в село Мариновка. Получили жилье, начали работать. В прошлом году я спрашивал Амплеева о фермерстве. Уйти в новую жизнь Виктор Николаевич тогда не решился. С одной стороны, страшась неопределенности в стране, зыбкости фермерского бытия, с другой — не хотел в трудную минуту бросить хозяйство, которое хорошо его приняло. И вот новая встреча год спустя. Мы сидим в доме Амплеевых, сюда же — как без нее! — собралась детвора: сыновья-школьники да милая Олечка.

— Помощники? — спрашиваю я.

— А как же, — отвечает отец. — Скотина, поливка. Одного навозу с базов тонн двадцать выгребли. На огород его — тоже работа.

Детишки у Амплеева милые, и сам он молод и крепок. Тяжкий воз, что он тянет, по силам ему. В половине пятого — подъем. Скотину напоить, накормить, в стадо отправить. Две коровы, телка, бычки, свиньи да птица. Управился — ступай на колхозную работу, которая не бывает легкой и короткой. Она до ночи, тем более у звеньевского. И сколько в той работе часов, пятнадцать ли, восемнадцать, никакой рабочий табель не скажет. Сколько надо. А надо много, когда на семерых — 1000 гектаров, половина с поливом. А земля у Амплеева — это не степь с пахучей полынью да чабором, какие сами растут, а 200 гектаров пшеницы, столько же ячменя, 100 гектаров картофеля да 200 — кукуруза да пары. С весны и до поздней осени паши, боронуй, сей, куль-

тивируй — одно за другим. За последние два месяца в звене Амплеева было три выходных дня. И то из-за дождей. Все остальное — работа. А что до прошлогоднего разговора о фермерстве, то нынче Амплеев более категоричен:

— Конечно, у Чичерова с Ляпиным дело идет. Я им завидую. Люди они работающие, но и получают по труду. А у нас — копейки. А ведь работаем, нас никто не укорит. И сердце у меня за землю, за урожай болит не меньше. Но из колхоза меня не пустят по-доброму. Я с директором говорил, он сказал: отпусти тебя — значит, всех надо распускать. С голыми руками я ведь не пойду. А землю, на которой я работаю, и технику мне не дадут. Теперь мы работаем и вроде получаем неплохо, но в завтрашнем дне уверенности нет. Ну получил я сто, двести тысяч рублей. Во-первых, мне их обязательно на месяц-другой задержат, а значит, третью часть заберет инфляция. Остальное на прожить нашей братии, — обвел он добрым взглядом своих детей. — Три года здесь работаю день и ночь, в поле и дома, но даже задрипанный «Запорожец» не в состоянии купить. На одну-две зарплаты не купишь. Деньги копить — они пропадут. Один раз уже накопил на машину, десять тысяч на сберкнижке, — посмеялся он. — Теперь ученый... Ладно, были бы живы и здоровы.

На том и кончился разговор. Ребятишкам пора было бежать на речку, а их отцу — к работе: комбайнам осталось недолго ждать, скоро уборка. А мой последний разговор с директором ли, председателем колхоза (как теперь величать?), словом, с Михаилом Николаевичем, давним моим знакомым.

И в прошлом году и в нынешнем говорит он:

— Впереди — туман. Что будет, не знаю. На мой взгляд, нужен союз кооперативов, фермеров, выросших из аренды. Но моя задача — строить. Совхоз новый, не успели мы многого сделать. А при любой организации будет нужна мастерская для ремонта техники, которой пока нет, нужны дороги, животноводческие помещения, крытые тока. Этим и стараюсь заниматься. И ежедневная текучка. Сейчас с водой плохо в детском садике. Заведующая пойдет не к фермеру, хотя их дети тоже там, а ко мне. Рожать ли, хоронить — не в сельсовет, а ко мне. Так и живем.

После недолгого разговора я уехал. А в дороге пытался представить себя на месте директора и решить: отпускать Амплеева в свободные хозяйства или придержать под колхозным крылом? Резоны простые: лучшее звено, лучшие механизаторы, о тысяче гектаров голова не болит. У другого звена не пошли двести гектаров полива: не могли запустить поливалки, помучались и бросили, отказались наотрез. Передали Амплееву, у него — пошло. Чичерова с Ляпиным нельзя было держать, время было другое: даешь фермеров! Отпустил хорошего звеньевоего и техникой не обидел. Но отпусти теперь Амплеева со звеном да техникой — с чем останешься? И с кем? Землю отдай с поливом — куда девать животноводство? Кто коров да свиней накормит? Ни один фермер в районе животноводством заниматься не хочет. Оно убыточное. Но как и прежде (хоть и высокие это слова, но верные): «Надо кормить народ». Значит, держать убыточное животноводство. А без Амплеева полив опять не пойдет. Куда же его отпускать? Будем тянуть вместе и животноводство убыточное и «социалку»: детсад, дороги, водопровод, школу и прочее. Нельзя Амплеева отпускать в вольные хлебопашцы.

А Чичеров с Ляпиным, они не такие уж и свободные: захочет директор — и расторгнет договор на аренду земли, заберет ее, оставив лишь жалкий клочок земельного пая. Захочет — откажет в мастерской, в заправке, во всей службе.

Аренде Амплеева тоже цена невысока: сверху у нее лозунг «работай, не обижу», а снизу «отдай мое!». Но — факт очевиднейший, кричащий! — Чичеров с Ляпиным богатеют: их тракторы, автомобили, комбайны, другая техника, новые дома, ангар, пшеница и ячмень, что спеют на поле, — это уже личный нажиток, он растет с каждым годом. И один из домов, что поднимутся у Ванюковой балки, предназначен работнику, в котором уже теперь они чувствуют нужду. У Амплеева — лишь руки да теоретический, а скорее мифический имущественный пай. Мифический потому, что у хозяйства 100 миллионов рублей долга. Чичеров с Ляпиным из этого хомута вывернулись, покинув хозяйство, на Амплееве теперь этот долг висит. И отдавать нечем.

Так вот я рассуждал в дороге. Не знаю, верно ли.

Всех нас — Чичерова, Ляпина, Амплеева, всех, на земле работающих и живущих, рассудит лишь время, которое теперь, в жарком июльском дне, словно спешит, торопится. На глазах наливается, спеет пшеница. Вот она золотится на холмистой донской земле, в жарком полудне — наша нужда и богатство. А что до Амплеева, его судьбы, то таких очень много...

Осенью, в конце сентября, на хуторе Камыши колхоза «Россия» стали мы подсчитывать трудовой стаж семьи Великановых. Глава ее Александр Иосифович работает механизатором, хлеборобом вот уже тридцать лет. Ныне он бригадир полеводства. Жена его Раиса Алексеевна в колхозе всю жизнь. Сыновья Александр и Алексей, шофер и механик, — добросовестные и умелые работники. Поднимается на ноги уже третье поколение Великановых — внуки: Сергей, Иван, Рая. Но разговор нынче о старших. Семья Великановых (все вместе — отец, мать, сыновья) отдала колхозному производству около ста лет. Подчеркнем, что они труженики добросовестные и умелые. Но что в итоге? Каков нажиток?

На просторной великановской усадьбе сливаются левадами два гнезда: дом, где живут родители и младший сын с семьей, и дом старшего сына, Александра. Отцовское гнездо для двух семей тесновато, тем более что строено давно. Думали летнюю кухню расширить да утеплить и старшим уйти жить в нее, оставив молодых в доме. Но нынешние цены на стройматериалы обращают эту задумку в мечту, вряд ли осуществимую. Есть в семье легковая машина, купленная давно. Старший сын хотел себе машину купить, но не смог, осилив лишь мотоцикл. Плата за него — не колхозный заработок, а подворье. Откормил трех быков, удачно продал и успел купить мотоцикл. Сейчас бы уже не смог.

Нажиток семьи Великановых не больно заметен, хотя отработали они, повторю, сто полновесных трудовых лет. А нынче они и вовсе вряд ли разбогатеют. Месячная зарплата 20—30 тысяч рублей. Разве это деньги, когда женские сапоги — 100 тысяч? Выжить помогает личное подворье: коровы, свиньи, птица, огород да еще близость райцентра, на базаре которого все это можно продать. Но это дополнительный труд, полностью ручной. За долгий, с рассвета,

а вернее с темна до темна, нелегкий рабочий день хорошо, если найдется свободный час для телевизора. Но и этот час для женщин праздным не будет. Гляди и пряди пряжу, гляди и орудуй спицами, вяжи пуховый платок, тоже на продажу, на прожитье. Завидна ли такая жизнь, достойна ли? И впереди у Великановых, как и у всего колхоза, светлого не видно. Четыре года не обновляли машинно-тракторный парк. Это уже сказывается на производстве: затягиваются сроки пахоты, сева, уборки, а значит, растут потери. По меньшей мере, нужно покупать четыре трактора, четыре комбайна, четыре автомобиля. А на какие доходы?

Животноводство убыточно, зерна маловато, получили от его продажи 110 миллионов рублей, это лишь на два месяца людям зарплату платить. До конца года что-то выручат от молока, мяса, остатков зерна, но все это уйдет на запчасти, горючее, налоги, удобрения. А может, и не хватить. Так что придется брать краткосрочный кредит миллионов на двести и долгосрочный на полмиллиарда. Иначе не выжить. А взяв кредит, его придется отдавать с немалыми процентами. Колхоз «Россия» вступает на новый для него путь — жизнь взаимности.

На подворье у Великановых, в полях, на бригадном стане разговоры я вел разные, но все об одном: о земле, о жизни.

— Это ваша земля? — спрашивал я, указывая на поля и поля. — Вы считаете ее своей?

— Конечно, наша, — твердо отвечал Александр Иосифович. — Тридцать лет на ней работаю.

— Почему же она вас так скудно кормит? Почему, лишь собрав урожай, собираетесь вы лезть в долги? Может быть, лучше взять землю и начать хозяйствовать самостоятельно? Ведь примеры тому есть. Тем более вашей семье умения и опыта хлеборобского не занимать.

— Земли у нас нет, — в один голос отвечали отец и сын Великановы. — А на паях в пятнадцать гектаров толку не будет. Тем более нынче высокие цены на технику, колхоз ее не может осилить, а один человек что сделает? Так что надо держаться вместе.

О том же несколько ранее говорил мне председатель колхоза В. Ф. Попов. Он опытный руководитель, бывал за грани-

цей, видел, как работают на земле англичане и немцы, та-мошним порядкам завидует. Колхозную систему производ-ства он считает отжившей, неработоспособной. Но переход к новой, западной видит длинным, в десять-пятнадцать лет.

— У нас в колхозе нет земли, — говорит он. — Пай в пят-надцать гектаров для зерноводства несерьезен. А дать желающим по сто гектаров значит обездолить других. Кто будет заботиться о пенсионерах? Кто будет содержать дет-ский сад, Дом культуры, школу, дороги, отопление? Госу-дарство не берет это на свои плечи. Да и психологически наши люди не готовы стать самостоятельными хозяевами.

К словам председателя можно относиться по-разному: сочувственно ли, скептически. Но за три года земельной реформы на хуторах колхоза ни одного серьезного хозяина не объявилось. «Выходцы» были — не было проку. Но и кол-хоз даже прежних своих показателей удержать не может, он во всем катится вниз: в надоях, поголовье, урожаях. При-чин тому много. А может быть, лишь одна-единственная: новая жизнь. И никуда от нее не денешься.

О новой жизни и речь. Район Суровикинский, хутор — Епифанов ли, Епифановский. На картах его пока не сыскать. Но он существует. И когда поднимутся новые пять домов, которые начинает строить Анатолий Степанович Епифанов, присоединившись к тем четырем, что есть уже, то хочешь не хочешь, а имя придется давать новому селенью.

От хутора Камыши, от Великановых, ехал я, а из головы не шел несложный и горький подсчет: сто трудовых лет отдала земле семья Великановых — а что получила за свои труды? И вспомнился прошлогодний разговор с Николаем Степановичем Епифановым, когда он сказал с гордостью и болью: «Двадцать лет проработал в колхозе, ничего не имел, кроме мозолей. Один год на себя потрудился — купил две машины». Эту гордость надо понять, ведь легковая машина у нас, особенно на селе, — показатель благосостоя-ния. «Он машину имеет» — этим все сказано.

О братьях-близнецах Епифановых я немного рассказы-вал, обещая вернуться к ним. Прошел год. Что изменилось,

что нового на земле Епифановых? Николай Степанович, как и прежде, занимается молочным животноводством. У него нынче 60 дойных коров. За прошлый, 1992 год получил он молока 160 тонн. Все первым сортом. Еще имеет шестьдесят голов мясного скота, двадцать пять лошадей. Добавилось и земли, 98 гектаров. И там, где два года назад была пустая степь, стоят капитальный коровник, телятник, зерносклад, силосохранилище, новый дом, поднимаются стены своей машиноремонтной мастерской с теплой стоянкой для техники. В планах — строительство птицефермы для зятя, который будет заниматься товарным яйцом. Есть договор на аренду земли с соседним колхозом, присмотрена хорошая порода скота в Палласовском районе — казахская белоголовая, сто пятьдесят голов. Надо взять ее, заниматься мясным скотоводством. Кроме своей семьи в хозяйство пришлось нанять трех работников: доярку и двух скотников. Но главное — труды собственные в «убыточном» для колхозов животноводстве. Епифанову оно приносит доход.

Усадьба другого Епифанова, Анатолия Степановича, и вовсе впечатляет. Прошлым летом кипела здесь стройка. Нынче потише. В кирпичной конюшне, в ее денниках, стоят лошади. Скаковые, участники и призеры российских и международных соревнований. Тренируют их в огромном крытом манеже, который рядом. При конюшне зерносклад. Идет отделка в новом доме хозяина.

Лошадей у Анатолия Степановича почти две сотни, сто голов мясного скота, 100 свиней. Опять то же «убыточное» в колхозах мясо Епифанову приносит доход. Пришлось в этом году купить еще два трактора и комбайн «Дон», ведь земли у Анатолия Степановича почти 350 гектаров, из них 300 пашни. Впереди новые стройки, ведь конезаводу Епифанова от роду лишь три года. Нужны еще одна конюшня, скаковое поле, гостиница, чтобы конники съезжались не только на соревнования, но могли жить и тренироваться. Нынешней осенью на первом в России частном конезаводе Епифанова прошли областные соревнования. Надеюсь, что впереди — российские и международные.

Трудно поверить, но еще два года назад здесь было пустое поле. Братья Епифановы пришли сюда, отрезав прежнюю

жизнь. Это было очень непросто вчерашнему конюху и скотнику. Анатолий Степанович в свое время собственный дом заложил, чтобы получить ссуду на выкуп лошадей. И нынешнее их бытие не мед, а труды и труды. Кипела стройка в прошлом году, строятся и теперь. Но вместе с этим пашется земля, сеется и убирается хлеб, по полтонны молока отправляет каждый день Николай Степанович на завод, 100 тонн мяса получил Анатолий Степанович, он растит и тренирует лошадей. Хозяйства братьев расширяются. И все это — земли, постройки, скот, техника — собственность Епифановых, которая по наследству перейдет от отцов к детям. Это не теоретические паи да дивиденды колхозной семьи Великановых. Хотя Великановы трудятся, наверное, не меньше.

У Епифановых те же трудности, что и у колхозов. Но уверенность в завтрашнем дне бóльшая. Хотя бы потому, что они лучше хозяйствуют. В совхозе, из которого они вышли, в октябре еще хлеб не весь убрали, еще пашут и сеют, надеясь на авось. У Епифановых озимая пшеница взошла и кустится. Сена заготовлено вдосталь. А когда зашел разговор о том, можно ли сейчас выходить из колхоза при таких ценах на технику и горючее, при всеобщей неразберихе, Николай Степанович сказал: «Можно. Трудно, но можно. Надо иметь желание».

При нашем разговоре присутствовал еще один Епифанов — Александр Степанович, старший брат, бригадир животноводства колхоза «Суровикинское». Он добавил: «Можно, если ты — Анатолий или Николай Епифанов», имея в виду мощную энергию братьев во всех делах. С этим доводом нельзя не согласиться. Одно дело, когда хозяйствует самостоятельно вчерашний секретарь обкома, директор совхоза, главный экономист, у них немалый хозяйственный опыт, образование. У вчерашних колхозных скотников Епифановых — восемь классов хуторской школы. Но справились, одолев все премудрости и препоны. Хотя многое непривычное их еще ждет впереди.

Когда год назад я написал о Епифановых в районной да областных газетах, то получил несколько негодующих писем. «Расхваливаете Епифановых, — укоряли меня. — Они, дескать, умеют трудиться. Им — землю. Но для всех

трехсот миллионов советских граждан земли не хватит. Что же им делать? В батраки идти?» Батраками мои читатели быть не желали.

И вдруг этим летом одна из областных газет поместила небольшую заметку в спортивном отделе. Там говорилось о соревнованиях конников и сообщалось, что победу одержал «батрак из хозяйства Епифанова». Газету заметили, и попала она в руки работников А. С. Епифанова, которых у него нынче двенадцать, что совершенно естественно для большого хозяйства. Газетная заметка людей взбудоражила, оскорбила. К тому же кто-то «объяснил» им, что написал заметку сам хозяин. А значит, он их батраками считает. Работники Епифанова отказались выходить на работу. Бастовали целый день. С трудом, но удалось Анатолию Степановичу доказать, что всему виной чужая глупость. Пришлось ехать за сто пятьдесят верст в областной центр, в газету, требовать объяснений и опровержений.

На следующий день работа в хозяйстве пошла своим чередом, но один из работников все же уволился, не желая быть батраком. Такая вот психология: хозяевами быть не готовы, но и работниками у Епифановых — тоже. Можно ли это понять? Считаю, что можно и нужно. Все мы вчерашние советские люди, воспитанные одними идеями: коммунизм, всеобщее равенство, братство. С детских лет мы запомнили, что «владыкой мира будет труд», «гордое имя — рабочий», «кто был никем, тот станет всем», «мир — хижинам, война — дворцам».

И слово «батрак», в начале века стоявшее вне политики и по словарю Даля означающее лишь наемного работника, «особенно в деревне для полевых работ», постепенно обрело острую политическую и социальную значимость. А ведь еще в двадцатые годы наемный работник в пору сенокоса, уборки хлебов — явление рядовое. Сосед мой, ныне покойный Кузьмич, вспоминал, что каждый год косить хлеб его отец нанимал двух человек, обычно из России приходивших в эту пору на заработки. Семья была небогатая, с шестью малыми детьми. В уборку выгоднее было нанять людей, заплатив им, но не потерять урожай. Большая же Советская Энциклопедия внятно разъясняет,

что «батраки — наемные рабочие в капиталистическом сельском хозяйстве. Батраки работали по 12—14 часов, жили в хлевах, амбарах, землянках». Батрачкой ли, работницей была с тринадцати лет моя покойная тетя Нюра. Умерла моя бабушка рано, оставив деда-вдовца с четырьмя детьми. Тетя Нюра — старшая. Когда началась уборка хлебов, пришла Кочмариха, владелица земель, скота. «Твоя мать у меня хорошо работала, — сказала она. — Иди и ты. Платить буду, как всем. Старайся». Тринадцатилетняя жница всю жатву проработала рядом с другими, рядом с Кочмарихой. Когда уборка закончилась, Кочмариха похвалила: «Молодец. Будешь у меня работать, подрастешь, я тебя в хорошую семью замуж отдам».

Позднее, когда Кочмариху раскулачили, а батраков отменили, тетя Нюра работала на пароходе официанткой, прачкой и уборщицей одновременно, спала в сутки три-четыре часа. Но была уже не батрачкой, а членом профсоюза. За жизнь ей пришлось много и тяжело работать. Однажды послали ее от артели на сельхозработы сено косить. Косить нужно было на залитой водой земле и таскать накошенное по воде на берег, там раскладывать и сушить. Работа тяжелая, но пообещали дать копну сена для своей коровы. Две недели тетя Нюра косила по пояс мокрая, среди комарья. «Кошу, таскаю, раскладываю, сушу. Увозят мое сено и увозят. Так и не дали ничего. Уж так я плакала, так горько плакала... Так мне было обидно...» Обиду не утишили годы. А ведь была она тогда не батрачкой — полноправным членом артели, а значит, «хозяйкой».

Знаю, что найдутся люди, которые приведут примеры прямо противоположные. Вот строки из письма: «Мою свекровушку мать с семи лет отдала на хутор Липолебедевский в няньки. Там до девятнадцати лет она и жила, пока не подошла пора выходить замуж. Ну и чем же наградили ее хозяева под венец? Сшили ей сатиновую розовую кофту и голубую с лентами юбку. Это за двенадцать лет труда и труда». Наверное, было и такое. И человеческая мудрость не в том, чтобы проклинать или славить времена прошлые, правильней будет горького не повторить, доброго не утратить. Называется это — опыт человеческий. Надо понять,

что все мы у царя ли, у Бога в рабочих. Лишь «цари» разные. У одного — директор, у другого — редактор, у третьего — Елифанов, который хозяйствует, расширяет дело и, как всякий хозяин, рискует однажды потерять все от засухи ли, эпидемии, пожара, перемены политики наверху. Он и работает не меньше, а больше других. Недаром сказала женщина-штукатур из тех, что Елифанову дом строят: «Я здешней хозяйке не завидую».

За многие тысячи верст отсюда, в стране с порядками иными, рассказывал нам работник: «Прежде я имел землю, занимался зерном. В одну из засух разорился. Больше рисковать не хочу. Сейчас есть работа, жилье, дочь учится. На плечах нет груза ответственности. Я сплю спокойно, а думает пусть хозяин».

Пусть думают Чичеров, Штепо, Елифановы. Они — хозяева. Им богатеть, им разоряться. Наше дело и право — выбрать себе хозяина и работу.

В хозяйстве А. С. Елифанова разговариваю с В. М. Бекешевым. Прежде он работал в колхозе «Рассвет». Когда ушел к Елифанову, тот стал платить ему втрое больше. Но дело не только в этом.

— Здесь лучше работать, — говорит Вячеслав Михайлович. — В колхозе десять хозяев. Председатель скажет одно, агроном — другое, а бригадир кричит: пошли они на х.., делай, что я велю! У меня к хозяину претензий нет. Он любит лошадей, и я с трех лет в седле. Но затеял все он и весь воз на нем. А про батраков в газете написал человек глупый. А может, хочет разжечь вражду.

Последняя мысль горька. Как просто окрестить человека батраком ли, совком, продажным писакой, дерьмокрамом... Каких только кличек друг для друга мы не придумали. Одна ядовитей другой. Опыт же человеческий учит: не судите, да не судимы будете, не ищи соринки в чужом глазу, не рой другому яму... Ведь у всех у нас одна земля, одна родина, один короткий человеческий век; оборвать ли, сократить его можно, а продлить нельзя.

А возвращаясь к работникам Елифановых, скажу, что Николай Степанович установил им зарплату не выше совхозной, но зато полностью обрабатывает за свой счет их

земельный пай и берет на содержание их личную скотину. Анатолий Степанович своим работникам начал строить жилье. Куплено пять домов. В двух к Новому году должны справить новоселье. Все это — новая жизнь, от которой не отмахнешься. Принимай ее, не принимай, а она есть. Целый хутор. Пока безымянный. Но это дело, как говорят, наживное.

Всякий раз, бывая в Задонье, в краях голубинских, стараюсь я завернуть на Городище, еще зовут его Стенькин курган. На этот раз, хоть и торопил меня вечер, тоже свернул с дороги, стал петлять, объезжая пашню да лесистые балки. Скоро выбрался, оставил машину.

Вечер подступал ветреный и ненастный. Низкие тучи, вот-вот морось пойдет. Но, как всегда, на Городище, сделав шаг-другой, о погоде да времени забываешь. Могучий курган словно поднял тебя высоко-высоко. Далеко внизу — донская вода. За Доном — огромная, на десятки верст пойма с займищным лесом на берегу, с просторными луговинами, с желтыми даже в ненастье песками. И дальше земля и земля. До самого неба.

Осень. Займище почти облетело. Оно лежит черное, с седой индевелой остью, словно зимняя выкуневшая волчья шкура. Стылая, впрозелень донская вода. И на многие, многие версты — ни души. Лишь ветер да шелест сухой травы под ногами. Душа не вмещает, не может вместить этого простора и высоты.

И вдруг вспоминаю мальчонку из малооголубинской начальной школы. Заглянул я туда нынче ненадолго, устав от галдежа в конторе. В школу зашел, поздоровался с учительницей Галиной Михайловной, с ребятишками. Самый юный школьник, шестилетний Володя, успел мне показать, как он умеет делать уголок, подъем переворотом. Славный парнишка, шестилетний, а уже учится в третьем классе. Он вспомнился мне здесь, на кургане. И подумалось: неужели вот этот веселый умница, живой непоседа, неужели и он повторит судьбу своих хуторян-земляков и если не убежит куда-нибудь, то сопьется и будет в разбитой кошаре отби-

рать у голодных овец последний корм, дробленку ли, сено, чтобы свезти их заезжему ли чеченцу или дачнику и променять на бутылку вонючего самогона? Избавь его, Господи, от такой судьбы... Избавь и сохрани.

И последнее. Уезжал я из Калача ранним утром. Утром же услышал по радио сообщение о президентском указе про землю. Не утерпел, зашел к районным властям. Было семь часов. По радио снова про указ говорили.

— Слышал? — спросили меня.

— Слышал, по радио.

— Вот и мы по радио...

— Ну и чего? — спросил я.

Молчание да вздохи были мне ответом: поживем, мол, увидим. Что ж, поживем...

Сентябрь — ноябрь 1993

НЫНЕШНИЙ ФЕВРАЛЬ

В районной гостинице, вручив мне ключи от номера, дежурная сказала: «На этаже темно». Слова ее я легкомысленно пропустил мимо ушей и понял их, лишь поднявшись на второй этаж. В коридоре — хоть глаз коли, нет ни единой лампочки. Ткнулся я было во тьму. Но как найдешь заветную дверь?.. Счел за благо отступить и вернуться на первый этаж, к дежурной. «Я ж говорила вам, темно», — повторила она. Кое-как разыскали мы коробок с двумя-тремя спичками. Снова поднявшись на второй этаж, зажег я неверный огонек и от двери к двери пошел разыскивать двадцатый номер, свой приют. Одна спичка погасла. Опять я очутился в кромешной тьме. Чиркнул, не зажглось. Потом повезло — спичка загорелась. И вновь я шел, подымая робкий огонь. Тьма нехотя расступалась. Но вздохнул я шумно, и снова — тьма. Последняя спичка. Но вот он — желанный номер. Замочную щель для ключа искал я ошупью. И в номере шарил по стенам в поисках выключателя. Отыскал в прихожей, щелкнул, но света как не было, так и нет.

Продолжил поиски в самом номере, куда пробивался с улицы неверный фонарный отсвет. И наконец сыскал, включил. Вспыхнула лампочка под потолком, освещая обыденное гостиничное: кровать, стол, пара стульев. Какой-никакой, а приют, спасенье от той непогоды, что за окном, где ветрено, сыро, по-зимнему зябко.

Прошлым летом встретил я двух знакомых руководителей хозяйств, ехали они на одной машине.

— Бензин экономите? — посмеялся я.

— Тоже дело нелишнее, — ответили мне. — Четыреста километров в один конец, а интерес — общий.

— Какой же?

— За опытом ездили.

— Привезли?

— Такого нам не надо. Не дай бог...

Разговорились. История обычная. В областном агропроме, на одном из совещаний, поставили в пример хозяйство, бывший колхоз, который удачно преобразовался в ассоциацию фермеров. Пример этот нынче дорог. Большинство колхозных руководителей, особенно из тех, что помудрей, ясно понимают, что нынешняя система организации труда на селе отжила. Государственный корабль, повернув круто, направился в доселе чужие воды под названием «рынок». Тут не спасешься, отрещиваясь: «Чур меня!» Налицо очевидное: некуда мясо сбывать, овощи, а если и сбудешь, то себе в убыток и денег не дождешься. Чем платить людям? Чем кормиться? Чем хозяйство держать? Вопросов столько, что семь мудрецов не ответят. Да и где эти мудрецы? Прежде за опытом колхозным ездили к Штепо в «Волго-Дон». Нынче — пора иная. Вот и рыщут...

Знакомцы мои коротко рассказывали, что рекомендованный в агропроме колхоз реорганизацию провел просто: разделились на семь коллективов. Шесть из них получили по 600—700 гектаров земли и животноводство в придачу. Седьмой, где оказались «свои да наши», во главе с бывшим председателем взял вдвое больше земли, хорошую технику и ни одной убыточной буренки. Прошел год. Буренки разо-

рили своих хозяев — сплошные убытки. Председательский «зерновой» кооператив цветет и здравствует. Начались свары, потравы, поджоги, полетели во все стороны жалобы. Сотня комиссий перебивала здесь. Но разбирательства проходили скоро: «Голосовали за раздел?» — «Голосовали». — «Выходит, на самих себя и жалуйтесь».

Вот тебе и обещанный «пример для подражания».

На хуторе 1-я Березовка, в колхозе имени Ленина, эксперимент начали с приходом нового председателя. Немалый чин областного агропрома, всю жизнь сельским хозяйством руководивший, выйдя на пенсию, он вернулся на родину, в 1-ю Березовку, и начал реорганизацию. Вовсе не корить я хочу ныне покойного. Желал он землякам, конечно, добра. И казалось ему: колхозы свое отжили, надо создать союз фермерских кооперативов. Людей убедить было просто: «Уйдем из колхоза, реорганизуемся, не будем пять лет платить налогов, кредиты будем брать под четыре процента, а не под восемьдесят три».

Преимущества нового ясны были как белый день. И вместо колхоза имени Ленина появились «Нива», «Колос», «Надежда»... Теоретически все было верно: каждый занимается своим делом. Свиноферма свиней растит. «Надежда» доит коров. А корма для «Надежды» заготовит «Нива», которой отдали поливной участок. «Колос» займется зерном. Но гладко все было лишь на бумаге. «Нива», как нынче говорят, по дворам корма растащила, не оставив «Надежде» да свиноферме никаких надежд. Своими силами животноводы не смогли обойтись, потому что не было техники. Пришлось корма закупать на стороне. А деньги откуда взять?

В первый же год работы по-новому от семи тысяч свиней осталось семьсот. Вдвое уменьшилось поголовье крупного рогатого скота. Пошел разброд, взаимные обвинения, свары. Люди оставались без работы, а те, кто ее не потеряли, получали копейки. «Наши “спецы” химичат. Себе в карман кладут», — смекали догадливые.

А эти самые «спецы» — нынешние руководители — не знали, как концы с концами свести: как уберечь от гибели остаток коров, как землю вспахать да засеять, как людям объяснить, что нынешним горьким днем жизнь не кончается.

С Василием Степановичем Инякиным, Василием Ивановичем Панченко прошлым летом встречался я не раз.

— Ждем только на патриотизм, — говорил Василий Степанович. — Надо скотину спасать.

— А понимают? — спрашивал я.

— Кто как... Часть понимает. Всю жизнь при скотине. Жалеют ее. Но не все.

— Куда все подевалось?.. — разводил руками Панченко. — Ведь в колхозе всегда лишняя была техника, механизаторов не хватало. Ее продавали по цене металлолома. «МТЗ» стояли, про сеялки, косилки и говорить нечего. А как разделились, оказалось, что ничего нет и все нужно снова покупать.

Осенью, получив деньги за зерно, купили тракторы, по ценам великим. Но ведь без них не обойдешься. Понемногу пытаются восстанавливать поголовье скота. О какой-то сносной зарплате и речи нет. Такова цена реорганизации.

В одной из областных контор при мне укоряли В. И. Панченко:

— Неправильно вы все делали, — внушали ему. — Нужно было заводить счета отдельные. Каждое подразделение должно рублем отвечать... Обговорить штрафные санкции... Объяснить людям. Поехать поучиться, например, в Кузницы Иловлинского района. Там сделали по-умному. Не то что вы.

В. И. Панченко, понурился, лишь вздохнул, зная, что начальству перечить — пустое. Перемолчал и я, хотя бывал в Кузнецках и видел, как «по-умному» там делились. «Умный дележ» довел до того, что милицию вызывали, чтобы выгнать «чужие» комбайны с «моего» поля. Выгнали, урожай погубили, часть его так и оставили под снегом. Но вот для областного начальства это был передовой опыт, «умный дележ».

Хутор Попереченский, оправдывая свое имя, одним из первых в районе и области пошел поперек привычной жизни, напрочь развалив совхоз «Аксайский». Такие «поперечники» есть теперь почти в каждом районе. Оправдываются слова одного из руководителей областного агропрома: «Надо в каждом районе распустить по одному колхозу и поглядеть, что получится». В Попереченском развал

начал главный агроном В. С. Николаев. Это становится правилом — уход главного агронома с группой хороших механизаторов. Агрономы — люди грамотные. Они видят, что зерноводство дает прибыль, а животноводство ее съедает. Все очень просто: балласт — долой. В феврале 1992 года сорок пять механизаторов во главе с Николаевым вышли из совхоза, организовав товарищество «Степь». Получили они 4500 гектаров земли, технику, взяли кредиты, на которые еще тракторов да комбайнов купили. Хорошо поработали, погода помогла, и вот он — высокий урожай, а значит, деньги, не сравнимые с теми, что зарабатывали в совхозе, у которого в довеске дойный гурт: овцы, гуляк, социальные нужды. Зима 1992/93 года стала концом совхоза «Аксайский». Люди поняли, что можно жить по-другому. Начался развал ли, раздел. «Рассвет», «Кристалл», «Искра», «Маяк» — названия новых товариществ были хорошие, с надеждой на лучшее впереди. Хотя и тогда, в марте 1993 года, ясного было мало.

— Только создали крестьянские хозяйства, пришлось объединяться в товарищества, потому что для них — налоговые льготы. Создали товарищества, впору снова разъединяться, потому что товарищество — это, оказывается, мини-колхоз и льготы вовсе не для него.

— В нашем ТОО тридцать девять семей. Теперь тридцать девять счетов в банке открывать? И тридцать девять кредитов брать? И тридцать девять отчетов? Тридцать девять балансов? А на кого оформлять единственный комбайн? А если не делиться, то налог на прибыль тридцать три процента сразу нас задушит.

— С молоком возиться невыгодно. Крупный рогатый скот, доставшийся при дележе, сдали на мясо.

— Голова кругом идет. Кто мы? Нищие с дырявым карманом. Зарплаты никакой не получаем, и не видать нам ее до ноября.

Это — разговоры мартовские 1993 года. Теперь — январь 1994-го. Год без совхоза. Как прожил его хутор Попереченский и как живет?

Лето выдалось к новым и старым хозяевам доброе. На Бога не будем грешить: дал дождей и тепла.

Машину, на которой мы ехали по хутору с главой сельской администрации, остановил человек:

— Хлебушка лишнего нет, Григорьевич?

— Нет, — ответил Иван Григорьевич. Для села все это привычно: очередь у магазина, заветная хлебовозка. Для хутора Попереченского такие картины лишь в памяти. Часом позднее Калашников принесет и закроет в шкаф неполный мешок с хлебными буханками. Они предназначены для молодых учителей из общежития.

— Свой печем, по домам, мука у всех есть, — объяснили мне. Рядом, через дорогу, пекарня со всем оборудованием. Она стоит. Есть и машина-хлебовозка, прежде она возила хлеб из соседнего хутора. Теперь «на приколе». Шофер просил повысить зарплату. Из каких средств? Сельский голова — Иван Григорьевич — собрал глав крестьянских хозяйств: «Давайте доплачивать шоферу. Сбросьтесь — и будем с хлебом». Отказались сбрасываться: «Нам не надо. Мы муку завезли».

Новые времена, новые хозяева, новые порядки. Лишь хутор остался тот же — Попереченский, бывший совхоз «Аксайский», молодое хозяйство, которому от роду было шесть лет.

Образовался «Аксайский» в 1986 году, выделившись из совхоза «Выпасной». Тогда на хуторе было восемьсот жителей и один телефон. Через шесть лет число жителей и работников выросло вдвое. Совхоз «Аксайский» имел 21 тысячу гектаров пашни, 400 коров, 27 тысяч овец. Молока сдавали до 800 тонн, мяса до 600 тонн, шерсти 800 центнеров, хлеба (в 1991 году) 15 920 тонн.

Как всякое молодое хозяйство, «Аксайский» с помощью государства энергично развивался. Было построено очень много. Производственные помещения: гараж на пятьдесят автомобилей с машинным двором, машинно-тракторная мастерская с теплой стоянкой на двадцать пять тракторов, стройчасть с пилорамой, складами, газовый склад с хозяйством, крытый ток, два зерносклада, восемь кошар с жильем для чабанов (там проводили областные семинары, показывая, как нужно обустроить овцеводческие «точки»), нефтебаза, птичник и даже перерабатывающий комплекс с пол-

ным циклом — от забоя овцы до производства колбасы, мясокостной муки, выделки овчин и пошива шубных изделий. Это для работы. А для людей, для жизни было построено пятьдесят квартир, два больших магазина (500 кв. м полезной площади), пекарня с кулинарией — там делали и мороженое, столовая по улучшенному проекту на 360 кв. м. Дом быта (250 кв. м) с парикмахерской, швейным цехом, ремонтом телевизоров и прочей техники. Школьный интернат. Медицинский профилакторий с детским и зубоорачебным кабинетами, лечебными ваннами, душами, физиотерапией. Построили, закупили оборудование, но не успели ввести в строй. Подвели под крышу детский комбинат на сто сорок детей. Старый, на пятьдесят, стал тесен. Заложили новую баню с бассейном, сауной, кафе. Поставили АТС на сто абонентов. Детей в школу с хуторов и чабанских точек возили на автобусе.

Все, что было, не сразу и припомнишь. Тир, например. И более важное: рушилка для гречки и проса, давяльня, чтобы свое масло иметь. Сепаратор, чтобы принимать от людей молоко и сразу его перегонять.

Понимаю, что скучновато этот список читать: детсад да баня... рушилка. Но все это — хуторская жизнь, цену которой можно понять, лишь потеряв нажитое. Все это было. Нынче, в январе 1994-го, станем считать, что нашли, что потеряли в Попереченском за год, прожитый по-новому.

Животноводство бывшего совхоза практически ликвидировано. Коров раздали по дворам, пустили «под нож». Из 27 тысяч овец наберется ли теперь тысяча-другая? Большая часть их передохла, пока шел дележ. Остатки — «под нож». Что говорить об овцах, если из восьми новых капитальных кошар, которыми на всю область гордились, шесть уже уничтожены. Все равно пропадать, растянут. Говорят, что и железобетонные балки уже в ход пошли. Увозят.

Владимир Сергеевич Николаев, председатель первого в хуторе товарищества под названием «Степь», сказал ясно: «Животноводство экономически не выгодно. Поэтому его и нет. Вся наша область и Ростовская овцу потеряли. Если шерсть не берут, зачем овца?»

Николаев, повторюсь, бывший главный агроном. Дело в его товариществе идет неплохо. В 1993 году 1700 гектаров «озимки» дали в среднем по 37,5 центнера. Подсчитали, что у каждого работника годовой заработок около 7 миллионов рублей. Правда, получили пока от государства лишь половину. Но купили почти два десятка новых «Жигулей». Об этом знает весь район. И если нынешней зимой распадется еще один котельниковский колхоз, то один из главных доводов будет: «Двадцать “Жигулей” люди купили!»

Владимир Сергеевич молод, по виду энергичен, хвалят его как агронома. Своим нынешним положением он доволен.

— Производительность труда, дисциплина несравнимо выше, чем в совхозе, — говорит он. — Из сорока пяти человек у нас двое управленцев: бухгалтер и я. На мне банк, элеватор, запчасти, горючее и электричество. Имею диплом, допуск. За тем, кто как работает, я не слежу, никого не подгоняю. У нас рабочий день стоит тридцать тысяч рублей. Люди сами понимают и друг за другом глядят. Трех мы выгнали за пьянку. От желающих к нам прийти отбоя нет. Но мы никого не берем, только детей членов нашего товарищества. Народ у нас и так лишний. Мало земли. Можно бы десять-двенадцать человек убрать. Но куда им деваться? Пусть работают. Есть у нас пенсионеры. На доход с земли они права не имеют. Но мы им выделили нынче по шесть-восемь тонн зерна, по двести пятьдесят тюков сена, соломы — по потребности, муки привезли, гречки. Они довольны. То, что совхоз разделился, хорошо. Но государство должно понимать: это первый шаг. Поделили. Кто-то работает, у других — земля в бурьяне. Нужен высокий налог на землю. Тогда будет невыгодно зря держать ее. Неумелые и лодыри землю продадут нам, настоящим работникам. Мы ее купим. У нас земли сейчас мало. И конечно, нужны честные отношения. Мы продали государству зерно в августе, сейчас — январь. Где наши деньги? За полгода от каждой тысячи осталось сто пятьдесят рублей, остальные съела инфляция. И сколько еще съест? Мы ремонт не можем вести, нет запчастей. Нам сепараторы нужны для очистки семян. Где наши деньги? А если по-честному, то работать

можно. И легче стало. Люди зимой отдыхают. Нагрузки не очень большие. Получается труд в удовольствие.

Еще один собеседник: Иван Владимирович Коротков, бывший главный инженер совхоза, ныне председатель товарищества «Искра». Говорят, что окончательно развалил совхоз именно он. Не все хотели уходить. На том, последнем, собрании Иван Владимирович выступил резко и четко: «Расходиться!». Прежде ушел главный агроном, теперь — главный инженер, люди молодые, грамотные. Не зря уходят... Позиция И. В. Короткова оказалась решающей. Собрание большинством проголосовало за раздел совхоза.

Прошел год. В «Искре» у Короткова двадцать работников, 1500 гектаров пашни. При разделе получили тракторы и комбайны, на которых работают. Свою долю крупного рогатого скота сдали на мясокомбинат. Овец досталось две отары. Большинство из них пало. «Животноводство не выгодно» — тот же вывод, что и у Николаева. Во-первых, оно убыточно, во-вторых, вяжет руки. Когда я говорил с молодыми механизаторами из «Искры», они сказали: «Работать сейчас проще. Раньше всю зиму на скотину работаешь: корма, навоз. Теперь ее нет. Стало гораздо легче».

«Производственная дисциплина теперь намного выше, — говорит Коротков. — На севе ли, на пахоте, на ремонте. — И заработок был бы сносный, если бы государство не обмануло. Мы ведь, как люди честные, девятьсот тонн хлеба сдали. А денег нет».

О том, что люди стали работать ответственнее, говорят все. Заместитель председателя районного сельхозкомитета В. Т. Алпатов вспоминает, что прежде в совхоз «Аксайский» ежегодно возили помощников из райцентра на пахоту, сев и уборку. Нынче людей не прибавилось, а со всеми работами справились сами.

С землей справились. Правда, не все. Недаром ждет Николаев серьезного налога на землю. С зерновыми сладили, тем более природа ли, Бог помогли получить редкостный урожай.

Животноводство свели к нулю. Но потеряли не только коров да овец, но, думается, и перспективу. Ведь здешние места — полупустыня. Славилась она всегда дешевой бара-

ниной, шерстью. О серьезном зерноводстве можно не говорить, если засухи бывают по три года подряд.

Еще зимой прошлого года, когда раздел только начался, появились в жизни хутора приметы тревожные. О них говорили:

— Хлеб доставляется с перебоями.

— Учеников из других хуторов в школу не возят. Школьный интернат не работает, детей кормить нечем.

— Дети у нас сейчас школу не посещают, не на чем возить. Роженицу недавно не могли в роддом отправить.

— Принять социальную сферу от бывшего совхоза мы вряд ли сможем. Фермеры же говорят: мы налоги платим в госбюджет — вот пусть государство и раскошеляется.

Это говорили уже в первые дни после «кончины» совхоза. Правда, звучали и успокаивающие нотки:

— Даст бог, все наладится...

«Образуется...», «наладится...», «даст бог...» — такие вот были «весомые» доводы.

Давайте посмотрим, что же дал Бог.

Хутор Попереченский. Январь 1994 года.

Во-первых, «хлеб наш насущный даждь нам...». О нем я уже сказал. Его пекут по домам, каждый себе. Хотя пекарня — в центре хутора. И машина-хлебовозка есть. Но не могут новые хозяева сговориться, кто и сколько водителю будет платить. Да и соседнее хозяйство, откуда хлеб возили, резонно попросило оплачивать часть расходов по выпечке. «Лучше возить из райцентра, — говорят на хуторе. — Хоть пятьдесят километров, но ничего не требуют». Будут не будут возить, будут не будут печь? Это пока лишь вопросы. А сегодня добывает хуторской голова печеный хлеб молодым учительницам из общежития. У них ведь ни муки нет, ни русской печки. Но не хлебом единым живет человек, вчера и ныне. И всегдашние свои обычаи, образ жизни не может изменить разом. Ко всему нужно привыкать.

К детям, не все из которых могут нынче учиться в школе. Для хутора Попереченского это новый и горький факт. Раньше совхозный автобус привозил в интернат ребяташек

с третьего отделения, с чабанских точек. Кормили их, содержали на совхозные средства. Нет совхоза, а значит, нет интерната. При дележе имущества просила школа отдать ей автобус. Не отдали. «Наш нажиток, а школа государственная...» Пустили автобус «на пай» и растащили. Одна коробка осталась. Детей возить в школу не на чем. Кто-то своих возит на мотоцикле, на тракторе. А кто-то махнул рукой: «Обойдутся...» Обходятся. Дома сидят.

К слову, товарищество «Степь» купило себе автобус. «Когда свадьбы гулять, нужен... Новобранцев в военкомат отвезти, надо ведь проводить их... Родители, родные...» Все члены «Степи» живут в Попереченском. Их дети до школы пешком дойдут. Другие? Другие пусть думают сами. Колхоз кончился. Да, совхоз ли, колхоз кончился. И первыми это почувяли дети. Районные олимпиады, спортивные соревнования за пределами хутора, экскурсии — всё в прошлом. Не на чем ехать. Плохо в школе с освещением, оно часто выходит из строя. «Независимые» электрики требуют плату вперед. Ремонт, отопление... Раньше помогал совхоз. Теперь надежда на сельскую администрацию, у которой денег нет. Ездят, просят в районе, и там пока не отказывают. Но каждый день кланяться горько. И еще хорошо, что лишь в Попереченском да в Пимено-Чернях развалились колхозы. Двум «сиротам» районные власти не откажут. А завтра их сколько будет, этих «сирот»? Выдержит районный бюджет? Вряд ли...

А ведь в Попереченском — школа старая, потолок еще год-два — и рухнет. Собирались новую ставить, готовили проект. Теперь это мечты. Да и будет ли средняя школа в Попереченском? Выживет ли? Прежде жилье было совхозным. Получали его и учителя. Кто-то уезжал, освобождая квартиру. Нынче все жилье раздали в собственность. Нового строить, конечно, не будут. Уже сейчас молодые учительницы не знают, куда голову прислонить. Жили при сельсовете. Потом им отвели бывший Дом быта. А принадлежит он на правах собственности одному из товариществ. Сегодня учителей пустили, завтра выгонят. Да и не больно завидно это «приспособленное» жилье. А впереди никаких надежд. Да и сегодня думай о хлебе, о баллонном газе. Привезут ли, не привезут...

Из шестнадцати учителей, по словам директора, четверо ищут работу в других местах. Школе нужны будут два преподавателя русского языка и литературы, один математик. Про иностранный язык здесь и не вспоминают. Районо заявки на учителей от школы не примет, так как нет жилья. А значит, нормальная работа школы в ближайшем будущем уже под большим вопросом.

Что еще потеряно ли, теряется? Парикмахерская, швейная мастерская, пункт ремонта телевизоров и прочей техники — все закрылось. Столовая — теперь тоже частная собственность — на замке. Из двух магазинов работает один. Но оживления в нем не видно. Помещение большое, холодное, полупустое.

Закрылась старая баня. Некому ее содержать. Фундамент новой понемногу зарастает. Старый детский сад закрылся. Строительство нового, уже под крышу подведенного, остановлено. Клуб тоже закрыт.

Новое здание хуторской медицины находится в центре хутора. Построить его успели, даже оборудование закупили в совхозные времена. До конца дело не довели. Пришла пора нынешняя. Вот и ходим мы с хуторским головой Иваном Григорьевичем по пустым кабинетам. Здесь должны быть лечебные ванны, циркулярный душ и Шарко, физиотерапия... Уже протекает крыша. Хозяина нет. А без хозяйина любой двор — сирота.

Вот тут мы и подбираемся к основному вопросу: кончается ли жизнь на хуторе с развалом колхоза? Должна ли кончиться, потихоньку замирая без хлеба, без школы, без бани, без медицины?.. Ведь мы так долго и мучительно соображали: почему гибнет российское село? Почему люди уходят, оставляя землю отцов? Почему вчерашняя пашня обращается в дикое поле? Искали мы долго, пока наконец поняли простую истину: сельский человек хочет жить по-человечески. Иметь удобное жилье, медицину, бытовую службу, школу, отдых. Поняв, плохо ли, хорошо, начали созидать. Хутор Попереченский тому пример. Теперь за год все рухнуло. Конец света? Колхоз ушел. Кто остался? Администрация. Хуторская да районная. Это им новые хозяева писали заявления: «... прошу решить вопросы: о предоставлении в соб-

ственность земельного участка... о предоставлении в аренду сроком на... пашни богарной... пашни орошаемой...»

Значит, они хозяева?

Спрашиваю об этом главу Попереченской сельской администрации:

— Вы хозяин хутора и округа?

— Какой я хозяин, — вздыхает Иван Григорьевич. — Прокурор меня строго предупредил: гляди не издавай никаких приказов. Приказывать не имеешь права, а лишь просить.

Вот он и просит. Школе нужны новые котлы отопления и топливо. 2,5 миллиона да 7 миллионов. Едет в райцентр. «Помогите...» Помогают. В хуторе четыре артезианские скважины. Из них все пьют. Конечно, случаются поломки. Где денег брать? То по дворам собирал. Потом созвал руководителей крестьянских хозяйств, просит: «Возьмите каждый по скважине, обеспечьте работу. Сами же пьете...» Одни взяли, а другие отказались. Резон весомый: «Мы платим налоги, пускай государство...» Сегодня отказались одни, завтра, на них глядя, откажутся другие. Так в любом деле. Проси и упрасивай. Все — люди свои. Но у каждого теперь главная дума о личном.

Прав Николаев, председатель «Степи»:

— То, с чем обращается к нам глава хуторской администрации, мы посильно делаем. Но плохо то, что, как и прежний председатель Совета, он — нищий. Он просит. Он ходит с протянутой рукой. Разве это власть? У него должны быть деньги, которые мы должны платить в виде налогов. На землю налог, на воду, на коммунальное хозяйство. Мы должны платить, а он на эти средства обеспечивать нормальную жизнь хуторян. А теперь... Дали мы школе двести тысяч... Выложили около трех миллионов на оборудование кабинета зубного врача. А другие?..

Рано ли, поздно на этот вопрос придется отвечать. Одни дали. А другие не дали. И не дадут. «Степь» всю «медицину» не потянет. Да еще хорошо нынче год удачный, с доходом. А завтра — неурожай. У «Степи» карман опустеет. Не придется ли хуторянам зубы лечить лишь в урожайные годы?

Что ни говори, как ни загадывай по-доброму наперед, а хутор Попереченский потерял очень многое. И дело даже не в рушилке для гречки и проса, не в сепараторе, не в прес-се для масла, которых после дележа не сыщут: «Там же были... Брезентом накрыты». — «Были, да сплыли...» Дело не в почте, которая теперь приходит на хутор в неделю раз, и если газету выписываешь, получай сразу пачку. Коли есть что получать. Средняя школа на 1994 год выписала по бедности лишь «Комсомолку» да «Учительскую». Все это вроде жизненные мелочи: закрыты баня и клуб. Пустая двухэтажная контора, в которой стекла бьют. И молоковозы теперь из Попереченского не спешат в райцентр. Потеряли работу женщины. Хорошо это или плохо?.. Кому как... Если муж работает, проживут. А если нет мужа? Чем жить?

От хутора Попереченского осталось одно несладкое воспоминание, от которого не уйти. Думается мне теперь о тех детях — на хуторе ли Бударка или на 2-м отделении в «Рассвете»... О тех ребятишках, которые после развала совхоза не учатся в школе. Непривычно это для нас. Умом понятно: такие пришли времена. Но горечь на сердце. И от этого никуда не уйти.

Колхоз «Путь к коммунизму» того же Котельниковского района был распущен по воле общего собрания, как и «Аксацкий», год назад, в начале 1993 года. Так же, как в Попереченском, годом ранее вышел из колхоза главный агроном с группой механизаторов, занявшись зерноводством. Сравнивая жизнь и заработки новых хозяев и свою, через год разошелся и весь колхоз.

19 тысяч гектаров пашни. 3,5 тысячи крупного рогатого скота, 850 дойных коров. До 18 тысяч овец было в колхозе, до 3 тысяч свиней. Сдавал государству «Путь к коммунизму» до 2 тысяч тонн молока в год, до 800 тонн мяса, 400 тонн шерсти, хлеба почти 14 тысяч тонн.

Нынче, через год после колхоза, овцеводство практически ликвидировано. От крупного рогатого скота осталась лишь ферма в Нижних Чернях. Там люди не разошлись, образовав свой хуторской колхоз.

И все остальное — судьба школы, детского сада, торгового центра, бытовых служб — такое же, как в Попереченском.

Правда, детский сад после двухмесячного закрытия работает вновь, держась на энергии В. С. Пименовой, его заведующей.

Вечер февральского дня. За окном — желтый закат. Наконец-то и к нам пришла зима. Но без снега. На воле — холодно, ветрено. В догорающем дне есть что-то печальное — в сумерках его, в первых огнях домов, в наступающей ночи. День прошел. Еще один день нашей жизни.

Из последней поездки вернулся я неделю назад. И чуть раньше, в начале января, в конце декабря, тоже была дорога. А что помнится?.. Сладкого мало.

В последний раз, в одном из бывших колхозов, сказано было с горечью:

— Чего без толку говорить? Ездите, глядите... Помог бы кто.

А месяцем раньше в районном агропроме и вовсе на меня в атаку пошли:

— Это вы виноваты! Вместо того чтобы своим делом заниматься, вы колхозы разваливали, писали, подстрекали! Вот теперь радуйтесь!

Что ответить... Потом, когда улеглась горечь, подумалось с усмешкой: «Оказывается, как мы, литераторы, сильны. Страну перевернули...»

Нет, это жизнь повернула! А на земле, на селе поворачивает в русло естественное. Не мог же спутанный, скованный крестьянин вечно сидеть на привязи. Без права строиться с места, без права переменить судьбу, без права работать по своему разумению и силе.

Потому что никакой самый плохой хозяин, недоумок, не станет держать корову, которая в день дает стакан молока — 0,2 литра, как и сегодня пишется в строке отчета. Он не станет держать сто сорок семь свиноматок, из которых только тринадцать принесли приплод. А среднесуточные привесы в 19 граммов? Это ведь не вымысел, не страшный сон, а наше сельскохозяйственное производство дня вчерашнего и нынешнего.

Но как больно, как страшно порой свершаются перемены. Как тяжело даже просто видеть, глядеть, когда не человеческий разум, а страсти вершат судьбу.

Милая молодая женщина Валентина Владимировна Анопко, глава Пимено-Чернянской сельской администрации, с болью говорит:

— Начали делиться. Всё тащат. Пришли утром в сельсовет, стекол нет. Стекла вынули! Тянут всё, вплоть до штакетника. Не успели закрыть детский сад, профилакторий, ковровые дорожки утянули. Я соберу всех, кричу: «Мужики! Что вы делаете?! Свое растаскиваете! У себя, у детей своих тащите!» Спасибо, в Пимено-Чернях детсад отстояли, и там в тепле и уюте растут ребятишки. Двух сторожей наняли. И не зря. Ведь в местах иных вдрызг разбиты вчера еще уютные клубы, грабят детские сады. В холодных стенах остаются лишь раздавленные тяжелыми сапогами ни в чем не повинные куклы.

Сейчас вот сижу пишу. Февральский вечер. Желтый, режущий закат. Это к холоду. Душа просит тепла. И вспоминаю школу. В Пимено-Чернях, в «Рассвете», в Попереченском. Детишки. Милые лица сельских учителей. Они из доброй страны, из детства.

— Спасибо, что приехали, послушали нас, — говорили мне в «Рассвете», где с ноября не топится школа, а занятия идут в интернате, там теперь и классы, и спальные комнаты.

Учительская в Пимено-Чернях. И разговоры будто несладкие: о земле, о бывшем колхозе, о новых заботах, тревогах. Но душа спокойна, потому что рядом не отчаянье и злость, но материнская мудрость.

Спасибо вам, сельские учителя. Спасибо. Простите нас за то, что, как и прежде, со вздохом говорите вы о вечных дровах да угле, которые будто положены, о том... Нет, сельский учитель не профессия, а судьба. Достойные ее принимают. Награда им — детские души, глаза, открытые настежь. Это — высшее... А земное?

Поговорим о земном. С уходом колхоза сельская школа и сельская медицина теряют своего главного попечителя. Рядом другого нет. Колхоз помогал строить школу, давал жилье учителям, медикам. И в ежедневных своих заботах полагались на колхоз. Один председатель был щедрее, дру-

гой прижмистее, но напрочь отринуть людские заботы не смел никто. Этого не позволяли ни власть, ни добрые люди.

Бывший колхоз в хуторе Небыков построил школу. Но стоит она на замке. Все колхозное жилье выкуплено. Нового строить некому. Куда приедут учителя? Новые хозяева им жилья не построят. Прежде небыковская детвора училась в Пимено-Чернях, где находилось правление колхоза, средняя школа, интернат с бесплатным питанием. Колхоз рухнул. Пимено-Чернянская школа наемкнула небыковским фермерам, что нужно помогать топливом школе. Намек был понят. Фермеры перевели своих детей на учебу в Чилеково. Пусть и неблизкий путь. Но там совхоз живой, школу содержит, кормит школьников. И как говорит тамошний директор совхоза: «Не буду же я у небыковского Васи ли, Пети тарелку щей отбирать. Он-то в чем виноват». Кстати, возят из Небыкова детей в чилековскую школу две могучие машины. Хотя справилась бы одна. Но это дети «наши», а это «ваши». Колхоз кончился.

И потому в Пимено-Чернях некоторые детишки с новогодней елки пошли не с подарками, а со слезами. Деньги на подарки из района припоздали, да и что купишь на 1500 рублей.

Собирали с родителей по 5 тысяч. Не всякая семья могла себе это позволить. Ведь на селе теперь и безработные есть, и получающие по 5 да 10 тысяч рублей в месяц. И ожидающие этой зарплаты с сентября 1993 года.

В другом районе, другом хуторе, где колхоз понемногу расходится, но еще жив, правление выделило деньги на подарки только своим, колхозным. Тоже обиды.

— Мы все теперь в классе делимся, кто в каком кооперативе. А с чужими не дружим.

— Мама, а мы к какому фермеру принадлежим?

Трещина ли, разлом на селе проходят по детским душам.

В Попереченском да Пимено-Чернях, в «Волжанке» совхоз да колхозы разваливала жизнь. И теперь в самом худшем и горьком кого упрекать?

По-иному было в «Рассвете» Ленинского района.

«Мы решили сделать “Рассвет”, — говорит председатель Ленинского комитета по сельскому хозяйству Г. А. Фомин, —

своего рода испытательным полигоном, по опыту которого могли бы сориентироваться остальные хозяйства. А настоятельная необходимость в этом есть. За три последних года район по аграрному производству упал до уровня 1972 года, а по уровню поголовья в общественном животноводстве до уровня 1962 года. Ясно, что тут сказалась неэффективность всей командно-административной системы. Но и тем более было бы непростительным до крайности усугубить это положение при неумелом, необдуманном проведении реформы. Делить колхозно-совхозную собственность, по нашему глубокому убеждению, надо так, чтобы непременно приумножить ее. Вот с этой-то задачей, будем надеяться, как раз и справились в «Рассвете»».

Слова Фомина я беру из статьи областной газеты годичной давности. Статья озаглавлена: «Разделить, но так, чтобы приумножить». С оптимистической концовкой: «...Опыт «Рассвета» действительно станет ориентиром для других хозяйств области».

В колхозе «Рассвет» и вправду расформирование проводили не как Бог пошлет, а организовано. Почти четыре месяца в хозяйстве работали ученые из Всесоюзного научно-исследовательского института экономики труда и управления сельским хозяйством в содружестве со специалистами из областного и районного центра. Реорганизация велась под руководством бывшего председателя колхоза В. П. Мамаева, ставшего главой одного из крестьянских хозяйств, а также председателем ассоциации на землях бывшего колхоза. Сейчас выпущено методическое пособие «Опыт расформирования сельскохозяйственных предприятий» на примере «Рассвета», под эгидой Министерства сельского хозяйства, российской сельхозакадемии и вышеупомянутого института. Авторский коллектив во главе с академиком.

Никого не хочу укорять. Все мы умные задним числом. Кулаками махать после драки умеем. Но у семи вовсе не глупых нянек дите оказалось с большим изъясном. «Разделить, но так, чтобы приумножить», не получилось. И «сохранить размеры и специализацию животноводческих ферм» тоже не вышло.

До раздела в колхозе было 2 639 голов крупного рогатого скота, осталась нынче лишь одна тысяча, дойных коров уменьшилось втрое. Из 16 тысяч овец осталось 6 тысяч. Бывшие коровники да кошары опустели, в них гуляет теперь только ветер. И если по всему району за 1993 год поголовье скота сократилось вдвое, то в бывшем «Рассвете» чуть не втрое.

Нужна ли была реформация? Бывший председатель колхоза В. П. Мамаев, ныне глава своего хозяйства, считает, что нужна. Вызвана она была несколькими причинами. Во-первых, после Указа президента колхоз, а значит, каждый из его членов начал терять землю, ее по двести да триста гектаров раздавали пришлым.

Во-вторых, колхоз был поставлен в невыгодное положение по сравнению с фермерами по налогам и кредитам. А в-третьих, по-старому хозяйствовать было уже невозможно из-за общего развала в стране, который повлек падение дисциплины, производительности, а значит, и результатов.

— Дороги назад нет, — закончил разговор Василий Петрович. — Кто хочет работать и умеет, тот будет жить. А лодыри... — махнул он рукой.

Все понятно.

За селеньем, налево, разбитая дорога ведет к фермам, к жилью возле них. Две улицы чуть отступают от коровников. Живут в них те, кто у скотины работает.

Животноводческие фермы, открытые базы стоят друг подле друга шеренгой. Восемь просторных ферм. Большая часть уже пустует.

В товариществе «Луч», которым руководит Н. И. Потехин, бывший заведующий колхозным МТФ, работают животноводы: доярки, скотники. У них почти двести дойных коров, много молодняка. Н. И. Молтянинова, Г. К. Назарова, Ф. А. Новожилова не один десяток лет проработали здесь доярками.

— Тридцать лет назад приехала сюда, — вспоминает одна из них. — Ничего не было, чистое поле. Работали, строили, столько скотины развели, а разорили всё в один год.

— Но вы же сами решили разойтись, — возразил я. — Колхоз ликвидировали по вашей воле.

— Нас никто не спрашивал! За нас всё решили. Расходитесь, и всё!

Разговор был о жизни, о незаживающей боли. Подошли другие скотники, доярки. Говорили одно:

— Не спрашивали нас!

— Из Москвы приехали люди, из города, одно твердят: «Расходитесь!»

— У вас же собрания были. Три собрания. Первое — в августе девяносто второго года. Второе...

Меня прерывают:

— Велят: расходитесь! Из Москвы приказ!

— Кто не хочет, останется один на кургане! Так мне председатель сказал! А еще, помню, спросила: на каком кургане — на кладбище, что ли?

— Так и говорил: я с вами работать не буду.

— Разогнали!

— Какой был колхоз хороший... Долгов не было.

Стали говорить о нынешнем, но и здесь было мало сладкого:

— Мы коров пока не режем. Еще год будем держаться. Хоть наше молоко выгодней здесь вылить, чем в райцентр везти, такой бензин дорогой, запчасти, но мы всё же возим.

— Держимся. Не может же всегда так быть... Ведь молоко и мясо все равно будет нужно. А если всех порезать? Рядом поглядите. За две недели — под метлу. Полный гурт был скотины.

— Какую продали. А какая подохла, у «добрых» хозяев.

— Мы держимся. Всю жизнь — при скотине.

— Зарплата? Какая зарплата. Стыдно и говорить. На хлеб получаем. А живем своим.

— Все доходы мы на технику истратили, купили тракторы. Без них как работать?

Главы хозяйства Н. И. Потехина на месте не было: уехал он по делам. Но на ферме шла обычная зимняя работа — коров кормили, телят, подвозили солому, сено — все как и в прежние времена.

Позднее В. А. Жмаков, глава хозяйства «Надежда», агроном, механизатор, сказал мне:

— Торопились расходиться... Тридцать товариществ. Где набрать столько руководителей. Не у всех получается руководить людьми.

Это я понял, когда был у Потехина, рядом с которым соседствует товарищество «Юность». У них, кроме земли, дойный гурт. Пошел было я к ним, но меня остановили: «Не надо. Там...» Понятно мне стало, тем более от фермы несся шум и крик.

Торопились... Торопило ли время? Кого-то подгонял соседский пример. Боялись опоздать. Рядом, уже год назад, взяло землю и вышло из колхоза товарищество «Урожай» во главе с А. Г. Меркуловым.

На мой взгляд, опоздать боялись наиболее энергичные, грамотные, которые видели, куда в сельском хозяйстве дело идет. Недаром сказал В. П. Мамаев: «Возврата к прошлому нет». Хотя в разговорах с прежними колхозниками мысль о возврате к прошлому нередка.

— У нас овцы остались потому, что припугнули: снова колхоз начнется, спросят: куда овец подевали? И не примут, — услышал я в одном месте.

В другом сказали похожее:

— Соседи порезали коров, проели-пропили, говорят: все равно снова в колхоз. Нет уж. Мы-то своих сохранили. А вы меж собой и объединяйтесь.

Наверное, возврата и впрямь уже нет. Хотя по многим и многим раздел ударил больно. Появились в «Рассвете» и первые безработные. Н. Прокофьева, бывшая телятница, мать двоих малых детей, оказалась без дела. По привычке пошла к начальству. Кто теперь в поселке начальник? Глава администрации А. Е. Подмосковный. Он бы рад помочь, да не может. Обратился в одно товарищество, в другое. Никому работники не нужны. Своих куда девать, ведь поголовье в три раза снижено. Отправилась безработная в районный центр занятости, за пятьдесят километров. Оттуда, конечно же, позвонили Подмосковному: «Помогите...» Сказка про белого бычка. Где найти работу? Это не город. Белая степь кругом на многие десятки верст.

А. Е. Подмосковному и самому впору кричать: «Помогите!» Ведь разом легли на его плечи неизвестные прежде

заботы. В теоретической разработке по расформированию колхоза «Рассвет» записано четко: «Развитие социальной инфраструктуры в интересах членов крестьянских хозяйств, членов их семей, пенсионеров». Все это оказалось пустым звуком. Разойдясь из колхоза, все заботы о социальной сфере переложили на плечи поселковой администрации.

Детский сад, школа, клуб, баня, водопровод, дороги — всё, чем, кроме работы, живы люди в поселке. А денег у главы администрации нет. Не работает клуб, в нетопленном помещении библиотека, закрылась баня. Здешняя школа с ноября не топится. Теперь все ученики и учителя сбились в интернат. Там и классы, и спальни. Был бы колхоз, он бы помог. А теперь... «Мы всеми брошены», — говорит директор школы. Чахнет медпункт. Кто его вылечит?

Большинству учителей ни дров, ни угля не привезли. Нет денег в бюджете. Детей возить в школу некому. Словом, беды те самые, что в хуторах Попереченском, Пимено-Чернях, Небыково — их немного пока. А завтра — как знать?

В соседнем поселке в 1991 году вышел из колхоза агроном А. Аржанов с пятью механизаторами. Осенью 1993 года, получив хороший урожай, они пригнали в поселок шесть новеньких «Волг». Вот она, лучшая агитация! Нынче тридцать ли, сорок работников уйдут из колхоза. Как сказал один из них: «Я всю жизнь трудился за велосипед, а они за год — на “Волгах”». И всем ли невдомек, что Аржанов с товарищами получили земли по триста гектаров, такое было щедрое время. Нынешние выходцы получат по двадцать. Нет земли. Об этом не больно думают: как будут кормиться на клочке полупустыни, где урожай в 10 центнеров — уже удача. Или разбаловали нас последние три года, которые — словно редкий подарок? Забыли, как по три года подряд выжигала засуха? Как семь лет подряд солому изо всех краев возили? Видно, забыли, если на землях испокон скотоводческих устремились все в зерноводство.

Шесть «Волг», двадцать «Жигулей», новеньких, сияющих лаком, спят. И нет места раздумьям. Тем более о хуторской школе, о бане, о клубе, о буханке хлеба и, наконец, о тех людях, которые потеряют даже последнее, что имеют, — работу.

Повторяю за разом раз: пришли новые времена. И к старому дорога обрезана. Но к новому надо идти не со старой песней: «Все разрушим до основания, а потом...»

Потом будем гадать, где хлеба испечь, где помыться? Где детишек учить? Недаром один из сельских глав администрации сказал мне, словно удивляясь:

— Никогда не думал, что в нашем хуторе столько болеют. Прежде, в хорошем хозяйстве, все делалось будто само собой, налаженное за долгие годы, нажитое не только своим трудом и деньгами, но и с помощью всей страны. Из районной газеты я вычитал, что совхоз «Аксайский» за шесть лет своего существования получил от государства 4 миллиона 418 тысяч рублей (еще весомых, образца 1986 года), возвратил 258 тысяч. И если это верно, то кому по праву принадлежит все в хуторе построенное, а нынче поделенное? Вплоть до автобуса, который пожалели школьникам дать.

Повторюсь: порою не разум ведет людей, глухие страсти. «Полагаемся на здравый смысл нашего народа» — выписываю строку из «Манифеста» 19 февраля 1861 года. И там же: «...получая для себя более твердое основание собственности и большую свободу располагать своим хозяйством, они (крестьяне. — Б. Е.) становятся обязанными, пред обществом и пред самими собою, благотворность нового закона дополнить верным, благонамеренным и прилежным употреблением в дело дарованных им прав. Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством Закона».

У нас нынче тоже февраль, правда, год иной, век иной...

Январь — февраль 1994

В СНЕГАХ

Зима нынче, слава богу, снежная. Давно таких снегов не бывало. Вот и февраль пришел, а все сыплет, метет. Хорошо глядеть из окошка на снежную замять. Соскучились по снежку. Не грех и прогуляться по белой дороге ли, тропке. Вовсе хорошо, когда едешь заснеженной белой степью. Счет по окнам машины, ленивая поземка перебегает дорогу. По обочинам — стайки хохлатых жаворонков. Им — снег ли, метель — надо кормиться. Травы в степи нынче замело. В колено снег да в пояс. Вот и подались жаворонки к дороге.

Нынешний снег нашим людям в радость. Вспомнила наконец о нас небесная канцелярия, спохватилась. Ведь все прошлое лето — словно пёкло: с весны до осени — ни дождинки. Засуха, какой давно не бывало. Ко всем напастям еще и эта.

«...Обращаем Ваше внимание на катастрофическое положение в сельском хозяйстве, которое сложилось в результате диспаритета цен... и в связи с жесточайшей засухой».

Все верно: и диспаритет налицо, и засуха. Но нынче разговор о другом. Разговор о колдунах. Один из них живет в рабочем поселке Быково, в степном Заволжье. Виктор Андреевич Парчак, сорока трех лет, родом сельский, образование высшее, отец троих сыновей, до 1991 года трактор и комбайн не водил, пахать и сеять не умел. Работает со своим родственником Петром Николаевичем Смутневым, тоже начинающим хлеборобом, на четырехстах гектарах земли. В 1995 году, в жесточайшую засуху, получил по 32 центнера озимой пшеницы с гектара. А рядом, на той же земле, по 2—3 центнера наскребали.

— Колдун, — объяснили мне. — Везде — сушь, а над ним дожди идут. Значит, умеет колдовать.

Что ж... Познакомиться с колдуном всегда интересно. Но не зря говорят, что внешность порой обманчива. Виктор Андреевич оказался отнюдь не богатырем с плечами в косую сажень. Роста среднего и в плечах узковат. И все его хлеборобские успехи — это лишь работа.

И начало было обычным. 1990 год. Огляделись, подумали и поняли, что прежней жизни пришел конец. Надо начи-

нать новую. Четыре мужика, связанные родством и свойством, во главе с В. А. Парчаком взяли 1000 гектаров брошенной земли совхоза «Волжский».

— Неудобья... Это мягкое слово ничего не говорит, — вспоминает Парчак. — Эти земли более пяти лет не пахались. Осот там был выше человеческого роста и в руку толщиной. Там косули водились.

— Кто-кто?.. — удивленно переспрашиваю.

— Косули. Я сам удивился. Но ведь лес стоял осотовый, глушь, они и прижились. И уходить не хотели. Мы рубим осот... Буквально топорами рубим... Они уходят вглубь. Это были джунгли, а не пашня. С ранней весны мы начали чистить землю, пахать...

Но прежде чем пахать, был первый решительный шаг: несколько дней раздумий, а потом три месяца тяжелой маеты.

— Обдумали и решили, и правильно сделали, — вспоминает Парчак. — Заниматься землей — значит, надо иметь свою технику, а не ходить с протянутой рукой. Взяли кредит более двухсот тысяч рублей. 1990 год. Тогда это были великие деньги. Кое-кто за голову хватался: «С ума сходите?! Наберите старенького, подлатайте. На первое время сойдет». Мы взяли кредит. Техника тогда была недорогая, но купить ее было негде. За три зимних месяца я исколесил полстраны, а в области могу и сейчас нарисовать план всех райагроснабов. За три месяца я потерял одиннадцать килограммов веса, но к весне у нас была вся техника, нужная для работы. И брал я ее не внацяг, а с запасом, чтобы первые, самые трудные, пять лет быть во всеоружии.

С первых теплых дней Парчак с товарищами взялись за землю. До июня они сумели вспахать лишь четыреста гектаров из тысячи, хотя работали по двенадцать-четырнадцать часов. И сутки, и двое, и трое могли не уходить с поля. Это была изнурительная, тяжелая работа.

2 и 3 июня 1991 года шел дождь. Его Парчак помнит и нынче. После этого дождя посеяли просо на отвоеванных четырехстах гектарах. Получили урожай — 600 тонн. Реализовали. Цена тогда была хорошая, получили деньги и поделились.

Не ругались, не спорили, не упрекали друг друга, а просто поняли, что вместе — не по пути. Разные по характеру, по жизненным взглядам люди. Одни считали, что нельзя тратить себя, «надрываясь» в работе на пределе. Парчак считал, что нужно. И он остался вдвоем со своим нынешним напарником П. Н. Смутневым. Полученные деньги пошли на погашение кредита, на удобрения, на горючее — словом, на жизнь для земли и себя, это едино.

— Многие из начинающих земледельцев, — говорит Парчак, — работают на барыш, а не на урожай. Для урожая, для земли нужно покупать удобрения. А для барыша можно и обойтись год-другой. Это уже психология: «Как это я из кармана живые деньги выну, отдам, а неизвестно, что будет...» Мы же работаем на урожай сегодняшней и завтрашней.

Приехал я в Быково, искал Парчака, спрашивал о нем.

— Это который колдун? Над которым дожди идут?

— Это который везучий?

Может, и вправду колдун ли, везучий?

— Ни одного дождя за лето, как и у всех, на поле у Парчака не было, — сказал мне человек знающий, начальник районного сельхозуправления. — Первые капли упали во время уборки и пошли во вред. Про везение, и тем более про колдовство — это басни да бабы сплетни. Человек работает не жалея себя. И не просто «на дурака прет», а соблюдает все требования агрономической науки. У него были не хорошие и даже не отличные, а идеальные пары. Для наших краев это — в любую засуху спасенье. У него были отличные семена. Он вовремя отсеялся. Он применял удобрения. Отсюда и результат.

В 1995 году Парчак и Смутнев с 200 гектаров озимой пшеницы получили по 32 центнера, а с 200 гектаров проса — по 15 центнеров с гектара. Первый за лето дождь пошел во время уборки, и потому проса собрали меньше, чем могли бы.

Нынешнее лето. Жестокая засуха. Хлеба буквально «горели». Актировали, списывали, гоняли комбайны, собирая крохи. Соседние с Парчаком колхозные поля дали по 2,5 центнера с гектара пшеницы.

— Почему? — спрашиваю я у Парчака.

— Все просто, — отвечает он на мое недоумение, — и ничего не нужно придумывать! Тем более что я и придумать ничего не смогу, я не агроном. Трактористом и комбайнером прежде не был. Надо делать так, как говорит наша агрономическая наука. Точно и твердо выполнять все ее предписания. Вот и всё.

На мой взгляд, это главная причина успеха Парчака. Он не «изобретал велосипеда». Он точно, со старанием выполнял все агрономические требования, все, что до него уже десять раз проверили и доказали многолетним опытом, наукой и практикой не на какой-нибудь, а на нашей волгоградской земле. К примеру, в первый год на парах он проводил более десяти культиваций за сезон.

Пахота ли, сев, культивация — для Парчака все важно и все главное.

— Обойду всех агрономов, — говорит Парчак, — посоветуюсь. Литературу читаю. Все выполняю в точности. У меня день уходит, чтобы войти в работу, отрегулировать агрегаты. На какой глубине идут лапка, сошник, норма высева, заделка семян в почву — все важно и все должно быть так, как положено. После пахоты, боронования, культивации, сева любой клочок моего поля можно проверить. Даю сто процентов гарантии: никаких отклонений от нормы.

И прежде, а в последние годы особенно много приходится видеть на полях наших горького. Зеленая трава стоит по колено, а убеждают: «Это — черный пар. Припоздали с культивацией, но не беда, успеем...» Успеют. Только проку от такого «черного пара» нет. Скачет сеялка за трактором, того и гляди оторвется. Пашня, считай, не бороненная. «Ничего, — машут рукой. — Дожди пройдут, все прибьется, вырастет». Конечно, вырастет, только вот что? Осот, розовый выюнок, полевая ромашка.

За годы своей работы Парчак и Смутнев получили и реализовали три тысячи тонн зерна. Всего лишь на 400 гектарах. Иные колхозы на десяти тысячах гектаров получают зерна в два раза меньше.

Но... «от земли не будешь богатым, а будешь горбатым» — не мною придумано. Живет Парчак в том же доме, в каком жил и раньше. «Мерседесов» и даже «Жигулей» не купил. Все

полученные деньги вложены в производство. Провели к своему участку дорогу из бетонных плит, построили склад для техники, семян, удобрений. Протянули электролинию, смонтировали подстанцию. Скважина, водонапорная башня, склад горюче-смазочных материалов. Государство помогало мало, а главное, с опозданием на полгода. Тогдашняя инфляция эту помощь «съедала».

Позади пять лет работы. Самой трудной, потому что это было начало. Что впереди?

— Для меня стало ясно, — говорит Парчак, — что на наших землях можно получать по сорок-пятьдесят центнеров озимой пшеницы на парах. Так я и буду работать.

Но, отработав пять трудных лет и получив около трех тысяч тонн зерна, Парчак не разбогател. Не все планы его сбылись. Он хотел на своей земле построить хороший большой дом, и, может быть, с бассейном, что при нашей жаре вовсе не роскошь. Хотел разбить сад и парк. Хотел построить свой элеватор для зерна. Не вышло. И не его в том вина. Пусть государство не выполнило свои обещания: дом для фермера и прочее. Но самое горькое — год 1993-й, когда 700 тонн пшеницы отдали государству и ждали денег за нее целый год. При тогдашней инфляции деньги обратились в дым. Год жизни. Год тяжкого труда.

И когда говорит Парчак: «Страна должна повернуться лицом к крестьянину», он имеет в виду только одно: «Честно расплачивайтесь за мою пшеницу, за мой труд. Чтобы я не ждал и не выпрашивал свои деньги месяц, два, три, а то и год. А еще — цены должны быть сообразными: за железку, за хлеб, за горючее».

Конечно же, не обошли мы в наших разговорах темы общие и насущные: колхоз и фермер.

— Поработав фермером, а потом объединившись в колхоз, я буду уже другим, — сказал Парчак.

— Вы вернетесь в колхоз? — изумленно спросил я. — Зачем?

— Конечно, не в прежний, — ответил мой собеседник. — Но объединяться мы все равно будем, рано или поздно. На других принципах. Это необходимость. Потому что я зерно получил и отдал его чужому дяде, который смеет его, испе-

чет хлеб, делает макароны и получит доход больший, чем я. Значит, нужна своя переработка. Но в районе четыреста фермеров. Не заводить же нам четыреста пекарен, четыреста мельниц. Это — деньги на ветер. Надо объединиться. На какой основе, тут надо думать. Но объединяться все равно будем.

Мы говорили о многом. В конце разговора я спросил у него:

— У вас трудное позади. Но если бы сейчас вам предложили еще тысячу гектаров земли, такой же запущенной, джунгли, в которых кабаны и косули. Вы бы взяли?

— Взял бы. Мы бы смогли ее обработать. Подросли сыновья, племянники. Они уже работают на тракторе, на машине.

— А пять тысяч гектаров? — загорелся я. — Взять и отвечать за эту землю, чтобы и она могла по тридцать, по сорок центнеров с гектара давать? Пусть с сезонными работниками, с наемными. Но смогли бы?

— Можно, — твердо ответил Парчак.

— А десять тысяч гектаров?

— Все можно при желании.

— Но где вы возьмете людей? Ведь в колхозе работники нынче известные.

— Будут работать. Даже те, кого из колхоза выгоняют. Со мной бы работали. Им ведь «папа» нужен. Колхоз приучил к «папе». Без него не могут. Но о чем сейчас говорить, когда и нынешние двести гектаров мне не принадлежат. Я просил — не дают. А если бы я знал, что эти двести гектаров — это моя земля, моя и моих сыновей, то я бы сейчас не сидел сложа руки, я бы со всей округи навоз возил от ферм. Колхозам навоз не нужен, не до него. А я бы возил. И в следующем году получил бы по шестьдесят центнеров с гектара. Но чья эта земля?.. Непонятно.

Так вот, не больно весело, закончился наш разговор.

Возвращался я в город. Заволжье — край пустынный. Нынче — и вовсе. Вон кошара овечья, но возле нее — ни сена, ни соломы. Значит, нет и овец. Вон еще одна такая же. А там — бывший животноводческий комплекс на десять ли, на двенадцать тысяч голов. Хорошо, если сотня-другая коров в его стенах осталась. Хоть и глубокий снег, но видно,

что тянется и тянется вдоль дороги непашь. Почти полтора миллиона гектаров остались в области с осени невспахан-ными. Почти третья часть. Это — по всей области. А здесь, в глухом Заволжье, в Быковском районе, больше половины земли не пашется. Времена нынче — трудные.

Все понимаю. Но почему работающий умелый Парчак, отец трех сыновей, не может получить эту брошенную землю? Ведь тогда на ней не бурьян будет расти, а пшеница. И урожай будет не пять центнеров с гектара, а тридцать и сорок.

Почему в другом, но тоже нашем краю такие же толко-вые хлебобобы Чичеров и Ляпин не могут получить столь-ко земли, сколько им по силам? Там ведь тоже сыновья уже поднялись.

Почему о земле с тоскою говорят братья Пономаревы и могучий их батя? Почему Виктор Иванович Штепо не может осуществить планы свои? А ведь все они — наши кормильцы. Не горстями зерно дают, а тысячами тонн.

Тянется вдоль дороги заметенная снегом непашаная земля, молчит. Но уже пригревает солнце, скоро весна. Что она принесет нам? А что она может принести?!

Вот строки из обращения к руководству нашей области Аграрного союза и профсоюза агропромышленного ком-плекса:

«В агропромышленном комплексе Волгоградской обла-сти сложилось катастрофическое положение.

...во многих хозяйствах не отапливаются школы, дет-ские сады, ремонтные мастерские.

...остановлен ремонт техники.

...идет сброс скота, растет падеж, падает продуктивность».

Во всем этом много и много правды. Но не вся она здесь. Есть правда иная.

В Калачевском районе бывший совхоз, а ныне коллек-тивное сельскохозяйственное предприятие «Советское» не выделяется какими-то особыми землями. Дожди и снега, степные ветры и летнее солнце — такие же, как у всех. И люди — обычные селяне ли, хуторяне. Проблемы — все те же: неплатежи. Молокозавод задолжал, мясокомбинат задолжал, плодоовощные базы не платят. А пахать, сеять, урожай убирать и жить надо.

Но, в отличие от многих других, в коллективном хозяйстве «Советское» вся земля вовремя вспахана, засеяна, и урожай убирают неплохой. Осимой пшеницы собрали в 1995 году по 16 центнеров с гектара, ячменя — по 9,5. С поливных земель получили 1200 тонн овощей.

Если в области и в районе сокращается поголовье скота, то в «Советском», напротив, понемногу растёт. Если везде падают надои, то здесь они поднимаются. В 1995 году получили в среднем по 3 180 килограммов молока от каждой коровы. Привесы скота тоже год от года не уменьшаются. Падёж в 1995 году по сравнению с 1994-м значительно снижен.

Как ни крути, а показатели — упрямая вещь. Получается: не хозяйство, а оазис благополучия среди всеобщей разрухи.

Год 1995-й закончили пусть с невеликой, в 600 миллионов рублей, но прибылью. Средняя зарплата работников — 340 тысяч рублей. Задолженность по зарплате есть. Но она такая, как у администрации района: в феврале ждут ноябрьской полочки.

Но «благополучный остров» в нынешней сельской разрухе — факт сомнительный. Сомневался и я. Не раз приезжал в хозяйство, приглядывался, спрашивал.

Нынешний мой рассказ о том, что и сегодня в сельском хозяйстве можно держаться на плаву. Не вырезать скот, не губить землю, не разрушать производственную структуру, не лишать работы людей. Трудно, но можно. Пример тому — коллективное хозяйство «Советское».

На мой взгляд, как и прежде, всякий дом хозяином крепок. Недаром говорили: «Без хозяина товар плачет», «Не купи села, купи приказчика», «Без хозяйского пригляду одни муравьи плодятся».

Таким вот рачительным хозяином ли, приказчиком является в «Советском» Николай Петрович Мелихов. Человек он еще молодой, но хозяйственник опытный, специалист, умеющий работать с людьми.

Ничего нового, мне кажется, он не придумал. Технология в полеводстве, в животноводстве вековечна: досыта корми корову — она молока даст; вовремя вспаши, вовремя посеи — получишь урожай.

Но в нынешнее время великий труд и умение руководителя заключаются именно в том, чтобы коровы были накормлены, а земля вспахана. Не рыдать, не бить себя в грудь на высокой трибуне, не ждать, когда «наши придут», обрекая хозяйство на развал, а людей на нищету. Работать. Думать. Находить наилучшие хозяйственные решения.

В «Советское» не течет ручей бесплатной солянки или бензина. И запчасти для тракторов и автомобилей с поклоном сюда не несут.

— Мы делаем всё, — говорит Николай Петрович, — чтобы работа в поле, на ферме не останавливалась. Потому что любой простой — это разложение коллектива. У нас не хватает топлива, а у кого-то — у железнодорожников, у военных, не хватает мяса, молока, овощей. Вот и выход.

В других хозяйствах округи давно забыли лозунг: «Навоз — на поля!». И, кажется, резонно: бензин дорогой. В «Советском» вывозят ежегодно на поля около двадцати тысяч тонн навоза. И, наверное, поэтому во многих хозяйствах скотина и солодке рада, а здесь заготовили сено, сенаж и силос. А значит, постоянно текут «молочные» деньги. Средняя цена реализации литра молока была в 1995 году 800 рублей, себестоимость — 400 рублей. Вот она — прибыль.

С овощных полей тоже идет доход. Получили хороший урожай и удачно продали перец, баклажаны. Нашли покупателей на семена томатов. Капусту не продали всю осенью, когда она стоила 500 рублей за килограмм, а заложили в хранилища. И теперь продают по 1500 рублей.

Постоянно в тридцать магазинов Волгограда сейчас везут из «Советского» лук, капусту, морковь.

Вот и собираются понемногу доходы молочные, овощные, зерновые, с подсолнечника. За год таких денег набегало три миллиарда. Покупали горючее, запчасти, ремонтировали животноводческие помещения и построили два новых. Готовили к зиме гараж, МТМ, где сейчас, зимой, идет ремонт техники. Понемногу, но хозяйство строит жилье, каждый год сдавая по одному дому.

А в строительстве жилья своими силами в 1995 году явное оживление: тридцать восемь человек взяли участки под застройку. Конечно, хозяйство им по-прежнему поможет.

Такую тяжкую ношу, как стройка, не взваливают на себя люди вовсе безденежные. Уже упоминал я, что средняя зарплата в прошлом году была 340 тысяч рублей в месяц. Но это — средняя. От «уравниловки» в хозяйстве давно отказались. Оплата на всех участках сдельная, стимулирующая высокие результаты труда. Например, за январь 1996 года одной доярке начислено 550 тысяч рублей, а другой — 322 тысячи. То же — у телятниц, у скотников. Сколько надоил молока, сколько получил привеса, — столько денег и получи. И зарплата руководителей всех рангов, специалистов напрямую зависит от результатов труда возглавляемых ими служб. Бригадир животноводов, к примеру, получает 1,7 среднего заработка своих подчиненных.

Но кроме зарплаты денежной работники хозяйства получают весомую прибавку в виде натуроплаты. 720 тонн зерна выдано в 1995 году. По ценам очень умеренным люди получили муку, капусту, помидоры, лук, подсолнечное масло, корма для личного скота. Выделялась земля для посадки картофеля, обрабатывалась, поливалась.

Если во многих хуторах и селах нынче закрываются детские сады, то в «Советском» в прошлом году построили еще один за свой счет. Обед в столовой в январе стоил 1000 рублей. Работает Дом быта с парикмахерской, обувной и телемастерской. Клубная самодеятельность — одна из лучших в районе, участник и победитель многих областных и зональных конкурсов. Поют и пляшут не только взрослые, но и дети. Этим гордится Н. П. Мелихов, и его можно понять. Коллективное хозяйство, сохранившее за эти трудные годы не только производственную базу, землю, технику, но и социальную сферу, достойно уважения. Оно доказало свою жизнеспособность.

В нынешнем году наметили получить от реализации молока, зерна, овощей 6 миллиардов рублей. И это не пустые планы. Построили цех для охлаждения молока. А значит, за хорошую цену будут продавать молоко и летом. Смонтировали коптильную установку, чтобы и мясная продукция стала прибыльной. На овощных плантациях будут выращивать лишь то, что имеет цену и спрос. Расширятся площади под баклажанами, болгарским перцем. Томаты

пойдут в основном на семена. Капуста выгодней поздняя, с закладкой на хранение, чтобы продать зимой, когда поднимаются цены. Появится засолочный цех, а значит — прибавка к доходам. И поиски новых покупателей, партнеров, новых возможностей.

— И подъем производства, — подчеркивает Н. П. Мелихов. — Непременно. С теми же людьми, на тех же площадях. Земли нам никто не прибавит. Резервы у коллективных хозяйств огромные. Простой пример. В этом году мы справились на уборке зерна и овощей своим автотранспортом, а прежде привлекали до ста машин со стороны. Люди должны быть материально заинтересованы: больше сделано, больше и получи. Нынче на закладке сенажа у нас зарабатывали до восьмидесяти тысяч рублей в день. За девять дней заложили сенаж. А лодырь останется без зарплаты. Пьянка, хищение тоже строго наказываются. Не директором, а всем коллективом.

Но под руководством директора ли, председателя, добавлю я. Потому что если доярка отвечает за своих коров, телятница — за телят, то председатель и за одних, и за других, и за третьих. Как глава большой колхозной семьи. За нынешний день и за завтрашний. Потому и идут в округе разговоры о строгости Н. П. Мелихова. Но когда я об этой строгости колхозников спрашивал, они отвечали одинаково: «Сейчас так и надо. Чем жестче, тем лучше. Иначе все развалится и всё разворуют. Он жмет, но не пережимает».

У Н. П. Мелихова, как говорится, голова на плечах, а еще — немалый опыт: совсем недавно он руководил в Казахстане целым районом. Уехать оттуда пришлось по причинам всем известным. Который уже год бегут оттуда русские люди.

Так что «Советскому» очень повезло с руководителем. Но и это хозяйство — не сказочный остров посреди нынешнего шторма. Это скорее прочный корабль с хорошим капитаном, умелым, мудрым, в меру строгим. От времен нынешних, рыночных, Н. П. Мелихов не требует поблажек, но лишь честного партнерства: плати деньги за товар вовремя. Своевременные расчеты позволили бы «Советскому» и людям его сносно жить. На вчерашний, на сегодняшний доход в 200 ли, 500 миллионов рублей можно было бы

обновить машинно-тракторный парк, строить, покупать удобрения. «Неплатежи» по-прежнему подтачивают колхозную экономику. Это опасно даже для прочного корабля.

«Советское» и его руководитель не требуют пустых «вливаний», но ищут партнерства. Целевой ли кредит, лизинг, по которому в нынешнем году покупают комплекс для уборки кормов за 700 миллионов рублей. Это не от жиру, это — для жизни.

На мой взгляд, коллективное хозяйство «Советское» умело и потому без особых потерь миновало тяжкие годы сельских перемен. Миновало и выжило, не утонув в долгах, не развалив производство, а напротив, пусть понемногу, но наращивая его.

День завтрашний зависит не только от Н. П. Мелихова и его товарищей по труду. Не на острове они живут и работают, а в России, в году от Рождества Христова 1996-м, к тому же и високосном.

Год високосный, по приметам, нелегко всегда. Нынче и вовсе доброго ждать не приходится. Теперь вот письмо пришло с хутора Большой Набатов. На этот хутор еду в пору летнюю, по суху и теплу. Хутор лежит возле Дона, хорошо здесь рыбачить. И речка Голубая петляет по балке. Помню, под вечер мы купались в ее теплых омутах. Рядом с нами — городские ребята-гости. Родители звали их. Пора было ехать в Волгоград, дорога туда — больше сотни верст. Со слезами детишки поехали. Потом уехал и я. А товарищ мой — Александр Адининцев — остался, он живет там, на родном хуторе, где родился. Он — старожил, но и новосел. Как и большинство его земляков, окончив школу, он уехал в Волгоград, получил специальность, работал, жил.

К возвращению стал готовиться задолго до пенсии: ремонтировал родительский дом, обложив его кирпичом, поставил летнюю кухню, гараж, сарай, пробил скважину для воды. В пятьдесят пять лет закончив путь трудовой, сначала он на хуторе лишь летовал, потом поселился окончательно, заведя хозяйство: корову (и не одну), кур, огород и прочее. Прошлым ли, позапрошлым летом помню разговор на его дворе о жизни сельской да городской.

— Все равно в городе легче, — настаивала его жена. — Уедем.

— Никуда не уедем, — махнул рукой Александр. — Лишь галдишь. Сама ведь хуторская...

Александр Адининцев, его возвращение на хутор родной — это сейчас не редкость. В том же Большом Набатове можно насчитать с десяток людей, которые приехали из райцентра, из города. Одни летом живут. Другие и на зиму остаются. Это и новые фермеры, и крепкие еще «молодые пенсионеры» в пятьдесят да шестьдесят лет. Прежний управляющий колхозным отделением в разговоре со мной называл их как-то дачниками.

Но они вовсе не дачники, они — работники. У всех есть скот. И бывает голов до десяти. А это уже — великий труд. У всех у них — огороды, картофельники. Опять — труд. А кое у кого — земля. Например, у Лысенко, который живет рядом с Большим Набатовом, в Евлампиевском хуторе. Живут вдвоем с женой. Который уже год зимуют. Сеют, пашут, держат скотину, имея свою технику. В прошлом году купил в Набатове дом известный в округе Коньков, и тоже взял землю. Это — не говоруны, это — хозяева. Разные причины привели их сюда: трудности городской жизни; тяга к земле, к родине; стремление создать свое дело и заработать. Для многих и многих мест, для хуторов погибающих, при развале колхозной жизни эти люди — новая кровь и спасение.

Но вот письмо, которое нынешней зимой направил А. Адининцев, назвав его «Обращением к администраторам всех рангов». Его напечатала районная газета под рубрикой «Крик души».

Это истинный крик, истинная боль: «В хуторе Б. Набатов проживают более ста двадцати жителей... разрушился клуб, закрыта школа и почтовое отделение... не доставляют газеты... магазин работает два раза в неделю и продают только хлеб... два месяца нет воды, прогнили трубы в водонапорной башне, за водой ходят на Дон или растапливают снег. 17 декабря погас свет и только 5 января зажегся...»

Прочитал я это письмо, решил ехать. Конечно, не «администратор» я, не начальник и вряд ли чем, кроме сочув-

ствия, помогу. Но края-то родные. Поехал. В районном центре, в Калаче, попросил машину надежную — вездеход, чтобы пробиться в Набатов. До станицы Голубинской — асфальт, а дальше — снега. Нынче сыплет, метет.

В Большой Набатов мы не пробились. Мучились, мучились — и встали. Я вылез из машины и пошел пешком на гору. Дорога — сплошной снежный перемет. А в сторону шагнешь — вовсе по пояс. На гору все же поднялся. Где-то там, впереди, за немногими уже верстами, за двумя холмами, лежал Большой Набатов, в метели, в снежном плену, отрезанный от живого мира. «Да мы перемрем все, и никто не узнает», — вспомнил я слова жителя хутора Большая Голубая. До того и вовсе — пятьдесят километров. А тут — почти рядом. Но доберись попробуй.

— Почту в Большой Набатов возить не будем, — сказали мне по телефону из районной почтовой связи. — До Голубинской довезем, а там — как знают...

— Хлеб возим и пока будем возить, — сказали в районной администрации. — Но у райпо за год триста миллионов рублей убытка от доставки хлеба на такие хутора. Новые коммерсанты туда ведь хлеб не повезут, невыгодно.

До Большого Набатова я не добрался. Вернулся в Калач, потом — в Волгоград. Теперь вот думаю, пишу. «Не дайте умереть хутору» — назвал свое обращение «к администраторам всех рангов» А. Адининцев.

Мое обращение не к властям, к хуторянам. К набатовским и мало голубинским, что на Дону, к вихляевским, к павловским, что на Бузулуке. У всех судьба одинаковая: «не дайте умереть».

Если говорить честно и прямо, то вы никому не нужны. И хоть перемрите вы в Большом Набатове, властям спокойнее будет. Вы ведь не стучите касками на площади возле Дома правительства в Москве. Не грозите заморозить города. Не останавливаете поезда и заводы. И уж тем более не захватываете родильные дома, больницы. И потому не к вам спешат высокие «согласительные комиссии» во главе с премьерами да вице-премьерами. И сотни миллиардов рублей, и десятки триллионов рублей, и теперь уже миллиарды долларов пойдут не вам. Хотя вы порою не три

месяца, а три года не получаете копеечной зарплаты. И бесплатно порой отдаете мясо, молоко, а потом месяцами и годами выпрашиваете свои рубли. И ваши нужды порою горше шахтерской ли, другой иной. Но вы — крестьяне. В этом вся отгадка и весь ответ. Ваша судьба — крестьянская, она вековечна.

Вот выписка из записок княгини М. К. Тенишевой, 1916 год: «Твердые цены установили только на хлеб и на скот, т. е. на то, что крестьяне производят, а на то, что они покупают, нет твердых цен, и с них дерут за все три шкуры». Как видите, те же проблемы, для деревни — вечные.

Так что же вам делать? На мой взгляд, если честно и коротко — надеяться на себя, только на себя.

Вот хутор Большой Набатов. Колхоз ли, совхоз в нем развалился окончательно. Это вы знаете лучше меня. И теперь, если застрянет в снегах и не пройдет к вам сельповская машина с хлебом, поедет Лысенко на своем тракторе и привезет хлеб. И заболевшего в станицу или покойного на кладбище опять везти ему. Или Адининцеву — на «Ниве». Колхоз рухнул. Но вам — жить. До Москвы — далеко. Не приедут оттуда чинить водопровод. Ушел с хутора колхозный управляющий, с которого требовали: «Дай воду... Дай трактор...» Но ведь осталась сельская администрация, глава ее — в станице. И на хуторе должен быть староста ли, атаман. А кого выбрать — «пешку» или хозяина, — зависит от вас.

Когда ехал я в Большой Набатов, завернул в сельскую администрацию, к главе. «Поехали, — говорю, — в Набатов». — «Некогда», — отказался он. Из разговоров с вами узнал я, что даже видите его редко. Значит, такого выбрали. Сейчас не те времена, когда из райкома «кота в мешке» привозят.

Нынешней осенью в Малогулубинском и в Голубинской рубили пойменный лес. Его и осталось-то с гулькин нос. Осокори, вербы — спасение нашего Дона и наша жизнь. Но валили, рубили. Сельская администрация или казачье правление хозяйничали? Ни одни, ни другие ни единого кустика в округе пока не вырастили. А рубить — мастера. И ведь рубили на глазах у станичников да хуторян. А те лишь охали: «Рубят! Рубят...» Рубили, везли мимо школы, кото-

рая нынче без дров. Вдове ветерана войны «расщедрились» — за 100 тысяч рублей продали пару лесин.

А ведь прежде, в настоящие казачьи времена, за такие дела пороли. Тогда если рубили сухостой или талы на плетни, то извещали всех и выезжали на рубку в один день и час. Это было — по-казачьи, по совести.

На хуторе, на селе, как никогда ранее, нужен сейчас настоящий глава ли администрации, атаман. Мудрый, совестливый и энергичный. Выбрать есть из кого. На селе — безработица. А толковыми людьми наша земля никогда не скудела.

Учительница из Малолюбинского вспоминала колхозного бригадира ее молодости — Митрофана Степановича Макеева.

— Он придет, поклонится мне, — говорит Галина Михайловна. — Мне, четырнадцатилетней соплюшке, в пояс кланяется, по батюшке величает: Михайловна, приди, пожалуйста, на уборке хлеба помощи. Да за одно такое обращение день и ночь будешь работать. Сноп пшеницы с поля привезет, говорит: «Женщины... глядите, какой хлеб уродился хороший. Давайте все вместе его убирать».

Как говорится, были люди. Но есть они и сейчас. Надо лишь выбирать по-настоящему, для своей, а не чужой жизни.

И, надеясь лишь на себя, объединившись вокруг хорошего старосты ли, атамана, многое можно сделать. А беды у всех общие.

Не только в Большом Набатове остались люди без воды. Был колхоз, он содержал хуторской водопровод. Нынче насос ли, электродвигатель — это миллионы, которых у нищего колхоза нет. Значит — забота общая: по дворам ли бурить скважины или заботиться о хуторской. Прежде ведь электрик включил насос и запил. Течет ли, сторело — все на колхоз спишет. Теперь нет колхоза. Но остались люди, их жизнь.

В малолюбинскую школу дров не привезли. Кто виноват? Партократы или демократы? От нее же, от школы, украли два звена штакетника. А в Большой Голубой весь забор ночью от школы унесли. В Малолюбинской уволокли, явно трактором, тяжеленные лаги, приготовленные для мостика через ручей. Весной да осенью как теперь в школу детишки

пойдут? А старые люди — в магазин, за хлебом? Кто опять виноват? Государственная или областная дума?

В старые годы хуторским атаманом в Большом Набатове был знаменитый Финака, полностью — Финоген. Он не кричал, не шумел, но власть его помнят и теперь, почти век спустя. Как он семьи мирил, как усмирал пьяниц, как следил за дорогами, водопоями, общественными попасами и сенокосами. Словом — хуторской атаман.

Вот и выберите себе, набатовцы и голубяне, нового Финаку. Посмотрите, каков он на своем дворе, в своей семье. Таким будет и в общем деле. И не ждите каких-то далеких сроков. Ваше дело отлагательств не терпит. Потому что сегодня вам хлеб еще возят, пусть два раза в неделю. Завтра могут не привезти. А ведь пекарни теперь, даже в райцентре, на каждом шагу. Может быть, Коньков что-нибудь придумает? Он ведь уже показал себя деловым человеком. Снабжал окрестные хутора мукой, керосином.

Надо думать о начальной школе. Без нее, рано ли, поздно, хутор вымрет. Закрывать школу районные власти в свое время сумели. Закрывать — дело нехитрое. А вот открыть обещают уже десятый год. За это время старая школа сгнила и клуб развалили. Сейчас в Набатове можно найти дом. Обычный дом для начальной школы. Ведь учеников немного. Нынче они лишь числятся в Голубинской школе. В своей, пусть неказистой, хоть читать да писать научатся. И за то слава богу. А то ведь уже на хуторе у молодых родителей получается враскорячку семейная жизнь: отец с хозяйством — здесь, мать с сынишкой — в городе, при школе. Надолго ли такое?

И конечно, нужна дорога. Ведь до станичного асфальта — рукой подать. Про асфальт на Большую Голубую мечтать нынче бесполезно: пятьдесят верст. Малая Голубая и Набатов — с асфальтом рядом. Для этих хуторов, для их жителей — это дорога жизни. Всего десять-пятнадцать километров, но такие важные. За них надо бороться. Раньше это была обычная глубинка России, нынче — ее граница, передний край. Оставлять эти земли и воды преступно. Другого Тихого Дона у нас нет.

Итак, в Большой Набатов мы не добрались, застряли в снегах. Мало голубинский хутор миновали, полезли в гору,

а там — ветер сильнее, заносы выше, пробивали их с разгону, один да другой. Но застряли, принялись откапываться, чтобы назад спуститься.

А внизу, в глубокой просторной балке, лежал хутор Малолюбинский в зимней тиши, в снегах. Рядом с дорогой — начальная школа. Туда я и пошел, когда в хутор вернулся.

Славная школа. Невеликая: сени, коридор да класс. Домашняя чистота и домашний уют. На стенах удивительные картины ли, изделия из обычных тыквенных, арбузных семечек, зеленых и желтых горошин, из птичьих перьев, из донских ракушек. Из всего обыденного — того, что рядом. Но фантазия учительницы Галины Михайловны Будановой и ее ребятишек превращает обыденность в красоту.

Здесь же, на стене, под заголовком: «Гордость школы» фотографии тех, кто когда-то учился здесь, а теперь — уже взрослый. Но для учительницы все они — гордость и радость: те, кто были, и те, кто сейчас за партами.

Кудрявый Дима Чекунов, которого родители в школу не пускали, говорили, что рано, а он просился, плакал. Теперь учится. А вот Володя — умница, смысленый мальчишка. Хотя от роду ему лишь восемь лет, но он эту школу, три класса ее, закончил и начал было учиться дальше, в станице. Но школьные интернаты теперь — в прошлом, школьные обеды и завтраки отменились. Поездил на машине месяц да другой, потрясся в ее кузове. В восемь утра уходит, к вечеру возвращается. Зима нынче суровая. В станичной школе холодно. А ведь он — малыш, хоть и светлая головка. Поглядели на него, повздыхали и решили: пусть снова идет в начальную школу, в родную свою, к Галине Михайловне.

Учатся. Двенадцать учеников. Из них — восемь ребят. Дима, Арслан, Володя, Казбек, Артем... Донские казаки, аварцы, лезгины — пока детвора.

— Примета есть, что, когда много мальчиков, — говорит учительница, — это плохой знак, к войне. А у меня их вон сколько... Не дай бог.

Все мы сейчас об одном думаем, в городах ли, на хуторах. У всех тревога на сердце. Но верю я: этих мальчишек минует судьба горькая. Не солдаты нужны этой земле, а добрые пахари, хозяева.

Снова вернусь к строкам «аграрников», к их «обращению к главе администрации области»:

«Общая задолженность предприятиям сельского хозяйства... на 01.12.1995 г. составила 1160,3 млрд рублей... 1,3 млн гектаров не вспаханы... Растет падеж... вынуждены обратиться к Вам и попросить помощи для... спасения деревни».

И подписи: председатель Аграрного союза...
председатель обкома профсоюзов...

Все тут верно. Но есть и другая правда. Парчак, Штепо, Ляпин, Чичеров, Пономаревы не спасения просят, а земли. Двенадцать тысяч фермеров в Волгоградской области. Из них — целая тысяча уже крепко стоит на ногах. Спасать их уже не надо. Другое дело — не мешать и помочь, потому что пять лет — не возраст, а лишь начало.

Земли просит и коллективное хозяйство «Советское» во главе с Н. П. Мелиховым.

Земли. А воли, наверное, уже всем хватает.

Февраль 1996

ВОЗЛЕ СТАРЫХ МОГИЛ

Когда подъезжали мы к старинному кладбищу станицы Голубинской, что на Дону, в Калачевском районе, то мельком, сквозь планки забора, увидел я девушку, сидящую возле одной из могил. Мы обогнули просторное кладбище, подъехали к воротам. А потом долго бродили между старых могил, разглядывая замшелые плиты, кресты, вырубленные из тяжелого камня песчаника: «1870 год... третьего дня декабря...» Полустертые временем даты и письма. А рядом — могилы новые, вчерашнего дня и нынешнего. Вспомнил о девушке, которую видел сквозь забор. Вспомнил — и пошел к тому месту. Но не было на кладбище живой души, кроме нас. Лишь — могилы, кресты, надгробья. Кладбищенская трава, кладбищенский покой. И высокое донское небо. Может, померещилось? Но вроде ясно видел: сидела. Видимо, ушла — слава богу, живая.

Живы и мы. И потому так тягостно говорить и слушать печальное. Вот и нынче: доброжелатель мой — газетный

редактор, прочитав материал, позвонил и попросил: «Давай изменим заголовок. Поставим: «Возле старого погоста». А то «могилы» как-то нехорошо звучат». Что ж, изменим — значит, изменим. Бумага стерпит, как и прежде терпела.

А вообще-то писать очерки ли, заметки о сегодняшнем дне русской деревни — занятие неблагодарное, горькое. Таким оно было, таким и осталось. А ведь как естественно наше стремление к доброй солнечной жизни, как хочется тепла душе и телу, пусть не сегодня, так непременно завтра. Сегодня уж как-нибудь перетерпим. До вечера — недолго. А вечером в «Новостях» прямо рукой показывают — могучей властной рукой, пусть в воздухе, но рисуют — как плавно закончились все невзгоды и наконец вывезла нас кривая к иной жизни, вверх и вверх потянула. Разве не хорошо? Особенно — к ночи. А утром проснешься, возьмешь газету — на первой странице неглупый вроде человек, писатель, да еще и доктор, сообщает, «что в опубликованном интервью с министром сельского хозяйства и продовольствия Хлыстуном сказано, что Россия наконец-то будет не покупать зерно, а, наоборот, может быть, продавать. Впервые с 1963 года!».

Славно-то как... Дожили.

Выписка из протокола правления коллективного сельскохозяйственного предприятия «Победа Октября» от 7 июля 1997 года: «...озимая пшеница пропала почти полностью по неизвестной причине, горючего нет из-за отсутствия финансов, корпорация горючего не дает из-за большой задолженности 1995 и 1996 годов. Постановили: 1. Продать за наличный расчет что можно... 3. Просить районную администрацию об отсрочке погашения задолженности... за 1997 год».

Что это? Грязное пятнышко на фоне подъема, который... «впервые с 1963 года!»? Склочный характер автора? Ведь не лень было ехать, время убивать, жечь дорогой бензин, гробить машину. Искать худое, когда рядом... И ведь верно: не в «Победу Октября» недавно приехали министр сельского хозяйства и премьер-министр. А куда же? Куда ездили,

гостя на волгоградской земле, все высокие руководители — Хрущев, Горбачев и иже с ними. Конечно же — в «Волго-Дон», хозяйство могучее, славное, орденоносное.

Не отстанем от них и мы. В «Волго-Дон» подадимся. Но не вместе с высоким начальством. Пораньше ли, попозднее, без шума и грома.

Всякий раз, когда приезжаю я в «Волго-Дон», бывший совхоз, ныне, как и все, реформированный в некое «коллективное предприятие», то в начале рабочего дня иду в гараж. Там — утренняя планерка, там — все руководители. И прежде, когда «Волго-Дон» был одним из самых могучих хозяйств в стране, и ныне, когда времена иные, начало рабочего дня в гараже завораживает. Гаражом это подразделение хозяйства называют по привычке. Это — целый автокомбинат: проходная, диспетчерская, один за другим выбираются из ворот тяжелые грузовики. Им счету нет: могучие «КамАЗы», самосвалы, молоковозы. Идут и идут. И это естественно — «Волго-Дон» не какой-нибудь колхозишко с сотней буренок. Одного лишь крупного рогатого скота — 6500 голов. 2300 — коров. Более 1000 тонн мяса произвел «Волго-Дон» в 1996 году, сдавая могучих бычков, каждый по 420 килограммов весом. Молока произвели 7 330 тонн. В среднем по 20 тонн в один день надаивали. Это половина молочного и мясного производства такого мощного района, как Калачевский, где двенадцать коллективных хозяйств. «Волго-Дон» произвел в 1996 году около 25 тысяч тонн овощей. Годовая реализация всей произведенной продукции составила 22 миллиарда рублей. Показатели не просто большие — могучие. Не то что какие-то коллективные хозяйства, целые районы могут позавидовать такому производству.

«Волго-Дон» колхозом назвать язык не повернется: это — завод по производству мяса, молока, овощей, зерна. 20 тысяч гектаров пашни взглядом не окинешь. Откормочные площадки, фермы, теплицы — везде работа, но не всегда шумная, заметная. А вот здесь, у проходной гаража, в утренние часы осязаемо видна мощь производства, живого и деятельного.

Если в «Волго-Доне» один скотник обслуживает до трехсот голов скота, одна доярка доит сотню коров, если с одно-

го гектара земли получают до пятисот центнеров овощей, то понятно, что главная сила хозяйства — техника: 200 автомобилей, 100 комбайнов, 349 тракторов. Если эти машины завтра встанут, то не будет ничего: ни мяса, ни молока, ни овощей. И потому еще прежний руководитель «Волго-Дона», В. И. Штепо, старался создать наилучшие условия для содержания и ремонта техники. И потому у «Волго-Дона» не какие-нибудь мастерские, не убогие «кузни», а могучий завод с просторными, оснащенными цехами. Вот механический цех, где одних лишь токарных станков насчитал я десяток, вот цех с конвейером, где ремонт ведется по узлам, аккумуляторный цех, два сварочных, кузнечный, по ремонту топливной аппаратуры, цех по ремонту автомобилей. И все эти цеха находятся в рабочем состоянии. Пусть не все оборудование сейчас в деле, но оно — на месте. В помещениях стекла не побиты, крыши и стены целы. А значит, мощь ремонтной базы сохранена.

Склад запасных частей — бесчисленные стеллажи, конечно, не былое богатство, но для большинства селян и нынешние запасы «волгодонцев» — на великую зависть. Вот колеса к трактору «Беларусь», цена одного — два миллиона семьсот тысяч рублей. Вот склад металла. Он тоже не пустует. Потому и работает «Волго-Дон», что шесть сотен его машин, шесть сотен моторов — в ходу, в деле.

Но вот вывеска: «Опытное проектно-конструкторско-технологическое бюро по механизации овощеводства». Это бюро — знаменитое, единственное в стране. В былое время работало в нем до тридцати специалистов, а в придачу — целый цех, где создавались машины и внедрялись в производство непосредственно на полях «Волго-Дона». Овощеводство — дело трудоемкое. И в помощь человеку нужна умная машина. Здешнее бюро создавало сеялки, культиваторы, бороны, уборочные машины — для лука, томатов, капусты, огурцов. Эти машины нужны были не только «Волго-Дону», но и другим хозяйствам области, страны. Их охотно брали Средняя Азия, Краснодарский край, Астраханская область. Но это в прошлом. Нынче специалистов почти не осталось и производство практически остановлено. Хотя даже сейчас, как сказал руководитель бюро, можно

начать серийный выпуск машин. Можно... Но при условиях, которые известны всем: гарантированные заказы с оплатой. Их нет.

Наша область по-прежнему остается овощеводческой. В отличие от прошлых времен, на прополку овощей и на их уборку обком орду бесплатных работников из города не пришлет. А значит, машины для овощеводства будут нужны. Пока еще уникальное производство этих машин в «Волго-Доне» возможно. Но что завтра?

О дне завтрашнем мои собеседники из «Волго-Дона» говорили вяло:

— Не знаем... Всё как в тумане.

И тут же сбивались на день вчерашний. Николай Николаевич Андреев, слесарь-ремонтник и механизатор, тридцать пять лет отдавший совхозу, светился радостью, вспоминая:

— Я сюда переехал из Кумылженского района, уже пятнадцать лет отработал. Приехал, рот разевал от удивления. Суббота и воскресенье — как в городе, отдыхай. Спортивные соревнования на стадионе. В клубе — концерт. Весь народ вместе. А хочешь — поезжай в город: в театр, в цирк. Автобусы и билеты бесплатно. На машину денег скопил — пожалуйста, в том же месяце на машине. А теперь какие копейки и заработал, не дают. Завтра? Тошно и думать.

Женщины-овощеводы, проработавшие в совхозе не один десяток лет, тоже сбивались на прошлое: работали от души. И зарплату давали в срок. Тринадцатую зарплату — тоже в срок. Премию по результатам года — вовремя. А теперь хоть криком кричи — кто услышит?

— Я недавно спросила: когда зарплаты дождемся? Отвечают: ты живая, мы лишь на похороны даем.

Вчерашний день. Прославленный, орденосный «Волго-Дон»: детские сады, школа, Дворец культуры, больница чуть ли не лучше обкомовской — с зимним садом, двухместными палатами, профилакторий с «соляными шахтами», плавательным бассейном. И ведь всё не с неба падало, всё по труду. Пять с лишним тысяч килограммов молока — средний надой на корову. Килограммовые привесы на откорме. 500 да 600 центнеров — овощные урожаи. Все это было, было.

Но жить памятью о вчерашнем может лишь человек доживающий, у которого все в прошлом, а будущее — лишь мир иной.

В «Волго-Доне», в его селеньях, живут 2100 работников хозяйства да еще дети, их немало. Около шести тысяч народу в поселках. Пенсионеров — 700. Остальным жить бы да жить, жить да работать. Значит, нужно думать о дне завтрашнем.

Алексей Петрович Киришин, тридцатидвухлетний бригадир овощеводов, четко знает, что его бригада выращивает на ста гектарах капусту, на шестидесяти гектарах томаты, огурцы, морковь, перец. Но вот что будет завтра с «Волго-Донем», ему неясно. Твердо знает, что надо работать. Но...

Звеньевые Екатерина Михайловна Мазайкина и Люция Павловна Кузнецова, овощевод Александра Михайловна Иванченко, проработавшие в «Волго-Доне» по пятнадцать и по двадцать лет, тоже уверены, что их основное дело — посеять, прополоть, вырастить овощи и собрать урожай.

— Но ведь и в прошлом году, — спрашиваю я, — вы посеяли, прополости, вырастили и заработали неплохо, в среднем по пятьсот тысяч рублей в месяц. И в нынешнем — заработки неплохие. Чем недовольны?

— Где они, эти деньги? Когда получим? Они лишь на бумаге. Задержка заработной платы подпирает к году.

— Но ведь вы акционеры, хозяева, вот и думайте, как дело вести.

Тут начинаются вздохи: «Ничего не знаем».

— Надо бы и своего реализатора, чтобы он продавал, — предложил кто-то из женщин.

Ее остудили:

— Начальство не разрешит.

— Придумали какие-то трудодни... Не поймешь. За четыре дня я заработала два с половиной. А что это такое, никто не знает.

В тот же день на животноводческой ферме мне жаловалась телятница:

— Взяла молока, колбасы под запись. Осталась еще должна. Восемьдесят четыре тысячи в месяц, а остальное — потом. Кто придумал?

И здесь та же песня: «Наше дело — работать. Остальное — начальства».

Песня привычная: колхозник ли ты, рабочий совхоза или, как теперь говорят, акционер, то есть собственник земельного и имущественного пая, — все одно: «Наше дело — работать, а начальство нехай думает». И еще: «Конторские все равно обманут».

Песня вечная. Сто лет назад писано: «...трудность состояла в непобедимом недоверии крестьян к тому, чтобы цель помещика могла состоять в чем-нибудь другом, кроме желания обобрать их...» И еще: «... разговаривая с мужиками и разъясняя им все выгоды предприятия, Левин чувствовал, что мужики слушают при этом только пенье его голоса и знают твердо, что, что бы он ни говорил, они не дадутся ему в обман». Это писал Лев Толстой — не только писатель, но волею судьбы земледелец, помещик, а волею совести и разума — радетель о своих мужиках.

Сто лет прошло. И будто ничего не изменилось. Только барин другой — «контора». «Конторские все равно нас обманут» — вот самый уверенный прогноз на день завтрашний.

...«Волго-Дон» и теперь остается мощнейшим производителем овощей, молока, мяса, зерна. 20 тонн молока ежедневно получали здесь в 1996 году и поставляли в город, к нашему столу. За год — более 7 тысяч тонн; мяса — тысячу тонн за год; овощей — 25 тысяч тонн. Повторяю еще раз: такое количество сельскохозяйственной продукции не всякий район способен произвести. В «Волго-Доне» по-прежнему работают 2 100 человек, и никто не потерял работу. В поселках «Волго-Дона», где живут 6 тысяч человек, в домах действуют отопление, водопровод, канализация. Работают три детских сада, три дома культуры, профилакторий, комбинат бытовых услуг с парикмахерской, швейной и телемастерской. В школе — столовая, где дети питаются по льготным ценам, а многие — бесплатно. На всю социальную сферу затраты составили 9 миллиардов, то есть более трети всех годовых доходов. Районный бюджет помощь оказал, но очень малую. Взять на себя, как это нынче положено, всю социальную сферу «Волго-Дона» районные власти не могут. А значит, по-прежнему огромная доля доходов от производ-

ства идет на «социалку». Это груз тяжкий. Потому что эти миллиарды повышают себестоимость продукции, ее конкурентоспособность.

Сейчас у нас, жителей городских, великая тревога: правительство постепенно ликвидирует субсидии на содержание жилья. А вот «Волго-Дон» давно и сполна за себя платит. Это доля крестьянская. Но она тяжелее год от года. Она лежит не только на «конторе», но и на каждой семье.

Задержки (до двух лет) с расчетом за произведенные овощи, несообразные закупочные цены на мясо не дают возможности вовремя выдавать работникам заработную плату, иметь оборотные средства для поддержки на нужном уровне производства. А это не проходит даром. Сегодня среднесуточный надой — 6 килограммов. А ведь был и вдвое больший, и даже 17 килограммов. Это помнят. Потому что раньше заготавливали одного лишь силоса 60—70 тысяч тонн. Не только себе хватало, но и соседние хозяйства из года в год снабжали, заготавливали достаточное количество отличного сена, гранул, фуража. Не тот стал полив, не хватает средств на удобрения, семена, соблюдение технологии. Одно другое цепляет, а результат — потеря продукции. Надой и привесы в «Волго-Доне» еще пять лет назад были почти в два раза выше. И урожаи овощей доходили до 700 центнеров с гектара. Нынче — чуть не вдвое ниже.

Ежемесячная заработная плата в «Волго-Доне» была в среднем за 1996 год — 500 тысяч рублей. Она выросла по сравнению с предыдущим годом более чем в два раза — ежемесячно надо платить один миллиард рублей.

— Как жить? — спрашивает молодая женщина. — Шестидесят тысяч надо уплатить за квартиру, да еще столько же за детей в детский сад. А определили — восемьдесят пять тысяч в месяц.

Действительно, как?

Не укладывается наша жизнь, особенно сельская, в простую арифметику. Живут люди.

На коллективных фермах и базах «Волго-Дона» 6 500 голов крупного рогатого скота. А сколько их в личных сараях и сарайчиках огромного «шанхая», как называют его, что растет год от года на окраине поселка?

Подсчитать не сможет никто. Но говорят, что частного скота не меньше, чем общественного. Значит, около семи тысяч? Сенных угодий вокруг «Волго-Дона» нет. Значит, весь этот скот кормится за счет хозяйства: его земель, техники, вложенных средств. Энергичный, ловкий человек может держать и до десяти голов. Никакие запоры на гумне, никакая охрана не преграда. Корма «уходят» к своим буренкам, колхозные — жуют солому. Если прежде воровали «по совести», чтобы прокормить поросенка, десяток кур для семьи, то теперь «можно» красть и для «хорошей жизни», чтобы купить, например, машину.

И теперь несут, как раньше говорили, а точнее, воруют все, что есть в хозяйстве: на молочной ферме — молоко (и не баночку, детям на кашу, а уже десятками и сотнями литров); на овощных плантациях — не помидорку-другую и не кочан капусты, а десятками килограммов. Приходится ставить охрану. Да не киношного деда с берданкой, а «спецов» из города. Но и они не справляются...

В прошлом году ли, в позапрошлом, когда такая охрана была в новинку, здешние работники возроптали: «Как? Наше кровное... от кого охраняют? Наши деньги тратятся... придумала контора... убрать!»

Убрали. Лишь на сутки. И за эти сутки, за день и ночь, украли с поля не килограммы, а тонны лука, потеряв на этом многие миллионы рублей.

Потеряли все вместе, весь коллектив, который эту землю пахал, засеивал, день-деньской гнул, полон, поливал — словом, целый год трудился. А «нашли» люди не сторонние, не из Москвы и не из Волгограда приехавшие, — «нашли» свои, но ловкие, беззастенчивые, корыстные.

Остановить их невозможно. Они сегодня оправдывают себя морально: «Зарплату не дают! А надо себя и детей кормить!» Органы милиции, прокуратура, суд ничего с ними не делают. Ведь крадет человек с фермы ли, с поля не государственное молоко, лук, капусту, а свое. Он — акционер, а следовательно, хозяин «Волго-Дона», его полей, скота, угодий. В тюрьму его не посадишь, морально на таких людей не воздействуешь. «Воруй, как мы, воруй с нами, воруй лучше нас!» — это правило ширится, разве-

дая механизм коллективного хозяйства и подрывая его экономику.

Повторю: не луковицу крадут, не кочан капусты. Совхозный пенсионер рассказывает: «Каждый день вижу в окно, как с дойки идут. У всех — ноша. Особенно одна себя не жалеет. В обеих руках по канистре по двадцать литров. Плечи у нее — как у штангиста».

Лучше теперь живут не самые работающие, а бесстыжие и наглые.

— А если я не могу воровать?! — слышу я не впервые. — Физически не могу! Что мне делать?

В последнее время, когда бываю в «Волго-Доне» и гляжу на поселок, на многоэтажные дома его центральной усадьбы, то грезится мне недоброе. Вспоминаются страшные мертвые города, которые приходилось видеть в степях Казахстана, в Сибири — там жили люди, работали, а потом ушли, все бросив. Истощился рудник ли, шахта, не нужна стала воинская часть. И теперь стоят пустые дома. Свистит лишь ветер в оборванных проводах.

Не хочется думать, что такая же судьба ждет «Волго-Дон», не хочется. Но ведь и в нашей области уже есть селения, где вчерашняя котельная — лишь коробка с трубой, вчерашний детский сад — без дверей, без окон, вчерашний коровник — руина.

«Волго-Дон» внешне еще могуч. Но его «внутренности» разъедают многие язвы. А как говорится, большой падает с большим грохотом, потому что на плечах его — груз великий. Постепенная деградация очевидна. За последние годы надои в «Волго-Доне» упали с 5 500 килограммов до 2 500. Привесы — с 900 граммов в сутки до 300—400. Урожаи овощей — с 600—700 центнеров до 300. Долгов у «Волго-Дона» на июль 1997 года — 16 миллиардов рублей.

Процесс разложения, падения самого мощного, самого производительного хозяйства в области очевиден. И если его, бывшего директора, дважды Героя Социалистического Труда В. И. Штепо, сместили в 1990 году вполне демократично — с помощью инициативных групп, митингов, голосования, — то нынче последние главные специалисты уходят сами.

Уходят они не к сладкой жизни, не к какой-нибудь коммерческой кормушке. Опоздав на пять-шесть лет, они спешат в фермерство. А точнее — убегают от «волго-донского» колхоза, где год от года все тошнее и горше, тем более людям, хорошо помнящим лучшие времена.

А в фермерстве пример им, конечно же, Виктор Иванович Штепо, их бывший директор. Это к нему в прошлом августе привезли нашего премьера, чтобы показать новый фермерский «товар» лицом. Показывать есть что.

У Виктора Ивановича Штепо я стараюсь бывать каждый год. Человек он интересный и мудрый, но более того: судьба дважды Героя Социалистического Труда, ныне фермера — это судьба страны, вчерашний день ее, нынешний, а главное — залог завтрашнего.

Когда в давние годы молодой Штепо возглавил совхоз «Волго-Дон», там были лишь бараки бывшего лагеря заключенных. «Начали строить...» — вспоминает он. Построили один из лучших в стране совхозов, с высочайшей технологией сельскохозяйственного производства, с достойным бытом и отдыхом людей.

Но пришли нелегкие перемены. И Виктор Иванович, уже в годах немолодых, пенсионных, начал новое дело — и опять с нуля. Вернее сказать, дело-то старое, каким занимался всю жизнь: земля, хлеб, — но условия новые. Не огромный коллектив, не тысячи гектаров земли, а лишь свое. И уже в первую осень Виктор Иванович и два его соратника получили две тысячи тонн зерна.

Годы начала земельной реформы — 1991-й, 1992-й — для многих новых хозяев оказались золотыми. Государство давало весьма льготные кредиты фермерам, но зачастую эти деньги доставались не земле, а превращались в доходные магазины, автомобили, в еще большие деньги.

Виктор Иванович повторял свой прежний путь земледельца. Но если раньше создавался совхоз «Волго-Дон», предприятие государственное, с немалыми государственными же затратами, то теперь — хозяйство Штепо и его семьи. Принцип оставался прежним: все для земли, все для урожая, все условия для самостоятельного хозяйствования.

В прежние свои приезды видел я сначала проекты, потом — начало работы, ход ее, а теперь, летом года 1997-го, стоит на окраине Береславки целый комплекс фермерского хозяйства Штепо.

Просторная высокая мастерская для ремонта тракторов, комбайнов, автомобилей. Кран-балка, небольшой механический цех с токарным и сверлильным станками. Аккумуляторное отделение, сварочное, компрессорное. Склад запасных частей. И все сделано аккуратно, с умом, по-хозяйски. Везде чистота и порядок. Это — Штепо. Это его характер. В огромном ли «Волго-Доне». Или здесь, у себя.

Тут же — гараж для сельскохозяйственной техники. У Штепо под открытым небом машины ржавеют не будут. Так было в совхозе. Так и у себя.

Неподалеку расположился комплекс жилой — для людей, для скота. Но если дома обозначены лишь фундаментами, то помещения для коров, свиней, сенник, склад зернофуража уже готовы.

Еще одно строение показал мне Виктор Иванович — пекарню.

И опять, это не пекарня-временка, не сарай, каких нынче много развелось, когда выпечка хлеба стала очень рентабельной. Это — не на час, чтобы барыш сорвать. Это — навсегда. Технологическая цепочка: склад муки, за ним — помещение, где будут стоять сита, далее — тестомесильные машины, шкафы для выпечки, склад готовой продукции.

Встречи с Виктором Ивановичем — это всегда не только разговор о гектарах да центнерах, о Береславке да Калаче, но и о времени, о нынешних путях России, о дне вчерашнем, который порою так похож на сегодняшний. Просто забывается старое, и кажется, что нынешнее — новь, какой не бывало.

Виктор Иванович вспомнил Николая Лескова, его «Загон», где пишется будто о сегодняшнем, когда порою бездумное реформаторство, слепое копирование «на английский манер» для сторонних людей — смех, а для крестьянина — горе.

Посетовал Виктор Иванович, что не может в книжных магазинах сегодня привычно отыскать достойного чтения. И молодых жалко: почитай-ка всю эту дурь, что на прилавках, —

недолго и свихнуться. Примеры налицо: взял автомат — и всех подряд уложил, словно в боевике да в триллере. Молодая душа — словно весенняя пашня: что посеешь, то и вырастет...

В общем, Черномырдина не зря к Виктору Ивановичу привозили. Премьер был доволен: руку жал, обнимал, спрашивал о заботах.

— Земли бы надо, — отвечал Штепо. — Бурьяном зарастает, а не дают.

— Там, где бурьяны растут, все бери, паши, — разрешил премьер.

Вольно было обещать. За расширение своих земельных угодий Штепо бьется давно и безуспешно: не дают. И, видимо, не дадут даже после высокого визита. Объясняют: «Не можем нарушить закон. Да, земля плохо используется. Но отобрать ее у законного владельца мы не имеем права». И получается — ни себе, ни людям.

Увы, фермерские успехи Штепо не правило — исключение. Двенадцать тысяч фермеров в нашей области. А крепких хозяев по-прежнему на пальцах можно перечесать. Остальные мыкают горе, кое-как сводят концы с концами, разоряются.

В нашем районе недалеко от Штепо земля А. Б. Колесниченко и Н. Н. Олейникова, работники — каких поискать: молодые, энергичные, образование — высшее агрономическое. Опыт — все тот же прославленный «Волго-Дон», где отработали более десяти лет на нерядовых должностях. Фермерствуют самостоятельно уже пять лет, увеличивая свои земли за счет аренды. В этом году единственные в районе получили продовольственную пшеницу. Словом — смотри и завидуй. Главная проблема — старая-престарая техника, «латка на латке». Новую купить не в состоянии, даже при хороших урожаях. Эти люди — одни из немногих, которые входят в невеликую «золотую сотню» из двенадцати тысяч фермеров области. А что ж говорить про остальных?

Едешь по бывшим землям колхоза «Голубинский» — глядеть уже не горько, а страшно. Хозяйство развалилось, на смену ему пришло... как и назвать, не знаю. По бумажным отчетам — фермеры. По сути — голытьба. Говорить про них тошно.

Спроси в райцентре у любого сельхозначальника или в Голубинском округе у встречного-поперечного: «Кто у вас из фермеров? От кого прок есть?» Спроси, и назовут, как таблицу умножения: «Пушкин, Коньков». Что один, что другой — работяги. У Пушкина — четверо сыновей: младшему — одиннадцать лет, старший сельхозинститут заканчивает. «Трудятся, как муравьи, от темна до темна», — говорят соседи. Коньков занимается бахчевыми культурами. Но назвать их уже состоявшимися фермерами, а их хозяйства хотя бы приблизительно похожими на хозяйства Штепо — язык не поворачивается. Это — лишь начало. Самоотверженное, героическое начало очень долгого пути. У Пушкина — 200 гектаров, у Конькова — столько же. Но ведь у «Голубинского» было 40 тысяч гектаров земли, на которых не двадцать бычков Пушкина паслись, а тысячи голов крупного рогатого скота и десятки тысяч овец. И не только арбузы да дыни Конькова отсюда увозили, но и хлеб.

А теперь из края в край — дикое поле.

Районный отдел статистики сообщает: «...сохранилась тенденция к сокращению поголовья скота и снижению производства продукции. Поголовье коров уменьшилось на 7 процентов, свиней — на 10, овец — на 16. На сельхозпредприятиях, в крестьянских и личных подсобных хозяйствах произведено скота и птицы в живом весе 2 694 тонн (93,5 процента к уровню соответствующего периода 1996 года), молока — 13 406 тонн (85 процентов к уровню 1996 года)».

И это — лучший район области.

Итак, осень 1997 года — можно «считать цыплят». Щедрая осень: дождей летом хватало и урожай — очень хороший, не в пример двум прошлым годам.

Но... Во-первых, если «Бог дал», то не в амбар, а на поле. Два месяца длилась уборка хлебов в районе. Ну, ладно. Убрали, каждый — свое. Вопрос второй: насколько разбогатели от хорошего урожая наши хозяева? Прокормятся ли до нового?

Из истории да хорошей художественной литературы все мы знаем, что если хватало у крестьянина своего хлеба до «новины», значит, крепкий хозяин. А те, кто после Рождества шли займы просить, — гольгѣба.

Наши нынешние коллективные хозяева — все до единого! — если и рассчитаются с долгами, которых набрали за год у областной «Агропромышленной корпорации», то лишь затем, чтобы немедленно, уже в сентябре, брать в кредит у той же корпорации горючее, запчасти и прочее для сева озимых, вспашки зяби, то есть лезть в долги в счет 1998 года.

Но вот если колхоз распустить, то для большинства настанет горькая жизнь. Пусть было у них 10 тысяч гектаров пашни. В наших краях, для того чтобы заниматься зерноводством, фермеру нужно не менее 500 гектаров земли. Значит, вместо колхоза — двадцать хозяев, которые будут нанимать на сезонную работу около пятидесяти работников. И так, всего — семьдесят человек. А в колхозе их было пятьсот. Куда податься остальным? На что жить? Ведь ни в Волгоград, ни в Сибирь, ни в Австралию не переселишься. Они останутся на том же хуторе, но без всяких средств к существованию. Это уже катастрофа, и люди ее нутром чувствуют. Поэтому даже в самом завалищем, погрязшем в долгах колхозе дружно проголосуют: «Работать вместе!» Во-первых, трезвый расчет: без колхоза — гибель. Во-вторых, хорошая память: они родились в колхозе, выросли в нем, всю жизнь проработали. Он давал им гарантированную (пусть невеликую) зарплату и еще позволял кое-что «уносить» для жизни. Колхоз строил жилье для работников и давал его бесплатно, содержал детишек в детсадах да школах, лечил хворых в своих больницах; со своими бинтами да простынями, как нынче, в больницу не ходили. А в общем, колхоз обеспечивал сегодняшний и завтрашний день, в который глядели без особой опаски. Лишь работай, слушай, что прикажут, и выполняй. Потому прошлые годы для большинства крестьян — это сладкий сон золотой. Так что колхоз, даже сегодняшний, — строение крепкое. Он долго будет «держаться», «терпеть», «выживать», «надеяться»; «должно наконец правительство понять», «должны наконец повернуться лицом к деревне»...

...Повторю: рассказ мой в основном об одном из лучших районов области. В других по пять лет уже зарплаты не видели. По пять лет! Понятно, что это за коллективные хозяйства, какие в них хозяева и до чего они доработались.

Подчеркну: сельское хозяйство нашей Волгоградской области наряду с Краснодарским краем, Ставрополем, Ростовской областью — одно из самых крепких и производительных в России. Нельзя даже сравнивать — ни прежде, ни теперь — наши края с Севером да Нечерноземьем. Нынешний год заглянул в один из районов Тверской области. Поговорил в тамошнем сельхозуправлении: положение — «страшной войны». У нас хоть областную «Агрокорпорацию» придумали, она — в помощь. Да прежние нажитки доедаем. У тверяков и этого нет.

Но разговор нынче о наших краях как части крестьянской России, бедственное положение которой начинают понимать, наконец, московские власти. Не зря ведь ездил Черномырдин по сельским районам Кубани, Ставрополя, Волгоградской области, не зря горестно разводил руками.

Что нужно сельской России? Почему плачет она возле старых могил, вспоминая, как сон золотой, даже свои прежние несладкие годы?

Прежде всего, нужен тот, кто, во-первых, понятно объяснит, что колхозные времена кончились навсегда и жизнь давно потекла по-новому. А во-вторых, понятно и доступно начнет учить новой жизни. Потому что этого не знают не только скотник и тракторист, но и колхозный председатель, даже руководитель района и области. У тех лишь: «Держаться, выжить, перетерпеть...» Это незнание понятно: родились, выросли, воспитаны советским колхозным строем, получили образование в областном сельхозинституте да в заочной совпартшколе. Другой жизни не ведали. Откуда же взяться иному опыту?

Новый опыт, иные знания должны прийти в виде четкого плана переустройства колхозной страны. Чем позже это свершится, тем хуже. Деревенские страсти, борьба за жизнь, дикий рынок разрушают и могут до основанья разрушить десятилетиями созданную материальную базу села: землю, производственные помещения, технику, ремонтную базу, поголовье скота. И начинать придется снова от деревянной сохи и урожая в 6 центнеров с гектара, который нынче и получили в коллективном хозяйстве «Голубинское», что возле старых могил.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Русский язык богатеет. Всё на пользу ему, даже перемены в сельском хозяйстве. Когда-то Россию кормил просто мужик ли, крестьянин — позднее поделенный на «бедняка», «средняка», «кулака», «зажиточного». После революции появились «коммуны», ТОЗы, потом «колхозы», «совхозы», им помогали МТСы да РТСы. Стало привычным: «колхозные поля», «колхозный скот», «из семьи колхозника». После новых, относительно недавних перемен родились на свет мало кому понятные аббревиатуры СПК (сельскохозяйственный производственный кооператив), АОЗТ, СППК, да еще «Западом» попахивающий «фермер».

Нынче у нас объявились МУСПы (Муниципальное унитарное сельхозпредприятие): «Голубинское» (когда-то совхоз), «Калачевское», «Дон» и т. д. Коллективных хозяйств стало вдвое больше. МУСП «Дон» и СПК «Дон», МУСП «Варваровское» и СПК «Варваровский», МУСП «Нива» и колхоз «Нива»... На тех же землях, в тех же хуторах и селеньях. Зачем, почему?

Налицо новый шаг на пути преобразований. Не какой-нибудь, а в великую сажень. Без преувеличений — революционный.

Вспомним, как создавались колхозы: «Заявление. Прошу принять... Быков — две пары, лошади... плуг... борона... косилка...» Личное, свое, становилось общим, колхозным. Все это — с болью и с кровью. Кнутом, а то и штыком загоняли. Одним словом, коллективизация.

И вот теперь, полвека спустя, новые кипы заявлений: «Главе районной администрации... Прошу Вас принять мой имущественный пай в размере ... в муниципальную собственность безвозмездно», «...в размере 9 866 рублей», «...в размере 15 605 рублей». Есть бумажки, писанные от руки, есть «под машинку». Но подписи — личные, потому как документ «юридический»: Жалнин, Уланов, Сегеда, Силичев, Кравякин, Катайкин, Попадейкин... — корявые подписи, но разборчивые.

Объясняю для несведущих: «имущественный пай» колхозника — это личная часть из общего колхозного нажитка,

состоящего из коров, свиней, тракторов, комбайнов, помещений молочно-товарной фермы, механизированного тока, гаража, амбаров полных и пустых. Засеянных осенью и теперь зеленеющих полей озимки и прочего, прочего, чем жили, чем ныне работают, чем кормятся. Повторю: часть, лично принадлежащая члену коллектива. За долгие годы нажитое. А теперь отдают безвозмездно в «муниципальную собственность», а попросту — государству. Всё вместе и разом.

«В связи с выходом членов кооператива из СПК “Варваровское” прошу Вас принять в муниципальную собственность имущественные пай бывших членов СПК на сумму ... и неделимый фонд на сумму ...».

Далее следует перечень имущества, с которым добровольно расстаются бывшие колхозники, и совхозники, и члены АО, СПК, СППК: «тракторы... комбайны... плуги... автомобили... коровы...». В числе прочего: «Бык-производитель. Балансовая стоимость 2 291 рубль». «Памятник Ленину. Балансовая и остаточная стоимости последнего одинаковы: 90 292 рубля. Уценке не подлежит». Передали государству, пусть владеет.

«Решение Комитета по управлению государственным имуществом Калачевского района:

1. Создать на базе бывшего сельскохозяйственного производственного кооператива “Варваровский” муниципальное унитарное сельскохозяйственное предприятие “Варваровское”.

2. Назначить директором МУСП “Варваровское” ... (фамилия, имя, отчество)».

Далее.

«Комитет по управлению государственным имуществом и МУСП “Варваровское” заключили договор:

1. Комитет по управлению государственным имуществом закрепляет за предприятием движимое и недвижимое имущество на праве хозяйственного владения».

И на этом пока поставлена точка. Все движимое и недвижимое имущество, отданное государству «безвозмездно», государство тут же возвратило бывшему собственнику в «хозяйственное владение».

Что это? Досужие забавы? Из рук в руки... Туда, а потом сюда. А свинарник на том же месте остался, вместе со всем хрюкающим поголовьем. На том же месте гараж с автомобилями, коровник и, конечно, озимая пшеница, что понемногу растет.

Что изменилось? Во-первых, руководитель бывшего колхоза, позднее СПК, а ныне МУСП, не избран, а назначен государством. И государство, в лице районной администрации, может его уволить. Во-вторых, бывшие колхозники, позднее «акционеры» и «кооперативщики», теперь владеют лишь землей, а все, что на земле растет, мычит, блеет, хрюкает, — это государственное. Все «движимое и недвижимое»: орудия труда, производственные помещения — все государственное. А бывший владелец остался лишь работником, правда, с земельным паем.

Согласитесь, что расстаться с собственностью, тебе принадлежащей, — шаг непростой. И так вот, запросто, отдать нажитое чужому дяде, то бишь государству... Тем более что живут на селе весьма небогато. И все-таки отдали. Почему?

Во-первых, так называемый имущественный пай колхозника — факт, конечно, неоспоримый, но не очень осязаемый. Корова ли, бычок, коза, даже курица, ржавый гвоздь на своем подворье — это уж точно «мое». И попробуй этот ржавый гвоздь, тем более курицу забрать. Такой поднимется вопль! На весь белый свет. С ружьем ли, с вилами встанет хозяин на защиту.

А «имущественный пай» — нечто воздушное, теоретическое, вроде чубайсовского «ваучера». Как бы оно и есть: коровы в колхозном стаде, тракторы, гараж, амбары — но... не ухватишь. И даже не больно поймешь: что тебе принадлежит? И в руки взять его трудно, почти невозможно, даже с помощью суда и прокуратуры. Потому и расставались относительно просто.

Тем более что было обещано большее: сохранение колхоза, а значит, привычной жизни.

«Быть бы живу!» — главная задача селянина.

Чтобы читатель имел представление о нынешней жизни на селе, дадим несколько картинок. Время: осень 1998 года, зима, весна 1999 года. Калачевский район. Хутор Овраж-

ный. Говорит управляющая отделением А. Н. Конева: «Поголовье скота вполтину сократили, осталось 500 голов, из них до конца зимы не все дотянут. Кормежка в этом году — просто слезы. Соломы нынешнего года нет, сено уже съели, есть в поле прошлогодняя солома, но она уже попрела. Силос имеется, но его мало, приходится экономить. Кормим коров просом, как кур...»

Среди бела дня, во время ее монолога, на глазах растаскивают последние корма. Вон он, поехал трактор, груженный силосом, и скрылся на хуторской улице.

Сообщает районная газета под заголовком: «Январь — пора сенокоса»:

«В связи с благоприятными погодными условиями и острой нехваткой грубых кормов для крупного рогатого скота в колхозе “Нива” приступили к заготовке сена. Заниматься сенокосом в конце января — дело непривычное, но не от хорошей жизни колхозники вынуждены были на это пойти. На базе МТФ хутора Камыши осталось тонн сорок соломы и пятнадцать тонн сена. А до конца зимовки шестистам буренкам требуется четыреста тонн грубых кормов. Ну, подвезти еще можно тонн сто соломы с полей, а дальше что? Погибать голодной смертью?»

Благо зима выдалась бесснежной, с легким морозцем, а в пойме Дона по пояс стоит высохший на корню чакан с луговыми травами. Вот оно, сено, готовое, только бери и коси. Попробовали пустить туда комбайн с одним из лучших колхозных механизаторов Петром Денисовым за штурвалом. За первый день он накопил пять тележек. Дали “зимнего сена” коровам на пробу — едят. С голодухи что только не съешь.

Последний раз зимним сенокосом у нас в районе занимались лет пятнадцать назад, когда тоже были большие трудности с кормами. И вот снова сложилась подобная ситуация. Возможно, благодаря “зимнему сену” колхозному животноводству удастся выйти из зимовки без потерь. Остается только призвать всех тружеников сельхозпредприятий поддержать почин колхоза “Нива”».

А вот зимние новости из другого района: «По данным диспетчерской службы сельхозуправления, в начале ноября

надой молока на фуражную корову составил в СПК «Фурмановское» 2 стакана, в СПК «Калининское» — 3 стакана».

Да что отдельные хозяйства. Целые районы прошлой зимой надаивали в среднем на корову за день по три стакана молока: Чернышковский, Котовский. Многотысячные стада... Некормленные! Вот в чем причина. И новая система мер удоя: один стакан.

СПК «Советский», я и прежде называл это хозяйство в числе лучших — таким оно и осталось. Руководит им энергичный неглупый человек, с большим опытом. Но тогда я предположил, что в нынешней обстановке даже лучшие хозяйства повторяют судьбу худших, дело лишь во времени. Это горькое время, увы, оказалось не за горами. Апрель месяц, с полей везут черную позапрошлогодную озимую солому. Коровам деваться некуда, жуют и ее.

Еще одно хозяйство. За время зимовки колхозное поголовье скота сократилось на треть. Оставшихся 1 100 коров из-за полного отсутствия кормов начали выгонять на пастбище, хотя весна выдалась холодная и травы, считай, нет. Но деваться некуда. Исхудавшие, полуживые коровы падают, не могут идти.

В тридцати километрах — другое хозяйство. Но картина — та же. Страшно глядеть на скотину.

Беды колхозного животноводства естественны. Края наши — засушливые. Вечнозеленых альпийских лугов нет и не предвидится. Вся кормовая база в руках полеводов и механизаторов, которые пашут, сеют, косят и везут корма к животноводческим фермам.

Но как нынче пашут и сеют?

«Очень тяжелое положение в наших ведущих хозяйствах. Опасность в том, что практически еще не пахали зябь в этом году, — говорит начальник сельхозуправления района. — Это небывалое. Даже в очень сложной ситуации прошлого года вспахали 92 тысячи га и считали это трагедией. А в этом году — 10 тысяч га» (газета «Рассвет»).

«В 1998 году 45 процентов от общей площади пашни не используется (по колхозам. — Б. Е.). 63 процента пашни личных крестьянских хозяйств не используется. Под парами лишь 5 процентов пашни» (газета «Коммуна»).

«Некогда преуспевающий в земледелии Калачевский район из 105,7 тысячи гектаров по состоянию на 10 октября сумел одолеть лишь 7,2 тысячи гектаров. А Быковский из 134,2 тысячи менее 10 тысяч» (газета «Волгоградская правда»).

«О чем мы будем говорить в будущем году, если только 30 процентов зяби вспахано?» (Из выступления председателя аграрного комитета Волгоградской областной думы.)

«О чем говорить» в газетах ли, в «думах», мне кажется, проблема невеликая. А вот что уродит невспаханная, незасеянная земля и чем тогда жить крестьянину, области, всей стране?

О всей стране думают «наверху», в правительстве.

Очередной министр сельского хозяйства В. Семенов в марте 1999 года, забыв о своих прежних решительных намерениях «банкротить» нерадивцев, сообщил через газету «Комсомольская правда», что главная задача — наведение порядка на зерновом рынке, биржевая торговля. Если верить словам газеты и министра, то собственные успехи В. Семенова очевидны. Семь с половиной лет директорствуя в агрофирме «Белая дача», он сумел свой личный пакет акций увеличить с 0,25 процента до 20,5 процента. Этому я поверил.

Многим и многим нашим руководителям хватает ума и энергии лишь для того, чтобы себя обеспечить. Но это — не мое открытие.

Кроме лозунгов да общих слов, кроме «посещения регионов», всевозможных «облетов» для выявления «истинного положения дел на местах», кроме селекторных совещаний, от власти московской проку было мало. Ни тактики, ни тем более стратегии.

В краях и областях принялись вершить сельскую перестройку всяк по-своему.

В нашей области была создана Агропромышленная финансовая корпорация. Задумывалась она с благой целью — помочь селу: закупать у коллективных хозяйств и фермеров зерно, мясо, молоко, овощи и снабжать их горюче-смазочными материалами, техникой, удобрениями. Первоначальные оборотные средства должна была предоставить област-

ная администрация и некоторые частные компании. Контрольный пакет акций у государства. Значит, контроль есть. Тогдашний губернатор и его помощники рисовали картины радужные: никаких «накруток», никаких «пенко-снимателей», честный бизнес на благо селян.

Агрокорпорация начала работать. Настораживало, что уже с первых шагов было много шику: белоснежный «линкольн» руководителя, покупка квартир, аренда огромного здания. А еще... эти самые «частные компании», которые вошли в корпорацию, «чтобы помочь селу».

Настораживал и печальный опыт лет прошлых, его нельзя было не заметить. Новая Агропромышленная финансовая корпорация разместилась в шикарном здании из стекла и бетона, а напротив высился вовсе уолл-стритовского пошиба колосс, только что возведенный конечно же иностранными строительными фирмами, — Агробанк. К этому сроку уже прогоревший. Но в свое время тоже основанный «сельхозпроизводителями» для целей тех же, благих: помочь селу.

Волгоградская агропромышленная финансовая корпорация продержалась более пяти лет, хотя нелады начались почти сразу. Селяне жаловались на «грабителей» из корпорации, которые поставляют горючее по цене завышенной, а за зерно платят мало и несвоевременно. Агрокорпорация предъявляла свои счета, главный из них — традиционный: селяне не расплачиваются по долгам.

К примеру, район Калачевский. В 1995 году корпорация кредитовала район на 10 миллиардов рублей, из которых ей вернули — 4. В 1996 году кредитовала на 21 миллиард рублей, вернули — лишь половину. Так «возвращали» долги все районы области.

В 1998 году из пятисот двадцати коллективных хозяйств области, работавших с корпорацией, в должниках у нее были пятьсот. В результате к 1999 году Агропромышленная корпорация оказалась банкротом, с огромными долгами перед своими кредиторами, причем весьма серьезными, такими, как «Лукойл». Видимо, как всегда, расплачиваться будет «общий карман» — бюджет, ведь контрольный пакет акций агрокорпорации — у государства, возврат кредитов

гарантировала областная администрация. Значит, областной бюджет будет платить, да еще многие честные сельчане, что отдали корпорации свою продукцию, денег за которую не дождутся.

Итак, очередная идея по спасению сельского хозяйства в нашей области рухнула. Но жизнь продолжается. А по части идей у нас, кажется, никогда недостатка не было...

Сугубый, казалось бы, практик, заместитель председателя комитета по сельскому хозяйству и продовольствию администрации области, предлагает, например, осуществить следующие экстренные меры:

— разработать областную систему балансов производства и потребления продуктов питания;

— довести государственные заказы, квоты на поставку продовольствия и сельскохозяйственного сырья до конкретных товаропроизводителей;

— объявить государственную монополию внешней торговли на некоторые виды продовольствия (зерно, растительное масло и др.);

— установить систему таможенных платежей, налогов, квот и других форм регулирования таким образом, чтобы исключить возможность продажи импортной продукции по ценам, подрывающим конкурентную способность наших товаропроизводителей.

Госзаказ, монополия и заслон на границе, чтобы не прорвались в наши пределы чужое мясо да молоко, подрывающие конкурентоспособность наших товаров.

Некоторые коллективные хозяйства нашей области уже довели себестоимость 1 кг мяса до 100 рублей. На калачевском, на волгоградском рынках цена сегодня в три раза меньше. Значит, и рынок надо разогнать. Иначе только сумасшедший будет покупать сторублевое колхозное мясо.

Еще одна идея. Тоже — мудрая. Автор — генеральный директор компании, имеющей прямое отношение к сельскому хозяйству. Он предлагает основать комиссию, в задачи которой входит:

1. Создание теории деструктивных трансформаций производительных сил и производственных отношений.

2. Оценка объемов потерь...

3. Отработка подходов...

5. Создание областной программы...

4. Организация персонифицированного учета налогоплательщиков с созданием областного реестра населения.

Я позволил себе переставить пункты программы, чтобы выделить главный, основной, смысл которого точь-в-точь сказка про мужика и двух генералов, кои, попав в положение катастрофическое, правильно поняли: чтобы спастись, надо разыскать мужика; он обязательно где-то прячется и от работы отлынивает. Генералы мужика нашли и тем спаслись, даже телом поправились.

Так и у нас: во всем виноват «мужик, который отлынивает».

Вышеупомянутый гендиректор предлагает провести «производство на базе налоговой службы областного реестра населения».

В переводе на русский это означает: налоговая служба должна пересчитать кур нашей соседки (их примерно десяток) и обложить налогом, потому что соседка иногда продает яйца. Ее пенсия — 300 рублей. Четыре тонны угля, необходимого для зимы, стоят 3 тысячи рублей. Поэтому она с ранней весны до поздней осени, не разгибаясь, ползает по огороду и порой продает десяток пучков редиски, лука, укропа, потом — огурцы, помидоры, чеснок... Какие-то копейки собираются. Конечно же, надо ее «обложить».

«Надо обложить» и моих колхозных знакомцев, которые денежной зарплаты не видят уже пять лет, но живут, держа на подворье не только кур, но и коров, свиней, птицу.

Результаты попытки «учесть и обложить» для меня очевидны. Старуха пенсионерка поплачет и порубит головы своим курочкам, которые довели ее до новой беды. Колхозные знакомцы мои мудрее и навидались всякого, а уж «учетчиков» да «считальщиков» в былые годы хватало. С прежними совладали, управятся и с нынешними. «Реестра» на селе не получится. Кормильцы и поильцы — коровы Манька да Ночка, хряки Васьки да безымянные хавроньи со всем своим потомством — государственному учету не подлежат. Это, как ныне говорят, «коммерческая тайна». На всякий случай: мало ли что взбредет в голову какому-нибудь генеральному директору ООО «Волгоградмясопро-

дукт». А вдруг поверит ему губернатор? А поверив, начнет не с «создания теории деструктивных трансформаций» да с «оценки объемов потерь», а прямиком с пункта № 4: «учесть и обложить». Генералы, они — мудры, твердо знают, что во всем виноват «мужичина», который ленится. Нужно лишь заставить его работать.

А «мужичина», он не ленится, а просто-напросто пытается спастись, прожить не только сегодняшней день, но и завтрашний у него на уме. Досыта накормленный реформами и преобразованиями последних десяти лет, от которых, кроме разорения, он ничего не увидел, крестьянин ко всяким очередным новациям относится с подозрительностью, боясь потерять последнюю соломинку, за которую еще держится.

Убеждать нынче колхозников, подвигая их на новые преобразования, довольно сложно — боятся потерять последнее. Наученные горьким опытом, всюду видят они обман, да ведь и правы, в конце концов.

Вот на собрании в колхозе «Тингутинский» выбирают нового председателя из четырех претендентов. Выбрали. По мнению районного руководства, не лучшего. Наиболее убедительный в своей программе был другой человек, но он, по тому же мнению, слишком часто употреблял такие слова, как «маркетинг» и «бизнес». Потому и не выбрали, поостереглись.

Но в Алексеевском районе тамошний глава районной администрации нашел нужные слова — реорганизовались все, как один. Правда, не «по-нижегородски». По-своему, «по-алексеевски». Эта новая модель, поддержанная губернатором, а потом даже в Москве тогдашним вице-премьером Куликом, нашла последователей. Колхозные собрания проходили везде гладко, дружно голосовали «за». Хотя приходилось отдавать не просто «голос», но личный имущественный колхозный пай — отдавать безвозмездно районной администрации.

Какие же столь веские доводы были у районных начальников? Они не столь веские, сколь вечные.

Глава Алексеевской районной администрации О. В. Керсанов, победивший на последних выборах, заметно отли-

чен от прочих районных «глав» области. Во-первых, молодостью и бородой. А во-вторых, тем, что прежде он не «секретарил» и не «председательствовал», как большинство народных избранников, не вознесся на «волне демократии», а успешно занимался в своем районе бизнесом, имея собственную торговую фирму.

Зачем успешливому предпринимателю нужна была должность главы самого отстающего в области района (по всем производственным и экономическим показателям район стоял на 33-м, последнем месте)? Ответ на этот вопрос весьма сложен, не о нем сейчас речь.

Но, став главой района, Керсанов через короткое время оказался зачинателем деприватизации колхозной собственности, а точнее — перехода этой собственности в руки государства в лице районной администрации.

Цитирую районную газету:

«О. В. Керсанов энергично осваивает все “закоулки” современного законодательства».

А «закоулки» искать придется по причине простой: коллективные хозяйства «по уши» погрязли в долгах. Должны всем: «Агрокорпорации» — за товарные кредиты (горючее, запчасти, удобрения), Агроснабу, энергетикам, газовикам, в бюджет и во все внебюджетные фонды.

Все эти кредиторы уже не сидят сложа руки, а приступают к взысканию долгов, используя существующее законодательство и механизм исков через арбитраж, через суды. Аресты и торги с аукциона — теперь не новость. В селе Верхняя Добринка Жирновского района за полученный от частной фирмы кредит пришлось отдать все молочное стадо колхоза. Новые хозяева отвезли стадо на мясокомбинат. В Котельниках, совхоз «Путь Ильича», — та же история. Колхоз «Ольховский» Ольховского района полностью был продан с молотка, причем все ушло за бесценки и на сторону. Этот список легко можно пополнить.

Цитаты из районной газеты: «Глава райадминистрации еще раз подчеркнул, что проводимая в нашем районе деприватизация акционерных обществ преследует главную цель — спасти основное имущество хозяйств от ареста, описи и распродажи»; «ЗАО (те же колхозы, но именуемые

“Закрытое акционерное общество”. — Б. Е.) начнут свою работу с чистого листа» (то есть: никому ничего не должны. — Б. Е.).

Такие «закоулки» современного законодательства известны у нас не первый день. Но до села они не доходили. Правда, несколько лет назад поделился со мною новостью один из глав районных администраций:

— Пришел ко мне председатель рыболовецкого колхоза с хорошей идеей. Колхоз весь в долгах, как в репьях, счета арестованы. Он решил выделить отдельный кооператив, передать ему технику, оборудование, пусть ловит рыбу, продает.

— Долги оставить колхозу, — продолжил я, — а во главе нового кооператива поставить своего человека...

— Верно, он планирует зятя поставить. По-своему, по-родственному, можно будет спросить. А вы откуда знаете?

— Как не знать, — посмеялся я.

«Кооператив с зятем» создали. Колхозных проблем он, конечно, не решил: те же долги, та же многолетняя, теперь, считай, вечная задолженность по зарплате. Но, видно, как-то дела пошли, потому что вскоре при том же рыбколхозе создали уже «кооператив с сыном».

Этот способ в России используется еще с перестройки. На село он пришел с запозданием.

У Керсанова, главы Алексеевского района, кроме «деприватизации», а вернее, вместе с ней немало других идей, некоторые понемногу осуществляются: «безналоговая зона», государственное, районное агропромышленное объединение, которое ведет кредитование хозяйств под залог земли, занимается реализацией продукции, помогает пахать, сеять, убирать урожай, конечно, за плату... Но речь о другом: «алексеевский метод» в области был понят быстро и определенно. Вот как объяснил его своим землякам через районную газету глава соседнего района: «От долгов можно избавиться. Несколько крепких... трудяг отделяются от хозяйства (от колхоза, погрязшего в долгах. — Б. Е.), “отпочковываются” со своей долей основных средств (то есть берут тракторы, комбайны, скот, а долги оставляют колхозу. — Б. Е.). Постепенно все основные средства переходят в част-

ное владение. Хозяйство объявляют банкротом. Далее должна последовать процедура описи отчуждения имущества. А имущества-то нет... Арбитражный суд признает, что с хозяйства взять нечего. Все в рамках закона».

Гораздо проще это объяснили колхозникам на собраниях. Объяснили, как говорится, «на пальцах», очень конкретно.

Например. Колхоз имени... Чапаева. Долгов — 10 миллионов рублей. Счет в банке арестован, любые поступления на него тут же забираются за долги.

В колхозе числятся пайщиками триста человек. Триста человек пишут заявление о выходе из колхоза имени Чапаева и еще одно: о передаче имущественного пая районной администрации. Через несколько дней эти триста выходцев, в имущественных паях которых вся сельхозтехника, скот, производственные помещения, пишут заявление и организуют новый колхоз — предположим, имени Фурманова.

В колхозе имени Чапаева осталось пять пайщиков ли, работников, одного из которых поставили липовым председателем, другого — таким же бухгалтером. В этом колхозе остались и все долги, все 10 миллионов, да еще — давно разрушенная молочно-товарная ферма без окон, без дверей и, конечно, без скота. Все кредиторы, объединившись, могут забрать эту ферму. Колхоз имени Чапаева, как и сам легендарный герой, утонет. А вот колхоз имени Фурманова начал новую жизнь, что называется, «с чистого листа», без долгов, без картотек, его банковский счет никто не имеет права арестовать.

Такой вот «закоулочек» в законодательстве нашел мудрый Керсанов, его даже дефолтом не назовешь, а просто: я — не я, и хата — не моя. Все у нас теперь как в столице. Газета «Финансовые известия» (1999, № 36) сообщает: «Взять, к примеру, банк “СБС-Агро” или тот же “Менатеп”. У каждого из них давно готовы “запасные площадки”, названия которых всем известны... Все, что имеет социально-экономическое значение, успешно развивается в рамках банковской группы “Союз” и “Первого общества взаимного кредита”. В “Менатепе” перед отзывом лицензии тоже оставались только долги и несколько человек персонала».

«Алексеевский метод» одобрили, провели по нему областной семинар, на котором предъявляли неверующим козырную карту: переведя всю колхозную собственность в государственную, районную, Керсанов под залог этой собственности сумел взять кредит у каких-то банков и на эти деньги вспахать землю и посеять не в пример больше, чем его соседи. Это был веский довод — кредит и вспаханная земля. Той осенью 1998 года очень немногие в области сумели это сделать — не было денег на горячее.

К весне в моем родном Калачевском районе вместо прежних двенадцати коллективных хозяйств действовало уже двадцать. И только искушенные люди знали, что СПК «Приморский» — это вовсе не «Приморский» во главе с Нургалиевым, а что-то такое... неуловимое. А Нургалиев со всем хозяйством — это теперь «Мир». И всем известный колхоз «Нива» — фикция, а вот МУСП «Нива» — это колхоз настоящий. То же самое с «Голубинским», «Калачевским», «Варваровским»...

— Ну и что? — спрашивал я.

— Работают с «чистого листа», без картотеки, значит, пойдут платежи в бюджет, во внебюджетные фонды... — бодро докладывали мне.

— Но ведь не идут, — наобум возражал я и попадал в точку.

— Потому что сейчас — весна, посевная, столько не пахалось. Все на горячее идет. А вот чуть разгребутся...

— Не разгребутся, — вздыхал я.

Ящерица, когда схватят ее за хвост, оставляет его, а сама убегает, спасаясь. Хвост потом отрастет, пусть не такой казистый. Зато жива.

Наши «колхозы-совхозы» свои вековечные долги время от времени отбрасывают, чтобы остаться живыми. Не буду о далеком, возьму лишь самое близкое — времена Агробанка, кредитовавшего колхозы. В последнюю пору жизни Агробанк давал деньги тоже под залог имущества. Составлялись серьезные бумаги; колхозы закладывали имущество с легким сердцем, зная, что никому не нужны эти коровники, свинарники, а тракторы да скот районные власти не позволят забрать. Представители банка ездили по полям, описывая за долги созревающий урожай. Над ними смеялись, потому что

прежний опыт учил: «Все спишется...» Банк призвал даже какую-то московскую фирму, специализирующуюся на выбивании долгов. «Спецы» прибыли, пожили в районах, поехали и убыли ни с чем. Все списалось.

Появилась «Агрокорпорация». Брали у нее займы, насколько мочи хватало. Отдавать не торопились. Все тот же опыт подсказывал: спишется... «Финансирование сельского хозяйства — рискованное занятие. Лишь благодаря тому, что контрольный пакет акций «Агрокорпорации» принадлежит администрации области, она то и дело отсрочивает сельхозпредприятиям платежи по долгам и продолжает их кредитование», — сообщала областная печать.

Год за годом продолжалась эта песня. «Корпорация», а вместе с ней администрация области уговаривали колхозы: «Долги надо возвращать», даже арбитражным судом, банкротством пугали. Но вместе с этим продолжали выделять кредиты всем хозяйствам: и тем, кто честно расплачивался, и тем, кто не собирался этого делать. Но сколько веревочке ни виться...

В году для «Агрокорпорации» последнем, 1998-м, в колхозах, на полях, на токах появились даже энергичные, крепкие (по всему виду, военные) люди на новеньких «Нивах»: они требовали возврата долгов, намекая, что «в случае чего» вслед за ними придут их команды. В областной печати появились сигналы: «чрезвычайка», «рэкетеры», словно подтверждая давно уже ходившие слухи о том, что «Агрокорпорация» на руку не чиста, крестьян обижает, а теперь и вообще...

— Подтверждаются ли факты выбиваний долгов у руководителей хозяйств с угрозами физической расправы? — спросили напрямую у генерального директора «Корпорации».

Он ответил, что «пока не располагает такими данными».

Областные начальники — губернатор и его заместители — мыкались по области, уговаривая, прося, требуя: «Отдавайте долги, будьте людьми! Мы ведь слово давали, и вы клялись! Нам теперь никто не поверит!» Все напрасно. Зерно да подсолнечник текли совсем в другую сторону. Иной раз по цене рыночной, но чаще — за бесценок, зато

наличными деньгами, так называемым «черным налом», который никто не учтет, кроме Господа Бога.

Волгоградская агропромышленная корпорация — «мать родная» крестьянина — приказала долго жить, оставшись должна бюджету миллиард рублей. Селяне ей должны 600 миллионов.

Но свято место недолго пустует. «Одну матушку похороним, другую создадим», — пошутил кто-то из участников очередного совещания.

Внедряя «алексеевский метод», идею Керсанова, в областном центре придумали и свое. Полгода шла работа подготовительная, в мае организационно оформилась Волгоградская областная агроассоциация. В нее вошли все районы. Поставили печати, сделали взносы. В тот день, когда ее создавали официально, было большое собрание, на котором постановили и проголосовали. Часом позднее у губернатора собрался узкий круг: главы администраций районов. Теперь уже один на один они напрямую спрашивали: «Что мы все-таки создали, куда “вошли” и кто будет командовать всем этим? И кто будет отвечать?» Объяснения получили весьма туманные. С тем и разъехались.

Пытался и я, грешный, что-то понять. Областные власти толкуют сейчас про «холдинги»: «Создать отраслевые объединения на базе молочных заводов, мясокомбинатов, элеваторов». Но как создать эти «холдинги», если контрольные пакеты акций перерабатывающих предприятий у «переработчиков» или у таинственных «инвесторов», то ли московских, то ли греческих, то ли вовсе незнамо каких. Поставщиков сырья (молока да мяса) распугали низкими ценами да неплатежами.

Вот пример сегодня действующего «холдинга»: АО «Сарепта», который занимается горчицей. Говорит В. А. Хомутов, генеральный директор: «В группу “Сарепта” входят сто сорок восемь колхозов, совхозов и других хозяйств, которые владеют 68 процентами акций завода. Колхозы-совхозы свои паи вносили масло-семенами. Мы финансировали их — до 18 миллиардов рублей ежегодно. Невозврат долга составлял ровно половину. Наши кредиты не возвращались, а мы работали на банки под дикие проценты...»

Вот тебе и холдинг. А песня та же: дали колхозу кредит под будущую горчицу, а он, вырастив ее, тут же сбывает на сторону, и думать забыл про свой родной «холдинг». А весной снова к нему идет: давай новый кредит, иначе не буду сеять.

В конце 1998 года в области принят «Закон об областном продовольственном фонде» — еще одно новшество.

«Наличие “Продовольственного фонда”, — говорит первый заместитель губернатора по сельскому хозяйству, — позволит иметь на возвратной основе 300 миллионов рублей. Если такие деньги, скажем, весной авансом в виде госзаказа отдать селу, это ли не разрешение проблем?»

«Отдать авансом» дело не хитрое. Прибегут, встанут в очередь. Но вернут в лучшем случае половину. Через пару лет 300 миллионов истают.

«Та же Маша, но в другом платке» — эта реплика не моя, она из зала областного заседания по «аграрному вопросу».

Вот горькое предсказание утопающей «Корпорации» устами одного из ее руководителей:

— Если мы не научимся выполнять договоры, то и следующая структура будет обречена на провал, и через два-три года хозяйства будут обвинять ее во всех грехах так же, как теперь корпорацию.

«Структура новая» появилась. По задумке она состоит из РАО (районных агропромышленных объединений), которые включают в себя коллективные хозяйства района, перерабатывающие предприятия. Называют их еще «товарищества по вере». «Товарищи» рядом работают, на одной земле живут, а начальство — не где-нибудь, а рядом, в райцентре. Словом, все свои, одна семья, и на одно дело работают: вылезти из нужды.

В Даниловском районе новая структура была создана в марте. Сразу же встал вопрос о горючем. Надо пахать, сеять. Деньги давал Михайловский маслосыркомбинат с условием: сдавайте молоко. «Товарищи по вере» — руководители колхозов, собравшись все вместе, подсчитали и решили: нам это по силам, обещаем, что 300 тонн молока к 10 мая отдадим.

Кредит получили, закупили горючее. К 10 мая вместо 300 тонн на маслокомбинат не поступило и половины.

Коровы доятся, молоко течет, но совсем в другую сторону. Теперь уже не областное, а районное начальство уговаривает: «Мы же договор подписали... Товарищи по вере! Вы же обещали! За язык никто не тянул! Надо же выполнять».

Структуры-то новые, но колхозы, их руководители — те же, «братъ и не возвращать» привыкли. Вспомнить крыловский «Квартет», мне думается, нынче к месту. «Холдинг» ли, «Агрокорпорация», «Агропромышленное объединение», колхозы, СПК, ООО, «товарищества по вере», МУСП, РАО...

Какой же вывод? Неужели куда ни кинь, всюду — клин? «Колхозы-совхозы» — плохо. Пробовали «фермерствовать» — не пошло. И вроде не лежим на боку: каждый год что-нибудь у нас новенькое: вчера — «Агрокорпорация», сегодня — РАО да «холдинги», «Продовольственный фонд», «муниципализации». А проку нет. Какие еще нужны «структуры» и «фермы»?

Замечательная, скажу я вам, «форма производства» — колхоз, когда коллективно работают. Взять, например, «Кузьмичевский». Надои у коров — как в Европе, в среднем по 5 тысяч килограммов в год. Доходы от молока, лука, моркови. Платится вовремя зарплата, содержится детский сад, Дом культуры. «Конечно, — забурчат скептики из бывалых, — город рядом, чего не жить».

Еще один колхоз того же района — «Луч». Пашут, сеют, доят, получают зарплату.

Опять город рядом?

Колхоз имени Ленина. Полторы сотни верст от города. Молоко, мясо, коровы, свиньи, зерно, корма. Зарплата, детский сад, прачечная, Дом культуры. Здесь каждый работник производит продукции в сопоставимых ценах ровно в десять раз больше, чем в соседнем, тоже коллективном хозяйстве. Та же земля, то же небо, у людей — те же две руки. Но не в два раза, а в десять раз больше произвели. В десять раз лучше сработали.

Еще один «имени Ленина», он — вовсе у черта на рогах. Самый далекий район, Нехаевский, всегда в хвосте всех сводок, потому что — «глубинка». А этот колхоз словно бельмо: вокруг — засуха, у него — 25 центнеров пшеницы с гектара, у него — коровы доятся, люди работают, нор-

мально живут, даже балетную школу завели в Доме культуры, ни стыда ни совести...

А «фермерство», то есть самостоятельная работа на земле? Когда ни от кого не зависишь и сам своими руками...

Засуха 1998 года. Небывалая, 50 миллиметров осадков за лето. Земля горит, трескается, а у Мельникова — пшеница дает до 26 центнеров с гектара, подсолнечник по 16 центнеров! У Штепо, у Миускова, у Колесниченко с Олейниковым — по 25 центнеров! А рядом — через межу, на колхозных полях — 3 центнера. Вот что такое «фермерство», когда ни от кого не зависеть, только своими руками и головой — для себя.

А какое хорошее дело — «Агрокомпания»! Например, в Серафимовичском районе она существует лишь второй год. Но сумели уйти из-под опеки «Агрокорпорации», сами продукцию реализовывали. Выгодно продав бахчевые культуры, колхозники купили 120 легковых автомобилей. И с местными бюджетами все сельхозпроизводители считались. Разве не завидно?

Для меня сейчас совершенно очевидно, что колхоз, как бы он ни величался: имени Ленина, имени Калинина или просто «Луч»; где бы он ни находился: под боком у города ли, райцентра или у черта на куличках, — колхоз будет жить и работать при любых «суховеях», откуда бы они ни дули: из калмыцких степей или с кремлевских холмов; колхоз будет жить, пока во главе его стоит Иван Варфоломеевич Петров, Николай Иосифович Реуцков, Георгий Васильевич Яменсков. Но таких людей на постах председательских на всю область наберется десяток. А всего хозяйств 600 или более.

Личное, «фермерское» хозяйство будет эффективно работать лишь тогда, когда его хозяин — В. И. Штепо, В. Ф. Миусков, А. Г. Мельников, А. Г. Меркулов, братья Гришины, В. Н. Поляков... К великому сожалению, таких людей тоже можно на пальцах перечесть. Пусть их даже наберется сотня — из 12 800.

Искать надо не форму хозяйствования, не форму собственности на землю (здесь предложение к продаже в нашей области в сто раз превышает спрос), искать надо человека, хозяина.

В начале 80-х годов в очерке «За дровами» писал я про свои же края: «Поселились тут люди издавна, веками жили и кормились и кормили других. Прошлой весной несчастные коровки ели прелую солому. Падёж. Удои по полтора литра «на круг». Весь район в течение пяти лет не выполнял планы по продуктивности скота и птицы... с каждым годом все более желтых от сурепки полей... и пегих, седых от осота... бурьян и бурьян... Падёж скота стал явлением обычным... Как ни горько, надо признавать: на земле теперь работает не хозяин... Хозяина мы вывели. Это был путь долгий и с кровью. Десятилетиями убивался в крестьянине хозяин. Теперь же, не закрывая глаз, надо признать: крестьянин-хозяин на земле кончился».

Повторю это и сейчас с великой горечью. И если прежде от таких выводов шарахались, отказывались печатать, а уже набранное снимала цензура (например, в 1984 году из сборника «Холюшино подворье» — «Советский писатель»), то сейчас это понимают многие.

Крик души нашего губернатора Максюты:

— Хватит выбирать руководителей. Их надо ковать, обучать, назначать и снимать.

«Назначать и снимать» — это мы проходили. А вот «ковать» — посложней задача. Снова — Максюта: «Надо сделать так, чтобы в звене, в бригаде, хозяйстве, районе всем управлял настоящий хозяин».

К этим словам можно лишь добавить: и в области, и в государстве.

Керсанов, глава Алексеевского района, зачинатель «деприватизации», объясняет, что колхозную собственность под свою государственную руку он забирает потому, что «преобразование бывших совхозов и колхозов в акционерные общества не изменило психологию тружеников полей». Он намечает «развернуть в нашем районе в течение двух лет экономический всеобуч. Цель: воспитывать в каждом труженике сельского хозяйства чувство хозяина, который относился бы бережно к собственности не только на личном подворье, но и на производстве». А потом, когда «вырастим, по крайней мере из большинства, настоящих хозяев, тогда можно вести речь о приватизации». Но про-

цесс этот не так прост, «как кажется на первый взгляд», добавляет он.

В свое время колхозников учили парткомы, профкомы, комсомольские комитеты. Учеба шла непрерывная: экономическая, политическая, идеологическая. Каких только «кружков», «университетов», «курсов» и прочего не создавали. И все же... Помню, в прославленном «Волго-Доне», где все было: зарплаты, премии, лечение, отдых, поощрения, награды, в ту «золотую» пору одна из лучших доярок не хотела прятать «бидончик» молока, который каждая из ее товарок ежедневно тихонько уносила домой. Все прячут хотя бы для вида, «так положено», а она несет в открытую и заявляет: «Имею право». С ней бились долго: уговаривали, стращали, «обсуждали». А она свое: «Имею право». Там же, на собрании, в ту же далекую пору прозвучало откровенное: «Воровал и буду воровать».

А ведь «учили» полсотни лет. Тем более в «Волго-Доне».

Нынче там тащат, везут не трехлитровыми «бидончиками», а флягами по 200, по 300 литров. Даже у телят отбирают. «Нехай...» Нехайдохнут. «Имею право, я в колхозе сгорбатилась».

И киньте в таких людей камень — поднимется ли рука? Они ведь и вправду сгорбатились и продолжают горбатиться, не получая зарплаты. А жить как прикажете, чем детей кормить?

Тем более что только слепой да глухой не знает, как и кто разворовывает наше государство. Об этом с утра до ночи твердят газеты, радио, телевидение, называя и показывая людей отнюдь не «горбатых», а лоснящихся от сытости, абсолютно бесстыжих, но по-прежнему алчущих, с горящими глазами и цепкими руками. Их называют, показывают, но вовсе не корят, а именуют «героями дня». Вот оно — самое действенное сегодняшнее «воспитание». Наш главный «герой дня» еще недавно негодовал, боролся с привилегиями. Теперь на глазах страны утопает в роскоши.

...Наш бывший губернатор поначалу твердил на каждом совещании, возмущаясь банкирами: «Придумали какую-то маржу, провели платеж, забрали три-четыре процента. За

что? Что за наглость!» Твердил-твердил, а потом вдруг перестал. «Чего это он про маржу молчит?» — интересуюсь. «Дочь стала банкиром, возглавила», — объяснили мне. Маржа из наглости, видимо, перешла в благость.

И все это не стесняясь, в открытую, на каждом шагу. Начальники над селом возводят за домом дом, все выше, все шире.

Из писем: «Мы, рабочие, годами не получаем зарплату, а директор совхоза, не получая зарплату, построил два дома, купил новую “Ниву”».

«Управляющий построил два огромных дома, имеет три машины».

«...построил дом, купил две машины дочерям и еще строит дом».

Такой вот у нас «экономический всеобуч» снизу доверху.

Так что планы Керсанова воспитать «настоящих хозяев на производстве... в течение двух лет» — утопия. Думаю, что и сам он мыслит несколько по-другому.

Помнится, что когда «на заре приватизации» он стал хозяином районной сети бытового обслуживания населения, то сразу же закрыл все пошивочные мастерские, уволив людей. Потому что — убыточно.

Нынешние действия Керсанова энергичны и весьма отличаются от действий его коллег: «деприватизация», «безналоговая зона», значительные средства, как говорят, даже беспроцентные, которые он добывает «под имя», — эти средства идут в коллективные хозяйства под залог земли, которая оценивается «по кадастровой оценке в земельном комитете, и заверяется эта цена нотариусом». «Если товаропроизводитель не вернет взятые кредиты, тогда земля перейдет в собственность местной или районной администрации» — такой вот, тоже необычный, поворот. Имущественного пая у крестьян в районе уже нет, «деприватизирован». Могут лишиться и земельного пая. Выводы делать рано, а задуматься есть над чем.

Но если в Алексеевском районе происходят какие-то изменения, судить о которых положено «не в три дня, а в три года», то все наше сельское хозяйство движется в прежнем направлении — то есть к развалу.

Приведу слова, сказанные не отчаянным журналистом, не уличным оратором-горлохватом, а заместителем председателя Волгоградского областного комитета по сельскому хозяйству и продовольствию: «Животноводства, можно сказать, уже нет, и даже при радикальных правительственных мерах его в ближайшие двадцать лет не восстановить». Сказано это было весной 1998 года. После чего последовало засушливое лето, зимовка с запасом кормов в 50 процентов и как следствие — зимняя пастьба: в январе и феврале коров уже начали выводить на выпас. Коровы красной степной породы выдержали и голод, и холод.

Животноводство поддержал и даже спас... августовский кризис 1998 года. Исчез импорт, выросли цены, даже тугодумы поняли: за молоко можно деньги получать. И потому зимой 1998/99 года не резали коров напрапалу, а старались сохранить живыми, хотя бы с помощью прелой соломы. Но снижение поголовья и продуктивности продолжается, в том числе и в частных хозяйствах, пуповиной связанных с колхозом.

В полеводстве та же картина: неуклонное, из года в год, уменьшение пашни, снижение урожайности. Если прежде приводил я какие-то цифры, то сейчас всякая отчетность стала трижды лукавой в зависимости от того, что требуется доказывать. Например, председатель нашего областного комитета по сельскому хозяйству и продовольствию В. В. Мелихов в докладе говорит: «...посеян 1 млн га озимых культур... предстоит подготовить 4,7 миллиона га зяби и черных паров»^{*}. Складываем — получаем 5,7 миллиона гектаров. Но тот же Мелихов, как один из соавторов, сообщает, что «посевные площади сельскохозяйственных культур Волгоградской области в 1997 году составляли 3 510 тысяч га»^{**}. Расхождение в 2,2 миллиона гектаров, более чем на треть! Просто в первом случае нужно было показать: «энергично работаем», а во втором — «перестройка развалила аграрный сектор».

Московская же высокая власть с переменным успехом занимается чем угодно: Ираком, Балканами, Кавказом,

* «Крестьянское слово», 1998, № 44, ноябрь.

** Мелихов В. В. и др. Становление рыночных отношений в аграрном секторе. Волгоград: Станица-2, 1999.

с особенным энтузиазмом — выборами. Селянам же иногда будут что-то «прощать» и что-то «подбрасывать» — через «близкие сердцу» финансовые структуры.

Словом, дорога все та же: естественный развал, на руинах которого помаленьку начинает «созидаться» новый порядок, с новыми формами. Какими? Они уже есть сейчас.

Сумел же бывший министр сельского хозяйства Семенов в своем родном хозяйстве, которым руководил, превратить коллективную собственность в личную (напомню, за семь лет от 0,25 процента акций до 20 процентов).

Вот он — новый хозяин. Свое, личное добро мы, слава богу, умеем беречь и приумножать, не один Семенов такой умный.

Серьезные наши фермеры, пусть их немного, постепенно расширяют дело: кто-то мельницу завел, кто-то пекарню, кто-то торгует, но почти все стараются расширить земельные наделы: опыт и сноровка появились, с наемными работниками становится легче.

Вижу я и «проникновение капитала» в сельское хозяйство. Чей это капитал, не мне разбирать. Но кто-то ведь дал весьма немалые деньги тому же Керсанову. Причем, как он сказал, «беспроцентный кредит». Не медный грош на паперти кинули, а «вложили деньги».

В другом районе фирма с красивым заграничным названием сначала «дала товарный кредит» двум коллективным хозяйствам, «на проведение посевной и уборки». Кредит, конечно, колхозы не сумели вовремя вернуть, а он был оформлен юридически грамотно, под залог «движимого и недвижимого». Зимой не было ругни и споров, а «движимое и недвижимое» перешло в собственность фирмы, которая оказалась умнее «пенкоснимателей»: мясной и молочный скот на бойню не погнажи, автомобили и тракторы с аукциона по дешевке не распродали. Колхозы продолжали жить, но колхозники стали работниками у фирмы, правда, сохраняя пока земельные пай. Но это, мне кажется, лишь дело времени. Законодательство позволяет, практика отработана, цена земли — копейки.

Сдуру, по прежней привычке, я хотел узнать: чья это фирма с таким красивым названием? Чьи деньги? Спраши-

вал у областных начальников высокого ранга, своих давних знакомых. Сначала они легкомысленно обещали: «Узнаю. Позвони завтра». Но проходили «завтра» и «послезавтра», тон разговоров менялся: «Слушай, чего-то не получается. Говорят: а зачем? А кому это надо? В общем, частная какая-то фирма». Местная тележурналистка, певшая этой фирме гимны в эфире, на мой звонок ответила чуть ли не матерщиной: «А вы кто?! А вы что?! А вам это зачем?!»

И на самом деле, зачем? Так, любопытство, не более. А нотки в голосе «телеохранника» очень жесткие.

Позднее случайно узнал я, что официальным отцом-основателем фирмы числится абсолютно разваленный колхоз, у которого давным-давно за душой копейки нет. Одним словом — фирма.

Но ведь «вкладывает» в сельское хозяйство. Уже владеет колхозами. Да и одна ли она такая. Думаю, что не одна. Вот он — еще один путь.

Что же нужно сегодня нашему селу? Новые деньги: кредиты, инвестиции, транши, товарные кредиты? Без этого не обойтись. Колхозный тришкин кафтан — один на всех. Под этим кафтаном и напрочь разваленный колхоз имени Дзержинского, и его сосед — имени Ленина, — который работает за весь район, работает достаточно рентабельно и эффективно. Все вместе они — «черная дыра», и этот тришкин кафтан необходимо латать постоянно: сев, косьба, молотьба, пахота... Заплаты на этот кафтан начали лепить не вчера и не сегодня, а с первого дня, как его силой натянули на крестьянские плечи. Колхозная история долга, ей уж семьдесят лет. За эти годы сам колхозник никогда не был богатым, недаром его, словно крепостного, приковывали к земле, чтобы не убежал.

Повторю давным-давно слышанное от Елены Федотьевны Макеевой, за плечами которой своя долгая колхозная жизнь и память отцов и дедов, работавших на земле: «Крестьянская жизнь, сынок, — тяжелыше нет».

Крестьянская Россия своим крепостным трудом осилила «индустриализацию», выиграла войну, а потом «подняла страну из руин», а сама лишь в конце пятидесятых наелась «чистого хлеба».

Государство, вспомнив свои долги перед крестьянином, начало «вкладывать деньги» в село. Появилось новое жилье, асфальтированные дороги, удобрения, техника. Люди стали жить заметно лучше. В 10-й и 11-й пятилетках сельское хозяйство страны получило 416 миллиардов рублей. К сожалению, вложенные деньги «не сработали». По данным нашего волгоградского ЮжНИИгипрозема, средняя урожайность зерновых и зернобобовых культур по области так и не поднялась выше 11,8 центнера с гектара. А в период «интенсивных вложений» (1980—1986 годов) урожайность даже снизилась до 9,9 центнера.

Причина, на мой взгляд, единственная — «не мое».

Потом крестьянина «бросили в рынок». Колхозника, привыкшего лишь выполнять указания, словно человека, не умеющего плавать, столкнули с борта «корабля социализма» в океан мировой экономики. Дескать, акулы капитализма не тонут, значит, и ты спасешься. Метод, конечно, зверский. Результат — налицо: барахтаются и тонут.

В своих заметках о сельских делах в начале девяностых годов рассказывал я о начале реформ на хуторе Клейменовский:

— Пишите заявление! — требовал бригадир. — Образец на стенке висит!

Послушно писали и отдавали бригадиру, ничего не понимая.

— Хоть бы нам кто приехал да объяснил...

— Велят писать, я послушалась...

Почти десять лет минуло. Объем валовой продукции сельского хозяйства в нашей области, как и по всей стране, снизился вдвое. И снова, в который уже раз, приказывает бригадир: «Пишите заявления! Образец — на стене!»

СПК, АОЗТ, СППК, АООТ, КСП, КДХ, МУСП... А если понятней — все тот же колхоз, лишь разваленный.

ИТОГИ ТРИНАДЦАТОЙ «ПЯТИЛЕТКИ»

Советские «пятилетки» — нынче уже история, но по времени близкая. Конечно, выцвели, обветшали, но еще висят кое-где в провинции плакаты, на каменных стенах не стерлись «письмена»: «Планы пятилетки — в жизнь!» И вот еще одна позади — тринадцатая, официально не объявленная, — число несчастливое, годы 1992—1996-й.

Какой была она для сельской России? Говорить о России в целом легче «от имени народа», как выражаются — «народ не поймет», «народ не простит». Грешат этим не только правители, депутаты, но все подряд. Вот хороший, милый актер, которого многие любят по прежним фильмам, сообщает нам: «Я знаю, как живут и что думают люди во Владимире, Рязани, Калуге, те, кто работает на земле, и те, кто уехал от нее. Недавно президент издал указ о праве на землю. Есть надежда, что вырастет урожай».

Детская — до седых волос — наивность хорошего актера из хорошей московской семьи понятна и по-своему мила. Попросят — поговорим о земле; попросят — о куриных бульонных кубиках. Столь же честно, сколь и наивно.

О Рязанской, о Владимирской, о Калужской земле говорить не буду. Пытаюсь взглянуть в ту, что рядом: Донщина, Нижняя Волга — свои края. Тем более что позади «пятилетка аграрной реформы».

Началась она с указа президента Российской Федерации «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» от 27 декабря 1991 года и постановления правительства «О порядке реорганизации колхозов и совхозов».

«Местной администрации организовать продажу земель фонда по конкурсу...

Предоставить крестьянским хозяйствам право залога земли в банках...

Разрешить с 1 января 1992 года гражданам, владеющим земельными участками на правах собственности, их продажу...

Невыкупленные участки земли продаются на аукционе...

Колхозы и совхозы, не обладающие финансовыми ресурсами для погашения задолженности по оплате труда и кре-

дитами, объявляются несостоятельными (банкротами) до 1 февраля и подлежат ликвидации».

Год 1996-й. Жаркий июньский день, солнечный, ясный. И триста километров дороги. Не асфальта и даже не грейдера, а просто — пути полевые, чаще — неезженные, затравешшие или размытые недавними ливнями. Места — задонские, не больно людные во все времена, а ныне и вовсе. Птица живет здесь непугано: редкие в иных местах стрепеты, коршуны, лебеди, стаи розовых скворцов, а смелые жаворонки, когда потревожишь их на дорожном сугреве, бросаются на машину, воинственно раскрылатившись. Вперевалку, лениво уходят с дороги суслики. Кабаний след, волчий; лисица охотится среди бела дня.

Поля, луга, курчавые заросли балок с холодными родниками. Ковыль, пахучий чабер, бессмертник на песчаных взгорьях. И высокое море трав колышется под ветром, духом своим щекочет ноздри, пьянит. Степное наше Задонье после дождей и ливней цветет и зеленеет на удивление.

Но не ради красот природы — хотя они стоят того — колесили мы целый день от поля к полю вместе с начальником земельного комитета Калачевского района Виктором Васильевичем Цукановым. Здесь, на землях бывшего совхоза «Голубинский», теперь шестьдесят самостоятельных хозяев, коллективное хозяйство «Голубинское» да несколько подсобных, от предприятий, городских. У всех главное ремесло — земля. Вот мы и ездим, глядим. Хозяев встречаем нечасто, но поле честнее хозяина — оно все скажет. Недаром с детства помнятся строки:

Только не сжата полоска одна...

Грустную думу наводит она.

.....

Знал, для чего и пахал он, и сеял,

Да не по силам работу затеял.

Вот он вылез из землянки, хозяин ли, работник, рассказывает:

— Живем... Курятник кирпичный строим, лисы одолели. В кирпичный не проберутся. Обкладываем кирпичом коровник. Волков много. Собаку унесли зимой.

Действительно, курятник почти готовый, кирпичная кладка — у коровника. Но я на жилье гляжу человече: низкая крыша над землей, ступени ведут вниз. А там — земляной пол, земляные стены. Печка, керосиновая лампа, горький запах дыма.

— Здесь и зимуете?

— А как же... Скотину не бросишь. Тепло здесь, хорошая печка. Четыре-пять ведер угля — и жарко. Думаем, стены чем-нибудь закрыть, будет лучше.

На лице моем, видимо, написано все, что думаю, потому хозяин начинает убеждать:

— Тепло, хорошая землянка. А скоро баню построим, у нас колодец есть, своя вода. Сосед вон без воды мается. А у нас хорошо.

Доехали до соседа. Он — человек молодой. Землянка, в которой зимовал, завалилась после недавних ливней. Но есть вагончик. А вот скотина и птица по-прежнему в полуподземных убежищах. Так проще строить, так теплее.

Попутно с проверкой, с доглядом, привезли мы хозяину «привет» от президента России — его обращение к собственникам земли. Вот строки из него: «Жители России — собственники земли! Ваша земельная доля — это огромная ценность. Это реальное воплощение лозунга “Земля — крестьянам!”. Это — награда за ваш труд».

— Вот кто бы указ издал, чтоб нас отсюда прогнать...

Чистое поле; обрушенная землянка; вагончик; полуподземные скотьи и птичьи базы. Раскиданные, а может, разложенные повсюду железки — «чермет» или запчасти.

В. Ф. Федоренко — молодой мужчина в замасленной спецовке («Какой он был раньше, когда землю брал, — вспомнит потом со вздохом мой спутник, — богатырь. А сейчас одни кости. Вот она, земля...».)

Земли у Федоренко 500 гектаров, из них — 300 пашни.

— Не было солярки, нет денег, — объясняет он. — Теперь взял кредит у корпорации, начну пары обрабатывать. За пять лет от земли, от зерна доходов нет: все идет на горючее,

на запчасти. Спасает скот: от мяса — хоть какие-то деньги. Молоко девать некуда — базар далеко. А уходить куда? Назад, в поселок, откуда пришел, — там работы нет, все предприятия закрылись. В пяти километрах — хутор, там — колхоз, люди по пятьдесят тысяч рублей в месяц получают. На буханку хлеба в день не хватает. Так что уходить некуда, надо работать.

Мы уезжаем, он остается.

А может, это начало новой жизни? Пять лет разве возраст?

В краях иных, в Европе ли, в Америке, по-иному. Помню деревню в Венгрии, обычное подворье, рассказ хозяина:

— Фундамент и «низы» дома — это от прадеда, деда. А мы с отцом подняли выше, второй этаж. Я сам уже оборудовал отопление, ванную, построил бассейн, чтоб внучата летом купались.

И без рассказа было видно, что подворье — дом, все службы — не в один день построены, и не в один год, и даже не в один век.

У нас в России, и здесь вот, в Задонье, сколько раз зорили гнезда крестьянские: Гражданская война, раскулачивание, Отечественная война, послевоенная разруха, потом, когда немного оправились, грянуло: «Долой неперспективные хутора!» Снова бросай все и где-то начинай лепить новую жизнь. Нынче, вот уже пять лет кряду, громим колхозное: капитальные кирпичные животноводческие фермы, кошары, дома при них, полевые станы — все по кирпичику растаскиваем, до ровной земли. Словно идет на нас враг и нельзя ему оставлять ничего, кроме руин.

И вот снова начинаем с землянок. Значит, долг наш путь.

А путь наш сегодняшний — от поля к полю: Барсов, Ляхович, Шамин, Бобров, Белько, — но разница малая.

— Не пойму: это чистый бурьян или что-то сеялось?

Выходим из машины, глядим, вздыхаем:

— Чистый.

А дальше и выходить не надо, из машины видать, что бурьян без подмеса.

За курганом — курган, за балкой — балка: Зорина, Осиновская... За полем — поле.

И такая радость, когда увидишь высокую, чистую озимку, — редко, но случается. Возле хутора Осиновский прекрасное поле.

— Молодцы, ребята, — хвалит Цуканов. — Молодые, а могут. Надо поговорить, может, еще земли возьмут.

Ближе к хутору Большая Голубая неплохая пшеница у Старовойтова, Романова, Харьковского, Молчанова; они из Волгограда, городские люди, но сумели.

Но больше картин горьких: зеленое половодье сорняка.

По целине, по залежам, перелогам, по балкам и теклинам такие травы стоят, что дух захватывает. Колосится, цветет аржанец, синеют разливы горошка, розовеет вязиль. Травы, травы и травы... Но ни людей, ни скота, ни рядов скошенной травы, ни копен сена. Зеленая, но пустыня.

На хуторе Большая Голубая молодые ребята-механизаторы жаловались:

— Без зарплаты сидим. Спасибо детским пособиям да стариковским пенсиям.

На этом далеком и горьком хуторе спросил у одного, у другого:

— Сколько скотины держите?

— Корова с бычком... — отвечали мне.

Часом позже, на другом хуторе, на Евлампиевском, Борис Павлович Лысенко — человек немолодой, недужный и статью не богатырь, — ответил на мои сомнения:

— Хорошо, хоть одну корову держат. А ведь есть молодые, здоровые — и вовсе ничего на дворе нет: это ведь труд, работать надо.

Одна корова — круглый год забота, две — вдвое больше. Четыре ли, пять, десять — уже не позорюешь и телевизор надо забыть в пору летнюю, горячую.

Еще одна беда нашей земли и жизни — добрых работников мало. После раскулачивания десятилетиями людей провеивали: какие потолковей, тех в город выталкивали, чтобы «человеком стал», какие похуже — «нехай быкам хвосты крутят».

Вот и получилась картина нынешняя: триста километров пути, чуть не сотня хозяев, а хорошего мало.

— Завтра буду весь день акты писать для комиссии, для наказания, — сказал Цуканов, а потом добавил: — Когда из десяти новых хозяев за нерадивость, за упущения в использовании земли штрафуешь одного-двух — это естественно. А когда из десяти — всех, то это уже ненормально. Значит, не только люди виноваты, но и государство, его подходы.

А в конце пути еще одна встреча.

На границе района, за речкой Голубой, возле хутора Большой Набатов, встретили мы В. Н. Конькова. Брал он землю понемногу — сначала два десятка гектаров, потом попросил еще и еще. Выращивал арбузы, дыни и — всем на удивление — огурцы на богаре, то есть без полива. А в прошлом году решил взять большой участок не клочками, а в одном месте. Выделили ему 350 гектаров. И вот встреча. Коньков — за рулем машины отвозит своих работниц с бахчи домой, в станицу.

— Проверяйте, наказывайте, — весело согласился он. — Но платить штраф буду после уборки урожая.

Объехали мы земли Конькова, поглядели: неплохие пары, бахчевые и теперь уже фирменные огурцы на богаре.

— Здесь был сплошной бурьян из года в год, — рассказывал Цуканов. — Из рук в руки земля переходила — и не было проку. А Коньков за осень и весну порядок навел. Будет прок.

Дай бог!.. Ночью, как всегда это бывает после долгой дневной дороги, снилась мне та же задонская земля в июньском цвету. Ковыль, чабер и, конечно, высокая густая пшеница и сладкие пахучие травы. А еще снились задонские хутора. Не мертвые, а живые: Зоричев, Липологоловский, Осинологовский, Тепленький да Малый Набатов. Но это были лишь сладкие сны.

Ныне это сплошная агония: на колхозных, на совхозных руинах кое-кто еще порой шевелится, не получая зарплаты, а добывая ее натурой: зерном, соломой, теленком, парой досок, колесом от трактора, пятью листами шифера с крыши пустующей молочнотоварной фермы, кирпичной стеной от нее же (разбить, отвезти на свой двор, там пригодится). Скотину всю вырезали, или подохла она от бескор-

мицы, земля — в бурьянах. 70 тысяч гектаров земли было в «Голубинском», 50 тысяч овец, 5 тысяч крупного рогатого скота. Теперь — пустые базы, миллиардные долги и вывеска на двухэтажной конторе. Все, конец совхозу. Но не всякому.

На этой же задонской земле, полсотни километров по асфальту отмерь, а напрямую — поближе, такие же хутора: Лобакин, Киселев, Второй Попов. Они входят в колхоз имени Ленина; председатель — Иван Варфоломеевич Петров. Первое, что удивит приезжего человека, — колхозная контора: неказистое приземистое здание давнишней постройки.

Уже привыкли мы к другим правлениям — двухэтажным, с широкими лестницами, просторными кабинетами. Дворцы! Есть села и хутора, где и колхоз разошелся, а контора стоит словно памятник архитектуры.

В колхозе имени Ленина 18 тысяч гектаров пашни, четверста человек работающего народа, крупного рогатого скота — 6 500 голов, из них 1 500 — коров; свиней — 7 500 голов. Если рядом и поодаль, по району и области, скотину изводят, то здесь поголовье увеличивается. В прошлом году в феврале и марте получали в колхозе по 500 граммов ежесуточного привеса. А рядом и вокруг «от засухи» дохла скотина. Рядом же, два года назад, прекратил существование свиноводческий совхоз, потому что «свинина сейчас нерентабельна». В колхозе же у Петрова поголовье свиней за «пятилетку» увеличилось на 68 процентов. Постоянно работает свой комбикормовый завод и две линии кормоцеха. Оттого и сытая скотина, привесы, рентабельность производства.

Средняя зарплата в колхозе в 1995 году составила 300 тысяч рублей. Получают ее люди из месяца в месяц постоянно, без задержек. Кроме денежной оплаты колхозники получают зерно, сено, солому бесплатно, но по труду, на заработанный рубль.

О «рубле заработанном» надо сказать особо. Весомую прибавку к нему, до пятидесяти и даже до ста процентов в уборочную пору, получает ежемесячно каждый работник, если у него нет нарушений трудовой дисциплины: опозданий, прогулов, брака в работе. Насколько весома будет прибавка, решает по результатам прошедшего месяца совет бригады, который есть в каждом подразделении. Товари-

щам по работе виднее заслуги и грехи каждого. Решение бригадного совета подтвердит авторитетная комиссия при правлении колхоза.

Итак, в колхозе имени Ленина сохранили главное — сельскохозяйственное производство. И что еще важнее и мудрее — сохранили животноводство: за пять тяжелых лет поголовье не снизили, а увеличили (напомню, что в среднем по области поголовье крупного рогатого скота за последние пять лет снизилось почти вдвое).

Для наших дней это почти сказка: действующий здесь комбинат бытового обслуживания шьет и спецодежду для колхозной работы, и платья, и брюки. Удобно людям, хорошо и мастерицам-швейам: без работы, а значит, без зарплаты не остаются (200 да 250 тысяч в месяц).

В том же Доме быта — парикмахерская, где можно сделать завивку, маникюр или просто подстричься. Рядом — массажный кабинет.

Попробуй отстирай дома спецовку ли, телогрейку механизатора. А здесь, в прачечной, цена малая — 360 рублей за килограмм.

Сохранили в колхозе и все три медпункта — в каждом из хуторов. Самый большой, конечно, на центральной усадьбе — профилакторий. Его заведующую, Марию Семеновну Нагорную, я попросил рассказать о житье-бытье.

— Работы много, — сказала она. — Вызовы к больным, приемы, физиотерапия; одних ребятишек четыреста человек. Лекарств и перевязочных средств хватает. Колхоз помогает во всем, отказа не знаем, как и прежде.

В колхозном профилактории просторные чистые кабинеты, зал ожидания ли, отдыха с телевизором, запах лекарств, тишина, покой. А рядом с профилакторием — колхозный же Дом культуры... При хуторской школе, как и прежде, работает интернат для школьников (питаются они в школьной столовой).

Понимаю, что для кого-то мой рассказ скучноват. Эка невидаль: колхозный детский сад, своя пекарня, где хлеб продают на 30 процентов дешевле, парикмахерская, швейная, баня, зарплата вовремя, новый баян для Дома культуры, школьный интернат.

Для столичных теоретиков колхозное хозяйство — вчерашний день. Но и сегодня колхоз колхозу рознь.

Заволжье. Быковский район готовится к зимовке скота — того, что еще остался. Конец осени 1996 года. Выписка из районной газеты:

«В прошлом году к этому времени кормов было заготовлено гораздо больше: силоса в 2,5 раза, сена в 1,6 раза. Но и тогда зимние рационы кормления были на грани выживания животных. Отход скота от падежа и забоя оказался очень большим».

А вот еще одна выписка — про ту, прошлогоднюю, зимовку в колхозе «Пролейский»:

«Имевшееся поголовье (388 голов КРС, из них дойных коров — 211) было все оставлено в зиму. Хотя уже тогда знали, что в сенниках и закромах запасов хватит в лучшем случае на треть зимовки. Итог вот он: из 388 голов на сегодняшний день едва наберется чуть более тридцати скелетов, обтянутых кожей. Побывали на ферме, впечатление от увиденного осталось самое ужасное. Еле держащиеся на ногах животные грелись на солнце. В темном углу коровника пиршество крыс на горе окоченевших трупов телят... Жалкое мычание упавших и не поднимающихся вторые сутки трех буренок. Рабочие фермы говорили: “Сами видите: коровы падают, телятадохнут”».

Это картина прошлой зимовки. А что теперь, когда в два раза меньше прошлогоднего по району кормов заготовили? Для того чтобы корова прожила зиму, нужно ей 25 центнеров условных единиц кормов (раньше стремились иметь 30). А если сейчас в «Пути к коммунизму», где две тысячи голов скота, имеется лишь по 2,8 центнера условных единиц кормов, то есть в десять раз меньше? Скажите, какая будет зимовка? Кто выдержит такую «кормежку»? Ясно ведь — передохнут. А по району в среднем кормов на бедную, пока еще живую скотью голову заготовлено лишь 30 процентов от нужного. За восемь месяцев, с января 1996 года, стадо коров в районе уменьшилось на 45 процентов, свиней осталось во всех хозяйствах района лишь семьдесят шесть, из них одиннадцать свиноматок. За то же время пало 15 тысяч овец, забой — 20 тысяч. Оста-

ток — около 50 тысяч. На весь район. Прежде такое поголовье в одном совхозе держали. Сколько останется скота после нынешней зимовки, знает только Бог. Районная же газета сообщает:

«С подобным запасом кормов остается лишь надеяться на то, что природа смилуется над нашей бедностью».

«...Этим летом, — писала областная газета, — хроническая расташиловка в “лежачих” быковских хозяйствах не раз срывалась в штопор обвального грабежа. За ночь, случалось, пустел машинный двор колхоза, случалось, что разбирали и саму мастерскую. «Будьте людьми, — уговаривала колхозников районная администрация, — имущество и земля ваши, но завершите полевой сезон, вспашите, посейте и тогда делитесь по справедливости».

И вот осеннее собрание в «Степном». Долгов — 2,5 миллиарда рублей, продукции нет. Коров почти не осталось, овец — две отары.

Говорили откровенно. Председатель: «Тащили все, и я тоже». Агроном: «Молочнотоварного комплекса уже нет, кошар нет. Все растянули. Железняков останавливал, ему морду набили. Кому еще охота? И как я остановлю, когда сам как все. А не привезешь (в смысле «не украдешь». — Б. Е.), детей голодными оставишь».

Кажется, все ясно: полностью развалилось, и растащили хозяйство.

...Прежде в своих заметках говорил и повторю еще раз: при нынешнем положении села, которое по-прежнему катится вниз, абсолютное большинство колхозов, как бы они нынче ни назывались — АО, АОЗТ, КСП и т. д., пойдут путем горьким и закончат его одинаково.

Абсолютное большинство — но не все.

Вернемся в то же Заволжье. Да, это — далекая глубинка. Да, во всем нашем российском хозяйстве развал, разброд — это и слепые видят. А хозяйство сельское и вовсе в положении аховом: диспаритет цен, отсутствие рынков сбыта, жестокая конкуренция с Западом, обман со стороны государства, обман со стороны предприятий переработки, которые годами не отдают деньги за поставленное колхозами молоко, мясо, овощи. Все верно.

Но в том же сухом далеком Заволжье, на тех же землях, в условиях того же «диспаритета цен» и «неплатежей» живет и здравствует ОПХ «Россия» во главе с Зинченко. Здесь 9 тысяч гектаров пашни, и вся она — в работе. Здесь три тысячи голов крупного рогатого скота и полторы тысячи свиней, и скотина не голодает и тем более не дохнет, а плодится и доится. Коптильный цех, крупорушка, мельница, пекарня, на очереди — производство по глубокой переработке молока на сметану, сыр, масло. Машинно-тракторный парк ремонтируется и пополняется десятками единиц. Построен кукурузокалибровочный завод, он уже работает, принимая в сутки до 350 тонн початков. Производится и продается не только в свою страну, но и за рубеж зерно, молоко, картофель, мясо, семечки тыквы, семена кукурузы. Зарплата людям выплачивается без задержки, больше того, выдаются ссуды на покупку или строительство жилья, на приобретение автомобилей. Работают детские сады, магазины, стоматологическая поликлиника. Словом, идет нормальная трудовая жизнь.

А рядом СПХ «Дружба» — 5 тысяч гектаров земли. Прошлой весной засеяли 826 гектаров горчицы, 170 — ячменя, 800 — ржи. Что же получили осенью? Всю горчицу списали — неурожай. Ржи получили по 5 центнеров с гектара, ячменя — по 3 центнера. Сколько сеяли, почти столько и собрали. Лишь гробили технику, жгли горючее, тратили время впустую, ну и «тянули» кто сколько мог.

За последние годы случаи воровства достигли небывалых размеров. Тащили, конечно, и раньше, но на фоне относительного изобилия это было не так заметно. Теперь же с сельскохозяйственной техники снимается все, что можно открутить или отломать: резина, ступица, шланги, сошники. «Не украдешь — детей голодными оставишь...» Это не от жиру, это «для жизни». Это естественная реакция брошенных на произвол судьбы людей. «Впихнули в рынок, а как жить в нем — не научили» — это жалоба искренняя. Но кто услышит ее?

Две «картинки» одной и той же земли, расстояние между хозяйствами — полсотни километров. Разница — земля и небо. Да что полсотни верст... В поселке Суравикино лишь

забор делит два невеликих предприятия переработки сельхозпродукции — молочный завод и хлебоприемный пункт. Первое вчистую разорило себя и владельцев коров, которые ему молоко сдавали. Итог — потеря производства, рабочих мест, невыплаченная зарплата, долги и привычное: «Поддержите отечественного товаропроизводителя». А хлебоприемный пункт благодаря своему умному и энергичному руководителю не только стал зерно молот, хлеб печь, производить макаронные изделия, но и разводить коров, свиней, кур, открыл кафе, магазины, производит кондитерские изделия, мороженое. Кормится сам и кормит других безо всяких стонов.

Всеобщее разорение, падение производства, голодный скот, разбитые, заросшие навозом фермы, надои по 800 литров в год, словом — козьи, непаханая земля, забывшие о зарплате люди. Но сверните с «московской» трассы на хутор Кузьмичи: на молочнотоварных фермах доярки в белых халатах, средний надой на корову 5 300 килограммов молока, элитное стадо. «Нерентабельное» везде молоко дает 1,5 миллиарда рублей прибыли в год, а всего прибыли — 4 миллиарда.

«За последние пять лет производство сельхозпродукции сократилось наполовину. Падение продолжается: уменьшается стадо, рушится материальная база, снижается плодородие земли, стареет машинный парк. И просвета не видно. Одна из причин — диспаритет цен. За пять лет цены на зерновые культуры возросли в 2 500 — 3 800 раз, на мясо крупного рогатого скота — в 1 581 раз, на молоко — в 2 000 раз. В то же время на электроэнергию (за киловатт-час) — в 11 тысяч раз, на бензин А-76 — в 9 тысяч раз, на дизтопливо — в 19 тысяч раз» — выписка из констатирующей части «круглого стола» в Главном управлении сельского хозяйства и продовольствия нашей области.

Все верно. Но за последние пять лет стало очевидным, что разорение, гибель или жизнь колхоза зависит не от того, где он расположен — на бугре ли, в низине, близко от города или далеко, песчаные у него земли или чернозем. Главное, какая у него «голова», у председателя или директора. Счастье для всех, если умный, энергичный и достаточно

жесткий, умеющий держать в узде свой коллектив, потому что соблазнов много (особенно в начале перестроечной «пятилетки»): продать «невыгодных» коров, свиней и овец, все поделить и «забогатеть»; «ликвидировать», «пустить на зарплату», «людям раздать»... — их много, было и есть, лукавых соблазнов, заставляющих забывать о дне завтрашнем, послезавтрашнем. Живые, рентабельные нынешние колхозы — это прежде всего их «головы» — руководители, понявшие законы и беззакония сегодняшнего дня и сумевшие вывести свои колхозные корабли с разноликой командой на нужный, единственный путь выживания.

О фермерстве, о новых хозяевах нынче много рассказывается хорошего и худого. Начал я нынешние записки с полей новых хозяев земли придонской — там картина не больно веселая.

Передо мной сводка. В графе «Наличие заявок на получение участков земли» — сплошные прочерки, считай, по каждому району. На всю огромную область лишь двадцать семь заявок. Большинство из них явно беженцы: деваться некуда, счастья пытаются. Три года назад от желающих взять землю не было отбоя. Сейчас же нормальные, обстоятельные люди в вольные земледельцы не пойдут. Причины — на виду.

Главная — та сотня ли, больше фермеров, которая сейчас крепко стоит на ногах, начинала в 1991—1992 годах, когда государство давало не только землю, но и весьма приличный кредит под условные 8 процентов при тогдашней гиперинфляции. Кто хотел хозяйствовать на земле, обзавелся техникой и работал. В конце 1993 года кредит можно было взять под 213 процентов. Его давали под залог той сельхозтехники, которую на этот кредит покупали. В 1994 году и эту отдушину закрыли. Выходцы образца 1994-го и более поздних годов — люди, мягко говоря, рисковые, они и теперь мыкаются возле своего участка земли, не зная, что с ним делать, — в руках у них лишь лопата.

В 1993 году вышел указ президента от 27 ноября № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России». Один из пунктов гласит: «Отменить с 1994 года обязательные поставки и другие формы прину-

дительного изъятия сельскохозяйственной продукции в государственные ресурсы». Казалось бы, радуйся, хозяин: на дворе свобода. Но оказалось, что крепостная зависимость от государства была для большинства желанней и выгодней. Рынок быстро понял, что продукция новых и старых хозяев дорога, некачественна, продать в магазине ее трудно. Раньше государство забирало все «под метлу», еще и строго наказывало за укрывательство. Теперь дешевле и проще закупить масло в Финляндии, курятину — в Америке, Дании, Франции. Даже картофель и капуста завозятся из Италии, Польши. Хозяйствовать стало труднее.

Если в первые годы реформ фермерство было объявлено в качестве главного направления, то позднее появился лозунг «Фермерство страну не накормит», со всеми вытекающими последствиями: разные дотации, инвестиции, товарные кредиты потекли в коллективные хозяйства.

Тут и выяснилось, что не всякий желающий может стать хорошим хозяином. Говорил я о том, как важно иметь в колхозе «голову». Нужна она и в фермерстве. И не только голова, но и образование, опыт хозяйствования, практика. Хорошо идут дела, когда глава крестьянского хозяйства — «спец», имеющий профессиональный опыт.

При нынешнем отношении властей к фермерству его укрепление, мягко скажем, проблематично. Доказательство — жизнь: с 1994 года заявок на получение земли практически нет. Но... Кое-кто из сильных, уже состоявшихся хозяев не прочь и теперь добавить себе земли. Брать он будет не всякую землю, а лишь ту, что рядом с его участком, с его уже обустроенным полевым станом, где сосредоточена техника. Такие просьбы есть, и они будут. «Земля уже поделена на паи, — отвечают им. — Мало ли чего хочется». Вот зачастую и весь разговор.

А наш разговор пора заканчивать. Он долг. И может быть бесконечным, хотя оправдание этому есть: земля, хлеб, воля — разве не главное в человеческом житии?..

Вспоминаю последние дни прошлогоднего ноября. Холодов нет, в полях — тишина. И не потому, что там нечего делать. Пахать бы еще и пахать. Но почти месяц без горючего стояли трактора по всей области: денег у хозяйств не

было. Кредитов тоже. Прежде занимали у Агропромбанка, но не возвращали долги, и банк разорился. Потом была создана в области «Агропромышленная корпорация», она выручала деньгами, а в основном товарными кредитами: горючим, техникой. Весной 1996 года корпорация выдала 332 миллиарда рублей аванса — осенью возвратили ей лишь половину, — вот и нет горючего. Стоят трактора. И людей колхозы распускают до весны, в долгий отпуск.

А весной лучше не будет. В проекте бюджета страны на 1997 год на сельские нужды выделяется денег на 40 процентов меньше, чем в году минувшем. «Товарные кредиты на проведение весенних полевых работ в 1997 году выделяться не будут», — сообщил заместитель министра финансов. Денежный ручей государственной поддержки все жиже и жиже. «Это еще мы не падали, — горько сказал как-то старый колхозный агроном, — это мы еще штанами да рубашкой за ветки цеплялись. Ветки кончились, теперь полетим».

Куда же еще лететь, хорошие мои... За «тринадцатую пятилетку» наша область потеряла 540 тысяч голов крупного рогатого скота (45 процентов), коров — 130 тысяч (36 процентов), 580 тысяч свиней (60 процентов), 1 227 тысяч овец и коз (65 процентов). За период коллективизации теряли: крупного рогатого скота — 57 процентов, свиней — 67 процентов, овец и коз — 67 процентов. Это — с 1928 по 1933 год. Во время Великой Отечественной (это у нас была Сталинградская битва, и не только в городе, но по всей земле) потеряли: 35 процентов крупного рогатого скота, 69 процентов свиней, 50 процентов овец и коз.

Третий раз нажитое теряем. И в какой короткий срок. Горькая моя родина...

Коров да свиней еще посчитать можно. А ведь уничтожится на глазах материальная база колхозов: молочно-товарные фермы, свиноводческие комплексы, овечьи кошары, машиноремонтные мастерские... Труды и труды, деньги и деньги. В одном из колхозов как-то посчитали, что молочно-товарный комплекс, который еще числится, но разграблен, разбит, один лишь он стоит 6,5 миллиарда рублей. По области, по стране это — триллионы и триллионы рублей. А восстанавливать — словно после войны — все равно ведь

придется. Но тяжело будет снова начинать с нуля, с той землянки, в которой нынче живет и держит скот Федоренко и его сосед в задонской степи. Словно век назад и словно не было его, этого века труда и труда, обращенного в дым.

Реорганизация сельского хозяйства... Это понятие появилось не сегодня, а пять лет назад в правительственных постановлениях. «Мы будем настойчиво рекомендовать изменить форму хозяйствования, — говорил тогда министр сельского хозяйства В. Н. Хлыстун, — для быстрейшего реформирования сельского хозяйства». Он и сегодня министр, и сегодня он говорит о том, что «аграрная реформа будет продолжена. Я имею в виду глубокое реформирование отношений собственности на селе».

Но на практике, под эти разговоры, с Хлыстуном и без него, сельское хозяйство страны развалено, потому что права старая истина: ломать — не строить, на это большого ума не надо. А вот для того чтобы строить, надо хотя бы знать, что ты хочешь построить: саманную хатку или кирпичный дом в три этажа. Надо прикинуть, сколько сил у тебя, сколько средств. И старый свой кров — пусть это просто землянка — не рушить, пока над головою иной крыши нет, иначе ведь останешься под открытым небом, руины — не спасенье.

Не спасенье и туманно-теоретические разговоры: мол, рынок, мол, капитализм, все образуется. Не «образовалось»!

...Как же нужно реформировать село, сверху ли, снизу, чтобы меньше терять? — этого и теперь не знает никто. Порою вспыхнет какой-нибудь «нижегородский метод», потом угаснет. В Орловской области, по словам Е. Строева, разработали собственную программу, сейчас на практике проверяют «8—12 всевозможных аграрных, аграрно-финансовых, аграрно-промышленных образований». А время идет, что было, разваливается — порою до основания.

А что до опыта нашего, теперь уже многолетнего и во многом горького, то не грех бы собрать десяток-другой председателей колхозов, которые выжили, и новых хозяев, которые сумели на ноги встать. Пусть они разработают основные правила перехода села к новым экономическим формам,

которые, возможно, лишь подзабытые старые. Пусть именно эти люди подготовят указ и постановление от имени президента и правительства. Такие указы будут реальными, останется лишь долгий и тяжкий труд — их выполнить.

Но все это — лишь мои сладкие грезы. Не будет ни мудрого собора, ни мудрых указов. Продолжится развал колхозов, разгром всего, что нажили за долгие годы; продолжится падение сельскохозяйственного производства — видимо, до основания. А затем — на руинах — начнет развиваться новая жизнь, по законам естественным. Но сколько за всем этим горя и боли, ведь на дно идут «люди теплые, живые». Крестьянин умирает тихо, не тревожа ранимые души борцов за права человека и прочей «общественности».

Не только в Москве, Питере, Волгограде, но и в Калаче-на-Дону великим подспорьем для людей небогатых стали «ножки Буша» — не что-нибудь, а курятина. Значит, пришел и на нашу улицу праздник.

Калач-на-Дону, Волгоградская область

ЛЮДИ И ЗЕМЛЯ

«Земля и люди» назывался последний мой очерк, опубликованный областной газетой. Кончался он фразой дежурной: «Значит, пришло время земли и хлеба». Получил — нынче редкое — письмо читателя. Толковое рассуждение, мягкий, но упрек: «А людей куда?» И пример: в пригородном районе работают приезжие из Китая. Глава районной администрации ими не нахвалится, обещает: «Будем из Китая приглашать больше». Вопрос читателя: «А своих людей куда? В Китай?»

Цитата из новомирского очерка (2001, № 7):

«Август 2000 года. Калачевский район. Коллективное хозяйство “Калачевское”.

Стояли мы кучно возле машины, на капоте которой была развернута карта полей колхоза. 150 гектаров... 300... 120...

— Берите! — предлагал начальник сельхозуправления. — Чего молчите, мужики!

Мужики-фермеры переминались с ноги на ногу, вздыхали, вспоминали прошлое...

Мужиков-фермеров, приехавших на раздачу земли и не больно спешивших брать ее, понять можно. У кого за пять, а у кого и за десять лет работы созданы свои плохие ли, хорошие, но производственные базы, где стоит и ремонтируется техника, где склад горючего да зерновые ангары. Есть ли смысл гонять трактора да комбайны туда и обратно?.. Вот если бы?..

— А вот если... — сказал я. — Если наперед прикинуть и уже сегодня отдать земли второго отделения, — указал я вдаль, а потом на карту. — Вот эти поля. Николай Николаевич, я думаю, возьмет. И Якутин, и Андрей Штепо, Кузьменко, — перечислял я крепких фермеров, чьи земли лежали в тех же краях.

— Нет! Нет! — чуть не хором стали возражать мне районные начальники. — О тех полях пока речь не идет.

— Но ведь пойдет, — настаивал я. — Мы ведь через два года, а может, раньше вот так же соберемся и будем те поля навязывать. Давайте сейчас отдадим. Пока они меньше запущены. Пока интерес к ним есть. Ведь колхоз все равно развалится. Дело только во времени. Чудес не бывает. Четыре миллиона долгов... Вы же прекрасно понимаете — не бывает чудес.

— Нет! Нет! Нет! — ответили мне хором.

А нынешний председатель колхоза наставительно произнес:

— Надо думать об людях.

Я лишь вздохнул.

“Об людях...” Если по-честному — это о себе забота. Председатель колхоза... видел, куда идет: все развалено и разбито. Но пошел. Может, успеет домик в райцентре построить. Должен успеть.

И эти крепкие мужики — “спецы” сельхозуправления. Худо ли бедно, но зарплату получают, все при автомобилях, тоже государственных. Чего искать? И где чего найдешь в забытом богом райцентре? Так что лучше “думать об людях”.

Постояли мы, поталдычили, с тем и разъехались».

Февраль 2002 года. Хутор Бузиновка, бывшая центральная усадьба бывшего советского, а потом коллективного хозяйства «Калачевское». На хуторской площади главенствует двухэтажное здание. На втором этаже — кабинет директора, потом — председателя, где бывал я не раз. Но теперь туда идти незачем, кабинет пуст. И весь этаж пустует.

Я — не больно мудрый, просто со стороны виднее. Все мои предсказания сбылись. В 2001 году колхоз приказал долго жить. Последний его руководитель, который призывал меня «думать об людях», благополучно перебрался в райцентр. (Я же писал: «Должен успеть».) На месте при тех же должностях, окладах, машинах остались и все районные «спецы», которые хором мне пели: «О людях! О людях надо думать!» Теперь они умыли руки: ведь в Бузиновке колхоза нет.

Но конец колхоза — это не конец света. В трех хуторах: Бузиновка, Степаневка, Ярки-Рубежный — 1 400 жителей и 21 000 гектаров земли. Кто теперь «думает о людях»? Сельская администрация. Она размещается здесь же, в начальственном здании, на первом этаже.

Сижу в кабинете Виктора Федоровича Нижегородова, главы Бузиновской сельской администрации. Разговор наш то и дело прерывается, стучат в дверь, без стука идут, телефон звонит. Все, конечно, с заботами и просьбами. Так в прежние времена приходили в кабинет на втором этаже, к директору совхоза, а потом к председателю коллективного хозяйства. Но разница великая: у прежнего «головы» в подчинении, в руках были деньги, автомобили, тракторы, «стройдвор», механическая мастерская, многое другое. Так что решить людские проблемы, помочь в большом и малом директор всегда мог (если хотел). Лишь поведет рукой — и водопровод исправили, крышу починили, похоронили умершего, а новорожденного достойно приняли. Так было.

Сегодня единственная власть на хуторе — сельская администрация. Но материальная мощь прежних хозяев хутора и округа ей лишь снится. Нужно починить крышу в детском саду — проси «газовиков», они богатые. Школьный автобус дряхлый — проси о ремонте фермеров. Они хоть и не больно богатые, но понимают, что автобус для их детей. Вьюнникову, Чеботареву, Куликову — великое спасибо, помогли.

На первый взгляд, сельская администрация — хозяин округа. Получается, лишь на словах. Налог с земельных участков и строений уходит в райцентр. Нотариальные услуги, которые производятся здесь, оплачиваются людьми, но деньги — райцентру. Те же торговцы, вот они, под окнами развернули и развесили свои товары, но заплатили вмененный залог не здесь, а в райцентре. Песчаный карьер, которым пользуются «газовики», строители, военные. Сельской администрации от этих богатств никакого дохода. Пастбища, воды и, наконец, пахотная земля. Колхоз развалился, но пашню сразу же разобрали фермеры. И если в 2000 году, при колхозе, посеяли 2 000 гектаров озимой пшеницы, то теперь — 8 000 гектаров, вчетверо больше. Если при колхозе половина пашни уходила в зиму непаханой, то теперь все вспахали. Н. Н. Олейников, В. Б. Колесниченко, В. П. Осипов, А. П. Вьюнников — именно те люди, о которых говорил я летом 2000 года районным «спецам»: «Отдайте им. А не сидите, как собака на сене».

С землей в Бузиновской округе теперь порядок. А вот «о людях» — разговор непростой.

В колхозе были заняты все трудоспособные и желающие, не менее 500 человек. А теперь на земле, у фермеров, будет занято не более полусотни, если не меньше. Помню слова Вьюникова: «Своих никого не возьми. Я их знаю». И Колесниченко с Олейниковым да Осипов работают уже почти десять лет, у них свой «костяк» из бывшего совхоза «Волго-Дон», инженеры в кабине трактора сидят. Зачем им бузиновский балласт — люди, развращенные многолетним колхозным развалом? Тем более зерноводство — сезонная работа: пахота, сев, уборка. У хороших хозяев все это проходит в короткие сроки. На две недели наймут, потом — до свидания. Если наймут...

Итак, имели работу пятьсот человек, теперь чуть не в десять раз меньше. Куда остальным деваться? Чем жить?

Когда-то, на заре сельских перемен, один из «младореформаторов» на такой вопрос ответил обескураживающе просто: «Пусть едут в Австралию или в Канаду. Там дефицит рабочей силы».

Из Ярков-Рубежных Калачевского района в Австралию никто пока не уехал. Те, кто моложе, уходят на сверхурочную службу в бригаду внутренних войск, что расположена

за шестьдесят верст. Таких единицы. «Вахтовым методом» работают на железнодорожной станции им. М. Горького, за восемьдесят километров. Неделя ли, две — на работе, столько же — дома. Получается — раскорячка. Пытались ездить в Москву, там заработки побольше, но «отышачишь» несколько месяцев, а потом, на вокзале или в поезде, деньги отбирают. На Москве поставили крест. Какая уж тут Австралия!

Колхоза нет, считай, уже целый год. Чем живут? Подворьем. Выращивают для себя картошку и все овощи. Стали разводить дойных коров. Их в Бузиновской округе шестьсот. У хороших хозяев по четыре-пять голов. Цена литра молока была: 2 рубля 50 копеек — летом, 4 рубля — зимой. Администрация местная и районная сохранили два «молоковоза», принадлежавшие раньше колхозу. Теперь они собирают молоко с подворотни, сразу расплачиваются и увозят в райцентр, на молочный завод. Правда, не всё и не всегда получается гладко. До сих пор не могут определить, кому принадлежат «молоковозы». Сельская администрация не имеет права держать их. Людям... Тоже пока не получилось. Подвешенное состояние. И с расчетом за молоко не все гладко. Райцентровский молзавод ненадежен.

Но уже объявился у него конкурент — «Волгоградмясомолторг». Приезжали его представители. Все вопросы обещали быстро решить. Название у конторы длинное, из прежних времен. А вот хозяин — иной. Почти все акции у одной семьи. Значит — семейное дело, наследственное, всерьез. Молочное дело — надежное. Без хлеба и молока город не проживет. А молочное стадо в области за последние десять лет уменьшилось более чем вдвое. В некоторых районах оно практически ликвидировано. Руднянский, Быковский, Котельниковский... 536 голов, 739... 711... Суточные надои: 0,6 килограмма... 0,4... 0,9... 0,7... Жирновский район... Котовский... Новониколаевский...

Из нынешней зимовки коров выйдет еще меньше (15 процентов снижения поголовья за год — это уже «норма» проверенная).

Поэтому на Волгоградском рынке обыденными стали молочные продукты, произведенные в Москве. Так что на молоко есть спрос. И жить от молока можно.

Хутор 2-й Бобровский, колхоз им. Куйбышева. Вот что говорит руководитель: «Животноводство приносит нам убытки. В нашем хозяйстве 84 дойные коровы и 150 телят и нетелей. За прошедший год у нас украдено 25 голов скота... на продаже озимой пшеницы колхоз потерял около 3 миллионов рублей... Но тем не менее мы с оптимизмом смотрим в будущее и возлагаем надежды на наступающий год».

Надежда — дело хорошее, но сыт ею не будешь.

На том же хуторе на въезде в него подворье с асфальтированным подъездом, водонапорной башней. Живут здесь не фермеры, а колхозники, семья Косоруковых. Послушаем главу семьи: «Началось это с 1991 года, когда стали обесцениваться трудовые сбережения, а колхоз стал сокращать животноводство. У нас трое детей. Держали, как и многие другие, корову да пару свиней. Поглядели мы, подумали и поняли, что надеяться можно только на себя. Первым делом провели асфальт к дому, трехфазную электролинию, поставили свою водонапорную башню и оборудовали мехдойку, купили старый трактор “Т-40”. На это ушли все сбережения. Но год от года наша мини-ферма пополнялась. Теперь у нас пять дойных коров, бык, телята, четыре свиноматки, поросята на откорме, куры, гуси, утки». Косоруковы продолжают работать в колхозе. Но если он завтра рухнет, то по миру они не пойдут.

Хорошо, что на земле еще есть люди, которые могут «подумать и понять». Но их, к сожалению, очень и очень мало. Большинство, как и прежде, на колхоз рассчитывают и на Господа Бога.

«Засуха у нас в голове» — красное словцо, пущенное в наших краях в начале девяностых годов, повторяем мы снова и снова. Подтверждаем снова и снова.

Село Мариновка, сельскохозяйственный производственный кооператив «Волжанин». Еще одно собрание. Еще одна смена руководителя, четвертого за последние три года. В. Г. Чичеров — человек хороший, экономист по образованию. Он несколько лет был фермером. Не получилось. Торговал, не пошло. На прошлогоднем собрании предложил себя в председатели. Избрали, потому что говорил гладко. Дело в колхозе катилось к банкротству. Рядовые колхозни-

ки — «детский сад», это понятно. У них главный довод: «Да може...» Но зачем шел в председатели Чичеров, для меня загадка. Ведь всё как на ладони: непомерные долги, отсутствие сельхозтехники, запущенные поля. И с неба ничего не упадет. Бывший главный экономист колхоза это должен понимать. Все равно пошел. Год продержался. Окрестная молва говорит: «Для того, чтобы выкопать из земли и продать на металлолом трубы поливных участков». Трубы выкопали, увезли. Чичеров попросил отставки «в связи с переездом в областной центр».

Новое собрание. Итоги работы за год абсолютно ясные: рентабельность 20 процентов со знаком минус, миллионы рублей убытков, долгов, на носу — очевидное банкротство.

Объявился на собрании спаситель — С. М. Якутин, фермер, опытный агроном, арендует 1 000 гектаров пашни в соседнем хозяйстве. Его предложения: земля и имущество колхоза передаются ему. Владельцам земельных паев ежегодная плата — полторы тонны зерна и две тонны соломы, имущественные паи он выкупает у владельцев в рассрочку. Механизаторам, которые будут работать у него, зарплата 40 000 — 50 000 рублей в год. Якутин — житель местный, потомственный агроном, его дела — на виду. Его предложения — весомы, потому что сегодня на пай земельным владельцам хорошо если дадут в конец года два центнера зерновых отходов. Паи имущественные вовсе с каждым часом тают.

На собрании главным докладчиком и увещавателем был председатель комитета экономики и финансов района П. В. Иванов. Он, что называется, на пальцах разъяснил: колхоз вот-вот объявят банкротом и никакими судьбами ему из долгов не выкарабкаться. Сначала он это объяснил в узком кругу специалистов. И те согласились: единственный выход — Якутин. Иначе — гибель: арест имущества, распродажа его за копейки, крах.

И собрание будто бы понимало главного экономиста района. Но до поры... Якутин оказался плохим стратегом, сказав откровенно, с трибуны, что сократит до минимума управленческий аппарат и людей в бригадах, а дисциплина производства будет строжайшая. Вот тут-то и зашумели: «В кабалу не пойдем».

Собрание почти единогласно проголосовало за сохранение сельхозкооператива в прежнем виде. Новым руководителем избрали А. А. Абдулманапова, который агрономического ли, экономического образования не имеет, но пообещал: «Проживем».

Проживет... Пусть недолго. Но только не колхоз! И не люди его. Уже через месяц какой-то ловкий юрист сумел забрать у этого колхоза часть автомобилей да тракторов по «остаточной стоимости», за копейки. И вот-вот обанкротят, все остальное заберут. В «мутной воде» «юристы» не дремлют.

В селе Мариновка тысяча с лишним жителей. До недавних пор в колхозе работали триста пятьдесят человек. Плохо ли, хорошо, но жили. Сейчас работают семьдесят человек. Но вот-вот и эти люди своей привычной работы лишатся. Что им делать? В какую сторону идти? До районного центра — тридцать километров. Но там нет работы и для местных жителей. Практически все предприятия закрылись. До Волгограда — шестьдесят километров. И тоже с работой худо. Тем более что человек — не улитка: за плечами свой дом не носит. Старым — доживать, копаясь в огороде. А вот молодым...

Но что Мариновка, село невеликое. Рядом «Волго-Дон», когда-то гигант молочного, мясного и прочего производства, на распыл идет все в той же «мутной воде». Банкротство, внешнее управление, арест счетов, арест имущества. И даже — редчайший случай! первый на моей памяти! — за долги «Волго-Дона» по иску Сбербанка могут быть конфискованы и выставлены на торги дома двух заместителей главы Калачевского района (по сельскому хозяйству и экономике). Именно они подписывали договоры, предусматривающие их личную ответственность (своим имуществом) за невозврат кредита. А вот руководитель «Волго-Дона» А. И. Булюсин, в течение десяти лет ведущий хозяйство к разорению и развалу, может не беспокоиться. У него — всё в порядке.

А у простых людей — бывших трактористов, овощеводов, скотников, доярок, телятниц? Их — более трех тысяч. Многоэтажные «агрородки». Шесть тысяч людей в них живут. И если в Мариновке ли, в Ярках люди могут надеять-

ся на свой огород, скотину в коровнике, то здесь — балконы да лестничные площадки, как в городе. Квартирная плата — 300—400 рублей в месяц. А заработной платы — нет. Если ее и выдают, то огурцами, капустой, луком. Все это за бесценок тут же забирают скупщики. Но завтра уже не будет и этой малости. «Волго-Дон» — банкрот. Куда идти людям? Вокруг — голая степь. И где их ждут? В Австралии?

Это ведь катастрофа. Но кто о ней знает? У нас ведь по-прежнему «всё в порядке». Сельское хозяйство страны, как вещают наши руководители, «стабилизировалось», «наметился рост». Брехать — не пахать!

Передо мной «Справка об ожидаемых финансовых результатах за 2001 год — по сельскохозяйственным организациям Волгоградской области». Листаешь ее — сплошная благодать: рентабельность, прибыль везде присутствует. ЗАО «Волго-Дон» — с прибылью сработало, СППК «Крепь» — тоже в прибылях. Непонятно, за что эти хозяйства еще в августе, после уборки урожая, были признаны банкротами.

Шестьсот одиннадцать сельхозпредприятий. Более половины — прибыльных. Областной уровень рентабельности 10,9 процента.

А в конце этой «тетрадошки-справки», на последней странице, один из руководителей сельского хозяйства области от руки написал список из одиннадцати хозяйств, которые действительно можно считать на сегодняшний день работающими нормально, то есть способными более или менее прилично платить работникам зарплату, покупать и ремонтировать сельхозтехнику, словом, жить. В этом списке все те же: колхоз имени Ленина, «Кузьмичевский», имени Кирова... Одиннадцать из шестисот! Вот тебе «стабилизация» и «наметился рост».

Уже не отдельные колхозы, а целые районы становятся банкротами. 10 января 2002 года по иску Сбербанка Арбитражный суд признал банкротом Калачевское районное агропромышленное объединение. А что в Нехаевском, Руднянском, Еланском, Быковском районах?

Что мы только не делаем с нашими колхозами! И «реструктурируем», то есть отказываемся от прошлых долгов, всё и вся. А назавтра новые долги появляются. Из частной

лавочки переходим в государственную, добровольно отдавая тракторы, автомобили, скот, постройки в «муниципальную собственность», чтобы враг, то бишь кредитор, не покусился на наше добро, не отнял. Опять никакого прока. Именуем колхозы по-новому: ООО, УСП, ГУСП, МУСП, ГУП, АОЗТ, СПК, ГПЗ, МУП — все вроде по-умному, а проку нет.

Речь колхозного председателя на отчетном собрании: «Всякое планирование сельхозпроизводства, каким бы выверенным оно ни было, оказывается обреченным на убытки. Год назад “ставили” на подсолнечник, так на него цены не было. В этом году сократили посевы, а цены подскочили. С зерновыми все получилось с точностью до наоборот. В текущем году расширили посевы, а цены упали».

И вывод: «Убедившись в бесполезности бесконечной смены ярлыков и невозможности самостоятельности, хозяйствовавшие пайщики (то есть колхозники — владельцы земельных и имущественных паев. — Б. Е.) решили обратиться за помощью к инвесторам. К счастью или на беду крестьянскую, желающих вложить средства в сельскохозяйственное производство сегодня находится множество».

Еланский район. В начале 2001 года в районе 22 коллективных хозяйства. Сегодня, в январе 2002 года, — лишь 4. Остальные отдали свою землю и волю частному капиталу, пришлым фирмам-инвесторам, крупнейшая из которых, «Агро-Елань», за год потратила 200 миллионов рублей на новые тракторы и комбайны, семена, удобрения. Но вся земля теперь вспахана и засеяна, в отличие от прошлых лет, когда половина пашни не обрабатывалась.

«У вас ничего не получилось, — объявил бывшим колхозникам один из новых хозяев. — Теперь попробуем мы».

В 2002 году новые инвесторы обещают «вложить» в сельское хозяйство Еланского района 600 миллионов рублей. Деньги для села немыслимые!

Еще один район — Нехаевский. Что делать, если половина земли в районе не обрабатывается?

СПК «Роднички». Долг 6 миллионов рублей. В кассе — пусто. Выход: 780 пайщиков передали 11 788 гектаров земли в ООО «Брейтон».

СПК «Роднички», СПК им. Калинина, СПК «Краснопольский», СХА «Заветы Ильича», СПК «Динамо», СПК «Хопер», СПК «Авраамовский», СПК «Реченский»... Названия коллективных хозяйств разные, а беды одни.

«Хозяйство обросло непомерными долгами»... «животноводство принесло убытки»... «в растениеводстве складывается неутешительная картина». «Из 10 000 гектаров 7 000 не пахано».

Перспектива (в изложении главы комитета по сельскому хозяйству района): «Грозящее хозяйствам в ближайшее время банкротство уничтожит их: основные фонды будут проданы, а люди останутся без дела».

Выход: вперед — к инвесторам. «Инвид-Агро», «Инвест-Агро», «Нехаевская-Агро», «Брейтон», «Инвест-Кор» — новые хозяева нехаевской земли. Практически весь район оказался в их руках. Лишь колхоз имени Ленина выстоял. Честь бессменному его председателю Георгию Васильевичу Яменскову. Но один в колхозном поле — тоже не воин.

Еще одна — лишь очередная! — жертва времени и обстоятельств — Даниловский район. Земля — чернозем. По погодным условиям 2001 год — хороший. Но уже к осени все стало ясно. Если в 2000 году общая кредиторская задолженность всех коллективных хозяйств района составляла 177 миллионов рублей, то теперь — 185 миллионов рублей. Очевидный крах. Из полутора десятков колхозов лишь два заканчивают год с намеком на мизерную прибыль. Но и там долгов — по уши. Это у лучших. А у худших, таких, как СПК «Сергеевский», из 15 000 гектаров пашни обрабатывается 1500. Десятая часть!

«Выход из такого положения, — говорит главный экономист районного комитета по сельскому хозяйству, — это изменение экономического статуса сельхозкооперативов, то есть их очередная реорганизация». Старая песня: звали меня Маша, и долгов у меня, как шелков, а нынче я — Глаша, а про Машины долги знать ничего не знаю.

Но этой песне уже не верит никто. «Если даже мы все сделаем для реформирования хозяйств, — честно признается глава администрации района, — через год снова увязнем в долгах».

А значит, выход один-единственный: «Вперед — к частному инвестору!»

В район приезжает губернатор области, его помощники, создана целая комиссия. «Областная администрация активно подключалась к нам в поисках и привлечении инвесторов», — радуются в Даниловке.

Обращаем внимание: еще год назад, когда подобный процесс шел в Еланском районе, власти осторожничали. Районная дума публично призывала: «Тщательно изучить... Не спешить...» А за глаза и вовсе называли инвесторов «московскими бандитами».

Теперь уже сам губернатор организовывал приезд в Даниловку кредиторов, инвесторов, «фирмачей». (Это вам не «Атамановский», «Ловягинский» да «Память Ленина», а «Випойл», «Лукойл», «Фордео», «Карат», «Альфа», «Инвест-Агро» — новые времена, новые имена.) Так сказать, берите и владейте.

Знаменательная деталь: идет совещание новых и старых хозяев района, в зале — людно; на трибуне — «инвестор», молодой мужчина, плотный, в короткой стрижке, говорит, не особо напрягаясь, чуть не шепотом; ему из зала подсказывают: «Громче!» «Инвестор» поднимает голову, оглядывает зал, выдерживает паузу, а потом роняет: «Всегда так говорю. А вы слушайте». И в зале сразу притихли, почувяв силу.

Вице-президент фирмы «Випойл» А. В. Средний объясняет: «Во всем мире аграрный бизнес доходен. Поначалу мы отлаживали нефтяной бизнес. (В этом году компании исполнилось 10 лет. — Б. Е.) Когда появились средства, решили войти в аграрный сектор. Первое время занимались кредитованием сельхозпроизводителей... Затем решили попробовать сами заняться производством».

Даниловский район, его колхозы, теперь уже с помощью областных властей, тоже отданы новым хозяевам.

«Предприятия-инвесторы будут зарегистрированы на территории нашего района, — говорит глава районной администрации, — они предоставят селянам работу, будут нормально платить налоги в местный бюджет».

Вот и решены все сельские проблемы. Теперь пусть голова болит у «инвестора». Он и посеет, и вспашет, и даже на хутор-

ских улицах наведет порядок. «Весной закупим гербициды и покончим с амброзией, бурьяном... Спланируем улицу бульдозером, — обещает гендиректор «Випойл-Агро», — сделаем красивые изгороди. Село будет иметь более приглядный вид».

Еланский район ушел к «инвесторам», Нехаевский, Даниловский... Работают новые «Агро...» в Дубовском, Котельниковском и других районах.

В феврале 2002 года уволен прежний вице-губернатор нашей области, ведавший делами сельскими, его сменил на этом посту бывший генеральный директор «Елань-Агро» П. П. Чумаков. Именно так — представитель новых хозяев, «инвесторов». Значит, им — «зеленая улица»?..

Хорошо это или плохо?

Картинка сельская. Декабрь 2001 года. Даниловский район. В редакцию районной газеты позвонила женщина, со слезами в голосе сообщив, что в СПК «Сергеевском» третий день не кормят и не поят скотину. Журналисты поехали, поглядели. 156 коров. В поилках — лед, в кормушках пусто. Председатель колхоза и заведующий фермой — в отъезде, на ферме людей нет. Грейфер — погрузчик — сломался, насосы отключены. Коровы дурняком ревут. Колхозный народ по телефону названивает: «Примите меры!» Коллективные хозяева...

Через полсотни лет, до сих пор помню нашу корову Зорьку. Ее и поглядят, и приласкают, и теплое пойло приготовят, и в стойле уютно, как в доме. А как по-иному? Ведь Зорька была нашей кормилицей, нашей коровой.

И нынче — лишь неделю назад вернулся с хутора — друзья мои в хозяйстве имеют корову, бычков. Малина, Янчик (сокращенное от Январь), Мишаня... «Как на перине ночуют...» — показывает мне товарищ стойло, щедро устеленное свежей соломой. А уж про кормежку и говорить лишне: степового сена — вволю, просяной соломки — в охотку, теплое пойла — словно детям. А как же иначе?

А тут — три дня скотина голодная и непоеная ревет... И знаете, дело вовсе не в том, что люди хуже зверей. «Не мое! Чужое! Начальство нехай меры принимает!..» — десятилетиями укоренившееся правило. «Пусть лучше у людей живут, чем в колхозе сдохнут», — повторял всегда один из

председателей, щедро раздавая поросят с фермы. И перед начальством тем же оправдывался, пока не выгнали.

«Не мое!..» — с этим парткомы да профкомы не могли справиться. А нынче — и вовсе. И так, в село, в сельскохозяйственное производство, пока лишь в полеводство (зерно, подсолнечник), но частный «капитал» двинулся. Свято место пусто не бывает.

— Явная отмывка денег, — говорят люди неглупые. — Такие вложения. Они же не смогут получить прибыль. Это невозможно. Вот все расчеты, пожалуйста...

— Может, и правда. А может, и неправда. Потому что и «расчеты», и «неглупые специалисты» — все это «колхозное», «советско-социалистическое». А пришло совсем другое — капитализм, с иной логикой, иными законами.

— Это московские деньги. Они там почуяли, разузнали, что вот-вот примут закон о купле-продаже земли. Вот и полезли. Чтобы успеть землю купить.

— Может, и так, а может, и по-другому. Не суди в три дня, а суди — в три года.

А вот еще одно мнение, высказанное человеком, который в районном центре занимается бизнесом: производство мясных продуктов, торговля:

— «Карат», «Альфа», «Фордео» за счет крестьян получают большие прибыли.

И ему можно верить: человек — местный, предприниматель успешливый. Гадать можно так и эдак. Но совершенно очевидно, что рука об руку с частными инвестициями идут новые порядки, которые очень больно ударят по большинству селян.

«В новые хозяйства (создаваемые частным капиталом. — Б. Е.) надо брать тех людей, которые хотят работать, а не числиться на работе. Конечно, тут будут проблемы, но другого выхода у нас нет» (глава администрации Даниловского района Н. П. Руденко).

«Часть людей просто не сможет работать в новых условиях...» (М. И. Киндеров, руководитель хозяйства, вошедшего в «Агро-Елань»).

«В “Брейтоне” горячее питание для механизаторов привозят в поле три раза в день, причем бесплатно. Но “рюмка”

стоит дорого: лишение премиальных 500—800 рублей. Четверых механизаторов уже пришлось уволить за пьянку» («Нехаевские вести»).

«У нас работает очень много лишних людей. Всех мы не прокормим».

Фирма «Гелио-Пакс» успешно работает в нескольких районах уже в течение пяти лет. Прибыль хорошая (2001 год: ООО «Гелио-Пакс-Агро-3» — 31 204 000 рублей, ООО «Гелио-Пакс-Агро-4» — 27 882 000 рублей). Но животноводство, которое было прежде, при колхозах, практически ликвидировано. А значит, люди — без работы. Многие местные механизаторы потеряли работу, даже сезонную. Новые хозяева предпочитают возить рабочих из райцентра.

Десятки раз повторяли мы известные цифры о том, что производительность труда в нашем сельском хозяйстве очень низкая, что работает на земле треть населения, а на Западе — пять-семь процентов. Теперь эти цифры начинают превращаться в горькую очевидность: с приходом частного капитала единоличного хозяина на селе сразу же теряют работу более половины трудоспособного населения. Это положение осложняется тем, что другой работы рядом ли, поблизости нет.

К такой перемене люди не готовы ни психологически, ни материально. Куда-либо переехать они не могут, так как нет сбережений, а дома на селе стоят очень дешево. На эти деньги не купишь новое жилье даже в райцентре, про город не говоря.

Профессия: скотник, механизатор, доярка. Куда с ними? Оттого — чувство безысходности, пьянство, развал семей, разрушение моральных устоев.

Какой-либо программы трудоустройства сельского населения не существует. Даже пособия по безработице — не для крестьян. Хутор ли, село — далеко от райцентра. Не наездишься туда — а надо несколько раз в месяц «отмечаться», — на автобусные билеты больше денег истратишь.

В позапрошлом теперь уже веке, отменив крепостное право, император в своем указе требовал, чтобы исполнительная власть попечительствовала крестьянам в трудное для них время перемен.

Нынешний перелом масштабом сравним с отменой крепостного права. Но вот попечительства или хотя бы понимания сложности, трагизма судьбы и судеб крестьян — колхозников, миллионов и миллионов наших сограждан — этого нет. «Пускай в Австралию едут...»

Вице-президент фирмы «Випойл» А. В. Средний: «Сейчас мы пока новички в сельскохозяйственном производстве, набираемся опыта, получаем синяки и шишки. Анализируем, просчитываем. А потом — пойдём».

Они идут. Куда крестьянину податься?

НА РАСПУТЬЕ

Думаю, многим памятен кремлевский «пир победителей» в конце 1993-го, после выборов в Думу. Назначали его загодя, в твердой уверенности, что победу одержит и обретет большинство «Выбор России» и те, кто рядом. Все шло по-намеченному: дармовое шампанское, музыка, сияющий светом зал. Не хватало только результатов выборов. Их ждали с минуты на минуту. И наконец объявили. Победили, как оказалось, не те.

Тогда и произнес в негодование ли, в недоуменье один из участников пира:

— Россия... Ты одурела!

Сказано это было на весь мир. И долгим эхом повторялось и повторяется во всех концах: «Россия одурела... Одурела...» Одурела — и весь сказ. Для одних это — радость, для других — боль, для третьих — просто отгадка. Что ж, не впервой такие слова, еще и довольно мягкие.

Россия велика и поныне: тысячи и тысячи верст из конца в конец — путь долгий, тем более если мерить его дорогами полевыми, от селенья к селенью.

Мой путь — короче: он — в родных краях. Но это — тоже великая Россия, нынче — край ее.

В Волгограде, в палящей июньской жаре, в бегах да в делах, захотелось пить. Подошел к одному киоску, к другому: бутылку бы минеральной — «Волгоградской», «Ергенинской» или какой другой. Нашлась лишь вода австрий-

ская, в пластмассовой бутылке. Спасибо ей, утолила жажду. Но когда пил, среди городской жары, раскаленного камня и асфальта, вдруг вспомнил о наших родниках в Задонье: Калинов-колодец, Фомин-колодец, родник у кургана Хорошего, у Маяка, на Мордвинкином поле... Немало их — ключей, родников, колодцев. Но было больше.

Такое вот вспомнилось в жарком городе, когда пил я австрийскую воду. И тогда решил: надо ехать к Белому ключу.

В Калаче-на-Дону, в моем городке районном, в редакции тамошней газеты, сговариваясь о поездке, встретил знакомого. Тот поведал мне радостно, что здесь уже целую неделю гостит американский миллиардер. Визит его — деловой: объезжает калачевские земли, осматривает, а потом пришлет группу специалистов.

— Цель? — спросил я.

— Составить план, по которому мы должны выйти из нынешнего развала в сельском хозяйстве, — ответили мне.

— Дай бог, дай бог...

А что еще сказать? Бизнес-планы да бизнес-проекты, желательно с привлечением иностранного капитала. Протоколы о намерениях... Умные разговоры под русскую водочку или без оной. Сколько их...

Назавтра была дорога, довольно тяжелая. Асфальтом, а потом дорогой полевой выбрались к Осиновскому стану. Когда-то был хутор Осиновский, потом разошелся. Разобрали часовню, в которой молились, школу, в которой учились. Но бывшую школу привезли сюда, сладили из нее помещение для жилья механизаторов. Назывался — Осиновский полевой стан. Рядом ток. Потом и полевой стан забросили, выломав окна, полы и двери.

Но нынче подъехали мы, а полевой стан — живой. Навешены новые двери, еще не крашенные. Окна — целые. Под крышей, в комнатах, — застеленные кровати. А людей не видать. Живого человека наконец углядели в стороне, он полол мотыгой заросшую арбузную бахчу.

Тимофей Константинович Пономарев, семидесяти лет от роду. Росту, стати, сложению его можно позавидовать и теперь. Могучий уродился казак на хуторе Тепленький в 1924 году. В свою пору он отвоевал с 1942-го по 1945-й.

А потом жил и работал на хуторе Осиновском шофером, трактористом, бригадиром тракторно-полеводческой бригады. Хутора уже нет, но осталась просторная усадьба Пономаревых: задичавший сад, колодец, остатки фундамента.

Тимофей Константинович в 1984 году ушел на пенсию и перебрался в райцентр. Одолели приезжие: чеченцы, иные кавказцы. У них законы другие: скот пасем на хлебах, темная ночь год кормит. А непривычному к таким порядкам бригадиру на непрестанные укоры его ответ ясный: «Договоришься... Научим жить».

Пономарев вышел на пенсию и уехал, как и другие его земляки. Хутор остался во власти пришлых.

Теперь — год 1995-й, кончается жаркий месяц июнь. День-другой — и начнется уборка хлебов. Но есть ли что убирать?

Стоим, озираем округу. Она — просторная. С холма на многие версты видно. И лишь три малых лоскута бронзовеющих пшеничных полей. Справа — поле Пономаревых, прямо, за балкой, — поле Карасевича, поле Каледина. Вот и всё.

Пономарев и бывший агроном отделения на память знают окрестные поля, называя их: «370... 120... 112... 136...» Это было когда-то: 370 гектаров да 136 гектаров пшеницы ли, ячменя. А теперь все брошено: не пахано и не сеяно. Вон там огромное, на 500 гектаров, поле Таловое, одно из самых лучших полей округи — каштановые почвы. Только что были на нем, букеты собирали: ромашка, осот, молочай — весь ботанический атлас. Только хлебного колоса нет.

— Раньше здесь на току семь полотен хлеба насыпали, — вспоминает Пономарев.

Семь полотен — это семь хлебных «бунтов» на семи подготовленных площадках. Так было когда-то.

В 1984 году Тимофей Константинович переехал с семьей в райцентр, а вернулся сюда, когда начали давать землю. В ту пору его сыновья — Анатолий и Владимир Тимофеевичи, — оба механики по сельхозмашинам, работали в райцентре. Но начались перемены, нелады с зарплатой, неуверенность в дне завтрашнем. Решили взять землю на родине, возле хутора Осиновский. Теперь хозяйствуют. Семьи — в райцентре, в Калаче. А работа здесь. Здесь триста гекта-

ров земли, а теперь еще сто прибавили. С нынешней весны выпросили у «Голубинского» — бывшего совхоза, ныне коллективного хозяйства — вот этот полевой стан, хозяйству уже ненужный и разбитый. С ранней весны Тимофей Константинович, хозяйничая топором да пилой, новые двери навесил, настелил полы — словом, навел порядок. Теперь здесь можно жить, трудясь на своей земле.

— Как живем и работаем... — отвечает на мой вопрос Пономарев-старший. — Особо нечем хвалиться. Один у нас трактор ДТ. А как в семье одно дите — не дите, так и один трактор — не трактор. В две смены на нем работаем. Передых ему — лишь в обед. Тогда я рукава засучаю, смазку ему, кое-чего подтяну, подделаю. И снова в борозду. Кричи, а нужен другой трактор. Но где его взять? Комбайн один на пятерых хозяев. Культиватор — чужой. Хромаем на обе ноги. Как не хромать, если со всех сторон за зебры ухватили и душат. Спасибо, у сынов жены терпеливые, своими зарплатами их держат. А то бы вовсе конец. Землю получили запущенную, сплошной осот. Два года ее чистили. Нынче думали хороший урожай озимки взять. Посеяли числа двадцатого, в августе. И через день дождь пошел. Духом воспряли. А теперь вот такая сушь стоит.

Добавлю к рассказу Тимофея Константиновича, что «озимка» его в краях голубинских, по словам специалистов, самая лучшая. И хоть долгая жара ее «подсушила», но по 15 центнеров с гектара должна дать.

Но и нынче Пономаревы не разбогатеют, даже если вовремя уберут свои двести гектаров озимой пшеницы. Долго они думали, но заключили контракт с корпорацией, взяли кредит и купили комбайн. Иначе вся их пшеница могла остаться неубранной.

— От земли не станешь богатый, а будешь горбатый, — говорит Пономарев. — Работаем все. Внуки уже помогают, за рулем, за штурвалом. Но богатства не видно. И все здесь такие хозяева, тутошние фермеры.

Беседуем с Тимофеем Константиновичем, а внизу, под бугром, в зелени балки, льется сияющая под солнцем струя Белого ключа. Прежде ключ был обделан камнем. Сейчас торчит железная труба, льется вода. Вкус у нее — особен-

ный. Говорят, что она — серебряная, целебная. Пьешь — не напьешься.

Вспомнил другие ключи, которых теперь уже нет. Тут нет загадок. Земля смыкает уста, еще вчера cedившие влагу, чувствуя, что эта вода уже не нужна пастуху, косарю, пахарю, просто путнику. В Задонье их все меньше и меньше.

Но еще остались у земли работники. Вот он, передо мной. Рослый, большерукий, в замаcленном картузе и такой же спецовке. Четыре года отвоевал, а все остальное время на земле работал. Ему семьдесят лет. Чего ему надо? Богатства великого? Он точно знает, что его не будет. Сейчас вот мотыгою арбузы пропальывает. Завтра — горячая пора уборки. Он и помрет когда-нибудь здесь, ткнувшись головой в пашню или жнивье. И не надо гадать, почему этот семидесятилетний ветеран, пенсионер не сидит в райцентре на скамеечке, в карты не играет, водочку не пьет, не ходит по начальственным кабинетам, выбивая себе «ветеранские льготы».

И если бы государство поступало по-доброму, с далеким взглядом, с мудрым экономическим расчетом, обеспечив кредитом для покупки техники ту же семью Пономаревых, то они бы и тысячу гектаров потянули. Конечно, кредит не под 213 процентов и не на два-три года, а на пятьдесят, на сто лет. Под залог ли земли, по-иному ли. Придумывать тут не надо, существует мировой опыт, в том числе и наш, российский, например времен Столыпина.

Но у нас, сверху и снизу, какая-то надежда на чудо. Вот американский миллиардер в Калач-на-Дону приехал. Как много нынче надежд на американских миллиардеров! Есть ли время о Пономаревых думать, помочь им? Да и запросы у Пономаревых не масштабные. Разуверившись в помощи значительной, просят они три сотки земли возле Осиновского полевого стана. Здесь их техника, здесь их жилье. Два года лежит разобранный склад-ангар. Негде его поставить. Но земля принадлежит коллективному хозяйству. «Дашь им клочок — они потом все оттяпают, — боится правление. — Отказать!» Склад поставить негде, а значит, некуда зерно ссыпать. Кто поможет? Государственные мужи заняты великим: референдумы, выборы, новые партии, блоки, кремлевские свары и ко всему еще и война. До пахарей ли...

— В фермерство в первые годы пошли многие лучшие люди села, можно сказать, элита, — поделился как-то со мной своими выводами опытный сельский руководитель, прошедший школу председателя колхоза. — Пошли агрономы, инженеры, экономисты, которым надоели плохая работа, вранье, показуха. Они поверили государству, которое их обмануло.

Не только инженеры и агрономы, добавлю я, но и часть лучших механизаторов — таких, как Пономарев. И свои двести ли, триста ли гектаров земли они бы всегда обрабатывали, с доброй помощью в начале пути.

Во времена прежние, когда в крестьянской России делились семьи, отец сыну не только клочок земли давал, но и тягло, инвентарь, семена. Чтобы не по миру сынок пошел, а сразу в работу. Нынче — иное. На словах высокая власть ратовала за фермерство: «Наше будущее! Наш завтрашний день!» А что кроме слов? Лишь обман за обманом.

Они ведь не только хотят, они умеют на земле работать. Пономарев, Дубовов, Каледин. Они не чета тем «фермерам» — лодырям и пьяницам, которые землю брали, чтобы... бурьян разводить гуще, чем в совхозе. Вот они, их поля, по колено в осоте. Хлебных же полей, повторю, лишь четыре: Пономаревых, Каледина, Карасевича да совсем малое — Дубовова. Четыре клочка, словно четыре родника в жаркой пустыне.

Нет, не приезде американского миллиардера надо радоваться, а тому, что живет и работает возле Белого ключа русский пахарь Тимофей Константинович Пономарев с сыновьями и внуками. Дай ему бог здоровья и долгих лет. Без него пересохнет тот невеликий ручеек, который течет год от года.

Было время, когда здесь, возле хутора Большой Набатов, на донских берегах, в летнюю пору — не протолкнуться: машина — возле машины, палатка — возле палатки. Отдохнуть, покупаться в Дону, рыбки отведать, арбузов и прочих овощей да фруктов съезжались москвичи и ленинградцы, волгоградцы и ростовчане, украинские шахтеры и тюменские нефтяники. Нынче же — тишина и безлюдье. Лишь наша машина ночевала на донском берегу.

Тихое утро. Поднимаюсь на высокий прибрежный курган. С него далеко видать. Для подмоги — бинокль. Предомною в ложбине, в устье речки с милым названием Голубая, лежит хутор. Вокруг него — курчавая зелень займищного леса, зеленые поляны, луга.

Хутор дремлет в утренней тишине. В огородах кое-где копошатся люди. Старый Вьючнов поливает из шланга картошку. Огород у него просторный. А годы немалые — за восемьдесят. Вижу, как по пустынной улице идет от дома бригадир, направляясь к машинному двору. Хотя «машинный двор» понятие для этого хутора условное. На выгоне грудится техника, ломаная и гожая. Там же — цистерна для топлива. Пустая. Может, лишь на доньшке — неприкосновенный запас, «для крайнего случая». Там же крохотная, полуразваленная мастерская — кузня, как их раньше называли.

Время — месяц июль, позднее погожее утро. Хлеба поспели: бронзовеет пшеница, серебрится ячмень. С горы все поля видны: набатовские, евлампиевские. Тишина и покой. Зелень, желтизна поспевших хлебов, синева тихого Дона.

На хлебных полях, у колхозной скотины, возле кузни — никого. Бригадир, один-одинешенек, сидит, ждет.

Вчера мы с ним долго разговаривали. Он — здешний, хуторской. Считай, всю жизнь прожил в Большом Набатове. Тракторист, комбайнер, теперь — бригадир.

— Как жить... Как работать... — вздыхал он. — У нас один комбайн. Начал сегодня молотить, комбайн сломался. Чиним. А чем ремонтировать? За два года ни одной запчасти не получили. А теперь и вовсе: за долги электричество в машинно-тракторной мастерской, на центральной усадьбе, отключили. Пора уборки.

Во время нашего разговора вдали поднялся столб дорожной пыли. Это гусеничный трактор катил, с культиватором.

— С поля? — спросил я. — Солнце вон где. Пять часов времени, еще работать и работать.

— Нароботались, — ответил мне бригадир. — Вон и другой работник пылит. В четвертом часу выехали.

— Рано, — сказал я. — По холодку.

— В четвертом часу дня, — уточнил бригадир, — еле выгнал их. Уже наработались. А сколько наработали? Спросите их. Сейчас подкатят «орлы».

Подкатили и вправду «орлы» — молодые ребята.

— Чего приехали? — спросил их бригадир.

— Шестой час. Конец рабочего дня.

— Да он у вас и не начинался, рабочий день.

— Мы ремонтировались.

— Ну так и работали бы. Чего ездили зря?

— Конец рабочего дня. Надо, сам поезжай... А мы...

Пошли речи известные.

За два дня двумя тракторами «орлы» прокультивировали 37 гектаров паров. Норма же на смену одной машиной — 40 гектаров.

— Как работать, как жить... — сокрушался бригадир. — Ведь мы же от результатов работы и получать будем. А что получать? Завтра не пушу их на поле. Пусть стоят. Тракторы будут целей и горючее, чем такая работа.

Это было вчера. Нынче — воскресный день. Пора уборки. В полях — ни души.

В этом коллективном хозяйстве с января по день нынешний, июльский, работникам заплатили один раз по 30 тысяч рублей, к празднику. И — всё. В прошлом, 1994 году осенью расплачивались овцами да коровами. Денег не было. Одни долги.

В начале года договорились платить каждой бригаде по результатам сделанного. Собрал урожай — получи 10 процентов от него. Вырастил скот — получи 10 процентов от привеса и от полученных телят.

Плохо ли, хорошо, но что-то посеяли. Теперь пришла пора убирать урожай. Жаркое лето. Плохие хлеба, но поспели они, и других не будет. Девять часов утра, а в поле — тишь. Но я привык мерить все старыми мерками: хлеб поспел, дни жаркие, ни ячмень, ни пшеница долго стоять не будут, осыпятся. Какие тут могут быть воскресенья!

Потом, во второй половине дня, я возвращался в Калач. Пятьдесят километров пути. Ни одного комбайна не увидел. Ни одна машина с хлебом мне не встретилась. Поистине глухая пора уборки.

По дороге попадались лишь легковушки. Это селяне возвращались с райцентровского базара. Кто-то продавал там мясо, кто-то — творог, сметану, яйца. Жить-то надо. Повторю: за шесть месяцев лишь единожды получили они по 30 тысяч рублей.

На хутор Павловский, в Алексеевский район, к давнему знакомцу Николаю Милованову нынче прибыл я ко двору вместе с сеном. Но если в прошлом году я с радостью помогал ставить скирд ли, стог, то теперь за вилы братья не хотелось. То ли сено, то ли дрова? Будьялья осота чуть ли не в руку толщиной, седые головки пуха-семян. Поднимешь навильник, по ветру — туман. Летит пух.

— Такое сено лишь козам класть, — говорит Николай. — Чего-то обгрызут, остальное — в печь. Тем более что угля на топку второй год не покупаем, денег нет. Двести тысяч рублей с лишним за тонну просят. Мне нужно на зиму три тонны. Значит, шестьсот тысяч. Это как раз столько, сколько я заработал за два года: девяносто четвертый и девяносто пятый. Но денег этих я не видел, лишь обещают отдать. Вот и приходится топить, как в старые годы, кизяками.

Итак, два года здесь не платят зарплату, записывая ее на бумажках в колхозной бухгалтерии. Порой в счет этой «зарплаты» дают постное масло или килограмм-другой колбасы (в колхозе пустили свой колбасный цех).

Денег в колхозной кассе давным-давно нет. А когда они и появляются, то идут на нужды первоочередные: горючее для техники, запчасти. Но всего этого — внатяг. И потому хорошо, если треть колхозной пашни кое-как, но обрабатывается. На остальной — не первый уже год растет всякий бурьян. К зиме — кормов нет. Покупать не на что. Придется, видимо, свиноферму закрыть. Того же колхоза когда-то огромный свинокомплекс в соседнем хуторе уже закрыт, помещения и оборудование растаскиваются. Остаются коровы и молодняк. Для них кое-какие корма на зиму запасают. Но жить они будут явно впроголодь.

Грядущая бескормица для скота — беда не только этого колхоза. Во всей округе и во всей области поголовье крупно-

го рогатого скота и нынче значительно уменьшится. Нет кормов. И если прежде, при засухе, везли солому не только из Ставрополя и Краснодара, но даже из Прибалтики, то нынче помощи ждать неоткуда. Крупный рогатый скот, коров, маточное поголовье, будут вырезать. В сентябре-октябре сдать скот на мясокомбинат будет очень трудно. И потому уже сейчас, загодя, дальновидные хозяева начнут забой.

Такая вот жизнь. Не больно укладывается она в привычные понятия: два года зарплату не выдают людям, а ведь зарплата не та, что у шахтеров, нефтяников, железнодорожников. За два года лишь 800 тысяч «набежало» у свинаря Милованова. Не отдают их. А это значит, что работал и работает он бесплатно, как и другие здешние колхозники.

На хуторе Павловский живут не только колхозники, но и фермеры. Два ли, три года назад, когда фермерство лишь начиналось, прикидывали мы с председателем здешнего колхоза: кто может работать самостоятельно? Таких было немного. Братья Березневы, Иванов с товарищами. Прошло время. И оказалось, что даже они не смогли. Почти все снова вернулись в нищий колхоз... Не от хорошей жизни!

Название села — Громославка. Но особо громкой славы оно не обрело. Лишь в последние годы приходилось слышать: «...в Громославке колхоз разошелся», «...в Громославке весь скот перерезали...».

И вот она, Громославка Октябрьского района. Обычное наше степное селение: в низине, над речкой, в зелени садов. На самом въезде — пекарня и запах свежего хлеба, людская толчея. Тут же, под одной крышей, — хлебный магазин. Подъезжают, подходят. Не «четвертушками» да «половинками» берут, а две, три, четыре буханки. Как и обычно на селе.

Слава Богу, хлеб есть. Хотя пекарня и магазин при ней уже не колхозные, а частные. Три года, как нет колхоза в Громославке.

Но жизнь продолжается. В школьном дворе ребячий галдеж — последние дни учебы. На улице, возле магазинов и помещения сельской администрации — тоже народ. Утренние заботы.

А поодаль стоит двухэтажное здание бывшего правления колхоза. Возле него — пусто. Лишь забытый стенд с заголовком: «Колхоз “Дружба” в 12-й пятилетке».

В 1929 году был создан колхоз «Дружба». В 1989 году он отпраздновал свое шестидесятилетие. Работали в колхозе около пятисот человек. Пахали землю, сеяли хлеб. Овец было 12 тысяч голов, крупного рогатого скота — до трех тысяч, свиноферма, птицеферма — все как положено. Урожай, надои, привесы были средние. Но вот вопрос, который задал мне П. И. Дубровченко, бывший чабан, скотник, учетчик, колхозник с 1953 года:

— Откуда возьмет страна то мясо, молоко, шерсть, которые давал наш колхоз? Из-за границы?

Вопрос резонный. Потому что овец в Громославке практически не осталось. А было, напомним, 12 тысяч. Свиноферма, птицеферма, молочно-товарная ферма — все ушло, ничего нет.

На выезде из Громославки, возле дороги, — остатки одной из кошар, где размещались овцы. Капитальную кошару кирпичной кладки поделили бывшие колхозники на погонные метры и развезли по домам.

Вот один из новых хозяев долбит ломом, разбивая свой кусок стены, — три или пять метров кладки ему досталось. Разбивает, разбивает по кирпичику, кидает в кузов грузовика, говорит: «Дома сгодится. Не пропадать же добру». Шиферную крышу тоже поделили. Но больше, говорят, побили.

Собеседник мой — шофер, механизатор, тоже бывший колхозник:

— Разошлись... Да не разошлись, разогнали нас. Приехало начальство из района, говорит: расходитесь, колхозной кассы больше не будет, живите сами. Вот мы и разошлись. Говорят, сбивайтесь кучками. Нас сбилось двенадцать человек, земли около девятисот гектаров. Но при дележе имущества техники нам, считай, не досталось. Нечем землю обрабатывать. Ходим, у людей просим: «Дай вспахать...» Ждем, пока они свое посеют, потом нам дадут. А сроки прошли, сорняк поднялся, все забил. За два года мы ничего не заработали и разбежались. Сейчас у меня паи лишь жены, сестры, матери. Семьдесят пять гектаров. Долгов — шесть с полови-

ной миллионов рублей. Брал кредиты на горючее и запчасти. Плачу проценты, а зерно, будет или не будет — лишь летом девяносто шестого года. Сейчас у меня пары. О чем говорить, чего с колхозом сравнивать? Я — хозяин? Чего хозяин? Долгов или трех метров кирпичной стены, которую я колуваю? А ведь строили... И была тут животины. А начали дележ — передохла, разворовали, ничего не осталось.

Колхоз «Дружба» разваливался по сценарию, для тех лет обычному. Действие первое: из колхоза выходит какой-нибудь главный специалист, но не один, а с группой лучших механизаторов. В 1990 году ушел из «Дружбы» экономист В. М. Комлев, с ним семь механизаторов. Земля есть, техника есть. И нет колхозной обузы — «социалки» (школа, медпункт, детские ясли, водопровод и т. д.), которая забирает уйму денег, нет животноводства, которое убыточно, нет кучи управленцев, нет лодырей и пьяниц. И потому «выходцы» в первый же год если не «Жигули» да «Волги» покупают, то явно выделяются своими доходами. На хуторе ли, в селе — все это как на ладони. На следующий год, вдохновленная их примером, уходит из колхоза новая группа людей, притом не худших. Так было и в «Дружбе». В 1991 году второй волной ушли шоферы, механизаторы. И колхозу пришел конец.

— Лично мы стали жить лучше, — говорит молодая женщина, жена механизатора. — И другие тоже. Люди машины купили. Но пенсионерам, конечно, хуже. И всему селу хуже стало. Были все вместе, а теперь каждый за себя. Друг у друга воруют...

Еще один собеседник, тоже механизатор с солидным стажем:

— Работать сейчас мне намного легче. Даже сравнить нельзя. Нас четверо, обрабатываем девятьсот гектаров земли, техники хватает, купили в свое время комбайн, «Беларусь». В долги не лезем и о завтрашнем дне думаем, наперед запасаем горючее, запчасти. Если бы с нами нормально рассчитывались за хлеб, то жаловаться грех.

В ночь перед моим приездом украли изгородь из металлической сетки — возле мастерских по ремонту техники. Не метр, не десять, а добрые сотни метров сняли и увезли. В мастерской разломали «пускатель» точила в эту же ночь.

— Хозяина не стало в селе, — говорит один. — Делим, ломаем, разваливаем всё подряд.

— Сколько труда, сколько лет! — сетует другой. — А теперь тащат, ломают. Да хоть бы на дело, а то — на пропой. Украл — пропил, украл — пропил...

Неподалеку от разломанной кошары — огромный комплекс молочно-товарной фермы с капитальными помещениями, с выгульными базами, родильным отделением, кормоцехом. Бывший комплекс. Теперь здесь не коровий мык, а воробьиное чириканье да великий разор. Вынутые двери и рамы, разобранные и рухнувшие крыши, выломанные стены, пустые силосные траншеи. Пронесся здесь смерч разорения.

Откуда же возьмет страна мясо и молоко, повторю я тот же вопрос, если нет теперь в Громославке 12 тысяч овец, 3 тысяч крупного рогатого скота, тысячи свиней? И за год-два все это не восстановишь. Потому что разгром продолжается.

Колхоз был один — «Дружба». Потом поделились сначала на одиннадцать «колхозов», а сейчас их — сто десять. Это — дело естественное. Сверху приказов нет. Хочу — работаю с Иваном, а хочу — с Петром. А поругаюсь — сам буду хозяйствовать, а может, разорюсь.

«Двадцать человек в селе будут жить хорошо, а остальные — горе мыкать» — такой я услышал прогноз.

— Кто нахапал, тому хорошо! А нам с бабкой куда?! — гневно вопрошал пенсионер. — Я в колхозе жизнь отработал, колхоз мне помогал. А нынче кто мне поможет?

О чем еще поведать? О детском садике, в котором прогнили полы, не работает водопровод? О висячем мостике, по которому дети ходили в школу и который сломался, а теперь некому его починить?

Зачем собирать горькое... Зачем об этом писать, зачем тревожить чужую боль?..

Потому что боль эта — общая, как и забота.

Великая крестьянская Россия двинулась в новый поход. И если в 1929 и 1930 годах повели или погнали ее в коллективизацию не ведавшие сомнений «двадцатипятидесятники», то теперь и вести некому — спасайтесь сами.

Но почему новая жизнь должна начинаться с «красного петуха»? С закрытой пекарни, с разгромленного детского садика, с растащенной столярной мастерской, спаленного склада запчастей, с зияющих черными глазницами клуба, медпункта? Почему нужно по кирпичику растаскивать молочно-товарную ферму, кошару?

Неужели не больно? Ведь не помещичье — свое. Не заморский дядя подарил, а от скудного трудодня отделяли, сбивая копейку к копейке. Не в год и не в два, за десятилетия, но построили клуб, медпункт, детский сад; теплые кошары да фермы, где не течет и не дует; вместо прокопченной кузни — ремонтные мастерские со станками, кран-балкой; купили автобус, чтобы ребят в школу не в тракторной тележке возить; радовались новой пекарне, кондитерскому цеху, парикмахерской, где можно кудри завить, и собственной «швейной»; водопровод вели, газ... Своими руками и для себя, чтобы жить и работать «как люди».

А теперь своими руками разрушить, потому что пришла новая жизнь. Но пришла ли она?

«Не суди в три дни, а суди в три года», — говорят у нас старые люди. Пять лет назад были обнародованы первые правительственные указы и постановления о реорганизации сельского хозяйства, от колхозно-совхозного — к частному, к фермерскому, как называли его, это название прижилось. Первые указы — и первые смельчаки, уходящие в новую жизнь. Братья Епифановы, братья Гришины, братья Двужилковы... Все они — воистину двужильные. Приходилось им очень несладко: лбом прошибали стену, которая мощней Берлинской и даже Великой Китайской. Старую привычную жизнь прошибали, спаянную воедино от хутора Мартыновского до кабинетов Москвы. «Какие-то они... — говорил мне глава районной администрации, — больные, что ли... Чуть что, они аж трясутся и на губах — пена». А как не запениться... Осень 1991 года. Двужилковы вырастили хороший подсолнух, а убирать его нечем. Своего комбайна нет. В колхозах окрестных не дают, да еще и смеются: «Вы же — хозяева...» В райцентре и области лишь пожимают плечами. Весь урожай погиб. Тут не запенишься, тут с ума сойдешь.

Но все это теперь позади. Двенадцать тысяч фермеров было в нашей области на январь 1995-го, миллион гектаров земли, пятая ли, шестая часть всей площади. Это, конечно, впечатляет. Но... На каждого фермера приходится 0,5 трактора, 0,5 автомобиля, 0,2 комбайна, одна корова, одна свинья. Урожайность у фермеров в среднем ниже, чем в колхозах. А главное, по подсчетам специалистов и по жизненной практике, для того чтобы заниматься зерном в наших краях (а фермеры наши пока занимаются только зерном), нужно иметь в хозяйстве не менее 400 гектаров земли. На январь 1995 года лишь 318 хозяев из 12 тысяч имели надел свыше 300 гектаров.

Появление свободных от колхоза крестьян — это несомненный факт. Вот он, Ляпин из села Мариновка, живет без колхоза пятый год. Не помер и даже не похудел. Такие Ляпины ли, Двужилковы, Вьюнниковы есть почти на каждом хуторе. Но появление новых Ляпиных сейчас практически невозможно. Во-первых, потому, что первопроходцы выходили в начале 90-х, когда у нас в области, не дожидаясь законов общероссийских, власти силой отняли у колхозов 10 процентов земель и отдали их новым хозяевам. Каждый получал от 100 до 400 гектаров, на семью — даже больше. Потом появился указ о «справедливом» дележе. Поделили. Теперь земли нет. Возможны лишь хитрости, просьбы и прочее. Просит Пономарев 0,03 га, чтобы амбар поставить. Колхоз дружно который уже год отвечает: «Нако-сь выкуси».

Договорился было В. И. Штепо взять у пенсионеров в Тихоновке их земельные паи. Штепо — лучший хозяин в районе, земля была бы в надежных руках. Но как только об этом прослышало руководство колхоза, приняли энергичные меры: пенсионеры дружно отказались от своих обещаний.

Значит, первое — земли нет. Причина вторая: первые выходцы получали от колхоза имущественный пай в виде тракторов ли, комбайнов, плугов, сеялок, семян, а от государства — денежный кредит на льготных условиях, чтобы купить необходимую технику и обустроиться. Правительственное постановление от 25.09.1993 года льготные кредиты отменило. А теперь их и вовсе нет. С имущественными паями — тоже проблема. Сам председатель облагро-

прома во всеуслышание заявил: «Паев нет». Великая подмога хранителям колхозного добра! И вот уже отвечает председатель колхоза выходцу, просящему свой пай: «Забирай кровати со склада, там их пятьсот». — «Мне бы трактор, пахать надо». — «Трактор не дам. Бери кровати и портреты членов Политбюро, целых три комплекта. Ха-ха-ха-ха!»

Нет земли, нет денег, а третье — уже названный живой пример. Если на хуторе Павловский братья Березневы и другие вернулись из фермерства в колхоз, который два года зарплату не выдает, значит, не больно сладко и на воле.

Земля. Вопрос первостепенный. Где земля? В чьих она оказалась руках? У нас будто и много земли, но скажи сейчас хорошему колхозному механизатору, который работает, но год зарплаты не видит: «Чего ты ждешь? Берись сам хозяйствовать. Выходи из колхоза». — «С чем? — спросит он. — Земли-то нет. Пай в шестнадцать гектаров? А надо в десять, в двадцать раз больше». Он прав. Еще в первых своих очерках, когда все лишь начиналось, писал я о том, что делим мы землю по-справедливому, по-социалистически, но не похозяйски: сельскому почтальону, сельскому милиционеру, учителю, продавцу, пенсионеру, крепкому рукастому механизатору, агроному, парикмахеру, инженеру — всем одинаковый пай, шестнадцать ли, двадцать гектаров. Учитель, милиционер да пенсионер какую-то копеечку, но от своей профессии имеют, они живут на нее. А полученный земельный пай лишь головная боль: куда бы его получше пристроить? А вот для механизатора, агронома земля — хлеб насущный. Но получил он ее с гулькин нос. Что ему делать? С вилами идти на тех, кто как собака на сене на своем пае сидит?

Теперь, во всяком случае в нашей области, это поняли (хотя еще вчера на всех собраниях призывали: «Не обижайте пенсионеров, учителей и т. д. Выделяйте им пай!»). Понять-то поняли, но снова забирать землю и вновь делить ее — безумие. И вот появляется документ, пока характера рекомендательного:

«3. При формировании вновь создаваемых коллективов в них могут не включаться земельные пай работников социальной сферы, пенсионеров и других, которые не будут работать в сельскохозяйственном производстве. <...>

5. Пенсионерам, работникам хозяйств и социальной сферы, которых не возьмут во вновь созданные сельхозпредприятия, будет предложено продать свои земельные паи или сдать в аренду с правом последующего выкупа».

Раздали — теперь прикидываем: как отобрать?

Но все это пока лишь теоретические поиски, причем не до, а после драки, после дележа земли. При нынешнем же порядке: отсутствие земли, полное отсутствие каких-либо кредитов на обзаведение для начинающих (за первое полугодие 1995-го фермеры области не получили ни копейки), неприемлемые для начинающего хозяина цены на сельскохозяйственную технику, а также вновь восстановленный приоритет коллективного способа хозяйствования: «Фермеры страну не накормят!» — все это делает невозможным дальнейший рост жизнеспособных фермерских хозяйств. Вдгон этой мысли цитата из доклада одного руководителя области: «Позвольте также обратиться к присутствующим в этом зале представителям органов правосудия и прокуратуры с просьбой подойти очень внимательно при принятии решений о выделении стоимости имущественных паев членам, выходящим из коллективных хозяйств. Дело в том, что... все имущество хозяйств заложено под централизованные государственные кредиты и фактически его нет, то есть нет и самих имущественных паев. Из чего же их тогда выплачивать?»

Указание прямое. Правда, и признание страшное. К смыслу его мы еще вернемся.

А теперь, чтобы закончить с разговором о фермерстве на селе, вспомним о братьях Гришиных. Они хозяйствуют пять лет, у них 800 гектаров хорошей земли. Начинали они во времена, когда фермерство поднимали на щит. Но главное в том, что много помогал им в первые годы их отец — бывший секретарь обкома КПСС по сельскому хозяйству. С его энергии, знаний, связей все и началось. А сыновья, тоже специалисты с высшим образованием, оказались земледельцами умелыми.

В хозяйстве Гришиных весь набор техники, подведено электричество, построены склады-ангары. Урожайность «озимки» в 1993 году — 41, 5 центнера, в 1994-м — 43 цент-

нера. Подсолнечник, гречиха — тоже высокие урожаи. В нашей области братья Гришины если не лучшие, то в первой пятерке лучших самостоятельных хозяев-земледельцев. Но даже они говорят: «Перспектива — туманна. В России в целом не отработана система фермерства. Кабальна налоговая политика. Теперешние начинающие фермеры — это смертники. Нам в 1990 году начинать было легче. Но много, очень много проблем. В этом году исполняется пять лет нашему фермерству. Этот юбилей прибавляет к налогам, которые платили, еще два — подоходный, на землю. Наверное, подсчитаем — прослезимся».

А если уж Гришины «прослезятся», то какими слезами плакать всем остальным фермерам?

Нынешний фермер, для того чтобы продержаться, должен кроме земли иметь какой-то заработок на стороне. Один открывает киоск с ходовым товаром: спиртное, жвачка, сигареты. Другой едет за дешевым углем в Донбасс, а привезет, продаст — вот и барыш.

Реально на фермеров можно рассчитывать лишь в будущем. Фермерство пока лишь пятилетний ребенок-сирота, который для всех обуза. На мой взгляд, его просто терпят как знак перемен.

Итак, на сегодняшний день главный производитель, а точнее, единственный производитель сельхозпродукции — все тот же колхоз. Порою сменивший вывеску, но тот же, по сути, что и десять, и двадцать, и пятьдесят лет назад. С той же организацией: председатель, главные специалисты, бригадиры, учетчики, рядовые труженики; и с той же заинтересованностью: «Не мое!» В районном центре — районное управление сельского хозяйства (оно каждый месяц меняет название, вывески писать не успевают), там — тоже «спецы», пятнадцать ли, двадцать легковых автомобилей, все при деле.

Захожу в районное сельхозуправление, спрашиваю:

— Как дела?

— Давим... руки выкручиваем, но чтобы пары в каждом хозяйстве не менее... Потому что пары — это...

— Давим... Чтобы сеяли и сеяли... Чтобы подсолнух...
Чтобы горчицу... Чтобы просо...

Снова захожу. Опять без дела не сидят. Руководителей «Голубинского» уму-разуму учат: председателя, главного агронома, экономиста.

— Заводите коров. Корова — это молоко, это...

— Заводите свиней. Свинья — это...

— Заводите птицу...

— Не думайте, спокойной жизни вам не будет. Будем давить и давить.

Ухожу, вздыхая. Милые мои «давилыщики», дорогие учителя... Разве вы давите? Это лишь так, слова. До вас были давилыщики посерьезней: отбирали партбилеты, лепили за «вредительство» сроки. А проку? Что ж о нынешнем дне говорить...

В областном центре — в пять этажей управление. И там тоже без дела не сидят. В Москве и вовсе умных голов хватает. Оттуда руководить труднее, но справляются: проводят «выезд на место», «встречи с тружениками полей и ферм», всероссийские селекторные совещания-«накачки». На одном из таких «селекторных» то ли министр, то ли вице-премьер потребовал: «Надо работать так, чтобы у людей появился блеск в глазах». Смеялись собравшиеся на «узле связи» руководители хозяйств и «спецы» дружно. А потом, при встрече, приветствовали друг друга: «Как с блеском в глазах?»

Пишу об этом вовсе не для того, чтобы посмеяться, позлорадствовать. С уважением отношусь ко многим и многим сельским руководителям, специалистам, которые делают все, что могут, и так, как научены: образованием, опытом работы и жизни. Многие из них — искренни, некоторые — самоотверженны. Вот только проку от всего этого мало.

Колхоз, как уже говорилось, остался прежним «колхозом», порою только сменил вывеску. И законы в нем те же, вековечные: огород — мой, значит, в нем — «все как цветик стоит», растет и пышет, ухоженное, политое; дом — мой, значит, он побелен, покрашен, забор — крепкий; корова — моя, значит, она напоена и накормлена; и в любую засуху в доску расшибется хозяин, ночей спать не будет, в крова-

вых мозолях будут даже крестьянские, привычные руки, но стог сена будет стоять на подворье. Потому что это — мое.

А вот это — в двух шагах, рядом, но колхозное. Колхозное — не мое. Это было, и это осталось.

То, что рассказываю я о коллективных хозяйствах, — не злонамеренный отбор «негатива» для создания устрашающей картины. Вернусь к словам начальника Главного управления сельского хозяйства и продовольствия нашей области. Сказаны они были в марте 1995-го не с глазу на глаз, а с трибуны:

«На сегодняшний день практически все имущество хозяйств (речь о коллективных хозяйствах области. — Б. Е.) заложено под централизованные государственные кредиты и фактически его нет...»

Признание исчерпывающее. Ведь «имущество хозяйств» — это тракторы, комбайны, автомобили, производственные помещения всех видов: молочно-товарные фермы, машинно-тракторные мастерские со всем оборудованием; это — весь скот: коровы, свиньи, овцы.

Когда в прошлых своих заметках я писал: дело кончится тем, что, выдавая кредиты, возврата которых не будет, государство окажется владельцем колхозного имущества, то не думал, что это произойдет так скоро. Но вот он — финал. Все, что нажито трудом нескольких поколений за полвека, — пропало, исчезло, «его нет».

Для людей, далеких не только от села, но и от простой экономики, объясню, что называется, «на пальцах». Представьте себе, что имели вы дом, автомобиль, мебель, посуду. Случилась нужда, стали в банке брать деньги, естественно, под залог этого имущества, потому что «за красивые глаза» деньги дают лишь известным дамам. Брали за миллионом миллион, истратили, к сроку вернуть не можете. Что вас ждет? Конфискация имущества за долги.

В таком вот положении оказалось все наше коллективное сельское хозяйство. Признание было сделано в марте. Потом были новые долги: на проведение весеннего сева, на проведение уборочной. Год выдался засушливый. Урожай — никакой. С него не только с долгами не расплатишься, а в новые влезешь: проводить сев озимых, осеннюю пахоту, зимовку скота, ремонт техники, весенний сев и т. д.

Мне скажут: засуха — стихийное бедствие. А я отвечу: засуха — дело естественное, она в наших степных краях была и будет. Но ведь семь лет, один за другим, погода нас баловала: вовремя — дожди, вовремя — вёдро. Годы были на удивление. Недаром говорили: «Бог перестройке помогает». И что же за эти годы припасли, насколько разбогатели? Весной было сказано: «Имущества фактически нет». А значит, не засуха нас разорила, не слепая безжалостная природа, разорены мы тем же самым традиционным для нас социалистическим методом хозяйствования, умноженным ли, усугубленным безграмотным проведением реорганизации в сельском хозяйстве.

В предыдущих своих заметках писал я: «Долгов своих колхозы не отдадут и к трехтысячному году, их придется списывать».

Что называется, чернила не успели просохнуть, пошло списывание: сначала — в августе, более масштабное — в конце года. Списывали набежавшие проценты на долги, а потом и сами долги, давали долговременную отсрочку, которая не что иное, как списывание долгов. Когда нынче, несколько смутившись тем, что все колхозное имущество уходит за долги и его фактически нет, не желая в это поверить, оставил я свои письма и пошел в районное управление сельского хозяйства к тамошнему главному экономисту, тот мои резоны с ходу отверг. «Глупости всё это, — сказал он. — Ничего мы не должны... Ну, почти не должны. Рассчитались». — «Как не должны? — не сдавался я. — Здесь два миллиарда кредита, здесь — три. А у тебя прочерки?» — «Это все списано». — «Это не списано, а лишь отсрочено. Позднее, пусть через десять лет, но нужно будет платить».

Мудрый экономист, по прозвищу Гайдар, наставительно сказал мне: «Раз отсрочено — значит, списано. Мы про эти долги уже забыли». — «Тогда, конечно, все в порядке», — согласился я. «Конечно: все в порядке. Это вы всё шумите: черная дыра да черная дыра...»

Конечно, не так все просто, и не дай нынче бог никому руководить колхозом. Добыть деньги, даже свои, кровные, за произведенное молоко ли, мясо, овощи, ох как непросто! И потребитель по копейке отдает. Если отдает. И государство

«дойти» трудно. Привычной стала картина просящего председателя колхоза: «Горючего — ни капли. Тракторы в борозде стоят. Мазута — ни грамма. Школу и больницу закрывать что ли...» Все это — картина уже привычная. Не от хорошей ведь жизни людям по два года зарплату не платят. Привыкаем к попрошайничеству, к нищете, к тому, что бесплатно работаешь, за бесплатно продукцию свою отдаешь, а потом тебе что-то «выделяют», а потом — «списывают», в забвение всех и всяких, самых элементарных, экономических правил, на которых зиждется человеческая жизнь. И зачем работать? Зачем добиваться, чтобы хозяйство крепло? Выгодней поскулить, поплакаться, чтобы щедрей была милостыня-дотация. А потом все спишется и всем простится.

Такая «экономическая» политика — это разращение работников сильных и развал всего сельскохозяйственного производства страны. Это принцип: «После нас — хоть потоп». Потому что нищие колхозы проедают уже завтрашний и послезавтрашний день, обрекая на еще большую нищету тех, кто будет жить на этой земле после них.

Во-первых, они губят землю, выводят ее из хозяйственного оборота. Из шести миллионов гектаров в нашей области, где еще вчера колосилась пшеница, уже около одного миллиона гектаров просто брошено. Не по силам обработать. Но и оставшиеся пять миллионов гектаров в плачевном состоянии. Идет интенсивное истощение земли. В последние годы пашня практически перестала получать минеральные удобрения, так как они дороги, не по карману нищим колхозам и фермерам. Даже навоз от колхозных ферм, как это было всегда, на поля уже не вывозится: дорого горючее и техники нет.

Идет интенсивное засорение полей сорняками. Использование гербицидов для борьбы с ними полностью прекратилось: нет денег. Культивация на парах сведена до минимума. Приведу пример показательный: взяв землю еще пять лет назад, те же Гришины, чтобы очистить ее от сорняка, проводили до пятнадцати культиваций за сезон, да еще и гербициды применяли. В колхозах нынче проводят одну-две культивации. Зеленый сорняковый потоп — ныне картина обычная.

Потому и скатываемся мы сегодня к урожайности послевоенных времен. Это — в полеводстве. В животноводстве положение гораздо серьезнее. Если зерноводство все последние годы было рентабельным, то есть приносило доход, то животноводство оказалось убыточным, особенно у хозяев не больно радивых. Каждый литр молока приносил хозяйствам не прибыль, а убыток. Переработка была в чужих руках, и ее хозяева диктовали свои цены. А торговать на стороне не сразу научились, да и государство не позволяло.

Вспоминаю хутор Бобры, тамошний колхоз имени Свердлова. Есть молоко, есть спрос на него в райцентре, который рядом и где цены дают хорошие. Но районное начальство торговать не велит. Сдавай на молочный завод, они без тебя продадут. И без тебя положат деньги в свой карман. А колхоз опять останется без копейки. То же самое происходило и с мясом: отдай его за бесценнок переработчикам, мясокомбинатам, да еще жди месяц ли, два, а то и год, а бывало, и больше, когда тебе заплатят. За месяцы ожидания инфляция «съедала» заработанные рубли, превращая их в копейки. Началось массовое обвальное вырезание молочного скота, мясного — свиней, овец. В нашем, Калачевском, районе в лучшие годы поголовье крупного рогатого скота доходило до 50 тысяч, сегодня — в два раза меньше; овец было до 100 тысяч, а сегодня в шесть раз меньше; поголовье свиней мы практически потеряли. И все это — за какие-то пять лет неразберихи. По всей области «результаты» примерно такие же. По количеству скота мы теперь ниже уровня 1916 года.

Есть у нашей читающей публики один успокоительный довод, который в газетах живет уже долго: не лейте, мол, слезы о колхозных буренках да хавроньях, нас не они кормят, мол, основное количество молока, мяса и овощей поступает с личного подворья крестьян, а оно, нынче раскрепощенное, расширяется. Вот цифры нашей областной статистики: с личных подворий поступает 52 процента мяса, 37 процентов молока, 100 процентов яиц. Но и без всякой статистики, без подсказки ее, живя летом в Калаче, иду я за мясом, молоком, сметаной, яйцами на

базар. Впрочем, и зимой, в Волгограде, тоже... на Центральный рынок. Но так же точно я знаю, что на хуторе Камыши хозяева держат на подворье от двух до шести коров только потому, что еще жив родной колхоз «Нива». Без его тракторов и комбайнов, без горючего и запчастей, без колхозных полей, без его сена, соломы, зерна, силоса 5 коров, 20 свиней, 100 кур да уток не прокормишь. Личное подворье колхозника, личная скотина содержатся за счет колхоза. Вот он — колхоз. В нем два хутора, две молочно-товарные фермы. В Ильевке за пять месяцев надоили по 1 120 килограммов на корову, в Камышах — 650, в два раза меньше. Почему? Потому что в Камышах издавна, с тех пор как появился базар ли, рынок, держат в два-три раза больше личных коров. Вот и вся простая отгадка.

Знакомый мой, в нашем же районе, будучи колхозником, содержал более десяти голов крупного рогатого скота, но как только ушел в фермеры, уже на другой год всех перерезал. Нечем кормить. Так что не будем обманываться: личное подворье крестьянина содержит колхоз.

Уничтожение животноводства в стране — процесс пока продолжающийся. Вырезали скот — за недолгие годы. А ведь восстанавливать все равно придется! Думаю, что десятилетиями. Во-первых, уничтожено маточное поголовье, зачастую элитное. В свое время везли породистых телок, быков, свиней, овец из Англии, Дании, Голландии, занимались собственным элитным воспроизводством. А теперь? Нынче простая коровка стоит около трех миллионов рублей, поросенок — 150—200 тысяч. Откуда такие деньги нынешние колхозы возьмут?

А если вдруг чудесным образом деньги найдутся, то некуда будет эту скотину поставить. Как только вчера ли, позавчера коровник ли, свиноводник опустел, его тут же начали растаскивать и разламывать, снося под самый фундамент.

Рассказывал я о Громославке, где на погонные метры поделили кирпичную кладку стен, разбили и развезли по дворам. Так было и в Попереченке, и в других местах, где колхоз распался. Но и там, где не распался, а просто помещение опустело, картина та же.

Уничтожаются не только животноводческие помещения, но и вся производственная структура. Какие были полевые станы... Не убогие вагончики на колесах — капитальные помещения с кухнями, столовыми, душевыми, комнатами отдыха. Где они теперь? В той же Громославке ворота машинно-тракторной мастерской вывернул новый земледелец, притащил на подворье и порубил на дрова. «Мне тепло будет, а там нехай думают», — сказал он.

Но кому, скажите, «будет тепло», когда закрывают и сразу до основания разносят и разбивают котельную, которая отапливала весь поселок, когда сравнивают с землей вчера еще работавший клуб, фельдшерский пункт, магазин, детский сад, школу? Хутора Вихляевский и Клейменовский, Большой Набатов и... Счету им нет.

На день сегодняшний в жизнеспособном состоянии еще сохраняются коллективные хозяйства, во главе которых умные, волевые, что называется, «крепкие» руководители. Но таких немного. Большинство плывет по течению, ругая власти и время, выбивая дотации, зная, что спишут их, и ожидая новых времен, когда придут «наши» и «реанимируют» село. Кто эти «наши», они порой и сами толком не знают: коммунисты ли, аграрии. Лишь бы «пришли», «повернулись лицом к деревне», то есть дали денег, просто дали, а дальше «мы сами с усами», не успеете, мол, оглянуться, как потекут молочные реки и в высоких хлебных да мясных берегах. Забыто все: как при достаточном финансировании ревели некормленные коровы, десанты «доярок» привозили из райцентра, десанты механизаторов — из центра областного, десятилетиями не повышалась урожайность, — все забыто или отложено в далекую память, осталось одно: дайте денег! А в этом ожидании год от года трудовые коллективы, без руля и ветрил, без зарплаты, постепенно превращаются в кучу людей с одним лишь твердым убеждением: он должен, хоть кое-как, для видимости, работать в колхозе, чтобы иметь право взять ли, украсть зерно, силос, дробленку, лист шифера, две доски — все, что нужно для жизни, а иным — для пропоя. Пьянства становится все больше, и оно — откровеннее, наглее, потому что нечем его

остановить. Воровство уже не считается воровством. Человек просто «берет», потому что ему не платят, а жить надо.

Деградация трудового коллектива и деградация крестьянина — страшнее деградации почвы. А она — налицо.

С таким коллективом порой ничего не может сделать и неглупый руководитель. Свалить его — пара пустяков. Справедливости ради надо отметить, что, стараясь как-то поддержать нынешние колхозы, руководители и сельхозначальники всех рангов, особенно «внизу», спасают село от окончательного развала. Если сейчас мы потеряли более половины животноводства, то без их усилий могли бы потерять всё. Если сейчас на селе еще живы детские сады, школы, больницы, фельдшерские пункты, то могли бы рухнуть и последние. Потому что наше «реформирование села» начали проводить «новые большевики» чисто побольшевистски: «...разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем, тот станет всем».

И ведь, знаете, получилось. Среди моих «сельских» бумаг — набросков, заметок, статей — в этой же папке лежит фотография Акулины Арьковой, престарелой пенсионерки с хутора Большой Набатов. Снимок обычный: хатка-мазанка, ветхий забор, опершись на него, стоит старая женщина. Она осталась одна. Знаю ее давно. И прежде если не навещал, то справлялся: «Как там бабка Акуля?» — «Мы ей помогаем», — отвечали мне. А нынче летом приехал, спросил тоже, а мне в ответ: «Чего ей не жить? Миллионерша. Пенсию получает».

Вот так и получилось на пятом году реформы, что бабка Акуля с грошовой пенсией стала самой богатой на хуторе Большой Набатов и ей завидуют молодые, работающие, умелые ее земляки.

Реального реформирования бывших колхозов, конечно же, не было, потому что его начало — в главном вопросе: «Кому принадлежит земля?»

«Конституция уже все определила, — время от времени сообщают сверху. — Крестьянин просто не понимает, что он уже давным-давно владелец своей земли». Опять мужик виноват: «не понимает».

Статья 36 Конституции: «Граждане... вправе иметь в частной собственности землю». Но... «если это... не нарушает прав и законных интересов иных лиц. 3. Условия и порядок пользования землей определяются на основе федерального закона».

Думаю, напротив: все прекрасно понимает мужик. Что это за «собственность», которую нельзя продать, заложить, подарить? Это не собственность, а лишь красивые слова. Недаром бумажки «на право владения» (лишь «на право») стопами лежат в районном земотделе. Не спешат за ними «хозяева земли». Федерального закона ведь по-прежнему нет. В нашу областную Думу областная же администрация внесла два проекта закона: «О залоге земель» (ипотека), «О порядке прекращения прав на землю». Оба закона были немедленно, в первом же чтении, отвергнуты. Судьба российского «Закона о земле» известна всем. Одна из главных причин — ожидание: «Может, наши придут».

Вопрос другой в том, что нынешние колхозы, их производственные базы создавались в расчете не на одного-двух работников, а на большие коллективы и мощное производство: не коровник, а комплекс на три тысячи голов, не свиарник, а свинокомплекс на десять тысяч, не птичник, а птицефабрика. Как все это поделить, применяясь к одной крестьянской семье? Не разнести на куски: тебе — шифер с крыши, мне — полы, а поделить для работы? Кто подскажет? Пока помочь не может никто. В «Рассвет» Ленинского района приезжали специалисты из Москвы, помнится, из Института экономики сельского хозяйства. В беседах личных они признавались честно, что проку от их рекомендаций быть не может, но им приказали ехать. Результат дележа — свезенный на бойню скот, разрушенные фермы. Так делить можно и без Института экономики.

Настоящее реформирование — дело тяжелое. Если начнутся настоящие реформы, то более половины селян останутся без привычной работы. Когда будет своя земля и придут настоящие хозяева, то вместо десяти механизаторов за глаза хватит трех, но работающих, непьющих. То же будет и в животноводстве. А уж кладовщики, учетчики, бригадиры, конторская служба и вовсе никому не будут нужны. Перелом жизни,

перелом судьбы. Теперь пусть плохо, но живем, на завтра надеемся. А уйдет привычное, куда податься?

Понятно, что селу понадобятся, они и теперь нужны, парикмахер и сапожник, мастер по ремонту бытовой техники, портной. Небольшой ресторанчик — непременно деталь всякой европейской деревни. Наконец, уже сейчас нужен сезонный наемный работник — на пахоту ли, на сев, на сбор овощей, для ремонта техники. Строители нужны. А в общем, хорошие трудовые руки.

Но ведь это — целая программа социального переустройства нашей деревни, без которой все равно не обойтись, но заниматься этим правительство не хочет или не может, видимо, уповая, что все само собой утрясется, потому что селяне — не шахтеры, слава богу, молчат.

Тем более со всех сторон уверяют нас, успокаивая: «спад остановлен», «налицо стабилизация», «рубль крепнет», «оснований для паники нет».

Успокаивает правительство. Успокаивают мудрые ученые люди. Институт экономики Российской академии наук, сектор макроэкономической стратегии (стратегии!), устами своего заведующего, доктора экономических наук А. Френкеля в «Известиях», не просто в заметке, а в «прогнозе развития российской экономики на 1995 год», заявляет: «...на ситуацию, складывающуюся в растениеводстве, можно смотреть с бóльшим оптимизмом, чем это делается в средствах массовой информации. Возможен рост производства растениеводческой продукции по сравнению с 1994 годом. Так зерна в 1995 году будет произведено 85 миллионов тонн, что составит 105 процентов к уровню 1994 года». Это говорится 27 июля, когда было ясно: засуха погубила урожай. И двумя днями раньше «Российская газета» написала: «Засуха охватила 25 территорий Центрального, Центрально-Черноземного, Поволжского и Уральского районов... Погибло около 2 миллиона га озимых...»

Коли не веришь средствам массовой информации, которые «вечно» врут, просто выйди на волю. Ведь и в Москве стояла жара редкостная.

Нет, это — не дикий непрофессионализм. Это — очень точное профессиональное угадывание «зорь» и «вершин»

теперь уже капитализма в местах и сроках, указанных начальством, которое платит.

На той же газетной полосе «Лаборатория аграрной политики ИЭППП» (расшифровать мне затрудняюсь) сообщает: «...тяжелое финансовое положение сельского хозяйства прошлого года не оказало предсказываемого самими аграриями депрессивного воздействия на весенне-полевые работы».

Неправда, мои хорошие. И к тому же бездоказательно. Цифр нет, хотя бы необязательных. По данным же нашего областного АККОРа, более тысячи фермеров в этом году ничего не сеяли весной и не пахали, потому что не было обещанных кредитов на горючее и семена. О положении в коллективных хозяйствах я уже много говорил. Добавлю, что и сегодня, в сентябре 1995-го, ясно, что пахота и осенний сев в полном объеме не проведены. Засеяли по области лишь половину озимого клина, зяби вспахали — тоже половину. Причина — не только погода. Хлеб убрали и вывезли на хлебозаготовительные пункты в июле, денег за него нет. А значит, нет горючего, запчастей. Сроки сева ушли. Какого урожая ждать в 1996 году?

Листаю записи, вспоминая год проходящий, встречи с людьми:

— Если еще год не придет власть, значит — конец.

— В Ельцине разочаровались все, а коммунистов не допустят другие страны.

— За кого же голосовать будете?

— Кто ее знает... Это вы все делали, там, на съездах, разваливали, а теперь... (Хутор Вихляевский, июль 1995-го.)

— Как бы сделать по-старому? Чтобы порядок был. (Хутор Дурновский, июль 1995-го.)

— А чего вам Жириновский даст?

— Хуже нынешнего все равно не будет. (Станица Голубинская, февраль 1995-го.)

От такой вот несладкой жизни, когда разваливается колхоз, нет работы, нет зарплаты и завтра, по всему видно, будет еще хуже, тут не только за Жириновского — тут за черта лысого проголосуешь. И не надо лукавить: не дешевой водкой этих людей покупают. Вы слышите, чего они просят? Порядка.

Сегодняшняя наша деревня, ее люди, их работа и жизнь — это сплошная боль. А когда день ото дня не легче, когда в глазах темнеет от боли, тогда и вправду дуреешь. Тогда уж не ведаешь, куда податься: к врачам ли, к знахарям, к Пантелеймону-шаману с Чукотки, возлюбившему наши края, — к любому, кто руку протянет и скажет: «Исцелю».

Грядут новые выборы, наши беды и боль остались теми же. И значит, снова кто-нибудь возгласит на весь мир: «Россия, ты одурела!» Винить мужика, который прячется, не желая своих генералов кормить, — такая ли уж это новость...

Крестьянская Россия, теряя последние силы, который уже год топчется на распутье. Перед ней — две дороги. Но старого камня стерлись письмена. Кто напишет их вновь понятными для мужика словами: «Налево пойдешь... Направо пойдешь...» Видно, перевелись на Руси грамотеи. А ругать нас — все великие мастера. На это большого ума не надо.

Сентябрь 1995 года

НАДЕЙСЯ ЛИШЬ НА СЕБЯ

Прошлым летом на одном из хуторов Суровикинского района жаловалась мне молодая женщина на житье-бытgie: «Колхоз развалился. Разошлись по кооперативам. Муж — механизатор... Но еле сводим концы с концами. Одна надежда: может, в Москве поймут и повернутся... Помогут...»

В Калачевском районе мой старый знакомый, фермер, механизатор, бывший колхозный бригадир, пел ту же песню: «Когда они повернутся?.. Когда поймут?»

На том же хуторе Нижнеосиновский возле тамошнего магазина продавала раннюю капусту тоже молодая женщина. Стояла пора молодого лета, в городе и в райцентре торговали капустой привозной: из Средней Азии, Азербайджана и даже из Турции.

— Турецкая? — спросил я прицениваясь.

— Своя, сами вырастили, — ответила женщина.

Я удивился: ранней капустой у нас никогда не занимались. Даже в пору расцвета овощных совхозов. Поэтому я переспросил:

— Сами?

— Другой уже год занимаемся. Мы — переселенцы, из Казахстана. Земельного пая нет, а жить надо. Занимаемся... На кого надеяться...

А когда пробивались мы к полевому стану моего знакомого фермера, выбирая дорогу проезжую, через Старую Сокаревку, объездом, радовались ненастью. Для наших степных краев дождик — всегда подарок. Будто и немного было дождей, а трава в логах да падинах — в рост человеческий. Зеленым морем стоит, колышется.

Добирались до полевого стана трудно, но долго не гостевали. Отметились — и слава богу. Люди всё те же: могучий отец, крепкие сыновья. И речи всё те же: «Когда же повернутся к нам лицом... Неужели они не видят... Опускаются руки... Ведь десятый год не дают работать...»

Возвращались другим путем, убегая от находившего дождя. А картина все та же, глазу приятственная: зеленые лога, высокие сочные травы. И — покой нетронутого.

Объявление в районной газете: «В хуторе Рубежный продается дом в 3-х уровнях, со всеми удобствами, колбасный цех, ангар, емкости — 2 шт. по 10 куб. м. Автономное водоснабжение (насосная станция) и электроснабжение (КТП-100). Справки по телефону...»

Конец истории. Начало ее — в далеких теперь уже годах, когда зарождалось фермерство. Отставной военный: энергичный, грамотный, полный сил. Жена — ни энергией, ни образованием не уступающая мужу. Подчеркну, это — не лодыри, не пьяницы, не болтуны, а работающие, в чем-то даже самоотверженные люди, движимые благими намерениями: хотели осесть на своей малой родине, где развалился колхоз. Хотели свою жизнь обустроить и людям помочь. Земледелие и переработка продукции. Пекарня, колбасный цех, пруд, рыба, плодовый сад, макаронная линия.

Еще раз повторюсь: не фантазеры. Пекарня работала несколько лет, хлеб сеялся, имели около двух десятков наемных рабочих. Не «бичей», а работников с зарплатой и «отпускными».

Такие фермеры — кладезь для журналистики. Можно показать очень убедительно, как не справляется государ-

ство со своими обязанностями, «бросая на произвол судьбы».

Цитирую районную газету:

«...отстроили прекрасный двухэтажный дом, рядом — ангар для зерна, хлебопекарня... рядом с домом — насосная станция, работающая в автоматическом режиме... холодная и горячая вода круглые сутки...

Мясной цех удалось запустить. Ветчину, корейку, грудинку продавали в Волгограде, но народ нынче малоденежный, торговля шла вяло. Реализация одной тушки затянулась на месяц, разве это дело? Пришлось цех остановить. А вскоре такая же участь выпала и на долю пекарни.

В последнее время работать становилось все труднее и труднее. Райпо, запустив собственную пекарню, вытеснило их из магазинов, принадлежащих райпо в Кривой Музге, Степаневке, Бузиновке, Варламовке и Ярках. После резкого подорожания бензина и муки возить хлеб в отдаленные места фермерам стало невыгодно, а поблизости торговать негде.

Фермерское малое предприятие, не получающее от государства никаких дотаций и не пользующееся никакими льготами в налогообложении, не выдержало конкуренции и оказалось раздавленным большими хлебозаводами, дотируемыми из бюджета.

Работать себе в убыток конечно же безрассудно. Тем более печки, пришедшие за три года в негодность, надо менять, с долгами, которых накопилось до 50 тысяч рублей, надо расплачиваться... Хотели было закупить макаронную линию, но слишком дорого это обойдется. Одна сертификация стоит 10 тысяч рублей. Сколько времени надо, чтобы это все окупилось?

При нынешних экономических условиях положение оказалось безвыходным.

На поле дела тоже не блещут. Третью часть посевов вытоптали чужие отары. Иск предъявлять некому: не пойман — не вор. Урожай собрали слабый, в среднем по 8—10 ц/га. Зерно сдали на “Сарепту” на муку. А семян нет, надо покупать. Да и стоит ли сеять? Земля засоренная, надо бы пустить ее под пары, обработать как следует, а на тот год видно будет.

Брошенное государством и местными властями на произвол судьбы фермерское предприятие тихо скончалось. Провозглашаемые с высоких трибун слова о поддержке фермерства и малого предпринимательства оказались пустым звуком. А ведь во многих странах именно малый бизнес играет немаловажную роль в экономике. Во Франции, например, малые предприятия на три года с момента возникновения освобождаются от налогов, процедура их регистрации упрощена, система кредитования доступна. У нас же экономическая политика направлена лишь на удушение тех, кто что-то пытается производить. Обыватели и представители властей смотрят на них как на норовящих нажитья рвачей, не видя другой стороны медали: реальной пользы, которую они могут принести.

Где же выход? Пока его нет. Остается только ждать изменений в государственной политике или у моря погоды, что почти одно и то же».

Позволил себе повторить вывод районной газеты, потому что подобные заклинания слышу я днем и ночью, со всех сторон: на хуторе, в райцентре, на областном совещании... «Бросили, кинули, отвернулись...»

Но ведь это — неправда. Той самой фермерской семье, о которой плачет районная газета, государство оказало огромную помощь.

Вначале людям со стороны лишь под хорошие намерения выделили бесплатно 150 гектаров земли. Тогда как пай местного колхозника — 15 гектаров. Затем дали очень солидный банковский денежный кредит, на который был построен дом со всем оборудованием, куплены трактор, прицепной инвентарь, автомобиль. Не надо забывать, что тогдашний банковский кредит был просто подарком. Инфляция практически превратила его в безвозвратный. Многим ли в России достались такие подарки — в сотни миллионов, пусть и тогдашних, рублей.

Когда колхозные власти попытались обидеть нашего фермера, на его защиту встал суд, и колхоз заплатил очень солидный штраф — в 30 миллионов рублей.

Так что не надо лукавить, помощь государства была серьезной. Но она не может быть бесконечной, эта помощь. Материнскую титьку сосут лишь до поры, а не всю жизнь.

Со стороны судить легче, это понятно. Но он и не помещает — трезвый взгляд постороннего.

Штепо, Парчак, Пушкин, Алейников, Колесниченко, Вьюников...

Штепо чуть не в первый год своего фермерства на отведенном участке заложил два просторных дома, сделав два фундамента: себе и сыну. Эти фундаменты и сейчас в той же поре. Но рядом поднялись и работают ангар и мастерская для тракторов и машин, заправочная станция. Работает и крестьянское хозяйство отца и сына Штепо. Достаточно успешно и надежно. В своем прежнем жилье остались Парчак, Алейников, Крючков и другие. Хотя так естественно стремление человека жить на своей земле, в своем добром доме.

Анатолий Епифанов из соседнего района вначале построил кирпичную конюшню для лошадей, которыми он занимается, зерносклад, крытый манеж. Он строил и строил, а сам с семьей ютился в доме-временке. И лишь потом взялся за свой дом. Так же было и у его брата Николая: коровник, телятник, мастерская, а семья — в вагончиках.

Не к бедняцкому, земляночному бытию призываю, но прошу подумать: почему Парчак свой проект большого дома в степи, на своей земле, спрятал в стол до иных времен? А проект заманчивый, даже с бассейном. В Заволжье очень жаркое лето. Хотя, наверное, мог построить. И кредит «на обзаведение» в свое время брал. И доходы были: по 36—40 центнеров пшеницы с гектара получал. На сотнях гектаров.

Если есть деньги, то нынче в самом глухом углу, за 50, за 70 километров от райцентра, можно построить дом в трех уровнях, колбасный цех, пекарню, автономное водо- и электроснабжение, можно построить все, что тебе на ум взбредет. Но... никто из тех сравнительно успешливых фермеров, которых я знаю, таким строительством не увлекается. Пашут, сеют, убирают... Сеют, пашут, убирают... А если и затеваются стройки, то лишь для того, чтобы успешнее пахать, сеять и убирать. Все люди неглупые, опытные, понимающие.

В годы прошлые в одном из новомирских материалов писал я о том, что, на мой взгляд, проводимая нынче аграрная политика приведет к тому, что все коллективные хозяйства развалятся. Не сразу все вместе, а постепенно. Сначала

слабые, а за ними и все другие. И уже потом, на колхозных обломках, начнется новая жизнь. Тоже не вдруг, а помаленьку, словно на пепелище.

Задонский хутор, на который езжу я чаще, чем в места иные, — очевидный, зримый пример и пепелища, и новой жизни.

Лет пять назад на одном из многочисленных тогда колхозных собраний спрошено было в лоб:

— Сейчас мы растаскиваем все что можно, этим кормимся. А что будем делать, когда растаскивать будет нечего?

Вопрос повис в воздухе, как всякий вопрос о будущем. Живем сегодняшним днем. Живы — и слава богу.

Но вот он, хутор, где уже несколько лет напрочь отсутствует колхоз. А значит, нет колхозной скотины на фермах, кормов для скота, поля брошены, никто не пашет, не сеет, колхозных тракторов, автомобилей нет, работы нет, а значит, и зарплаты нет. Растаскивать нечего. Плохонькую колхозную кухню и склад при ней разобрали и разнесли по дворам, как только «закрылась» на хуторе колхозная бригада. Хуторской клуб растащили много раньше. От хуторского магазина оставили только стены. Окна, двери, крышу, полы и прочее прибрали к рукам.

Итак, колхоз — теперь уже по времени в отдалении. На хуторе речей типа: «Когда повернутся...» — уже не слышно. Ясно, что колхоз не вернется. Но продолжается жизнь, в том числе и производственная. И в ней главная фигура на хуторе — Виктор Николаевич Коньков. Человек он приезжий, из Сибири, где трудился то ли в нефтяниках, то ли в геологоразведчиках. Появился он в нашем районе в 1989 году. Осваивался понемногу: сначала помогал бахчеводу-родственнику, потом арендовал 15 гектаров у судостроительного завода, чьи земли были в Малом Набатове. Наконец в земельный комитет обратился. Дали землю возле хутора Осиновский.

Великих земледельческих подвигов Коньков не свершал. Он — не Штепо, не Мельников. О нем газеты не писали, высокие гости к нему не ездили. Но в калачевской округе понемногу утвердилось: Коньков — это арбузы, дыни и даже огурцы в жаркой степи, без полива. Последнему вначале не верили, потом воочию убедились.

Никаких льготных кредитов Коньков и в глаза не видал. Давали землю, разрешали на ней работать — и на том спасибо. Арбузы и дыни продавал в райцентре, возил в северные области России, прямо на бахчу приезжали покупатели и перекупщики.

Пять лет назад Коньков перебрался на земли хутора Набатовского, основав там невеликую производственную базу. Земля — рядом.

В прошлые годы приходилось ему возить людей на прополку бахчей и на уборку урожая из станицы Голубинской. Дорога — неблизкая. Нынче возить никого не надо. Из Набатовского хутора люди сами приходят. Для них бахчи Конькова — единственная возможность заработать. Тридцать ли, пятьдесят, семьдесят рублей в день. Но наличными. И сразу же после окончания работы.

Нынешним поздним летом приехал я на бахчи Конькова. Возле сторожки расположился, разрезал арбуз, сижу наслаждаюсь. А тут как раз подвезла машина работников. Конец рабочего дня, расчет.

Виктор Николаевич, человек росту невеликого, лобастенький, в вечных своих кирзовых сапогах, коротко объявил людям: «На этом поле заработали столько-то рублей... На этом — столько-то... А Иванов-Петров полдня работали, им вдвое меньше...»

Такой тут поднялся гвалт и крик, не то что на хуторе, а в далекой станице, наверное, слышно. Я и арбуз отставил, прикидывая, как помочь Виктору Николаевичу. Его ведь на куски сейчас разорвут.

Не разорвали. Коньков спокойно раздавал деньги. Гвалт стихал. Люди пересчитывали бумажки, прятали кто куда. Потом Коньков объявил: «Нужны люди на погрузку машин. Кто останется?» От желающих не было отбоя. Потом еще одно объявление: «Кто закончил работу, могут взять по два арбуза».

И всё. Тишина, покой на бахчах. Несколько машин-рефрижераторов грузятся. Люди расходятся. Одни к хутору пошли. Другие — к работе. Мы с Коньковым беседуем. Я налегаю на арбуз, посмеиваясь, спрашиваю: «Каждый день такое при расчете?»

— Бывает, — уклончиво отвечает Коньков. — Деньги...

И в самом деле, деньги, жизнь. Единственная возможность заработать — это бахчи Конькова. До станицы — чуть не двадцать верст. Там сами без дела сидят. До райцентра — полсотни километров. Там закрылись все невеликие предприятия. А великих и не было.

В последний раз с Коньковым я виделся зимой. Приехал на хутор, зашел к нему. Поговорили о дынной мухе, которая начисто погубила прошлым летом урожай, об арбузных семенах, которые дороги, а покупать надо хорошие семена, и о том, что надо бы помаленьку начинать заниматься мясным скотом. Вон какие попасы, и сено заготовить можно. Но деньги...

Повторюсь, десять лет работает на задонской земле Коньков. Хором не построил, «мерседесов» не купил. Трудится. Сам живет и другим помогает жить, создавая рабочие места на далеком хуторе, где развалился колхоз. И никаких песен про экономическую политику высоких властей: «может, повернутся...» да «может, оглянутся...». Надежда лишь на свои руки, на свою голову.

Бахчи Конькова на сегодняшний день — главное производство хутора, самый видный росток на пепелищах колхоза. Есть ростки и поменее.

Кравченко — здешний рожак. Но перебрался на постоянное жительство в хутор лишь несколько лет назад из райцентра. Можно сказать, вернулся на родину, когда понял, что в райцентре содержать семью не сможет.

Хутор — умирающий. Это видно на взгляд. Пустые глазницы домов, развалины, бурьян. Добротные подворья редки. Одно из них — Виктор Юрьевич Кравченко. Лишь на забор поглядишь и вздохнешь: столько труда. Дубовые столбы. Ровные планки ограды. Каждую надо обтесать, прострогать, прибить на место. Не десять планок, не сто. А более чем километровый охват подворья, в котором поместился молодой сад, огород, емкости для воды, трубы для полива, две артезианские скважины: одна — скот поить, на базу, другая — для огорода и сада. На базах — скотина, птица. «Рук не хватает, — говорит Кравченко. — Я и скотник, и плотник, и садовод, и все на свете». Крестья-

нин, добавлю я. Летом рядом с отцом трудятся сыновья. Старший теперь в армии. Хотя он здесь, в Набатове, был бы нужнее не только для родителей, но и для страны. Младший сейчас в школе, в райцентре. А зимний крестьянский быт — тоже не отдых: корми скотину, пои, отел начинается, готовься к весне, нехитрое, но необходимое строительство продолжай. И все — своими руками. Без плача, без стонов, без упреков властям близким и далеким.

На краю хутора, возле Дона, живет чеченская семья Магомадовых. В годы прошлые, при колхозах да совхозах, чеченцев было намного больше. Занимались они скотиной и колхозной, но больше своей. Помню Ваху — инженера, нефтяника по профессии. Скота у него было много. О кормах особо не заботился. Никаких гумен у него не было со скирдами сена и соломы. Каждое утро колхозные скотники-«кормачи» первым делом везли корма с колхозных гумен на базы к Вахе, получали свой «гонорар» и уж тогда с новой энергией приступали к основным обязанностям на колхозной ниве.

Так было везде. Когда колхоз развалился и кончились дармовые корма, попасы, работники, нефтяник Ваха свернул свое производство и уехал в город, устроившись по основной специальности в «Лукойл».

Но Магомадовы на хуторе остались. И по-прежнему на их подворье мясной скот, козы, коровы, птица. И что примечательно: трактор, сенокосилка, сенной скирд, поставленный с осени. Научились сено косить. Нужда заставила. Научились коров доить. Нынче на райцентровском базаре в субботу да воскресенье в молочном ряду продают творог, сметану не только казачки, но и чеченки.

Еще одно подворье. Просторные крепкие коровники, базы, стога соломы и сена. (Имен больше называть не буду. Потому что все-таки издал наш губернатор постановление, о «заманчивом» проекте которого писал я в прошлом очерке. Постановили: пересчитать на сельских подворьях скотину. Конечно, для того, «чтобы помочь селянину». Постановление неисполнимо, но быть невольным доносчиком не хочу.)

На подворье у Василия (так его назовем) мясной скот, лошади (тоже для мяса). Сам хозяин имеет квартиру в обла-

стном центре. Но живет там лишь зимой. Все долгое лето — на хуторе. Конечно, имеет работника, который зимой за скотом ухаживает, и летом ему дел хватает.

Чуть далее — двор неказистый и флигелек незавидный. Живет тут Володя — человек пришлый. Когда-то последний управляющий здешним отделением колхоза величал таких людей «дачниками». Говорил мне: «Наехали на нашу голову. Работать не хотят. А им все за бутылку возят наши пьяницы: комбикорм, сено... Надо бы их всех выселить...»

«Выселился» колхоз. И бывший управляющий Николай Николаевич теперь занимается самостоятельным делом — бахчами. А вот «дачники» остались и без колхоза не умерли. Тот же Володя, прежде городской житель и ныне у него квартира в областном центре, теперь стал зажиточным хуторянином. Есть у него крупный рогатый скот, лошади, с недавних пор стал заниматься курами. Колхозную кузню он помаленьку разобрал и построил себе просторный и теплый курятник. Несушек у него более сотни. Яички продает оптом каждую неделю в райцентр. Приезжают и забирают.

Еще один «дачник» — местный вожак, но жизнь отработал в городе, ушел в пятьдесят пять лет на пенсию, поселился здесь. Дом — полная чаша. Две коровы, мясной скот, утки, куры. Кормит себя и городских родичей.

Хутор — небольшой. Все тут на ладони. Можно пересчитать и людей, и скотину. Но можно без арифметики, по жизни. А она, эта жизнь, без колхоза очень быстро, за два-три года, разделила хутор на три группы.

Первая — это старые колхозные пенсионеры, доживающие век одиноко, без помощи молодых рук. Они копаются в огороде, держат кур, уток, у кого силы есть — свиней, коз. Но все это только для своей жизни.

Вторая группа — «лодыри». К ней я отношу людей, которые по годам и силам могли бы горы свернуть. Но вот не сворачивают, как говорится, «годят». В колхозе они работали скотниками, трактористами. Эти «скотники» весьма успешно ликвидировали общественное животноводство на хуторе.

В конце 80-х годов рядом с хутором построили огромный белокаменный животноводческий комплекс. Было создано большое стадо мясного скота, «абердины» — черные,

могучие, глядеть любо. Они и зимой могут пастись, из-под копыт добывая корм. А выпасы здесь немеренные.

Но начались перестройка и реформирование сельского хозяйства. «Слобода»... Колхозные хуторские работнички попиروвали власть. Скот среди бела дня резали, стреляли из ружей, мясо меняли на самогон, гулеванили с утра до ночи. «Пропадали» уже не бычок-другой, а десять, двадцать, тридцать голов. «Слобода»! За два ли, три года общественное животноводство закончилось. На «комплексе» дежурят два караульщика.

А колхозные скотники остались не у дел. Свой скот у них не разводится, несмотря на профессиональный опыт. Живут пенсиями стариков, детскими пособиями, случайным промыслом, большие любители выпить; пьяные и трезвые, горюют о прошлом: «Вот если ба...» Это — лодыри. Можно в кавычки поставить, а можно и так. Все будет правдой.

Еще одна треть хутора — это новая поросль, возникшая на руинах колхоза. Состоит она в основном не из бывших колхозников, а из «дачников», то есть людей, попыгавших иной доли — городской. Коньков, Кравченко, Володя, Михаил, Алик, еще один Алик, Магомадов. У этих людей — бахчи, мясной и молочный скот, пуховые козы, лошади, птица. Пусть невеликое, но производство не только для своей семьи, но и для рынка.

Конечно, Коньков, Пушкины, Сеницын, Семерников — это не Миусков, не Штепо, не Гришины. У последних хозяйственный оборот на порядок и более выше: не сто гектаров, а тысячи. Но могучих хозяев, таких «латифундистов», у нас пока очень мало. Не они создают продовольственный рынок. На калачевском базаре, на волгоградских рынках покупают люди мясо от Пушкиных, Кравченко, арбузы и дыни от Конькова и Сеницына, молоко — с камышевских, голубинских подворий, где новый сельский порядок создается понемногу на руинах, а порою еще на живых развалинах колхоза. Нынешние перемены в сельском хозяйстве происходят без руководящего шума и грома, хотя он повсеместно и ежедневно раздаётся... Но настоящие, коренные «реформы» идут нынче не столбовой дорогой, не большаком, под «мудрым руководством», они пробираются

путями окольными, проселком, стараясь меньше себя выказать, чтобы в очередной раз не «пересчитали», лишний раз «не обложили», потому что доходов больших пока нет, а надо жить на себя лишь надеясь. Руки-ноги есть, голова на месте, в подмогу на весь хутор — четыре колесных трактора, собственных, стареньких, но для дела гожих.

До асфальта — почти тридцать верст, до райцентра — шестьдесят, до областного города вовсе далеко. До Москвы — много ближе. Телевизор да радио без передышку гадят: Чечня, Путин и прочее. А вот про нового председателя колхоза, которого два дня назад выбрали, старого прогнав, про это хуторянам лишь я рассказал. Новость мою встретили равнодушно. (Хотя все земли хутора числятся в колхозе: земельные, имущественные пай — там.) Но это равнодушие понятно: веры совсем нет. Десять лет передрыг. Что ни год, «новые формы» (АОЗТ, КСП, МУСП...), новые начальники... А проку? «Надейся на себя» — вот что отчетливо понято.

А на центральной усадьбе — очередное собрание. Новый председатель. До этого он был заместителем. Теперь будет председателем. До нового собрания. В нашем районе у восьми председателей из двенадцати стаж руководства — от одного месяца до года. Нормальные ответственные люди в председатели сейчас не пойдут.

На центральной усадьбе — собрание, в райцентре — совещание, в областном городе — расширенная коллегия, в масштабе страны только на этой неделе два «мероприятия» по селу: в Москве и в Орле.

Польза таких совещаний для меня весьма сомнительна, разве что для резона: «Не зря хлеб едим».

Пример. Январь 2000 года. Очередное совещание в райцентре. Цитирую районную газету.

Начальник районного управления сельского хозяйства: «...генотип животных сохранен. В молочном скотоводстве... “Волго-Дон” разводят скот черно-пестрой породы... В СППК “Креп” утвержден статус овцеплемзавода... обеспечивается искусственное осеменение... С учетом обеспечения кормовой базы в 2000 году продуктивность животных будет восстановлена...»

Директор АОЗТ «Волго-Дон»: «Сегодня в стране царит дичайшее варварство: идет целенаправленная работа, чтобы село убить».

Председатель СППК «Крепь»: «Без внимания и овцу не оставляем, есть смысл ее содержать... по шерсти мы получили прибыль...»

Это — с трибун.

А в это время в «Волго-Доне» (снова цитирую «районку»): «Ферма встретила гостей горами невывезенного навоза и унылой картиной понуро опустивших головы тощих, стоящих по колено в грязи коров... Из-за постоянного недокорма скот отощал. Коровы дают по полтора-два литра молока. От “поллитровых” и “литровых” коров придется избавляться. Их даже на мясо не принимают, только на птицефабрику по рублю за килограмм. Но возить туши туда — горючее даже не окупится. Проще вывезти на скотомогильник и бросить, в лучшем случае сняв шкуру. Многие буренки до весны не дотянут... Сейчас главная задача — дотянуть до весны, спасти поголовье от голодного вымирания».

И это — лучшее в районе, а может быть, и в области элитное стадо. Привозили коров из Голландии, при надлежащем уходе и кормежке эта ферма в среднем давала около 6 000 килограммов молока в год. Это в среднем. А отдельные — по 8 000. Европейский, мировой уровень. Такие вот коровы дошли нынешней зимой от голода. Под звон речей. Под пристальным надзором властей районных и областных (хозяйство расположено рядом с городом).

Не нужно быть специалистом сельского хозяйства, чтобы уже в сентябре месяце понять: «Кормов для коров нет. Не заготовили». Виновато государство: «Целенаправленная работа, чтобы село убить» (объяснение руководителя). Нет кормов. Продай коров. Пусти под нож. Нет! Пускай мучается, а потомдохнет. «В стране царит дичайшее варварство...» — вещает с трибуны руководитель хозяйства. Только кто «варвар»? Кремлевский начальник или такой вот руководитель, пришедший к власти на волне «митинговой демократии» и превративший лучший совхоз области и страны в скотомогильник.

А неподалеку от «Волго-Дона», не слыша обещания своего руководителя: «Без внимания овцу не оставим», в пле-

менном хозяйстве «Крепь» сотнями гибли от голода овцы. Обессилев, ложились и уже не вставали.

Скучно об этом говорить. Тем более что еще пять лет назад в таких же новомирских очерках писал я, что даже хозяйство могучее рухнет только «с большим грохотом», если... Много этих «если». Вот и рушатся.

А на малом, забытом всеми начальниками хуторе, о котором вел я речь, скотина хорошо перезимовала. И даже более того: на каждом подворье осталось сена еще на одну сытую зимовку.

Под одним небом живем, на одной земле. И время одно — век двадцатый, в котором русскую деревню накрывает уже третий вал разоренья. Гражданская война, «коллективизация», а с нею — уничтожение «кулачества», теперь настал горький черед колхозов. Их — тоже под корень, все с тем же лозунгом: «До основанья!».

НОВОЕ НАЧАЛО, ИЛИ НА КОЛУ — МОЧАЛО

Все происходило просто и обыденно. Огромный грузовик-скотовоз подъехал и встал возле ворот молочно-товарной фермы. Поставили сходни. Стали загонять коров в просторный кузов. Ромашка, Малина, Дочка, Фиалка... Сто семьдесят дойных коров колхоза — все его стадо — начинали свой последний путь «под нож», на мясокомбинат. Коровы ничем не болели (европейское «коровье бешенство», слава богу, далеко); они плохо ли, хорошо — но доились, помогая колхозу выживать (молоко — в цене, чуть не десять рублей за литр). Были тут коровы стельные, а были и «глубокостельные», которым до отела — лишь день-другой. (Потом, на мясокомбинате, выбрасывали из распоротых коровьих утроб телят с желтыми мягкими копытцами.) Но это было потом; а сейчас коровы шли в кузов скотовоза неохотно, словно чуяли близкий конец. Доярки гнали коров и плакали, потому что для них это было не «погололье», не «крупный рогатый скот», а послушная Беляна,

норовистая Майка и Калина, которая вот-вот отелится. А еще — это была работа, пусть колхозная, с никудышной зарплатой. Но все же — работа, а значит, надежда. Хотя бы на пенсию. Теперь и этого нет.

По здравому смыслу, везти на мясокомбинат дойных коров, а тем более стельных — глупость, варварство. Но экономические законы говорят, что происходящее — верно. Колхоз, а точнее МУСП (муниципальное унитарное сельскохозяйственное предприятие), не возвратил банку кредит, залогом которого было молочное стадо. Самый короткий путь превращения живого залога в рубли — мясокомбинат. Что и было сделано. Для банка трудоустройство доярок, их зарплаты и пенсии, судьбы семей, хлебные или молочные ручейки или реки, стельная корова Ромашка, теленок с желтыми копытцами — не существуют. Кредит, залог, возврат, пеня — его язык. И это, естественно, как говорится, совсем другой монастырь.

Но... примерно четверть населения страны живет и трудится в сельской местности, при сельском хозяйстве. А весь этот «агропромышленный комплекс» задолжал всем и всяческим «банкам» (государству, частным коммерческим структурам) примерно 200 миллиардов рублей. Впору всех «грузить и вывозить», от старых до малых. Но будет ли прок?

Две сотни дойных коров коллективного хозяйства «Калачевское» были, конечно, шаткой, но все же поддержкой колхозу. Цена литра молока почти десять рублей. А это значит, что круглый год, изо дня в день, течет пусть невеликий, но денежный ручеек. Можно купить горючего, какие-то запчасти — как говорится, дыры заткнуть. Есть стадо — значит, растет молодняк. В любой момент можно забить скотиняку-другую. Тоже — денежка. Круглый год.

Теперь же, потеряв свое молочное стадо, хозяйство обречено. Доходов от полеводства надо ждать целый год. И будут ли они? Вот картина уборки урожая последнего лета.

Хлебное поле, которое хлебным назвать трудно. Высокая трава. Среди травы еле видны низкие шуплые колоски озимой пшеницы. Называется — озимое поле.

Осенью сеяли плохие семена в плохо обработанную почву, и сеяли поздно. Отсюда — результат. Урожай — два-

три центнера с гектара. Да еще за два захода. Сначала косят на свал, потому что из-за травы эти чахлые колоски напрямую не промолотятся. Вторым ходом, через несколько дней, молотят. Горючего тратят вдвое больше. Комбайны, и без того изношенные, добивают. Ради двух центнеров с гектара.

Рядом, у хороших хозяев, урожай той же озимой пшеницы в пятнадцать, в двадцать раз выше. По 40—60 центнеров намолачивают. Отец и сын Штепо, Олейников с Колесниченко...

И какой смысл (не говоря уж об экономической целесообразности) добывать, словно золото, эти несчастные два центнера с гектара?

— Мы вынуждены идти на это, — отвечает руководитель хозяйства. — Озимые сеять пора, а у нас семян нет. И никто нам их не даст.

Правильно. «Не даст...» А купить не на что. Долг примерно 4 миллиона рублей. Не считая того, что работники (акционеры! хозяева!) зарплаты пять лет не получали.

А ведь год назад это хозяйство, как и другие в районе, по указанию из областного центра (специальный семинар проводили!) преобразовалось из СПК (сельскохозяйственный производственный кооператив) в МУСП, отказавшись от всех прежних долгов. «Теперь у нас чистый счет. Будем работать и налоги платить». Я писал об этой новации или афере («Новый мир», 2000, № 1), полагая, что через год-другой «преобразованные» хозяйства снова погрязнут в долгах. Прошел год. Пора затевать новую «реорганизацию». Хотя совершенно очевиден полный крах хозяйства. Ничто и никто ему не поможет. Ну, наскребут они семян озимки для посева... Это будут не семена, а мусор. Эти плохие семена они кое-как посеют в практически не обработанную почву, полную сорняков. Агротехнических сроков не выдержат. И если сейчас собирают по два центнера с гектара, то в будущем году и одного не наскребут. Словом — крах.

Тем более что на шее — тяжелый хомут долгов. А теперь осенью молочного стада лишились. Пусть невеликие, но тышчонки всякий день в колхозный карман попадали. На текущую жизнь. Теперь и этого нет. На что надеяться? Только на Бога. Это мое мнение.

А вот что думает мой земляк Виктор Иванович Штепо, работающий на земле более полувека, дважды Герой Социалистического Труда, прежде — директор легендарного совхоза «Волго-Дон», а в нынешние времена — крепкий фермер. Бодрый вопрос корреспондента в канун очередных губернаторских выборов — и ответ:

— Собран неплохой урожай. Вице-губернатор Харитонов заявил недавно, что на элеваторах лежит четыреста тысяч тонн продовольственного зерна. Вроде бы должны рассчитаться с долгами, и на следующий год станет легче. Что вы об этом думаете?

— Похоже, все будет наоборот. Перспектива просматривается страшная. Насколько я знаю, озимых посеяно очень мало, да и те бросали по некачественным парам или по стерне. Поэтому толку по этой озими будет мало. По Калачевскому району дело обстоит так: вспаханной зяби сегодня где-то три тысячи гектаров, а пахать надо сто тысяч. Когда работать, где брать ГСМ, технику — никто не знает. И что делать на будущий год, если в нынешнем колхозы района намолотили всего тридцать тысяч тонн? В том же «Волго-Доне» как не платили зарплату четыре года, так и до сих пор не платят. Так что в следующем году будет только хуже.

Вслед за Виктором Ивановичем могу лишь повторить давно сказанное, в том числе и на страницах «Нового мира» (1996, № 5): «Продолжится развал колхозов, разгром всего, что нажили за долгие годы; продолжится падение сельскохозяйственного производства — видимо, до основания».

Сегодня — январь года 2001-го. В прошлом, очень благоприятном для сельского хозяйства году (дожди прошли в меру и вовремя, раз в десять лет у нас такое бывает), как и в годы предыдущие, область потеряла 12 процентов поголовья крупного рогатого скота, примерно треть всей пашни осталась необработанной.

Так что сказанное могу лишь повторить: «Видимо — до основания». Но повторяю это с великой горечью. Это ведь моя страна, моя земля, мои люди.

И потому порой и вправду на чудо надеешься. На Бога ли, на «царя»... Иначе зачем в конце лета 2000 года, услышав краем уха о том, что правительство что-то по сельскому

хозяйству «обсудило и приняло», стал я искать это постановление.

В своем поселке, в Калаче-на-Дону, заявился в районное сельхозуправление и попросил:

— Дайте поглядеть новое постановление.

— Не слышали.

— Газета пишет: «Правительство РФ на своем заседании одобрило основные направления агропродовольственной политики на ближайшие десять лет... Документ определяет...» Где документ?

Но это в давние теперь годы, при власти советской, подобные постановления на другой уже день разлетались по всей стране. Их «изучали, принимали к сведению, делали выводы» и проч.

Нынче — век иной и порядки иные. Не то что в райцентре, даже три месяца спустя в области, в Управлении сельского хозяйства, никто мне помочь не смог. «Протокольная группа» областной администрации, через которую все указы, приказы, распоряжения проходят, тоже руками развела. Нет такого постановления.

Какая-то «пропавшая грамота». Ведь не приснилось, вот они, строчки: «Правительство РФ на своем заседании одобрило основные направления...» Что «одобрило»? Любопытствую, ищу полгода. Тщетно.

И прихожу к выводу: правительство РФ на своем долгом заседании 27 июля 2000 года ничего не решило. Поговорили — и разошлись.

Повторю и давнее предположение о том, что наверху толком не знают, что делать на селе, одни туманно-теоретические разговоры: мол, рынок, мол, капитализм, все образуется.

Это самое «образуется» теперь — фундамент высоких чиновничьих размышлений.

Алексей Гордеев, вице-премьер правительства РФ, министр сельского хозяйства России, в обширном разговоре с читателями «Сельской жизни» (2000, № 60, 24—30 августа) сообщает:

«Недавно на заседании Правительства РФ были рассмотрены и одобрены основные направления агропродовольственной политики страны на ближайшие десять лет.

Думаю, многим понятно, чем вызвано рождение этого документа.

Аграрный комплекс находится в глубоком системном кризисе...

В сельском хозяйстве произошло существенное сокращение производственно-технического потенциала... Актуальной стала проблема деградации земель. Из сельскохозяйственного оборота выведено около 30 миллионов гектаров угодий. Вынос питательных веществ из почвы в четыре раза превосходит их внесение с удобрениями. Приходят в упадок мелиоративные системы, увеличиваются площади закисленных почв.

В последнее время селян буквально задавила высокая кредиторская задолженность — в основном по льготным государственным кредитам, платежам в бюджеты и внебюджетные фонды. Основная часть этих долгов приходится на пени и штрафы за просроченные платежи. У подавляющей части сельхозпредприятий из-за этого блокированы банковские счета».

Это — первая часть размышлений Гордеева, как говорят, констатирующая, а потом выводы: «Исходя из сложившейся ситуации и строятся стратегия и тактика в разработанном специалистами, учеными, практиками документе, в котором заложена идеология стабилизации и подъема агропромышленного производства».

Теперь — внимание! — вице-премьер объясняет стратегию и тактику переустройства села. Как жить и куда идти. Планы на целое десятилетие:

«На первый план выдвигаются институциональные преобразования в сельском хозяйстве и развитие рыночной инфраструктуры...

Другим важным направлением деятельности, согласно новой концепции, является четкое распределение функций в сфере АПК между федеральными и региональными органами власти... Усилия федерального центра будут сконцентрированы на формировании и регулировании единого продовольственного рынка и рынка материально-технических ресурсов для сельского хозяйства и других отраслей АПК: большое значение придается проведению единой

общегосударственной земельной, финансово-кредитной и налоговой политики...

Реализация таких крупномасштабных замыслов потребует обеспечения правовой базы функционирования аграрного комплекса, разработки целевых федеральных программ развития тех или иных его отраслей...»

Перечитал я эти строки раз и другой. «Институциональные преобразования», «четкое распределение функций», «формирование и регулирование», «совершенствование», «оздоровление» и снова «совершенствование»... Термины славные. Но понять что-либо трудно. Как жить селу, куда идти?.. Хотелось бы чего-то осязаемого, конкретного. А вот оно и «конкретное»: «Мы не говорим, что данный документ является программой, то есть конкретным планом действий с обозначением параметров, сроков и т. д. Этого нет. В документе прописана только идеология стабилизации и развития АПК. Иными словами, общие подходы. Конкретные же меры в русле этой стратегии будут разрабатываться и корректироваться по мере улучшения в стране экономической ситуации».

Так вот оно что: опять — лишь идеология. А «конкретные меры» снова отложены на далекое потом.

Но скажите мне, каким образом может наступить «улучшение экономической ситуации», если основная задача власти — ждать у моря погоды?

Закончил свой рассказ Гордеев довольно лирично: «Нелегко сейчас хлеборобам, но пусть их всегда согревает мысль о том, что хлеб — это основа всей жизни».

Последнее мне кажется самым ценным: «...пусть согревает мысль...» Один из многих предшественников нынешнего вице-премьера и министра, тоже лирик, закончил одну из своих речей пожеланием: «Надо, чтобы у крестьянина загорелись глаза...» Поэты...

Итак, надеяться на какие-то шаги правительства не стоит. Ясно ответил вице-премьер Гордеев: «Конкретные же меры будут (еще только будут! — Б. Е.) разрабатываться... по мере улучшения в стране экономической ситуации». Словом, пока поспеют каныши, не останется у бабки и души.

И это ведь не оговорка. Это позиция не одного Гордеева.

Вот В. А. Мау — руководитель Рабочего центра экономических реформ при правительстве Российской Федерации.

Итак, читаем:

«Особая сложность ситуации состоит в том, что практически невозможно сказать, что конкретно надо делать (курсив мой. — Б. Е.) для решения стоящих перед Россией проблем... До того как заниматься прямым регулированием экономики, раздачей денег на сельское хозяйство... и т. п., государству надо быть уверенным, что деньги эти не будут разворованы. А для этого надо укрепить правоохранительную систему, силовые структуры, суды, разобраться с соответствием регионального законодательства федеральному. Надо провести реформу государственного аппарата...

При здоровых институтах власти особого вмешательства в экономику уже не потребуется...» («Новый мир», 2000, № 5).

Песня очень знакомая: само собой образуется... надо лишь годить.

Кстати замечу, что А. И. Солженицына, от телеэкранов давно отлученного, Мау корит за то, что тот «осуждает частную собственность на землю». Но почему только Солженицына? А весь легион великих мыслителей? Кант, Ламенне, Карлейль, Эмерсон, Толстой...

«Если я родился на земле, то где же моя часть?»

«Мой разум учит меня, что земля не может быть продаваема».

«Земля принадлежит двоим: всемогущему Богу и всем сынам людским, которые работали на ней или которые будут работать на ней».

«Все люди с самого начала и прежде всякого юридического акта находятся во владении землею».

«Владение землей как собственностью есть одно из самых противоестественных преступлений».

И еще: земельное законодательство западных стран, у которых мы нынче учимся... Оно ведь далеко от тех лозунгов, которые звучат ныне почти истерически: «Всё на продажу!»

Цитата из записок Дж. Хэрриота, йоркширского ветеринара, который с земельным законодательством своей родины — Англии — был не больно знаком, но хотел построить дом, а для этого купить участок земли.

«Рыская по окрестностям в поисках участка, я вскоре выяснил, что это чрезвычайно трудная задача... нельзя было попросить знакомого фермера продать уголок луга... Они все были очень милыми людьми и искренне хотели помочь, но ничего сделать не могли.

— Я бы с радостью, Джим, — сказал один, — да только это запрещено. Я даже не имею права построить на собственном лугу дом для собственного сына!»

Это — современная Англия.

А что до России, то здесь нынче опять страсти кипят: продавать землю — не продавать? Правда, точки кипения — Москва и телевидение с газетами. Саратовский губернатор Аяцков призывает перенять опыт его области, где еще три года назад приняли радикальный закон о земле, сняв все ограничения на куплю-продажу и проводя периодически земельные аукционы. Послушаешь его — божий рай. Мы с саратовцами — соседи. Интересуемся. Вот цифры: за три года там продано 9 тысяч гектаров сельхозугодий. А одной лишь пашни у саратовцев около 6 миллионов гектаров. Если такими темпами они будут землей торговать, потребуется времени около трех тысячелетий. А цена — смехотворная: по 25—50 рублей за гектар продавали. Гордиться нечем, перенимать — тем более. Словесные фейерверки.

По мнению наших, волгоградских, специалистов-землеустроителей, частная собственность на землю в России — реальность, и довольно давняя: Указ президента России от октября 1993 года и Конституция РФ, да еще Указ от марта 1996 года, который снял все ограничения.

Но рынок земли не работает, потому что требуются большие затраты, прибыль невеликая, окупаемость десять-пятнадцать лет, земля находится в паях, каждый из которых не превышает 10—20 гектаров, владельцы паев понимают, что этот клочок земли для них — последняя и единственная надежда на жизнь. Выгоднее пока аренда. Зерно дают, сено, солому, помогают вспахать приусадебный участок. Из года в год. Можно держать скотину. Это — жизнь. А продашь — деньги невеликие, быстро кончатся, а потом — волком вой. Хутор — не город, там нет работы.

Поэтому не купля-продажа, а аренда земли у нас в области неплохо идет. 570 тысяч гектаров — арендуемые земли. (Сравните с девятью тысячами у саратовцев). Срок аренды (по областному закону) от пяти до сорока девяти лет. Срок серьезный — полвека, почти своя. Что будет потом? Поживем — увидим. О сегодняшнем душа болит. Ведь очень трудно...

Хутор Кумовка да хутор Рог-Измайловский, Ярки-Рубежные да Кундрючкин... Вчера — колхоз да совхоз, с детства привычный. Работай — и будешь жить. А ныне?

Новый порядок, десятилетие назад пришедший в российскую деревню, по значимости и масштабам сродни великому освобождению крестьянства 1861 года.

В тогдашнем Манифесте император Александр II, «обращая внимание на неизбежные трудности предприемлемого преобразования», требовал «бдительного попечения» от «исполнителей нового устройства».

Вместе с Манифестом были утверждены и обнародованы семнадцать законодательных актов, в которых содержались условия и механизм не только освобождения крестьян, но их земельного устройства.

Указ президента РФ по земельной реформе от января 1992 года, к сожалению, был гораздо легчевнее. Сопутствующих законодательных актов, кроме постановления правительства, не оказалось. Сам указ по многим пунктам не был исполнен.

А что касается «идеологии преобразований», то она получилась топорной. Подавляющее большинство — колхозники, их руководители, от бригадиров, председателей, районных и областных чинов до «аграриев» московских — заявляли в один голос: «Нас хотят уничтожить!» Так было понято.

«Демократическое» меньшинство, микроскопическое по сравнению с оппонентами, но находящееся в столичной реальной власти, определило все колхозы и совхозы одним словом — «черная дыра», имея в виду нерентабельность, низкую производительность труда, плохую «отдачу» при инвестициях и просто-напросто невозврат полученных ссуд и кредитов. Экономистов при власти понять можно. Но и они должны были понять, что другого сельхозпроизво-

дителя у нас нет. А «черная дыра» кормит Россию и является четвертой частью ее по населению. Живые люди. В колхоз их согнали и почти семьдесят лет колхозной жизни «учили» такие же экономисты, как нынешние, — умные, властные, но придерживающиеся других взглядов.

Теперь, уже целое десятилетие, длится новый «загон», направление которого менялось не раз.

1990—1993 годы. Цель: «Вперед к частному (фермерскому) хозяйствованию на земле». Новым хозяевам (непросто!) выделяются денежные кредиты на обзаведение. Но не выполнены многие пункты Постановления Правительства «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 года и главный из них: «Колхозы и совхозы, не обладающие финансовыми ресурсами для погашения задолженностей по оплате труда и кредитам, объявляются несостоятельными (банкротами) до 1 февраля 1992 г. и подлежат ликвидации и реорганизации в течение I квартала 1992 г.».

1993 год. Вице-президент страны под бурные аплодисменты зала заявляет: «Фермеры страну не накормят». Прекращено кредитование фермеров. Списываются долги колхозов (дважды!). Начинается выделение новых займов: «на уборку», «на сев», «по лизингу», «товарных кредитов».

И пошло-поехало... К чему приехали, рассказывал я не раз. Мои слова подтверждают руководители страны, области.

Вице-премьер правительства России: «Аграрный комплекс находится в глубоком системном кризисе... Острейшая проблема — тяжелое финансовое положение сельского хозяйства... У подавляющей части сельхозпредприятий блокированы банковские счета...»

То есть они — банкроты, «подавляющая часть»...

Вице-губернатор области, руководящий сельским хозяйством, подводит итоги. Из шестисот коллективных хозяйств лишь сто он называет благополучными. Все остальные: «в кризисе», «в глубоком кризисе», «с полным развалом». Позволю усомниться даже в этих ста «благополучных». Пусть не знаю досконально всю область. Но свой район, Калачевский, далеко не самый худший, как говорится, на ладони. В нем нет ни одного благополучного коллективного хозяйства. Хотя по классификации вице-губернатора к благопо-

лучным, видимо, принадлежат «Мир» и «Тихий Дон», и то и другое хозяйства недавно «реформировались», то есть оставили все свои немалые долги фиктивным образованиям, носящим прежние названия хозяйств: «Советское» и «Приморское». Долги — в сторону, ликвидное имущество — в новое хозяйство с новым названием, но все с теми же проблемами. И потому новые долги появляются сразу же.

«Крепкими сельхозпредприятиями» районная газета именуется «Ниву», «Волжанина». И на той же газетной странице печатает информацию о ходе полевых работ, где значится урожайность «передовика»: озимая пшеница, рожь и ячмень дали по пять центнеров с гектара. А всего этих гектаров — целых семьсот. «Передовое сельхозпредприятие»... Рядом — фермеры, Штепо ли, Олейников, Кузьменко. У каждого площадь убираемых хлебов в два раза больше, а урожайность в десять раз больше. Вот тебе и «благополучное». Так что к словам вице-губернатора даже о сотне (из шестисот!) «благополучных» коллективных хозяйств надо отнестись с небезосновательным скептицизмом.

По-настоящему благополучных коллективных хозяйств очень мало. Мы их знаем наизусть и повторяем, как таблицу умножения: «Кузьмичевский» и «Луч» Городищенского района, имени Ленина Суровикинского района и им. Ленина Нехаевского, имени Калинина и «Калиновское»... Кузнецов да Белоштанов, Яменсков да Петров, Телитченко да Акинтиков... Сладкая для души музыка имен руководителей этих хозяйств! 25 миллионов рублей годовой прибыли в Кузьмичах. Семь тысяч литров — надой от коровы в «Луче». Новые комбайны и тракторы в Калиновке... Молочная доильно-холодильная линия шведской фирмы «Альфа-Лаваль» у Белоштанова, в имени Калинина...

Но уж очень короткий список. Хорошо, если наберется полсотни хозяйств на область. Вряд ли... Насчитать бы три десятка...

А все остальные? Повторим слова вице-губернатора: «кризис», «глубокий кризис», «полный развал»... Из которого есть ли выход?

Требования профсоюза тружеников агропромышленного комплекса России. Естественно, президенту, правительству:

— обеспечить ежегодное выделение бюджетных средств на поддержку сельхозпроизводителей из расчета не менее десяти процентов общей расходной части бюджета;

— определить государственную квоту на производство сельхозпродукции и обеспечить ее закупку;

— принять законы о дотациях за произведенную продукцию и о регулировании цен на горюче-смазочные материалы;

— создать фонд поддержки АПК и отечественного сельскохозяйственного машиностроения;

— выделять долговременные кредиты сельхозпредприятиям под низкие проценты — не более 10 процентов;

— списать все пени и штрафы, начисленные за неуплату платежей в бюджет и страховых взносов в государственные внебюджетные фонды (около 25 миллиардов рублей) и по необеспеченным возвратом централизованным кредитным ресурсам, выданным в 1992—1994 годах (21 миллиард рублей) и начисленным по ним процентам.

На месте, в селе да на хуторе, просят поменьше, но из года в год. Вот один из руководителей хозяйства заявляет корреспонденту газеты в 1998 году: «Пусть дают денег, а как с ними управиться, мы сами знаем...»; в 1999 году: «Если нам не помогут, не знаю, как мы будем дальше жить»; в 2000 году: «Напишите, чтобы нам дали солярки. Все планы летят в тартарары. (Накануне, прямо с колхозной нефтебазы, при стороже, украли все горючее. Воров, конечно, не сыскали.) Мороз и засуха загубили 770 гектаров озимых и 1000 гектаров ячменя». (И ведь поворачивается язык о засухе говорить. Такого доброго к земле года не припомню. По 50 центнеров на круг намолачивают добрые люди.)

Но солярку, конечно, опять дали. И этому хозяйству, и многим другим. За счет все того же бюджета области. Брать все берут. А вот расплачиваться желающих мало.

Вот совещание руководителей коллективных хозяйств в райцентре. Речь о долгах.

— Давайте договоримся, чтобы все гасили долг РАО на 50 процентов, — предлагает один из руководителей. — Зачем отдавать все долги...

Это уже — сознательность. Правда, не у всех. Кто будет отдавать Сбербанку еще 50 процентов — не ясно. Кредит брали под гарантию районного бюджета. Значит, виноватыми окажутся учителя, врачи, дети...

Вот газетный отчет с планерки у губернатора области:

Губернатор: «Почему селяне не рассчитываются за кредиты, взятые для проведения посевной?»

Начальник облсельхозуправления: «Работа проводится».

Начальник финуправления: «А нам зарплату платить бюджетникам нечем».

Губернатор: «Так почему селяне не рассчитываются?»

Начальник облсельхоза: «Ну, Николай Кириллович, это вопрос не ко мне...»

Губернатор: «А к кому? Весной все стонали: селу сеять пахать не на чем, вы ставили предо мной задачу финансового обеспечения работ. Кредит дали, я поручился за него бюджетом, хозяйства договора подписывали. Когда пришла пора долг отдавать, вроде как и крайних нет. Кто мешает сельхозуправлению серьезно заниматься проблемой возврата кредитов?»

Начальник облсельхоза: «Занимаемся. Приглашаем группы руководителей хозяйств, заслушиваем...»

Губернатор: «Что толку...»

И здесь же зашла речь о вспашке зяби, которая, как обычно, запаздывала.

— Почему? — спросил губернатор.

— Горючее... — был ответ. — Нету.

— Пусть хозяйства расплачиваются с нынешними долгами, тогда и горючее будет. Опять мне свою голову подставлять прикажете!

Никуда губернатор не денется. Подставит «голову», а если точнее — областной бюджет.

— Я шел по пути наращивания помощи селянам и буду идти по этому пути, — подтверждает он.

— В этом году как никогда наш сельхозпроизводитель получит значительную поддержку. Мы планируем направить около двух миллиардов рублей, — пообещал вице-губернатор.

Два миллиарда — не шутка. Треть областного бюджета. Но будет ли прок...

Вспоминается старое, когда лет десять назад, откровенно гордясь, говорили мне председатели колхозов: «Брать надо и брать. Все равно спишут...»

Осталось это и сейчас. Вот выступает известный председатель колхоза, депутат областной Думы. О чем речь? Все о том же: «Руководство области должно обратиться к Чубайсу ли, к Путину... Надо решить с долгами по электричеству...» «Решить» — значит списать. Конечно, всем. Но один район должен за электричество 60 миллионов рублей, а соседний, где потолковей руководители, с долгами рассчитывается. Один колхоз должен два да три миллиона, соседний — чист, как стекло. «Списывать» все долги — значит поощрять нерадивых, у которых та же самая логика: «мое» и «чужое».

Приезжаю на хутор. Огромный когда-то животноводческий комплекс. Колхоз распался на пять ли, на десять «кооперативов». Скотины мало. Лишь кое-где по углам что-то хрюкает. Но лампы и даже прожектора среди бела дня «освещают». Спрашиваю:

— Чего свет горит?

Объясняют:

— Все рассчитано. Если включать и выключать, то лампочки быстро перегорают. Покупать их — деньги платить. А когда не выключаются, дольше служат.

Вот так. За лампочки — надо платить. За электричество?.. Про это и думать смешно. Это — бесплатно.

В одном из колхозов области прошлым летом бастовали его работники. Перекрыли дороги тракторами. Не давали отгружать пшеницу на вывоз. Хотя этот самый «вывоз» — лишь очевидный расчет за взятые в кредит горючее, запчасти и прочее. А может, они и правы... Может, вовсе не туда пшеничка плыла. Сейчас понять, проверить колхозного председателя не может никто. И районного, кстати, тоже... Все — умные, все — мудрые... В моем районе взяли кредит у Сбербанка «на проведение сельхозработ», «под гарантию районного бюджета». Пришла осень — отдавать нечем ли, не хотят. А Сбербанк — организация серьезная. И проценты серьезные. «Мы тут провернули операцию...» — загадочно улыбаясь, объяснили мне. А какие уж тут загадки... Просто-напросто взяли еще один кредит, в другом банке; этим кре-

дитом рассчитались со Сбербанком, а на следующий день снова взяли у Сбербанка новый, уже больший, кредит, чтобы рассчитаться с займом. «Провернули...» Но как будут через полгода возвращать занятое посреди зимы, если после уборки урожая не смогли расплатиться? «Что-нибудь придумаем...» Уже «придумали». В районе прошли выборы. Глава администрации — новый. Теперь пусть он «придумывает».

И он придумал. Строки газетного отчета с планерки в сельхозуправлении: «С каждым днем приближается тот момент, когда районное агропромышленное объединение должно вернуть Сбербанку 22 миллиона рублей. До 1 января хозяйства обещали погасить 50 процентов задолженности, но кроме “Голубинского” и “Тихого Дона” никто о своих долгах не вспомнил. Продукции нет, продать уже нечего... единственный реальный путь... вновь брать ссуду, чтобы расплатиться со Сбербанком».

Добавлю, что этот «реальный путь» весьма сомнителен. Он ведет только к увеличению долга. К отсрочке неминуемого банкротства теперь уже всего района.

Бюджет... Бюджет за все эти «придумки» и «хитрости» ответит. «Задержки» да «невыплаты» зарплат, пособий... С нищих — по копейке... Авось не заметят. Но это очень заметно!

Примерно 7 миллиардов — наш бюджет областной. А вице-губернатор обещает на поддержку села 2 миллиарда.

Понимаю, благие намерения. Но как легко распорядиться чужими деньгами — тем самым «бюджетным мешком», который в руках. Тоже ведь, в конце концов, «не мое».

Пример в подтверждение. В нашем районе администрация, Управление сельского хозяйства брали в Сбербанке кредит «для села». Все бумаги оформили, оставалась последняя. По каким-то правилам требовалось, чтобы начальник Управления сельского хозяйства подписал обязательство, что возврат кредита он гарантирует в том числе и личным имуществом, своим домом. Тут и начался спектакль под названием «Мое». Начальник управления отказывался подписывать обязательство наотрез. Ему объясняли, что это, в общем-то, понарошку. Никто его не тронет. Простая формальность. А он говорил: «Нет!» Потому что это — «мое», не

какое-нибудь бюджетное. «Под бюджет» он любую бумагу подпишет. А вот «мое» — это и есть «мое», тут не семь, а сто раз отмеришь.

Итак, десять лет «перестраивается» наша деревня, чтобы шагать путем новым. Дела идут все хуже. И уже потеряна вера. В «перестройку» ли, в дорогие сердцу колхозы. Именно — дорогие! До прошлого лета все начальство сельское районное, которое, как говорится, на глазах не сдавалось, суетясь под лозунгом: «Не мы колхозы создавали, не нам и разрушать!»

— Жмем!

— Заставим пары пахать!

— Теперь у нас право менять руководителей! Мы возьмемся!

Мыкались по колхозам «уполномоченные» да «ответственные». Моя «зона», твоя «зона»...

А вот нынешним летом (таким добрым для земледельцев: с дождями, с теплом!) — нынешним летом увидел я, что настроение моих «районщиков» иное. Так было с весны и до самой осени.

— Неплохая озимка из зимы вышла, но надо же ее поддерживать, надо работать. А они... Приеду, показываю, говорю... Все без толку...

— Скотина стоит, ревет от голоду... Рядом — зеленка... Ну неужели нельзя хоть один агрегат пустить... Это же ваше молоко, ваша жизнь...

— Два дня молотили. Нормально пошло, приладились. Просят: дайте аванс, детей в школу собрать. Дали. Забыли и про детей, и про уборку, пьют неделю, все комбайны стоят.

И выводы, негромкие, с глазу на глаз:

— Всё. Конец. Ничем не поможешь.

— Раньше галдели: «Черная дыра, черная дыра...» Брехали. А вот сейчас — точно: дырища! И уже не залатаешь.

— Нет. Видимо, так оно и есть: если «не мое», то оно так и будет — «не мое». И теперь уже всё. Капец!

Мои собеседники, каждый из них уроженец сельский, закончившие сельхозинституты и к пятидесяти своим годам прошедшие долгую школу: бригадир, управляющий, главный специалист колхоза, председатель, районный

руководитель. Таких собеседников было не менее десяти. В отличие от прежних лет нынче ни один из них не был оптимистом. Все сказали: «Конец». Нынче ли, завтра, через два года... Но коллективным хозяйствам придет конец.

Может быть, еще потому они были так единодушны (но только с глазу на глаз!), что в нашем районе, когда-то передовом, а нынче разваленном, так очевидны успехи хороших самостоятельных хозяев: Штепо, Олейников, Колесниченко, Кузьменко, Крючков, Вьюнников... В колхозах что ни год, то — мороз, то — засуха, то — жук кузька. Все мешает. А у них — 30, 40, 50 центнеров с гектара. И от года в год все больше земли они обрабатывают. Начинали с 30, 50, 100 гектаров. А сейчас — 1 000, 1 500, 2 000... (Отсутствие земельного кодекса, купли-продажи-залога земли им не мешает.) Работают, их труды налицо: чистейшие поля, урожаи, собственные склады, заправочные станции, мастерские, теплые стоянки для техники. И наращивание производства. Вот уже начали покупать да арендовать разбитые животноводческие фермы, чтобы заниматься разведением свиней, коров. В колхозах все это — «нерентабельно», «невыгодно». А Колесниченко, Олейников, Кузьменко взяли пять корпусов бывшего животноводческого комплекса совхоза «Маяк», отремонтировали и поставили на откорм 1 000 голов свиней. Это так очевидно, такой контраст по сравнению с колхозным развалом. Тем более что самостоятельным хозяевам государство помогло лишь на первых шагах, в 1991—1993 годах. И все. Теперь и уже давно не получают они льготных кредитов «на сев и уборку», исправно платят налоги, сполна рассчитываются за электричество. А все у них — рентабельно и выгодно.

Вот областные сводки. В 2000 году личные крестьянские хозяйства произвели 16 процентов всего зерна, 21 — подсолнечника, 18 — гречихи. Это — пятая часть всего растениеводства. И если колхозные показатели неуклонно из года в год сокращаются, то фермерские постоянно растут. Только за 2000 год объем фермерской пашни увеличился с 1 миллиона гектаров до 1 миллиона 330 тысяч гектаров. На 330 тысяч гектаров! Почти при том же количестве фермеров. Значит, растут наделы... В некоторых районах обла-

сти фермерство уже опережает разваленные колхозы по объемам производства: Котельниковский, Октябрьский и другие.

Еще одно — основное! Самостоятельные хозяева поверили (все же десять лет!), что они — надолго и, может быть, навсегда. Это очень важно, потому что свои доходы они безбоязненно вкладывают именно в сельхозпроизводство, а не вывозят в заграничные банки. Красноречивый пример: крестьянское хозяйство Галины Владимировны Касым, прежде — главного бухгалтера совхоза, Клетский район. Начинала она в 1993 году с 21 гектара — обычный пай. Теперь у нее с мужем 1 400 гектаров пашни, полный набор тракторов, комбайнов, автомобилей, здание машинно-тракторной мастерской, зернохранилище, свинарник-маточник, маслобойка, цех по производству керамзитовых блоков. Вместе с мужем занимались коммерцией: брали дешевое зерно в районе, вывозили его на Север, там покупали делянки леса, рубили и привозили в район, продавали. Так из года в год. Но все заработанные деньги вкладывали в сельхозпроизводство. Отсюда и результат. Озимая пшеница дает по 25 центнеров с гектара, подсолнечник — 13. Ближайшая перспектива: уже в этом году прибавить пашню на 500 гектаров, доведя до 2 000. Поставить на откорм 500 голов свиней. В хозяйстве тринадцать наемных работников, которые вовремя получают заработную плату. За арендуемую землю пайщикам, бывшим колхозникам, выдается по две тонны зерна в год. Они очень довольны, потому что сплошь да рядом за «пай» и соломы не допросишься. Словом — все идет хорошо.

Когда-то, в далекие уже годы, рассказывал я о В. А. Парчаке из Быковского района, тогда был разговор:

— А если вам дать две тысячи гектаров? Справитесь?

— Можно.

— А три тысячи?

— Справлюсь, опыт уже есть.

— А если пять тысяч?

— И пять тысяч можно...

Засмеялись мы тогда вместе: «Съест-то он съест, да кто ему даст...»

А вот теперь это уже — дело реальное. Колхозы разваливаются, земля — в запустении, животноводство, как и прежде, идет на убыль, у людей нет работы. И волей-неволей иногда приходится районным властям (именно от них это зависит!) расставаться с теми идеями, на которых выросли.

Чернышковский район. Хутор Захаров с 1929 года — колхоз «Бедняк», потом — «Советская Россия», им. Калинина, в годы перестройки — ТОО «Захаровское», которое в 1997 году развалилось от бедности и хозяйственных неурядиц, разделилось на шесть фермерских коллективов и хозяйств. Разделение не помогло. Все растаскивалось, пропадало: животноводство, земля, техника, производственные помещения. Хорошо пошли дела лишь у механизатора Ю. А. Чекалова. За три года он стал весьма успешным фермером. А в феврале 2000 года в КФХ (крестьянское фермерское хозяйство) «Чекалов» были приняты 139 хуторян с остатками скотины, с непаханой землей. Словом, весь хутор. Земли более 5 тысяч гектаров. Чудес на свете не бывает. Божий рай в Захарове не наступил. Но, обретя настоящего хозяина, уже весной было посеяно, а осенью убрано 1 000 гектаров ячменя и 700 гектаров подсолнечника, посеяли 1 100 гектаров озимой пшеницы (в прежнем «кооперативе» при том же народе посеять удалось лишь 130). Для скота заготовили 500 тонн сена и ячменной соломы столько же. Для двухсот голов свиней есть фураж. Восстановили разбитую столовую, пилораму, плотницкий цех, выстроили помещение для холодильника, отремонтировали медпункт. Появилась своя овощная плантация, бахчи, а значит — овощи, арбузы. Собираются восстановить здание бывшего школьного интерната, чтобы открыть детский сад, решили построить баню. Зарплата людям выплачивается ежемесячно. (До этого, при АО и ТОО, словом, при колхозе — пять лет не видали зарплаты.) И все это лишь за один неполный год, когда хозяином в Захарове стал не колхоз «Бедняк», а КФХ «Чекалов», а точнее, Юрий Александрович Чекалов.

Семидесятилетний Виктор Иванович Штепо, в прошлом прославленный директор совхоза «Волго-Дон», дважды Герой Социалистического Труда, ныне — тоже прославлен-

ный! — фермер (во все времена — и сегодня — к нему самых знатных гостей возят), — так вот, Штепо сейчас горюет: «Был бы помоложе на десять лет, я бы весь бывший совхоз забрал и все бы сделал».

Бывшая знаменитость — «Волго-Дон» — сейчас доживает свой век в разоренье и горести: остатки полудохлого стада (недавно элитного, 6 000 литров средний надой), погубленное овощеводство (по 600 центнеров с гектара получали). Я верю, что Виктор Иванович свой бывший совхоз смог бы «забрать и сделать».

А что значит «забрать»?

Ведь всякий день на страницах газет, по телевидению обязательно какой-нибудь «мудрый» заявит, что все беды села оттого, что нельзя землю продать или в банк заложить. Старая беда: искать «палочку-выручалочку», которая волшебным образом все изменит.

На мой взгляд, универсальных законов нет и не будет. Нынешних хватило для того, чтобы в нашей области уже четыреста крестьянских хозяйств имели в своем распоряжении от 500 до 6 000 гектаров пашни. Чего еще надо?

Законов достаточно, но по-прежнему «закон — что дышло, куда повернешь, туда и вышло». А главные «вершители» законов — на местах, в районах, в областном центре. От их доброй воли, знергии зависит очень многое.

Строки из доклада Г. Н. Никулина, руководителя областного АККОРа, на конференции, посвященной 10-летию фермерского движения:

«Коллективные хозяйства у нас по-прежнему находятся в центре внимания всех органов, а о фермерских хозяйствах голова ни у кого не болит».

Это — не просто слова, это десятилетний, зачастую горький, опыт. Новая техника по льготным ценам — для коллективных хозяйств. Льготные ГСМ весной да осенью — коллективным хозяйствам. (Даже десять процентов, «фермерская» доля, определенная главой администрации области, до фермеров доходит ополовиненная. А почему десять? Если земли у фермеров двадцать процентов?) И многое другое, каждодневное, ежегодное, начиная с 1990 года до 2000-го.

Но если в 1990—1992 годах фермер был неким диковинным зверем, явно ненашенским, чужим, то теперь, когда привыкли и поняли, когда вот они, осязаемые результаты: двадцать процентов продукции полеводства. И люди, которые стали гордостью области: Мельников, Миусков, Парчак, братья Гришины... Они прошли через тяжелые испытания, выдержав неразбериху «сплошной фермеризации», потом — «равные условия», когда фермеру лишь дышать разрешалось (да и то не в сторону колхоза), живут и работают и нынче, в эпоху безразличного к ним отношения.

За великий труд, который нельзя замолчать (средний урожай за десять лет по 30—50 центнеров с гектара! И никаких засух!), за труд и крестьянскую мудрость их теперь награждают орденами и почетными званиями. Но они по-прежнему — нелюбимые пасынки всяческих сельхозуправлений, потому что являются их могильщиками. Зачем В. И. Штепо пять этажей областного Комитета по сельскому хозяйству и два этажа управления районного?! Виктор Иванович открыто назвал последних «заслуженными работниками по развалу сельского хозяйства».

Август 2000 года. Калачевский район. Коллективное хозяйство «Калачевское».

Стояли мы кучно возле машины, на капоте которой была развернута карта полей колхоза. 150 гектаров... 300... 120...

— Берите! — предлагал начальник сельхозуправления. — Чего молчите, мужики!

Мужики-фермеры переминались с ноги на ногу, вздыхали, вспоминали прошлое.

— Мы ведь еще вчера возле вашего крыльца стояли с протянутой рукой. А вы нам, помните: «Бери на солонцах... Ха-ха-ха! Бери на гранях... Ха-ха-ха... Хозяйствуй!» Вот и дохакались. Ни себе ни людям.

Мужиков-фермеров, приехавших на раздачу земли и не больно спешивших брать ее, понять можно. У кого за пять, а у кого и за десять лет работы созданы свои плохие ли, хорошие, но производственные базы, где стоит и ремонтируется техника, где склад горючего да зерновые ангары. Есть ли смысл гонять трактора да комбайны туда и обратно? И земли, которые сейчас предлагают, запущены до

бурьяна в человеческий рост. Там работы на годы. Вот если бы?..

Это «если бы» я понимал. Николай Николаевич Олейников стоял рядом. Зачем он приехал? Земли у него вроде хватает. Нынешней осенью они с напарником только озимых 1 200 гектаров посеяли. Но он приехал. Хотя его и не звали.

— А вот если... — сказал я. — Если наперед прикинуть и уже сегодня отдать земли второго отделения, — указал я вдаль, а потом на карту. — Вот эти поля. Николай Николаевич, я думаю, возьмет. И Якутин, и Андрей Штепо, Кузьменко, — перечислял я крепких фермеров, чьи земли лежали в тех же краях.

— Нет! Нет! — чуть не хором стали возражать мне районные начальники. — О тех полях пока речь не идет.

— Но ведь пойдет, — настаивал я. — Мы ведь через два года, а может, раньше вот так же соберемся и будем те поля навязывать. Давайте сейчас отдадим. Пока они меньше запущены. Пока интерес к ним есть. Ведь колхоз все равно развалится. Дело только во времени. Чудес не бывает. Четыре миллиона долгов... Вы же прекрасно понимаете — не бывает чудес.

— Нет! Нет! Нет! — ответили мне хором.

А нынешний председатель колхоза наставительно произнес:

— Надо думать об людях.

Я лишь вздохнул.

Милые мои «думальщики об людях». Сколько вас?.. Долгие годы этим хозяйством руководил один «думальщик». Помню его знаменитую фразу: «Мне Героя положено присвоить. Я ни одного гектара фермерам не дал». Потом был другой да третий. «Об людях думали», но себя не забывали. Колхоз разваливался на глазах.

Теперь вот еще один, молодой, с высшим сельскохозяйственным образованием, в подмогу ему «спецы» — экономисты да бухгалтера. Но чем они думали, когда полгода назад брали в банке миллионный кредит, векселями, с грабительским дисконтом. Считай, 500 тысяч потеряли. Вот-вот, осенью отдавать придется весь миллион, да еще с процентами. В колхозном кармане — вошь на аркане, после

«уборки урожая» — мыши из амбаров сбежали. Банковский счет давно заблокирован, потому что долгов (лишь за год!) 4 миллиона рублей. Работники, у которых хоть немного варит голова и руки шевелятся, разбежались. В воинскую часть (за тридцать километров), на железную дорогу (чуть подалее), даже в Москву (за тысячу верст!). А песня та же: «Об людях надо думать!» И рядом стоящие «спецы» районного сельхозуправления подпевают хором: «Об людях...» О каких людях? Строки из письма: «Нас, пенсионеров, за людей вообще не считают. Говорит Кирьян (так у нас преда зовут): “У вас уже паи давно кончились, и вам ничего не положено”. Соломы спросить у Кирьяна, он тоже не даст. А про себя Кирьян не забывает, он особняк себе закатил, машины покупает то “Жигули”, а потом какой-то джип иностранный купил. А в колхозе осталось всего десяток-полтора скотины, землю половину побросали, свиную ферму перевели...» Это письмо из другого района, а колхозная жизнь — одинаковая! «Об людях...» Если по-честному — это о себе забота. Председатель колхоза, десятого по счету за пять лет, видел, куда идет: все развалено и разбито. Но пошел. Может, успеет домик в райцентре построить. Должен успеть.

И эти крепкие мужики — «спецы» сельхозуправления. Худо ли, бедно, но зарплату получают, все при автомобилях, тоже государственных. Чего искать? И где чего найдешь в забытом богом райцентре? Так что лучше «думать об людях».

Постояли мы, поталдычили, с тем и разъехались.

Нет, не 1991-й нынче год и не 1992-й, когда лишь пальчиком помани — и схватят любую землю, солонец ли, «границы». А. П. Вьюнников — не дурак. За десять лет опыта набрался. Земли ему хватает, два старых коровника купил не просто так. На «красную тряпочку» вместо настоящей наживки его не поймаешь. Он — хозяин. Как и другие, которых собрали районные «спецы».

Так ничем разговор и кончился. Отложили, ничего не решив.

Да и не могли решить. Потому что Н. Н. Олейников, А. П. Вьюнников и те, что рядом с ними, принимают реше-

ния, думая не только о дне сегодняшнем, но и о завтрашнем. В хозяйствах, которые они создали и создают, будут работать их дети и внуки. А вот районные руководители думают лишь о том, как нынче очередную дырку заткнуть. Зачем им послезавтрашний день, когда их завтра могут переизбрать или просто снять. И еще: пусть разваленные, но колхозы — основа их жизни: зарплата и положение. Повторю: Н. Н. Олейников и другие — их могильщики.

Как можно любить своего могильщика? Тем более помогать ему? На словах, открыто мешать им нельзя. Не то время. А вот на деле — все тот же кукиш, но теперь в кармане: «Нако-сь выкуси...»

А полюбить его надо, потому что другого выхода уже нет. Особенно для таких хозяйств и хозяев. Разговор о земле и «об людях» происходил в конце лета. А уже зимой «Калачевское» оказалось в положении катастрофическом: крупный рогатый скот забрал банк за долги, электричество отключено за неуплату, денег ни гроша, продать нечего, в долг ни запчастей, ни горючего не дают, потому что старые долги нечем платить. А значит, на полях будет сплошной бурьян.

Но если бы летом 2000 года отдали землю фермерам, то уже осенью все было вспахано, все лето эту землю утюжили бы культиваторы, очищая от сорняков, в августе посеяли бы озимую пшеницу, в 2002 году собрали бы урожай. Себе и людям. А теперь вот ни себе ни людям. И разве об одном «Калачевском» колхозе речь? Их подавляющее большинство.

Слава тем колхозам, которые выжили и живут! Слава их председателям — мудрым, энергичным людям! Но таких коллективных хозяйств — единицы, потому их наперечет и знаем.

Основная масса — «кризис», «глубокий кризис», «полный развал», еще раз цитирую вице-губернатора. И еще раз: «Можно сколько угодно рекомендовать самые совершенные... технологии, наделять село дефицитными семенами и ГСМ... но отдачи, возврата вложенных средств нам не дожидаться от разваленных хозяйств...»

Горькое признание, но честное.

Нужно понять и еще одно, может быть, главное: страна вот уже десять лет входит в новую экономическую систему. Возврат возможен лишь при условии: капитана — на рею, офицеров — за борт, к штурвалу становятся революционные матросы. Но наши лидеры-аграрники, руководители всех рангов от Москвы до райцентра, давно уже не матросы-революционеры, сытно кормятся они со стола властей и потому способны лишь на «мягкую оппозицию». Очень мягкую. Чтобы, не дай бог, не потерять того, что они «завоевали» лично для себя. «Резкие заявления» звучат лишь с трибун на предвыборных сходках да «встречах с народом». Но только лишь «заявления». Мягкое кресло руководителя никто не покинул в знак протеста против «антинародных реформ».

Месяц назад вновь избранный наивный (он — из журналистов) глава администрации моего района попытался сместить начальника райсельхозуправления за очевидный развал, предложив ему уйти. Тот ответил решительно: «Не уйду! Буду руководить! Буду судиться! В развале колхозов виновато правительство!»

И вправду, зачем уходить? Всего лишь сельхозуправление района... Но кабинет просторный и теплый. Два государственных автомобиля («Волга» и «Нива») и персональный шофер. Зарплата. Бесплатные курорты (в последние годы — во время уборки урожая, «чтобы нервы не мотали»). За годы развала к бывшему неплохому жилью добавились еще два домика, последний, как и положено нынче, в трех уровнях. И еще кое-что есть «для жизни». И это всего лишь какого-то райсельхоза начальник. Поэтому твердое: «Буду руководить!» Воистину кому — война, а кому — мать родна.

И все-таки есть ли выход и что нас ждет?

Для меня помаленьку, но становится все очевиднее: колхозы, теперь уже точно, обречены на развал и гибель прежде всего потому, что их руководители и работники за десять лет ничего не поняли и тянут прежнюю заунывную песнь: «Когда к нам повернутся? Нехай губернатор солярку ищет! Нехай президент...» Какой президент? Турецкий! Это не шутка по мотивам знаменитой картины. Руководитель кол-

хоза из Дубовского района, как пишет газета, «измученный всеми житейскими проблемами, обратился с просьбой о помощи» к президенту Турции и канцлеру ФРГ. Такой вот уровень понимания.

Тем более что нынешний год трудностей селянам только прибавит. Во-первых, кончилось бесплатное электричество. Придется платить. Россия собирается вступать во Всемирную торговую организацию. Страны Евросоюза предупредили наше правительство о необходимости снизить уровень господдержки сельхозпредприятий. Правительство отрапортовало: в 2001 году субсидировать практически не будем, поможем лишь уменьшить проценты по банковским кредитам. Для всех, конечно, крестьян.

Но рядом иное: 1,3 миллиона гектаров земли у нас в области находится в пользовании личных крестьянских хозяйств, а начинали с 18 тысяч гектаров. Всего фермеров — 12 тысяч. Но половина всей земли находится в руках четырехсот хозяев. У каждого из них от 500 до 6 000 гектаров. 20 процентов всего полученного урожая области — у фермеров.

В моем Калачевском районе лишь шесть фермерских хозяйств произвели третью часть зерна района. Кричащий факт. Очевиднейший. Новые хозяева давно уже не ходят с протянутой рукой. За десять лет они доказали свою жизненность, и потому завтрашний день — за ними. Это очевидно. Для всех. Кроме тех властных структур, для которых привычен ли, выгоден, идеологически близок именно колхоз. А крестьянин-хозяин если не «агент капитализма», то — бельмо на глазу, нелюбимый пасынок, хотя уже взрослый и во многом кормилец. Словом, чужак.

Пора трезво оценить итоги прошедшего десятилетия. «Судите по делам его»...

Не краснобайство, не болтовня с трибун и телеэкранов сделали известными на всю область Парчака и Петрова, Белоштанова и Мельникова, Кузнецова и Штепо. Не былинные, а земные богатыри. Руководители колхозов, кооперативов, фермеры. Всех вместе, их уже полтысячи. Разве мало? За десять лет они прошли огонь и воду новой экономики.

Вот она, на мой взгляд, единственная надежная опора, на которой стоит нынешнее и строится завтрашнее сельскохо-

зяйственное производство области. Все действия областных, районных властей, управленцев и специалистов, все новые методы, все проверенные временем экономические инструменты («Продовольственный фонд», «Лизинг», «Кредитование ГСМ», РАО и т. д.) должны работать не на всех, а на Олейникова, Колесниченко, Крючкова, Вьюнникова, Егорова, Гришиных, Фроловых, СПК «Морозовка», на коллективные хозяйства Телитченко, Яменскова, Белоштанова — словом, на тех, кто умеет и хочет работать. Их уже много.

Старым песням: «Когда повернутся...» да «Когда оглянутся...» — должен прийти конец. На колу мочало нельзя жевать долго. Можно и помереть. Мочало, оно и есть мочало. Из него лишь лапти плести.

ОСТАВЛЕННЫЕ ХУТОРА

Весной, словно перелетную птицу, тянет меня из городского жилья в родное гнездовье, на Дон. Прошлая зима кончилась рано: в середине февраля сошел снег. Чего ждать, в календарь заглядывая: пора — не пора? «Не для меня придет весна, и Дон широко разольется...» — пусть по тюрьмам поют, а мы, слава богу, казаки вольные.

Поехали. Наскучав за зиму по земле и людям, ездил и ездил: Ярки-Рубежные, Бузиновка и, конечно, к Виктору Ивановичу Штепо, в Береславку, близкие Ильевка да Мариновка, а потом — Задонье. Станица Пятиизбянская с просторной округой: хутора Светлый Лог да Гремячий Лог, Липов Лог, Ложки, Кумовский, могучие, а местами глухие, Грушевая да Петипская балки. Станица Голубинская. Старинные казацьки Голубые городки с хуторами и вовсе — край немереный: Большая Голубая да Малая Голубая, Большой Набатов да Малый Набатов.

На исходе второй недели оказался я в Большом Набатове, довольно далеко от районного центра, отрезанный от него бездорожьем и распутицей.

Пора было прибиваться к дому. Но как выбраться? Моя многострадальная «Нива» сломалась неделю назад. Сюда я добрался попутно и нелегко. А вот выбраться... Земля обтая-

ла, раскисла, чуть не каждый день шел дождь. На хуторе двадцать шесть дворов, три «Нивы» и уазик. Но ехать сейчас на них — лишь машину губить. «Подожди, может, обвенется, день-другой...» Но этого «обвенется» можно долго ждать.

Прошел день, другой, третий... На хуторе я все новости собрал. На речке Голубой порыбачил, окуней дергая возле Львовичевой горы да на Устье и в Затоне ловя красноперку с плотвой. Дважды успел на непрочном льду провалиться и как следует накупаться. «Кулугуром стал, — смеялся мой хуторской приятель. — Мы ведь все старoverы. В Голубой крещенные». Сходил на оставленные людьми хутора: Евлампиевский да Картули. Дон вскрывался, очищаясь без ледохода: ширились и сливались промоины, майны, закраины. Того и гляди, придет верховая полая вода. Пора было уходить. И я, оставив лишние вещи, ушел налегке, пешком.

День разгулялся солнечный, ветреный, хотя обещало радио ненастную погоду и дождь.

От хутора Большой Набатов, что прячется в укрые холмов, от воды отступив, путь мой — берегом. Слева Дон плещет волною, шуршит сизыми льдинами, справа — высоченные кручи холмов. Узкая полоса меловой гальки, белого обмытого плавника. Солнце, вода и ветер.

Когда по Дону «скачешь» на моторной лодке, «бежишь» на теплоходе, окрестные холмы, балки, берег луговой с густым займищным лесом медленно, но все же плывут и плывут мимо, быстро уходя.

В походе пешем иное. Белая гора, балка Узкая, Красный створ, балка Трофеи, Желтый мыс... Глянешь — все будто недалеко. Но шаг за шагом идешь и идешь, а Белая гора, крутой обрыв ее, тянется и тянется.

Большая у нас земля, просторная.

Над Доном шел я до хутора Малооголубинского, после него в гору поднялся и там, спрямляя путь, пробирался к Городищу, к станице; добрел туда уже в сумерках. На пути ни единой живой души не встретил.

Степь да степь. Давно не паханные поля. Балки, заросшие шиповником, терном, бояркой. Ветер в сухих травах. Близкая река, дух ее. Высокое небо. Редкий коршун. Безлюдье на многие десятки верст.

В одиноком пути хорошо думается. Уехав из города, две недели провел я в дороге.

И теперь вспоминались дни прошедшие: дороги, хутора, люди.

Но порою словно обжигало глухое безлюдье. Над головой изредка хоть ворона хрипло, но каркнет, косо, под ветром, пробираясь в холодном небе; на воде — сизые льдины; на земле — лишь ветер шарит в сухой траве. Шагаю час, и другой, и третий. Порою встану, гляжу. Но сколь ни озирай, от близкого придорожья до самого горизонта — степь да степь, холмы, падины, балки. И немое безлюдье. Ни гурта скотины, ни овечьей отары, ни черных пашен, ни зеленых озимей. Нет даже следа людского, тележного, машинного ли. Лишь волчий, четкий, порою наискось пересечет дорогу. Им тоже несладко: ни падали, ни животины.

Да и кому тут ходить ли, ездить, скотину водить, землю пахать?..

Хутор Большой Набатов, от которого держу я путь, и ныне лежит просторно. Еще в далекие годы протянулся и раскрылатился он от донского берега, от лесистого займища до заливного луга и Лысого бугра, таким и остался, в прежних размерах. Просторная долина справа и слева прикрыта от ветров Белой горой, Львовичевой, Прощальным курганом, Маяком, Белобочкой. Место для жилья укромное и приятное. Земли — много, рядом — вода и лес.

Когда-то в Большом Набатове был колхоз, потом, при всеобщей «объединилровке», — отделение совхоза «Голубинский» с пашнями, бахчами, попасами, сенными угодьями, тракторной бригадой, огромным животноводческим комплексом; теперь же — просто глухое селенье, вымирающий хутор.

Остался он вроде в прежних размерах, но умирают и уходят с хутора люди; одни дома разбираются и увозятся, другие ветшают и рушатся, валится городьба, за ней — базы, сараи, разрезая былую тесноту дворов. Соседства давно уже нет. Дома и поместья стоят вольно, будто чураясь друг друга; меж ними — пустоши, руины, заросли дурной травы или задичавшего сада.

Всякий раз по приезде поднимаюсь я на Белую гору, которая прикрывает хутор от ветра, к Дону обрываясь отвесной

кручею. Оттуда, словно с высоты горней, далеко видать: речные воды, придонские займища, просторная долина и, конечно, хутор как на ладони. Все дома и подворья — вот они.

Нынче на хуторе жительствоуют двадцать шесть семей ли, хозяйств. Совсем рядом, под горою, просторное подворье, на котором стоит дом и жалкие остатки сараев, базов, катухов. А ведь это подворье знало иные времена. Когда-то жил здесь Павел Алексеевич Соболев. Имел он кроме огорода хороший сад с виноградником. Конечно же, корова с приплодом, куры да утки, пара свиней, овечки — все как положено, чтобы прокормиться с семьей, не надеясь на скупые колхозные трудодни. Для заработка, для денег он держал сто пуховых донских коз, каждая из которых давала 400—500 граммов пуха, килограмм которого стоил от ста до двухсот рублей. Получалось примерно 5—6 тысяч рублей, то есть тогдашняя цена легкового автомобиля. Позднее Соболевы переселились в райцентр. Никто из них на хуторе не остался.

На самом краю хутора стоит деревянный флигель, окна-двери в нем целы, но забора нет. Подворье — заброшенное и разбитое. На нем просторная, когда-то жилая, летняя кухня, сложенная из дикого камня и глины, погреб с широкой каменной лестницей, хоть на тройке въезжай, дубовый накат. Базы́, сараи — все это нынче разбито, разрушено, заросло бурьяном. Это поместье Трофила Аникеевича Жармелова, а потом — его сына Филиппа Трофиловича. Всегда у них было две-три коровы, лошади, козы, овцы, сад, огород — словом, дом полная чаша. Трофил Аникеевич здесь умер и похоронен. Сын со своими детьми переехал в Волгоград.

Рядом когда-то жил не тужил Василий Васильевич Марченко, по прозвищу Дадека. Его сад и огород славились на всю округу. Василий Васильевич имел мотоцикл и возил на продажу в Голубинскую станицу груши, виноград, картошку, чеснок. На его подворье все строения были крыты шифером. Держал скотину и птицу. Жил хорошо. Со всей семьей переехал на жительство в райцентр.

Дальше дом знаменитого Дорофеича, у которого в 1991 году на сберкнижке пропало 50 тысяч рублей. Пять «Жигулей» по тем ценам. Калинин Василий Дорофеевич

с семьей кроме коров, свиней, птицы и прочего держал пятнадцать пуховых козлов. Тоже свой расчет. Не было у него охоты возиться с матками и малыми козлятами. А хороший козел дает полтора-два килограмма пуха. Занимался Дорофейч и рыбой, благо Дон под боком, и, конечно, сад был с огородом. Свою артезианскую скважину пробурил, что для хутора редкость. Сначала он детей отправил на жительство в Волгоград, а теперь и сам уехал.

Через прогон жила бабка Евлаша. Маленький флигелек, но огород просторный. Забрали ее с хутора в девяносто лет. И до последнего года столько родилось у нее картошки, свеклы, тыкв, что не в силах была собрать. «Помогите тыквы свезть... Помогите картошку свезть...» Она и продавала, и раздавала выращенное, и, конечно, самой хватало.

Василий Макарович Калинин с женой Степанидой Артемоновной картошку телегами продавали. Огромное у них было поместье, своя вода. Они сначала дочь устроили в Волгограде, потом сами переехали в райцентр, в Калач.

Самуил Иванович Спиридонов, Савва Никифорович Пристансков, Василий Андреевич Вьючнов, немец Геккель... У всех были домишки не больно видные, но просторные подворья, огороды, сады, скотина, птица. Василий Андреевич на хуторе умер, остальные уехали.

У старого Кравченко, который теперь в райцентре, а усадьба его осталась, разваливается... Так вот, у старого Кравченко коз было за сотню, гусей, индюков — полторы сотни, кур — не считано, коровы, овцы. Он одного козьего пуха каждый год продавал на легковую машину.

Это, как говорится, былье: Жармелов, Спиридонов, Пристансков... Умерли и ушли, уже не вернуть их. А вместе с ними не вернуть былых колхозных времен: колхоз имени Буденного, совхоз «Голубинский» — еще и потому, что Савва Никифорович да Самуил Иванович, Трофил Аникеевич да Филипп Трофилович, Василий Васильевич да Евлаша, Дорофейч, Кравченко, Вьючнов и даже одорукий Евсеев, у которого огород был аж до Лысого бугра, — потому что все они, вместе с женами, детьми, стариками родителями, были великими, неутомимыми тружениками не только на своем подворье, но и на колхозных полях и фермах.

Все это было. А что же осталось в году 2002-м? Подворье Жармеловых заброшено и разбито. Недолго здесь пожил молодой Чоков с женой. У них ни скотины, ни огорода не было. Разошлись, уехали. Окна-двери выбиты. Все заросло бурьяном.

В доме Соболева до последнего лета жила Наталья Чокова с мужем. Огорода и хозяйства они не имели, как и брат ее, сидели на шее отца-тракториста. Теперь они дом бросили, перешли в другой, получше. Добро, что выбор есть. Один лишь случай: Натальина свекровь, которая в райцентре живет, дала денег, чтобы купили корову. (Как без коровы на хуторе!) На эти деньги Наталья с мужем купили старую легковую машину, которая проехала по хутору лишь однажды, до горы, и там заглохла; притянули ее на буксире во двор, здесь ржавеет.

В доме Дорофеича, после ухода хозяина, поселилась молодая пара. Прожили они год ли, два, живности и огорода не имели. Теперь — разошлись, уехали. В доме выбиты окна и двери.

На подворье В. В. Марченко жила Наталья Дворецкая, развеселая бабенка. Конечно, ни о каком хозяйстве у нее и мысли не было. Сумела даже шифер с крыши пропить. Хутор она не покинула и сейчас, просто перешла в другой дом, который целее.

Флигелек бабки Евлаши купили приезжие люди, беженцы. Они даже забор, которым подворье было обнесено, сожгли. А что до огорода... Говорят, что «земля плохая». А у бабки Евлаши, даже в девяносто лет, была хорошая земля.

В доме Василия да Степаниды Калинкиных вперемешку кто-то живет, но никаких огородов и картофельников и в помине нет.

У Геккеля на усадьбе — бурьян, хотя там жили до прошлого лета молодые, Сергей Стишенков да Наталья.

У Вьючнова покойного в доме непонятно кто поселился: то они есть, то их нет. Но везде — бурьян, а ведь сад был — просто рай земной. Войдешь — душа радуется. Хозяина нет, заборов нет, все скотина погрызла и вытоптала.

Нынешней весной подсчитали мы, что в Большом Набатове двадцать шесть дворов ли, хозяев. Для дальнего хутора вроде немало. Но что это за дворы...

Дед Федор, Наталья Дворецкая, Сашка Марадона, Савушка, Федя-суслик, тетка Ксения, чеченка Полина, Нюся-татарка — все они люди немолодые, живущие одиноко и кое-как, на невеликую пенсию. Здесь, на хуторе, им горевать до смерти. Бывший бригадир Гаврилов с женою, Павло Попов, Александр Адининцев с женой Катериной, вдовая Паня Стишенкова, Эдвард Панкратьевич с женой Машей — тоже люди пенсионного возраста, но иного склада; у них пока силы есть, и они держат понемногу коров, мясной скот, овец, коз, кур да уток, сады, огороды. Но все это в невеликих размерах, лишь для себя и родных, в прибавку к пенсии. Это народ — серьезный. Почти все они вот-вот с хутора уедут; жилье в районном центре и в областном у каждого из них есть. Эти люди пока еще держатся на хуторе по привычке, по сердечной привязанности, но их поджимают годы, болезни, житейские неудобства, которых на селе с каждым годом все больше: давно закрыт магазин, хлеб привозят лишь в летнее время, и то раз в неделю, больница и врачи далеко, тем более что дорога грунтовая, плохая: ее обрезают и дождик, и снег. Пока писались эти строки, уехала в райцентр Паня Стишенкова. У нее был хороший огород, куры, две дойные коровы, два быка; умела она и рыбу ловить получше мужиков; в этом году скупали по весне какие-то заезжие живых сусликов, змей, черепах, так Паня сразу же приловчилась и на две тысячи рублей этой живности поймала и сдала. Словом, на все руки. Нынче она уже зимует в райцентре. И Шура Попова в райцентре, Павел один мыкается. Гаврилова жена говорит: «Уедем». Панкратыч все лето ездил, искал дом в Калаче, чтобы возле Дона, он — рыбак. Катерина Адининцева мужику своему сказала: «В зиму уеду в город. А ты как хочешь...» Еще одну Катерину, но Адининцеву, родную тетку Александра, осенью перевез в город сын Петро.

Юрий Стариков — хуторской рожак, ему сорок пять лет, он жил и работал в городе; там — квартира, там дочка в школе учится. Теперь — здесь. На подворье у Юрия — коровы, мясной скот, лошади, свой трактор. Летом Юрий на хуторе живет, почти безвыездно, вместе с женой и дочерью. Зимой — враскорячку: город, хутор. В его отсутствие

за хозяйством присматривает сосед и родственник Михаил Стариков, вдовец, возраста пенсионного.

Еще один бывший городской, вернее, райцентровский житель — Виктор Кравченко. Тоже здешний рожак. На хутор вернулся в новые времена, потеряв в райцентре работу. Ему — под пятьдесят. Силы много, умения — не занимать. И начал он хорошо: поставил подворье, скотьи сарай, базы, огород завел, сад — все как положено. Есть у него трактор, косилка, машина, две артезианские скважины пробурил. Были и есть: коровы, мясной скот, свиньи, гуси, куры. Но... на хуторе ему не жить. Жена окончательно постановила: буду жить в райцентре — и устроилась там на работу, сыновья ее поддержали. Значит, и Виктор с хутора уйдет.

Семейство Шахмановых. Эти никуда не уйдут. Когда-то приехали они на хутор переселенцами, вроде из России: старый Шахман с женою и два сына. Сейчас их тридцать душ. Лишь у Юрия десять детей. Из этого немалого семейства только один человек работает трактористом на соседнем хуторе, летом всякий день туда ездит. На тридцать едоков лишь две или три головы скотины, причем у старых Шахмановых, а не у молодых. Огорода, сада нет ни у кого. И не было. Но от голода никто не помер. Растут, женятся, плодятся, заселяя брошенные дома, каждый из которых становится точь-в-точь как родительский: пустой двор, пустой баз, поваленный забор, который зимой в печку уйдет, у порога — лужа помоев, немытые окна без занавесок. Чем живет эта великая орда? Не один раз попадались они на краже скота (прежде — колхозного, нынче — частного). Но если старый Шахман за такие дела даже тюремный срок отбывал, то нынче за это толком и не судят. Кто-то из Шахмановых и нынче с «подпиской о невыезде» за краденый скот. (А они и не собираются «выезжать». Их колом не выгонишь.) Пропадают на хуторе куры, утки, гуси, какие-то вещи со двора, из домов. Порою Шахмановых ловят, даже протокол участковый составит. Но проку... Шахмановы живут и множатся, именно они — сегодняшний день и не больно надежное будущее хутора Большой Набатов.

Все остальное: одинокие старики, да бедолажная голь и пьянь, да еще — Юрий Стариков, живущий враскорячку между хутором и городом.

Другое будущее — чеченцы. Их три семьи. У каждой — гурт скота в полсотни голов и более, пуховые козы, обычно — под сотню. Прежде, при колхозах, чеченцы своего сена не заготовливали, пользуясь колхозным. Теперь у каждой семьи — колесный трактор. Они, как и прежде, стараются пасти скотину круглый год, добро что зимы у нас малоснежные. Но учены уже горьким опытом. В прошлом году у Алика, того, что живет за речкой, от бескормицы, когда снег все завалил, погибло десятка два голов. Нынче он сена поставил три скирда. Научились чеченцы доить коров, делать творог, сметану, масло, домашний сыр. Еще десять лет назад в Калаче на базаре, в молочном ряду, про чеченок и не слышали. Теперь их — больше, чем русских. Жизнь научила.

Даже не три, а уже четыре чеченских семьи. Вспомнил, что нынешним летом Алик из Малого Набатова, за речкой, забрал у Сашки Марадоны дом и отделил женатого сына.

Так что хутор Большой Набатов становится аулом, а вся округа уже — не Тихий Дон, а вольный Кавказ со своими обычаями и законами. Конечно же — РФ, но вряд ли Россия.

В Москве, в Историческом музее, бродя по залам его, увидел я старинную карту России, начала XVIII века. На ней — нечаянная радость! — отыскал родные места: вот он, «калач», поворот Дона, на котором живу. «Калачинская пристань на калаче Дона», — объясняет В. Даль. А вот и места задонские — синие жилочки-речки: «Больша Голуба», «Мала Голуба»; и нынешняя станица Голубинская — «Городки Голубы». О чем карта умолчала, подскажет память: вот здесь, в истоке речки, хутор Большая Голубая, рядом — Тепленький, по речке же, вниз по течению, Горюшкины хутора или Евлампиевский, садами, левадами, казачьими куренями они почти смыкаются, влево по приходу — Сухая Голубая, ниже на самом устье — Большой да Малый Набатов, вверх по Дону — Картули, Лучка, Екимовский. А вот здесь — Липологовский хутор, через перевал — Зоричев, за ним — Осиновский, потом Осинологовский...

Старинные же записи путешествующего европейца: «Здесь казаки живут богато. Имеют много скота, табуны лошадей...»

Вернувшись домой, не сразу, но собрался я в Большую Голубую. Поутру заехал в районную администрацию, застав всех начальников на планерке. Спросил громко: «Кто в Большой Голубой был в нынешнем году, в прошлом или когда-нибудь?...» Переглядывались, пожимали плечами. Ну ладно... Глава администрации района недавно избран... Заместителю по экономике вроде там делать нечего... Заместителю по строительству тоже нечего строить... Здравоохранение? Фельдшерский пункт давно закрыт. Образование?... Забыли про школу. Заместителя по сельскому хозяйству спрашиваю: «Но ты-то хоть когда-нибудь был?» — «Чего там делать?» — слышу в ответ.

Федор Иванович Акимов, долгие годы проживший на хуторе Большая Голубая, говорил в те времена: «Мы в нашей глухомани помрем все — и никто не узнает». Но тогда еще в силе был совхоз «Голубинский», на хуторе были школа, медпункт, магазин, клуб и работа в поле, на фермах — не такая уж глухомань. А вот теперь...

Я и собрался к Федору Ивановичу; он хоть и живет в райцентре, но в тамошней округе сено косит. «Где-то в Голенской балке, — сказала его жена. — У Любани на хуторе спросите, она знает». — «Какая Любаня? Фамилия-то есть?» — «Какая там фамилия. Любаня, да и всё».

Но до Любани еще доберись.

Опытный шофер и охотник Петрович объяснил, как говорится, на пальцах: «По шляху идешь, ты же знаешь, слева у тебя — Осиновка, первые столбы, бывший полевой стан слева, Белый родник, Пономаревы поля, потом свернул, там балка глубокая, с родником... Ну, едешь... Влево не бери... А то уедешь... Потом — дубнячок в балке... Потом — первая дорога, это где вторые столбы... Но по ней не ездят, надо подальше взять... Я и сам там не был сто лет...»

Словом, объяснил.

Ладно, поехали... Время — летнее, август. С мая месяца — ни одного дождя. Так что застрять трудно.

Асфальта двадцать верст, потом — Гетманский ли, Клетский шлях, который когда-то действительно был «шляхом», ныне — обычный заброшенный проселок.

Десять, и двадцать, и тридцать, и более километров. Ни машины, ни живой души... Лишь небо, да облака, да дикое поле, забывшее про людской голос и скотий мык. Это — нынешнее Задонье.

До поворота к Осиновскому хутору я еще как-то соображал, где и как еду. А потом — лишь дорога, развилки ее да объезды. Вроде — туда, а может, и вовсе не туда. Но выбрался, вовремя повернул и, отмахав шестьдесят верст, стал спускаться в просторную долину речки Большая Голубая.

Белью сияющие обрывы меловых холмов, меж ними — глубокий Гайдин провал, Каменный провал, ниже — Церковный да Чернозубов; над речкой, охраняя воды ее, свежая зелень тополей да верб. Просторная земля и — безлюдье.

В 1994 году еще надежда была, что хутор уцелеет: в подмогу местным жителям приехали двадцать семей беженцев, переселенцев из Киргизии. Им обещали работу и нормальную жизнь.

Год 2002-й. Спускаюсь к приметному кладбищу. Ищу глазами людское жилье. Один домик, другой, третий... Кладбище большое, а хутора, считай, нет. Остановился у неказистого подворья: дом, скотий баз, две собаки лают.

Просторная долина, речка, зелень прибрежной уремы: старые вербы, тополя; просторное кладбище...

Два порядка домов — улица, когда-то совхозом построенная. Была улица, были дома... Теперь — коробки с пустыми глазницами да руины. На одной стороне, в самом конце, живет В. С. Косоголов, на другой стороне — В. Дьяченко, последний из двадцати семей киргизских беженцев. Поодаль, за речкой, — домишко Н. В. Крачковского, недавно к нему перебралась на житье Н. И. Горелова, ее домик вовсе на отшибе. Ну и, конечно, Любана Цыганкова ли, Рожнова, у подворья которой остановил я машину. Вот и весь народ «голубской», весь хутор Большая Голубая, в котором когда-то было более двухсот дворов. Во времена вовсе старинные — пять водяных мельниц. В близкие, колхозно-совхозные, — шесть тысяч гектаров пашни, более одиннадцати

тысяч овец, молочный гурт, до пяти гуртов мясного скота, косяк лошадей буденновской породы.

Из века в век здесь жили люди. Одного из них в Калаче, на рыбалке, порой встречаю: зимой — на льду, летом — в затоне, с удочкой.

Александр Рубцов — мой ровесник, может, чуть посверстнее, за шестьдесят, но крепок еще: телом плотен, кубоват, морщинист. Он — коренной «голубской» (в отличие от «голубинских», какие родом из Голубинской станицы); тридцать семь лет прожил он в Большой Голубой и потому говорить о ней спокойно не может.

— Какой хуторина был — цены не установишь! — жить да жить... Охота какая. По пороше любил на зайца. Как пороша: иду, двух-трех обязательно. А речка... Какие там заводи... Какая рыба... Язи, голавли, щуки. Зимой и летом ловил. А красноперка, серушка... Слаже ее нет. В русской печи запаришь... Господи... — вздыхает он и причмокивает, вспоминая далекое, с того края жизни. — К жинкиному деду на гости ездил, он — с верхов, с Подпешинского, тоже — рыбак, дал мне вентерь. Я его поставил, на другой день прихожу — и поднять не могу. Веришь, три линия по три килограмма с лишком — каждый. Я таких сроду не видал... А какие там попасы, какие травы! На Теплом, на Крутоярщине — там раньше не пахали. Там скотину водили, лошадей. Круглый год паси. И мельницы там были. И все было. Для жизни, для работы. Да сплыло... Раз в год наезжаю, на Троицу, могилки проведываю. Лишь — покойнички, а живых — никого. Последний наш, голубской, Сметанкин Николай Пантелеевич к сыну ушел в Малую Голубую доживать, но помер враз. От родной земли, как от титьки... Какой хуторина был...

Еще один коренной голубской — Федор Иванович Акимов, бывший тамошний агроном, крепкий казачина, ныне житель райцентровский. Соседям своим, какие каждый год ездят на заработки в края северные, внушает и внушает:

— Зачем он нужен, ваш север? Поехали в Большую Голубую. Будем водить скотину, лошадей. Там такие попасы, зимой из-под копыта скотина будет кормиться! Можно заработать больше, чем на вашем севере! И здоровью полезней.

Федор Иванович не только агроном, он водит любую машину, на тракторе пашет, сеет, косит и охотник — редкостный: на птицу, на зверя, из засады, с облавы, на лошади, гоном лису, волка. Федор Иванович еще в детстве, по несчастному случаю, потерял левую руку. Но и с одной рукой он стоит пятерых рукастых.

Большая Голубая — его родина. Там он жил, работал, женился, сыновей народил. Но ушел. Теперь бывает лишь случаем да летом косит там сено для своей скотины и на продажу, для заработка. И так же, как Рубцов, горюет: «Какой хуторина... Жить да жить...»

И нынче горюют, но ушли.

А. Рубцов:

— Ушел я с хутора при Ускове, неплохой был председатель, до него сменилось одиннадцать. У меня сынок четыре класса кончил здесь, на Большой Голубой, отправили его на центральную усадьбу в интернат, за сорок один километр. Учится, живет там, на выходной — привозят. Встренешь его да проводишь, а душа болит. Как-то приезжаю на центральную, а мне говорят: «Твой сынок к технике прислоняется, он не в школе, а в мастерских торчит». Я все понял и решил: надо уезжать, иначе — загублю детей. Написал заявление, а председатель не хочет подписывать. Я ведь и на тракторе работал, и на комбайне, и на машине. Квартиру мне сулит на центральной усадьбе. А я сказал: «Нет. Если уж со своего хутора уйду, то центральная мне не нужна». Ушел в Калач. И правильно сделал. Сынок в люди вышел, офицер. И дочка выучилась, неплохо живет. А я и ныне горюю по хутору. Но годы уже не те. Да и хутора нет. Лишь могилки. А какой хуторина...

Федор Акимов толкует о том же:

— Вроде и глухомань, и от властей далеко, а жить не давали. Там — не коси, там — не бери. Откуда зерно взял? Откуда сено? Помню, это был семьдесят девятый ли, восьмидесятый год. Вызывают меня в милицию, аж в райцентр. Немедленно явиться. Приказывают. Как сейчас помню, женщина, при погонах, фамилия у нее... Помню, но господь с ней. У тебя, говорит, превышение по скотине. К такому-то числу ликвидируй и приведи поголовье к норме. Я кручусь,

как ужака: виль да виль, мол, жена, двое детей, тетка престарелая, а я — инвалид, сами видите. Она толочит свое: «Приведи поголовье к норме». Держал я трех ли, четырех коровенок, конечно, был и гуляк, коз под сотню, конь. Была возможность. Попасы — вольные. Сено косили. Почему не держать? Для жизни. А она свое: «Давай подпись. К такому-то числу ликвидируй, приведи к норме. Иначе будем привлекать». — «Среди белого лета как я буду ее ликвидировать? Резать и под яр кидать?» — и теперь, через столько лет, с горечью спрашивает Федор Иванович.

И это ведь не тридцать седьмой год, не пятидесятый, это — рядом.

Юрий Васильевич Кравченко с Большого Набатова, нынче — житель районного центра:

— К нам как-то косвенно власти относились. Мы сколько раз просили: «Разрешите нам лошадку держать». С лошадкой такая легость. С ней и огород вспашешь, и картошку под плужок — сподручно, чего привезть, отвезть по хозяйству, в станицу съездить. Просили слезно: «Разрешите лошадку держать». Ни в какую! Ответ один: «Лошади — только для кочевых народов. Вы — не кочевые». А получилось — кочевые, — вздыхает Юрий Васильевич. — С хутора все откочевали.

Откочевали... Рубцовы, Акимовы, Сметанкины, Цыганковы... В Калач, в Голубинскую, в Волгоград и далее.

Им на смену привозили переселенцев из Тульской области, с закрываемых шахт, из Чувашии, из Мордовии, где жилось хуже. Косоруковы, Шахмановы, Стариковы, Крачковские... А уже в девяностых годах приехали те самые русские люди из Киргизии, двадцать семей, которым здесь обещали работу, жилье, спокойную жизнь. А еще — асфальтовую дорогу и даже плавательный бассейн. Могучая была организация «Сельхозводстрой», задумавшая создать в Большой Голубой агрофирму с «производством и переработкой продукции». Но гладко было на бумаге... тем более что пришли новые времена, которые доконали хутор.

Здесьний старожил — Любаня: новоиспеченный пенсионер Любовь Васильевна Рожнова родилась в Большой Голубой, безвыездно живет здесь.

Возле ее поместья остановил я машину: неказистый домишко, сарайчики, скотий баз, лепленный из всякой всячины. Собаки лают, а вот и сама хозяйка, впрягшись в тележку, тянет какой-то хлам к своему гнезду. Рядом брошенные, разбитые дома, подворья. Чем-то, но можно пожить: старая доска, моток проволоки, железяка — все в дело пойдет.

Любаня встречает нежданного гостя радушно, предлагая чаю попить. Крепкая еще казачка: говорливая, улыбчивая, румянец на щеках, правда, зубов почти не осталось.

— Про хлеб мы и не поминаем. Джуреки печем. Муки привезем... Это уж сколько лет-годов. Волки нас одолели... Спасу от них нет. На той неделе прямо возле двора, еще светло было. Пришел, зарезал козу. Собаки лают, я шумлю, палкой на него: «Кыш-кыш». А он и не глядит... Пока не нажрался.

Про двуногих «волков» рассказывает Любаня с горечью, со слезой, потому что это для нее — жизни крушение. Хутору пришел конец. Как доживать старому человеку? Любаня, надеясь лишь на себя, довела свое стадо до восьми голов крупного скота. Каких это трудов стоило!.. Бабьи руки. Но как еще денег заработать, чтобы хатку купить в станице. Вырастила. Уже хотела продать. Но ее опередили: угнали, украли весь скот. «Волков» нашли. Они из соседних уже не хуторов, но аулов. А оттуда, по кавказским обычаям, выдачи нет. И никакие суды не помогут. Вот и рухнуло все. Теперь здесь придется доживать, сколько бог даст. Тянет всякий хлам с пепелищ. Авось пригодится.

На другом конце хутора подворье Валентина Степановича Косогорова: домик, огород, корова. Невеликая пенсия и никаких надежд. Уехать некуда и не на что. Потому он не больно разговорчив: курит, ругает власти, машет рукой.

Поодаль, за речкой, стоит домишко Николая Крачковского. Он был механизатором, даже техникум кончал. Пятьдесят лет. В кармане — пусто. Податься некуда. Перешла к нему в дом шестидесятилетняя Надежда Горелова, она совсем на отлете жила. Теперь бедуют вдвоем.

Вот и все жители еще недавно людного хутора — Большая Голубая.

Есть еще семья Дьяченко, единственная из киргизских переселенцев. Но они нынешним летом купили дом в райцентре. Переедут туда.

А еще — чеченцы. Хамзат Брачешвили уже лет двадцать живет здесь. Руслан Дадаев в этой округе родился, вырос. Он был последним управляющим от «Сельхозводстроя» на Большой Голубой. Работал недолго, но когда все кончилось, то остатки немалого имущества — техника, помещения, скот — оказались в его личном владении. Видимо, выкупил. И сказал: «Здесь теперь все мое, даже любой ржавый гвоздь».

Часть животноводческих ферм Дадаев разобрал и увез в станицу. Там он достраивает дом. На Большой Голубой у него гурт крупного рогатого скота: триста ли, пятьсот голов... Кто их считал? Работников откуда-то привез, две семьи. Бедолажные, нерусские, вроде из Дагестана.

Вот и вся жизнь Большой Голубой. Чтобы купить муки, крупы, других харчей, надо нанимать машину и ехать в станицу за пятьдесят километров. Машина у Дьяченко, пока не уехали. 300—400 рублей отдай. А какого-либо попутного транспорта нет. Сюда редко кто забирается. И зачем? Электричества на хуторе порой не бывает месяцами. В этом году целую линию столбов спилили и увезли хозяйственные люди. Правда, их отыскивали, потому что они не больно и прятались. Связи телефонной зачастую нет. У Любани в прошлом году умер кто-то из родных в Волгограде. Телеграмма шла долго. Любаня, слава богу, успела на девятый день. А вот из Германии родственники успели с покойным проститься. (От Волгограда до Большой Голубой — сто пятьдесят километров, до Берлина — наверное, три тысячи.)

Такая вот жизнь на хуторе, где еще недавно хлеб растили, пасли и стригли овец, доили коров. Разводили мясной скот, лошадей. Работали, жили. Так было в XVII веке, в XVIII, в XIX и в XX веке.

Теперь XXI век. Любаня Рожнова — на пенсию пошла. Косогоров, Горелова — тоже пенсионеры. Крачковский работал у Дадаева, тот платил скудно. Курева привезет, муки. Потом скажет: «Ты все забрал. Я тебе не должен». Сейчас, в августе, Крачковский работает у Федора Ивановича

Акимова, косит сено. Но это — ненадолго. А дальше? До пенсии — далеко. До станицы Голубинской — полсотни верст. Но там и своих лишних рук много. В райцентре — та же песня. Да и куда поедешь. Здесь хоть крыша над головой.

Походил-побродил я по хуторским пепелищам. Тишина и покой. С пустыми оконными проемами — клуб, но крыша и стены целы. Бывшие медпункт и школа заперты на замок и, слава богу, не тронуты. Но кому нужны?

Двинулся я в путь. «Ферму проедешь и на правую руку, после балочки, — объясняла мне дорогу Любаня, — по-над посадкой, тама сколько лет-годов трактора ездили. По следу, по следу на правую руку, и тама — Голенская, Федора найдешь, перекажи, мол, Любаня велела...»

Сколько ежжу, всем объяснениям: «Тама балочка... И на правую руку...» — им одна цена. Тем более что тракторные следы давно заросли, а иных нет.

Ехал я, ехал, пока не понял, что заблудился. Оставил машину и стал подниматься на курган, чтобы оглядеться и, может быть, услышать голос трактора, которым косят траву. Но степные курганы сторожат безмолвие. Шелест травы под ногами, посвист ветра, стрекотанье кузнечиков. И огромный простор земли, который неволею завораживает. Стоишь и глядишь. Стоишь и чуешь, как душа твоя принимает этот простор и становится частью его. Ничего уже не надо, все есть: небо, земля, ветер, горчица и сладость уже переспевшей травы, негромкий посвист степной вольной птицы.

В этот летний день, порядком по степи поблуквав, я все же отыскал приют Федора Акимова, в тени дубков, на взгорье, возле бывшего хутора Теплый. Обычное становье: стол, скамейки — под легким навесом; шалаш из тюкового сена, степного сенца, до одури пахучего; тут же — наковаленка, молот, куча «сегментов» травокоски.

Случайно наткнулся я и на полевой стан Пушкиных — считай, единственных землепашцев в этих просторных краях. Отец и четыре сына. Сергей Сергеевич возился возле трактора. Вид у него не больно богатырский: небольшого росточка, худощавый, носатый. Тоже из Киргизии переселенцы. Прежде глава семейства, как говорит он, на тракторе и пассажиром не ездил. Теперь вот почти десять лет кре-

стьянствуют: пашут, скотину держат, своя маслобойка, рушилка для проса, тракторы, автомобили, производственные помещения. Конечно, это еще — не настоящие крестьяне; но энергии и сметки хоть отбавляй. На них и держатся, слава богу. Землю Пушкины брали сначала возле станицы Голубинской, где живут, потом — у Евлампиевского хутора, теперь перебрались сюда — на Крутоярщину, в далекий от дома край. Ищут где лучше, добро что свободной земли нынче вволю. Но в конце концов когда-нибудь поймут, что в Задонье много веков и до них жили люди и кормились они, а порой богатели мясным животноводством. Это понимание у Пушкиных еще впереди; может быть, старшему сыну — тоже Сергею Сергеевичу, окончившему сельхозинститут и аспирантуру, наука и опыт чужой будут в помощь.

А пока слава богу, что Пушкины живы, здоровы, работают. Потому что в этой округе в девяностых годах прошлого века было много желающих «фермерствовать»: пахать ли, сеять, коней разводить. Где они нынче: Караваев, Найденнов, Рукосуев, Каледин, Бударин, Коньков, Карасевич, Камышанов, братья Пономаревы, Лысенко, Чернов, Комаров... Им счету нет. И памяти о них уже нет. А Пушкины работают. Нынче у них было хорошее просо, рожь. Сейчас сеют озимую пшеницу.

От духовитой, сеном пропахшей обители Федора Акимова пытался я спуститься вниз, в долину Большой Голубой, чтобы вдоль речки, торной дорогой, ехать на Евлампиевский. Но полевая колея понемногу стиралась, словно истаивая, и наконец вовсе исчезла, затравев возле поросшей кустарником глухой балки. Пришлось назад возвращаться.

А от стана Пушкиных провожал меня хозяин, объясняя, как удобнее проехать: «Левей и левей от посадки, там колея, только вправо не бери... Левей, и там летний лагерь был для скота, от него опять левей бери. А потом...»

Поехал. И конечно, заблудился. Потому что скотий лагерь сто лет назад был, еще при совхозе. О нем и знака теперь нет. Попал я на дорогу вовсе неезженую. Еле заметные светлые меловые колеи. А меж ними — трава выше

капота машины. Помаленьку ехал и ехал. Солнце уже клонилось к далеким холмам. Вышел я из машины.

Немереный простор открывался на многие километры. Холmlеная степь. Пологие и крутые курганы, глубокие балки, словно морщины на челе вековом; просторные долины, стекающие к живым и пересохшим речкам и далее — к Дону. На взгорьях — рыжие, выгоревшие от зноя травы, в низинах — луговая зелень, гущина кустарника, в местах укромных — купы одичавших яблонь да груш, знак бывшего жилья. Молчаливое царство земли, неба, диких трав, вечного ветра. Стоишь, о времени забыв. Да здесь и нет их, часов да минут, одна лишь вечность, которую душа не вмещает, но пьет и пьет.

Вечер. Красное большое солнце лежит на холмах. Редкие высокие облака розовеют, потом смуглеют. В долине смеркается. Под кручами и в приречной густой уреме густеют синие тени. Воздух заметно холодает, волгнет, и чувствуется острый дух скотий от далекого ли хутора, а может, просто от века прошлого. Долго здесь жили люди. Муковнин хутор, Найденов хутор... Горячев, Митькин, Таловое... Бурова да Мужичьи балки.

Начинает быстро темнеть и здесь, на холмах. Пора пробираться к ночлегу. Звезды — огни небесные — уже загораются. До огней земных еще ехать и ехать. Но дорога — вот она, у подножья кургана, так и бежит вместе с речкой, петляя, до Евлампиевки, до Набатова, к Дону.

Не люблю машин. Лишь терплю их, когда нужно ехать далеко. Завидую не «мерседесам», а крепким молодым ногам. Походы пешие — такая радость. Каждая пядь земли, дерево, куст, цветок ли, травинка не мимо проносятся, а встречают и провожают тебя. Разве не радость? А на машине пропылил, просвистел — и ничего не увидел, кроме дорожных колдобин.

В Набатове переночевав и оставив машину, поздним утром отправился я в поход пеший на Евлампиевский хутор и на Сухую Голубую, прихватив с собой для компании хозяйских собак Жульку и Тузика, которым на цепи скучно сидеть.

Поджарый Тузик по далекому родству вроде овчаристый, но статью тоньше, элегантнее, в кофейной короткой шерсти, молодой наш Тузик ветром летел впереди, обнюхи-

вая и осматривая все возможные пути следования, будто старательный охранник — «секьюрити» при высоких особах, какими являлись мы с Жулькой — кудлатой коротконогой старушкой; она тоже спешила, высунув язык. Но у нее — возраст и хвори. Выйдя за околицу, мы сразу свернули с дороги проезжей к речке. Берегом идти веселее, в тени тополей да верб, хоронясь от жаркого августовского солнца. Деревья тут старые, развесистые. Речка — обычная, степная, с глубокими омутами да заводьями. А порой с каменистыми бродами, перекатами. На первом из них, отмахав от хутора пять-шесть километров, устроили отдых, который Тузику был вовсе не нужен. Шумно воды полакав, он умчался вперед, по своим охотничьим делам. Жулька шарилась в густой сочной траве, сладко чамкала, выгрызая под корень сочный пырей; она хворает, ей надо.

По каменистой россыпи светлой водой журчала и позванивала речка; мешались на земле свет и тень от листвы и ветвей, легким ропотом отвечали высокому ветру макушки деревьев; над ними — хрустальный перезвон золотистых щуров и вовсе далекая молчаливая небесная синь. Время летнее — золотая пора.

Но расслаживаться не резон, путь наш — не близкий. Тузик уже занудился, кружится, повизгивает, торопя в дорогу.

Оставив речку и прибрежные кущи, стали мы подниматься изволоком на Евлампиевскую гору, которая надежно прикрывает хутор от суровых зимних ветров и летних суховеев. Вернее сказать, прикрывала, потому что хутор Евлампиевский остался лишь на картах. Последним его жителем, правда не коренным, был Борис Павлович Лысенко. Четыре года назад он покинул хутор. Тогда же, по осени, кто-то спалил два пустых дома, последнее жилье хутора. И теперь с высоты кургана открывается вид приглядный: речка, прибрежная зелень, сады. Но нет ни домов, ни людей. Зеленая пустыня.

«Хутора умирают, как люди, горькой болью на сердце ложась», — строчки стихов моего земляка Николая Милованова из хутора Павловский.

Людская смерть приходит по-всякому: после долгой жизни или подкосит неизлечимая болезнь. Но можно и рас-

стрелять или уморить голодом человека во цвете лет. Тоже — смерть. Ныне широко известно, что Россия потеряла в годы репрессий миллионы человеческих жизней. Сколько хуторов и сел погублено бездумно ли, злою силою уже в новейшие времена, не считал никто. Людские селенья, полные сил и жизни, расстреливали в упор.

Вот он, один из убиенных хуторов, — Евлампиевский, или Горюшкины. Поистине Горюшкины.

Это был огромный просторный хутор, на несколько километров протянувшийся вдоль речки Большая Голубая. Здесь разводили скот, сеяли хлеб, сажали бахчи, овощи. Овощная плантация была немалая, поливная, с чигирем, который приводил в движение верблюдов — редкость для здешних мест. Колхозная плантация лежала за речкой. На заливной земле, возле хутора, располагались свойские огороды. Здесь даже без полива хорошо росла картошка, морковь, свекла, другие овощи. На всю голубинскую округу славился хутор Евлампиевский своими садами. Груши, яблоки, сливы, даже виноград телегами увозили отсюда в районный центр, про окрестные хутора и станицы не говоря.

Впервые я попал на Евлампиевский в середине семидесятых годов. Это было горькое время, когда многие и многие хутора и села объявляли неперспективными, с применением мер карательных: закрытие школы, медицинского пункта; бывало, электричество обрезают, чтобы скорее понял народ: власти не шутят.

Дело было в августе. Машины я в ту пору не имел, ходил пешком. Остановился возле колодца воды попить. Старинный был колодец: с журавцом, выложен диким камнем — все по-хозяйски. У колодца — всегда народ. Разговорились. Как раз в ту пору закрыли хуторские школы. И здесь, в Евлампиевском, и по соседству, в Большом Набатове. Люди ходили как пришибленные. Помню, одна из женщин сказала, вздохнув: «Через два года нас никого здесь не будет».

Признаюсь, я не поверил. И как было поверить, когда вокруг стояли дома и дома. И не какие-нибудь мазанки да землянки, а старинной постройки казачьи курени, рубленные, из дубовых пластин, порою с каменными низами, крыши — тесовые, железные. Хутор тонул в садах, в слад-

ком запахе спеющих груш. Нарядные стояли деревья, в желтых и алых плодах.

Как тут горьким словам поверить. Они — лишь слова...

И вот год 1978-й. Старый мой блокнот. Записи еще прежними чернилами, которые долго хранят написанное. Всего лишь четыре года минуло. Хутор еще живой.

«Курган. Осень. Ветер свистит в травах. Светло и просторно. Белое нежаркое солнце.

Внизу, у подножья кургана, — колхозное гумно: желтые скирды соломы, темные — сена. Скотьи базы, овечьи. С яслями, кормушками. Баба подъехала на арбе с сеном, разложила в ясли корм, крикнула на какую-то скотиняку: “Геть-геть!” — и уехала.

На речке утки и гуси белыми табунками. На той стороне два огромных ломтя вспаханной земли.

Ниже гумен дом под железной крышей, крашенной ярким оранжевым суриком. Возле дома — сарай, крытые и выгульные базы, забор из горбыля. В огороде мужик в синей выцветшей рубаше копает картошку. Разогнется, поглядит вокруг, снова копает. Рядом — пустые подворья, брошенные дома. Щитовые, сборные, которые колхоз строил для переселенцев, и старинные казачьи дома-курени, крытые тесом, шифером, железом.

Спускаюсь с кургана, брожу по хутору. Он безлюден.

Вот школа, которую закрыли четыре года назад. Просторное деревянное здание, два высоких крыльца. Старинная школа, вековая. (Она сгорит через пять лет.)

Сады и сады. Развесистые яблони. На них — плоды: зеленая, крепкая крымка, которая висит на дереве до морозов; янтарная алимонка, румяное павловское, поповка. Могучие вековые груши: дули, бергамоты. Сладкие плоды, сладкий дух. Падают, лежат на земле, гниют.

Брожу по хутору. Какие дома... Хоромы. С верандами, со старинными “галдареями”, где спали в летнюю жару, с чуланами, кладовыми. Еще не облезла синяя краска со ставен, дверей, еще не обсыпался мазанный ярко-желтой глиной (для красоты “мазикали”!) коридор. Рубленые амбары с огромными “амбарными” замками. Колодцы с деревянными да каменными срубамы, с журавцами, с дол-

блеными дубовыми и каменными колодами, в которых скот поили.

Еще стоят заборы, плетни, не щерятся стропилами крыши, но дикая трава, конопля да татарник, полонила подворья.

Тишина. Безлюдье. Словно царство заколдованное. Все осталось: дома, сады, сараи, колодцы, скамеечки у двора... Только людей нет».

Всего лишь четыре года прошло с того дня, как хутор объявили неперспективным, закрыли школу, медпункт. По «мудрым» задумкам преобразователей население хутора Евлампиевского должно было чуть ли не строем направиться в «агрогород», то есть станицу Голубинскую, центральную усадьбу совхоза, где есть школа, больница, пекарня, водопровод и даже двухэтажные дома.

Но хуторяне, минуя станицу, подались в районный и областной города. Они рассуждали здраво: «Ныне Голубинка — центральная, а завтра — печальная. Город надежнее!» И оказались правы. Нынче, в 2002 году, в станице нет работы, а двухэтажные дома чернеют выбитыми окнами.

А на хуторе Евлампиевский и чернеть нечему. Теперь здесь зеленая пустыня, с одичавшими садами и следами бывшего жилья.

В начале девяностых годов, когда в стране начались перемены: развал колхозов, фермерство — на пустом уже Евлампиевском хуторе взяли землю люди приезжие: Караваев и Лысенко. У Караваева было много фантазий, поддержанных, морально и материально, властями. Замышлялось разведение лошадей, создание конноспортивной школы. «Седлает коня есаул», — сообщала областная газета. Но «есаул»-горожанин заседлал заграничный автомобиль и пропал, оставив ржаветь и гнить тракторы, строительные материалы. Борис Павлович Лысенко продержался на хуторе почти десять лет. Он пахал, сеял, разводил скотину и просил Господа Бога: «Мне бы хоть одного соседа...» Когда я заезжал к супругам Лысенко летней порою, Борис Павлович просил: «Через газету... сколько беженцев... Дом есть, пусть приезжают, будем работать». Жена его лишь вздыхала: «На наше место. А мы уедем. Хватит. Как волки...» В конце концов Лысенко уехали и живут теперь в райцентре.

Евлампиевский хутор как уютный человеческий кончился. Один из многих.

Ухожу на Сухую Голубую. Это и речки приток, и когда-то жилье казацье. Про него и нынче вспоминает Федор Артемонович Леонов: «От Евлампиевки и аж за Грицкову балку хаты тянулись. Мы там хорошо жили». Еще один свидетель, старая Катерина Одининцева: «Быков брали в колхозе и ездили на Сухую Голубую за яблоками. Арбами возили. Такие там сады были могучие, с виноградом...»

Идем с Тузиком по руслу Сухой Голубой. Жаркое лето, исход его. Наша спутница Жулька, виновато повизжав, повернула к дому, долгой дороги не выдержав. Мы идем по сухому песчаному и каменистому руслу. Кое-где встречаются бочаги ли, омуты с темной водой. Берегут их старинные развесистые вербы. Тузик жадно лакает, а то и плещется. День жаркий. Русло прихотливо вьется. Вот здесь было подворье и здесь — напоминают куртины вконец одичавших яблонь и груш. А здесь — заливной огород.

Вчера я глядел с кургана на просторную ложбину, в которой был хутор Тепленький, потом проезжал мимо останков Найденова хутора, теперь вот Евлампиевский да Сухая Голубая, а рядом и возле — Осинов лог, Картули, Лучка...

Лет десять назад в новомирском очерке «Последний рубеж» писал я, повторю и сейчас: «Каждый погибший хутор, селение — это наш шаг отступления с родной земли. Мы давно отступаем, сдавая за рубежом рубеж. Похоронным звоном звучат имена ушедших: Зоричев, Березов, Тепленький, Соловьи, Вороновский. Края калачевские, голубинские, филоновские, урюпинские, нехаевские — донская, русская земля».

Прошло десять лет. Похоронный список продолжен: Евлампиевский, Большая Голубая... А кто теперь живет в Осиновском, на Калиновом ключе, на Фомин-колодце, на Осиповом, в Ложках, в Гремячем логу? Почему Светлый лог именуют Урус-Марганом, а Камышинку — Камыш-аулом?

«Уходим. Бросаем за хутором хутор, оставляя на поруганье могилы отцов и дедов».

Внучка Трофила Аникеевича Жармелова пожаловалась: «Мы раньше ездили на могилку к бабушке, прибирали ее. А потом приехали — ровное место».

«Не провели семь ли, двадцать километров дороги... Закрыли магазин. Не захотели возить детей в школу... И вот уже разошелся хутор».

Зима 2003-го. Собираюсь на хутор, звоню. Сначала спрашиваю о дороге, малом отрезке ее, в десяток верст, который строители десятый же год никак не осилят. Это вам не Московская кольцевая! У нас — по-иному, тем более что 2002 год был особенным: по-новому дела пошли, с «конкурсом», и потому вперед не продвинулись вовсе.

Слушаю, мотаю на ус:

— На Сралях не пройдешь, и не суйся. Езжай через мехдвор, но влево не бери, где мы весной застревали, а возьми на правую руку. Там получше... И в Малооголубой, когда к бараку спускаешься, напрямую не лезь, а попытай справа, там вроде... В гору поднимешься... А может, через Рыбачий...

— А чего вам везти? — спрашиваю напоследок, хотя ответ мне известен.

— Хлеба...

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Казачью донскую песню при известной сноровке «играть», как у нас говорят, можно до бесконечности. Есть побасенка о том, как казак едет с ярмарки на быках, возвращаясь на хутор. Чтобы не скучать в дороге, он еще на станичной околице песню завел простецкую:

Гво-о-о-о-о... Гво-о-о-о-о...
Ой-ды гво-о-о-о...

Тянется за верстою верста. Час проходит, другой. Песня не кончается. Порой казак мурлычет, задремывая: «О-о-о-ой... Ой-ды... гво-о-о-о...» И лишь когда въедет на свое подворье, тут песне конец:

Ой-ды гво-о-здик!

Когда писал я свои заметки «В дороге», казалось мне, что впереди еще долгий путь, а тянуть монотонное: «Ой-ды гво-о-о...» мне надоело. Поставил точку. Но, пройдя осенними дорогами по знакомым местам, не в одночасье, не озареньем я понял, что конец пути — рядом. Но вначале — дорога.

Ранним сентябрьским утром шел я из хутора Клейменовский на Вихляевку. День разгорался теплый, погожий. Одна и другая машины прогудели, обгоняя меня по асфальту. Мне спешить было не с руки. Пешочком, неторопливо шел я и шел, а потом и вовсе асфальт оставил, поднимаясь на Вихляевскую гору дорогой полевой.

Нежное курлыканье слышалось впереди. Это журавли кормились на горе, на поле. Милые птицы меня не боялись, подпустили близко. Поднявшись на вершину горы, я стоял и глядел. Внизу, в утренней дреме, лежала тонущая в садах Вихляевка, на озере плавала пара ослепительно белых лебедей. Далеко-далеко уходила земля с ее полями, лугами, лесами. Вихляевский луг, Ярыженский луг, Дурновский луг, Мартыновский луг, Мартыновский лес, Озера, быстрый Бузулук, светлые воды его. А надо мной — просторное чистое небо, свежий ветер, курлыканье журавлей.

На следующий день в станице Дурновской, в тамошней школе, сказал мне кто-то из учителей: «Спасибо, что приходите в наш Богом забытый край...» — «Не забытый, а облаканный, — возразил я. — Богом ли, природой, но облаканный...» А в дне вчерашнем в Мартыновской станице, тоже в школе, говорил я ребятам, ничуть не кривя душой: «Вы — счастливые, потому что родились и живете в одном из самых красивых мест на земле. Поверьте, что это именно так. Бывал я в дальних краях. И в Европе, и в Азии, и в Африке, и в Америке. В памяти моей — многое. Но одна из самых светлых страниц — эти края: округа Мартыновская, Вихляевская, их земли и воды».

Так говорил я, а теперь добавлю, что эти края забыты не Богом, не природой, а властями высокими.

Каждый год я бываю здесь. Стою на горе Вихляевской. Спускаюсь в хутор, брожу по его улочкам. И помню еще хутор живой: Дом культуры с кинозалом, библиотеку,

школу, почту, фельдшерский пункт, три магазина. А ныне все гуще вскипает зелень садов, полоня хутор. Спелые груши висят и падают, устилая землю. А людей нет. Одно-другого старика встретишь, поговоришь — и всё. Закрылись магазины, заброшена школа, разбит Дом культуры. И даже асфальтовая дорога не помогла. На всю Вихляевку три работника осталось. Зеленая пустыня.

Старый учитель Павел Михайлович Соснин который уже год мне жалуется:

— Баню не хотят открывать. Сколько лет бьюсь, пишу, говорю... Должны же мы хоть под конец жизни в бане помыться...

Милый Павел Михайлович, не будет бани. В райцентре баню никак не наладят, а у вас теперь уж точно не будет.

В станице Мартыновской тамошняя школа в прошлом году отметила свое девяностолетие. Многих и многих она учила и выучила. И теперь идут дети по утрам в то самое деревянное здание, которое было построено девяносто лет назад.

— Место для новой школы уже выбрали, — говорили мне учителя. — Проект был, колышки забили. А теперь...

Не будет новой школы в Мартыновской. Столетие будут отмечать в том же здании, коли не рухнет оно.

О каких новых бане ли, школе мечтать, когда гуляет над этим зеленым миром смерч разорения.

В хуторе Клейменовском разломаны клуб и бывшая школа; и медпункт, еще вчера живой, уже пустыми глазницами зияет, развалена печка — конец медпункту.

В этом хуторе я ночевал, вел горькие разговоры.

— Людям деньги за работу не платят. Они вовсе не хотят работать. Раньше мы как-то воздействовали, — говорит бригадир Виталий Иванович. — А ныне... Иди, говорят, да сам делай. Вот и всё.

— Все дорого. А денег нет, — объяснил мне кто-то. — Ничего у людей нет: ни шифера, ни стекла. Вот и норовят украсть.

— Сено нынче не заготовили. Коров будем соломой кормить.

Зарплату не дают. А дитя надо в школу собирать. Продали платок, купили ботинки. Продали еще два платка, куртку купили.

И длинный монолог старого моего знакомого Ивана Бочкова:

— К чему идем? К чему нас ведут? Получаю зарплату пятьдесят тысяч, и тех не вижу. А уголь для топки одна тонна стоит сто пятьдесят тысяч. Мне нужно три тонны. Где брать? Опять, как в старые годы, пеньки в лесу вырубать? Было такое.

И как не поймут, что хоть тяжело, но без угля мы проживем. А вот без хлеба как? В тридцатые годы и после войны, когда не было хлеба, враз стали пухнуть и помирать. А теперь говорят: хлеб ничего не стоит, самое дорогое — это горючее и газ. Неправда.

«Не пойму... Не знаю... К чему нас ведут?» — вот главные вопросы не только Ивана Бочкова, но всех, с кем встречался я.

После Клейменовского да Вихляевского ушел я через луга и займищный лес к Дурновской станице, оттуда выбрался к Павловской. А жизнь, разговоры, вопросы — одни и те же. Названия у колхозов хорошие — «Возрождение» да «Восход», но дела везде быстро спешат к закату.

Возле Павловской станицы помню я поля: здесь был эспарцет, здесь — подсолнечник, здесь — пшеница. Сейчас — пусто. Нечем пахать, нечем сеять. Нет лемехов, нет горючего, нет масла. Не на что купить. В прошлые годы мы говорили об упадке животноводства, об уничтожении свиноводства как отрасли. В хуторе Ольховском были свинофермы, в Павловской — все это день вчерашний, а в нынешнем и зерноводство дышит на ладан. Нечем работать, да и некому. Зарплату в «Восходе» не получают с сентября 1993 года. Целый год! И о чем говорить, о каких таких стимулах к труду. Зарплаты нет. Цена буханки хлеба в два раза выше, чем в городе. Магазин практически закрылся. Да и торговать нечем. И покупатели с худым карманом.

Опять про ту же топку, про уголь. Пятьсот тысяч рублей — за три тонны. Где, у кого такие деньги? С одним я поговорил, с другим. Уголь не смогут взять, будут обходиться дровишками.

Но чем все-таки жить, когда нет колхозной зарплаты? Обычно отвечают: усадьбой, подворьем, всем, что есть там. Держать скотины побольше, мясо продавать.

Но чтобы купить те же три тонны угля, нужно продать двух хороших бычков, прокормив каждого из них по два года. 700 рублей платят сейчас скупщики за 1 килограмм живого веса. 400 килограммов по 700 рублей — получается 280 тысяч. Удвоим — и получается лишь на уголь для одной зимы. А на все остальное?.. Да еще попробуй продай это мясо. Не сразу получится. По 1 200 рублей за килограмм убоины предлагали раньше перекупщики. А теперь и этого не дают.

Что же делать? Как жить?!

Еще одно хозяйство, бывший совхоз, ныне производственный сельскохозяйственный кооператив «Голубинский». Вновь к нему возвращаюсь, потому что это малая частица, модель всего нашего села. Путь его, к возрождению или к гибели, должны пройти все, одни раньше, другие позже, потому что одна у нас страна, а значит, порядки, законы и беззакония одни. И производственные отношения одинаковы: земля, а на ней — люди.

В позапрошлом, 1993 году, тоже осенью, подводил «Голубинский» итоги, повторю их: «Долгов к 1 января 1994 будет 250 миллионов рублей... Долги будут расти... К уборке 1994 года долги увеличатся до одного миллиарда рублей... Впереди просвета не видно».

Прошел год. Убрали новый урожай, получив по четыре центнера с гектара. Всего — около трех тысяч тонн. (Прежде бывали годы, когда лишь государству сдавали до двадцати тысяч тонн.) Одних кредитов — более 800 миллионов рублей. Если посчитать все иные долги и проценты по кредитам, то к 1 января 1995 года отдавать надо около 2,5 миллиардов рублей. А что впереди? Никакого просвета. Заготовили только пятую часть сена, потребного для скота, солома нет, соломы и той не будет.

Нынче — конец сентября. Зарплату людям отдали лишь за апрель. Теперь отдают за май, но не деньгами, которых нет, а овцами. За июнь-июль тоже будут платить скотом, крупным рогатым. Правда, не все на это согласны, ждут денег.

«Идем ко дну и всплывать уже не будем», — заявил корреспонденту районной газеты Ю. Ю. Барабанов, председа-

тель «Голубинского». А заканчивалась эта заметка явным намеком: «По всему видать, в ближайшее время предстоят «Голубинскому» большие перемены. Откладывать их уже нельзя».

Но перед моим приездом прошло правление хозяйства, на котором решили: жить и работать по-прежнему вместе. Как работать?

— Поехал я на днях на вспашку зяби, — говорит Ю. Ю. Барабанов, — а механизаторы — пьяные в стельку. Коллектив большой, пятьсот человек, за всеми не уследишь, да и нет с этими пьяницами никакого сладу...

Планы на будущее у руководителя хозяйства простые: поголовье скота резко снизить, чтобы хоть впроголодь, но продержат оставшуюся скотину до весны. И по-прежнему брать кредиты: на зарплату, на покупку горючего, запчастей — словом, на жизнь. Снежный ком долгов растет и растет.

В прошлом году, в такую вот пору, надеялись на будущую уборку. Помню, как без запинки читал свою бумажку главный агроном: «Должны повысить... расширить... ожидаемый доход — один миллиард сто миллионов рублей...» Два миллиарда получили. Убытков. А нынче и вовсе надеяться не на что: лето и осень — без единой капли дождя, озимые не взошли, скотина зимовать будет без кормов. Кто виноват? Худые работники, «пьяницы» и «воры», которые тянут все подряд? Корма, скотину, запчасти, а то и целые трактора; разбирают постройки до самого фундамента: брошенные кошары, помещения полевых станков.

А как жить, если полгода, а то и год не получаешь зарплаты?

Нынешним летом услышал я от колхозного механизатора точные слова:

— У меня две коровы, три головы гуляка, десять свиней. Я обязан их обеспечить, чтобы с голоду не помереть. Это моя зарплата, доплата за «классность», за стаж, доплата по результатам года и мои дивиденды на пай — словом, жизнь. Другой платы я не дождусь...

Теперь уже в давние годы, в тогда еще социалистической Венгрии, мне в тамошнем министерстве сельского хозяй-

ства внушали: «Управлять производством надо не криком, не угрозами, а форинтом (по-нашему, рублем). Мало в стране молока — накинь на закупочную цену форинт, оно потечет живее. Много молока — сбрось форинт».

В нашей стране в прежние времена такая мудрость не приживалась. А теперь?

Еще в прошлом году, осенью, председатель «Голубинского» Ю. Ю. Барабанов говорил: «Не надо мне ваших кредитов. Они нас задушат. Отдайте деньги за шерсть, за мясо, за хлеб, и мы вывернемся». Не отдали. Тянули целый год, пока рубль не превратился в копейку. И даже теперь нищему, утонувшему в долгах «Голубинскому» снова не отдают денег за сданное мясо. И потому платить зарплату нечем. А значит, надейся мужик на «ловкость» свою, когда не день, а ночь кормит.

Еще один колхоз. У него лишь 3 тысячи гектаров пашни, на которых трудятся 43 механизатора. Из 1000 га зерновых половину они не убрали. А вспахать сумели лишь 1500 га. А рядом четыре работника звена С. И. Гавры из «Верхнебузиновского» тоже обрабатывают 3 000 га земли и получают по 30 центнеров зерна с гектара.

В том колхозе, где сорок три механизатора, шло собрание, четвертое за полгода. Разбирались:

— Механизаторы в разгар уборки пьянствуют...

— Послали луг косить, а они исчезли на несколько дней.

— Воруяют все...

После собрания, которое в очередной раз постановило: «Будем работать вместе», прозвучали слова: «Колхоз у нас плохой, а мы живем хорошо. Скотины хватает, сена полно, с дровами не бедствуем...»

Это горькая, но правда. Не хуже других живут. Не хуже Станислава Ивановича Гавры из Верхней Бузиновки. И не хуже работников из «Волго-Дона».

О «Волго-Доне» я уже писал. Прикидывал прошлой осенью, что 1993 год хозяйство закончит с прибылью в три четверти миллиарда. Но этих денег ему не отдадут. И потому придется влезать в долги. Так оно и случилось.

Прежде «Волго-Дон» заслуженно величали всесоюзным лидером, маяком. И ныне поголовье мясного и молочного

скота не снижено. Средний удой — четыре с лишним тысячи литров на корову, среднесуточный привес мясного скота 600 граммов, урожайность овощей — 400—500 центнеров с гектара. Из месяца в месяц «Волго-Дон» дает по 800 тонн молока, 100 тонн мяса, полностью обеспечивая себя кормами. 10 тысяч тонн томатов, 20 тысяч тонн капусты, лук, кабачки, морковь, огурцы.

По интенсивности производства, по производительности «Волго-Дон» остался лидером области и страны. Но все нынешние беды села его не минули.

Летом «Волго-Дон» был должен полтора миллиарда рублей. Хотя ему должны были больше: 790 миллионов — покупатели, 550 миллионов — государство, 570 миллионов — переработчики. Арифметика говорит: все в порядке. Но какой прок от денег, которых не отдадут годами? И не отдадут.

Но жизнь продолжается. А жизнь — это люди: 2 300 работников хозяйства, 700 пенсионеров, их семьи. Всю огромную социальную сферу «Волго-Дон» содержит сам. Жилье, школы, детские учреждения, отопление, газификация, связь, дом быта с парикмахерской, швейной мастерской, ремонтом техники — все содержит хозяйство. Открыли новую баню с сауной. Только на ремонт школы истратили 300 миллионов рублей. Из государственного бюджета «Волго-Дон» ничего не получает, потому что он — сильный, сам справится.

Вот и выходит, что в нынешнее время экономически и чисто житейски быть «Волго-Доном» невыгодно.

Вот она, горькая для страны правда. Если поставить селянина из «Волго-Дона», чьими трудами получен урожай пшеницы в 40 центнеров с гектара, удой на корову почти 5 000 литров, а рядом с ним — его собрата, который урожай отправил под снег, из 140 телят погубил 120, то по внешнему виду никто этих людей не различит: одеты одинаково, и золотых перстней не видно. И домашний достаток у них одинаков: подворье, жилье, мебель. Машинешка одна и та же — побитые «Жигули». И может быть, у хорошего труженика зарплата будет меньше.

Если «Волго-Дон» из своих доходов примерно треть тратит на социальные нужды, то бедолажные хозяйства ничего не тратят. Детские сады они давно закрыли и даже окна-двери

повыдергивали. Про баню забыли. О школе да медпункте «нехай государство горится». Оно и «горится», направляя бюджетные средства «бедолагам», а «Волго-Дону» не достанется ничего.

«Волго-Дон» ежедневно поставляет продукцию, а значит, платит немалый НДС и налог на прибыль с тех самых сотен миллионов рублей, которые ему неизвестно когда отдадут. И отчисления в пенсионный фонд. Деньги для этого приходится брать в кредит под знаменитые банковские проценты. А значит, платить за все вдвое и втрое дороже.

Хозяйства же «бедные» почти ничего не производят, а значит, с них и взятки гладки. Они порою зарплату своим людям не платят по полгода и более. И никто от голода не умер, принцип тот же: «Колхоз у нас плохой, а мы живем хорошо». Но, кроме разорительности для страны, для земли, такие хозяйства — еще и дурной, разлагающий пример соседям. Зачем нужны свиноводство, молочное животноводство и мясное, какие-то пары, севообороты, племенное дело — словом, труд и труд? Ведь можно по-другому: «Надеемся, что что-то украдем».

Надеемся... Но на одном из колхозных собраний все же прозвучало горькое:

— А когда воровать уже нечего будет? Как тогда жить?

Как жить?.. «Голубинскому» ли, который потерял всякую надежду, 800 миллионов долгов, миллиард ли... Все равно нет зарплаты, и нет урожая, идохнет скотина — словом, все наперекосяк. Как жить «Волго-Дону», который уже в сентябре имел два или три миллиарда долгов? Хотя, по бумажным расчетам, он вроде бы процветает.

Как жить тем сотням и тысячам хозяйств, которые в «голубинскую» нищету еще не влезли и до «волго-донских» богатств им далеко? Как дальше жить миллионам и миллионам селян-колхозников?

«В 1993 году хозяйствами всех форм собственности было получено только централизованных кредитных ресурсов на сумму 62,7 млрд руб. Из этого кредита они могут вернуть не более 8,5 млрд руб.» — цитирую документ областного комитета по сельскому хозяйству — «Состояние сельскохозяйственного производства в области».

Значит, вернули чуть более десятой части. И это в 1993 году, когда погодные условия позволили получить урожай поистине небывалый.

«Потребность же области, — продолжу цитату, — в централизованных капитальных вложениях на 1994 год... составляет 126 млрд руб....» А сколько из них вернут?

Этот документ читал я внимательно, понимая его как программу выхода сельского хозяйства области из нынешнего кризиса, но ничего нового для себя не вычитал, кроме обычного: «Обратиться к президенту РФ... с требованием о необходимости корректировки и изменения курса реформ... изыскать... выделить льготный кредит... установить ставку в размере 25% годовых...»

А вот что делать тем хозяйствам области, которые уже не в состоянии ни вспахать, ни посеять, из программного документа не видно. Что делать «Волго-Дону»?

Строки из письма: «Ассоциация крестьянских хозяйств (бывший колхоз имени ...) просит оказать помощь в реорганизации хозяйства по нижегородскому методу... большинство работников пока не осознали себя настоящими собственниками... в итоге: невысокая производительность труда, низкая рентабельность... правление ассоциации не видит другого пути, кроме глубокого реформирования. Специалисты хозяйства самостоятельно не могут провести эту работу... просим помощи...»

Не называю адресанта. Таких хозяйств нынче немало. И дело не в нижегородском методе. Про опыт нижегородцев авторы письма слышали в «Вестях» по телевидению. Письмо это просто крик отчаяния: «Помогите! Гибнем!» И еще одно немаловажное: «Самостоятельно — не можем... просим помощи».

Какую же помощь им предлагают?

На уровне района: «На базе АО «Советское» провели семинар руководителей хозяйств района и главных зоотехников».

— О чем речь? — спросил я.

— Привесы плохие. По сто граммов в сутки. Это в летнюю пору. Надо поднимать.

— После семинара привесы поднимутся?

— Да может, совесть проснется.

На уровне области: «Совещание по вопросам животноводства в Елани».

На уровне России: вице-премьер Заверюха «совершил облет полей области. Посетил одно из лучших хозяйств».

Такие «семинары», «облеты», и даже «лично за штурвалом комбайна», — до боли знакомые картины прошлого. Всё учим и учим. «Ученого учить — только портить», «Его учить — вдвое кнут сосчитать» — разные пословицы, но верные.

Недавно прочитал я воспоминания старого человека о том, как на хуторе Ильевка в годы коллективизации пытались сделать доброго хозяина. Бедняцкой семье, состоящей из семи душ, людей уже взрослых и живущих в землянке, выделили «кулацкий» просторный дом и корову. Но доброе житье продолжалось недолго, лишь до осени. Не смогли хозяева сена заготовить и дров запасти. Горевать не думали. Корову зарезали и съели. Дом продали, так как его топить «дров не настатишься». Вернулись в прежнюю свою мазанку. Там — теплее.

Сейчас время иное. Но политика очень похожая. Время кнута кончилось. Но всех сделать хорошими хозяевами не удастся, даже если выделить им по хате и по корове. И не помогут 120 миллиардов и даже триллионов рублей, если отдать их нынешним «беднякам», которые сумели из ста сорока телят сохранить лишь двадцать, а из 1 000 га зерновых всем миром убрали лишь половину. Там самая зрелая идея: «Кому бы землю отдать в аренду?» Чтобы лежать на боку и получать «дивиденд».

Куда же идет нынче наше российское колхозное крестьянство, богатое и бедное, «Волго-Дон» и «Голубинский», «Восход» и «Возрождение»? На мой взгляд, все они идут прямым ходом к государственному капитализму или, если попроще, к прежним совхозам.

В 1993 году в нашей области они из 63 миллиардов кредита вернули лишь десятую часть. В нынешнем 1994 году долги многократно возросли, а возврат будет еще меньше. В 1995 году положение ухудшится, так как летом и осенью 1994-го не было дождей, а значит, озимых хлебов не будет, предстоит пересев, огромная весенняя вспашка.

А если говорить прямо, то возврата кредитов, как прошлых, так и нынешних, не будет никогда. Уже в нынешнем, 1994 году государство отсрочит долги, видимо, до двухтысячного года. Другого выхода просто нет. Но долги не отдадут и к трехтысячному году!

Так что лучше списать все уже сейчас, чтобы не морочить голову.

А то что нынешние кредиты даются под залог колхозного имущества: построек, техники, скота — все это несерьезно. Положим, через год-два «Голубинский» ли, «Восход» объявят банкротом, и государство заберет в свои руки трактора, сеялки, машиноремонтную мастерскую, коровник со стадом. Значит, надо все это содержать, то есть нанимать тех же самых хуторских людей. Словом, на колу мочало, начинай сначала. Это произойдет в том случае, если государство по-прежнему не будет иметь четкой, экономически выверенной программы реорганизации сельского хозяйства.

Но нужны не лозунги. Лозунгов хватает. Один из них — Указ от 27 декабря 1991 года и Постановление правительства «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». Вот строки из них: «Земли передаются или продаются... на аукционах гражданам и юридическим лицам...

Предоставить крестьянским хозяйствам право залога земли в банках.

Колхозы и совхозы, не обладающие финансовыми ресурсами для погашения задолженности по оплате труда и кредитам, объявляются несостоятельными (банкротами) и подлежат ликвидации и реорганизации в течение первого квартала 1992 года».

И разъяснение правительства: «Мы твердо поддерживаем фермерское движение, рассматриваем его как... будущее сельского хозяйства».

В станице Павловской самым первым и удачливым фермером стал Валентин Степанович Соловьев. Еще в прошлом году он был полон надежд, брал землю у пенсионеров, расширяя свое дело. Но нынче настроение у него иное.

— От пенсионерских паев мне дохода нет, — говорит он. — Я с людьми за этот год рассчитался зерном, сеном,

соломой. Они довольны. Но, видимо, придется от них отказаться. Ценовая политика такая, что землей заниматься невыгодно. Продал я в прошлом году двадцать тонн подсолнечника. На эти деньги купил лишь дизельного топлива, один бензовоз и две бочки масла. Нынешней осенью озимую пшеницу я не стал сеять. Погожу, посмотрю, землю отдавать не буду, в колхоз не вернусь, потому колхозу явная гибель пришла. Но и мне расширять хозяйство, жилы рвать нет резона. Сейчас я со своим зерном, подсолнухом никому не нужен. Привожу зерно на элеватор, а там на меня и не глядят. Так что прошлый мой оптимизм кончился.

На страницах журнала рассказывал я о Шаханове, Чичерове и Ляпине.

Нынче осень 1994 года. У Шаханова в день моего приезда кобель сбежал. «Не выдержал фермерской жизни», — смеется Шаханов. А если всерьез, то проблемы, заботы все те же, что и в первый год: вода, электричество, техника, деньги. Впору бросить все.

Если у Шаханова земли лишь два гектара и навыков крестьянских негусто, то Ляпин — прирожденный механизатор, бывший бригадир полеводства, а Чичеров — бывший совхозный экономист. Работать и считать они умеют. Земля есть. Желания — не занимать. Потому и писал я раньше: мол, скоро вот здесь, на своей земле, у Ванюковой балки поднимутся дома... Три года прошло. Как жили в вагончиках, при керосиновой лампе, так и живут. Электролиния — в далеком проекте. Собирались заняться семеноводством. Тоже деньги нужны. Своих не хватает. А брать кредит под такие высокие проценты не рискуют. Тем более государство расплачивается неаккуратно. И в прошлые годы, и сейчас. Нынче продали 160 тонн пшеницы, получили за нее лишь треть положенного. Остальное неизвестно когда.

В. И. Штепо — бывший директор «Волго-Дона», дважды Герой Труда, нынче — хозяин самостоятельный. Не побоюсь сказать: лучший хозяин в районе. Не я, а главный агроном сельхозуправления, отвечая мне, говорит: «Парь у него лучшие в районе... Выходы лучшие в районе...»

Нынешним летом, 1994 года, В. И. Штепо с сыном и зятем получили 860 тонн пшеницы, 100 тонн ячменя. Как посчитал

Виктор Иванович, продав эту пшеницу, можно купить один комбайн «Дон». При условии, что они не будут брать денег на зарплату, на горючее, на все остальные расходы. Словом, живи святым духом, им же кутайся. Тогда на доход от 500 га купишь один комбайн. Можно ли так работать на земле? При такой вот немыслимой экономике? Но В. И. Штепо пока отступать не собирается, не тот человек. И остановиться он не может: ведь трактора и машины не должны зимовать под снегом. Пришлось взять кредит для строительства крытой стоянки, мастерских. Но хватит ли этого кредита? Вряд ли... А проценты? И это у самого Виктора Ивановича Штепо. А что до остальных, скажу: если еще в прошлом, 1993 году, весною, в земельном комитете Калачевского района на мой вопрос: «Кто из фермеров просит еще земли?» — ответили: «Все», то нынче сказали: «Никто. Наоборот. Сдают землю».

Значит, нахозяйствовались. На собственной шкуре поняли, что все обещания правительства — пустые слова. А на деле — стремление задавить: налогом, прямым обманом в расчете за хлеб, когда задержка платежа на полгода и более сводит на нет все заработанное. Инфляция... Это слово теперь колхозник ли, фермер ли ощутил на собственном опыте.

И еще одно, одинаково страшное для колхозов и для фермеров, — день завтрашний: что завтра в Москве придумают, куда повернут?..

«Колхозы и совхозы... подлежат ликвидации».

«К весне решить вопрос о роспуске...»

«Фермеры страну не накормят!»

«20 процентов хозяйств-банкротов ликвидировать».

То строгие слова указа, то «записка из канцелярии», то вскользь, но отчетливо сказанное перед телевизионным экраном.

А чтобы поверили, год за годом грабеж среди бела дня: зерно, мясо, молоко берем, но деньги заплатим через год, когда кровавым потом заработанный рубль станет копеечкой.

Такие методы — это «китайская пытка», когда раз за разом капля воды бьет по голому темечку.

Последняя многозначительная новость, которая птицей пронеслась по области, «радуя» фермеров: представитель

президента попросил составить список лучших коллективных хозяйств области, якобы для того, чтобы распространять их опыт. Всем понятно, что это не его собственная инициатива, в Москве что-то опять придумали...

Так и живем. Хорошо еще, что время от времени нас подбадривают: «положение стабилизировалось», «падение производства прекратилось...». Как тут не почувствовать себя счастливыми?..

Каждый год в пору июльскую, когда поспевают хлеба, еду в Задонье: через мост, недолго — по асфальту на Голубинку, а потом — влево, дорогами полевыми на Липологовский, Фомин-колодец, Осиновский, Большую Голубую и дальше вдоль речки Голубой до самого Дона.

Так было и нынче. Спозаранку выехал, не торопился, останавливаясь там и здесь: на убранном поле озимки, возле низкого ячменя, у ослепительно желтых подсолнухов, глядящих на встающее солнце. На стану уже опытных фермеров Горячева и Железнякова послушал привычное: «Обрубают руки по самые плечи... Зерно, говорят, не нужно... А на технику какие цены!..» Вместе повздыхали. Поехал дальше.

Где-то в девятом часу утра приехал на Фомин-колодец, когда-то хутор Зоричев, он же Лукьянкин. Походил-побродил и стал подниматься на курган, с вершины которого бьет мощная родниковая струя. Еще издали слышен рокот трехметрового водопада. Вот и он: щедро льет сияющую на солнце воду в просторную за годы и века выбитую каменную чашу. Поднялся я выше, вдоль бурливого ручья. Задонская степь. Сухое лето. Выгоревшие травы. И земное чудо: три бормочущих, голосистых ключа, серебряных, чистых, невладанных, как у нас говорят, а значит, врачующих тело и душу.

Стоял я на вершине холма. Просторный Калинов лог огромным распахом лежал предо мной. Внизу зеленели брошенные дикie сады давно умершего хутора. Насколько хватало глаз — поля и степь. Бронзовела озимая пшеница, серебрился ячмень, желтело убранное поле напротив — картина будто красивая, а на душе было горько. И в прошлом году бывал я на этих полях, и ныне их объехал, знал хозяев. Издали, сверху, картина красивая, а вот рядом...

Тощий ячменишко, сорные поля, порой и не поймешь, что сеяли; или вовсе стоит прошлогодняя трава-старник, ее сухие будылья; или как в Липологовской балке, где новый землевладелец, вчерашний овцевод, осенью на непаханные бахчи кинул семена, на укору ответив: «Никуда не денется, вырастет!» Выросло... Только вот что? А много ли лучше поля Бударина, Найденова?.. А ведь вот она — Россошь, которая испокон веку была кормилицей всей голубинской округи. Вот она, живая вода, которую где-то ищут, скважины бурят, роют каналы, строят водоводы. А здесь, как говорится, Бог дал, только бери!

В Калаче-на-Дону живет рядом со мною уроженка Фоминколодского, женщина уже пожилая. Старая мать ее за несколько лет до смерти стала просить:

— Давай вернемся на хутор.

— Куда возвращаться? — отвечала ей дочь. — Там нет ничего.

— Все там есть: вода и земля родная, золотая. Они нас прокормят.

Земля родная... Стирается ли твоя позолота?.. Скудеет щедрость твоя?.. А может, хозяина да работника нет? Не о том ли бормочут, спешат рассказать ключи Фомин-колодца... Но кто их услышит? На многие километры — пустая степь.

Потом я проехал через Осиновку и Осинов лог, где постоянный житель один — больная старая женщина.

В полях — тишина. Редко-редко увидишь комбайн. Встречных машин нет. А ведь хлеба поспели, уборочная страда. Не суета мне нужна. Но горько глядеть на хлеб, который скоро начнет осыпаться. Горько глядеть на поля, где и осыпаться нечему: сплошной осот.

А потом был хутор Большая Голубая. Этот хутор — единственный в своем крае еще живой и жилой. Табунок детишек резвится на улице. Можно сказать, что Большая Голубая — это последний рубеж. Падет он — безлюдье ляжет на многие десятки верст. Лишь бедолаги фермеры будут по лету копошиться возле вагончиков. «Разбогатевшие», вроде Горячева, начнут саманные дома ставить.

— Здесь родилась, с тринадцати лет пошла трудиться, всю жизнь на колхозной работе. Теперь пришла старость...

А что у меня есть? Что за жизнь заработала? — вопрошает моя собеседница. — Нынче печурку во дворе слепила, как в старые годы. Кизяками топлю. Старик ругается: «Кружишься весь утр, а завтрак никак не стоговишь». Кизяки плохо горят. Дров где найдешь? Газ раньше был, плита, привыкли. На нем — все скоро. Теперь никому не нужны. Лишь хлеб привозят три раза в неделю, с тележки продают; а макарон захочешь, или крупы, или чего из одежды, тогда на тележку просись. Посадят — трясина старые кости пятьдесят верст, до станицы. Трактор тележку тянет. А уж отгеть — как знаешь. Захвораешь — опять на тележку просись. Тот же трактор, те же пятьдесят верст. Ни фельдшерицы, ни магазина у нас не стало.

Хутор Большая Голубая, Калачевский район. Анна Георгиевна и Виталий Федорович Дьяконовы говорят о жизни:

— На нашем отделении было 4 000 га пашни. Хлеба получали по три-четыре тысячи тонн. Держали до двенадцати отар овец. Сено заготавливали с естественных угодий и сеяли люцерну, житняк, овес. При новых порядках, когда нас продали «Сельхозводстрою», в первый год собрали 400 тонн зерна, на другой — меньше, а нынче и убирать нечего. 209 га ячменя весной посеяли, его потравил скот соседнего хозяйства. Уборки нет.

Еще один собеседник — Рудольф Генрихович Мокк, беженец из Киргизии, перебравшийся в Большую Голубую в мае 1992 года.

— Мы приехали сюда не наобум, — говорит он. — Сначала жена приезжала, чтобы разузнать о жилье и работе. Нам все было обещано здешним руководством. Сказали, что здесь будет молочное и мясное животноводство, переработка. Нужны люди. Обеспечим жильем. Нас приехало пятнадцать семей. С жильем вроде устроились, хотя пришлось восстанавливать из разбитого. Но сделали, стали работать, жить. Зарботки были очень плохие. А теперь нам сказали: работы совсем нет. И не будет. Получили последнюю получку за май. И всё. Я — шофер, сын — тракторист и жена остались без работы. Живем на пенсию тещи. Что я буду делать? Откровенно сказать, не знаю. Я не ожидал, что нас обманут. Почему мы уехали из Киргизии и как уезжали, все бросаю

и отдавая за бесценок нажитое, теперь всем известно, не надо и объяснять. Сюда я приехал, потому что мне твердо пообещали главное — работу. Нас обманули. А куда-то еще ехать мы уже не можем. Не на что. Не знаю, как жить...

Хутор Большая Голубая лежит в просторной долине речки с красивым названием — Голубая, которая течет к Дону. До станицы Голубинской, тамошней школы, больницы, сельской администрации, а главное, до асфальта — 50 километров. В дожди, осеннюю да весеннюю распутицы, в снежные метельные зимы здешняя дорога трудна. До Калача-на-Дону, районного центра, — восемьдесят километров.

Округа Большой Голубой: на многие версты — степь да степь, холмы да балки. Места диковатые, притягивающие своей красотой. Издавна жили здесь люди, занимаясь мясным скотоводством, овцеводством, сеяли хлеб. В прежние годы хутор славился водяными мельницами. Их было пять. Но это — давняя память.

Нынешняя беда к Большой Голубой подкрадывалась давно. Умирали хутора близкие: Осиновский, Зоричев, Тепленький, Евлампиевский. Большая Голубая держалась, но была самым трудным отделением бывшего совхоза «Голубинский», последний же всю жизнь был бельмом на глазу района. Задонье, бездорожье, безлюдье, земля скуповатая.

И потому, когда появилась возможность, здешние земли начали раздавать с облегчением налево и направо: железнодорожникам, корабелам, строителям, летчикам — всем подряд.

Земли Большой Голубой понравились в ту пору мощной организации — волгоградскому тресту «Сельхозводстрой». Ему и передал район большую часть земель, вместе с жильем и работниками. Тогда плохо ли, хорошо, но работали хуторской магазин, фельдшерский пункт, транспортная связь с центральной усадьбой, обеспечивая хуторян необходимыми для жизни услугами, а все это потому, что работали земля и люди. Пусть не с должной эффективностью, но работали, получая хлеб, мясо, шерсть.

Некомпетентные в сельском хозяйстве и в экономике люди задумали создать в Большой Голубой агрофирму со свиноводством, мясным и молочным животноводством,

переработкой сельхозпродукции. Они обещали построить дорогу с асфальтом, жилье, производственную базу. Пригласили пятнадцать семей из Киргизии, обещали им пусть не золотые горы, но работу и нормальную жизнь. Люди поверили и приехали. Кое-как их расселили.

Началась новая жизнь у старожилов и у приезжих, с новыми хозяевами. В зерноводстве в первый год получили 400 тонн, во второй — меньше, а нынче убирать нечего. И на будущий год, видимо, также. Пары заросли. Есть трактора, но нет горючего, масла. Вся техника давно стоит.

С животноводством тоже не ладится. Помещений для крупного рогатого скота не было, но приобрели 150 голов симменталок и 150 абердинов. Телят практически не получили.

— Я говорил: не надо спешить, — вспоминает В. Ф. Дьяконов. — Полсотни голов взять, помещения оборудовать, корма заготовить. Тогда видно будет... Симменталок забрали, к осени заберут остальной скот. Животноводство кончится.

— Ремонтной базы нет, техника разваливается, три месяца не получали ни одного литра бензина. Денег не дают, людям платить нечем, — сказал М. И. Чернов, управляющий подсобным хозяйством. — Когда организовывались, обещали всё. А получилось...

А получилось горькое. «Сельхозводстрой», в прошлом трест, а ныне, как и все вокруг, предприятие реформированное и акционированное, понял, что Большая Голубая ему не по силам. Часть земли взяли «городские фермеры», работники «Сельхозводстроя». Пахать да сеять, живя в Волгограде, куда как сподручно.

Работникам же в Большой Голубой платили жалкие гроши: по пять и по десять тысяч рублей в месяц. Так было в 1993 году, так продолжалось и в 1994-м. Сельскохозяйственное производство практически остановилось. В начале лета из Волгограда пришел приказ о переводе большинства работников в долгосрочный неоплачиваемый отпуск.

Как сказал М. И. Чернов, без работы и без надежды на нее на хуторе остаются около тридцати работоспособных тружеников. Чем сейчас живут? Пенсиями своих стариков. И в семье Мокка, и в семье Сердюка, и у всех других надеж-

да теперь лишь на пенсии дедов да бабок, но не на руки свои. Ну еще — огород, корова, десяток кур.

Когда я спросил у районной администрации, что думают они о судьбе хуторян далекого селения, мне ответили: «Пусть берут землю и работают».

Что ж, как говорится, в духе времени. Волгоградские хозяева Большой Голубой в нынешнем году объявили своим работникам, что каждый может взять землю и хозяйствовать на ней. Если бы этот ход удался, то «Сельхозводстрой» разом решил бы все проблемы. Они себя землей уже обеспечили. Осталось — избавиться от людей, от поселка, от плохих земель.

Агитацию провели, в райцентре объявили, заявления были написаны, представитель земельного комитета приезжал, и даже все бумаги готовы. Словом, берите и владейте. Но не едут, не берут. Как сказал один из них: «Мы — реалисты, предлагают мне на семью 170 га плохой земли, мела. От хутора далековато. Техники у меня — лопата да мотыга».

— Будем обрабатывать вашу землю своей техникой, — сказали в «Сельхозводстрое». — Плата по льготному тарифу.

— Это сказки... — вздохнули люди. — Видим мы эту технику. Она возле наших дворов стоит. Чтобы хлеб привезти, горячего нет. Какая уж обработка земли.

Избавиться от работников путем перевода их в фермеры не удалось. Стали их практически увольнять: долгосрочный неоплачиваемый отпуск. Пятьдесят километров до станицы, семьдесят — до райцентра, сто сорок — до Волгограда. Куда подаваться?

Фельдшерица уехала, похоронена хуторская медицина. Закрыли магазин. Теперь людей лишили работы. Что будет дальше, совершенно ясно: люди должны покинуть хутор. Уже начали покидать. А хутор разделит судьбу тех горьких селений, которые когда-то были рядом: Тепленький, Зоричев, Осиновский, Евлампиевский. Их не счесть. А умер хутор — значит, умирает земля. Никакими десантами с центральной усадьбы, никакими фермерами из Волгограда ее не оживишь. Вон они — и все хорошие люди — в Осиновском и Фомин-колодце, в Евлампиевском, в Большом Набатове. Юристы, летчики, рыбаки... Честные, стара-

тельные, только жалко на них глядеть. А на землю, которая уже забывает шелест хлебных колосьев и снова превращается в дикую степь, смотреть и горько и страшно...

Окрестные хутора уже погибли. И восстанут ли? Большая Голубая выжила в самые трудные годы, хотя, конечно, должна была умереть. Но выжила. Честь ей!

— Я жене сто раз говорил: уедем, пока в силах. А она твердит: родная земля, здесь родилась, здесь могилки... — жалуется Дьяконов.

Он жалуется, а я низко кланяюсь Анне Георгиевне и готов целовать ее тяжелые черные руки, которые спасли эту землю, этот хутор.

— С тринадцати лет работаю... Теперь нас кинули. Пенсию получаем. Но деньги не будешь грызть. А сил уже нет...

Хутору Большая Голубая помогло наше общее большое несчастье: развал страны и горе миллионов беженцев. Пятнадцать семей приехало на хутор. Не какие-нибудь «перелетные», не условно освобожденные, к кому милиционера нужно приставлять, а рабочие, трудовые семьи, которым цены нет. К их беде, к их нелегкой судьбе отнестись бы сочувственно, тем более что они приехали сюда, поверив обещаниям руководителей «Сельхозводстроя».

Теперь они без работы.

Из разговора в районной службе занятости:

— Если они принесут нам трудовые книжки со статьей об увольнении, мы будем платить им по четырнадцать тысяч. Но два раза в месяц они должны приезжать и отмечаться.

(Пояснение от автора: этих четырнадцати тысяч рублей хватит как раз для двух поездок в райцентр.)

— А может быть, мы организуем там новое производство с рабочими местами...

(Снова мои комментарии: очень трудно будет «организовать новое», лучше не рушить старое.)

Из разговора в районной администрации:

— Там — сплошные убытки. Там — растащили скот. Там — запустили земли.

(И снова мои комментарии. Кто запустил землю? Кто развалил производство? «Плохой» народ или «хорошие» руководители?)

Ведь на той же земле получали самые высокие в совхозе «Голубинский» урожаи ячменя. С тем же «народом».

За погубленную человеческую жизнь суд назначает высшую меру. Как же надо судить за погубленный хутор?!

Каждый погибший хутор, селение — это наш шаг отступления с родной земли. Мы давно отступаем, сдавая за рубежом рубеж. Похоронным звоном звучат имена ушедших: Зоричев, Липологовский, Липолебедевский, Тепленький, Вороновский, Соловьи. Края калачевские, голубинские, филоновские, урюпинские, нехаевские — донская, русская земля.

Не провели семь ли, двадцать километров дороги... Закрыли магазин. Не захотели возить детей в школу. Пожалели копейку для фельдшера, а для учителя — литр молока. Обидели невниманием старых. «Реформировали».

И вот уже разошелся хутор. Умирает земля: на Россоши, на Саранском, в Зимовниках, на Козинке — на щедром, дорогом сердцу поле — вместо пшеницы поднялся седой осот да желтеет сурепка; и говорливую речку, Быстрицу ли, Панику, Ворчунку, полонит камыш, а пруд зарастает тиной и ряской. Так умирает Вихляевский ли, Помалин или милый Кузнечиков. Так постепенно умирает родина, у каждого она малая, своя, но для всех одна.

Уходим. Бросаем за хутором хутор, оставляя на поруганье могилы отцов и дедов.

Сколько будет длиться этот позорный марш отступления? Ведь уже вслух говорят и кричат, что не мы, а иные народы — хозяйева донской степи, нашей матери.

Не ведают, что говорят. А мы ведаем, что творим?!

Осень 1994

Часть 1. «ПУТИ КОЛХОЗНЫЕ»

Неисповедимы пути Господни — это древняя истина.

А пути человеческие?

На первых страницах своих сельских заметок, десять лет назад, писал я: «Не ведали <...> земляки мои, что проводится реорганизация сельскохозяйственного производства да и жизни прежней, им казалось — конец света».

Пути человеческие зримы. Не пытаюсь заглянуть в очень далекое прошлое, мы можем представить, как и чем жили люди на этой земле.

Задонье. Ныне, в году 2001 — Волгоградская область Российской Федерации. Немногим раньше — того же названия область Советского Союза. Еще ранее — область Всевеликого войска донского. Названия разные, но вся та же, вечная, суть: земля и люди.

XVIII век. «Казаки предпочитают скотоводство, поскольку скот может ходить в поле всю зиму и требует мало сена... волы не употребляются в работу, а продаются, молодые и жирные, мясо их очень вкусно. Многие казаки держат по 500 лошадей. Большая часть казаков торгует скотом и пользуется хорошими доходами», — пишет об этих краях западноевропейский путешественник И. Фальк.

XIX век. Задонье — по-прежнему гнездо казачье. Главное занятие (кроме царской службы) — мясное скотоводство и коневодство. В станице Голубинской ежегодно осенью шумит Никольская ярмарка мясного скота, куда съезжаются купцы со всей России. Отсюда гонят гурты на Москву.

XX век. Первая половина. Рассказывание и раскулачивание. Дела раскулаченных, сосланных повторяют одно: «Брал в аренду землю... Выпасал скот... Арендывал выпасы... Имел 300 голов... Продавал...» — мясное скотоводство. Все та же Никольская ярмарка. Только скупщики скота именуется по-новому — «красный купец».

Потом начались колхозы. В 1980 году в Калачевском районе 40 тысяч голов крупного рогатого скота, 100 тысяч

овец. Сдают государству мясо, молоко, да еще зерна от 100 до 300 тысяч тонн. Конечно же, надо отметить, что если в XVIII, XIX и первой трети XX века на этой земле «правила бал» житейская экономика — «выгодно — невыгодно» (оттого и разводили мясной скот, а не страусов), то при колхозном строе главенствовал лозунг: «Любой ценой!». И потому пахали и сеяли даже на голом песке и камне, получая по два центнера зерна с гектара. «Даешь поголовье!» — и овец разводили столько, что их порою пасти было негде, а зимой они тысячами дохли от бескормицы. Но жизнь шла, земля не пустовала.

Кроме людных хуторов — Большая да Малая Голубая, Большой да Малый Набатов, Осиновский, Евлампиевский — были еще и многочисленные чабанские «точки»: Калинов ключ, Осипов, Фомин-колодец, Козловская балка, Хороший курган, Осинов лог... Там постоянно люди жили зимой и летом. А еще — многочисленные полевые станы, летние лагеря скота. А меж ними, конечно, дороги, пусть и грунтовые, но с приглядом, уходом. В советскую пору, годы семидесятые-восьмидесятые, колхозные и райцентровские бульдозеры и скреперы круглый год работали. Иначе нельзя. Иначе все производство встанет. Не будет зерна, молока и прочего. Не будет «плана». А за это всему руководству «голову снимут». В колхозные годы все «планерки» в правлении начинались с вопроса: «К фермам дорога расчищена?».

Теперь — иное. Некуда и незачем ехать. И потому дороги исчезают на глазах. Кажется, еще недавно, поднявшись из Липологовской балки на гребень, катил и катил я вниз к Россоши, к Фомину-колодцу по наезженной, гладкой дороге. Теперь здесь и на тракторе не проедешь. Бывало, с Клетского грейдера сверни возле Калинова ключа налево — и куда хочешь тебя дороги приведут. Нынче взяли в райцентре УАЗ и еле пробрались на нем. Руководитель районного земельного комитета Виктор Васильевич Цуканов дороги Задонья знает, а его шофер — Иван Пименович, местный рожак и бывалый охотник, с закрытыми глазами куда угодно дойдет и доедет. Но вот в прошлом году еле вернулись из очередного объезда. А потом Пименович три дня машину ремонтировал.

Все понятно и объяснимо. Был совхоз «Голубинский», были поля, скот, а значит, жили люди. И дороги были. Потом началась «перестройка». На землях «Голубинского» — больше сотни самостоятельных хозяев-фермеров пытались счастье: Найденов, Бударин, Каледин, Рукосуев, Дубовов...

Но «Голубинский» был совхозом, то есть советским хозяйством, а значит, матушка-власть не жалела для своего детища средств. Тракторы, автомобили, горючее, удобрения, английский породистый скот — все давали «по разнарядке», не мыслили о какой-то рентабельности. А фермеры просто обязаны были считать деньги и соображать: что сеять? что вырастет? как продать выращенное?

Не умели, не хотели считать. И потому в течение пяти лет все новые хозяйства захирели.

Сегодня о них и памяти нет. Еще дышат лишь трое — Барсов, Камышанов, Коньков. У каждого — по сотне гектаров. А земли в Задонье, слава богу, не убавилось — где-то под 100 тысяч гектаров. Но это уже — не поля, не выпасы, не сенокосы, а дикая степь. Потому и дороги кончились.

Но что говорить о Задонье? Эти места всегда были не больно людными. А вот район наш — Калачевский — он у города под боком. В областных сводках в колхозную пору всегда был вторым да третьим по молоку, мясу, поголовью, урожаям.

Что теперь, в начале нового, XXI века? Ничего утешительного. Тринадцать коллективных хозяйств нынче превратились в два десятка СПК (сельскохозяйственный производственный кооператив) и АОЗТов — на базе все тех же колхозов, на ладан дышащих. А ведь были такие могучие: «Волго-Дон» — лучший в стране совхоз, «Россия» — пять тысяч литров с коровы, «Маяк», «Крепь»...

Рухнули могучие с большим грохотом. Одни — банкроты, другие — полубанкроты.

Почему такое случилось?

Дотошных читателей отсылаю к моим «Сельским тетрадям», которые из года в год публиковал журнал «Новый мир». Тут же скажу лишь несколько слов.

Совхоз «Волго-Дон». Лучшее овощеводческое хозяйство в России. Высокие урожаи. Помидоры, капуста, другие

овощи отправляются железнодорожными вагонами и речными судами в Москву, Ленинград, на Север. Да и в области продукцию совхозную покупают охотно и много (цена 6—10 копеек за килограмм при зарплате 70—120 рублей). Машина работает в условиях бесплатной воды для полива, дешевого горючего, даровой рабочей силы на уборке урожая, низких транспортных расходов.

Но вот начали бурно расти цены на электричество, горючее, удобрения, технику, транспорт; в такой же мере поднять цены на овощи было нельзя, так как резко упал бы сбыт. (Вот они, знаменитые «ножницы цен»!) Внутри области всю продукцию не продашь. За пределы — не вывезешь: телушка — полушка, да рубль перевоз. Консервные заводы берут с охотой, но денег не платят. Чем жить? Ведь вся структура совхоза построена с расчетом на поливные овощи.

Да еще тяжкий груз «социалки»: пятитысячный агрогородок с многоэтажными домами, школами, детскими садами, больницами — все на «шее» совхоза, а это значит — еще большее удорожание продукции, плохой сбыт, сокращение площадей. И денег вовсе неоткуда ждать. Банкроты.

Та же песня у соседей, в колхозе «Россия». Доили по пять тысяч литров от одной коровы. Но молоко у коровы на языке (кормить скотину надо). А с горючим и запчастями туго, значит, меньше пашем, меньше поливаем, меньше собираем кормов. Коровы меньше дают молока. Прибыли нет. Люди не получают зарплату. Чтобы жить, берут «натурой»: молоком, сеном. Одно за другое цепляется, и все вместе тянет вниз. Молочный завод, куда молоко везут каждый день, не платит деньги, ссылаясь на плохой сбыт. Не платит подолгу, порою годами. Инфляция высокая, она все «съедает».

А в совхозе «Крепь», где было элитное овцеводство, своя беда: шерсть не покупают фабрики, а если и берут, то денег не дождешься. И та же инфляция. А цены на горючее и электричество растут. Овец приходится резать. И теперь уже завтрашнего дня в этом хозяйстве нет.

И так год за годом. А сверху призывы: «Надо держаться! До весны... До осени... Годик-другой... Наши придут... Государство поймет...»

Ежегодное снижение производства на десять-пятнадцать процентов, свиноводство и овцеводство практически ликвидировано, около трети пашен брошено... Откуда взяться деньгам? За неуплату — отключения электричества, арест банковских счетов...

И даже летом 2001 года, редкостно благоприятного для земледельцев (всего было много и вовремя — дождей, тепла, погожих дней для уборки), ни одно из коллективных хозяйств района не могло быть уверенным в завтрашнем дне. Опять нет денег, а значит, нет горючего, нет запасных частей (не говорю о новой «технике»), нет зарплаты. Надо просить, занимать, отдавая в залог сто раз перезаложенное, дорезать последнюю скотину. Словом, завтрашнего дня у колхозов по-прежнему нет.

А что вместо них? Фермеры? Новые собственники и хозяева. По сводкам в районе их числится целых три сотни. Армия! Все вместе произвели они в этом году более двадцати процентов зерна от общерайонного. Но... триста фермеров — это лишь бумажная цифра, весьма «лукавая». На самом деле настоящих, самостоятельных хозяев меньше десятка. Когда я об этом говорю руководителю земельного комитета района Виктору Васильевичу Цуканову, он обычно возражает: «Больше...» Начинаем считать. Берем в расчет тех, кто развивается и расширяется, а не просто кое-как ковыряет землю, добывая скудное пропитание. Отец и сын Штепо, Олейников и Колесниченко, Кузьменко, Осипов... с известной натяжкой добавляем к этому списку Вьюнникова, Якутина. Именно они произвели все фермерское зерно, эти шесть-семь человек из трехсот. А других у нас нет и не будет. За десять лет «реформирования» сельского хозяйства произошел естественный отбор. Отсеялись неумелые, неудачники, пьяницы и даже серьезные люди, у которых просто «не пошло». Десять лет — это достаточный срок, чтобы определила жизнь цену хозяина. Вот и отсеялись... Осталось меньше десятка тех, кто будет работать завтра и послезавтра.

Все они люди с высшим сельскохозяйственным образованием, до фермерства работали в крепком совхозе, пройдя путь от рядового специалиста до руководителя. Словом,

есть знания, есть опыт и есть голова на плечах. Потому и выжили.

Но проблема в том, что эти хозяева земли больше брать не хотят. Каждый из них останавливается на рубеже 5 тысяч гектаров пашни.

Вот Олейников с Колесниченко: 4300 гектаров пашни, которая за десять лет работы превратилась почти в идеальную (осенью приезжал в нашу область вице-президент ВАСХНИЛ, так его, чтобы показать «культурное земледелие», привозили именно сюда); тридцать наемных работников с зарплатой в три тысячи рублей; вся земля — арендована на пять лет у пайщиков, каждому из которых в качестве оплаты выдается по две тонны зерна и, по потребности, солома; «управленцев» нет, бухгалтерию ведут жены; в этом году наняли механика, он будет старшим в мастерских. «Больше земли нам не надо, — говорит Олейников, — потому что получится неуправляемое хозяйство, тот же колхоз, от которого ушли. Уже сейчас это видно: я засеваю за смену восемьдесят гектаров, а мои работники — не больше пятидесяти».

Об этом же говорит и Виктор Иванович Штепо: «Больше земли не берем. 4 500 гектаров, и хватит. Уже теперь около шестидесяти двигателей: тракторы, комбайны, автомобили — а значит, больше и больше работников. За всеми не углядишь. Не успеешь — на одно поле, на другое, в ремонтную мастерскую. А нужно везде самому, иначе все расплзется и растащится, как в колхозе».

«Колхоз» — тяжелая ноша. Даже с посевными площадями в 5 тысяч гектаров. Это же целых 5 тысяч гектаров! Недаром такие весьма неглупые известные фермеры, как Мельников из Михайловского района, Парчак из Быковского, взяли всего по 300, по 500 гектаров и работают. Говорят: «Нам больше не надо».

Наши калачевские «маяки» тянут воз тяжелый. И потому их надо понять, когда говорят они: «5 тысяч га — для нас предел». Хотя, может быть, завтра они скажут иное.

В районе таких хозяев шесть или семь человек. Умножим на 5 тысяч, хотя у многих из них земли меньше, 35 тысяч гектаров получается. А в районе пашни — 200 тысяч гектаров. Куда девать остальную? 50 тысяч гектаров пашни

уже брошено, остальная кое-как обрабатывается: вместо настоящих черных паров перешли на «ранний» или «майский» пар, от которого проку мало, на так называемый сев «по стерне», а порою по уже взошедшим сорнякам; повально увлеклись подсолнухом, после которого земля пять-семь лет должна восстанавливаться.

О животноводстве и говорить нечего. Овец нет (было сто тысяч!), свиней нет, коров все меньше и меньше.

Да что коровы да овцы! Целые хутора исчезают. Один из моих «новомировских» материалов назывался «Последний рубеж». В нем шла речь о хуторе Большая Голубая — селении людном, почти в сотню дворов. Нынче на этом хуторе зимуют две семьи коренных жителей, несколько чеченцев и какие-то вовсе бездомные. Нет электричества, о печеном хлебе забыли, нет телефона, радио. Нет никакого производства. До «центра» — станицы и сельской администрации — пятьдесят километров грунтовой дороги. Последние две семьи не ушли только потому, что некуда уйти. Здесь хоть крыша над головой. Хутора практически нет. А земля осталась.

Что делать? Кто виноват? — вечные вопросы.

В последние годы, когда понемногу языки развязались и стало «все позволено», все чаще и чаще причиной бед России называют ее народ. Чего только не наплели: тут и чисто русское «рыгание кислой капустой и редькой», и знаменитая русская печь, на которой спит без просыпу весь народ, пьянство, леность, повальное воровство. И вывод: «Россия, ты одурела». Читаю и слышу об этом. Но вот в моей России все по-другому.

Июньский день. Невеликий поселок, в семи километрах от районного центра. Лето славное: чуть не каждый день дожди перепадают; туча пройдет, сразу — солнышко, тепло. Трава растет на глазах, зеленая, сочная.

Со стороны поглядеть: не людское селение, а муравейник. С утра до ночи тихая работа кипит: косят траву и серпами жнут стар и млад. Ребятишки да женщины везут на велосипедных рамах и багажниках набитые травой мешки, мужики в ручные тележки впрягаются; мотоциклы да мотороллеры проплывают, словно копны зеленые, и седока не видать.

Вот молодой мускулистый парень, до пояса обнаженный, в оглобли впрягшись, тянет груженную травой тележку. Следом — жена велосипед ведет, на нем — три огромных тюфячных мешка, набитых.

Встречаю поутру Владимира Филипповича Попова — бывшего председателя колхоза, Героя Социалистического Труда, спрашиваю, как всегда, о здоровье, о рыбалке.

«Какая рыбалка... — отвечает. — Все лежит, уже поржавело: удочки, ружье, лодка. Некогда. Закопались в этом хозяйстве: утки, куры. Сейчас траву надо заготовить...»

Вечерней порой катит мне навстречу Дмитрий — давний мой знакомец, колхозный токарь. Остановился, докладывает: «Утям, курам, поросенку с утра привез, посек, всю пожрали... Надо еще. А куда денешься?..»

Рядом с поселком «дачи». Здесь та же песня.

Дядя Жора Грузинцев. Когда-то я у него в учениках ходил на судоремонтном заводе. Он уж тогда в годах был, а теперь... «Работаю... Веришь, картошка заклекла. Еще разок подпушу...»

Врач из районной нашей больницы, Аржанцев, недавно у него инфаркт был.

«Я помаленьку... Надо. Помидоры посадил, Де Барао. И себе, и невестки из города приезжают, закручивают в банки, всякие соусы делают. На зарплату не проживешь».

Володя — шофер и рыбак. «Дачник»... Не меньше двадцати соток земли.

«Петрович, — негромко сообщает он мне, — я нынче упал. Ей-богу... Работал, работал на картошке... В глазах потемнело, и упал...»

Неподалеку еще один Володя — бывший газетчик, год ли, второй на пенсии. У него дома огород — загляденье. Рядом с двором еще прихватил землицы, картошку посадил. А теперь еще и пустующий участок присмотрел, занял его. «Гляди, какие тыквы, — хвалится. — Огрузимся. Всю зиму будем кашу есть. Да еще поросенка берем. Как-то жить надо...»

Где-то здесь целых два участка, чуть не тридцать соток, у Якова. Он — врач, и дочка — врач, только закончила институт. Днем — на работе. Вечером — сюда бежит. «Такая мошка, — говорит при встрече. — Отгонять ее некогда.

Таскаю ведра. Мочи нет, — остановишься, рукой проведешь — серое месиво. Заедает... Но надо. Я — тысячу двести, а дочка шестьсот рублей получает».

Еще один Володя (наверное, Ленин виноват) — инженер, жена работает, дочери — медсестра и школьница. Один огород возле дома, другой — у престарелой тетки, просторный, соток на двадцать, да еще картошка — в поле. Не жадность тому виной, а нужда, трудное время.

Соседи, знакомые, молодые и старые — у всех одна песня: «Ныне надеяться не на что. Надо работать...»

Ни один с протянутой рукой не пошел, тем более, с кистенем на большую дорогу. А что касается разоблачителей, у которых «Россия одурела», спилась, заворовалась, тем я просто сочувствую: среди каких нелюдей им приходится жить...

В моей России, как и прежде, работают. Иначе бы давным-давно нечего есть было и нечего было бы разворовывать.

Не разучилась, не отвыкла работать колхозная деревня. Но...

Первое. Говорил, писал, могу и повторить. За 80 лет, начиная с 1917 года, из деревни уходили, изгонялись, высылались, физически уничтожались самые энергичные, хозяйственные, умные, молодые работники. Гражданская война, «раскулачивание», «принудиловка», бесплатный труд вплоть до 50-х годов, закрытие школ, отключение электричества, плохие условия жизни (медицина, образование, быт, труд) — и потому — «бегство в город», которое продолжается и теперь.

Второе. Оставшиеся в деревне люди воспитаны колхозной системой. Вспоминаю давний разговор с тогда еще директором совхоза «Волго-Дон» Виктором Ивановичем Штепо. «Интересный народ, — пожимал он плечами. — У крыльца доска оторвалась, приходит работник, целый час у меня в приемной торчит, потом прораба ищет, потом мастера, ждет плотника. Давно бы сам прибил. Говорит: а зачем у нас в совхозе стройдвор? Я — тракторист. Каждому — свое. А может, он прав?»

Вот и получилось. Тракторист должен пахать, механик заботиться о ремонте, агроном указывать, проверять, дирек-

тор, экономист, бухгалтер должны думать и действовать, обеспечивая работу. Каждому — свое.

Письмо молодого хуторянина в районную газету: «Есть у нас родник, но течет очень медленно... К счастью, экологи из Калача собираются почистить и обустроить его. Наш клуб давно пора ремонтировать... Так что же, ждать, пока завалится? <...> Место, где мы живем, очень красивое, благодатное. Эх, нашелся бы такой человек, кто бы из этого захолустья сделал райский уголок...»

Собираюсь на один из хуторов, перед отъездом встречаю заведующего районо, он просит: «Погляди — там в школе вроде окно выбито и с дверью что-то. Скажешь. Придется ехать туда, чинить».

Хутор невеликий. И школа — всего шесть учеников. Но окно и дверь, которые поломаны не приезжими, ремонтировать должны сельсовет или районо. А вот родители местных школьников пальцем не шевельнут. Они «не обязаны».

У себя в огороде, во дворе, на базу они всё могут и всё знают. И корову, которая дает три литра молока в день, никакой дурак держать не будет. Как и свинью, у которой привес 170 граммов. Это же разоренье!

А вот колхозная живность с такими привесами и надоями — обычное дело. При этом кормов израсходовано в три раза больше нормы. А чтобы эти корма получить, израсходовали солярки и бензина в три раза больше нормы. Конечно, никаких доходов при таком хозяйствовании и быть не может. На каждый центнер мяса по пять тысяч рублей убытка. Но хозяйство живет и «занимается животноводством».

Говорил об этом много, можно и еще больше. Повторяю одно: нынешние коллективные хозяйства (за очень редким исключением) еще живы только потому, что их непрерывно поддерживает государство, в ущерб себе. Перспективы от поддержки слабых, разоренных и развращенных коллективов нет. Именно развращенных бесконечными «списаниями», «рассрочками», реорганизациями. Цитирую: «“Варваровский” за последние два года пережил две реорганизации. Сначала сельскохозяйственный кооператив (СК) преобразовался в МУСП — муниципальное унитарное сельскохозяйственное предприятие (отказавшись от уплаты всех долгов. —

Б. Е.), а затем в ОАО» (снова отказались от долгов, которых за год наделали). Начинало свою деятельность ОАО с «чистого листа», но уже успело нахватать долгов. Значит, не миновать новой «реорганизации».

Эта «поддержка» продолжается, в том числе и моральная. В августе 2001 года центральное телевидение и газеты сообщали о «боях местного значения» между колхозами и судебными приставами, которые пытались взыскать долги. Заголовки и фразы были очень хлесткими: «Они вели себя как в Чечне», «Допрыгаются они до гражданской войны...»

А если без эмоций, то речь идет всего лишь о том, что долги надо возвращать. Колхоз «кредитуют» горючим, запчастями, семенами. А придет пора отдавать, начинается «дипломатия»: «Мы разве знаем, что это за долги? Мы там, наверху, не вращаемся...»

Весной крик: «Дайте горючего! Нечем сеять!» А осенью: «Ничего не знаем!» «Не знаем» про то, что надо делать отчисления в пенсионный фонд, платить налоги. Про то, что каждый месяц пенсию надо получать, все знают. Детские пособия — тоже известны. Школа, больница, учителя, врачи, армия, милиция... Плохие они, хорошие ли, но содержать их надо.

Еще слава богу, что у нас государство бюджетом небогатое. И потому понемногу начинают объявлять банкротами недееспособные хозяйства, вводить внешнее управление. (Проснулись! Этот процесс, согласно указу президента, должен был начаться с февраля 1991 года. Тогда еще было что делить и продавать.) Нынче банкротство происходит в основном «диким образом»: трактор — по цене колеса — «хорошему» человеку.

По-умному сумели провести процедуру банкротства в «Лебяжьей поляне» Среднеахтубинского района два года назад, поделив технику и оборудование между двенадцатью фермерскими хозяйствами, которые по производству с лихвой превзошли хилый колхоз. Но этот пример — редкостный. В основном же банкротят неумело, разрушая хозяйство, или умело — с корыстью. Но это беда не только сельская. Недаром у наших областных властей в чести нынче лозунг: «Не позволим банкротить!».

Власти областные и те, которые выше, постоянно твердят: «Жить стало лучше, жить стало веселее». И на селе — тоже. «Я же вижу, как на глазах село поднимается», — сказал недавно наш губернатор. Не будем судить строго. Должность обязывает. И поэтому вся надежда на новые идеи. Весь прошлый год губернатор уповал на РАО (районные агрообъединения), требуя их создания в каждом районе. Создали. У нас в Калаче, спустя год, РАО вот-вот объявят банкротом. Причина все та же. Колхозы не возвращают кредиты.

Агробанк, Агрокорпорация, Агрообъединение... Название красивое, а фундамент нового образования — вчерашний хилый колхоз. Поэтому и сооружение получается шаткое.

Мой район — Калачевский — в области далеко не худший. Из двенадцати коллективных хозяйств в четырех в нынешнем году введено внешнее управление, то есть они — банкроты: «Крепь», «Волго-Дон», «Дон», «Калачевский». Остальные, почти все, — в двух шагах от банкротства. В Пятиизбянке и Мариновске и «банкротить» нечего. «Нива» — одни головешки; «Голубинский» начальство хвалит, хотя это — голь перекатная. Кое-как держатся «Тихий Дон» да «Мир» — «реформированные» и «перереформированные», побросавшие большую часть своих полей и от прошлых немалых долгов отказавшиеся. А на тех землях, что оставили себе, наемники хлеб убирают за треть урожая. В общем, колхозы района доживают последние свои дни. При государственной поддержке они могут и дальше чадить. Но что проку?.. Недаром вновь избранный глава администрации района во всеулышание заявил о том, что не в коллективных, а в фермерских хозяйствах он видит спасение района. Жаль, не уточнил, откуда возьмутся новые фермеры. С неба они не падают. А те, что есть, как уже сказал я, земли свои расширять не намерены, опасаясь превращения в «колхоз».

Повторю цифры. В районе около 200 тысяч гектаров пашни. Фермеры осият 35 тысяч. Что делать с остальной землей?

В областном центре неглупый человек, мой земляк, один из руководителей области, сидит и вздыхает: «Мы подсчитали. В области два миллиона гектаров пашни заброшено.

Чтобы ее пустить в производство, нужно десять тысяч рублей на один гектар. Значит, двадцать миллиардов рублей. Где их взять? У государства нет. Нужен капитал...» В запустении, конечно, гораздо больше, чем два миллиона гектаров. А вот «капитал», действительно, нужен. Но где его взять?

Порою мне кажется, что наши правители твердо уверовали: сдобные булки сами собою на деревьях растут.

Декабрь 2001 года. Вице-премьер правительства А. Гордеев разъясняет многомиллионной армии читателей «Аргументов и фактов»: «Сейчас в России сельхозпредприятий даже больше, чем было в советское время: 27 тысяч вместо 22... Хозяйства изменили форму собственности, разделили землю и имущество на паи и акционировались. Многие сумели адаптироваться к рыночным условиям».

Замечательно живем
И прекрасно кушаем!
И по радио артистов
Из Москвы мы слушаем!

Это частушка для колхозной самодеятельности горьких лет «голодухи». Из Москвы присылали «репертуар».

Часть 2. БЛАГОДЕТЕЛИ ИЛИ ЭКСПЛУАТАТОРЫ?

Один из кабинетов районной администрации. Открывается дверь, и входит «капитал»: два молодых человека, по обличью те самые, про которых по телевидению фильм за фильмом показывают. Зашли ребята, начали с хозяином кабинета разговор: «Мы брали землю в аренду, две тысячи га. Все бумаги подписывали. Вложили деньги, миллиона два. Пашем, собираемся сеять озимые. А в колхозе переизбрали председателя, новый говорит, что все отменяется...»

История простая и для нынешних времен рядовая: договор оформили, но какую-то юридическую «закорючку» упустили. Новый председатель за нее зацепился: то ли собирается «подойти», а может, благие цели преследует.

Про новых «капиталистов» в кабинетах начальственных доброго не говорят. «Они же тракторы за долги забрали, за бесценнок. — Откуда у них деньги? Понятно... — Магазины у них в городе. — Знаем мы эти магазины. Криминал».

Ныне знаменитая в нашей области фирма «Гелиопакс» работает с землей около пяти лет. Получает урожаи «европейские»: по 50—60 центнеров с гектара. Элитное зерно, семенное. Имеет собственный элеватор, немецкие комбайны, налаженное производство. Но если вспомнить, то пришел «Гелиопакс» на землю тем же самым путем: дал коллективному хозяйству «Бочаровский» кредит горючим, семенами, запчастями. Кредит, по обычаю, не был возвращен. Но договор кредитования составлен был юридически грамотно, и все имущество «Бочаровского» оказалось у «Гелиопакса», который ничего не продавал, а стал умело хозяйствовать. Нынче областное руководство проводит здесь семинары, стараясь научить уму-разуму нерадивых селян. «Гелиопакс» теперь маяк и лидер сельхозпроизводства. Как он пришел на землю, откуда у него деньги взялись, чьи это деньги, про это теперь забыто. А ведь всякие слова говорили. «Гелиопакость» — самое мягкое.

И теперь говорят. Но о других.

Вот шумная история со сменой собственника на Карповском элеваторе. Газеты пишут о «московском криминале».

В Клетском районе сразу два коллективных хозяйства уходят «под крыло» частной компании, даже название которой — тайна. Мнения разные.

Положительное. Из моего района несколько руководителей ездили опыт перенимать. Понравилось. Рассказывают: «Фирма заплатила все долги колхоза, но забрала имущественные паи: производственные помещения со всем оборудованием, машины, тракторы, комбайны. Обеспечили горючим, запчастями, покупают новую технику, платят зарплату. Земля вся пашется, засеивается. Деньги у фирмы есть. Поставили своих руководителей. Демократия кончилась». Еще одно новшество, о котором добавляют не сразу: земельные паи, по договору, люди отдают фирме на десять лет. Но там, в договоре, есть пункт: если человек потом захочет забрать свой земельный пай, то он должен возме-

стить фирме денежные средства, вложенные за эти десять лет в его пай, то есть цену удобрений, обработки гербицидами и прочего, прочего. А откуда он деньги возьмет? Ничего он не возместит, и земля перейдет к фирме.

Другое мнение: «Там — дело темное. Покровитель — глава администрации района. Брали не нищие хозяйства. Озимых — под 10 тысяч га, вспаханная зябь. Такие хозяйства с урожая и сами бы расплатились. Но на собрании тем, кто был против, заткнули рот. И засадили хозяйство в кабалу, из которой не вылезти. А чья эта фирма? Чьи деньги? И чья будет завтра земля? Сидят новые руководители под одной крышей с...» И шепотом называется имя «кавказца», которому уже многое в районе принадлежит.

Еще один район — Еланский. Здесь дело серьезней: речь идет не о двух тысячах гектаров, не о двух колхозах, здесь ставки крупнее. И потому про этот район расскажем подробнее. Вот слова не кого-нибудь, а председателя комитета по земельным ресурсам района, человека, который каждый клочок своей земли знает: «Вопрос использования земли в районе стоит очень остро. 25 тысяч гектаров вообще не используется. Но это еще “цветочки” по сравнению с тем, что ждет нас. Вспахано зяби и паров 54 тысячи га, засеяно озимых 23 тысячи га, из 172 тысяч га: значит, еще половина нынче зарастет бурьяном. Коллективные хозяйства района, за исключением нескольких, не в состоянии обрабатывать землю».

«Мы пытались отдать часть земель в аренду фирме “Телиопакс”, калмыкам, но они не берут», — вторит коллеге председатель районного комитета по сельскому хозяйству. Калмыки — пусть далекие, но соседи. А в колхозе «Заря» зимним холодным днем в Дом культуры на собрание пришло все село, даже самые дряхлые. Подводились итоги года. Они неутешительные: половина пашни заброшена, растениеводство дало убыток в 320 тысяч рублей, животноводство в 600 тысяч рублей, около тысячи тонн зерна осталось на поле, осыпалось.

Еще одна кабала — финансовая: зерно стоит на рынке около двух тысяч рублей за тонну, а колхоз его отдает кредитору — «фирме» — в десять раз дешевле (в десять раз!).

Так умно составили договор. Думаете, поэтому все село пришло на собрание? Вопрос жизни и смерти решать? Ведь на земельный пай владельцам нечего выдавать.

Нет! Все как один пришли потому, что прослышали: на собрание приедут евреи, граждане Израиля, и возьмут землю у пайщиков, а за каждый пай, вроде бы, будут платить по две с половиной тысячи рублей в год. Но еврей-спасители не приехали. Объявились в районе спасители другие.

Телефонный звонок руководителю земельного комитета области: «Почему отдаете землю “криминалу” в Еланском районе?» — интересуется известный своей прямоотой журналист, которого понять можно: речь идет о 34 тысячах гектаров земли, пяти бывших колхозах. А «криминал» — это ОАО «Агро-Елань», которое, как сообщает районная газета, является дочерним предприятием еще одной фирмы — «Агрокомекса». От имени организаторов и учредителей выступил человек, которого областная и центральная пресса называет «известным в криминальных кругах», объявляет, что он имеет две судимости, а в настоящее время привлекается еще по двум уголовным делам.

Не моя задача разбираться в этих делах, тем более что у нас в России чуть ли не каждый бизнесмен да политик «привлекается». Есть ли нужда громкие имена произносить в доказательство?

«У вас ничего не получилось с землей», — говорят представители «Агро-Елани» уже бывшим колхозникам. И они правы. Эти колхозы — «Под знаменем Ильича», «Красное знамя», «Первомайский», «Мир», «Рассвет» — не обрабатывают семидесяти процентов своей земли. «Попробуем теперь мы», — говорит новая фирма, генерального директора которой при всем желании не отнесешь к «бандитам». Павел Петрович Чумаков долгие годы успешно возглавлял в этом районе колхоз имени Коминтерна, избирался депутатом областной думы, возглавлял в ней аграрный комитет. Глава КПРФ района, словом, «красный председатель» — так его уважительно именовали в печати. Никакого «криминала» за ним не числится.

Хозяева новой фирмы объяснили свой приход довольно просто: будем вкладывать деньги (в первый год 200 мил-

лионов рублей) для того, чтобы получать прибыль. Резон есть: в районе плодородные земли, две железнодорожные станции, элеватор, маслосырокомбинат и мясокомбинат. Павел Петрович Чумаков весной 2001-го разъяснил через районную газету, что «на подъем сельского хозяйства в районе будет направлен частный капитал», «вся земля должна быть обработана — это фирма гарантирует», «до конца года техники будет получено на 200 миллионов рублей. Это тракторы: десять К-744, десять ДТ-75, пять МТЗ, автомобили, спецтехника, новые импортные комбайны...» И подчеркнул, что «частный капитал себе в убыток работать не будет... Все будет считаться... Охрана будет осуществляться наемными вооруженными работниками... Охраняться будет все...». И как лидер коммунистов района добавляет, что «Агро-Елань» — «вариант на сегодняшний день вполне приемлемый».

Какой «капитал» пришел в колхозы «Красное знамя» и «Под знаменем Ильича» и другие, разбираться не мне (а на «Красноярском алюминии», на «Уралмаше», в Новороссийском порту и далее чей капитал?), но полгода спустя, осенью 2001 года, можно было подвести кое-какие итоги.

Весь урожай собран. Но главное — произошел коренной перелом, то есть: всю землю вспахали, посеяли озимые, подготовили хорошие пары. Посеяли 13 тысяч гектаров озимой пшеницы, вся земля агрофирмы вспахана, на 8 тысячах гектаров внесли минеральные удобрения, заложили семенные участки суперэлиты. Только на закупку семян затрачено 4 миллиона рублей. Итог: посевы озимых увеличились в четыре раза, причем, по хорошему пару, отличными семенами, в удобренную почву. Цель: урожайность в четыре тонны с гектара.

Второе, очень немаловажное. Люди получают заработную плату, причем очень весомую для села. Прежде, уже пять и более лет, никаких денег не видели. В хороших колхозах если и платят, то по 500—700 рублей. А теперь? Вот цифры: Н. А. Кулагин за 30 рабочих дней — 5 137 рублей, М. В. Бобылев — 5503 рубля, А. И. Бочков — 4 889 рублей и т. д... Таких заработков сельчане никогда не видели.

Но... Во время полевых работ механизатор работает по двенадцать часов. За серьезное нарушение дисциплины — увольнение. По старой колхозной привычке решил «сбежать» на тракторе в хутор за сигаретами. На следующий день — расчет. Во время подъема зяби в Первомайке устроили выходной, на следующий день управляющий Журбин был уволен. Если ты не выполнил норму на пахоте, на севе, то получишь в два раза меньше своего товарища, который эту норму выполнил. За нарушение агротехники — штрафы и в конце концов увольнение.

Рассказывает П. П. Чумаков: «Приехали четверо молодых парней из села Терновое, хотели устроиться на работу. Но когда узнали про жесткие условия, то решили погодить. Не зря в районной газете то и дело появляются объявления: “Агрофирме требуются механизаторы...” И это в сельском районе, где десятый год плачут: “Нет работы...”»

Вот знаменательный разговор во время долгого перекура в ремонтной мастерской колхоза пока еще «самостоятельного»: «Зарплаты нет, надо, наверное, в “фирму” устраиваться. Ведь все равно на кого работать, лишь бы деньги платили. — Погоди, шустрый... Сидишь, куришь и уже похмелился. А в фирме сразу выгонят только за запах. А если двигатель заперешь, штаны снимут, корову заберут, чтобы за твой счет отремонтировать. А если трактор возьмешь дрова привезти или упереть чего... Вовсе голову снимут, там такая охрана. Так что сиди, кури и не рыпайся».

Не потому ли да еще из-за страха перед неведомым в агрофирму к частному капиталу согласились идти не все? Даже колхоз, которым долгие годы руководил нынешний генеральный директор «Агро-Елани» Чумаков, отказался от агрофирмы. Колхозное собрание получилось бурным: «Не пойдем в кабалу!», «Надо поглядеть, что у других получится!» Уходить от привычной жизни непросто (семьдесят лет в колхозе! Три поколения!). Конечно, и «агитация» сыграла свою роль. Колхоз — небедный. Возглавить его желающие есть: главный экономист, главный бухгалтер, главный ветврач — люди умные. Они победили. Пока победили. А что будет завтра?

Мне приходилось уже говорить о том, что в правительстве не знают пути реформирования колхозов. Вице-премьер и министр сельского хозяйства РФ А. Гордеев: «Конкретные же меры... будут разрабатываться и корректироваться по мере улучшения в стране экономической ситуации». Ему вторит еще один руководитель рангом чуть ниже: «...практически невозможно сказать, что конкретно надо делать для решения стоящих перед Россией проблем». И это — правительство, «капитанский мостик».

В правительстве толком не знают, надеясь, что все «образуется». Власти областные придумывают всякий год что-то новое, а оно на поверку оказывается совсем недавним старым.

Губернатор заявил, что нужно создать «Сельхозбанк», который будет заниматься сельхозпроизводителями, и там надо сосредоточить средства... Был такой банк, назывался «Агропромбанк». Он построил себе огромный офис и «лопнул».

На смену «Агропромышленной корпорации», которая работала для селян и обанкротилась, появился «Продовольственный фонд» с теми же задачами. Летом 2001 года под нажимом областных властей он скупал у колхозов пшеницу по три тысячи рублей за тонну, тогда как рыночная цена была 2 200 рублей. Какая уж тут «экономика». А ведь деньги бюджетные. Снова банкротство? А потом новый «фонд» с бюджетной начинкой.

Еще один «выход» придумала областная администрация. Очень простой. В области работает двадцать банков. Обращение ли, приказ банкирам: «У вас уже есть свой жирок. Раньше вы тратили очень много для создания своих офисов. Пора складываться... Давайте посмотрим, какой банк сможет дать 20, 30, 40 миллионов в кредит... 350 комбайнов стоят 700 миллионов... Поможем сельскому хозяйству...»

Такой вот простой выход: «Жируешь, банкир! Поделись!». Для массового митинга лозунг — лучше не придумаешь. А для реальной экономики, которая внедряется уже целое десятилетие, такой метод подъема сельского хозяйства — анекдот. Но ведь не в «курилке» это услышано, а на «коллегии областной администрации».

Два официальных извещения: «В связи с тем, что колхозы... задолжали ОАО «Еланская агропромышленная компания» 13 миллионов рублей... и не рассчитались, компания оказалась банкротом». «В настоящее время создано «Районное агропромышленное объединение (РАО) «Еланское»»...

ОАО «лопнуло», на смену ему создали РАО. Теперь, конечно, дела в колхозах пойдут хорошо.

«Мы планируем перейти на звеньевую систему. Новое подхлестывает людей. У них интерес появляется», — говорит один председатель колхоза.

«Мы проводили разные реорганизации. Внедрили звеньевую систему. Первые три года вопросов не было. Потом появилась тенденция: как бы меньше сделать, а получить то же самое. Мы вынуждены были распустить звенья», — отвечает другой председатель.

Значит, тоже — не выход.

Областные власти призывают: «Надо создавать МТС. Собирать технику в кулак».

«Некоторые наши новшества просто губят колхозы, имею в виду МТС», — отвечает на это председатель крепкого колхоза «Таловский».

«Второй путь — слабых подтянуть с помощью сильных, — внушает областное руководство. — Крепкое хозяйство подтягивает под себя “лежачее” и таким образом помогает ему». Ответ председателя колхоза: «Где они сегодня — сильные? Если в бочку меда добавить ложку дегтя, значит, всю бочку испортишь».

Предлагают всякое. Например: «Колхозы пора дробить. Через два-три года мы все равно придем к мелкотоварному производству».

И правдивое, выстраданное из уст председателей колхозов:

«Сознание людей в колхозе не изменилось. Люди не понимают, что все это принадлежит им».

«...Все осталось по-старому: люди... привыкли, что можно ходить на работу и не работать».

«...Берем кредит, и только у меня одного болит голова, как его отдавать».

«...Я каждый день должен следить за каждым плугом, культиватором, комбайном, залезать в каждую борозду. Мне говорят: “Тебя надолго не хватит”».

«...Говорят, что наше хозяйство лучшее. Но сельское хозяйство влачит нищенское существование».

Вот уже долгие годы я читаю и перечитываю Джеймса Хэрриота, сельского ветеринара, бытописателя английской «глубинки». Он пишет, что милым его сердцу фермам с небольшим хозяйством со временем пришел конец. Их заменили, вытеснили крупные сельскохозяйственные компании. Капитализм, конкуренция, экономика...

В России фермерство не прижилось, хотя в начале реформ ставку делали на него. Причин много. Но факт очевидный: в Калачевском районе из трехсот, имеющих землю, лишь о десяти хозяевах можно говорить всерьез.

И вот явление для России новое: крупные сельскохозяйственные компании. Калачевскому району пока «не повезло». Может быть, потому что земля незавидная. Но уже идут разговоры о каких-то немцах. А в Елань — нашествие. Еще в начале 2001 года — только двадцать пять коллективных хозяйств и ничего более. А в конце года — «Агро-Елань», забравшая земли восьми колхозов, пока лишь в аренду, но как осторожно заметил гендиректор фирмы: «Владельцы могут продавать свою землю. Я это... не исключаю». И еще одна крупный «Агрохолдинг “Волгоградский”», по словам его генерального директора, взял в аренду 60 тысяч гектаров. А еще ЗАО «Сельхозпродукт», которое пришло в два колхоза.

За один лишь год больше половины земель района перешло в руки новых хозяев — про них районная газета спрашивает в заголовке: «Благодетели или эксплуататоры?» И тут же отвечает: «Тракторы, комбайны, автомобили идут нескончаемым потоком. Душа радуется при виде этой картины. И когда знакомые, измученные безработицей, делятся радостью — их приняли на работу в агрофирму и даже зарплату выплачивают. Да и земля-матушка, которую извечно называли кормилицей, наконец-то обретает рачительного хозяина». Рай земной? Или просто наконец-то нормальное хозяйствование?

«Другого выхода нет, — признает председатель комитета по сельскому хозяйству района. — Рано или поздно к этому выводу придут и другие. Сейчас люди сопротивляются, надеются на государство и не понимают, что помощи оттуда не будет».

А районный Совет депутатов рекомендует главе администрации района «принять меры, чтобы другие хозяйства семь раз отмерили, прежде чем отдавать землю», «процесс передачи земли следует приостановить <...> и сделать вывод о правильности выбранного курса на капитализацию сельскохозяйственного производства». Не поздно ли?

Газета «Коммерсант» от 3 октября 2001 года: «Вчера глава холдинговой компании “Интеррос” Владимир Потанин объявил о решении заняться сельскохозяйственным бизнесом. В ближайшее время будет зарегистрирована компания с уставным капиталом в 100 миллионов долларов».

Газета «Известия» цитирует гендиректора агропромышленного комплекса «АГРОС» Д. Ушакова: «“Интеррос” далеко не первый в агробизнесе. <...> Просто мы не побоялись открыто выступить и заявить о своих намерениях и стратегических планах по созданию и развитию крупной агропромышленной компании».

Та же газета «Известия» сообщает, что С. Харитон, начальник главного управления программ регионального развития Воронежской области, «предупредил, что уже следующим летом у половины из 700 воронежских колхозов будут новые богатые хозяева».

Благодетели или эксплуататоры? А может быть, просто новые хозяева, которые заявили колхозникам прямо: «У вас не получилось, попробуем мы».

ЧЕТВЕРТАЯ СИЛА

В ноябре 2002 года, как и положено (цыплят по осени считают), с трибун высоких, правительственных было немало сказано о том, что наконец-то преодолен кризис в сельском хозяйстве страны. Состоялось заседание прави-

тельства. Как сообщала газета «Сельская жизнь», более четырех часов обсуждались сельские дела.

«После заседания... премьер-министр Михаил Касьянов говорил о том, что фраза о черной дыре отечественного агрокомплекса может быть похоронена... За три последних года... удалось преодолеть кризис в этой сфере экономики».

Из доклада Министерства сельского хозяйства России: «С 1999 года сельское хозяйство вышло на положительную динамику роста валовой продукции... Начала укрепляться экономика сельскохозяйственных предприятий. Значительно сократилось число убыточных хозяйств...»

Г. Кулик, глава Комитета по аграрным вопросам Государственной думы: «Правительством сделано многое и обеспечен перелом ситуации в селе... перелом наступил... большее число хозяйств работает рентабельно».

А вот свидетельства иные:

«Наш трудовой коллектив обращается с просьбой разобраться... Заработная плата так и осталась невыплаченной... Люди добросовестно трудились, вырастили урожай, но убирать его нечем, нет ГСМ. Труд людей пропал даром. Приходится существовать на пенсии родителей и на доходы с личного подсобного хозяйства. Неужели не в вашей власти помочь нам?»

«...пишет вам письмо житель села Левчуковой, простой тракторист, проработавший на тракторе “МТЗ-80” почти сорок лет в животноводстве, с пятнадцати лет на тракторах и впоследствии остался без работы и без трактора. Наше хозяйство — банкрот. Трактор забрали, а ты, говорят, ищи другую работу, а где ее искать, и вот моя семья осталась без зарплаты... как жить дальше и кормить семью, я ума не приложу... В 2002 году у меня хотели забрать трактор “МТЗ-80”, гос. номер 23-10, но я не отдал, с кулаками, но отстоял своего кормильца, думал, выкуплю его себе... Трактору моему шестнадцать лет, сколько труда, сколько запчастей я в него вложил за свои деньги и за магарыч. Но его так оценили дорого, что я не в состоянии его купить... Я не хочу воровать, я хочу добросовестно работать и кормить свою семью».

«Был когда-то совхоз, а потом исчез без звука, и остались мы ни с чем, муж в пятьдесят лет (из них 37 стажу тракто-

рист), когда стали забирать трактор и комбайн, сошел с ума...»

Но... Как говорится, «письма пишут разные». Выводы руководителей страны о том, что кризис в сельском хозяйстве России остался позади, основан, конечно, не на письмах, а на конкретной экономике сегодняшнего дня деревни.

Волгоградская область — это Россия, область, которая нынче собрала 3 миллиона тонн зерна, Калачевский район — далеко не последний. Давайте поглядим, какой тут перелом свершился, какое произошло преодоление кризиса.

Нынче конец октября. День ясный, солнечный. День похорон великого «Волго-Дона», лучшего совхоза СССР, а потом России. Об этом хозяйстве писал я не раз в «Новом мире» и в газете областной, где статья называлась прямолинейно: «Осторожнее, “Волго-Дон”». Еще десять лет назад это хозяйство имело 8 тысяч голов крупного рогатого скота, огромное молочное стадо со среднегодовым надоем 5 000 литров, урожайность зерновых — 40 центнеров, овощей — 500 центнеров с гектара. Хозяйство производило каждый месяц 800 тонн молока, 100 тонн мяса. За год — 10 000 тонн томатов, 20 000 тонн капусты и прочее. Здесь были не «буренушки» и не «соха-матушка», а высокие технологии, с которыми уважительно знакомились зарубежные гости.

В 1993 году в очерке «Поживем — увидим» писал я: «По прикидкам, год 1993-й совхоз закончит с прибылью в три четверти миллиарда. Но эти деньги опять будут липовыми. А липовыми деньгами не выдашь зарплату, на них не купишь технику... Зарплату людям не платишь, а значит, сквозь пальцы смотри, как они растаскивают совхозные корма по своим подворьям. И если так дело пойдет, то уже через год-другой скотина хозяйская съест скотину совхозную. И совхоз рухнет».

В 1994 году в очерке «Последний рубеж» писал я: «...“Волго-Дон” из своих доходов примерно треть тратит на социальные нужды... “Волго-Дон” ежедневно поставяет продукцию, а значит, платит немалый НДС и налог на прибыль и отчисления в Пенсионный фонд... Ему должны 790 миллионов — покупатели, 550 миллионов — государство,

570 миллионов — переработчики... Как жить «Волго-Дону», который уже в сентябре имел 2 или 3 миллиарда долгов? Хотя по бумажным расчетам он вроде бы процветает».

Тогда же писал я: «Большой рушится с большим грохотом».

И вот он рухнул. В нынешнем году «Волго-Дон» не получил никакого урожая овощей, хотя и сажал их. Не посеяли ни одного гектара озимых культур. Не вспахали ни одного гектара зяби. Последняя тысяча голов скота будет продана, уже объявлены торги. И слава Богу, хоть от голода мучиться не будут.

Все. Конец. Сегодня, 30 октября, в «Волго-Дон» приедут начальники областные, районные, чтобы раздать землю успешным фермерам, «инвесторам» ли, словом, тем, кто захочет. Но это будет горький дележ на пепелище. Собираться нужно было, чтобы думать и решать, хотя бы пять лет назад.

Но еще в прошлом да в позапрошлом году твердили и твердили областные власти:

Вице-губернатор области: «У нас есть специалисты высокого класса и большого опыта, такие, как Булюсин (руководитель «Волго-Дона». — Б. Е.)».

Еще один вице-губернатор: «Надо опираться на Булюсина...»

Вот и «доопирались». Десять лет под носом у областных руководителей разваливался лучший совхоз страны. Кто виноват? Конечно же, не областные руководители.

В том, что «Волго-Дон» десять лет разваливался, а теперь рухнул, объективных причин пруд пруди: новая экономика, политика правительства, импорт, Господь Бог с дождями и засухами — все порознь и вместе. Но скажите, почему в соседнем коллективном хозяйстве, отделенном от «Волго-Дона» лишь узкой полосой судоходного канала, — «Луч» Городищенского района, — почему там коровы дают столько же молока, сколько и десять лет назад, и пшеница там зреет, и лук с помидорами растут, и зарплату работники получают. Может быть, молятся больше?

Новый вице-губернатор П. П. Чумаков сказал нынешним летом, что 99 процентов вины за гибель «Волго-Дона»

лежит на его руководителе А. И. Булюсине. Думаю, что на руководителях областных и районных вины столько же, если не больше.

Но что проку, если и найдем виноватых. «Волго-Дон» ведь не хутор Кумовка, не Ярки-Рубежные, где у каждого есть огороды, картофельники, а у всех вместе — выпасы для скота и какие-нибудь покосы. Тоже без колхозной работы несладко, но можно прожить. В поселках «Волго-Дона» — многоэтажные дома, балконы, квартирная плата выше городской. Более двух тысяч работников остались без дела: овощеводы, скотники, доярки, телятницы, механизаторы. И без зарплаты, даже той, которую выдавали капустой ли, луком, огурцами. Где другую работу найти? Вокруг — степь да степь на десятки верст. Это уже великая людская беда, которой никто не поможет.

Горькая череда разорений: коллективные хозяйства «Дон», «Калачевское» исчезли. Таких и названий уже нет. Теперь — «Волго-Дон», за ним — «Крепь»... Но люди-то остаются. Живые люди.

Статья в районной газете. Ее автор руководит ныне сельским хозяйством района. «В сельхозпредприятиях района создалось тревожное положение, — пишет он. — Нельзя допустить повторения судьбы “Волго-Дона”».

Какой же выход видит он из сложившегося положения, когда урожай неплохой, но цены на зерно низкие, а стоимость горючего и запасных частей растет.

Во-первых, «при сложившейся низкой цене реализации зерна у коллективных хозяйств есть реальная возможность увеличить ее, «пропустив» зерно через производство молока и мяса».

Думаю, что этот «выход» придумал не районный руководитель. Такой же совет селянам еще летом, сразу после уборки урожая, давал губернатор области: «пропустим» фуражное зерно через коров и свиней, получим молоко и мясо.

И министр А. Гордеев такие же речи говорил.

Но вот где взять этих самых свиней, чтобы через них «пропускать», если их не осталось? Все поголовье нашей области — это практически единственный свинокомплекс «Краснодонский». Когда калачевские фермеры Колесничен-

ко, Олейников, Кузьменко решили заняться свиноводством, то главная трудность была — купить поросят, свиноматок. Два года пришлось колесить по всему югу России. То же самое — с крупным рогатым скотом, с коровами. Через кого «пропускать», если только за этот год поголовье скота в колхозах уменьшилось на 18 процентов, а коров — на 24 процента. (На четверть — всего лишь за год!) 68 тысяч голов осталось от трехсот тысяч. Уничтожены молочно-товарные фермы, животноводческие комплексы, на восстановление которых потребуются десятки лет и десятки миллиардов рублей, которых неоткуда взять. Так что все эти рассуждения о том, чтобы излишки фуражного зерна «пропустить» и получить молоко и мясо, — пустые словеса. Тем более что, если бы нашелся волшебник, превративший фураж в мясо и молоко, тут же — новая проблема: куда девать мясо и молоко? Уже сейчас наши мясокомбинаты (Калачевский, волгоградские) работают на импортном дешевом сырье. Мясо местных производителей в цене падает. По 22 рубля за 1 килограмм живого веса берут. С молоком та же беда. Молочные заводы принимают его по 3—4 рубля за литр при жирности 3,6 процента, продают от 10 до 20 рублей при жирности 2,5 процента. Потому и коров режут на мясо стадами. В Михайловский район, в «Рассвет», ездили уговаривать колхозников из областного центра: «Оставьте молочное стадо. Нельзя целую отрасль уничтожать». В Клетском районе, в «Пролеткультуре», та же песня: «Общее собрание постановило: “Оставить десяток-другой коров для внутрихозяйственных нужд. Остальное стадо — под нож”». Замечу: самое крупное стадо в районе. А резон один-единственный: «Мы — в коровьем дерьме, а переработчики молока — в мерседесах. Не будем на них батрачить».

Одни не хотят «батрачить» и режут коров, другие не хотят сеять, потому что «зерно невыгодное». А куда деваться, чем жить?

Никто не знает, куда идти и что делать. Но если ты начальник — большой ли, малый — обязан что-то говорить.

Цитата из районной газеты:

«Специалисты районного сельхозуправления для более эффективной организации производства в коллективных

сельхозпредприятиях разработали ряд рекомендаций, которые были опубликованы в районной газете еще до начала уборочной страды. Одна из них, и, я считаю, важнейшая, — проводить общие собрания коллектива два раза в год: в марте и в августе. Что это даст? Ту самую прозрачность в управлении коллективным хозяйством, которая по известным причинам не приветствуется большинством руководителей».

Об этом проекте спасения коллективных хозяйств автор его — новый районный руководитель, ведающий делами села, — рассказывал мне как о модели выживания.

Все просчитано: 200 работников, 5 000 гектаров земли, 300 коров, 1 700 гектаров пара, столько же — озимых культур, а еще: кукуруза, однолетние, многолетние травы. Урожайность, надои, расходы — все просчитано. Заработная плата: 1,7 млн рублей на двести человек, получается 710 рублей в месяц. Спрашиваю: «Как может прожить человек на 710 рублей в месяц, да еще с семьей?» — «Иначе не получается, — мне в ответ. — Электроэнергия, запчасти, горючее, налоги...» — «Даже при зарплате в 710 рублей — это модель умирания. Где средства на развитие, обновление техники?» — «Не до жиру...» — вздыхает автор проекта.

А еще в проекте: еженедельная отчетность руководителя по финансам, два собрания в год, «прозрачность» управления и прочая уже не экономика, а «философия»: чтобы «коллектив» контролировал, управлял.

На мой взгляд, хоть трижды в день проводи собрания, проку не будет. Колхоз, он и останется колхозом.

Красноречивый жизненный факт, которому мы все свидетели: в начале 90-х годов многие новоиспеченные фермеры начинали хозяйствовать не в одиночку, а на два-три хозяина, объединяясь по принципу родства ли, товарищества. Все эти «микрোকолхозы» развалились после первой же уборки урожая. Что-то не поделили, где-то не поладили. Так начинали Гришины, Парчак, Штепо — называю лишь самых известных, которые и поныне успешно хозяйствуют. Примеров много. Исключение сейчас на памяти лишь одно: Колесниченко — Олейников.

Меня уже в течение десяти лет время от времени упрекают в том, что я из тех, кто «разваливает колхозы». А по мнению главного редактора одного из солидных литературных журналов, я их даже «расстреливаю».

Это — великая неправда. Идея общего человеческого труда привлекает меня. Она мне дорога, может быть, более, чем любому радетелю колхозов. Толстовские коммуны, израильские кибуцы — моя зависть и печаль. Да и только ли моя. Вся мудрость человечества повторяет за веком век слова о любви и братстве.

Но слаб человек... И потому наши колхозы, лишённые былой и мощной идеологической и экономической поддержки, обречены на умирание. Что и происходит.

Волгоградская область, Калачевский район. Одиннадцать коллективных хозяйств, за десять лет неоднократно «реформированных-перереформированных». «Волго-Дон» закончил свой путь. «Крепль» — банкрот, находится под внешним управлением. Говорят, что его забирает инвестор, связанный с нефтяным бизнесом. «Голубинское» дышит, но, как говорится, «через раз». При новом, молодом руководителе что-то сеют и пашут. Но вечно в долгах как в шелках. Осенью уже думали, что не вылезут. «Чего ждут! — ругался районный начальник. — Завтра отключат электричество, и тогда — конец... Федеральные не отдаст, ему — в петлю... Продфонду должен...» Но понемногу выкрутились. Встретил я на днях голубинского руководителя, он говорит: «Вроде рассчитались. Но... — вздыхает тяжко, — сидим на нуле. Надо на коленки падать, просить. Иначе...»

А перед кем падать? На что надеяться?

«Нива» — в таком же положении. «Рассвет», бывший «Маяк», — та же песня. Про «Пятиизбянский», «Волжанин» говорить нечего. Там и земли с гулькин нос осталось, про остальное не говорю. «Варваровское» — у богатого дяди по имени «керамический завод». Будут дышать, пока у «керамистов» есть деньги.

«Мир» и «Тихий Дон» — два хозяйства, которые нынче считаются самыми крепкими. Они зяби вспахали больше, чем десять других хозяйств района. Но эта «крепость», конечно, мнимая. Те же беды, те же перспективы.

Вот в районной газете отчитывается и размышляет о будущем председатель правления СПК «Мир» В. И. Татарин: «...коллектив СПК “Мир” потрудились в этом году очень хорошо. Урожайность озимой пшеницы на наших полях была выше среднерайонной... средняя цена реализации была в этом году 1 300 рублей. Нам удалось продать его по такой цене, потому что мы раньше других приступили к уборке. А те, кто затянул с уборкой, продали зерно уже по 850 рублей. Наши доярки надоили больше всех в районе — по 2 681 килограмму на фуражную корову... Кормов мы в этом году заготовили достаточно: 1 131 тонну сена, 900 тонн соломы... 450 тонн фуража».

Словом, все хорошо, как и положено, в «одном из лучших хозяйств района». Но «...удалось взять 700 тысяч рублей кредита в Сбербанке под 26 процентов годовых. Благодаря этому мы приобрели ГСМ и выплатили часть заработной платы... есть задумка... весной взять еще один, без него мы не обойдемся.... За сентябрь задолжали зарплату и налогов 200 тысяч рублей. А тут еще энергетики за текущую задолженность всего в 15 тысяч рублей отключают электроэнергию... Развитие хозяйства, как известно, немыслимо без обновления техники, которая давно изнасилась и каждый день выходит из строя».

Вот тебе и лучшее хозяйство района. И это — осенью, после уборки урожая. Какой же выход? Решили учредить ООО (общество с ограниченной ответственностью). В числе учредителей три физических лица: председатель, главный бухгалтер, главный агроном — и одно юридическое — СПК «Мир». Объяснение руководителя: «Мы таким образом сохраняем коллективную форму собственности, выигрывая при этом в оперативности принятия решений». «Форму»-то сохраняем, а что под «формой»?

Вопросов много. Такой, например: в ООО «Мир», в отличие от СПК «Мир», по словам самого руководителя, чтобы «взять кредит или заключить договор на крупную сумму... потребуется согласие лишь четверых учредителей», то есть главбуха, главного агронома и председателя, который, видимо, будет выступать уже в двух лицах: учредитель и руководитель одного из учредителей. Проголосуют. Возь-

мут кредит. Но случись грех: нечем отдавать (а такие ситуации сейчас сплошь и рядом), отвечать придется, расплачиваться финансами, имуществом СПК «Мир», оцененным в 6 миллионов рублей, тогда как финансовая ответственность председателя, главбуха и агронома всего лишь 10 тысяч рублей их взноса.

И еще: «...мы хотим выкупить у пайщиков их имущество...», «...мы объяснили нашим рабочим и пенсионерам... почему имущественные паи уменьшились...» К тому же, выход из ООО будет гораздо труднее для рядового члена. Много, много вопросов. И столько вокруг горьких примеров. Но уверен я, на общем собрании, как и прежде, проголосуют «за», не столько поверив в нужность новых преобразований, сколько оттого, что «уговорщики» — председатель, главбух, — попробуй поспорь с ними, завтра соломы не допросишься.

О переходе в новую форму организации говорят и в «Тихом Дону», тоже одном из лучших хозяйств. Наверное, хотят как лучше? Для кого? Еще одна цитата: «Сегодня в каждом хозяйстве есть своя коммерческая тайна, все карты никто не раскрывает».

Руководитель района ратует за «прозрачность», а руководитель хозяйства — за «тайну».

Районные руководители, мне кажется, толком еще не поняли: хорошо все это или плохо. «Мы людям разъясняем... Мы пытаемся тормозить...» — говорит один. А другой жмет плечами: «Может, и хорошо: собственность будет в одних руках. Значит, скорее придет инвестор».

Вот и все коллективные хозяйства района, не самого худшего в области, как принято говорить, «средняка». На что-то надеяться в будущем им, конечно, нельзя. Но люди, по привычке и здравому смыслу дня сегодняшнего, держатся за колхоз, в котором любыми путями можно зерна добыть, соломы, сена, а значит, обеспечить свою скотину и живность кормами. А коли есть на подворье скотина и птица, значит, проживем. Если рухнет колхоз, тогда пой матушку репку. Чем жить? Писать слезные письма?

«Представителю Президента в Южном федеральном округе...»

«Губернатору Волгоградской области...»

«Уважаемый главный редактор...»

«В редакцию газеты...»

И целая сотня подписей. А положение и вправду бедственное: жили, работали, а теперь — разорение и банкротство, последние два трактора отбирают. Чем работать и как жить?

Лет десять назад, в одном из первых своих сельских очерков под названием «В дороге», писал я, сравнивая наше село с развороченным муравейником: «Не ведали и люди, земляки мои, что проводится реорганизация сельскохозяйственного производства да и жизни прежней. Им казалось — света конец. И слепо пытались куда-то брести, тащить, спасаясь и спасая...»

1992... 1993... И вот уже 2002 год. Заявляет глава нашего правительства, что сельское хозяйство России наконец-то вышло из десятилетнего кризиса. Вторит ему и министр сельского хозяйства: мол, всё в порядке, зерна собрали столько, что девать некуда: 80 ли, 90 миллионов тонн.

«Страшно далеки они от народа», — не про них ли сказано? А от простой арифметики тоже далеки?

Сто раз подсчитано и подтверждено экономистами всех направлений и мастей: для нормального прожития страна должна производить 1 000 кг зерна на душу населения. На худой конец, 900 кг или 800 — не меньше! Это — закон. Значит, нам нужно около 150 миллионов тонн (перепись точную цифру покажет). Никакого «перепроизводства» у нас и в помине нет. А вот очень низкий покупательный спрос, который порожден бедностью, даже нищетой населения, — налицо. Зайдите в магазин — красивые витрины, разноцветье продуктов, пустые залы. Хоть аукайся. «Волгоградские колбасы», «Смак».

Но вернемся к письмам.

Вернее, к одному из писем, под которым целая сотня подписей. Считай — колхоз. Все в нем правда, в этом письме: «...рабочие потеряли веру... обрекает наше предприятие на развал... создается опасность исчезновения населенного пункта...» Писано осенью 2002 года. На двух страницах. Но обо всем все равно не расскажешь. Жизнь сложна.

Вот строчка: «Ранее наш коллектив работал в ТОО совхоз «Память Ленина», который был признан банкротом... вся техника была передана в СПК «Вертячинский»...»

А ведь все эти «переходы», реорганизации: из совхоза «Память Ленина» — в ТОО совхоз «Память Ленина», а потом в СПК «Вертячинский» и затем в МУП «Агрофирма «Дон» — совсем не от скуки. Меня «вывески», переходя из одной формы коллективного хозяйства к другой, колхоз уходил от немалых долгов, оставляя их фиктивным наследникам. Отказывались платить налоги, пенсионные платежи, кредиты, начиная хозяйственную жизнь как бы с чистого листа. Но через год-другой тонули в тех же долгах. А ведь что существенно: все решения об этих переменах форм и «вывесок» принимались не в Москве, не в Волгограде, а на общем собрании коллектива. Голосовали и даже писали заявление. Не чей-то грозный оклик да пистолет (такие времена прошли), а своя воля. И если в начале 90-х годов можно было понять колхозницу Елену Федотьевну и ее резоны: «Велят писать. Я послушалась. Подпись дала...» — то потом были годы и годы... Да еще какие.

Понятно, что большинство наших селян — «детский сад», поманить и обмануть их ваучерами да «земельным паем» нетрудно. Но все же, все же...

Даже слепому было видно, что Россия круто повернула в иное политическое и экономическое пространство, которое попросту можно назвать капитализмом. Частные магазины, частные предприятия — все было налицо.

А на селе руководители очень долго призывали: «Держаться! Крепитесь! Перетерпеть до весны! Москва без хлеба не проживет! Вот догрызут остатнее — и опомнятся! Должны вернуться к деревне!..» И еще одно: «Наши придут!»

Какие «наши» и куда придут — не больно понятно. Коммунисты? Они ведь пришли. Пресловутый «красный пояс» опоясал Россию. Кондратенко, Максютя, Черногоров, Стародубцев и другие. Руководили и руководят долгие годы. Но разве что-то изменилось на селе? Письма, которые держу я в руках, тому подтверждение. Строки этих писем — крик отчаяния, боль. Но ведь пишут не маленькие дети,

а люди взрослые, которые десять лет видели, куда идет колхоз, в какую яму катится! И оставались в этой разбитой телеге, дружно голосуя: «Будем работать вместе...» Строки из письма: «...администрация района незаконно... требует передать другой организации два трактора К-700...»

Мне думается, что это — неправда. Ведь в начале 2002 года члены колхоза собственноручно писали заявления такого примерно содержания: «Главе администрации района... Прошу принять мой имущественный пай в размере ... рублей в муниципальную собственность безвозмездно» — и подпись. Имущественный пай — это коровы, посев, животноводческие помещения, мехтока, мастерские и, конечно, тракторы, комбайны, автомобили, прицепной инвентарь. Все имущество люди передали в муниципальную, то есть государственную, собственность, потеряв право распоряжаться ею. Ведь даже руководителя хозяйства в МУСПе не выбирают, он назначается администрацией района.

Понятно, что это преобразование — не что иное, как способ в очередной раз отказать от долгов. Но, избежав одной мышеловки, бывшие колхозники попали в другую.

На одном из собраний в таком же колхозе раздосадованный представитель кредиторов бросил в зал: «Что вы орете?! Вы — никто. Вы давно уже — не хозяева. Все имущество давно не ваше. Думать нужно было раньше. И выбирать себе руководителей, а не баранов». Грубо? Но ведь точно.

В нашей области пятьсот-шестьсот коллективных хозяйств. И лишь десяток-другой работают с настоящей, а не надуманной прибылью. Все остальные давно уже (и не единожды!) банкроты. Каждый год они, словно голодные птенцы, просят горючего, запасных частей в долг, обещаясь расплатиться с урожая. Приходит осень — история одна и та же из года в год: планерки, «штабы» по выколачиванию долгов. Но проку?..

Лопнул «Агробанк», сгорела «Агрокорпорация», «Областной продовольственный фонд» практически обанкротился, сумев собрать на сентябрь 2002 года лишь 25 процентов из розданных кредитов. Не один ли из нынешних областных руководителей, тогда еще председатель колхоза, произ-

нес на «крестинах» «Продфонда»: «Та же Маша, лишь пла-ток другой»?

Сейчас, в октябре 2002 года, оптимисты из областного руководства надеются на подсолнух, который еще не собрали и который «спасет».

Но спасения быть не может. Ведь не только плохой уро-жай, но даже великий, рекордный нам не в помощь. Нынче, в 2002 году, отчего все беды: «Урожай слишком велик! Зерна много!» Куда ни кинь, все — клин?

Приходится повторять много раз сказанное: надеяться надо только на себя. На свою голову, на свои руки. Головой, разумом ясно понять, что прежняя жизнь кончилась и не вернется. Колхозы, как их ни именуй и ни перекраши-вай, — день прошедший. Тлеть да чадить они могут долго. Но кормиться возле все трудней.

Говорю об этом не в первый раз. И не словоохотливость тому виной. А хоть малое, но понимание. Еще лет десять назад, в начале перемен, тогдашнему губернатору И. П. Шабу-нину советовал я послать наших областных телевизионщиков в Германию, Англию, Францию, Израиль, Италию с одним заданием: записать короткие обращения тамошних крестьян к их русским собратьям. Пусть покажут свои мозолистые руки и свои труды. И короткие слова о том, что и без колхоза про-жить можно. Такие обращения, говорил я, надо показывать каждый день, вечерами, перед бразильскими сериалами. Уви-дят, подумают. Кого-то, но проймет.

Тогда мои пожелания, губернатором вроде бы одобрен-ные, реализованы не были.

А нынче уже и ехать никуда не надо. В каждом хуторе, в каждом селе есть люди, живущие своим умом и своим трудом, на колхоз не оглядываясь.

Говорю я вовсе не о наших знаменитых фермерах, у которых сегодня тысячи гектаров земли в обработке, десятки единиц техники, хотя каждый из них начинал, как говорится, с нуля. А разве богатый американский дядя помог А. П. Вьюнникову, семье Пушкиных, В. В. Крючкову? Все ведь были «голь перекатная». А ныне — уже хозяйева.

Но речь сейчас даже не о них. Каждый субботний и вос-кресный день на базаре в Калаче-на-Дону продает мясо зна-

комая уже многим супружеская чета из Голубинской станицы. Они скот не выращивают, а лишь покупают в округе, забивают, разделывают и продают. Такая профессия на Руси была издавна, называлась «прасолы», потом ее забыли. Теперь вспомнили. Работают, живут, милостыню не просят.

Три раза в неделю круглый год приезжает в наш городской двор невеликий фургон из Иловли. Тоже супружеская пара. Продают молоко, сметану, творог.

Знаю сельского человека, который по дешевке купил старый разбитый молоковоз, привел его в божеский вид, а теперь в своей округе собирает молоко, расплачиваясь сразу же наличными деньгами. Молоко везет он людям, которые на своем подворье делают сыр. Получается, что у всех работа: и у тех, кто коров держит, кто молоко возит, кто сыр делает. У всех пусть не великие, но — деньги, достаточные для жизни.

Недавно на бурьяном заросших полях когда-то знаменитого «Волго-Дона» «спецы» с высшим образованием, кто гневно, а кто горестно, вопрошали: «Как жить?.. Зарплата — капустой... И та не уродилась. За квартиру платить, детей кормить...» Их собрат, тоже один из бывших специалистов «Волго-Дона», ныне — успешливый фермер, до сих пор помнит, как начинал он, экономя копейку даже на еде. Случай был: мальчишка, его сын, собрал на улице пустые бутылки, пошел в магазин и попросил продавца дать ему не жвачки, не пепси, а «кусочек колбаски», который тут же съел. Об этом рассказали жене начинающего фермера, конечно, с упреком. Помнят и сейчас. «Я пришел, она прямо не плачет, а рыдает. И не могу остановить. Наконец рассказала — и снова плачет. Господи... Мне самому впору плакать, слезы у горла. Но я сдержался. Я сказал: “Поверь мне... Я клянусь тебе... Я буду работать днем и ночью. Я все сделаю... Будет у нас и хлеб, и эта проклятая колбаса. Но давайте перетерпим. Вначале ведь всегда тяжело. Я все сделаю, клянусь тебе... Поверь...”»

Так чаще всего начинается новая жизнь и новое дело. И этот фермер, бывший совхозный «спец», пошел в новую жизнь не от желания стать миллионером, а потому, что увидел: совхозу не сегодня, так завтра придет конец. Он не кри-

чал на собраниях и митингах, никого не упрекал, но сделал твердый мужской выбор, надеясь лишь на себя. А некоторые его коллеги и теперь вопрошают: «Как жить? Капусту съел червяк... Огурцы посохли...» Уже десять лет вопрошают.

За десять лет (для одних — долгих и тягостных, а для других — пролетевших летом: «Некогда и выпить, ей-богу!..» — смеется знакомец мой, теперь уже хозяин с десятилетним стажем), после десяти лет, трудных для народа и государства, в толчее и неразберихе перемен, на земле, на селе сегодня четко обозначились три пусть не богатыря, но работника.

Первый — коллективные хозяйства, неразделимо сросшиеся с личными хозяйствами крестьян-колхозников. Из них выживут лишь те очень редкие колхозы, во главе которых умные, энергичные руководители. Это — большая редкость. И думается мне, что в конце концов многие из таких хозяйств перейдут в единоличное владение под вывеской какого-нибудь АО. У подавляющего большинства коллективных хозяйств завтрашнего дня нет: сплошное «реформирование» и «перереформирование», уход от долгов и новые займы, кредиты, которые не могут, не хотят возвращать по старой уже привычке. В 2001 году собрали хороший урожай зерновых, и цены были высокими. Но даже в такой год, взяв у «Лукойла» топлива в кредит на 700 миллионов рублей, к январю 2002 года отдали лишь малую часть и остались должны 514, 8 миллиона рублей, несмотря на усилия областных и районных властей.

Новый год, 2002-й, а песня старая. Осень, пора возвращать долги «Продфонду», «Агроснабу». Цитирую местные газеты: «Во все районы разъедутся группы по выбиванию долгов...», «Губернатор в категорической форме потребовал...» Каждый год «требует».

На заседаниях в областном центре шум и гром: «Вы над кем смеетесь? Кому лапшу на уши вешаете?! Чтобы как из пушки...», «Запустить механизм взысканий через арбитражный суд... арестовывать зерно на элеваторах... а потом будем разбираться...»

Но народ нынче битый. Слыхали и не такое.

«Районам, которые не возвратят долги, с сегодняшнего дня прекращаются всяческие дотации... Врачи и учителя,

когда им не будут платить зарплату, пусть знают: это не губернатор виноват, а руководители хозяйств, которые не рассчитались по долгам...»

Получается, что невозвращенные кредиты должны «выбивать» из колхозов учителя да врачи.

А они ведь никому ничего не давали и не ведали, что их нищая зарплата — гарантия возврата кредита. А теперь с голых по нитке — «Лукойлу» новый кафтан? Да и «Лукойл» ни при чем. Это коммерческая частная структура. А вот те областные руководители, которые брали и раздавали, порою по-барски, те «при чем».

«Я помню, — говорит лукойловский начальник, — помню, как один из бывших вице-губернаторов делил топливо: этому, указывал, дай 5 тонн, а этому — 25».

В райцентре руководитель РАО жалуется: «Я бы этому хозяйству и копейки не дал. Они сроду не отдают. Но ведь через мою голову им давали, миллионы. А теперь я виноват, долги не собираю».

Когда создавали областной «Продовольственный фонд» (структура, по идее, нужная и полезная!), когда ее лишь создали, спросил я у ее руководителя: «Ты будешь решать, кому давать деньги, кредиты, заказы, а кому не давать? Или — чохом да по указке?» Он лишь вздохнул в ответ и отвел глаза.

А ведь эти люди (и в райцентре, и в Волгограде) уже имели горький опыт работы в «Агрокорпорации». Была бы их воля, направо и налево они бы деньги не раздавали. Но они — по строгому счету — лишь пешки, а теперь «вышибалы», заложники.

6 миллиардов 481 миллион рублей — суммарная задолженность сельхозпредприятий области. Скажите, о каком завтрашнем дне коллективных хозяйств может идти разговор?

И ведь ничего нового.

Неделю назад был я свидетелем такой сцены. Женщина, главный бухгалтер колхоза, привезла в райцентр отчет о предполагаемых итогах 2002 года. Поглядели отчет, сказали ей: «Ты с ума сошла? Зачем в итоге убытки? Кто тебе под такой баланс кредиты даст? Соображать надо». Сообразила. Забрала бумаги и на следующий день привезла другие, теперь уже с «прибылью».

Почти в тот же день встретил знакомого руководителя хозяйства. Послушал ныне привычное: «Денег нет, горючего нет...» А потом с усмешкой сказал ему наугад: «Чего жалуешься? Я твой баланс видел. С прибылью работаешь...» — «А как же... — ответил он. — Рисовать умеем. Такое время».

Красноречивый факт колхозного «благоденствия»: 85—90 процентов всех тракторов и комбайнов коллективных хозяйств приобретено до 1992 года. Летом 2002 года появилась возможность продать селу по лизингу, с рассрочкою на 3 года 265 тракторов «ДТ». Прошло полгода. Хозяйства огромной области взяли лишь 38 машин. Ежегодная убыль техники в результате старения — 1 500 — 2 000 тракторов, 500—700 комбайнов. А значит, нет будущего. Потому что без трактора землю не вспашешь. 1,8 миллиона гектаров пашни в области по-прежнему не используется. Из общей площади 5,6 миллиона гектаров. Показатель определяющий: колхозы не в состоянии обрабатывать свою землю. Нынешней осенью вспахали и посеяли мало. Что будет весной да летом? На проведение полевых работ, по прикидкам специалистов, лишь горючего понадобится на 2 миллиарда рублей. Где их брать? Опять будут школы да больницы крайними.

И если в нынешнем году площадь заброшенной пашни уменьшится, то причина лишь в том, что на село пришла новая сила — инвесторы, то есть структуры, имеющие средства и решившие вложить их в сельскохозяйственное производство. «Агрокоммерз», «Випойл-Агро», «Сельхозпродукт», «Альфа», «Магма», «Холдинг-бизнес» — названия разные; а есть и просто «физические лица»: Иванов ли, Петров, но главное — вложенные миллионы, у кого сколько. «Инвесторы» — явление сравнительно молодое. Еще вчера власти относились к ним подозрительно, именуя «московскими бандитами». Но теперь, видимо поняв, что инвестор лучше, чем бурьян в поле, их даже заманивают, возят на смотрины в разоренные колхозы.

На сегодняшний день в нашей области уже работает шестьдесят семь новых структур, они обрабатывают 750 тысяч гектаров пашни, похоронив 135 разоренных колхозов и вложив в производство в 2002 году 1,3 миллиарда рублей. Их интересы теперь — это не только пахотная

земля, но птицефабрики, свинокомплексы, элеваторы, перерабатывающие предприятия, словом, производство, бизнес. С одной стороны, это хорошо: запущенная земля стала обрабатываться, налоги платятся, работники-селяне получают зарплату (до 40 тысяч рублей в месяц зарабатывали нынче комбайнеры из «Агро-Елани»). С другой стороны — это потеря привычной работы, привычного лада жизни для сотен тысяч людей.

Сельский капитализм теперь уже в обыденной жизни, а не в учебнике да на экране телевизора, не только в нашей области, но и по всей стране. Цитирую газету «Труд»: «Весной этого года наш колхоз имени В. И. Ленина был взят в аренду московской фирмой “Продимэкс-Черноземье”. На общем собрании... эти господа убеждали нас... сулили золотые горы... А что получилось в итоге? Без объяснения стали сокращать людей... Вывезли всех свиней в неизвестном направлении... порезали на мясо весь рогатый скот. Когда работники стали роптать, новые руководители ответили им коротко и ясно: “Не выгодно”... Зерна выдали лишь по три центнера на земельный пай, а на заработанный рубль вообще ничего не дали... нас фактически всего лишили. Оказалось, что новым хозяевам нужен был лишь наш чернозем...» Бывает и так. «Инвесторы» пришли в село, чтобы зарабатывать деньги, а не решать «социальные проблемы».

Это — капитализм. Сегодня частный капитал — это мощная молодая растущая сила в российском сельскохозяйственном производстве. С оглядкой на Запад наш вице-премьер и министр сельского хозяйства А. Гордеев уже заявил, что крупные финансовые структуры в сельском хозяйстве — наше будущее, а фермерство — это отставание на целых сто лет. Заявление для нашего фермерства не очень приятное и, думаю, не очень выверенное. Недаром страны Европейского Союза собираются провести реформу, цель которой — отказ от преимущественной системы субсидирования крупных хозяйств, с переориентацией на крестьянские хозяйства небольших размеров, которые производят более здоровую пищу.

Так что не стоит пугать многочисленную армию российских фермеров, которые за десять лет доказали свою жизне-

способность. У них не было легкой жизни. Нет ее и сейчас. Те же проблемы со сбытом продукции. За десять лет так и не решенные проблемы с землей. «А вот захочу — и не дам! А вот захочу — и отберу!» — такие речи и нынче не редкость.

Нынешних речей Гордеева они не испугаются.

Главное то, что, в отличие от колхозных пашен, фермерские посевы год от года растут. Именно туда, к Мельникову, Колесниченко, привозят высоких гостей, чтобы показать лучшие образцы земледелия.

А еще — и это очень важно! — с кем бы из опытных фермеров ни заговорил, от них не услышишь стонов да охов. Беседую с Н. Н. Олейниковым о несовершенстве земельного законодательства; десять лет, а все порядка нет: чуть не всякий день этим нужно заниматься. Но финал для меня неожиданный: Николай Николаевич смеется и говорит: «Помаленьку все образуется, проживем...» С А. П. Вьюнниковым осенью говорим о ценах на зерно: он часть урожая продал, а часть не успел. «Ладно, — машет он рукой. — Всё продадим, и все теперь будет нормально». Еще один разговор с фермером из Суровикинского района. Про нынешние цены на горючее, на зерно. «Все это — просто жизнь, экономика, — говорит он. — Там прогадаем, там выгадаем. Будем наперед умней. Вот когда начинали, помню, кредит взял в банке на два миллиона, так мы с женою ночами не спали: такие деньги, мы их прежде и во сне не видали. Теперь ко всему привычные. Все будет нормально. Работать надо. И башкой варить».

Нынешнее волгоградское фермерство — это более двенадцати тысяч настоящих хозяев, у которых 1 миллион 200 тысяч гектаров земли. Тысяча фермеров имеют средний надел земли 760 гектаров, 20 процентов всего урожая зерновых — это фермеры. Фермерству всего лишь десять лет. Причем десять лет постоянного роста: земельных наделов, крепких хозяйств, результатов труда. Укоренились. Никаким ветром не сдуешь, даже холодным «московским», так у нас порой северный ветер зовут.

Итак, год 2002-й, конец ноября. Кое-где еще пашут. Подсолнух не весь убрали. Крепко на него надеялись. А цены нет. Подсолнечное масло на оптовом рынке идет по 16 рублей за

литр. Надеялись, что будет по 20 рублей. В Ростове прошли торги на зерновой бирже, — так называемая «правительственная интервенция», у нас, во всяком случае, она не повысила цены на зерно.

Конец ноября. Теперь будем ждать весны.

Пока на земле зимнее затишье; обманчивое, потому что даже в суровую стужу, под снегом, земля дышит, сохраняя в дремлющих злаках и травах теплую земную кровь в ожиданье весны.

И в жизни людской, деревенской зимняя дрема, она — лишь для глаза стороннего. Просто — иная пора. А кто и впрямь уснет, того и весна не разбудит.

Время — вот четвертая и, может быть, самая могучая сила нынешних перемен.

ПРОЩАНИЕ С КОЛХОЗОМ

В Калаче-на-Дону, в моем районном поселке, сентябрьским погожим утром собирался я в поездку на хутор. Гостицы туда известно какие везти — хлеб. Потому и пошел в магазин к утреннему привозу.

А в нашем тихом окраинном магазинчике — шум да крик.

— Бессовестные! На копейку повысят пенсию и на рубль отберут!

— Издеваются над людьми!

— Теперь булочку не укусишь!

Это привезли хлеб. И новые цены. Это — финал шумной кампании, которая в нашей области длилась все лето: «Соберем 4 миллиона тонн зерна и сделаем хлеб дешевле». Губернаторские выборы подступают.

Четыре миллиона тонн собрали. Выборы на носу. «Делайте хлеб дешевле!» — приказывает губернатор хлебозаводам. Хозяева последних поворчали, но с властью ссориться грех.

И вот он результат — на прилавке моего калачевского магазина. Буханка обыкновенного рядового хлеба стала стоить на рубль дешевле. Зато весь ассортимент батонов, булочек, плюшек, рогаликов значительно подорожал. Батон вместо шести рублей стал стоить семь рублей шесть-

десять копеек. Невеликие плюшки, рогалики стали дороже на рубль, на восемьдесят копеек, на шестьдесят.

Народ шумит, негодуя. Все понятно; старые люди, что малые дети: хочется сладкой булочки к чаю. А теперь ее не укусишь.

Старые люди моего поселка (да и только ли старые?) — что малые дети: не могут понять, какое нынче время. Отсюда прежняя вера. «Собрали ведь 4 миллиона тонн, — убеждали меня неверующего, — обязательно должен подешеветь хлеб». Но когда я говорил: «Компания “Лукойл”, которая нефть добывает, в том числе и у нас, нынче увеличила производство; слышал я, на 6—8 процентов. Вопрос: бензин подешевеет?» Мне отвечали не задумываясь: «Дождешься от них. Еще и поднимут цену. Они футбольные команды покупают... Да всякие там яйца за миллионы...» И пошел пересказ газетных новостей да сплетен про наших абрамовичей.

Не странно ли?.. Про нефть все и всё поняли. Про хлеб не хотят понять.

«Все вокруг колхозное и все вокруг мое», — пели когда-то.

Сентябрь месяц, год 2004-й. В моем, Калачевском районе кончилась довольно долгая, в целых 80 лет, эпоха колхозов. Много их было: большие, малые и вовсе крохотные; бедные и богатые. Начинали с коммун: «10 семей, 38 человек, 14 пар волов, 4 лошади, 1 верблюд, 14 дойных коров, 160 овец. В день получали на душу четверть фунта хлеба, обед общий — каша, 6 фунтов пшена на котел. Посеяно 95 десятин озимой ржи, поднято зяби 100 десятин». Это год 1921-й.

Потом был долгий путь, в конце которого в Калачевском районе работало 13 коллективных хозяйств, имея 30 тысяч голов крупного рогатого скота, более 50 тысяч овец, свыше 30 тысяч тонн молока сдавали государству, 7 000 тонн мяса, зерно, овощи. Разные были колхозы: прославленные «Волго-Дон» и «Россия» с высокими урожаями и надоями и вечно «отстающий», задонский совхоз «Голубинский».

Колхозная эпоха закончилась без прощальных речей и траурных митингов. И большинство моих земляков даже не подозревают об этой кончине. В районной газете по-прежнему, в пору жатвы ли, сева, печатают «сводки с полей»,

где все тот же перечень: «Волго-Дон», «Крепь», «Голубинский», «Мир», «Советский», «Нива»...

Сосед мой, недавний хуторской житель, колхозник, говорит, как и прежде: «Хлеба нынче у нас хорошие... Хлеба мы нынче много соберем...»

«Все вокруг колхозное, все вокруг мое». Ничего колхозного, то есть коллективного, в районе не осталось. Мне даже самому не верится. В последние годы, когда «бизнес» начал на корню скупать ли, забирать за долги остатки колхозов по всей области, мне казалось, что до нас скоро не доберутся. Забирали районы с плодородной землей, с черноземами: Еланский, Нехаевский, Новоанненский... А у нас — пески. Но в последний год-два, словно в единый миг, свершилось. Сначала «инвесторы» (так их нынче именуют) взяли «Крепь», потом остатки «Маяка», и пошло-поехало. И вот уже «Нива» в руках молодого предпринимателя. Нынешний неплохой урожай — только его, и ничей другой. А «Советский» да «Мир» тихо-мирно прибрали к рукам бывшие его руководители. Вчера назывались колхозы СПК (сельскохозяйственный производственный кооператив), с какими ни есть, но имущественными паями у людей, право, пусть не громкого, но голоса. (Снимали ведь председателей!) Теперь «акционерное общество» и основной пакет акций в руках двух-трех руководителей.

Колхозам в нашем районе пришел конец. А их век был не малым — семьдесят лет и более. Человеческий век. И потому не просто с колхозом расставаться. Еще вчера в это не верили.

В прошлом году солидная делегация руководителей еще живых колхозов нашего района отправилась в район соседний за опытом выживания.

Строки из газетного отчета: «Колхоз Пономарева приобрел новой техники на 11 миллионов рублей! Что за дивное? В наше-то время, когда все сельхозпроизводители стонут от диспаритета цен и едва сводят концы с концами, бросаясь в поиски очередных перерегистраций, получать прибыль, позволяющую даже дорогостоящую технику покупать, — сродни настоящему чуду. В чем секрет жизнестойкости колхоза имени Кирова, которому исполнилось

73 года и во главе которого уже двадцать с лишним лет Николай Васильевич Пономарев?»

Вроде, обычный, рядовой колхоз: 15 000 гектаров пашни, 2 500 голов крупного рогатого скота, да столько же овец, около 1 000 голов свиней. Продуктивность животноводства низкая. По сравнению с советским прошлым она упала в два раза. Но прибыль от животноводства 1,8 миллиона рублей. Загадка. Зерна намолотили 18 тысяч тонн. Приобрели новую сельхозтехнику. Три колесных трактора, три гусеничных, три комбайна «Нива», два комбайна «Дон», три «КамАЗа».

Колхозникам бесплатно пашут огороды, работающих кормят дешевыми обедами в столовой, выдают зерно на паи.

Казалось бы, живи и радуйся. Колхоз работает с прибылью, долгов не было и нет. Потому мои земляки и поехали целым гуртом опыт перенимать.

Но был ли в такой поездке смысл? Средняя зарплата колхозника 1 000 рублей в месяц. Хороший пуховый платок свяжи и продай. Вот тебе 1 000 рублей. Добрую скотиняку откорми на мясо — считай, годовая зарплата. А доярка должна каждый божий день в 4 утра встать и бежать на ферму, на утреннюю дойку. К обеду домой выберется. А там — снова на ферму. И теперь дотемна. И все — руками, в грязи да в навозе. За тысячу рублей в месяц. И у механизаторов работа не сахар. На пахоте, на культивации, на севе, на уборке, на ремонте. И те же — тысяча ли, полторы в месяц.

Поэтому, молодежь в колхоз имени Кирова не идет. Учиться на специалистов сельского хозяйства тоже не желают. Предпочитают искать заработок на стороне или домашними делами пробавляются. Это естественно. Как можно начинать жизнь с зарплатой в 1 000 рублей? И какие можно строить планы на будущее, на что надеяться, имея перед глазами живой пример родителей, которые тяжело отработав в колхозе тридцать ли, сорок лет, получают все те же 1 000 рублей.

Наша делегация колхоз им. Кирова осмотрела и сделала вывод, что жизнестойкость колхоза — это заслуга председателя, который «твердой рукой вел колхозный корабль верным курсом, обеспечивая стабильное разумное руководство». Тем более что сам председатель «не собирается пасо-

вать перед трудностями. Он убежден, что у коллективных хозяйств есть будущее... Надо работать, добиваться большей продуктивности при наименьших затратах, а там жизнь покажет».

Жизнь показала. На очередном собрании, колхозники не выбрали Н. В. Пономарева своим председателем.

А я, грешным делом, собирался поглядеть на «колхозное чудо», которое по соседству. Не успел. И поздней осенью все же собрался в дорогу.

Нехаевский район — край от областного центра далекий. Приезжаешь туда, будто в страну иную. Нынче — осень, «прощальная краса» природы. Черные, словно воронье крыло, пашни, изумрудно-зеленые озими, пламенеющие рябины в придорожных лесополосах. На хуторе Кругловском тоже много рябин: возле домов, на околице. Светят и греют они даже в тусклом осеннем дне.

Обычно сельские, хуторские жители к нашим городским восторгам относятся скептически. «Мы ее и не видим, эту природу, — говорят они. — Работаем с утра до ночи». Это правда.

Но и на хуторе Кругловском, в колхозе имени Ленина прошумел праздник. В приукрашенном Доме культуры собрались принаряженные люди, стар и млад. Председатель колхоза Георгий Васильевич Яменсков поздравил всех с окончанием долгого трудового крестьянского лета. Порадоваться есть чему. Весь урожай собран, земля вспахана, корма для скотины заготовлены и урожай, надо заметить, самый высокий в районе. Был праздник и был отдых, когда оглядевшись нельзя не увидеть свою красивую землю с пламенеющей рябиной, черной пашней, сочной зеленой озимью. Родную землю, данную природой ли, Богом и людьми сохраненную.

Менее всего мне хочется, чтобы читатель подумал, что я рассказываю об уголке земного рая на разоренной земле, где, как в давнишней колхозной частушке:

Замечательно живем
И прекрасно кушаем.
И по радио артистов
Из Москвы мы слушаем.

Колхоз имени Ленина — не завидный рай, а такая же земля трудов и забот, и праздники там бывают нечасто. Но есть на хуторе Кругловском одна особенность. Чтобы в этом убедиться воочию, я и проделал довольно долгий путь в четыреста километров.

Передо мною справочная книга: А. В. Воробьев. «Поселения Волгоградской области», выпущена недавно, в 2000 году. Пользуюсь ее помощью. Но все чаще, открывая нужную страницу, горестно вздыхаю. Потому что... Вот хутор Голубинский 2-й, про который сообщает справочник: «...24 личных подсобных хозяйства, начальная школа, медпункт». Но, к сожалению, нет уже в Голубинском 2-м ни школы, ни медпункта да уже и людей нет. Или хутор Бузиновка: «...коллективное хозяйство, основанное в 1971 году». Или поселок Крепинский: «Успешно действует основанное в 1927 году крупное коллективное сельхозпредприятие... в поселке работают больница, местный рынок, система центрального теплоснабжения». Но это — о прошлом. Не виню автора справочника. Слишком быстро листаются горькие страницы последнего десятилетия.

Когда это все начиналось, в девяностых годах, было непривычно и страшно: детский сад без дверей и окон, разбитая котельная, руины магазина, до основания разобранный коровник, разрушенная теплица, ржавеющие остатки водопровода, заброшенная школа. Вначале было страшно глядеть. А теперь — привыкли.

Колхоз имени Ленина, хутор Кругловский. Сияющих дворцов здесь не было и нет. Но вот колхозная баня как открылась тридцать лет назад, так работает и сегодня. В ней есть сауна и небольшой бассейн. Во время уборки урожая поздними вечерами сюда привозят на автобусе прямо с поля комбайнеров, трактористов. Помоются, а уж потом — домой.

Колхозный детский сад. Каким он был построен, таким и остался: двухэтажное здание с теплом, водой, уютным двориком для игр, с детским гомоном, смехом, милыми лицами.

Дом культуры. Просторный зал. Тепло и чисто. Комната балетной студии со станками и зеркальными стенками.

Средняя школа — тоже не дворец, а давней постройки здание. Но чистые уютные классы, тепло и покой, а за окном — пасмурная осень.

В который раз уже я говорю о тепле: в детском садике, школе, Доме культуры. У нас ведь — не Африка. И начинается день обычно с известий о том, что замерзают Камчатка или Алтай, да и мы теплом не больно избалованы. Да что Камчатка, ведь рядом в Родничках, в «Динамо» — в школе температура зимой не поднимается выше плюс четырех.

На одном из хуторов старая женщина со слезами сказала: «Топка нас зарезает. На хлебушке просидим, не умрем. А вот с топкой — вообще беда... Померзнем на сухарь...» Две-три тысячи за тонну угля, четыре тысячи за тележку пиленых дров... Где их набраться, этих тысяч?

Вот хутор Поклоновский, соседнего района. Приехали, зашли в хату, старые люди сидят одетые: в пальто, шальях да шапках.

— Куда-то собрались? — спрашиваем их. — Мы не ко времени?

— Никуда мы не собрались, — отвечают. — Топку экономим. Протапливаем раз в день, вечером, дровами.

Хутор Павловский. Старый знакомец Н. И. Милованов жалуется:

— Мерзнем на сухарь. Про уголь забыли. Он дорогой. И нынешние колосники, неизвестно из чего лепленные, от угля прогорают. Трое колосников на зиму. Это — 600 рублей. Я пока топлю сосновыми шишками из леса. Четыре ведра шишек сжигаю вечером, чтобы спать вроде в тепле.

В колхозе имени Ленина в домах отопление газовое. А школа, больница и прочие общественные учреждения уже давно без приказов сверху перешли на автономное отопление, оставив в прошлом километры теплоцентралей. Так выгодней. Деньги считать в колхозе умеют.

К примеру, сколько стоит зубная боль? Ведь зубы не болят лишь у того, у кого их нет.

В колхозе имени Ленина еще в давние времена поняли, что лучше один раз потратить деньги на строительство больницы, чем ежедневно возить людей в райцентр, за сорок верст. 200 тысяч колхозных денег потратили на строительство («Жигули» тогда стоили пять с половиной тысяч). Двухэтажное здание больницы передали районному райздравотделу.

Больница работает и теперь. Три врача, палаты для больных, кабинеты. В который раз повторяюсь — это не дворец. Но действующая больница, в которой и зубы вылечат, и любую помощь окажут.

Нынче сельская медицина ужимается: закрываются сельские больницы и фельдшерско-акушерские пункты. Шел разговор в райцентре и о закрытии Кругловской больницы. Г. В. Яменсков как председатель колхоза и районный депутат пока держит оборону. И говорит: «Если примут решение о закрытии больницы, мы ее возьмем на содержание колхоза. Потому что без больницы хутору жить нельзя».

В колхозе имени Ленина лишних денег нет. Их всегда, как говорится, в обрез. Поэтому тут считают рубли и твердо уверены: на детском садике, на бане, на лечении сэкономить рубль, а потеряешь много больше.

Вспоминаю разговор прошлогодний, в другом районе:

— На хуторе магазин работает?

— Работает. Мы отдали частникам. Теперь голова не болит.

В Кругловском тоже работают два частных магазина. А в дополнение — еще три колхозных. Зачем? Во-первых, они приносят в колхозную кассу доход. Во-вторых, это рабочие места, которых так не хватает теперь на селе. А в-третьих, колхозные магазины не дают разгуляться ценам в магазинах частных.

«Прошу принять в колхоз...» — такие заявления и сегодня ложатся на стол председателя. В день моего приезда правление колхоза приняло две семьи. Одни с Алтая (там колхоз развалился), другая семья со своего района, но беда та же: колхозу конец пришел, работы нет. Тракторист, шофер, доярка... Рабочие руки в колхозе нужны. Крупный рогатый скот, молочное стадо в 500 голов, самое большое в районе, полеводство. А люди в нынешней неустроенности и развале ищут надежный причал. Им нужен не рай земной, а работа, жилье, школа, детский сад для детей — словом, необходимое, то, что еще десять лет назад было в каждом селенье, а теперь безвозвратно ушло.

В колхозе Ленина водопровод с тремя скважинами, пекарня, парикмахерская, столовая, автобусное сообщение

с областным центром, собственная заправочная станция и все иное, о чем говорил я прежде. Все, повторяю, обыденно, к чему привыкаем, а потом порою не замечаем. И только потерявши, горько плачем, разводим руками: «Как теперь жить?..»

Тридцать шесть лет в колхозе имени Ленина один председатель — Георгий Васильевич Яменсков.

Есть у меня повесть «Пиночет», рассказывающая о нынешней сельской разрухе. Пиночет — прозвище председателя колхоза. В Москве повесть встретили настороженно. Вот несколько отзывов-заголовков статей: «Екимов ставит на Пиночета», «Страшноватое пророчество»...

Но ведь писал я не о «железной руке» руководителя (хотя эта рука и должна быть крепкой), писал о мудрости и совести. В нашей стране (на селе особенно) многие руководители умели и гаркнуть, и кулаком по столу грохнуть. «Сильных» и «крепких» всегда хватало. А вот мудрых и совестливых на поверку оказалось очень мало. По всей России, от Москвы до окраин.

Но они всё же сеть.

Георгий Васильевич Яменсков один из них. Он удержал на своих вовсе не богатырских плечах тяжкую ношу: колхоз имени Ленина с десятью тысячами пашни, со всем немалым хозяйством и два хутора — Кругловский да Каменка, в которых и ныне течет привычная крестьянская жизнь.

В это тяжкое для России время Г. В. Яменсков остался отцом-председателем большой колхозной семьи. Он не отправил на мясокомбинат якобы «нерентабельных» коров, потому что знал: крестьянской семье без коровы — погибель. И теперь от реализации молока колхоз ежемесячно получает 250 тысяч рублей. Он не закрыл детский сад, не оставил без заботы школу, больницу, потому что твердо знал: в крестьянской семье нельзя оставлять без призора детей, стариков, недужных. Он понимал: людям нужна работа, пусть с невеликой зарплатой, человеку нужна уверенность в том, что в завтрашнем дне у него на столе будет ломоть хлеба. А над головой теплый кров. Георгий Васильевич бережно сохранил все нажитое и созданное колхозом за долгий век. А значит, сохранил жизнь, колхозную и люд-

скую; сегодняшнюю и ту, что будет завтра на этой земле. В первом классе Кругловской школы двенадцать учеников.

В кругловскую школу я пришел в день приезда, к вечеру, когда классы уже были пусты. Походил, поглядел, поговорил с милой женщиной-учителем истории. Пришел и на другой день, теперь, как говорится, «для встречи с учениками-старшеклассниками».

Домой, в город, с собой увез я букет осенних цветов, подаренных учителями и школьниками. Эти цветы, хризантемы, претерпели длинную в три дня дорогу. А потом еще долго радовали душу. И еще мне подарили в школе философский трактат кругловского учителя Владимира Мурашкина «Человек — машина времени». Строки из «Введения»: «Человек ведет себя на планете, как старуха из сказки А. С. Пушкина “Сказка о золотой рыбке” — все ему мало. И конец может быть таким же. А мы этого не понимаем...»

Как физик считаю, что начинать надо с наблюдательных данных: то есть вначале нужно просто разобраться в том, что мы видим вокруг себя».

Видим вокруг себя... Рядом. И далеко вокруг, за многие тысячи верст. День сегодняшний, день вчерашний и тот, что придет неизбежно нынешнему вослед.

Хутор Кругловский, Нехаевского района. Колхоз имени Ленина, которому 75 лет. Георгий Васильевич Яменсков председательствует здесь тридцать шесть лет. Нынче коллективное хозяйство. Последний колхоз. И колхоз, который не доживает, не догорает, не собирается сдаваться. У него самые высокие урожаи в районе. Строят жилье для колхозников, берут на себя иные заботы, о которых уже говорил я.

Но... с виду здоровое и будто бы крепкое тело колхоза подтачивают недуги и болезни, общие для всех. Среднемесячная заработная плата механизатора 1 750 рублей, животновода 1 164 рубля.

Вот семья шофера. Оклад — 1 200 рублей. На руки, «чистыми» получает 800 рублей в месяц. Вычеты: за квартиру, за детский сад, за хлеб, который берут в колхозном магазине. Жена работает в Доме культуры. Получает 800 рублей. Двое детей: одиннадцати и трех лет. Нужно прокормиться, одеться, обуться всем четверым на 1 600 рублей в месяц.

Откормили двух свиней (на полученное в колхозе зерно), сдали на 8 тысяч. Вот и все доходы здоровых, молодых людей.

Еще одна семья. Муж ведаёт колхозным водопроводом, оклад 700 рублей. Жена учительница, получает 2 000 рублей. Надо оплатить квартиру, газ, электричество, кормиться, одеваться. Сын — старшекласник. Он знает свои обязанности, как и отец с матерью. Домашнее хозяйство: корова, свиньи, птица. Накормить, напоить, почистить. Нынче продали свиней и купили сыну компьютер. Не от больших денег, но понимая, что век XXI и хотелось бы для сына иной судьбы.

Доярка. 1 500 рублей среднемесячный заработок. При трехразовой дойке. Она, считай, и дома не бывает. Лишь короткими набегами да ночью. В четыре ли, в пять утра — на первую дойку. И пошло-поехало, часов до восьми вечера. 1 500 рублей. Это без вычетов. Еще дадут зерна. Для своих свиней, кур, без которых прожить невозможно.

1 500 рублей... 1 200 рублей... 700 рублей... Не за день, а за месяц колхозного труда.

Один раз в неделю в Кругловке шумит базар. Приезжие из райцентра торговцы «на колесах» раскладывают и развешивают свой нехитрый товар. Цены, естественно, гораздо выше московских, «черкизовского» ли, иных рынков. Пару башмаков на месячную зарплату не купишь.

Парк сельхозмашин в колхозе имени Ленина стареет. Два новых комбайна купили по лизингу три года назад. Всем остальным — более двадцати лет. По случаю, из вторых рук приобрели три трактора «Кировца». Один — из Прибалтики, два других — из Донбасса, с шахт. Покупку новых тракторов колхоз осилить не может. Это тоже звон похоронный, как и зарплата в 1 500 рублей, в 1 000, в 700...

Кто из молодых, из нынешних старшекласников Кругловской школы польстится на такой заработок? На такое будущее своей жизни? Да и только ли они. Хорошие механизаторы, возраста далекого от пенсии тоже понимают, что можно зарабатывать больше и уже говорят, порою, в открытую: мол, у соседей в «Инвид-Агро» механизаторы зарабатывают больше. Да что «Инвид-Агро»... А в «Агрокоммерзе» еще больше платят. А в Большой Ивановке, Ило-

влинского района у В. А. Банькина, там вообще, как на Западе, механизаторы почти по миллиону рублей за год заработали. Чем хуже кругловские механизаторы?

Колхоз имени Ленина во многом держится на председателе. На его мудрости, опыте, крестьянском и организаторском таланте. Но Г. В. Яменков — человек возраста пенсионного. И он, конечно, устал. На одном из колхозных собраний прозвучала его просьба об отставке. На свое место он предложил сына, работающего сейчас главным агрономом. Но люди не согласились и попросили Георгия Васильевича поработать еще. Он остался. Но надолго ли? Возраст свое возьмет, не сегодня, так завтра. А что будет с колхозом имени Ленина без Г. В. Яменкова? Горькое пророчить не хочу. Но сколько вокруг этого горького? Что стало с «Волго-Доном», когда убрали В. И. Штепо, заменив его на молодого? А с орденоносным колхозом «Россия», когда В. Ф. Попова «ушли»? Были хозяйства — всем на зависть. Превратились в руины и пепел. Но дело, в конце-концов, не только в крепком и умном председателе.

Вот монолог руководителя хозяйства, которое не реформировалось, от долгов уходило, избавлялось от лодырей. И выжило. Теперь есть прибыль, рентабельность, среднемесячная зарплата более 5 000 рублей. Но остались все те же проблемы:

«Выращивая только лук, который дает триста-четырееста процентов рентабельности, и не имея ни животноводства, ни обязательств перед людьми, мы могли бы вылизывать землю так, что на ней в бильярд играть можно. Если я коров перережу, кормопроизводство и зерновое производство сверну, брошу богару, оставив себе орошаемые земли для производства овощей, я тоже если не король, то кум королю буду. Оставляю на двухстах га орошения в штате максимум десять человек: я, бухгалтер, три тракториста, несколько водителей. Получая сверхприбыли, севообороты буду соблюдать, пары в идеальном состоянии содержать...

Следуя логике голой прибыли, мы придем к тому, что коноплю еще выгоднее выращивать, чем лук, — почему бы ею не заняться? Или маком — его на опиум выращивать еще выгоднее. Себестоимость лука, если считать только

прямые затраты, 1 рубль 11 копеек. Продажа пять рублей. Мы прибылью от овощей вынуждены погашать убытки от животноводства.

В сельском хозяйстве нельзя на выходе только сверхприбыль видеть — так мы село совсем порушим.

Если все кинемся лук выращивать, кто будет подворьям зерно давать? А куда мне, свернув животноводство и кормопроизводство, людей девать? Выкинуть на улицу? Кроме того, у меня есть обязательства перед неработающими учредителями — пайщиками. Мы им на пай даем две тонны зерна, 500 килограммов лука, пять тонн соломы. Что сверх этого просят — по себестоимости продаем.

Свернуть животноводство — село похоронить. Личные подсобные хозяйства живут только благодаря крупным. Мы их кормами обеспечиваем. Люди, которые у нас в сезон работают, — из Самофаловки, из Фастова и других окрестных сел, просят: “Не надо денег — лучше зерна выпишите...”

У нас сельхозпроизводителей оценивают по тому, кто сколько в землю вложил, какой урожай получил. Если бы учитывали, кто сколько вкладывает в живущих на земле людей, думаю, многие наши “короли” окажутся голыми».

Но Россия нынче не страна социализма. Суровы экономические законы. Еще суровее беззаконие, которое царит в нашей экономике. И потому не выжить «островкам социализма». Коллективные хозяйства, в том виде, в котором они существовали у нас, немыслимы без идеи людского братства, коммунистического бытия, без государственной поддержки. А нынче идея одна — рубль. В поддержку лозунг: «Спасайся, кто как может!». Наши колхозы — это не толстовские коммуны, не деревенские сообщества, в которых жили «молокане», «общие», не израильские киббуцы. Значит, кончился их век.

В Нехаевском районе остался в живых лишь колхоз имени Ленина, дай ему бог удачи; в Калачевском районе кохозов уже нет.

Вспомним год 1991-й. Два правительственных документа... «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР», «О порядке реорганизации колхозов и совхозов».

Там было много всего:

«...Местной администрации организовать продажу земель... по конкурсу.

Земли передаются или продаются... на аукционах гражданам и юридическим лицам.

Предоставить крестьянским хозяйствам право залога земли в банках.

Разрешить с 1 января 1992 года гражданам, владеющим земельными участками, их продажу.

Невыкупленные участки продаются на аукционах...

Колхозы и совхозы, не обладающие финансовыми ресурсами для погашения задолженности по оплате труда и кредитам, объявляются несостоятельными (банкротами) до 1 февраля и подлежат ликвидации и реорганизации в течение первого квартала 1992 года».

Все это оказалось пустыми словами: «продажа земель», «конкурсы», «аукционы», «право залога земли в банках». Даже теперь, тринадцать лет спустя ничего этого нет.

Выписка из моей статьи в «Новом мире», год 1994:

«Когда рушатся великие государства, люди остаются и приходят в себя не вдруг. И правят ими тогда не новые законы, а обыденная экономика жизни».

Теперь осень 2004 года. Прощание с колхозом имени Ленина. Черные, словно воронье крыло, пашни, изумрудная зелень озимых хлебов, алые кисти рябины в придорожных лесополосах.

Колхоз имени Ленина. Школа, больница, детский сад... Каждый месяц платят зарплату, без задержки: 700 рублей, 1 000, 1 500, а еще — зерно и корма для коровы. Все вовремя, безотказно, потому что это колхоз имени Ленина, где председателем Г. В. Яменсков. В иных колхозах по 300 рублей за месяц начисляют, но их не дождешься годами и через суд не возьмешь. А вместо зерна — полцентнера зерноотходов дадут. Или рожь. Вот и радуйся...

И все равно работают. Потому что некуда деться. До райцентра — полсотни верст, а там — безработица. До областного города — двести ли, четыреста километров. Но кто тебя там ждет? Тем более с детьми.

Недалеко от Кругловского — хутор Солонка ли, Солоновский. Тамошний колхоз развалился, остатки его забрал

«инвестор». 20 000 гектаров пашни. В два раза больше, чем в колхозе имени Ленина. Но люди оказались без работы. 1 100 жителей в Солонке. Во время полевых работ нужны оказались пять шоферов и десять механизаторов. Остальные: живи как хочешь.

Хутор Павловский, Алексеевского района. Здесь живет восемьдесят семей. В колхозное время, кроме полеводства, работала свиноферма, откармливали молодняк крупного рогатого скота. Колхоз развалился. «Инвестор» — фирма «Гелиопакс» оставила лишь полеводство. Работают 15 человек и те, в основном, в период полевых работ, весной и в уборку.

«Инвесторы» — могучая сила. «Агрокоммеррз», «Гелиопакс», «Содружество-Ойл», «Инвид-Агро», «Гетекс», «Юг Руси», «Русское зерно».

«...пару лет назад хозяйства, которые вошли в состав нашей компании ни количеством, ни качеством продукции похвалиться не могли: зерно было в основном фуражным, средний урожай не превышал 10—12 центнеров с гектара, — говорит управляющий компании. — По традиционной технологии, чтобы восстановить пашню пустовавшую пятьдесят лет (а в большинстве вошедших в компанию хозяйств она была именно в таком состоянии), требуется как минимум три года. Но нам, благодаря привлечению мощных механизмов, удалось сжать эти сроки до более кратких. Ни в коем разе, разумеется, не в ущерб земле, а только за счет внедрения передовых методов земледелия и использования высокопроизводительной техники: комбайнов, тракторов, навесного и прицепного оборудования. Все шаги компании на земле выверены технологическими требованиями: хозяйства работают только с высококачественными семенами, вносят в почву удобрения, проводят химпрополку с привлечением авиации и, конечно, выдерживают неперемное условие сельхозпроизводства — соблюдение сроков севооборота. И результаты не заставили себя долго ждать. Земля вернула сторицей все, что вкладывалось в нее в течение того короткого срока, что существует агрофирма».

Добавим, что эта могучая агрофирма в тот же короткий срок стала самым крупным производителем и поставщи-

ком печеного хлеба для областного центра (дает 60 процентов).

Вот она и замена колхозам.

100 тысяч гектаров, 200 тысяч гектаров... Элеваторы, хлебоприемные пункты, хлебозаводы, речные порты для отгрузки зерна — все это «инвесторы». У них уже более миллиона гектаров пашни в нашей области. Самые высокие урожаи именно там. По 40 и 50 центнеров пшеницы, до 20 центнеров подсолнечника с гектара. Высокого качества, элитного, семенного. Это ли не достижение.

Село Большая Ивановка Иловлинского района, про него теперь вся область знает. Именно там в прошлом году простой механизатор О. А. Печников заработал 700 тысяч рублей, да еще и легковой автомобиль впридачу. Немногим меньше был заработок других механизаторов. Оплата — по труду. 8 000 гектаров пашни обрабатывали две бригады механизаторов, тринадцать человек. Им было обещано в качестве оплаты 10 процентов произведенной продукции. В прошлом году они заработали в среднем по 368 тысяч рублей.

Все хорошо: земля обрабатывается, урожай хороший, работники довольны. Но население Большой Ивановки более тысячи человек. В механизированных звеньях новых хозяев — тринадцать. А куда остальным деваться? До райцентра — сорок один километр, до областного и вовсе далеко.

В этом году новые хозяева взяли еще около 8 000 гектаров в селе Александровка (население около тысячи человек). Запущенные земли бывшего колхоза сейчас пошли в дело. Тракторы все лето работали круглые сутки: пахали и культивировали. Молодые работники сидели в машинах по двенадцать часов, а в день пересменки — двадцать четыре часа не выходили из кабины. Они знают, за что работают, потому что рядом, у тех же хозяев, Большая Ивановка. 700 тысяч Печников заработал. Его товарищи немногим менее.

А остальные, бывшие колхозники. Куда им податься? Сорок километров до Иловли, до города — сто. Но кто их ждет там? В Александровке — дома, усадьбы, учеба детей, привычный быт. А вот работа кончилась.

В нашей области пять с лишним миллионов пашни. Более миллиона — не обрабатывается. Уже более миллиона гекта-

ров у крупных «инвесторов», столько же у фермеров, причем большая часть земли у крепких хозяев, которые обрабатывают и 1 000 гектаров, и 10 000, и даже более. Это уже, примерно, 3 миллиона гектаров пашни, то есть более половины всей области. И все это — не пустыня. Это — села, хутора, станицы и люди с недавно еще налаженным бытом, это — вчерашние колхозники, официальным языком «трудоспособное население», которое нынче потеряло работу, а значит, заработок. Никто точно не скажет, сколько их. Но если с Солоновском из тысячи жителей работой обеспечены пятнадцать, если в Александровке вместо всего колхоза работает лишь тринадцать механизаторов, если в Бузиновке после развала «Калачевского» всю землю забрали крупные фермеры с уже сложившимися коллективами, а местных на работу не взяли, то понятно, что подавляющее большинство сельских жителей осталось без работы. Работу потеряли практически все женщины. Раньше они были доярками, свиноводками, телятницами. «Инвесторы» и фермеры животноводством не занимаются, лишь зерном. Молодежь, вчерашние школьники тоже никому не нужны. Раньше были технические училища, школы механизации, а значит, специальность, потом — практика и работа. Сегодня школ механизации нет. «Инвесторам» и фермерам нужны готовые квалифицированные кадры, и они их набирают, где могут.

Молодые ребята теперь, болтаясь без дела, ждут призыва в армию. (А после армии что?) Девчата ждут... «замуж».

Моральное состояние понятное: «все потеряно, и ничего не будет». Все дорожает, лишь самопальная водка уже третий год держится в одной цене 22 рубля за бутылку.

При «колхозах-совхозах» был партком, завком, комитет комсомола, секретари райкомов, обкомов по идеологии. Конечно, было много дури. Но занимались и воспитанием. «Молодежь — наше будущее», «Моральный кодекс», «Пионер обязан...» хотя бы место в трамвае старшему уступить. Этому учили. Павка Корчагин, Тимур со своей командой. Теперь кто занимается воспитанием? Телевизор и «видик». С утра до ночи там современные «герои»: Белый, Серый... Бьют, режут, пьют-едят в шикарном ресторане. А потом едут в Монте-Карло, на ПМЖ.

Информация или крик души:

«...многие наши дети перестают посещать школу с 6—7-го класса — не хотят учиться. Приобщаются к пьянству, наркомании... особую озабоченность вызывают, как ни странно, девочки. Если мальчишек еще можно призвать к порядку, то “милые дамы” выдают такие матерные тирады... три раза в неделю дискотеки, где, в основном, собираются дети (начиная с 6-го класса)... пьют, курят (и мальчишки, и девочки), устраивают драки... нравы этого детского сообщества напоминают тюремные — выживает жестокий и сильный...»

На общешкольное родительское собрание пришло двадцать пять человек из шестисот...» (И. Н. Колесниченко, поселок Береславка).

Береславка. Бывший совхоз «Волго-Дон», прославленный, орденоносный, могучий. Повторю еще раз слова волгодонского старожила Н. Н. Андреева: «Я сюда переехал, рот разевал от удивления. Суббота-воскресенье, как в городе, — отдыхай. Спортивные соревнования на стадионе. В клубе — концерт. А хочешь, поезжай в город: в театр, в цирк. Автобусы и билеты бесплатные».

Хорошо работали и хорошо жили.

Теперь на месте могучего совхоза — жалкие остатки. Агрогород. Этажи его, балконы. Приусадебного участка нет. И работы нет. Людей так и осталось около шести тысяч.

Далекий хутор Зимняцкий. И те же горькие слова: «Своих детей мы уже потеряли...»

Это — уходит колхоз. Уходит колхозная жизнь. Ей замены пока нет. Еще раз к письму из Береславки.

«Мы с тревогой восприняли сокращение дежурной части нашего отделения милиции... Это неправильное решение... Состояние правопорядка усугубилось».

Милиция — дело необходимое. Армия — тоже. Из года в год у нас в стране эти статьи расходов в бюджете увеличиваются. (С образованием ли, культурой — не сравнишь.) Когда-то, в далекие годы, в Калаче-на-Дону был старшина Гегин. Его и сейчас помню, спустя полвека. Казалось, самый главный был милиционер. Сейчас в нашем невеликом городке уже и действующий генерал есть, полковников

да подполковников не счесть; а майоры — «участковые». Мелких звездочек — как в ночном небе. Но разве больше стало порядка?

Возле каждого человека милиционера не поставишь. Весь белый свет колючей проволокой не опутаешь.

Из того же письма:

«У растущего поколения нет идеологии. Лишив его прежних идеалов и ничего не дав взамен, государство совершило нравственное преступление. Мы ничего не оставили своим детям кроме рубля в одном глазу и доллара в другом».

Поселок Береславка. Бывший совхоз «Волго-Дон», орденосный, богатый. Которого нет и теперь не будет. Остались люди.

Крестьянская Россия. 2004 год. Крутые перемены начались в 1991 году. Но до сих пор наше село — что растревоженный улей. «Инвесторы», фермеры, последние колхозы — все они живут на земле и от земли. Но до сих пор толком никто не знает: кому принадлежит земля в сегодняшнем дне, а в завтрашнем — тем более. Какая уж там продажа, какой залог, если права собственности по-прежнему нет. Спросите любого живущего на хуторе, в селе: «Где твоя земля твой земельный пай? Покажи». Самый верный ответ будет со вздохом: «На кладбище. Два метра».

А коли нет определенности в вопросе земельном (тринадцать лет разбираются!), то все надстройки могут улететь при хорошем ветре.

«Инвесторы» — наша надежда и наше будущее», — твердо заявляют власти областные, районные и в разваленных колхозах мечтают: «Нам бы инвестора...»

Осенью 2000 года в Самофаловке Городищенского района дождались этой манны небесной. Агрохолдинг «Волгоградский» забрал у хозяйства все имущество, движимое и недвижимое, новую технику пригнали, начали пахать и сеять.

У «Инвестора», который приходит в село, должен быть солидный капитал, а не одно лишь желание. Прибыли появляются не в первый год. Это — не торговля, а сельское хозяйство. Сначала надо вложить деньги, купив тракторы, комбайны, семена, удобрения. Иногда, капитала не хватает. А может, появляются у «инвестора» другие проекты, более заманчивые.

Так случилось в Самофаловке. «Инвестор» в 2000 году «пришел», а потом решил «уйти».

Открытое письмо губернатору

В Самофаловке произошла страшная трагедия: когда-то крепкое хозяйство в результате разных реорганизаций пришло в упадок.

Чтобы как-то выправить положение, директор Кусайло решила пойти под крыло богатого инвестора — ЗАО «Агрохолдинг “Волгоградский”». Но холдинг оказался не простой, а продуманный — с большим опытом и дальним прицелом. Землю он сразу оформил в ООО «Ракурс-Волга-С», технику и всю недвижимость — в ООО «Гор-Агро», а на себя не оформил ничего, просто выступил в роли работодателя.

Постепенно втайне от народа (пайщиков) директор Кусайло стала переоформлять все движимое и недвижимое имущество в те фирмы, куда ей указывало руководство холдинга, — якобы в счет погашения кредитов, таким образом постепенно лишая людей имущественного пая. Затем холдинг приступил к реализации своих планов. Сначала в одночасье (за субботу) вывезли всю скотину (КРС и свиней), затем начали вывозить всю технику, вагончики, станки, оборудование. Затем стали разбирать склады, коровники, МТМ, гаражи, орошение, продавать пруды и т. д. То, что нельзя было вывезти, разрушали.

Уважаемые люди села, почетные граждане района, орденосцы, ветераны труда, десятилетиями создававшие производственную базу (из которых многие проработали 40—45 лет), плакали, глядя на это. Трижды обращались к губернатору Н. К. Максютуе — никакого ответа. Дважды были у главы районной администрации М. М. Бубенчикова, просили разобраться в происходящем и прекратить произвол — безрезультатно. Многократно обращались к милиции — никакой реакции.

Мы хотели выйти и перекрыть московскую трассу в знак протеста. Хотели не ходить на выборы...

Губернатор призывает работать с холдингами, считая их панацеей от бед сельского хозяйства. Но вот бы взял и посмотрел, как ЗАО «Агрохолдинг “Волгоградский”» подготовило «Самофаловское» к посевной.

Неужели никто так и не понесет ответственности за происходящее?

А. Иляховский, Т. Журбенко, И. Растворов и др.

С чем остались бывшие колхозники? С землей? С «основным богатством», которое неизвестно где. Может, за околицей. А может за 50 верст, возле Бирючьей балки. Кто ее воочию видел и может ткнуть пальцем: «Вот это — мое»?

Открытое письмо

полномочному представителю президента в ЮФО Козаку,
главе администрации Волгоградской области Максютю,
депутатам Государственной думы РФ Галушкину, Плотникову

...в настоящее время расследуется уголовное дело по факту приобретения П. Н. Суховым 100 процентов долей уставного капитала ООО «Родина». А также то, что из 15 миллионов рублей кредита Сбербанка РФ Суховым на ООО «Родина» был потрачен только один миллион. И еще то, что в мае 2004 года Сухов продал не принадлежащее ему (лизинговое) дойное стадо коров, выбросив на улицу более тридцати человек из работников ООО «Родина».

Посредством хитроумных комбинаций П. Н. Сухова и его родственников ООО «Родина» погрязло в колоссальных долгах.

Надеемся, что в городе Волгограде и области найдутся честные и профессиональные специалисты, которые проведут объективное расследование ситуации, сложившейся в нашем селе вокруг ООО «ЮГ АГРО» и ООО «Родина», а власть обратит внимание на все происходящее у нас в районе и достойным образом наведет надлежащий порядок.

*Жители села Завязка (всего 200 подписей),
Киквидзенский район*

Пора колхозов в нашем селе завершается великим разором и «раскулачиванием» крестьянина, которого обманывают все кому не лень. Простодушные, не больно образован-

ные, напрямую зависимые от колхозного начальства (не даст сена, соломы, зерна), эти люди, в основном, послушно голосуют на собрании за очередную «перерегистрацию» колхоза в КСП, СПК, МУСП, АО, ОАО, ООО... «Перерегистрируемся и заживем... — обещают им. — Уйдем от налогов... Уйдем от долгов...» Слепо голосуют — до тех пор, когда им говорят открыто: «А теперь вы — лишь наемные рабочие».

Такие реорганизации в моем районе претерпели последние коллективные хозяйства «Мир» и «Советское», превратившись в акционерные общества, где акции принадлежат двум-трем «физическим лицам», а значит, именно им теперь принадлежат тракторы, комбайны, дойные и мясные гурты скота, производственные помещения, вплоть до конторы, посевы, всходы, урожай — все это теперь частная собственность «Иванова» и «Петрова», а триста ли, пятьсот вчерашних колхозников и совладельцев остались лишь со своим полумифическим «земельным паем».

Прощай, колхоз! И никакие письма губернатору и президенту не помогут. Это называется лишь переходом собственности в другие руки.

В чьих руках сейчас заводы, фабрики, шахты, нефтяные скважины, речные и морские суда, порты? А ведь там работали не «темные» крестьяне, в грамотных недостатка не было. Но, видно, дело не только в грамоте. Потому что результат — налицо: ни рабочим, ни служащим ничего не досталось.

На селе этот процесс немного запоздал. Вот и вся разница.

«Все вокруг колхозное и все вокруг мое» кончилось. И потому, возвращаясь к началу моих заметок, к ценам на печеный хлеб, повторю, что цена «буханки», как и литр бензина, зависит не от президента и губернатора, а от хозяина зерна, хлебозавода, магазина.

«Продавать зерно ниже себестоимости мы, разумеется, не можем. Если сегодня мы сработаем в убыток, то завтра не будем работать вообще», — сказал управляющий одного из аграрных «холдингов», работающих на нашей земле, когда пошли разговоры о том, что при большом урожае хлеб должен подешеветь.

У нас в области нынче губернаторские выборы. Как и заведено, власти с ранней весны начали «битву за хлеб»

под лозунгом: «Дадим 4 миллиона тонн зерна в честь предстоящего 60-летия Великой Победы!».

Не имея реальной возможности влиять на сельскохозяйственное производство, но, конечно, не желая этого признать, областные власти вспомнили советское прошлое и начали проводить «разверстку»: кто сколько зерна посеет и кто сколько соберет. «Задание» доводилось каждому: «инвесторам», фермерам, колхозам. Проводились совещания, планерки, назначались «ответственные».

«Областная администрация мобилизует аграриев на битву за урожай — 2004».

Вот одна из страниц «битвы»: областное селекционное совещание с главами районов.

Глава Урюпинского района: «...197 тысяч тонн — боюсь, что это нереальная для нас задача». Голос из областного центра: «Мы ваше объяснение принимать не будем. Занимайтесь этим. Этот вопрос будет постоянно стоять под контролем...»

Из Камышинского района, замглавы администрации: «Я отказываюсь понимать, как можно сразу дать увеличение почти в два раза». Голос из областного центра: «Мы от вас объяснение не принимаем. — И приказ: — Ответственный по Камышинскому району, поедете туда и можете жить там. Вернетесь, когда будет то количество зерна, которое определено».

И все это вроде на полном серьезе, словно пятьдесят лет назад.

Конечно же, аграрные бизнесмены, «инвесторы» в первую очередь заинтересованы в высоком урожае, потому что они пришли на землю, чтобы получать прибыль. И пришли они в разваленные колхозы тогда, когда областные власти окончательно расписались в своей бессилии, не сумев ничего сделать за десять лет.

Фермеры тоже работают для урожая. В меру возможностей и сил. Они ведь живут не от зарплаты. И последние колхозы стремились выжить.

Для одних — работа, для других «битва»: за губернаторское, за чиновничье кресло.

Погодные условия сложились хорошие, область собрала 4 миллиона тонн зерна.

«Больше зерна в поле, дешевле хлеб на прилавке», — говорили областные власти, растолковывая непонятливым, что сражались они для блага людей, избирателей.

«Хлеб уже стал дешевле!» — сообщали подвластные губернатору газеты.

Насколько он стал дешевле у нас, в Калаче, повторю: буханка «серого» — на рубль дешевле, зато «батон» белого на рубль шестьдесят дороже, и все булочки, рогалики, плюшки подорожали от 50 копеек до рубля за штуку.

На нашем дворе капитализм и всяк старается получить максимальную прибыль. Никакие губернаторы и президенты тут не указ. Бизнесмены могут помочь, если их настоятельно попросят, разъяснив: «Выборы на носу». Но своего они не упустят.

И дело не в нашей области, не в нашем «плохом» ли — «хорошем» губернаторе.

Переход от социализма к капитализму. Тут ни теории, ни практики нет. Метод синяков, в лучшем случае. Только кому «синяки»? Конечно, мужику.

Не знают о «путях перехода» в Москве, не ведают в Волгограде.

Один неглупый местный политик, когда его избирали на высокую должность, на вопрос: «Какие задачи ставите? Что, конкретно, будете делать?» ответил: «Буду решать задачи, которые ставит жизнь. От ступени к ступени».

Так оно и получается. Только порою эти ступени вниз ведут.

Еще недавно губернаторская власть боролась с «московскими бандитами», которые захватывают сельхозпредприятия. Но через короткий срок эти самые «бандиты» стали именоваться «инвесторами», которые землю вспашут, людей обеспечат работой и решат все социальные вопросы села, то есть на свои деньги будут содержать сельскую школу, больницу, водокачку, дороги и все другое, что прежде было заботой колхоза.

Опять забыли про капитализм.

«Инвесторы» через год-другой стали получать неплохие прибыли еще и потому, что отказались от всего «неприбыльного».

«Нынешние инвесторы откровенно от хутора отвернулись, обязательства за земельные паи не выполнили, кормов не дали» (хутор Аржановский).

«...водопровод не работает, сообщения с райцентром нет, закрыта аптека, не ходит “скорая помощь”, медпункт разваливается, в школе крыша течет, весенний паводок разрушил мосты...» (хутор Успенка).

А «инвесторы» говорят четко: «Следует оградить сельхозпредприятия от решения социальных проблем, включая разовые акции помощи. Они должны заниматься производством». Тоже ведь — правда. Этот «инвестор» заплатил 17 миллионов рублей налога лишь на одном хуторе. Вот и решайте на эти деньги «социальные проблемы».

И он же говорит: «Необходимо активно побуждать местную власть, создавать условия на селе для развития малого бизнеса: кафе, кулинарии, пошивочные, ремонтные мастерские. Это даст работу другим жителям».

«Если город будет развиваться, а село — нет, оно станет поставщиком преступников, наркоманов, проституток».

В прежних моих «новомировских» заметках, да и теперь, много укоров властям московским и областным, которые во все времена меряют нашу жизнь на свой, якобы государственный, аршин. И тогда получается, что в «среднем», да в «общем» жизнь на селе налаживается.

Возьмем нашу область. Пашни у нас примерно 5,5 миллиона гектаров. В самые провальные времена «перестройки» площадь неиспользованной пашни доходила до двух с лишним миллионов гектаров. В 2002 году уже полтора миллиона га, в нынешнем в 2004 году — неиспользованной пашни остался лишь один миллион гектаров. Как говорится, рост налицо. Брошенную пашню забрали «инвесторы», и урожаи у них завидные. Нынче у «Гелио-Пакса» на 36 тысячах гектаров средняя урожайность 36,7 центнера пшеницы с гектара. ЗАО «Русагропроект» получил 261 тысячу тонн зерна. Это ли не достижение! «Инвесторы» за последние три года вложили в сельское хозяйство области более 6 миллиардов рублей. Отсюда и результат.

Так что с растениеводством дело налаживается. Думаю, что через два-три года необработанной земли в области вообще не будет.

Потому что рентабельность пшеницы и подсолнечника у «инвесторов» и у крепких фермеров 160—250 процентов. Это — лучшая агитация и пропаганда.

Такие цифры ласкают слух руководителей области и страны. А то, что животноводство практически уничтожено, об этом можно промолчать или произнести туманную фразу: «Наметились признаки стабилизации». Что на деле означает: ниже земли не упадешь, ниже дна не утонешь. Потеря животноводства, это потеря рабочих мест на селе. Доярки, скотники, свинарки, телятницы остались без дела. Ставка на интенсивное растениеводство — вызовет уменьшение числа механизаторов. А все вместе означает массовую безработицу на селе.

Уход колхозов — это развал сельской социальной сферы: больницы, школы, культуры. А в общем — деградация сельского населения.

Когда закрываются шахты, говорят и что-то делают для трудоустройства бывших шахтеров. А кто поможет крестьянину? Только Бог.

Последний в этом году поход. Теплая осень. Из хутора Набатов, на стареньком велосипедике выехал и покатил: Ремнёв, где шиповника нынче пропасть, Красный Яр, бывший Евлампиевский хутор (ныне лишь могилки да старые груши), дорога на Большую Голубую, из которой нынешним летом последние наши люди ушли: Любания, Косоруков, Дьяченко. Остался «аул» — два чеченских хозяйства.

До Большой Голубой не доехал, повернул и стал подниматься вверх, к бывшему набатовскому полевому стану. Оттуда, с могучих курганов Маяка и Белобочки простор открывается, который взглядом не окинешь. Могучие холмы, просторные долины, глубокие балки. Осенние желтые травы, яркое солнце, ветер, высокое небо. Безлюдье, безмолвие. До Верхней Бузиновки — сорок километров, до

станции Сиротинской — столько же, до Голубинской ближе, но она все равно далеко.

Возвращался к вечеру. Жаркий был день, даже знойный. И потому, не добравшись до хутора, свернул передохнуть возле Красного Яра, к речке, в прохладную сень тополей да верб. Речушка степная, малая, с милым именем Голубая. Умылся, сладкой водички попил, черпая горстями, сел на берегу.

Перекат. Белые камешки. Журчит и журчит вода, убегая. Душа утишается. Мысли текут спокойные. Не только о дне сегодняшнем. Что наши дни, они журчат, словно эта вода, и растворяются в таком вот степном покое, который вокруг и ныне, и век назад. Так же речка звенела, светило солнце, на маковки тополей и верб с легким ропотом набегал ветер, серебря их. И люди жили на этой земле. Много их было, богатых, бедных... Счастливых вовсе не от богатства и несчастных не всегда от бедности. Были, потом ушли.

Что осталось от той далекой поры. Осталась земля, осталась вода. Осталось далекое эхо прошедших лет в именах и названиях: Сазонов алевод, Артемов алевод, Желтухин сад, Якубов кут, Ситников переезд, Гусаркин да Львовичева гора. Но это не просто названия, это долгая память о людях, которые всего лишь век назад жили и работали на этой земле. А потом ушли.

А речка Голубая все также звенит на перекате у Красного Яра. И вечный ветер шуршит в желтых осенних травах. Земля жива.

Нынешним утром я услышал гудение трактора. Это по соседству Юрий Стариков скирдовал привезенную вчера солому. Нынче он поставил новый сенокос. Это — по-хозяйски. Стариков — настоящий хозяин. У него есть скотина, лошади. Весной он прикупил молодняк: телочек, бычков. Взял в аренду остатки колхозного животноводческого комплекса, с него уже крышу снимали. Он думает побольше скотины завести. Что ж сила есть, человек не старый. О земле у меня спрашивал. «Торопись, — сказал я. — Через два-три года ничего не останется».

Вчера я ездил на бахчи, к Синицыну. Поглядел, поговорил, арбузами да дынями угостился. Синицын — тракто-

рист, в прошлом совхозный. Теперь они вместе с Семерниковым хозяйствуют самостоятельно. Арбузы, дыни, тыквы, просо, подсолнух. Нынче год — не арбузный, а дыни очень хорошие. Перекупщики в Москву их везут. Больших доходов у Сеницына, конечно, нет. Но живет, кормится, милостыни не просит; люди у него работают, хоть немного, но получают, на жизнь. Запашку Сеницын увеличивает, взял еще землю возле кургана Хорошего.

На бывшем Найденовском хуторе, который уже год косит сено Ф. И. Акимов и возит его на продажу в Калач, в Ильевку. Себе на хлеб зарабатывает и другим помогает.

По-прежнему работают Пушкины, пашут да сеют. И Барсов не сдается.

Люди пожилые, пенсионеры, тоже не сидят сложа руки. У Гавриловых — скотина, голов пять, наверное. Надо и сено косить, и пасти, и ухаживать. Тут не поймешь: нужда ли, привычка? Но работают.

Тетя Катя Одининцева, ей уж за восемьдесят. Но огород — загляденье. Одной картошки сколько накопала. Себе хватит и городским детям и внукам достанется. А еще — помидоры, перец. Все вырастила, уже убрала и землю вскопала, подготовив ее для будущего урожая.

Хуторской народ, сельские жители, русские люди, чья жизненная сила — словно малая журчливая речка, которая течет и течет через время, через невзгоды и страсти, через войну и мир.

Все проходит, и все остается. Многое замывают вода и время, но многое — в памяти.

Минует и нынешний век. По-прежнему будет звенеть на перекатах речка Голубая. Земля забудет старые имена, им на смену придут другие: Акимов покос да Сеницыно поле, Буданов ерик да Стариков луг. Земля безымянной не будет. Пока жива.

Осень 2004 года

ПРОЩАНИЕ С ХУТОРОМ

В годы нынешние, всякий раз, когда я прихожу ли, приезжаю на хутор, начинает грезиться мне, что это гостеванье последнее. Один за другим уходят старые хуторяне к жилью иному, чаще к вечному, которое на Прощальном кургане. Умирает хутор. Да и свои годы немалые я тоже умею считать. Так что всякий раз чудится мне печальное, когда прихожу на хутор или прощаюсь с ним. Но хочется расставанья светлого. И потому зимою нынешней решил я уйти прежде намеченного срока, чтобы опередить непогоду.

— Куда спешишь? — уговаривал меня хозяин. — Барометр молчит. Может, машина будет, уедешь.

Барометр, и вправду, «молчал». Но предстоящую непогоду я нутром чуял, не хотел слякоти, или метельного плена под ногами, под колесами машины. Хотелось пройти пешком по льду, по замерзшему, снегом полоненному Дону до станицы Голубинской, чтобы уже оттуда уехать по асфальту домой. А по пути свернуть в лесистое займище, к озерам, да на Стенькин курган подняться.

Хотелось ясного солнечного дня, чистого неба, далекого горизонта, зимнего земного простора, чтобы идти, как говорится, легкой ногой, когда душа радуется, и не считаешь пройденные и остатные, порой нелегкие, версты. В пути одиноком это очень важно.

По нынешнему оскудевшему хутору от бывшего «центра», где живет мой товарищ, к Дону путь лежит недалекий, тем более что можно шагать напрямую. Когда-то хутор делился на «майdan» с магазином, правлением и «куты»: Забарак, Варшава и прочее. Потом объявились улицы да переулки. Конечно же, Ленина, Сталина, Набережная. В сельсовете их именовали да числили, чтобы не растерять. Ведь в прошлом веке на хуторе было до двухсот дворов и усадеб. Теперь наскребешь ли десяток стариковских, доживающих.

Наверху, в Забараке — голая пустынь: дед Федор умер, Паня Стищенкова в райцентр ушла, Мишка Бахчевник сго-

рел, соседка его и зазноба подалась к новому сожителю, в Малую Голубую.

Да и в самом хуторе, не с кем, уходя, попрощаться.

Одна лишь престарелая бабка Ксения день-деньской в своей хате у окошка сидит, непонятно кого выглядывая. Махнешь ей рукой на прощанье. Соседки ее, бабки Кати, хатенка закрыта до летней поры. Другой сосед, Панкратыч, по зимнему времени пропадает на речке, «окуней гоняет».

По правую руку, через пустырь — просторного размаха поместье Михаила Гаврилова, которому семьдесят лет. Но он всегда в делах: где-то ныряет в толчее разномастных сараев, сарайчиков, катухов, загонов да загородок, курников, закутов и прочих строений, лепленных из чего бог пошлет: старый побитый шифер, почерневшие доски, лист ржавого железа, такая же металлическая сетка рабица, дряхлый плетень без обмазки.

Конечно, Гаврилов мог бы поставить настоящие базы да сараи. Но уже который год он собирается на побег, в районный центр. Там куплен дом, в который другой десяток лет Гаврилов все собирается и собирается переехать. «Лето перебудем, и всё. Телята нехай подрастут, наберут весу, тогда продадим и уедем». «Такие хорошие бычки, за копейку отдашь. А к осени они мяса нагуляют». «Три квочки так расхорошо сидели. Полсотни цыплят. Куда их? Нехай растут». «Сена накопил много. Его не повезешь? Продержим скотину, а уж потом».

В одежде аккуратный, всегда побритый, он порою поглядит светлыми виноватыми глазами и честно признается: «Так неохота уезжать. Тут — воля. Все — свое, — вздохнет, взглядом окинет родной простор: холмы, долину, приречный лес. Потом добавит: — И хозяйство не кинешь, с собой не возьмешь. Тама, — лишь крикнет он да махнет рукой, — жена ездит за домом доглядает. Детей проведывает, внуков. Везёт им. Мыкается, — вздыхает он, добавляя. — В дело и не в дело. Бабы».

В последнем словце кроется многое. «Женский вопрос» на хуторе — давний и очень больной.

Помню, еще телефонов-«мобильников» не было, приехал зимой на хутор, пошел с утра прогуляться.

Спускаюсь по речке вниз, по льду ее, от Львовичевой горы к Голубинскому затону. Панкратьича увидел издали. И он меня угадал. Тоже издали. Насторожился, ждет, встречает вопросом.

— Маня звонила? Едет?

Я понял не сразу. Но потом дошло: это он о своей жене спрашивает, которая, видно, в отъезде. Телефонов мобильных на хуторе тогда еще не было. Тонкая ниточка связи лишь у моего приятеля: звонят и звонят: «передайте» да «перекажите».

— Нет, не звонила, — ничем не обрадовал я Панкратьича.

Он крикнул разочарованно, объяснил:

— Гляжу, ты налегке спешишь: без удочек, без пешни. Думаю, Маня позвонила, чтобы встречал. Уехала к матери. И все нет и нет.

Это теперь на хуторе обычное: женский вопрос. У Панкратьича часто уезжает Маня: к старой матери, которая болеет; к сестре, к детям. У Гаврилова та же песня: «Анну проводил в Калач, поехала», «жду, должна надъехать, чего-то все нету либо». У Панкратьича в хозяйстве куры и дойная коза. Управляется. Но, конечно, одному тоскливо.

У Михаила Гаврилова хозяйство серьезней. Корову давно научился доить. Остальное привычней.

У моего товарища та же песня: квартира в городе пустая стоит. Жена который уже год твердит и твердит: «Надоело. Давай уедем. Пожить по-человечески. Отдохнуть чуток». Ей в ответ: «Устала она. А какие тут дела?.. Коровы да куры. Нашла об чем говорить. Вот бывалоча наши матеря».

Дела и заботы на усадьбах, в домах Панкратьича, Гавриловых для меня — чужой монастырь. Мимо иду, если кого увижу, то поздороваюсь. Иной раз постоим, поговорим. Вот и всё.

А у товарища я не первый год гостюю. Считаю, свой человек. Но я все же — сторонний, не хуторской. И потому вздыхаю, когда укоряет приятель мой свою Катерину: «Какие у нас дела. Так — делишки».

«И какая тут может быть усталость? — это к жене вопрос, если она рядом. Или ко мне. А потом горький вывод. — Не хотят работать. Что моя Катерина, что Анна у Гаврилова, что Маня преподобная. Все бы им куда-то ехать, лететь, проведывать. Лишь бы обратиться с хутора».

Он не только говорит, он личным примером доказывает, своими руками: «Вот гляди. Встал я утром, корову напоил, два ведра принести нетрудно. Надергал сена охапку, нехай кормится. Взял лопатку, катяши в стойле почистил, вывез в корытце. Коровий вопрос решен. Курям воды налил. Сыпнул им зерна. За полчаса я управился со всем хозяйством. До вечера свободен. Могу — на рыбалку пойти, могу телевизор глядеть».

Когда я слышу такие речи, то вспоминается мне старая сказка про то, как поп работницу нанимал, объясняя ей какое легкое житье ее ждет. «До свету встанешь избу вымоешь, двор уберешь, коров подоишь и спи себе — отдыхай. Завтрак состряпаешь, белье постираешь, чего надо поштопаешь, обед сготовишь и спи-отдыхай. И так далее, целый день: «спи-отдыхай».

Сказка точная. Особенно по теплomu времени, которое в наших краях тянется, считай, с марта до декабря. На белой заре поднимается хозяйка и топчется до темной ночи. Пусть на базу даже одна корова, легко сказать: «Подои». Но сначала вымя подмой, оботри, помассируй да потягай эти сиськи, да чтобы корова стояла спокойно. «Стой, Лысёна, стой. Перевернешь подойник». По летнему времени руится мошкара, комарье, бзык не дает покою. Потом молоко надо процедить, обработать: просепарировать, вскипятить, заквасить. Сразу помыть сепаратор, подойник, цедилку, чтобы не закисло. Легко сказать: «Подои». И это лишь одно дело, раннего утра. А потом этих дел несчетно: в доме, на кухне, во дворе, в огороде. Тем более что хуторская обыденная жизнь и нынче от «каменного века» недалеко ушла. Кранов с горячей водой да стиральных машин-автоматов тут по-прежнему нет. Все по старинушке. Хочешь помыться, с утра баню топи. Одно дело другое цепляет: «У Лысёны глазик слезит. Где-то была мазь. Надо найти». «У курей в гнездах солому поме-

нять. Яйца грязные». «Старый петух какой-то невеселый. Поймать, поглядеть. Либо — вши. Надо белить в курятнике».

Всё — надо. Дворового сторожа Тузика перевести от дневного пекла в тенистое место да землю улить для прохлады. Три кошки — тоже немалая забота.

— Обо всех она горится, — пеняет хозяйке муж. — Об собаках, об кошках. Жёвками готова их кормить.

В ответ ему укор справедливый:

— А у тебя, как уеду, то собака сдохнет, то кошка. Хозяин.

— Меньше надо ездить. Увееетесь, тут не кошка, тут сам сдохнешь, пока вы гостуете. Повадились.

— Будешь бунеть, вовсе не приеду. Сиди, как волк, на своем хуторе. Как Витя Кравченко.

Виктор Кравченко был великим трудягой. Последний такой на хуторе. Он помер прежде срока «от сердца». Надорвался. Ведь днем и ночью в трудах непомерных: усадьба, земля, скотина да еще на Дону рыбачил. Там и вовсе. Сколько помню, всегда «в одного», зимой и летом. Худющий, носатый, в куцей продувной куртешке, веревкой подпоясанный. Лунки во льду бьет, сетку ставит, проверяет. Лед сойдет, плавными сетями работает, тоже — один, ночами. А днем огород «дурачий», как люди говорили. Гектара на два. И все — руками: лопатой, мотыгой. Огород — «плантация» да еще молодой сад, да еще скотину держал и птицу.

Конечно, хотел он, чтобы жена его так же «ломила». А она враскорячку: хутор и районный центр, поселок, где у них домик, учатся в школе дети. Потом она и работу там же нашла, поставив на хуторе крест.

«Не хочет работать, — жаловался на жену Виктор. — Здесь ей то жарко, то зябко, то спину ломит. Креслу бы ей мягкую, с подогревом, чтобы сип не чихал».

Порою он мечтал: «Мне бы такую жену как Паня Стишенкова. С ней бы мы потрудились».

«На камне хлеб добудет», — говорили про Паню на хуторе. Она вдовела, одна растила сыновей; уже без колхоза и его заработков, добывая «копейку» чем только можно.

Держала двух коров, молоко продавала, творог, сметану. Делала самогон, самый лучший на хуторе. Крепкий и не вонючий. На удивление всем, рыбачила: сетчонку поставит, вентерь; удочкой красноперку, плотву, окуня надергает даже зимой, мужикам нос утрет. Собирала шиповник, боярышник, грибы — всё на продажу. Даже сусликов, ящериц, змей по заказу ловила. И в конце концов, «сбив копеечку», уехала в районный центр, купив там домик.

Панина усадьба — на краю хутора, у кургана в затишке. Старый сад с могучими вековыми грушами, с вишневой, сливовой, терновой гущиной. Хорошо там сидеть в тишине и покое. Весной, утонув в белом цвете, в живом гуденье тварей летучих, в сладком духе. Или осенью, когда в маковках груш ветер шумит, а в подножье приятно, светло, по-осеннему нарядно. Багровая, желтая, алая листва даже в пасмурном дне светит и греет. Воздух прозрачен. Далеко всё видать: просторная долина, тополя да вербы над речкой в яркой желтизне, белые меловые обрывы.

Но Паня Стишенкова отсюда уехала, потому что.

— Как там воздух? — по телефону спрашиваю у супруги моего товарища. — Свежий?

— Приезжайте, очень свежий, — отвечает она, — не то что городской. Лысёна убрела, полдня искали ее. По грязюке, по яругам на карачках да на заднице лазили. Дышали.

Это понятно. Осень. Грязь.

— Приезжайте. Мошка кипит, недохнешь. Скотину заела. Дымари разводим на базу, в катухах, у курей. Сами прокоптились, не протухнем теперь.

— Приезжайте. На вертолете. Хлеба везите. Дороги перемело. Свету нет. Где-то провода оборвались. Вот и сидим с лампой. Керосин кончается. Совсем свежий будет воздух.

В телефонной трубке что-то трещит, разговор обрывается. Ведь там по-прежнему: столбы, провода, степь, вечный ветер. А может, просто надоели моей собеседнице эти разговоры «сытого с голодным», когда сидит она без электричества, без хлеба, в безлюдье.

Кажется еще недавно на хуторе, вокруг и рядом жили бабка Акуля, Фома Жармелов с женою Хомовной, Нюся-

татарка, сын ее — Васька, чеченка Полина, Вьючновы, кум Павло, тетя Катя Одининцева, старые Шахманы, Савва, Мишка Бахчевник, дед Федор да Федя-суслик, Витя Кравченко, Мишка Хухука, Чокovy. К телефону идут чуть не строем. Надоедят, хоть гони их порой.

Вроде еще недавно товарищ мой писал отчаянное письмо «К администрации всех рангов!»: «В хуторе проживают более ста двадцати жителей». Нынче их — на пальцах перечтешь. Перемерли, уехали, не вернутся. Последним хуторянам: Гавриловым, Адининцевым, Панкратьичу да соседке его бабке Ксене — перевалило за семьдесят лет. Старые люди, ветхие домишки, руины. Из новостроек за последние двадцать ли, тридцать лет, лишь гладкий, хорошо обтесанный столб, который водрузили в прошлом году возле подворья моего товарища. «Говорят, что какой-то будет телефон, вроде из космоса, — сказал тогда мне хозяин. И добавил: — Брешут, наверное. Кому это нужно...»

Оказалось, что «нужно». В нынешний мой приезд на белом, ошкуренном, еще не потемневшем столбе красовался под синим пластмассовым навесом ярко-красный телефон ли, таксофон. Все на месте и все чин по чину: трубка, кнопки, инструкция с картинками для неграмотных. Но возле столба и «таксофона» снег не утопан. Я подошел, поглядел, трубку телефонную снял и даже кнопки понажимал: 09, 01, 02, 03. Ответа, конечно, не было. Может потому, что, как явствовало из инструкции, для разговоров по таксофону нужны «карточки», которые можно приобрести в станице Голубинской, то есть далеко-далеко отсюда.

На хуторе, как и прежде, есть три обычных телефона: у моего товарища, у Юрия Старикова и в школе. А еще телефоны-«мобильники». В самом хуторе они молчат, потому что лежит он в ложбине; но поднимись на гору и «гутарь» со всем белым светом. Гору теперь зовут «переговорным пунктом». Туда при нужде и тащатся старые.

А этот приглядный таксофон обречен на долгое молчание. Очередная «программа», бюджетные деньги «на ветер», который дует напрямиком в чей-то «карман». Полто-

ры тысячи никому не нужных «таксофонов» установили в нашей области, на таких вот обезлюдивших хуторах. В Осиновке, где две чеченских семьи живут, в Большой Голубой, где тоже никого, считай, не осталось; хотели даже водрузить такой вот «столп» на Евлампиевском хуторе, где уже два десятка лет — одно лишь кладбище. Но где-то «числится» хутор и ему положен столб с таксофоном. Едва отбоярились в сельской администрации от такого подарка. А на мой взгляд, можно было и поставить. Недолгий, но памятник. Чему? Новому времени, новой экономике или старой дури?.. Мало ли чему. Впрочем, виноват: «дурь» — не при чем. Это, конечно, чей-то «бизнес» и, конечно, «коммерческая тайна». Но речь нынче вовсе о другом.

Этот столб с никому не нужным телефоном ли, таксофоном — единственная хуторская новостройка, считай, за тридцать переходных лет от колхозного социализма до нынешних дней.

При советской власти, в последних годах ее, когда областью руководил энергичный В. И. Калашников, возле хутора в короткий срок, за два года, возвели огромный животноводческий комплекс, который должен был, по задумке, оживить этот обезлюдивший край. Не хватило года ли, двух, чтобы сделать дорогу с «твердым покрытием». Она уже была спроектирована, геодезическую разметку провели; но грянула «перестройка».

С той поры началось разорение хутора. Сносили и снесли под корень: почту, магазин, клуб, просторную старую школу, бригадные мастерские, склады, амбары, большую часть того самого огромного «животноводческого комплекса», жилые дома. Все это, без ведома хуторян, большим и малым начальством кому-то продавалось, кем-то «приватизировалось», а потом разбиралось и увозилось, оставляя хутору лишь мусор.

И вот она — первая за четверть века новостройка: свежошкуренный белый столб с никому не нужным телефоном-таксофоном.

В двух шагах от новенького таксофона прижился еще один новосел: огромная серебристая тарелка не абы чего,

а Интернета. Школьное здание — старинный казачий курень, приземистый, под замшелой крышей. Общероссийская правительственная программа «Школа» ли, «Образование» нахлобучила ему эту серебряную, «космическую» явно не по Сеньке шляпу.

Когда я увидел ее, изумился, потому что знал: в начальной хуторской школе учеников кот наплакал. Было — двое, теперь — одна ученица из чеченской многодетной семьи, в которой еще пять ли, шесть сыновей. Девочка милая, приятно поглядеть, когда идет она из школы, особенно по теплому времени: аккуратная, принаряженная с бантами. И учительницу я, конечно, давно знаю. Но причем тут Интернет? Когда в первый раз увидел «тарелку» изумился. При случае спросил у Юрия — школьного сторожа, истопника, мужа учительницы.

— Интернет что ли в школе? Компьютеры?

— Нет, нет, — испуганно откrestился Юрий. — Всё в станице или в районе. А здесь только эту дуру прилепили. Боимся, как бы ветром не сдуло.

— Вместе со школой, — добавил я.

— Говорят, дорогушая, — доверительно сообщил Юрий. — А ведь могут и упереть. У нас на хуторе какой народ.

Я тогда долго смеялся, потому что главные специалисты по части «упереть» — это многочисленное потомство самого Юрия, во главе с папой. Теперь почти все они выросли, разбрелись кто куда, плодятся, но часто и подолгу гостюют у отца с матерью, при удобном случае прибирая в округе все «лишнее». Особенно порою весенней да летней, когда хутор и берега донские живут.

Но с другой стороны, Юрий с женой Людмилой и младшими сыновьями-подростками — это нынче единственное полное семейное гнездо русских людей на хуторе. Пусть не коренные, но старожилы, полвека на этой земле живут. Не поймешь: радоваться этому, смеяться или плакать? Но и они — жильцы здесь недолгие: ради единственной ученицы районные власти пока держат школу. Людмила — учительница, муж — истопник да сторож. Зарплату получают исправно. Вот и живут здесь. Как только «выучится» последняя ученица, Шахмановы уйдут в станицу.

Моей последней надеждой на хуторе оставался Юрий Стариков. Он — местный. По возрасту — собирался первый юбилей отмечать, пятидесятилетие. Юрий держал крупный рогатый скот, год от году расширяя стадо. Голов полтораста у него было. Собирался довести до двухсот. Обустроил огромное подворье: базы, загоны, телятник, крытый сеник; имел три трактора, машины, сена косил много. С давних пор я говорил ему: «Землю, землю бери. У тебя под боком луг погибает без хозяина. По речке вверх — попасы немеряные, пока ничьи. Оформляй землю. А то найдутся хозяева, потом «бумагу» тебе покажут, а ты останешься без попасов и сена». Эти разговоры я вел много лет. Но Юрий колебался, медлил. И только в прошлом году начал оформлять землю. Успел баню с парной построить и даже биллиардную комнату. Говорил мне, что свой гурт на летний попас отправит выше по речке, к Ситникову проезду. Там летом и зимой богатые корма. Говорил и уже построил домик на колесах для житья полевского. И землю тамошнюю оформлял в аренду.

Нынешней зимой Юрия застрелили. Не здесь, а в городе, где у него была квартира. До юбилея он не дожил. Погиб. А значит и хутору Большой Набатов пришел конец. В скорбном списке уходящих людских селений на донских берегах он — далеко не первый, но все равно жалко. На глазах умер.

Область Всевеликого войска Донского — край казачий. В юрте ли, округе станицы Голубинской, которой 400 лет от роду, было когда-то двадцать четыре хутора. И все — немалые. По пятьдесят, по сотне дворов и более. Большая Голубая да Большой Набатов, Липологовский да Осинологовский, Малая Голубая да Малый Набатов, Каменнобродский, Найденовский, Тепленький. У этой, донской земли долгая память, но оказалось: отмерян ее срок. На близкой памяти — десять да двадцать лет — помню хутора живые и помню последних жителей: Борис Павлович Лысенко в Евлампиевском, могучая Любаня из Большой Голубой; теперь там лишь кладбища. Вот и Большому Набатову пришел конец.

Из двадцати четырех хуторов Голубинской станицы в живых лишь один — Малоголубинский. Там есть началь-

ная школа, магазин, фельдшерский пункт. Но нет работы. Асфальтовую дорогу от станицы, какой-то десяток километров довели до середины и вот уже почти двадцать лет обещают достроить. Газопровод тоже обещают. Но пока «поспеют каньши» не останется от хутора ни души.

Последний донской хутор донской станицы Голубинской.

Нынешней весной президент России принимал ли, проводил совещание с руководителями нынешнего казачества. «Картинка» по телевизору: хорошие лица, как у нас говорят, «сытенькие». «Асфальтовые» казаки, городские. Вспоминаю одного из таких. В девяностые годы сплошной демократии он мыкался с одного городского митинга на другой. При казачьей форме, при сабле, при каких-то крестах. Везде длинные речи держал. На одном из собраний пытался его урезонить руководитель Иловлинской районной администрации: «Ты же землю просил, мы тебе дали. Земля — в бурьяне, а ты все шумишь возле памятника Ленину».

Резоны не помогли. Ответ был простой: «Глобально надо решать! А ты со своей землей!» Это у казачьего «генерала» Григория Мелехова «набитые музлями руки». А нынешние о чем говорили на совещании у президента?

Обращаюсь к газетам, ищу. «Российская газета», официальная, поместила лишь фотографию: Медведев и казачьи генералы. О чем говорят — молчок. В нашей областной газете «Казачий круг» информация более подробная: «Решались важные вопросы, в том числе: о форме и знаках различия, наградах и поощрениях, символах и знаменах, чтобы все было в едином стиле и соответствии с геральдикой».

Не будут же «генералы» голову ломать о дороге на хутор Малохолубинский. Ее обещают достроить уже двадцать лет. Нынче, в 2009 году, виноват то ли «мировой кризис», то ли предстоящая зимняя олимпиада в Сочи.

Последний хутор когда-то могучей донской станицы Голубинской, которой четыреста лет и которая тоже дышит на ладан.

Среднюю школу здесь построили на пятьсот учеников. Сейчас их — сотня, на такую громаду. Не хватает учителей.

Приходится их возить из райцентра, десантом. Не могут подобрать крепкого директора школы, взамен ушедшего на пенсию. В местной больнице нет молодых врачей, медсестер. Все держится, как и в школе, на пенсионерах. Этот «кадровый голод» можно было решить, пригласив специалистов-«беженцев» из республик бывшего Союза. Для этого нужно жилье. Четыре двухэтажных дома еще можно восстановить. Но как всегда: нет денег. В детском садике осталось одиннадцать детей. Просторное двухэтажное здание наполовину закрыли, до времен лучших, которых не будет. Впору еще половинить.

Умирает школа. Умирает больница. Совхоз «Голубинский», потом МУСП, потом ООО и ОАО сошел на нет, а значит — повальная безработица. Какое будущее у этой казачьей станицы, которая крылатилась по округе на двадцать четыре хутора, а сейчас остался один?

Об этом на совещании казачьих генералов у президента разговоров, конечно же, не было. Решали «глобально». Еще одного генерала поздравил президент и вручил погоны. Но над кем «генералить»?

«Казачьему роду нет переводу», — вспомнилось мне.

Не берусь судить о казаках уральских, забайкальских, терских ли, кубанских. Но думаю, что их судьба такая же горькая, как наших, донских: голубинских, набатовских, пятиизбянских...

Началось это не вчера и вершилось не вдруг.

Войны: Первая мировая, а за ней — страшнее, Гражданская.

Директива Оргбюро ЦК за подписью Якова Свердлова: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. (А кто «богатый»? Имеющий пару быков и лошадь? — Б. Е.) Конфисковать хлеб» (а значит, остальных голодом уморить. — Б. Е.). «Очистительное пламя должно пройти по всему Дону. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции» (Лев Троцкий, председатель Реввоенсовета).

«Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо будет рано или поздно истребить, просто уничтожить физически» (Рейнгольд, член Донревкома).

Не десятки, а сотни тысяч (называют в разных источниках более миллиона) донских казаков погибли в боях, расстреляны, умерли в тюрьмах, спасаясь, уплыли из Новороссийска и Крыма в Турцию и далее разбрелись по миру.

Это был первый, самый тяжкий и опустошительный удар по донскому казачеству. Недаром в те же годы началось массовое переселение на обезлюдившие казачьи земли крестьян из соседних областей, расчленение Области войска Донского с передачей его земель Украине (Луганская, Донецкая губернии), Воронежской, Саратовской, Царицынской губерниям. Но этот удар не был последним.

Донские казаки всегда жили землей: пахали, сеяли, разводили скот.

Пришла «коллективизация», а с ней — «раскулачивание». И опять — десятки тысяч самых трудолюбивых, а значит, «зажиточных» казаков морили в тюрьмах, везли эшелонами, а потом баржами по северным да сибирским рекам, вместе с малыми детьми в края полярные или в пустыни.

А потом были «дела колосковые». И был 1937 год. Снова — тюрьмы, снова — расстрелы и ссылки.

Сколько казачьих жизней в эти годы погублено?.. Кто их считал?.. Местный журналист Н. Ф. Степанов по архивам ФСБ установил, что только в двух хуторах, Качалинском и Гуреевском, только в 1937 году были расстреляны и сосланы в исправительно-трудовые лагеря сорок восемь казаков. Домой вернулись только двое, в 1949 году. На этих хуторах было сто два двора.

А через четыре года, с этих же хуторов на войну были призваны восемьдесят семь казаков. Вернулись с войны очень немногие.

Казачий край становился краем вдов, сирот, безмужних девок-«вековух». Он естественно вымирал, теряя и теряя своих мужиков, хозяев. И в первую очередь хозяев крепких, зажиточных, не «востропузую чигу», не голь перекадную, а донских казаков, которыми ставился этот край и славился, кормил себя и других, охранял свои земли и всю Россию,

берег вековые нравственные законы семейного и общего жития. И потому «казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции». Этот приказ Троцкого исполнился не вдруг. Не вязанку хвороста жгли, а Всевеликое войско Донское, которое «надо будет истребить, просто уничтожить физически» (Рейнгольд).

Уничтожали, искореняли, считай, целый век. С октября 1917 года. Искоренили. Простой пример.

В конце прошлого века, после земельных реформ на земли бывших колхозов, не в один день, а в два-три десятилетия пришли новые хозяева. В нашем районе они теперь широко известны: семья Штепо, А. Б. Колесниченко, Н. Н. Олейников, Осипов, А. И. Кузьменко, С. М. Якутин, В. В. Крючков и другие — все они прежде работали в коллективных хозяйствах. Нынче у каждого из них тысячи и десятки тысяч гектаров пашни, элитные молочные фермы, поливные земли. Все начинали, как говорится, «с нуля». Опытные хозяева, умные люди, настойчивые, трудолюбивые. Потому и получилось.

В Задонье, в казачьих Голубинских да Пятиизбянских краях таких людей не оказалось. Охотников было много. Их сотнями можно считать. Были и все сплыли. На сегодняшний день лишь несколько хозяев: Синицын, Семерников, Дубовов, Пушкин работают, как говорится, «для собственного прокорма». Сотня-другая гектаров земли: бахчи, подсолнух, ячмень, пшеничка, просо. Кое-какая техника. Перспектив развития нет. Кормятся сами, и слава богу.

Еще один пример. Лет десять назад, а может, и более, когда началось «возрождение казачества»: митинги, «круги» да сходы, в основном, в городах, выборы атаманов, лампасы, фуражки и прочее, в ту веселую пору в станице Голубинской районные власти решили создать конно-спортивную школу. Подыскали помещение, привезли лошадей, корма, сбрую, технику для заготовки сена, зарплату установили «штатным» работникам и передали всё станичному казачьему обществу: «Владейте и возрождайтесь!» Потому что: «Без коня казак — сирота», «Казаку конь себя дороже», «Казак сам голодает, а лошадь сыта» — старинные и вовсе не пустые казачьи пословицы.

Но кони в «казачьем обществе станицы Голубинской» сталидохнуть и вовсе куда-то пропадать. Кормов и ухода не оказалось. Пришлось эту затею оставить. «Не к рукам цимбалы» — тоже старая казачья поговорка. Очень верная.

Это, считаю я, показатель того, что настоящий хозяин в задонских казачьих хуторах уничтожен революцией, Гражданской войной, коллективизацией, «тридцать седьмым годом». Расстреливали, губили в тюрьмах, высылали на Север. И снова расстреливали, «кратировали», лишали права жить и трудиться на этой земле. Сиротили и вдовили донскую землю, забирая и забирая лучших работников, пахарей, казаков, просто мужчин.

Какое-то спасенье, новую мужскую (конечно же, не казачью!) кровь принесли в наши края заключенные, которые строили после войны Волго-Донской канал. Здесь было около десятка лагерей, двести тысяч заключенных, которых порой освобождали, «условно» или напрочь. Многие оседали в наших краях. Только у меня в ближних соседях помню Петра Семеновича Веденева, Сергея Михайловича Тимоничева, Абрама Астафьева, Кузьмича, тети Мотиного Андрея. Они отбыли срок, присватались к вдовам, стали своими. Но это было уже потом, в годах пятидесятых.

А сначала — всеобщий голод, и не один, Великая Отечественная война, послевоенная разруха, снова — голод и голод. Повторю: донские казаки — это станичники, хуторяне, крестьяне, потом колхозники с пустыми «палочками»-трудоднями, с судьбой «крепостного», не имеющего права уйти из колхоза, ведь им даже паспорта не полагалось.

От такой жизни бежали из хуторов и станиц при первой возможности. А уж детей тем более старались вытолкать в город, в город, в город. К лучшей жизни, к лучшей судьбе.

Донские хутора пустели. Не помогли даже новые времена: «оттепель» пятидесятых годов, когда сельчане наконец-то наелись чистого хлеба, без лебеды, желудей и прочих добавок; и когда им наконец стали выдавать паспорта. Тут и вовсе, уже по закону, стали уходить в города, в поселки, на заводы, на стройки.

И тогда, волна за волной, покатили в наши края переселенцы: подмосковные шахтеры, после закрытия тамошних шахт; селяне из Белоруссии, Чувашии, Мордовии, северных да центральных областей России, которым жилось вовсе несладко; потом объявились «целинники» и прочий народ, охочий до «единовременных безвозвратных денежных выплат на переезд, обустройство» и бесплатное жилье, которое начали строить для переселенцев. Но в то же время власти высокие, по соображениям тоже «высоким», идейным урезали приусадебные участки, ограничивали количество скота на подворье, объявляли хутора «неперспективными», закрывая там школы, фельдшерские пункты, отключая электричество. Потом началась «перестройка», «приватизация», «сельский капитализм». Сельский, а значит, казачий исход продолжался.

Осенью 1994 года в очерке «Последний рубеж» писал я: «Не провели семь километров дороги. Закрыли магазин. Не возят детей в школу. Пожалели копейку на фельдшера. Обидели невниманием старых, и вот уже разошелся хутор. Уходим. Бросаем за хутором хутор, оставляя на поруганье могилы отцов и дедов. Похоронным звоном звучат имена ушедших. Зоричев, Тепленький, Соловьи. Уже вслух говорят и кричат, что не мы, а иные народы — хозяйева донской степи».

Теперь, спустя пятнадцать лет, можно твердо сказать: «Ушли». На Большой Голубой, в Осиновском, Ложках, Большом да Малом Набатове, на Козловской, на Осипове, на Фоминколодском, на Гремячем ключе, на Венцах — везде и везде на месте бывших хуторов селенья иные: один ли, два дома, гурт крупного рогатого скота, овцы, козы. Хозяйева — чеченцы, азербайджанцы, дагестанцы. Многие живут здесь подолгу. Появились они еще при колхозах и пережили их, приспособились к временам новым. Теперь на райцентровском базаре они торгуют не только мясом, но молоком, творогом, сметаной, чего еще десять лет назад не было. Нужда заставила. Научились. Думаю, ко всеобщей пользе.

«Всеобщая польза» — не красное словцо. На этих задонских землях, не больно богатых, четыре ли, пять веков

жили донские казаки, которые не только воевали, охраняя эти края, но, главным образом, работали на земле, занимаясь, в основном, мясным скотоводством, коневодством, овцеводством.

Просторные степные попасы, довольно теплые зимы, позволяющие содержать скот на подножном корму круглый год. Так было всегда.

Теперь, когда колхозное производство, а с ним — невыгодное зерноводство на тощих землях ушло и уходит в прошлое, на месте старых хуторов, в новых селеньях-аулах чеченцы, даргинцы, азербайджанцы занимаются все тем же мясным скотоводством, традиционным для этих народов ремеслом.

Поселенцы из краев кавказских начали приходить сюда лет тридцать назад. Конечно, не от хорошей жизни: спасаясь от малоземелья, безработицы, потом от беспокойного времени и войны. Чеченцев, ингушей, даргинцев порою зазывали, привозили, особенно в края глухие: калачевское Задонье, Сурувикинский район, Клетский, Чернышковский, потому что с чабанских «точек» уходили местные люди и некому было заниматься овцеводством.

По переписи 2002 года чеченцев в нашем районе было уже около тысячи; примерно столько же других кавказцев: азербайджанцев, грузин, ингушей, лезгин. Причем живут они не в райцентре, не в крупных поселках, а на бывших хуторах, оставленных местными жителями, на просторной земле.

И коли речь зашла о переписи 2002 года, добавлю факты любопытные: в переписных листах один человек в районе заявил себя ассирийцем, один — горским евреем, один — караимом, двое — лугово-восточными марийцами (просто «марийцев» — 253), один — ненец, один — якут, и восемьсот восемьдесят восемь казаков. Это — национальное самосознание, позволенное нынешним временем. Всего населения в районе, по той же переписи, 62 228 человек.

Хоть и говорят, что цифра ли, статистика вещи «упрямые», доказательные, но для нас — людей обычных — они достаточно эфемерны. «Мало ли чего нарисуют». Более доказательна — жизнь.

На хуторе Большой Набатов, с которым я нынче прощаюсь, из коренных жителей осталась лишь горстка стариков, которые не сегодня завтра уйдут отсюда. Молодых нет. А вот у чеченца Алика, который поселился здесь двадцать лет назад, пятеро сыновей, взрослая и малая дочери. В хозяйстве его сотни полторы крупного рогатого скота, сотня ли, поболее коз, недавно появилось полсотни овец. У него есть два колесных трактора, сенокосилка.

А главное, сыновья-помощники. Они доят коров, пасут скотину, базы ремонтируют — словом, без дела не сидят.

В нынешний зимний приезд встретил я его старшего сына, парня рослого, работающего. С дневного попаса встречал он коз да еще с полсотни овец, которых я прежде не видел. Поздоровались. Я спросил про овец. «Купили, — услышал в ответ. — Хорошая порода, эдильбаевская мясная. Есть спрос, пробуем». (До начала «перестройки» поголовье овец в нашей области перевалило за два миллиона. Теперь наберется тысяч пятьдесят, и то слава богу. Так что спрос на баранину, конечно, же, есть.) Поговорили о погоде. Молодой мой собеседник пожаловался: «Скучно у нас. Скотина да скотина. Редко когда в Голубинку съездим, и всё».

Но жалобы на скуку, думаю, просто для разговора. Парню уже лет двадцать. Главный помощник отца, считай, хозяин. Хвалят его, он — всю скотину свою знает «в лицо»: сколько лет, когда корова «гулялась», когда ей телиться и прочее. Отец купил на хуторе еще два подворья, с жилыми домами, базами. Вот-вот женит старшего, разделит его.

Младшие сыновья останутся пока при отце. Пока. Школьной учебой никого из них не обременяли. Главное занятие — хозяйство, скот. В этом деле, жизненном, они преуспевают. Порою, как все мальчишки, играют в футбол, установив недалеко от дома жердевые ворота. Но эта забава — минутная. Главное работа, та же, что у отца и матери, и у старшего брата. Дело нынешней и завтрашней жизни, которая будет протекать на хуторе Большой Набатов или рядом, неподалеку. Отец их говорил, что собирается будущим летом отправить свой гурт на попас в Евлампиевку, которая нынче вовсе пустует.

Еще одно подворье на хуторе для своего старшего сына купил Азиз — единственный житель соседнего Малого Набатова. Так что безо всякой статистики понятно, какое будущее у когда-то действительно Большого Набатова, ныне умирающего казачьего хутора.

Это — жизнь. Он нее не отвернешься. И слава богу, что после ушедших казачьих хуторов осталось не дикое поле, а пастбищное мясное скотоводство и овцеводство, которым занимаются люди, привычные к этому ремеслу: чеченцы, аварцы, азербайджанцы, ингуши, грузины. Но нельзя умолчать об ином, очень важном.

Лет пять назад обиделся на меня местный чеченец, назовем его Ваха. При встрече сказал: «Пишешь, что это чужая земля, не моя. Нет — моя. Я здесь работаю, а вы водку пьете». Кто такие «вы», осталось без ответа.

На вопрос, чужая эта земля для Вахи или своя, ответила жизнь: не здесь он родился; дай ему Бог ли, Аллах долголетия, но умрет тоже не здесь. И дети его разлетелись даже прежде отцовского ухода. Вот и получается: прожил тридцать лет, но на хуторе чужой. А отсюда и образ жизни: ничего здесь не мило, не дорого: ни люди, ни земля, ни вода. Прежде мы порою с ним мирно беседовали. Хутор и его жителей он ругал: «Плохие здесь люди». Но пробыл среди «плохих людей» почти век, доброй памяти не оставив. Его последнее подворье — в подножье Прощального кургана, возле Дона и лесистого займища. Вахина козья орда в двести голов стравила под корень и вытоптала Прощальный курган, а по низине, над речкой, превратила в пустошь, толоку когда-то просторный и щедрый луг; год за годом, зимою губила весь молодой подрост береговой тополевой рощи. Козе ведь самая сладость похрумтеть тонкими ветками да ободрать кору молоденьких деревьев. И такое — из года в год. В какой-то из своих работ Энгельс писал о том, что козы сгубили Древнюю Грецию и превратили север Африки в пустыню Сахару. Недавно прочитал в журнале «Наука и жизнь» о такой же трагедии острова Святой Елены: «большую часть его покрывали густые тропические леса. Прошло меньше трех столетий (с XVI века, когда открыли остров), и остров оказался почти голым. Пропали

густые леса, не стало пышной растительности». Все это «просто-напросто съели козы! Несколько коз завезли первые поселенцы и дали им полную свободу, и они съели даже огромные эбеновые деревья».

Виноваты, уточню я, не козы, а хозяева коз. У нас донскую пуховую козу в хозяйстве держали всегда. В любой семье пряли пух и вязали из него теплые головные платки, носки, варежки, шарфы. Для себя, а в трудные времена — для продажи. В тяжелые годы пуховым промыслом спасались, на хлеб зарабатывая. Недаром в городке Урюпинске, что на Хопре, поставили памятник донской пуховой козе.

Пасти козье стадо очень трудно. Животина нравная: лезет на самые кручи, что твой альпинист; даже на деревья карабкается. Мекекекнет и мчится, очертя голову. Коз пасти трудно. Но их разводили, пасли с большим приглядом, сберегая землю и округу. На луга да в займище коз никогда не пускали. Там — сено, там — лес. Беречь надо. Так было при казачестве и при колхозах.

Вахины козы паслись вольно. Для них и для их хозяина запретов и указов не существовало. Вот и погубили округу. Теперь Ваха уехал, доброй памяти о себе не оставив. Он травил и людей, торгуя не самогоном, который у нас дело обыденное, а каким-то поганым пойлом. Сколько душ он сгубил, знает лишь Бог. Он бесстыдно скупал краденое; обманывал людей, которые на него работали; а уж несчастных «бичей» содержал хуже скотины, бил их. Последний бедолага, сбежав от хозяина, умер на пороге станичной больницы.

Своего дома, собственного, за тридцать лет жизни на этом хуторе он так и не построил, жил в совхозных, переходя из одного в другой. Хуже того, он полхутора, считай, разорил. Лишь останется чей-то дом без хозяина, без пригляда, там уже Ваха — словно черный ворон — копошится, старается: снимает шифер, выдирает полы, двери да рамы. Все приберет. Сначала — ночью, а потом уж и белым днем добирает остатки.

Говорю об этом человеке вовсе не потому, что хочу укорить его соплеменников всех разом. Но как не спросить:

кто стал хозяином этих донских просторов? Земли, воды, выпасов, займищного невеликого леса.

При старом, дореволюционном порядке хозяином было казачье общество, круг, который избирал хуторское правление, атамана. Последнего набатовского атамана по имени Финака помнят и через век. Погубить хуторской луг, запустив туда на пастьбу коров или тем более коз, было делом невысказанным. Даже на телеге по лугу нельзя было проехать. Следили за родниками, чистили их каждый год. Хворост на плетни и чакан на крыши рубили в одно время и в определенных атаманом местах. Словом, в хуторской и станичной округе хозяин был.

При советской власти командовал председатель колхоза или управляющий объединением. Тот же луг берегли. С него накашивали сена на весь совхоз.

Теперь нет ни казаков, ни колхозников, ни атаманов, ни председателей. У нынешней сельской администрации много обязанностей, но мало прав.

Степь горит два ли, три раза за лето у всех на глазах. И никто не тушит. Выгорают вековые деревья в лесистых балках, займищные лес, лесопосадки, не говоря о травах. Уже не осталось ни смородины, ни жердел-абрикосов, ни обыкновенного «сибирька» для веников. Все родники скотина, затоптав, превратила в болота. Пастьба скотины по редким теперь озимым хлебам — дело обычное. Выпасы да бывшие сенокосы превращают в толоку. Хозяина нет. А всякий дом, большой или малый, держится хозяином. Это — вековой закон.

Но кто теперь хозяин в Набатовке, Большом или Малом, в той же Большой Голубой, в Осиновке?

Жители коренные ушли с хуторов и теперь не вернутся. Новые поселенцы, на мой взгляд, пока остаются временными насельниками, приехавшими на заработки. Тридцать лет они живут на этой земле, сменяя друг друга: одни уехали, другие на их месте селятся. За все эти годы знаю лишь один новый дом, построенный Русланом Дадаевым в Голубинке. А прежние, коренные жители первым делом строили дома для себя, для детей и внуков, которым здесь жить.

Еще одно, очень важное: всех умерших новые поселенцы хоронить увозят в Чечню, в Дагестан, на родину. Значит, эта земля — не своя. Большинство кавказских семей живут на два дома: здесь и на родине. Дети, родители, братья, сестры. Уезжают, приезжают, работают, снова уезжают.

У нас жили и живут татары, калмыки, казахи, мордва, чувашаи, не говоря о братьях-славянах. Женятся, выходят замуж, на национальность не глядя. А вот с кавказскими выходцами смешанных браков нет. У них свой круг. «Помаатросить» и бросить могут. Но замуж русскую ли, украинку не возьмут.

Еще одно: для всех очевидное, порою (особенно у молодых), показное пренебрежение к обычаям, нравам, вековым житейским законам здешних людей. Угон чужого скота — событие рядовое, почитаемое чуть ли не доблестью. Отношение к молодым женщинам, девушкам. Недаром стихийные массовые протесты не раз вспыхивали в Клетском, Ленинском районах, в той же Голубинской. Власти гасили их пустыми обещаниями. А что делать? Выселять не получится. Не получается даже диалога. Где-то уже писал я, как могучий десант руководства Калачевского района во главе с начальниками всех «ветвей власти», в том числе «силовых», прибыл в поселок Крепь для серьезного разговора с «кавказской диаспорой» по поводу. По многим поводам, о которых я упомянул. Начальство прибыло. Но разговора не получилось. Другая сторона на встречу демонстративно не явилась, показав, кто на этой земле хозяин.

И когда все это вместе сводится: дом, родительские могилы, браки, то невольно появляется мысль о том, что донская земля для этих людей тоже чужая. «Помаатросил» и бросил. Раньше говорили откровеннее: «Поживу десять лет, построю дом в Грозном и уеду». Потом была война. Нынче, слава богу, утишилось.

Но ведь по-прежнему пасут на чужих хлебах скот, до голой земли «выбивают» луга, губят невеликие леса, займища; две сотни голов скота, и нет ни гектара земли, хотя бы в аренде. Это чтобы «земельный налог» не платить.

А ведь нынче кончилось время неопределенности, когда гадали и думали: «братъ» землю или «не братъ», оформлять по закону или погодить? Который уже год состоявшиеся фермерские хозяйства поверили и поняли: обратного пути не будет и потому активно занимаются межеванием, регистрацией, получая законное право уже на сотни, на многие тысячи гектаров земли. В Задонье, в Голубинской округе по-прежнему тишина; тысячи голов скота пасутся и кормятся на «ничейной» земле. Казачество вывелось и ушло, для новых поселенцев тридцать лет, может, и не срок. Но пример земель, превращенных в пустыню, он и для нас урок.

Кто новый хозяин этой просторной русской, донской земли? Ответа нет.

Мой зимний путь от хутора Большой Набатов до станции Голубинской был неспешен и потому долог.

Славный солнечный день. Просторное лоно замерзшей реки. По левую руку — молчаливое лесистое займище; справа — высокие обрывистые холмы, надежный укрыв от ветра.

Заглянул я и в займище. Там — тихие озера с редкими бобровыми хатками. Снегу нынче выпало мало. И потому замора рыбы в озерах не будет.

Побывал в займище, миновал Малоголубинский хутор, дремлющий в зимнем, стариковском бытѣ: ни рыбаков на льду, ни ребятишек с клюшками ли, санками. Шагал и шагал по льду, а потом стал подниматься на высокий берег, к Городищу.

Этот древний курган, словно могучий богатырь, уже многие тысячи лет высоко вздымается над округой, охраняя покой земли и воды. Все он видит, все знает, но молчит. Потому что род людской, суетный, муравьиный мудрости высокой постичь не в силах.

Приходит ветер и уходит ветер, словно пыль сметая могучие племена и великие государства.

Сколько было здесь славных витязей, могучих пахарей и черного люда, уже в пору недавнюю: казаки, мужики, голытьба, «востропузая чига», «иногородние», «белые»,

«красные». Кровь и вражда, вражда и кровь. И земля всех принимает, кормит, потом покоит; а ветер сдувает память. И попробуй пойми: чья это земля?

Только вчера, еще живой, великий трудяга Виктор Кравченко, чуя скорый уход, предлагал новому соседу: «Купи мою усадьбу, мою землю!» Новый поселенец лишь плечами пожал: «Зачем? Ты уйдешь и землю с собой не возьмешь. Она здесь останется», — сказал он; не ведал, но простодушно повторил прозвучавшее еще во времена библейские: «Род преходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки».

Вот она — вечная истина. Понять ее можно. Труднее принять. И не только нам. Примеров тому не счесть. Но свое — больнее.

Конечно, Россия — страна немалая. Но внимательно поглядите на карту: ведь больше — Сибирь да Сибирь. А от Руси исконной, что на Русской равнине, разве много осталось? На Запад уплыла Малороссия, на Восток — просторные уральские степи, и наше Междуречье, словно живое горло, сжимается до узкого перехвата. И кажется, что вот-вот оборвется, отрезая самые богатые земли: Кубань, Ставрополье, низовья Волги и Дона, Причерноморье.

Шестьдесят пять лет назад, освобождая от врага Задонье, советский воин майор Кузьминых, чувствуя сердцем свою гибель, в короткий час успел полюбить эту красивую землю и наказал в случае смерти похоронить его на высоком кургане, над Доном. Месяц спустя он погиб под Сталинградом. Боевые товарищи его волю исполнили, привезли сюда, похоронили. «У майора» называется это высокое место возле хутора Большой Набатов: широкий простор, донские воды, вольный ветер.

В ту же военную пору на вечный покой приняла земля Прибалтики своего воина-освободителя Василия Черняховского. Но спустя полвека пришлось тревожить его прах, чтобы избежать поруганья на вчера еще нашей земле.

Мы по-прежнему отступаем, отдавая землю свою за рубежом — рубеж. Уходим. И не придется ли скоро тревожить прах майора Кузьминых и увозить его из Задонья

куда-нибудь к Уралу, в Сибирь? Просторна Россия-матушка.

А горечь униженья скрасим звоном бокалов да праздничным салютом в честь наших бывших побед.

СОДЕРЖАНИЕ

Дела «колосковые»	7
За дровами	27
В дороге	58
Пожар в Кузнецях	90
Глухомань	125
Нынешний февраль	186
В снегах	209
Возле старых могил	227
Десять лет спустя	243
Итоги тринадцатой «пяtilетки»	269
Люди и земля	285
На распутье	300
Надейся лишь на себя	329
Новое начало, или На колу — мочало	342
Оставленные хутора	369
Последний рубеж	393
Размышления о «земле» и «воле»	415
Четвертая сила	436
Прощание с колхозом	456
Прощание с хутором	484

Литературно-публицистическое издание

БОРИС ПЕТРОВИЧ ЕКИМОВ

ПРОЩАНИЕ С КОЛХОЗОМ
очерки разных лет

редактор
Лариса Спиридонова

художественный редактор
Валерий Калныньш

корректор
Ирина Машковская

Подписано в печать 10.10.2009.
Формат 84×108 1/32. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,9.
Тираж 2000 экз.
Заказ № 618.

«Время»
115326 Москва, ул. Пятницкая, 25
Телефон (495) 951 5568
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

В последние десятилетия, когда, кажется, само существование русской деревни выпало из нашего поля зрения, не говоря уж об окованном искусстве, — Борис Екимов вошел в литературу новым писателем-«деревенщиком». Во множестве ярких рассказов и очерков Екимов рисует мало кому знакомую обстановку нынешней сельской местности, с ее новым бытом, манящими возможностями и крутыми угрозами. Этот живой поток екимовских картин, раздвигая наши представления о непростой жизни сегодняшней деревни, помогает восстановить, хотя бы мысленно, единство национального тела. А уж как интересно послушать суждения из донской глубинки — о событиях новейших.

А. И. Солженицын

